



**ХРАНИТЕЛЬ
ПОДЗЕМЕЛИЙ**
Георгий Силуянов

Империя горхолдов стремится к мировому господству. Ее правитель — могущественный чародей и безжалостный тиран, уверенный в превосходстве своей расы над остальными. Горхолды проиграли в древней, позабытой всеми, войне. И собираются взять реванш. Герои древности давно мертвы, а народы Ранкора погрязли в распрях и интригах. Никто не подозревает о готовящемся вторжении. Удастся ли им объединить силы и дать захватчикам отпор прежде, чем мир поглотит мрак?

Предисловие

Эта книга — от начала и до конца плод моего воображения. В ней нет прямых упоминаний о существующих или существовавших раньше людях или местах, исторических событиях и вообще о чем-либо, связанном с реальной жизнью. Это произведение было создано главным образом для развлечения и отдыха. Но если оно сможет дать читателю какую-то пищу для размышлений, я буду считать это поводом для гордости.

Пролог: «Забытая война»

За пару дней до падения Заргула и первого года Новой Эры.

Огонь с треском пожирал хворост. Уже сгущались сумерки, но всю эту безоблачную ночь они просидели у костра. Неподалеку солдаты разбили огромный лагерь. Некоторые возбужденно обсуждали прошедшие и предстоящие битвы. Кто-то упражнялся в боевом искусстве или ухаживал за оружием. Другие сидели с хмурым или отрешенным выражением лица и пытались побороть страх гибели. Лишь на соседнем холме, у костра, двое мужчин и женщина сохранили в душе остатки умиротворения. Зеленоволосая дева в потрёпанном балахоне, существо, похожее то ли на рыбу, то ли на амфибию, одетое в голубую тунику и броню, крылатый мужчина с желтоватой кожей, облаченный в яркую золотистую мантию и чем-то напоминающий человека. Каждый был магом, но ни один не имел при себе ни посоха, ни жезла. Как всегда, они держались вместе, но сидели молча. Девушке с зелеными волосами впереди почудилось какое-то движение, она напряглась, заподозрив опасность.

— Гляжу, вы малость приуныли, — в темноте показался смутный силуэт, — друзья мои.

На свет вышел седобородый старец белом плаще. С дружелюбной улыбкой он оглядел троих и продолжил:

— Составите старику компанию?

— Мастер Калтахин, — склонили голову крылатый и чешуйчатый.

— Учитель? Слава Илгериасу, вы живы, — воскликнула девушка, расширив глаза янтарного цвета.

— Конечно, жив, Анлариэль, — с кряхтением опустился на землю Калтахин, — я и не собирался умирать.

Анлариэль обменялась удивленными взглядами с друзьями. Никто не мог догадаться, зачем этот старик вернулся.

— Вы надолго пропали, мастер, — неуверенно произнес чешуйчатый, — нам тяжело пришлось без вашей помощи.

— Я знаю, Кесилор.

— Мы многое успели потерять, — продолжило земноводное существо, — многие погибли, сражаясь с нашим падшим братом. Заргул не просто сошел с пути, он сделал из своего народа мощнейшую боевую машину. Он хочет заставить всех нас служить его народу. Беспощадные варвары-равшары во главе со своим помешанным на черной магии вождем на его стороне. Наш брат пал в жестокой битве с этой тварью.

Анлариэль поежилась от этих слов. Речь шла об очень близком ей человеке, все это знали.

— Знаю. Жаль Насгарила. Его смерть не должна быть напрасной, — ответил старик.

— Вмешайтесь вы, и, возможно, эти ужасы не стали бы реальностью. Может быть, Заргул и остался бы прежним.

— Не остался бы. Он сделал свой выбор осознанно и теперь должен за него ответить,

— процедил сквозь зубы крылатый.

— Осознанно или нет — правды мы можем не узнать никогда. Но у меня нет задачи решать проблемы этого мира, Кесилор, — сверкнул глазами Калтахин, — это бремя лежит на вас, ведь не я, а вы полностью принадлежите ему. Я лишь направляю вас, учу, чтобы вы могли это сделать.

— Мы несем большие потери, — сказала Анлариэль, — я не успеваю лечить раненых, их слишком много. Погибших еще больше. А силы Заргула на подходе. Разведчики сообщили, завтра они уже будут здесь. Мы можем не выстоять.

— Мы стараемся делать вид, что держим все под контролем и знаем все ответы, — сказал Кесилор, оглядываясь на полный беспокойства и суеты военный лагерь, — подаем людям пример. Они не догадываются, что сейчас мы испытываем то же, что и они.

— Так и должно быть. Вы не боги, хотя многие иного мнения. Но вы сильные маги, я неплохо вас обучил. В этом лагере, — старик махнул рукой на скопление палаток и огней невдалеке, — люди и все остальные расы, и народы этого мира, за исключением равшаров и сородичей Заргула, готовятся к бою. Они едины и сильны духом. И кто их здесь собрал? Один человек. Даже не маг! Смертный воин. Любого из вас по одиночке силы Заргула могут одолеть. Но всех вместе, — он потряс кулаком, — ни за что! Даже если идет речь о тех, кто не обладает никаким могуществом. В этом и есть настоящая сила, если вы еще не поняли, дорогие ученики.

Они немного помолчали, с этим было сложно поспорить.

— Вы правы, учитель. Простите нашу слабость, — улыбнулась Анлариэль, — возможно, нам действительно не хватает вашей мудрости.

— За слабость не нужно извиняться, ее нужно преодолевать. Впрочем, я пришел лишь удостовериться, что все идет как надо. Вижу, вы не настолько потеряны, как казалось вначале. Теперь я могу уйти со спокойной душой, — он поднялся.

— Уверены, что не хотите хотя бы увидеть исход завтрашней битвы? — спросил Халтаар.

— Незачем. Я и так его непременно узнаю. Уверен, дальше вы справитесь. Но удачи вам. Не забывайте, чему я вас учил.

Он начал спускаться с холма. Гул и лязг оружия все еще доносился со стороны лагеря, к небу поднимались струи дыма из палаток.

— Мастер! — окликнула его Анлариэль, — мы ведь увидимся снова? Когда-нибудь. Если, конечно, переживем завтрашний день.

Он покачал головой.

— Нет, моя дорогая, больше не увидимся. Я отыграл свою роль в полной мере. Но не об этом вам сейчас следует думать.

Он зашагал дальше и скрылся за изгибом холма. Когда Анлариэль заглянула в то место, Калтахина уже след простыл. Солнце тем временем начало подниматься, а время шло, приближая неизбежное.

— Они идут! — с криком прибежал запыхавшийся разведчик.

Новость тут же разнеслась по лагерю. Люди и иные существа засуетились, готовя оружие и выстраивая защитную линию.

На вершине земляного вала, который за неделю успели вырыть бойцы, стояли двое, всматриваясь вдаль. На горизонте уже показались первые движущиеся к ним фигуры.

— Вот наши гости и пожаловали, — сказал вождь крылатого народа флорскелов Гартхаэл Громовержец, — окажем им теплый прием, а, Ранкор?

— Разумеется, — усмехнулся человек, сжимая рукоять меча, — как же иначе!

— Ты собрал нас всех. Убедил меня, короля флорскелов, правителя Звездного Града, присоединиться к вам. И я горжусь нашей дружбой. Но, скажи честно, как мужчина

мужчине, у нас есть какие-то шансы на победу?

Его молодой собеседник кивнул:

— Не без того. Воины Заргула лучше обучены, но нас больше. И зря времени мы не теряли. Да и магов нельзя списывать со счетов.

— Думаешь, они сильны? Эти маги.

— Не так, как о них говорят, конечно, но явно посильнее нас с тобой, — рассмеялся он.

— Как и этот Заргул.

— Как и он. Но не сдаваться же нам теперь?

Ранкор оглянулся и оглядел свои войска. Его люди разобрали оружие и встали на позиции. Рыбоголовые скиарлы выкатили катапульты, баллисты и другие орудия. Флорскелы облачались в броню для летного боя. Не было видно только магов. Зато вражеские силы с каждой секундой становились различимее.

— Еще чего! Пойду-ка я, взгляну, готов ли мой крылатый батальон.

Прошло около полутора часов. Силы Заргула подошли почти вплотную. Воины Ранкора и Гартхаэла уже закончили подготовку. Позиции были укреплены, насколько позволяли возможности. Ранкор, одетый в кожаный панцирь со стальными пластинами, по-прежнему держал руку на рукоятке клинка. Гартхаэл Громовержец стоял рядом, стиснув длинное копьё. Силы врага повергали в ужас обоих полководцев, не говоря об их солдатах.

Огромная гуща размалёванных в боевой окрас равшаров, потрясая кривыми кое-как сделанными мечами и топорами, ревели до хрипоты, обнажив острые клыки. Ритуальный окрас, темно-коричневая кожа, шипы на острой, угловатой голове — все это отличало расу, являвшую собой лучших воинов мира. За ними стройным маршем, на контрасте с беспорядочным ходом равшаров, вышагивали воины Заргула — народ горхолдов. Краснокожие, со щупальцами на голове вместо волос, они были идеально экипированы и несли знамена своего повелителя. И тут показался он. Горхолды несли его трон аккуратно, со страхом, зная, что любого оступившегося ждала жестокая смерть. Ранкор и Гартхаэл видели Заргула в первый раз. Ученики Калтахина же в который раз с ужасом смотрели на то, что осталось от их названного брата. Его щупальца на голове заострились и превратились в лес из рогов. Его узкое лицо пересекала самодовольная усмешка, самопровозглашенный император горхолдов явно наслаждался моментом. Его глаза сияли красным огнем, из них шло свечение, как из вулкана. Он не был пышно разодет, как любят некоторые правители. Напротив — облачен в шипастую броню и наручи с лезвиями. Оружия при нём не было.

— Не вступайте с ним в бой, — Анлариэль в один миг оказалась рядом с Ранкором, — мы постараемся отвлечь его. Вы же постарайтесь отбить атаку.

— Как скажешь, моя госпожа, — Ранкор вглядывался в толпы равшаров. Было заметно, как они расступаются, пропуская вперед высокого, мускулистого, облаченного в доспехи из драконьих костей, равшара. Он был почти полностью окрашен в красный с зеленым цвета. Вместо шлема на нем был драконий череп. В руке он сжимал костяной посох со светящимся камнем на навершии. Выйдя вперед, он издал дикий рев, к которому тут же присоединились остальные равшары.

— Пополним мою армию мертвее этими отбросами! — выкрикнул он.

— Этого-то мы можем взять на себя? — с усмешкой весьма фамильярным образом пихнул локтем Анлариэль Гартхаэл Громовержец.

Ранкор соскочил с земляного вала под недоуменные возгласы солдат.

Лишь один Гартхаэл, его боевой друг, знал, что он задумал. Ранкор обнажил меч и,

потряся им, проорал что есть мочи:

— Кшатрион Кроволикий! — старался он перекрыть воинственные вопли равшаров, — я вызываю тебя на поединок!

Глава 1: «Тёмный замысел»

1707 год после Падения Заргула. 5 мая.

В пустом коридоре послышались гулкие шаги. Это была заброшенная крепость, которая давно уже держалась на честном слове. Идущего по коридору это мало заботило, крепость на границы королевства Аргои и Империи Ганрай — всего лишь временное укрытие от властей Союза Людских Государств. Походка у этого человека была тяжелая, прихрамывающая, мощная броня лязгала при каждом шаге. Лицо его скрывала стальная маска, а красные глаза, виднеющиеся за косыми прорезями, не выражали никаких эмоций, словно за стальными пластинами скрывался ходячий мертвец. Длинный плащ с надвинутым капюшоном скрывал массивные доспехи, а за спиной висело весьма странное оружие. Длинная рукоять со светящимся магическим кристаллом *кертахолом* на конце, по другую сторону — искривленное, зазубренное лезвие. Словно этот человек в себе объединил война и мага.

Он дошел до конца коридора и отворил гнилую, скрипучую дверь. Кроме нескольких равшаров, усевшихся на дырявые пустые ящики и резавшихся в карты, внутри никого не было.

— Пошли вон, — раздался его глухой голос.

Воины кинули на прибывшего озлобленные взгляды, но ушки, не проронив ни слова. Либо очень могущественный, либо очень глупый человек мог бы оскорбить достоинство лучших воинов на всем Ранкоре. Арнлоуг Варзхел глупцом не был.

Уже давно стемнело, полная луна за окном освещала снежные вершины горного перевала где-то вдалеке. В комнате же свет исходил от уже почти выгоревшего факела. Варзхел подошел к колодцу в центре комнаты и выхватил свой посох-меч рукоятью вперед. Кертахол блеснул — и тут же огромный столб синего огня рванул к потолку, осветив изодранные гобелены давно канувших в лету кланов на стенах и плешивый ковер на полу.

— Варзхел... — послышался из огня голос, — ты пришел.

— Да, повелитель, — чародей в тяжелой броне с кряхтением и лязгом преклонил колено, — я принес свежие вести.

В огне вырисовался острый подбородок и выпирающие скулы длинного, узкого, красного лица. Глаза пылали адским пламенем. И эта дьявольская ухмылка.

— Мы собрали много сторонников. Маги из Аргои, Ганрая, в особенности, некроманты с юга. Даже некоторые воины Храма Мечей с нами. Равшары тоже на нашей стороне, готовы умереть за тебя.

Потрескивание пламени. Густые тучи за окном закрыли луну и звезды.

— Все идет по плану — изрек дух хриплым резонирующим голосом.

— Каковы ваши распоряжения?

— Пора мне бы воплотиться! — прогремело существо, — мои останки захоронены поблизости Вархула, пора им вернуться на законное место. Мой народ, моя империя... еще недостаточно сильны. Пока мы скроемся в тени, закрепите на людских землях. Мы были повержены однажды, но скоро все переменится.

Варзхел поднялся. Краем глаза он заметил, что за окном, по тропинке к замку поднимается странник.

— К вам с минуту на минуту придет мой верховный жрец. Вместе с ним вы поставите короля на колени.

— Повелитель, я ни разу не подводил тебя. Неужели ты не веришь, что я справлюсь своими силами здесь?

Дух снисходительно усмехнулся.

— Я верю, что везде нужен кто-то, кто будет следить, чтобы успех был достигнут. Особенно в вопросах судьбы мира.

Странник уже скрылся за углом замковой башни. Варзхел знал, о ком идет речь и каким мощным кудесником был этот будущий надзиратель. Верховный жрец императора Заргула будет серьезной угрозой Варзхелу в случае, если он усомнится в своей верности повелителю.

— Понял тебя, повелитель. Считаю, что с этого момента подготовка к реализации твоего замысла началась.

— Хорошо... — протянул дух, но не исчез, — кстати.

Варзхел остановился у двери, его прошиб пот. Император Заргул любил оставлять самую важную и, зачастую, невеселую часть разговора напоследок.

— В скором времени ты нанесешь визит Его Величеству Эанрилу Третьему, — в имя короля Аргои древний дух вложил максимум презрения, — после стольких лет пришло время горхолдам заявить о себе.

Пламя угасло, развеивая в воздухе и без того призрачные очертания лица того, чье имя веками вселяло ужас в обитателей Ранкора. По чьей вине было потеряно столько жизней. В том числе и богов древних времен.

— Мастер Варзхел! — окликнул его молодой маг-неофит в черном балахоне и эмблемой Азрога, царства Заргула, на груди, — докладываю, что по прошествии получаса вы должны соизволить явиться на встречу с посланцем императора, — он неуверенно помолчал, — просили не опаздывать.

Варзхел, не сказав ни слова, посмотрел на него так, что у любого ветерана войны душа бы в пятки ушла, а у того мага-ученика — и подавно. Пламя настенной свечи отразилось на его стальной маске.

— Исчезни.

Повторять дважды не пришлось.

В просторной зале не было никого, кроме Варзхела. Огромные столы, за которыми последователи Заргула, а ранее — воины ганрайского феодала, делили трапезу, щиты с кривыми клинками на стенах, факелы — все как положено крепости, принадлежавшей дворянскому роду. Маг, похожий на рыцаря-паладина, снял со спины оружие и сел за один из столов. Факелы на стенах на миг угасли, затем снова загорелись. Перед Варзхелом стоял незнакомец в мешковатом расшитом древними рунами балахоне с длинным лакированным магическим посохом. Они не раз виделись ранее в Азроге, но в Союзе — никогда. Это был горхолд. Красная кожа, вместо волос — толстые щупальца, широкие рубинового цвета глаза, вот только щупальца были не окостеневшими и стоявшими кверху, как у Заргула, а ниспадали к плечам.

— Хейларг, — проговорил Варзхел, — как всегда, пунктуален.

— Разумеется, время императора дороже наших жизней, — ответил горхолд, — поэтому перейдем сразу к делу. Какова ваша военная мощь?

Варзхел посмотрел в сторону огромных дверей залы, на страже которых стояли двое вооруженных до отказа равшаров. За дверьми слышались звуки упражняющихся в боевом искусстве их сородичей и крики практикующихся в магии слугителей Азрога.

— С десяток тысяч равшаров в полном боевом порядке и семи тысяч магов. Некроманты из Клирии подняли из могил порядка пяти тысяч умертвий. Достаточно внушительно?

Хейларг задумчиво облизнулся, опершись на посох.

— Ваши маги высокого уровня?

— По большей части это неопытные юнцы. Но наиболее выдающихся магов, верных императору, я собрал здесь. Их можно перечесть по пальцам, но они могущественны.

— Что ж, это похвально. Но чтобы охватить весь Союз, нам нужно больше сил.

— Быть может, ты мог бы привести с собой легион горхолдов? — гулко усмехнулся Варзхел.

— На них у повелителя свои планы, — ответил мастер магии Хейларг, стоящий целой армии.

— Что ж, — Варзхел встал и направился к двери, — и каково его послание.

— Начнем с деревушек на границе Ганрая и Аргои. Будем расширяться в обе стороны. Скоро люди поймут, за кем сила, и выберут нашу сторону. Догадываешься, что будет с непокорными?

— Мы их смятем, — прошипел Варзхел.

— Смятем, — рассмеялся Хейларг, — за неповиновение.

У императора Заргула с непокорными разговор короткий.

Глава 2: «Незванные гости»

В Крестале снова утро. Это был обычный поселок городского типа на границе королевства Аргои и Ганрайской Империи. Расположен он на зеленых холмистых равнинах, по одну сторону которых — чаща, за которой скрываются засушливые пустоши. По другую же сторону, где-то вдалеке, видна массивная Ганрайская Стена, огораживающая земли Союза, а еще дальше — вершины Костяного Хребта, внутри которого, по слухам, жил древний род драконов. Этот же поселок был весьма скромен — скопление небольших хижин из камня и дерева и ратуша в центре. Жители всегда знали друг друга, их было не так много.

Всегда уважением среди них пользовался сапожник Арстель. Лавку, как и ремесло, он унаследовал от отца и всю свою жизнь штопал обувь как односельчанам, так и гостям из большого мира. В этот день покупателей не было, хотя заходил поболтать староста селения Кёрк, проходивший мимо, и служительница местного храма Канария. Арстель больше терпеливо слушал, чем говорил, даже если работа не терпела отлагательств. Как всегда, в середине дня он вышел на тропу рядом с его лавкой на главной улице селения и направился к немного кривоватой хибаре на окраине селения. Принадлежала она его другу.

Как всегда, с утра, Хельд открывал свой трактир. Через это заведение проходили почти все странники, пересекшие Крестал, а местные часто любили коротать здесь время. Над дверью висела вырезанная из дерева драконья голова, а еще выше — вывеска с названием «Желудок дракона». На двери же было корявым почерком выцарапано, явно, ножом: «если у тебя желудок крепок, как у дракона, отведай моей стряпни и пойла!». Хельд был флорскелом. Бледная кожа, темные волосы, худощавый. Глаза были как у рептилии, с вытянутыми зрачками. Вот только крыльев за спиной, как положено флорскелу, у него не было, что делало его только больше похожим на человека. Жители Крестала давно уже принимали Хельда таким, какой он есть.

Трактир был уже почти полон, пустовало лишь несколько столов. Как всегда, Хельд неуклюже разливал пиво из огромного бочонка, проливая невероятное количество напитка на пол. Зато как ловко он умел скользить по пивным лужам, разнося заказы! Стоило Арстелю войти — его сразу же окликнули.

— Арстель! Опять ты пришел выпить вместо работы? — воскликнул флорскел, — люди без обуви ходят, а он! Я, между прочим, работал не покладая рук.

— Как будто ты здесь так напрягаешься, — ответила молодая светловолосая крестьянка за барной стойкой, — не обращай внимания, Арстель, присаживайся.

— Спасибо, Карен, но Хельд в чем-то прав, — Арстель сел на грубо отесанное бревно вместо стула.

— Я всегда прав! — налил флорскел новую кружку и опустошил ее.

— Слушай, куриная бошка, — сказал мускулистый плотник Харал по прозвищу Зверюга, — ты бы лучше так разливал, как языком чесал. Я еще трезв, мать твою!

Под успокаивающий гул бесед в этой уютной таверне-избе у старых друзей завязался разговор.

— Говорят, на границе творится что-то нечистое, — сказала Карен, — мертвецы оживают из могил, люди бегут из селений. Равшары становятся все агрессивнее, многие уже на территории Союза. Сестра слышала, многие маги сбились в группы и подчиняют себе селян. Хотелось бы верить, что это лишь слухи, но...

— А ты больше слушай всяких пустобрехов со своей сестрой, — ответил Харал Зверюга, — подумаете, пара равшаров перебежали границу, несколько магов набедокурили, вот вам заняться нечем, работали бы лучше. Берите пример с Арстеля, он даром времени не теряет!

Хельд, наполнив новую кружку и пустив ее по столу, обратился к старому мельнику на краю:

— А вы что думаете, Ваше Дряхлейшество?

Мельник Ропхиан пригубил напиток и мечтательно взглянул к потолку:

— А и не знаю, что думать. Мы-то ничего не видим, сидим здесь сиднем. Вы-то молодые, могли бы выбраться мир посмотреть. Одно я знаю точно — вот лет тридцать назад, при императоре Ганзаруле Втором, было лучше. Был какой-то... порядок, что ли. А потом эта Северная война, с нее как-то все наперекосяк пошло.

— Ударился в воспоминания, — фыркнула Карен.

— А ты молчала бы! — грохнул кружкой Хельд, кинув на нее безумный взгляд, — проявляй уважение к старшим. И к хозяину заведения, разумеется.

Карен и ухом не повела, к подобным выходкам Хельда все уже давно привыкли. Особенно его друг детства Арстель.

— Но почему сидим сиднем-то? — удивился Хельд, — я вон, уже десять лет как собираюсь в Лайнур-Арай отправиться. Ох, эти загадочные леса. Народ, знающий магию лучше всех. Они, вроде, гостеприимны. Многому бы я там научился!

То, что Хельд мечтал стать магом, все посетители таверны давным-давно знали. Местной травнице-хаглорианке, некогда покинувшей лес Лайнур-Арай, он плешь проел, допытываясь до рассказов о ее родном крае.

— Вот именно, что собираешься, — ответила Карен.

— Но это ведь хорошо! — похлопал друга по плечу Арстель, поднявшись, — без Хельда совсем не то будет.

Он всегда умел добавить нотку гармонии в общую беседу.

— Не скажу, что я это ценю, но спасибо. А что это за книга у тебя под рукой? — полюбопытствовал Хельд.

Арстель часто брал с собой книги в трактир сидел там вечером при свече, погружаясь в мир фантазий. Вот и на этот раз собрался так же.

— Да так, исторический и приключенческий роман от Ревииана Гувера, — Арстель показал другу обложку, изображавшую какую-то ожесточенную битву, — про Северную Войну 1690-х годов.

— Гувер? Ах, да! Этот никчемный графоман. Как ты можешь читать такую ересь, ты, человек, заставший эту войну! Он ведь зарабатывает огромные гонорары на чепухе, когда мы, честные работяги, живем куда скромнее.

— В чем-то ты прав, Хельд, — Арстель не любил спорить с другими, тогда как Хельд не упускал возможности выразить свое мнение независимо от степени интереса других к нему.

Дальше пошла долгая беседа об этой войне. О ее героях, о зачинщике восстания — короле Севера Гроре Свободолюбце. Старый мельник, как все уже знали, прошел эту войну, но он предпочел молчать. Хельд всю фантазировал, искажая историю, как ему угодно, но описывал события так, что слушала почти вся таверна. Арстель лишь изредка указывал известные ему факты.

— Я вам говорю, Глодрик Харлауд — не человек! Он убил Грора Свободолюбца, в

одиночку прорвавшись в его замок, и сумел оттуда вырваться! Он точно демон.

— Я слышал, он один стоит целой армии, — сказал Зверюга.

— Да хватит уже вам! — прикрикнул мельник Ропхиан, — не демон он, а человек, такой же, как и вы все, — о том, что Хельд флорскел, он позабыл, — Хватит уже об этой войне, вас там не было, что вы о ней знаете? В войнах вообще нет ничего прекрасного, одни ужасы — и больше ничего.

— Старый зануда... — скрипнул зубами Хельд.

Дверь отворилась, и в таверну вошла легкой, пружинистой походкой совсем юная девушка — чуть больше двадцати. Она была одета в холщовую куртку и походные брюки, подчеркивающие ее весьма соблазнительные для мужского глаза формы. Ее русые волосы едва доставали до плеч. Лицом она также вышла, могла показаться симпатичной, даже красивой. Единственное, что портило впечатление, — это шрам от ожога, видневшийся на левой скуле. С улыбкой она прошла вперед, махнув рукой хозяину и его посетителям.

— Очень извиняюсь, если помешала, — она подошла к стойке, — я так, осматриваю окрестности, в Крестале впервые, все-таки.

— Правильно сделала, что начала с осмотра достопримечательностей! А именно — с моей гордости, лучшей таверны во всей Аргое.

— Разумеется, — она подмигнула ему, — как иначе.

Арстель уже собрался подняться, уступая ей место.

— Сиди-сиди! — похлопала она его по плечу, — я не такая хилая, сил много, не переживай.

На первый взгляд ее поведение могло показаться слегка нескромным, но в нем не было ни малейшей доли сарказма или надменности, она была общительной, даже чересчур. Зато ее живой взгляд выражал искреннее уважение к окружающим.

— Собственно, с чем пожаловала? — сказал Хельд, — тебе выпить или поесть? Могу спеть или сплясать за чаевые.

— В другой раз, дружище, — рассмеялась она, — я, собственно, собиралась лишь снять две-три комнаты. Здесь же есть такие, свободные?

— Есть, конечно. Целых четыре.

— Отлично! Наконец-то хорошая новость.

— Но никакого обслуживания гостей, никакой уборки. За призывание злых духов выселяю.

— Я так похожа на чернокнижника? Ну и дела.

— Забудь, — сказал Арстель, — к этому надо привыкнуть. А зачем тебе столько места? С тобой вроде никого нет.

— Скоро будут. Собственно, зайвится наша братия вечером. Здесь будут гостить лишь некоторые, остальная часть группы разобьется на окраине Крестала.

— Группы? А сколько народу с тобой путешествует? — поинтересовался Арстель.

— Сотни полторы-две, — пожала плечами девушка, — я как-то не считала.

Хельд чуть не поперхнулся пивом.

— Нехилая такая... орава. И насколько же вы здесь останетесь?

— А это уже наставник наш решит, — улыбнулась девушка, — не волнуйтесь, мы вас постараемся не беспокоить. Собственно, мы направляемся к ганрайской границе.

Остальные Крестальцы, сидевшие в таверне, продолжали разговоры, но недоверчиво косились в сторону девушки. Крестальцы не любили странных гостей.

— Наставник? Я не ослышался? — сказал Арстель.

— Да-да, наш духовный лидер, — усмехнулась она, — хороший человек, мудрый и могущественный.

— Точно сектанты, держись от нее подальше — и не пропадешь, — прошептал старый мельник на ухо Зверюге.

— Надеюсь, они правда скоро уйдут, — ответил Зверюга.

Девушка сделала вид, что не заметила этого.

— Юкиара, — протянула она руку Арстелю, — но все зовут меня Юки, видимо, им так проще.

— Арстель, рад знакомству.

— Карен, — включилась в разговор крестьянка.

— Хельд Великий! — вскочил на барную стойку флорскел.

— Ах, какая честь для меня, простой смертной! — сделала Юкиара глубокий реверанс, — что ж, дело я свое сделала, комнаты сняла, пора бы возвращаться к своим, — махнула рукой она Хельду и его друзьям и удалилась.

— Удачи! — крикнул Арстель.

— Купила бы хоть что-нибудь! — развел руками Хельд.

— А я еще вернусь! Кстати, мне у тебя понравилось, — донеслось уже с улицы.

Дверь закрылась, и посетители уже начали строить домыслы о том, кого же привела с собой эта незнакомка.

— Чудная она, — сказал Хельд.

— Кто бы говорил, — ответил Харал Зверюга.

Арстелю она сразу понравилась. Он заметил в ней еще нечто, кроме уважения. Желание открыться людям и довериться им. Качество, которое редко встретишь.

Уже стемнело, ночь приближалась. В хижинах загорались свечи, дым шел из труб. Трактир Хельда понемногу пустел. Внутри оставались лишь равшар-земледелец, бежавший из своего племени и осевший в Аргое и парочка подростков, наслаждавшихся друг другом в углу. Старый мельник Ропхиан так и не ушел — все потягивал пиво. Хельд вытирал пивные лужи изодранной тряпкой, покрытой плесенью. На новую ему было жаль денег. Дверь снова отворилась, задев пыльный ковер возле нее.

— О, новые посетители! Это всегда хорошо, — Хельд выскочил из кухни, — правда, уже поздно, мы скоро закрываемся.

— Вам здесь не рады! — донесся до боли знакомый голос односельчанина, — как вы не поймете? Вы пугаете местных, в том числе и меня.

— Почтенный, мы здесь по воле Илгериаса, и задержимся ровно столько, сколько он пожелает.

— Фанатик недоделанный, — сплюнул с порога бородатый мужчина в широкой шляпе и прошагал в трактирный зал.

— Чего взвелся, Мурвак? — спросил Хельд, косым взглядом окидывая незнакомых гостей, — гостей моих решил распугать?

— Это не гости, а демоны разберут кто. И почему они ходят группами? Явно же недоброе задумали, — Мурвак всегда предпочитал подозревать о других худшее.

Хельд попытался рассмотреть посетителей. Темнокожий бритый налысо человек, южанин из Клирии, одетый в широкие штаны и халат. В руке он держал чётки и, похоже,

мысленно повторял молитвы. Пояс его был увешан ножами, хотя вид у человека был умиротворенный. За ним вошел не менее странный парень в красной бандане и парными скимитами за спиной. Следом вошел скиарл — его чешуйчатое тело было скрыто одето в длинный плащ, но руки были обмотаны цепями, а из-под рукавов высывались лезвия клинков. За ним зашел мускулистый равшар с бурой кожей и обломанными рогами. Торс его был обнаженный, открывая глубокие шрамы, а на лбу красовалось отвратительное клеймо в виде косоного креста. Он то и дело озирался и скалился, будто ожидая засады. Вошел патлатый, неухоженный темноволосый парень с длинным луком за спиной. Он то и дело чесался, словно вшивый. Далее — пожалуй, посетитель самого причудливого вида. Маг с жезлом в руке, одетый в балахон. Но кожа его была точь-в-точь древесной. Будто ходячая коряга, он скрипел на каждом шагу. Вместо волос у него на голове были ветви с густой листвой. За ним вошел, с интересом озираясь, паренек лет шестнадцати. Последним зашел обычный с виду человек, перед ним остальные расступились, пропуская вперед. Средних лет, грузный, в мешковатой одежде, бритоголовый и с густой бородой. Имел он при себе посох со светящимся магическим камнем на конце — кертахолом.

— Добрый вечер, — все, что нашел сказать мельник, — господа.

— Я полагаю, вы пришли брать штурмом мое скромное заведение? — Хельд обошел стойку, — что ж, покорно сдаемся на милость победителя.

— Мы хотели бы заселиться в комнаты, — спокойно произнес полноватый маг, — мы проделали долгий путь, порядком выдохлись. К вам, часом, не заходила ли наша подруга? Она должна была предупредить о новых постояльцах.

— Девочка на побегушках, — сказал Мурвак, — тоже мне.

— Сложно поверить, — сказал Хельд, — что вы имеете дело с Юки.

— Если что, это моя сестра, — вставил отрок.

Этот парень был достаточно высоким для своего возраста.

— А почему она не с вами?

— Тебе-то что? — подался вперед равшар, — твое дело — комнаты. Они готовы?

— Стой, Кога, — вскинул руку маг, — нельзя так говорить с человеком на его территории. Простите дерзость моего друга, уважаемый.

— Все равшары такие, — Хельд скосил глаза на земледельца-односельчанина, — за редким исключением.

— Юки решила не терять времени даром и помочь остальным обустроить лагерь. Это было непростое решение, ей нетерпится познакомиться с этими краями поближе, но долг все же превыше, и она это прекрасно понимает. Что ж, вот на три дня вперед оплата, — маг опустил на барную стойку кошель с монетами, — должно хватить. Не думаю, что мы задержимся, судя по всему, нам здесь не очень рады.

— А вот в этом я с вами полностью согласен! — уходя, Мурвак долбанул дверью так, что стены едва не затряслись.

— Меня зовут Рeadхалл Бескровный.

— Хельд. Ну, так, поднимайтесь, господа, — указал он в сторону лестницы, — комнаты найдете, мне, к сожалению, нужно следить за остальными.

— Разумеется, — кивнул маг, — ценю твое гостеприимство.

Он уже начал подниматься, но Хельд решился спросить:

— Вы, случайно, не наставник?

Здоровяк обернулся:

— Я? Мне до него, как от земли до неба. Впрочем, он, возможно, скоро объявится. Но появляется он, только тогда, когда находит нужным.

Когда подошел к равшару-земледельцу, доедавшему свою харчу.

— Нечасто встретишь мирного соплеменника. Тебе не по нраву жизнь в племенах? — прорычал он.

— Когда все подряд убивают друг друга? Отнюдь, — хоть он больше не был воином, взгляда не отвел и страха не выказал, очевидно, жизнь в племенах в прошлом закалила его дух навсегда.

— И правильно, — он хлопнул сородича что было силы по плечу, — объединись мы — весь мир был бы у наших ног. Но мы вечно воюем.

— Это противоречит традициям, — ответил земледелец, — вот, за что тебя изгнали.

Клириец-монах подошел к Хельду:

— Благодарю, что принял нас под своим кровом. Дай Арай Илгериас тебе долгой и счастливой жизни.

— Спасибо, святой отец.

— Духи говорят, это счастливое место, — улыбнулся древесный гуманоид, разукрашенный узорами из белой краски на манер хаглорианца, — здесь мы можем спать спокойно.

Гости поднялись, посетители начали расходиться. Последним уходил мельник.

— Все-таки не пойму, зачем они явились. Кто они такие?

— А я почему знаю? — сказал Хельд, — но они явно непростой народ.

Арстель остановился у дома травницы. Ее имя было Шая-Кишра, но, естественно, все звали ее просто Шаей. Выглядела она, как подобает хаглорианцам — зеленая кожа, темные густые волосы, заостренные уши, узоры, вытатуированные белой краской. Вот только ее не было на месте, Арстель стучался в запертую дверь.

— Поздно пришли мы с тобой, парень, — сказал кто-то сзади.

Арстель обернулся. На вымощенной камнем пыльной тропе, на фоне скопления местных хижин, перед ним стоял маг, выглядящий, точно персонаж из древних легенд. Красные густые волосы, стоявшие дыбом, от которых исходило какое-то призрачное излучение. Алые глаза, сверкающие ярким светом в темноте. Его узкое, вытянутое лицо было бледным и сухим, точно у мертвеца. Сам же он был худым и очень высоким — на полголовы выше Арстеля. В руке его был длинный стальной посох с сияющим красным кертахолом на конце.

— Пожалуй. Лавка закрыта.

— Забавно. Я всегда мог добиться успеха в больших вещах, а вот в таких мелочах, как прийти до закрытия торговой лавки, всегда терпел неудачи.

Арстель был в замешательстве. Что понадобилось магам в этих краях? Мог ли этот странный человек быть как-то связан с девушкой, с которой он познакомился у Хельда?

— Жизнь противоречива, что сказать, — пожал плечами Арстель.

— О, да! — оперся на посох чародей, — противоречива, сложна, запутана. Но вполне управляема, ведь так?

— Не знаю. Не мне судить о таких вещах, — растерянности в Арстеле лишь прибавилось.

— Еще убедишься в этом.

— Я знаю хозяйку лавки. Мне передать, что вы заходили, уважаемый?

— Не стоит. В следующий раз я явлюсь вовремя. В итоге у меня всегда все получается, это лишь вопрос времени.

— Могу лишь позавидовать вашему упорству. Мне, например, его недостает, когда я штопаю сапоги, — этот незнакомец вполне мог оказаться опасным, но что-то в нем разговорило Арстеля, остановиться было сложно, — иногда кажется, что я не так надежен и хорош, как от меня хотел мой отец. Вести хозяйство одному не так просто.

Кудесник закинул посох в воздух и ловко поймал его на лету.

— На самом деле, никто не одинок. Посмотри, сколько братьев и сестер вокруг тебя, — рукой он поочередно указывал на хижины, судя по всему, пытался их сосчитать, но сбился и продолжил, — мы живем так, будто мы независимы друг от друга, но стоит лишь дать возможность нашим связям проявить себя — и мы уже никогда не будем ни слабы, ни одиноки.

Подул ветер и прогремел гром, осветив улыбку этого странного человека. Арстель понял, что, если не добежать до дома вовремя, можно попасть под ливень. Но по какой-то причине не мог заставить себя распрощаться и уйти. Не хватало воли, словно собеседник невидимой силой удерживал его на месте, как вкопанного.

— Если бы все думали так, помогали друг другу, возможно, в мире было бы меньше проблем. Знаете, в наши края заявили странные люди, — при этих словах Арстеля красноволосый внезапно посерьезнел, окидывая Арстеля изучающим взглядом, — и сразу же мои односельчане отнеслись к ним с недоверием. Хотя они и в самом деле не внушают доверия. Нет, я не хочу сказать, что они нечисты на руку, но хотелось бы, чтобы все разошлось, как в море корабли или пришли к компромиссу, но, надеюсь, скоро это напряжение, связанное с прибытием незваных гостей, кончится, как и многие другие недопонимания в нашем мире.

— О, нет, Арстель. Все только начинается, — снова прогремел гром, сверкнула молния, на мгновение ослепив Арстеля.

Когда снова прояснилось, незнакомца уже не было. Арстель стоял, не веря своим глазам. А дождь уже начинал накрапывать.

Глава 3: «Послы императора»

8 мая 1707 года.

Силгор — столица Аргои. Этот большой и многосторонний город, как всегда, кипел жизнью. По многочисленным улицам, точно муравьи в земляной куче, сновали люди мимо высоких домов. Торговцы у ларьков, владельцы более приличных заведений — все подряд зазывали прохожих. Всюду мелькали кареты господ, сливок общества. Горожане же сновали туда-сюда. Из больших мануфактур валили столпы дыма, печи там уже горели вовсю. Магинедоучки показывали жалкие, с точки зрения колдовства, фокусы на потеху толпе зевак. Но мало кто обращал внимание на невысокого зеленокожего старца, движущегося весьма быстро и прытко для своего почтенного возраста. Исчерченное белыми чернилами острое лицо с янтарно-желтыми глазами выдавало в нём хаглорианца. Линии рисунка пересекали скулы, подбородок, впалые щеки и сходились на морщинистом лбу, образуя нечто наподобие глаза. Его густые темно-синие волосы были зачесаны назад. Одет он был в потрёпанный дорожный халат бурого цвета, простецкие рабочие брюки и сандалии. В руке его был кривоватый деревянный посох, вершина которого разветвлялась, а в середине неправильной формы кристалл сиял зеленым светом. Взгляд его оживленно метался из стороны в сторону, пронизывая улицы и толпу, хотя улыбка его сухих губ выражала добродушие старого хаглорианца. Он проскользнул сквозь набитую людьми рыночную площадь и, свернув на широкую дорогу, наткнулся на огромную строительную площадку. Скелет нового здания возвышался на двадцать метров над не отличавшимся ростом стариком. Вокруг сновали рабочие, таская доски, бревна, инструменты. Грохот от забивания гвоздей и распиливания дерева слился с гомоном со стороны рынка. Хаглорианец привык, что люди относятся к дереву лишь как к ресурсу, не питая к нему никакого почтения. Это было одной из главных причин, почему немногих людей пускали в глубь Лайнур-Арая.

— Заблудился, отец? — оторвался от верстания длиннющей доски строитель, — подсказать чего?

Старик облокотился на посох и задумчиво оглядел плотника:

— Друг мой, путь свой я нашел уже много веков назад, — при этих словах лицо рабочего в недоумении вытянулось, — пути вашего славного города и его жителей мне тоже хорошо видны. Но город меняется, как и все мы.

— И что это значит, во имя богов? — с неприязнью в голосе произнес рабочий, явно не желающий терять время на этого чудаковатого иноземца.

— Приходится быть подобным воде, искать новые пути, — старик улыбнулся, отчего морщин вокруг его глаз лишь прибавилось, — пока что у меня получается, хвала Анларизэли. А какие пути находит Силгор? Разрастаться без остановки? Этого квартала я не помню.

— Давно не был в городе, странник? — собеседник уже успел заинтересовать мужчину.

— Достаточно, друг мой, — улыбнулся хаглорианец, — а вы, скажу, строите нечто грандиозное.

— Третий игорный дом для барона Глиссака, — сплюнул он, — работаем за гроши, чтобы этот ублюдок голубой крови мог наживать состояние.

Хаглорианец кивнул:

— На людских пороках наживать всегда проще. Но я понимаю, что у вас мало выбора в этом городе. Что ж, не буду красть ваше рабочее время. Был рад поболтать с честным

человеком.

Старик уже зашагал прочь, но рабочий его окликнул:

— Кто ты, хаглорианец? Чародей? Зельевар? Фокусник? Может, торговец? К нам нечасто приходят из Хаглоры странники с такими светящимися жезлами.

— Меня зовут Йоши, — обернулся путник, — но не имеет значения, кто я. Гораздо важнее — кто ты. Перед тобой весь Ранкор и вся твоя жизнь, друг мой. Решай, каков твой путь. В конце концов, ты не привязан к этому месту.

Прежде чем строитель успел ответить, старик затерялся в гуще прохожих. Если до этого старый Йоши пробирался трущобами, окончившимися рынком, то это был квартал преимущественно для богатых. Цирюльни, элитные заведения, лавки товаров роскоши, знаменитые портные, шьющие на заказ, все это скопилось в недавно выстроенном квартале. К концу его находился публичный дом, возле которого экстравагантно одетые женщины бросали хищные взгляды на прохожих. Хаглорианец заметил сутенера, притаившегося в углу и следившего за успехами своих подопечных.

— Эй, красавчик, не хочешь немного развлечься? — промурлыкала рыжая проститутка, пытаясь приобнять Йоши и увлечь его за собой.

— Вы позорите свой великий народ, — Йоши стряхнул ее руку и кертахол на его посохе засветился ярче и его желтоватые глаза сверкнули, — быть может, тебе стоит перестать заниматься этим?

— Да как ты смеешь! Стой, я... — замялась она, — я, если признаться, думала об этом.

— Я уверен, у тебя много других талантов, — вкрадчиво проговорил Йоши, а посох его продолжал сиять.

— Как думаешь, мне стоит попробовать себя в театре? — не дожидаясь ответа, она продолжила, — может, настало время уволиться, с меня и правда хватит такой жизни, — она неуверенно попятилась и вернулась в публичный дом.

Сутенер всплеснул руками, грязно выругавшись, и уже намеревался подойти к хаглорианцу и потребовать компенсацию, но тому хватило одного взгляда, чтобы человек застыл, как вкопанный, а затем еще раз всплеснул руками и удалился в заведение.

Старый выходец из лесов Лайнур-Арая уже выходил к центральной площади города. Если бы Йоши вспомнил свои давнишние визиты в людские королевства, бывшие много веков назад, ему вспомнилась бы жалость к людям, живущим в грехе и так далеко от гармонии с природой и высшими силами. Как любой хаглорианец, он верил, что богиня природы Анлариэль способна вывести людей на путь к спасению души. Но он давно понял, что сразу это сделать не выйдет даже у нее. Вот он уже проходил мимо фамильных имений всего цвета Аргои, самых древних и зажиточных дворянских родов. Разумеется, каждое поместье было окружено бронированной стражей. Но самое большое ограждение окружало королевский дворец. Тот самый, в котором жили правители династии Акрейлов. Выложенные огромным булыжником зубчатые стены, дозорные башни, по стенам проходили караульные. Над воротами висел гобелен с флагом Аргои — человекоподобный лев, сидящий на троне, держащий в одной руке меч, в другой — скипетр. Ворота были открыты, но окружены стражей. При виде бедно одетого хаглорианца солдаты неспешно вскинули копья наперевес. Арбалетчики на стене тоже остановились, напряженно вглядываясь вниз. Йоши приветственно поднял руку.

— Друг мой, — сказал он, обращаясь к высокому усатому стражнику, стоявшему впереди всех, — не будешь ли ты так любезен дать дорогу? Видишь ли, у меня назначена

встреча.

Стражи переглянулись. Молодой парень сзади пожал плечами, а усатый с недоверием произнес:

— Посол из Хаглоры?

— Вроде того, — усмехнулся Йоши, которого в простонародье редко узнавали.

— Сегодня намечается трапеза в честь дня рождения престолонаследников. Всем посетителям указано пройти досмотр. Сам понимаешь, нам неохота этим заниматься, уж лучше пить и веселиться.

— А я думаю, это все же лишнее, — снова сияние кертахола, Йоши в упор глядел на стража, — я уже многократно показал себя другом короны и нет причин относиться ко мне с недоверием. Хаглорианцы — честный народ.

— Может, ну его, действительно? — стражник оглянулся, ища поддержки у остальных, они закивали, — а то от этих досмотров у нас в привычку войдет лапать всех подряд.

Йоши рассмеялся:

— Не скажу, чтобы у нас в Хаглоре такое поощряли!

Стражники расступились, давая ему пройти внутрь.

Стоило хаглорианцу войти, к нему сразу же подошел дворецкий, спросив, о прибытии кого следует доложить королю. Дворецкий был здесь недавно, поэтому не узнал гостя и он.

— Йоши-Року, — сказал старый хаглорианец, — Архимаг из Хаглоры.

Дворецкий предложил назначить чародею проводника, но Йоши отказался. За долгие века он успел запомнить каждый угол в этом замке. Как всегда, на каменных стенах висят гобелены, изображавшие гербы дворян Аргои и Ганрая, картины, изображавшие битвы и иные исторические события, потолок разукрашен фреской. Разумеется, все факелы на стенах зажжены. Послы, военные, придворные либо от скуки прохаживались без дела по дворцу, либо сбивались в кучки, оживленно обсуждая политические вопросы. Чаще всего такое заканчивалось яростной полемикой и дебатами. Йоши, как и подобало магу, был преисполнен спокойствия и уверенности. Вот он прошел коридорами и, наконец, прошел в тронный зал.

— Дядя Йоши! Как же долго я вас не видела! — навстречу ему бежала совсем юная девушка, лет семнадцати, не больше.

— Айрил! — Йоши радостно подхватил ее и закружил в объятиях, несмотря на то, что он был ниже ее ростом, — дай хоть на тебя посмотреть. Анларизель сохрани, как же ты выросла. Стала гордой и изящной леди Аргои.

Девочка заметно покраснела, но, как всегда, начала расспрашивать:

— Ну, расскажи! Как дела в большом мире? В Хаглоре? Ты же все время странствуешь, наверняка можешь рассказать столько всего интересного.

— Да что тебе рассказать, — Йоши, рассмеявшись, пожал худыми плечами, — в мире многое меняется с невообразимой скоростью. Много уходит, а то, что приходит, не до конца понято всеми нами. Это я и пришел обсудить с твоим отцом. Не забивай голову всякой ерундой, лучше наслаждайся жизнью, у тебя ведь все еще впереди.

— Ты всегда так, — с немного наигранной обидой сказала она.

— Давай-ка лучше вот о чем! Уверен, это заставит тебя улыбнуться. Ты же не думала, что я приду с пустыми руками?

Из заплечного мешка Йоши достал лютню, расписанную настолько искусно, что даже

Айрил, которой с детства преподносили все блага и роскоши, никогда такую не видела.

— Один мой знакомый мастер из Клирии сделал ее для тебя. Ты ведь всегда хотела научиться играть на такой. Надеюсь, сыграешь как-нибудь для меня, порадуешь старика.

— Какой же ты хороший друг! — она снова бросилась обнимать старика, едва не свалив его, — спасибо, я о такой мечтала!

— Погоди, — освободившись, он, продолжил, достав из-за пазухи лист пергамента и развернув его, — а это для твоего брата.

Картина изображала парад в честь победы в Северной войне. Йоши отлично помнил это событие, грандиозное празднование в Силгоре. Впереди всех воинов ехали двое — король Ганзарул Второй и младший брат нынешнего короля, Эанрила Третьего, герой войны.

— Твой брат ведь очень любит слушать истории об этой войне. Вы тогда еще только родились. Впрочем, это хорошо, на самом деле в войне нет ничего красивого.

Передав девчужке сверток и пожелав ей хорошего праздника, Йоши направился к выходу. Возле дверей стоял человек зрелого возраста. Его темные волосы были коротко подстрижены, а острое лицо выдавало некоторую отрешенность. Тем не менее, камзол его был сшит по последнему слову моды элитного общества.

— Мастер Йоши, — встрепенулся он, — не скажу, что не ожидал увидеть вас здесь, но честь говорить с вами лично выпадает мне редко.

— Гувер! — широко улыбнулся старик, — а ты очень хорошо сохранился. Как твой новый роман?

— Честно — его нет, — пожал плечами придворный историограф, — даже не знаю, о чем еще можно написать. Иногда мне кажется, что я уже исчерпал все свои таланты.

— Друг мой, это решать только тебе, — похлопал его по плечу хаглорианец, — если ты по-настоящему захочешь, тебе всегда будет, о чем поведать этому миру.

Гувер пожал плечами. Мимо проходила одна из дворянок. Несмотря на то, что ей уже перевалило за тридцать, она оставалась в хорошей форме. Ее роскошное платье, осиная талия, спина, поддерживаемая корсетом, — со всем этим она и не думала расставаться.

— Герцогиня Нерилетт! — окликнул ее Йоши, — мир и свет тебе!

Ревриан Гувер помахал ей, но она и внимания не обратила на него.

— Мастер Йоши! Какая неожиданная встреча! — улыбнувшись, сделала она реверанс.

— Да уж, действительно, — к ним подошел пожилой мужчина в мундире, — пиршество, планируются аудиенции с королем, военный совет, действительно, неожиданно встретить архимага.

Это был главнокомандующий королевской армией Керрис Галарт. Он уже начал лысеть, седина тронула его волосы, оставив черными только усы, но он по-прежнему имел идеальную офицерскую осанку и резво двигался.

Герцогиня Нерилетт откланялась и удалилась беседовать с придворными дамами. От Йоши не укрылось, как Гувер апатично смотрел ей вслед. Но внимание писателя быстро отвлекла беседа с Керрисом и архимагом. Гувер часто общался с простонародьем, поэтому прекрасно знал, какие слухи ходят в тавернах, на рынках и в домах жителей Союза, а Керрис всю жизнь следил за внутренней политикой Аргои. Ничего нового Йоши они не рассказали. Он прекрасно знал о расточительных войнах Аргои с равшарами. О напряженных отношениях с жителями Звездного Града — крылатыми флорскелами. Знал и о попытках наладить торговые пути с Побережьем Кесилора и его жителями, рыбоподобными скиарлами. Тем не менее, он общался с этими людьми на равных и задавал вопросы, словно

и в самом деле желал, чтобы они поделились с ним своими знаниями. Йоши успел повстречаться с придворным магом, седобородым Азилуром, который был его учеником в прошлом.

— Какая ирония, мой учитель, ты старше меня на несколько веков, а выглядишь моложе, чем я! — воскликнул Азилур поистине старческим голосом.

— Видимо, богиня меня очень любит, — рассмеялся Йоши, — может быть, стоит передать ей, чтобы и тебя омолодила.

Король оказал особую почесть хаглорианцу, усадив его за один стол с собой на трапезе. Усаживаясь, Йоши заметил, как возле жаровни дочь короля передала подарок мага своему брату.

— Да с чего этот старый лесной дикарь взял, что я от него хоть что-то приму? Много чести! — и он кинул картину в камин.

— Слагер, да как ты можешь! — вскрикнула она, но тут же умолкла и виновато огляделась, вспомнив, как много вокруг весьма солидных людей.

Через некоторое время глашатаи объявили начало пира. Столы раздвинули полукругом, причем, король и наиболее приближенные к нему сидели в центре, остальные же теснились ближе к краям. Лакеи разносили угощения. Послышался звон бьющейся посуды и женский крик. Неудачливый слуга опрокинул поднос и вылил горячий суп прямо на белоснежное кружевное платье госпожи Нерилетт. О том, что его подтолкнул генерал Клаусвиль, сидящий неподалеку, он сказать, конечно, не мог.

— Ты, сын портовой шлюхи! — вскинулся граф Монсерад, который до этого старательно ухаживал за герцогиней, хвастаясь масштабом своих уделов и имений, — плати полную стоимость платья или я лично высеку плетью имя этой прекрасной леди у тебя на спине!

Он врезал слуге под дых, а затем мощным боковым ударом свалил паренька на землю. Генерал Клаусвиль расхохотался и захлопал вместе с другими мелкими дворянами-прихлебателями Монсерада.

— Как вы можете быть таким жестоким? — заахала Нерилетт, хотя в ее искренность мало кто верил, едва ли она прониклась сочувствием к парню с выбитыми зубами.

— Bravo! — вскрикнул царевич Слагер, тогда как его сестра была готова расплакаться. Гувер вскочил и принялся помогать парню встать.

— Не волнуйтесь, Ваше благородие, — процедил он сквозь зубы, — я могу возместить ущерб.

— Граф Вильнур Монсерад, — Эанрил Третий, погладив бороду, оглядел зрелище, — если вы снова позволите себе такое вызывающее поведение, я попрошу своего брата удалить вас из зала.

Командир королевской стражи стоял у двери. Густые темные волосы, обветренное загорелое обветренное лицо, лет около сорока пяти. И фамильный меч королевского рода, легендарный Фарендил, на поясе. Эрлингай Акреил, лучший фехтовальщик Аргои, ветеран Северной войны. Ни тем, ни другим Монсерад похвастаться не мог, но нашел в себе силы возразить:

— Ваше Величество, я всего лишь поставил выскочку на место, неужели нельзя...

Йоши, сцепив руки в замок и сдвинув брови, не вставая, спокойно произнес:

— Я бы не советовал спорить с королем.

Хотя в его словах не виделась угроза, но Монсерада от одного его взгляда сковал ужас,

так что он поспешно надвинул на глаза свою широкую шляпу с пером и сел на место.

— Они всегда выделяются, — Керрис Галарт с презрением посмотрел в сторону дворян.

Для него, человека, вышедшего из простонародья и сделавшего карьеру от солдата до главнокомандующего, было в крови сочувствие к людям вроде избитого молодого лакея.

Вскоре пиршество продолжилось как ни в чем не бывало. Слуги приносили новые яства к столу, из узких окон в толстых стенах крепости уже были видны звезды и сочился лунный свет. Йоши обменивался новостями с Азилуром, придворным магом, и Лукасом Тиролом, королевским советником. Маг всегда стремился выслушать как можно больше людей, чтобы увидеть происходящее в мире с практически любой точки зрения. На одном краю стола Монсерад нарочито расписывал генералу Клаусвилю успехи своей торговли с южанами клирийцами, хотя деньги для закупок их дорогих вин он наворовал из казны, мелкие дворяне изо всех сил старались изобразить восторг и восхищение, царевич со скучающим видом вяло поедал мясо с кровью, а его сестра принялась донимать Ревивана Гувера, чтобы он ей рассказал что-нибудь из историй прошлого.

Эрлингая вскоре сменил один из гвардейцев, и он сел между королем и Йоши. Внешне воин не был похож на представителя королевского рода. Скучающим взглядом своих карих глаз он смотрел, как сливки общества предавались увеселениям. Йоши знал многое об Эрлингае и понимал, что куда охотнее он разделит бы весьма скудную и незатейливую пищу у костра с солдатами.

— Мастер Йоши, — попытался он сидя поклониться, — какие вести вы принесли нам из дальних земель?

— Узнаю военного человека! Сразу к делу, — ухмыльнулся Йоши, — похвально, время не вернуть. Последние несколько лет я исследовал границы союзных земель. И то, что там происходит, требует личного внимания короля.

Эанрил Третий нервно облизнул губы:

— Мы что-то слышали о странных людях на окраинных землях. Но это, наверное, не более, чем слухи, — сказал король так, будто он сам себя пытался в этом убедить.

— Когда же вы, люди, поймете, — Йоши аккуратно положил посох на пол, — что дыма без огня не бывает. Все больше народу пропадает без вести. На местах бывших деревень все чаще остаются развалины. Многие сами уходят со своих жилищ туда, на отшиб ганрайских земель. Но почти все как один, кто там живет, любой уличный оборванец, знает о некоей общине. И она растет, набирает сторонников.

— Я слышал, не некоторые селения нападали маги, но они и колдовать толком не умели. Бросят пару примитивных заклинаний, а дальше идут врукопашную, — ответил Эрлинггай.

— Неофиты, друг мой, — пожал плечами Йоши, — постижение магического искусства требует времени и усилий, очевидно, эти люди вступили на путь совсем недавно. Но, понятно, это секта, нечто вроде магического ордена. И, разумеется, там есть свои, в некотором роде, патриархи, — Йоши помолчал, заглянув в глаза обоим собеседникам по очереди, но они молчали, — Вашему Величеству известно что-нибудь об их личностях?

Эанрил посмотрел на Эрлинггай, затем на Керриса Галарта, явно ожидая поддержки, затем вымолвил:

— Наверняка это какие-нибудь недоучки, возомнившие о себе невесть что. И какие только дураки могли присоединиться к ним?

— Недоучки? Боюсь, я разочарую благородного короля, — скривился Йоши, — среди них человек, бывший некогда моим учеником. Наши пути давно разошлись, а он моим наставлениям следовать перестал. Но обучил я его хорошо.

— Гм, — король нервно сглотнул, очевидно, беседа давно перестала доставлять ему удовольствие, — но даже если это талантливый чародей, сомневаюсь, что он представляет для нас угрозу. У Союза мощная армия, а ваш ученик, уважаемый архимаг и хранитель Хаглоры, едва ли сильнее Азилура и уж точно слабее вас.

— Но ведь о его союзниках мы ничего не знаем, — сказал Эрлингай, — кроме того, мы должны понять, каких целей эта группировка добивается. Мастер, для меня не открытие, что вы проверяете нашу осведомленность, но мы ничего не знаем об этих людях. Быть может, вы нас просветите?

Хотя Йоши давно наловчился сливаться с окружением, подобно хамелеону, находить общий язык со всеми вокруг, он чувствовал себя чужим на этом собрании людей с толстыми кошельками, роскошными одеждами и богатой родословной. Эрлингай, одетый в грубую рубаху из зеленого сукна и кожаную куртку поверх нее, выглядел немного простецки, но, по мнению Йоши, был достоин своего положения больше половины присутствующих.

— Они следуют весьма таинственному культу. Поклоняются тому, кто почти две тысячи лет назад едва не уничтожил наш мир. Но чего именно эти люди добиваются — для меня пока что сокрыто. Поэтому я и надеялся, что королю будет как минимум небезразлична армия чернокнижников, от которых не знаешь, чего ожидать.

Ослепительная вспышка синеватого цвета. Все в унисон подскочили с мест, Эрлингай с Керрисом схватились за мечи. Один Йоши и слишком дряхлый королевский советник Лукас Тирол спокойно остались на местах. Свет угас и в центре зала остались лишь три человека. Но они очень странно выглядели, словно бесплотные духи, все были прозрачными, от них исходила какая-то дымка, а огни факелов просвечивались сквозь их силуэты. Один из них был одет в кирасу и мощные наплечники и латные перчатки, а на лице носил железную маску, а тело его покрывал мешковатый балахон с широким капюшоном. Другой был невероятно худ, словно мумия, но он и выглядел подобно мумии — с головы до ног забинтованным. В центре же стоял тот, кого меньше всего ожидали увидеть. Краснолицый, с щупальцами вместо волос, одет в черного цвета мантию. Все трое в руке держали посохи, но если у бронированного это была странная смесь клинка и магического жезла, у мумии — какой-то ритуальный скипетр с перьями на вершине, а у краснокожего типа забытой многими расами посох был само изящество — эбеновый, длинный с идеально симметричным кертахолом на навершии. У всех глаза светились алым огнем. Те, кто помнил предания древности, догадывались, что краснокожий принадлежит к расе горхолдов. Но поскольку это были лишь фантомные образы, а не живые тела, никто не мог с уверенностью сказать, реальны ли они или это всего лишь иллюзия. Если верить легендам, горхолды давно вымерли. Йоши напрягся. Посох в мгновение ока оказался у него в руке. Он вглядывался в них, пытаясь что-то разгадать, но так ничего и не смог сделать. Тот, кто носил маску, вышел вперед. Один из стражников занервничал и рефлекторно выстрелил из арбалета. Но стальной болт прошел сквозь прибывшего, он даже не обратил на это внимания. Керрис Галарт сделал жест рукой и сразу же всех троих стража взяла в кольцо и направила на них клинки и алебарды.

— Вы, я погляжу, не сильно заняты? — пророкотал его гулкий голос, — мы ненадолго.

— Кто вы такие? — крикнул Монсерад, но тут же осел и побледнел, когда алые глаза из

прорезей стальной маски устремились в его сторону.

— Мы те, кто принес с собой волю истинного повелителя, — было заметно, что и у горхолда на черной мантии, и у Варзхела на нагруднике, и у этой ходячей мумии на бинтах была выгравирована перечеркнутая буква А — Йоши мгновенно понял, что это символизирует — древнее царство Азрога, — мы призываем ответить короля Эанрила Третьего, готов ли Союз покориться воле императора Заргула?

— Великого хранителя подземелий Азрога, Азарельда, народа горхолдов и всего живого на Ранкоре, — дополнил краснокожий.

— Того, о ком вам не следовало забывать и кого не так просто убить, — прошипела хриплым голосом мумия.

— Это какая-то шутка? — спросил король, все еще отказывающийся верить в то, что такие культы могли существовать.

— Если вы так думаете, скоро вам будет не до шуток, — человек в маске прошел сквозь одного из охраны и почти вплотную подошел к Эанрилу Третьему, — покоритесь — или быть войне. И мой учитель, — взглянул он в сторону Йоши, — вам ничем не поможет.

— Варзхел, — спокойно сказал Йоши, — я слышал о твоих делах, но чтобы ты поклонялся ему? Неужели я так плохо учил тебя истории?

Варзхел прочертил посохом-клинком в воздухе эмблему, нарисованную у него на груди.

— Император Заргул уже готов повести всех нас за собой в будущее. Вы слишком погрязли в своих интригах и дрязгах с другими народами. Теперь пришел тот, кто наведет порядок на Ранкоре. Решайте — есть ли для вас место в этом новом будущем.

— На размышления Его Величеству будет дана неделя, — добавил горхолд, — советую не замедлять с ответом.

— И также советую согласиться. Император не из тех, кто прощает своих врагов. Однажды он проиграл, отныне будет по-иному. Если Союз согласен покориться — я передам это своему властелину. А контроль от его имени здесь будет осуществлять мастер Хейларг — первый маг императора, — он махнул призрачной рукой в сторону горхолда. Наше вторжение неизбежно. Мирным оно будет или кровавым — зависит только от вас, в конце концов, Заргул всегда возьмет то, что хочет.

— Да? — осклабился Йоши, — а вот история иного мнения. Да и мы так плохо знаем вашего хозяина. Я, конечно, стар, но не настолько же. Может быть, вы погостите у нас и расскажете?

— Все, что нужно, уже было сказано.

— Друг мой, с чего ты взял, что это приглашение? — изумрудный кертахол засиял ярче жерла вулкана.

Йоши вскинул посох, но тут же все фигуры окутала серая завеса, и спустя мгновение они исчезли. Но хаглорианский мастер-маг был готов поклясться, что среди этих сгустков дыма он разглядел лицо, которое он видел разве что в записях о легендах прошлого. Оно смеялось ему в лицо. Мифический персонаж, которого все успели позабыть — и вот он вернулся.

Званный ужин окончился, едва начавшись. От короля не укрылось, что многие гости после такого были не прочь убраться подальше. После того, как Йоши кое-как удалось на ходу придумать убедительную версию о том, что нежданные посетители были не более, чем галлюцинацией, видением, созданным лиходеями-чернокнижниками, остались совсем

немногие. Военные, Керрис с Эрлингаем, сам король и королевский советник Лукас. Ревиян Гувер тоже хотел остаться и принять участие в стратегическом совете, но Эрлингай вежливо попросил его удалиться.

— Эрлингай, ну пойми же, я хорошо осведомлен обо всем, что связано с фигурой Заргула. Я досконально изучил священную Книгу Трех Миров, прочитал почти все попытки писателей прошлого запечатлеть войну Ранкора Несокрушимого, спасителя мира нашего, и Заргула. Я подчерпнул оттуда столько материала для своих творений. Попроси короля, чтобы он позволил мне принять участие в совете, тебе же не трудно. Ну будь другом!

— Господин Гувер, — устало вздохнул Эрлингай, — я прекрасно понимаю ваше рвение и интерес, даже ценю это, но только что произошло серьезное преступление. Кто-то осмелился нарушить ход королевского мероприятия, более того, незаконно пробрался во дворец. Одно дело — предаваться грезам о древнем мире, а обсуждать политические решения — совсем другое.

— Грубо говоря, если хочешь помочь — катись отсюда, архимаг Йоши явно побольше тебя знает, — закончил Клаусвиль.

— Как скажете, генерал, — скрипнув зубами, Гувер саркастически отсалютовал ему и быстрым шагом удалился.

Они перешли в тесный кабинет главнокомандующего Галарта, который больше напоминал кладовку. Кроме стола шириной почти на весь периметр, хлипкого шкафчика и карты Союза на стене там больше ничего не было. Король, как ему положено, сел во главе стола, остальные кое-как сумели себя втиснуть между стеной с отваливающейся штукатуркой и краем стола.

— И как прикажете это понимать, господа? — король словно совсем утратил самообладание, — мало того, что они выдвинули нам безумные требования, так еще и говорят от имени существа, которое даже не известно, существовало ли.

Йоши пожал плечами:

— Заргул существовал, сомнений нет. Учитель моего учителя своими глазами видел его падение, это было задолго даже до моего рождения. В глубокой древности, друзья. Но теперь, Ваше Величество, вы верите, что необходимо хотя бы узнать, что из себя представляют силы этих людей?

— Нам правда необходимо отправлять на окраины Ганрая регулярную армию? — не сдавался в своих сомнениях король, — быть может, это их происки, розыгрыш?

— Мне слабо верится в такое, — ответил Эрлингай, задумчиво глядя в сторону паука, который сползал с трещины в потолке, — если они осмеливаются бросать вызов королю всего Союза, то их намерения скорее всего очень даже серьезные. Любой должен понимать последствия таких угроз.

— Но Заргул был убит! — воскликнул король, — почему нас просят покориться мертвецу?

— Он был повержен, — ответил Йоши, — когда богиня природы и жизни Анлариэль пожертвовала собой, чтобы передать свои силы Ранкору Несокрушимому, тому удалось мечом, — он указал в сторону клинка Эрлингай, — вашим фамильным, Фарендилом, нанести ему серьезный урон. Азрог пришел в упадок, а горхолды перестали появляться на наших континентах. Но кто сказал, что они перестали существовать? И с чего ты взял, что Заргул не выжил, сохраняясь в иной форме? Мы знаем точно лишь что пострадала его телесная оболочка.

— Если верить преданиям, военная мощь Азрога была невообразимой, — сказал Эрлингай.

— Это фантазеры вроде Гувера несколько преувеличили масштабы той армии, нас же там не было, — ответил Клаусвиль.

— И к тому же, — подключился Керрис, — сейчас нам нужно заняться реальной проблемой — фанатиками вроде этого Варзхела и его приспешников. Кто сказал, что Заргул реально существует сегодня? Может, они лишь поклоняются ему, как какому-то символу?

— Как вспомню эти их адские глаза, так мурашки по коже, — поежился король.

— К сожалению, мы вынуждены признать, что дух Заргула с ними и правда выходит на связь, — ответил Йоши, — я пытался понять хитросплетения их чар, понятно, что присутствовали лишь их проекции, а не они сами. Я хотел нащупать структуру заклятия, чтобы перетащить хоть кого-то из них в залу, схватить и затем допросить. Но не смог. Я ощутил такую мощную защиту, что не оставило сомнений — их сознания перенесло к нам существо магически одаренное более, чем любой из живущих. И его аура была поистине дьявольской, она словно кипела силой и злобой.

Они немного помолчали, обдумывая события. В комнате стало темнее, когда из окна подул ветер и задул свечу, стоявшую на шкафу. Остальные уже почти догорели.

— Как минимум, — Йоши подался вперед, огонь осветил его худое морщинистое лицо, — я рекомендую Его Величеству распорядиться о карательных мерах и незамедлительно отправить к границе как минимум две трети войск Аргои. Вашему покорному слуге можно предоставить убедить ганрайского императора оказать всевозможную поддержку.

— Боюсь, что это невозможно, — ответил король, — нашего внимания требуют набеги равшаров, борьба с преступностью, к тому же другие народы должны знать, что наши войска держатся при правителе, а не растекаются по границам, выискивая, быть может, горстку свихнувшихся колдунов.

— Да и вообще, быть может, это происки наших врагов, чтобы отвлечь внимание короны и ослабить оборону Аргои?

— Если они поселились на окраине Ганрая, то пусть ганрайцы с этой проблемой и борются. Союз мы или нет?

— Ваше Величество, этого может быть недостаточно, если позволить мятежникам набрать силу...

— При всем уважении, мастер Йоши, я уже принял решение, — ответил Эанрил.

Йоши стиснул зубы, но тут же поник.

— Разумеется, Ваше Величество. Тогда разрешите откланяться. Я переночую в городе, а затем незамедлительно отправлюсь в Ганрайские земли.

Собрание подошло к концу, но у мага было ощущение, что Аргое не повезло с правителем. Но ведь она его не выбирала, разве не так? По крайней мере эта мысль вертелась в голове у старого хаглорианца, когда он уже покинул дворец и углубился в городские трущобы в поисках подходящей лачуги, которую можно снять на ночь почти за бесплатно.

Все вокруг полыхало неугасимым огнем. Леса Лайнур-Арая трещали, словно поленья в печи, высоченные деревья, обуглившись, падали. Йоши смотрел, как сгорает его родина, видел, как из древесных домов с покрытыми дерном крышами выволакивают его сородичей

и жестоко убивают вооруженные до зубов горхолды. Он хотел им помочь, вмешаться, испепелить врагов, сокрушить их своей волшебной силой, но он не мог ничего сделать, старого волшебника словно парализовало. Он мог только наблюдать со слезами в глазах. Но жар огня и едкий дым он отчетливо ощущал. Его перенесло на равнины, где остатки армии Союза бежали, а за ними гнались горхолды, оседлавшие каких-то странных тварей, похожих на огромных ящеров. Ящеры хватали людей и рвали их на части, если горхолды не успевали достать их мечом или копьем. Его перенесло на Побережье Кесилора, где все каменные строения амфибий скиарлов были разрушены и тлели, как тлела и Хаглора. Его отнесло дальше, Йоши словно парил над океаном. Там обломки величайшей скиарлской флотилии покачивались на волнах, а обитые железом фрегаты с эмблемой Азрога и алыми с синим парусами медленно, но верно плыли к берегам. Он видел толпы равшаров, которые словно обезумели, они с горящими глазами и дикими воплями кидались на стойкую фалангу горхолдов ошестившихся копьями, они яростно били по прочным доспехам своими костяными мечами, но им не удавалось даже поцарапать врагов, после чего их забивали, точно скот. И вот Йоши стоит на большом холме, внизу что-то вроде огромного города. Это Звездный Град на Пятиконечной Скале, обитель крылатых флорскелов. И на ней снуют закованные в кандалы представители всех существующих на Ранкоре рас. Всех, кроме горхолдов. Те с палицами или кнутами подгоняли поработанных, передававших воду, бревна, металлолом. Они здесь строили какие-то огромные стальные вагоны, но размер их был поистине гигантским, рабы были на фоне своих творений словно муравьи. И в облаках Йоши увидел немыслимых размеров существо, которое встречали до него разве что в древности. Вытянутое алое лицо, над головой высится целый лес рогов, точнее, ороговевших щупалец, а руки он простер, словно был способен объять все свои владения. Все, что он завоевал. Заргул смеялся Йоши в лицо, словно говоря: «И что ты будешь делать?»

Проснулся старик в холодном поту. Откинув рваное заплатанное одеяло, он оглядел свое прибежище. Из кривого окна этой ветхой хибары, ставни которого давно уже отвалились, лился лунный свет, на дворе стояла глубокая ночь. Прямо перед его кроватью была та, кому его народ поклонялся издревле. Высокая, выше него, смуглая, волосы густо-зеленого цвета, а глаза цвета осенних листьев. Платье у нее было простецкое, местами оборванное, так что открывало виды на ее ланиты, но старик не смел даже помыслить о том, чтобы любоваться ее достоинствами.

— Великая Анларизель? — он вскочил и собрался упасть на одно колено, но она жестом остановила его.

— Чем я могу служить тебе, богиня? — он остался стоять.

— У меня мало времени, Йоши, — сказала девушка, — я сдерживаю его, сколько могу, появиться здесь надолго не получится. Заргулу сложно мешать возвращать силы. Выслушай, прошу, это очень важно для всеобщего будущего.

Если богиня не желает, чтобы ее перебивали, он не будет задавать лишних вопросов.

— Слушаю, богиня.

— Заргул пробудился. Он пока не способен вернуть себе телесный облик, но дух его уже вернулся в исходную форму. Он набирает сторонников, но скоро будет готова империя Азрога к атаке. Нужно быть готовыми ее отразить. А сделать вы это сможете лишь вместе. Пожалуйста, узнай больше об их истинных силах в Ганрае, постарайся подавить их мятеж. Если получится объединить силы всех народов до их атаки, успеха им не видать.

— Я понимаю, не уверен, что у меня выйдет все, но я постараюсь.

— О, я когда-то тоже была не уверена! — улыбнулась она, мгновенно приподняв Йоши уверенности и радости — ему улыбается сама богиня природы, — но я лишь делала то, что должна была. Делаю и сейчас, после смерти. Ты справишься не хуже меня, архимаг Йоши-Року.

Все словно растворилось, расплылось. Вот он опять открыл глаза и поднялся. В хижине не было никого, кроме него самого. За окном уже рассвело. А Йоши по-настоящему пробудился.

Йоши уже собрал свои пожитки в небольшой дорожный мешок, завязал его, схватил посох и вышел на узкую улицу квартала, в котором жили бедные. У порога стоял Эрлинггай. Меч он, конечно, держал при себе, но одет был так же, как и на прошлый день, без брони.

— Мастер Йоши, — Эрлинггай поклонился ему, — видите ли, у меня тоже есть дела государственной важности в Ганрае. И они нас объединяют. Думаю, мне понадобится опытный спутник, вроде вас.

— Эрлинггай? Друг мой, у тебя должно найтись множество дел и здесь, к примеру, защищать короля. Меня одного там будет более чем достаточно. Не рискуй собой понапрасну.

— Я лично знаю человека, который руководит Карательным Отрядом в Ганрае. Мы воевали на Севере вместе. К магам он относится с недоверием, со мной у вас больше шансов найти взаимопонимание, разве нет? Да и потом, помогать архимагу подавлять мятежи — разве не лучшая защита моего брата?

Йоши бессильно развел руками.

— Да что я говорю? Забудь! В конце концов, жизнь воина построена на риске. Меня восхищает твоя преданность отечеству, Эрлинггай, поэтому будет большой честью, если ты присоединишься.

— Как и для меня, — белозубо улыбнулся Эрлинггай, — тогда решено — выдвигаемся, мастер Йоши?

— Забыл предупредить, что у меня свои методы преодоления расстояний. Искать лошадей нам не придется. Применим немного магии.

— Сразу скажу, что у меня нет никаких способностей.

— А и не надо! — рассмеялся Йоши.

Его кертахол опять блеснул, а старый маг положил руку Эрлинггаю на плечо. Спустя секунду их на улице уже и след простыл.

Глава 4: «Расхитители гробниц»

Вархул, столица Ганрая. Древний город с богатой историей казался крошечным на фоне стены Вархула. Городская крепость, в которой жил император, не достигала даже половины высоты этой стены, ну а ратуша, в которой работали высшие чиновники, и остальные дома, тесно пристроенные друг к другу, неровно стоящие и оттого кренящиеся, и вовсе смотрелись жалко. Эту стену начали строить при первом императоре Ганрая, который заключил союз с королем Аргои, достроили же ее спустя несколько веков. День был солнечный, но уже начинало вечереть, тучи сгущались, собирался дождь. Город, как всегда, переполнен людьми, везде уже зажигали огни, а на домах по-прежнему висели веревки с тряпьем, которое горожане стирали. Вокруг Вархула было еще несколько крупных городов, но большинство жителей Ганрая жили в селах, как, впрочем, и в Аргое.

У ворот Гилеарда, центрального замка, встроенного в эту гигантскую стену, ограждавшую границу земель Союза, уже почти час стоял крестьянин. Наконец его пропустили, промокнув под дождем, он уже успел проклясть весь штаб Карателей. Иронично, что когда до стены, в которой обретались Каратели, национальная гвардия Ганрая, доходили известия о преступлениях, то стражи порядка всегда действовали молниеносно. Но вот простому человеку, ожидавшему приема, они могли не уделять внимание целую вечность. Крестьянин прошел огромную площадку, на которой тренировались воины, фехтуя друг с другом оружием разного рода, бегая по кругу или же избивая чучела, набитые сеном, деревянными мечами. Он попытался пройти дальше, вглубь замка, но часовые его остановили. Крестьянина попытались даже прогнать, но он настоял, чтобы о его приходе передали весть командующему Гилеардом. Часовой было рассмеялся, но стоило крестьянину упомянуть, что он пришел доложить о происшествиях с адептами темной магии, солдаты сразу же переменились в лицах и отнеслись серьезно к его визиту. В ожидании он прохаживался взад-вперед, оглядывая тренировочную площадку. В основном здесь оттачивали свое мастерство молодые парни, в основном ганрайцы, это было заметно по их одежде — заправленные в портянки мешковатые штаны и подпоясанные куртки, которые застегивались, как обычный халат. Он заметил небольшую компанию в углу, возле мешков, на которых отрабатывали рукопашный бой. Светловолосая девушка, у которой был виден только один глаз — второй закрывала челка, стояла, облокотившись на стену, не обременяя себя какими-то занятиями, мужчину отчасти бандитского вида — волосы выбриты по обоим бокам и лишь посередине они стояли высоким гребнем, окрашенным в красный цвет. Руки же его были изрисованы татуировками — какие-то надписи, лозунги, рисунки в виде сердец, пробитых стрелой, клинков и черепов. Он отрабатывал трюки с шипастым кистенем, раскручивая его с такой скоростью, что цепь размывалась в плотные круги. Другой мужчина того же возраста, отличался огромным ростом — больше двух метров. Он явно был северянином, его соломенного цвета борода и спутанные волосы делали его похожим на героя из книг о Северной войне, но, как ни странно, никого это не отпугивало от него. Северянин приседал с натугой, блестящим от пота красным лицом, держа на спине охапку бревен. Смуглая девушка с юга, из солнечной Клирии, делала самое сложное, по мнению крестьянина, упражнение — пыталась взбежать по стене. Ей удавалось сделать самое большее — пять шагов, после чего она отталкивалась от стены и, исполнив сальто, плавно приземлялась, как кошка. В отличие от светловолосой, она была коротко

подстрижена, так что ее обзору мало что мешало. Девушка, стоящая у стены, заметила гостя и подозвала жестом. Ее компаньоны прервали свои попытки превозмочь себя, северянин с грохотом бросил бревна, и они с некоторым интересом уставились на него. Та, что его подозвала, была совсем молода, ей было не больше восемнадцати.

— Приветствую, почтенный, — сказала она с искренним уважением, тогда как остальные смотрели на него больше с недоверием, — что привело тебя в Гилеард?

— Кэлрен, — обратился к ней татуированный, — долго еще ты будешь всем приходящим задавать вопросы? Командор и без тебя разберется.

— А ты не лезь! — крикнула соратнику клирийка, плавной походкой приближаясь к крестьянину и обходя его, — мне, может, тоже интересно, что там в мире происходит.

— И ты туда же, Энмола, — бросил со стоном свою булаву человек, — потом же все равно мы обо всем узнаем.

— Да пусть рассказывает, — сказал северянин, — жалко, что ли?

— Наше селение находится в нескольких часах пути отсюда, — оправив рубаху, начал крестьянин, — боюсь, сейчас там неспокойно. Обезумевшие равшары вломились к нам и требуют пропустить их в какое-то старое каменное святилище на окраине нашей деревни. Требуют от нас подчинения, а всех несогласных убивают.

— Илгериас сохрани, — прошептала Кэлрен.

— Ты Каратель, подруга, пора бы тебе уже привыкнуть, что мир бывает жестоким, — сказала темнокожая Энмола, — а вот про святилище давай поподробнее. Чего этим уродам из пустоши нужно?

— Знаете, у нас в деревне есть маг. Некромантию практикует. Он написал письмо вашему командующему и умолял, чтобы я незамедлительно доставил его. Я не читал послание, ему лучше знать, что там, но он упоминал, что там кто-то захоронен.

— Раскапывают гробницы, значит, — сказал татуированный, — хм, это интересно. А как ты оттуда выбрался? Равшары вряд ли отпустили кого-то, если они захватили территорию.

— Ну, понимаешь, мы с некрмантом заключили сделку. Он помогает моей семье перебраться в безопасное место с помощью своей хваленой магии, а я доставляю сюда его письмо. Любой уважающий себя мужчина не стал бы бросать своих близких на произвол судьбы. Но мой брат остался в деревне.

— Мы постараемся его найти, обещаю, — Кэлрен похлопала его по плечу, в глазах ее было искреннее сочувствие.

Парень с прической-гребнем поцокал языком, мол, глупо давать обещания, которые могут оказаться невыполнимыми.

— Спасибо, дорогая, — в его глазах чуть не навернулись слезы, но он нашел в себе силы удержаться.

Из врат в главное здание крепости вышел вооруженный человек, сопровождаемый двумя воинами-копейщиками. На поясе его висел зазубренный кривой клинок. Его рыжие кудрявые волосы были подстрижены коротко, что только подчеркивало его жесткие черты лица, мощные скулы и челюсть, выпирающую вперед. Одного глаза у него не было, его закрывала повязка. Он язвительно ухмыльнулся, увидев крестьянина, словно ему доставила удовольствие возможность над кем-то возвыситься.

— И на таких, как ты, наш командор должен тратить время? На такую чернь? Даже я, Норберт Гартахол, его правая рука, чувствую себя оскорбленным. Что ж, он ждет тебя.

Шевелись, червь.

У крестьянина на лоб глаза полезли, он встречал много заносчивых людей среди дворян, но не ожидал увидеть такое отношение к людям его сословия здесь, среди защитников границы Союза и всего Ганрая. Кэлрен с сочувственным взглядом развела руками, а Энмола, проходя мимо, сказала, подмигнув ему:

— Когда встретишься с командором, будь осторожен в словах. Он, мягко скажем, не самый уравновешенный человек, хотя и один из лучших в своем деле. А на этого рыжего и конопатого забей, мужик, он тот еще мудака, все это знают.

Крестьянин усмехнулся и, ничего не сказав, побрел следом за Гартахолом. Его провожали взглядом каратели, оторвавшиеся от тренировки, но первый помощник командора обернулся и рывкнул:

— А вы чего встали, как истуканы деревянные в Хаглоре? Тренируйтесь, вам потом за родину сражаться и погибать, если будете филонить!

Двери закрылись, и снова послышался лязг клинков и гулкие звуки ударов бравых воинов Ганрая.

Человек в покрытом грязью дорожном плаще подходил к частоколу. Дождь лил как из ведра, но капюшон его был откинут. Пасмурная, холодная погода была под стать его одежде — под серой накидкой скрывался панцирь с потусклевшими от времени и покрытыми рубцами и царапинами пластинами. Его брюки были заправлены в туго затянутые портянки, на которых виднелся толстый слой слякоти. Сам же человек был весьма нетипичного виду. Белые растрепанные волосы колтунами свисали в разные стороны, точно иглы на спине дикобраза. Красные, как у демонов подземелий Азрога, глаза искрились как горнило кузни. Точнее, таким глаз был один, второй был абсолютно незрячим, остался лишь помутневший белок. Его быстрый взгляд постоянно перемещался, точно он выискивал цель. Движения его были резкие, а походка — немного хромой, но уверенной и выверенной, словно он всю жизнь провел, маршируя на плацу. Спину он держал прямо, но все время подавался вперед, точно собирался устремиться вперед со всех ног. Он не был стариком, но и молодым, безусловно, уже не являлся, на его узком худом лице давно вырисовывались глубокие морщины. Атлетом он не был, но в жилистом теле этого красноглазого альбиноса кипело столько энергии, что хватило бы на двадцатерых. Лицо человека пересекали уродливые и глубокие шрамы, один проходил через глаз, что сразу давало понять, как он его лишился, два других — прорезали левую скулу и подбородок. Под накидкой прятался довольно длинный меч без ножен. Станный и жуткий на вид путник уже выходил из редких зарослей хвойных деревьев, перемешанных с обилием колючих кустов, и подошел к косому и облезлому забору, который, разумеется, изобиловал массой надписей вроде признаний в любви, оскорблений, насмешек, в том числе и над короной. Альбиноса интересовала лишь одна надпись: «Деревня Козьи Загоны». Лишний раз удостоверившись в правильности своего маршрута, он зашагал еще быстрее.

Всего полтора десятка домишек и небольшое стадо коз, пасущееся на лугу у забора — вот тебе и все козьи загоны. Оскалившись, он с явным энтузиазмом оглядел село, словно прикидывал, как его можно обустроить достойно. Весь Союз красив в больших городах, что можно пересчитать по пальцам. Отойди от них — и кроме куцых поселков и девственных лесных или степных угодий мало что увидишь. Несколько прачек, что полоскали белье в ручье и судачили о своем, о женском, завидев гостя, живо собрали свои вещи и разошлись по

домам. Дети же, игравшие в грязи в мяч, еще раньше пустились наутек. Очевидно, их всех пугало одно — на груди у этого человека висел медальон, на котором была изображена эмблема Карательного Отряда — алый кулак на фоне желтоватого пламени. И носить такую мог лишь его командор. Безусловно, все здесь знали, кто он такой. Старый крестьянин в соломенной шляпе был одним из немногих, кто не побоялся остаться на месте при его прибытии. Даже собаки, которые привыкли лаять едва ли не на каждого пришедшего, на этот раз лишь жалобно скулили и, поджав хвосты, забивались скамью.

— Глоддрик Харлауд, — старик выпустил струю дыма, не вставая, — какое удивление. Чем могу помочь тебе?

— Командор Харлауд, — облизнув губы в вызывающей усмешке, прохрипел странник.

Не знать Глоддрика Харлауда было невозможно. Этот человек был если не лучшим, то одним из лучших мечников, да и вообще воинов во всем Союзе. Воевал с равшарами в пустошах, ветеран Северной войны, а затем подавлял беспорядки в солнечной и жаркой Клирии, на юге. Командующий карателями. Практически все преступники, до кого добрался молот правосудия карателей, были пойманы им. А чаще — убиты. Поговаривали, что он и не человек вовсе, а древний могущественный дух, заключенный в смертное тело. Северяне часто с неохотой признавали, что их бесстрашные воины берсерки ему и в подметки не годились. Если у тех еще оставался инстинкт самосохранения, Глоддрик был его лишен начисто. И несмотря на то, что через три года ему перевалит за шестьдесят, он все еще был опаснейшим противником.

Внезапно Глоддрик изменился в лице и устремил на старика взгляд, полный нетерпения и озлобленности. Морщин вокруг его глаз прибавилось.

— Я по делу, — процедил сквозь зубы он, — где сдох ваш некромант?

— В трех домах от хижины старосты деревни нашей его лачуга, там он и помер, — житель селения боялся тратить время главного карателя понапрасну, но когда Глоддрик, не поблагодарив, повернулся кругом, осмелился спросить, — вы ведь там в Гилеарде, может, знаете, у нас большие проблемы! Эти варвары из пустошей нас запугали, их здесь сейчас нет, но они вернуться. Они ищут здесь что-то. Что-то на окраине...

— Я разберусь! — рявкнул Глоддрик, резко обернувшись, крестьянин даже подскочил.

Он прекрасно знал о бедах Козьих Загонов. Когда ганраец, пришедший жаловаться на эти проблемы, пустился в излишние опасения за свою семью, Глоддрик был готов вломить ему со всей силы от злости. Еще бы — часть земли его родины захватили отбившиеся от своих племен равшары, а его драгоценное время тратит какой-то напуганный недотепа. Дом старосты, надо сказать, мало чем отличался от остальных, правда был на этаж больше, а его крыльцо было выстлано расписным ковром, на котором валялись комья земли, где ползали муравьи. Один из домов на окраине деревни был действительно обгоревшим, как и рассказывал недавний собеседник Глоддрика. Одни почерневшие остовы и какие-то груды тлеющего дерева, оставшиеся от мебели. Рядом стояло несколько деревенских мужиков. Один из них, в украшенной красной вышивкой рубахе, вышел вперед.

— Командор Харлауд? — он сразу изменился во взгляде с раздраженного на испуганно-удивленный, — вы уверены, что хотите осмотреть этот дом? Все же, частная собственность, пусть и ничья уже.

— Ордер на обыск имеется, — он словно выплюнул с отвращением эти слова, скривившись.

— Ах, да, конечно, простите, это я так, — поднял руки староста в примирительном

жесте, — вам чем-нибудь подсобить здесь?

В послании некроманта, которое Глоддрик прочел несколько часов назад, было сказано лишь о необходимости явиться как можно скорее и также была нарисована примерная карта деревни, на которой красным крестом была отмечена гробница на ее отшибе. Говорилось и о том, что равшары, если они раскопают ее, получают убийственной силы оружие. Вот только какое именно — он не написал, видимо, боялся, что письмо могут перехватить.

— Кто захоронен поблизости? — спросил Глоддрик.

— К сожалению, мы точно не знаем. Слышали, это то ли какой-то воин глубокой древности, а может, и чародей. Вот зачем он нужен равшарам, мы не...

— А кем и откуда был местный книжник?

— Хм. Ну, вроде как, он был метисом, отец его вроде из Клирии, а мать здешняя. Практиковал, вот, свою черную магию, все ходил в подлесок наш, выискивал там живность, умерщвлял ее, пытался воскресить. Хорошо, что мы ему это запретили, правда, зачем равшары так интересовались им, мы не...

— Достаточно, — Глоддрик оттолкнул с пути спутников старосты, опрокинув одного на землю, и зашел вглубь останков строения, — убирайтесь.

Никто не посмел вымолвить и слова, людей как ветром сдуло. Дождь уже перестал, но небо никак не прояснялось. Земля стала до ужаса склизкой, на этой влажной глине поскользнуться было проще простого.

Глоддрик пинком откинул груды обломков обгоревшего шкафа, а затем вышел к остаткам двери, которая, как ни странно, была закрыта, хотя комната, которую она скрывала, была открыта, стен ведь больше не было. Глоддрик плечом вышиб дверь с легкостью и начал осматривать, судя по котлу в камине и обгоревшему обеденному столу, бывшую кухню. Но что сразу привлекло внимание карателя — открытый лаз в погреб, крышку недавно сорвало с петель. Обойдя дом, он не нашел ничего, кроме сгоревшего хлама и кучи сажи. Недолго думая, он прыгнул в ход, не воспользовавшись лестницей.

Здесь пол был, на контрасте с хрустящим обуглившимся дощечным покрытием в хижине, твердым и каменным. Здесь бочки стояли рядами, но Глоддрик сомневался, что в них хранили вино. На нескольких рядах полок сверху стояло множество разнообразных эликсиров всех цветов радуги. На столе в центре погреба лежали лапы, головы, кости лягушек, змей, волков и даже один небольшой череп дракона. Точнее, должны были лежать, стол был опрокинут, а все, что пылилось на нем, было рассыпано на полу. Несколько бочек были пробиты, из них вытекала какая-то зеленоватая жидкость, от которой пол дымился. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что здесь произошла драка — подумал Глоддрик, разочаровавшись, что упустил «веселье». Тело некроманта валялось возле стола. То, что осталось от этого человека, любого мирного жителя привело бы в истинный ужас — тело словно изъело какой-то кислотой, растворяющей плоть, сквозь облезлую кожу и куски плоти и скукожившихся внутренностей проглядывали кости. Глоддрик и бровью не повел — ему пришлось видеть много вещей и похуже, да и сам он еще не так уродовал людей. Убили его явно какой-то магией, командор не раз видел трупы жертв чернокнижников примерно такого же вида. Вот только из-под опилок, оставшихся от сломанных бочек и кучи тел крыс и каких-то земноводных сверху виднелся краешек кожного переплета. Глоддрик вытащил небольшую тетрадь, которая уцелела, лишь едва обгорев. Написана она была от руки до ужаса корявым почерком, многие страницы были порваны или заляпаны какими-то жирными разводами. Свет был плохой, но давно уже Глоддрик видел в темноте лучше

других. Он нетерпеливо перелистывал страницы, вырывал, комкал и отбрасывал то, что казалось ему лишним. Это был дневник погибшего некроманта. Почти половину страниц описывались рецепты зелий, были списки необходимых атрибутов для воскрешения мертвых — очевидно, магом он был слабым, ведь мастеру посторонние предметы-усилители не нужны, но на странице, где была изображена какая-то постройка, Глоддрик остановился. Неумело была зарисована каменная арка, которая вела внутрь низкого холма. Дальше было зарисовано некое подобие карты этого подземелья, а на следующей странице Глоддрик увидел изображение захоронения. Было нацарапано на странице что-то на древнем варианте языка Лагор-Валариса, который помнили разве что немногие из хаглорианцев. Написаны были, скорее всего, слова воскрешения, но Глоддрика это не интересовало. А вот то, что дальше была масса рисунков высокорослого краснокожего существа с лесом рогов вместо волос на голове, сразу привлекло внимание немолодого карателя. На одном из набросков это существо сидело на троне, облаченное в броню, покрытую длинным плащом. Подпись «Император Заргул — Хранитель Подземелий Азарельда и император-самодержец народа Азрога» не сказала Глоддрику ничего нового, не узнать Заргула было невозможно, может, каратель и не интересовался чтением книг навроде тех, что писал Гувер, но историю и легенды древности он изучил досконально, хотя бы чтобы понять, в каком мире ему предстоит наводить порядок. На последних страницах дневника были лихорадочно записаны последние потоки мысли покойного чернокнижника.

«27.04.1707. Месяц назад я решился. Я был в этой гробнице. До сих пор мурашки по коже, не знаю, смогу ли я даже записать об этом без приступа панических атак. Попробуем. Ингредиенты были готовы, слова я знал. Я начал читать заклятие. Но тут появилось его лицо. Тело осталось лежать, ведь до конца ритуала было далеко, но я отчетливо видел это дьявольское лицо в красной дымке. И хриповатым, зловещим голосом оно произнесло: «Даже потомки врага моего исполнят мою волю. Покорись, смертный, и тебе найдется место в новом мире. В моем мире!» Меня тянуло взглянуть в его искрящиеся глаза, но я не мог оторвать взор от пола, ведь понимал, что, взглянув однажды, я навеки стану его рабом. Я бежал быстрее ветра, чуть не заблудился в этих треклятых лабиринтах, но выбрался на поверхность. И даже снаружи до меня доносился его свирепый рев.»

— Ах ты, сукин сын! — Глоддрик со всей силы пнул труп неудачливого воскресителя мертвых.

Культ Заргула существовал давно. Некоторые равшары, по примеру давно погибшего их вождя Кшатриона Кроволикого, поклонялись ему. Попытки отыскать захоронение долгие годы были безуспешны, очевидно, культисты не знали, где искать. Но этому повезло, волею судьбы он нашел тот самый склеп. И теперь равшары воспользуются его знаниями. Для чего? Воскресить Заргула? Идея казалась Глоддрику донельзя бредовой. Но гадать он не любил, к чему это, если можно все спросить у самих расхитителей гробниц. А после пыточных орудий его правой руки, Норберта Гартахола, даже суровые воины пустоши равшары становились уж очень болтливými. Вырвав из дневника карту подземного лабиринта, командор Карательного Отряда поспешил на поверхность.

Глоддрик невероятно быстрым шагом, учитывая свою легкую хромоту, обошел скопление хижин, из которых к затянутому тучами небу поднимались струи дыма. Дождь уже перестал, но земля оставалась кашеобразной, чавкая при каждом шаге. Когда дома кончились, он вышел на редкую поросль крапивы, а неподалеку было что-то похожее на

амбар, небольшое прямоугольное здание из посеревших от времени и покрывшихся плесенью досок. Возле строения маячил туда-сюда паренек лет восемнадцати, одетый заплатанную деревенскую рубаху и стриженный под горшок.

— Пойдите, вам сюда нельзя, секунду... — Глоддрик отпихнул его и сделал несколько шагов внутрь.

Селяне устроили здесь импровизированный лазарет. Прямо на мешках с зерном вместо подстилок лежали перевязанные и истекающие кровью пятеро мужчин и одна женщина. Несколько еще слабо дышали, но самый старый из мужчин уже отправился к праотцам. Лекарша, по всей видимости, травница, дремала в углу, на шатком грубо отесанном стуле. В амбаре время от времени появлялись и исчезали в щелях крысы.

— Дело рук равшаров, — Глоддрик уже вышел, а парень пошел вслед за ним, решив завязать разговор, — наш старик-лапотник первым схватился за вилы и пошел на одного из равшаров. Ну ему и досталось, у равшаров ведь разговор короткий! Эти несколько попытались прикрыть старика, но им досталось, в общем-то, не меньше. А надо было всего лишь показать им гробницу! Не понимаю, зачем было все так усложнять, нам-то какое дело до этого склепа, да кому он...

— Знаешь, как добраться до захоронений? — оборвал его Глоддрик.

— Ну, еще бы, я ведь все здесь как свои пять пальцев знаю! Никогда не уходил от деревни далеко, матушка не пускает, но свои родные края уж исходил вдоль и поперек. А вот если бы так взять, и пойти по Ранкору, да хоть в Звездный Град, к этим, как их, крылатым, говорят, царица у них очень даже ничего, вот бы...

— Закрой рот и веди к склепу.

— Эээ... — он явно не ожидал такой резкости, но достаточно было одного взгляда в его кипящий огнем адской силы глаз и на перебинтованную рукоять клинка на поясе, чтобы воздержаться от ответа, — как скажете, уважаемый. Вы случаем не Глоддрик Харлауд?

Глоддрик ничего не ответил.

— Да, это вы, неужто мне довелось увидеть в наших краях самого... — заметив, что Глоддрик сжал кулаки, а в гневе лицо карателя аж перекошило, он остановил свое речевое недержание, — а меня Клажир зовут. Я отведу вас.

Они пошли по неровной тропе, усеянной лужами. Пейзажи вокруг были довольно привлекательными — травянистые поля с редкими деревьями, вот только солнечного света не хватало. Ветер нещадно трепал плащ Глоддрика и рубаху Клажира.

— Ты знаешь, кто там захоронен?

— Ну, явно кто-то важный, может, какой-нибудь чародей или воин, а скорее всего древний вельможа, которого еще до Лангорта Объединителя, что Союз основал, наградили почестями посмертно. Вот только нас там не было, так что доподлинно неизвестно, — как и многие другие «знатоки», Клажир, сталкиваясь с пробелами в своих познаниях, старался пустить другим пыль в глаза, создав видимость, что он хотя бы в какой-то мере знаком с вопросом, вот только Глоддрика, допросившего столько людей за свою карьеру в Карательном Отряде, это не впечатляло.

— Достаточно сказать «не знаю», трепло долбаное, — ответил он, — что ты знаешь о вашем маге?

— Ой, чудак был, что поискать! Все время сидит у себя в хижине, а оттуда доносятся какие-то нечеловеческие вопли и грохот взрывов, часто уходил в лес, принося оттуда трупы. Однажды хотел раскопать могилы, но, конечно, ему никто не дал, грозились выгнать из

деревни. А еще он постоянно донимал расспросами бродячих торговцев и странников, собирал какие-то запретные книги с ересью небогоугодной.

«Доигрался, идиота кусок, — подумал Глоддрик, — и каким местом он думал, когда пытался поднять из могилы это исчадие древнего зла?»

— Как он умер?

— Я толком-то и не знаю. Равшары пришли, да и давай всех подряд хватать и спрашивать о склепе. Им и сказали, что только этот дурачок туда ходил. Ну а что дальше? Какой-то из равшаров, странный, если честно, череп на голове бычий что ли носит, с посохом такой, вломился к нему в дом со своей ордой. Вообще, странно, что среди равшаров есть маги, обычно они воины.

— Обычно равшары не раскапывают древние гробницы.

Они остановились, обойдя местность, превратившуюся из-за дождей в болото. Чуть не раздавив толстенную жабу, в пронзительно квакающую и стремительно упрыгавшую подальше от них, Клажир остановился:

— Постойте, а что это...

— Заткнись!

Дальше дорога уходила вниз, но около тридцати метров от них два силуэта, похожих на человеческие, спускались по склону. Но существа эти не были людьми. Бурая кожа, угловатые, острые лица, обрывки ткани на теле в виде набедренных повязок и куски дерева и костей вместо брони. Равшары.

— Пора тебе рвать когти. Дальше я сам, — Глоддрик поправил пояс, чтобы было удобнее выхватить клинок, и пошел к спуску со склона.

— Может быть, я все же смогу чем-то помочь, драться я хорошо умею, однажды я поколотил нашего верзилу, который капустой торговал, от меня будет большой толк, уж поверь моему...

— Исчезни или окропишь эти земли своей кровью. Как и эти ублюдки.

Поморгав, паренек все же направился к деревне почти что вприпрыжку, спеша в безопасное место.

Глоддрик не стал тратить времени на спуск — скатился по скользкому оврагу на своих подошвах, истоптавших почти что весь Союз. Дальше можно было выйти на тропу, которая вела прямо к небольшому холмику. И вокруг этой возвышенности хороводом ходили равшары. Другие же патрулировали окрестности в радиусе ста метров. Пока что они Глоддрика не видели, но это продлилось недолго. Равшары неспешно взяли за оружие и уверенной походкой пошли в сторону незваного гостя. Они еще не успели его разглядеть, как и он их. Со стороны холма вышло равшаров с десятков. Из кустов терновника, что был сверху, над оврагом, спустились трое. Еще двое присоединились из-за небольшой рожицы возле овражного ручейка. Глоддрик успел окинуть их взглядов. Десяток равшаров выглядел донельзя странно и даже отвратительно. Их бурая кожа была вымазана кровью, как и одежда. Их щеки, грудь — все было в пятнах крови.

«Из племени Алых Владык, значит, — определил Глоддрик, разбиравшийся в равшарах, с которыми он воевал с тридцать лет назад, лучше, чем большинство жителей Союза»

Другие выглядело не менее отталкивающе — их носы, уши, брови — все было проколото костями. Они носили костяные панцири из ребер каких-то крупных животных наподобие диких буйволов.

«А это Костяные Драконы, ну-ну!»

Если Костяные Драконы были вооружены короткими клинками, пиками и топориками из костей, то Алые Владыки сжимали в своих длинных когтистых лапах иззубренные кривые ножи, ятаганы и секиры со стальными лезвиями, на которых кровь давно уже засохла.

— Ты не туда забрел, странник, — вышел вперед самый рослый из измазанных кровью, — в таких местах гулять может быть опасно, а ты еще один, мало ли что может случиться.

Глоддрик молча криво улыбнулся. И эта улыбка тут же превратилась в демонический оскал. Наконец-то, можно размять кости — пронеслось в голове у командора Карательного Отряда. Многие воины, не то что простые жители Ганрая или Аргои, даже хорошо владеющие оружием, как минимум, чувствовали бы себя неуверенно, если бы их окружили пятнадцать вооруженных до зубов равшаров. Глоддрик же начинал чувствовать, как кровь его струится по венам быстрее, его словно переполняла кипучая энергия. Этот момент, когда у врага большая сила и численный перевес, когда он хочет тебя изуродовать, пробить в голову и оставить где-то в сырой канаве, заросшей репейником, вызывал у него удовольствие. Сломать врага во всех смыслах — морально и физически. Насладиться боем в полной мере, не думая ни о чем, что бы с ним ни случилось, есть только Глоддрик, равшары и звон их слетающегося оружия, высекающего искры при ударах. Единственное, чего боялся Глоддрик, что враги окажутся слишком слабыми, и он не сможет сполна насладиться боем. Он даже начал тихо трястись, посмеиваясь от предвкушения, — еще бы, он так давно не рисковал жизнью и ни с кем не дрался, а тут представители самой опасной, самой воинственной и умелой в бою расы, да еще и последователи темного культа Заргула, заявили на его земли.

— Чего это он ржет? — проскрежетал высоковатый тенор одного из истыканных костями равшаров, что держал в обеих руках по топору из бедренных и лобных костей, — с ума сошел, что ли? Погодите. Слишком уж он похож на Ганрайского Демона. Того самого, что перебил столько наших? Убил нашего вождя?

Воин Костяных Драконов вспоминал о войне Союза против равшарских племен 1671–1672 годов, когда верховный вождь Кратар Роковой решил отхватить часть Союзных земель территориям своего племени. О том, что Глоддрик убил его в поединке, помнили все. Правда, Глоддрик тогда был на тридцать лет моложе и, конечно, на пике боевой формы.

— А теперь у нас есть шанс отомстить, — изрек тощий равшар с длинным копьём и костяным мечом в руке.

— Когда окажетесь в Азроговом пекле[1], передавайте Кратару Роковому привет! — Глоддрик облизнул растрескавшиеся губы и хрипло усмехнулся, положив руку на перебинтованный меч, весь в предвкушении, он надеялся еще сильнее раззадорить равшаров.

— Выродок! — выкрикнул рослый воин из Алых Владык.

Равшар успел только занести двумя руками над головой свою ржавую окровавленную секиру. Глоддрик с быстротой мангуста, атакующего кобру, выхватил свой меч, рванувшись вперед. Вытащил он клинок не до конца, лезвие так и осталось висеть в поясе, но мощное ромбообразное навершие искривленного клинка с хрустом врезалось в челюсть воина. Глоддрик быстро сделал шаг назад и сделал две вещи одновременно — нанес размашистый удар, обнажив свой меч. Брызнул фонтан крови, голова равшара грохнулась на землю. Остальные воины рассвирепели и попытались было накинуться на Глоддрика со всех сторон, но он стремительно прыгнул ногами вперед на землю, прокатившись по скользкой земле за

круг равшаров. Одновременно с этим он заехал своим мечом по ноге одному из них, начисто отрубив ее. Молнеиносно развернувшись, он очутился на ногах и вонзил меч катающемуся по земле и вопящему от боли равшару, лишившемуся ноги, в глотку, оборвав его страдания. Теперь он был за их кругом и мог не опасаться удара со спины. Равшары, опомнившись, собрались атаковать, но уже не так уверенно. Глоддрик опередил их. Он кинулся на них и с разбегу, с безумным взглядом и диким хохотом, сшиб свой меч с костяным клинком того самого низкорослого воина пустоши. Искры посыпались, Глоддрик рывком отвел вражеское оружие в сторону и насадил врага на клинок. Рывком он отбросил труп влево, высвободив свой меч, с правого фланга на него посыпался град ударов. Глоддрик был одним из искуснейших фехтовальщиков Ранкора, так что эти создания не были ему достойными соперниками. Его меч снова столкнулся со скопищем клинков Алых Владык, с остервенелым хрипом и перекошенным от боевого экстаза лицом он отбросил в сторону их клинки, а затем обрушил на стоящего впереди всех высокого равшара сокрушительный удар. Раздался треск развалившегося черепа, и тело равшара обагрилось кровью, но на этот раз кровь была его собственной, а не ритуально намазанной кровью убитых животных племенным шаманом. Не дав врагам опомниться, Глоддрик взревел и осыпал врагов градом рубящих ударов то наискось, то по горизонтали. Хотя с губ воина брызгала слюна, единственный глаз — полон безумия, а сам Глоддрик всюду наслаждался сражением, удары его были донельзя точными и чудовищно сильными. Он попросту кромсал равшаров, резал их на куски, их вымазанные в крови мечи и топоры вылетали из рук или ломались под яростными атаками карателя. Все произошло настолько быстро, что, когда оставшиеся четверо Костяных Драконов его попытались ударить, в живых остался лишь один кровавый равшар, ошалевший от ужаса, судя по его бегающему взгляду, можно было понять, что он уже не сомневался — ему осталось жить считанные минуты. Глоддрик мог перекатиться в сторону, уходя от атаки, как это сделал бы любой другой меченосец[2] Ганрая. Но он был не таков. Даже если бы стая огнедышащих драконов спикировала на Глоддрика, он бы постарался подпрыгнуть как можно выше, чтобы достать хоть одного своим клинком. Чувство страха было этому человеку чуждо — он давно уже забыл, как это ощущается. Глоддрик стремительно пошел на сближение — перехватил свободной рукой кисть равшара, не успевшего занести костяной кинжал, мгновенно вывернув ему суставы с тошнотворным хрустом, и тут же своим клинком ударил аккуратно по горизонтали слева направо. Туловище врага отрезало от пояса, словно кусок масла — равшар едва почувствовал боль сломанного запястья, а закричать не успел и подавно. С оставшимися он расправился играючи, поодобно льву с дохлой крысой. Его меч мелькал, размываясь в воздухе, фонтаны крови били ключом. Только кровь была не его. Последние три живых равшара напали на него всем скопом, Глоддрик рванул навстречу им и в длинном прыжке, точно гепард, охотящийся на гордую лань, опустил клинок на них сверху. Искры посыпались, но Глоддрик тут же сменил траекторию удара, его клинок соскользнул с их орудий, немолодой воин опустил на корточки, оперся рукой о землю и с быстротой тайфуна крутанулся, нанеся удар мечом вверх полумесяцем. Одного равшара, не успевшего вовремя среагировать, это лишило жизни — клинок распорол несчастному глотку, другому отрубило кисть, а последний, скрываясь за спинами соратников, все же сумел отскочить. Потерявший конечность равшар все же превозмог боль, перехватил свою палицу поудобнее и собрался атаковать, но второй колющий удар в грудь, нанизавший его на меч, как на булавку, окончательно погасил боевой дух воина равшарских пустошей. Вот и расстановка сил изменилась — было пятнадцать на одного, теперь один на один. Глоддрик оправился от

своего боевого ража и оглядел врага, изукрашенного чужими костями. Взгляд равшара отражал полную отрешенность — он уже смирился со своей судьбой.

— Думаешь, я тебя боюсь? — он попытался выпятить грудь и встать ровнее, но какая-то неуверенность виднелась в его нескладных, импульсивных движениях, — мы всю жизнь только и делаем, что сражаемся и умираем друг с другом и не только. Равшар всегда готов к смерти. А Священное Древо всегда родит новых! Ты можешь перебить нас хоть тысячу, но тебе никогда не одолеть наш народ.

Глоддрик скривился в едкой улыбке, сжал свои сухие губы и сплюнул. В молодости, во время войны с Кратаром Роковым, ему и союзным войскам удалось если не победить, то усмирить народ равшаров. Правда, огромной ценой. Ценой смерти той естественной, человеческой личности Глоддрика. Лишь война сделала из него Ганрайского Демона. И меняться, как был убежден воитель, ему было уже поздно.

— Скажешь еще что напоследок?

— Ты даже не будешь меня допрашивать? Я ведь знаю, что происходит там, под холмом.

— Лучше один раз увидеть, — Глоддрик двинулся медленным шагом, предвкушая заключение схватки, — чем сто раз услышать!

Равшара не стало спустя пару мгновений, лишь только лужа крови по склизкой земле начала растекаться, его труп упал, как подкошенный. Череп был раскрыт напрочь. Сражение с пятнадцатью представителями самого воинственного народа на Ранкоре Глоддрик воспринимал как неплохую возможность поразвлечься, но не более того. Настоящее удовольствие схватки ему доставляли лишь тогда, когда жизнь его и правда висела на волоске, а силы противника были неописуемы. Воитель надеялся, что там, в склепе, ему еще удастся полностью удовлетворить свою жажду крови. Дождь уже перестал, а тучи открыли первые солнечные лучи. Глоддрик с удовольствием вдохнул полной грудью свежий, влажный воздух и почти что бегом припустился к нагорью. Под куцыми зарослями осоки виднелась каменная тропа, ведущая вглубь темного хода. Вход представлял собой некое подобие каменной арки, сложенной из трех увесистых грубо отесанных глыб. Они были исписаны ритуальными символами на древних, позабытых многими языках, такие письма украшали чаще всего посохи чародеев, еще топтавших Ранкорские земли. Быстрым взглядом, не сбавляя шага, Глоддрик окинул надписи взором. Давняя привычка хорошего воина — всегда стремиться острым глазом охватить окружение. Практически ничего он прочесть не мог, Глоддрик был полиглотом, как и положено сполна выдавшему мир человеку, но в мертвых языках он никогда не был силен. Но то, что было нацарапано сверху, похоже, лезвием ножа, привлекло его внимание особенно: огромная перечеркнутая буква «А», после которой был нарисован трон, а затем какой-то саркофаг. Выделялось из них лишь угловатое, узкое лицо, голова, усеянная рогами вместо волос. И эта надменная улыбка. Подписано было старыми рунами, которые Глоддрик прочесть не смог: «Покоится Император горхолдов и законный хранитель подземелий Азрога». Он остановился и взглянул на это надменное лицо, затем улыбнулся, точнее, растянул губы в хищном оскале, со всей силы плюнул в него и резкими ударами клинка перечеркнул изображение, а заодно стер эту мерзкую ухмылку. Затем без раздумий устремился в проход.

Вниз вела лестница, но стоит ли говорить, что напрочь лишенный терпения Глоддрик одолел ее в два-три скачка. Но вот что странно — дальше шел коридор, заросший паутиной и травой, пробивавшейся из-под камня, но в нем горели факелы. Откуда? Ответ напрашивался

сам собой. Как ему говорил тот крестьянин, недавний визитер, это захоронение давно уже никто не обслуживает, селяне стараются даже обходить его десятой дорогой. А это значило одно — желание Глоддрика продолжить процесс кромсания врагов на части неизбежно сбудется. То, что было изображено на стенных фресках, заставило воина немного сбавить темп. Стены были давно усеяны трещинами, рисунки обкалупывались веками, но суть их можно было увидеть и по сей день. Первый демонстрировал сцену баталии — с одной стороны все расы Ранкора, который знал Глоддрик, с другой — существа краснокожие с синим и со щупальцами на голове. Оба войска выставили щиты и направили на врага острия копий. Между ними же бравый воин в блестящих доспехах один на один бился с отвратительным на вид равшаром очень высокого роста с драконьим черепом на голове. Кшатрион Кроволикий — уж в чем, а в истории Глоддрик знал толк, сразу узнав это создание. Затем была изображена ожесточенная схватка, в которой на фоне пламени и трупов воинов обеих сторон сошлись в бою равном тот же рыцарь и, как известно, император, захороненный в этом самом склепе. Существо на изображении было оторвано от земли, оно простерло руки в стороны и снова скривилось в улыбке, уверенное в своем превосходстве. Истекающий кровью воин, потерявший шлем, явно из последних сил отважился на сопротивление — художник хорошо изобразил эмоции Ранкора Несокрушимого. И лишь дух зеленовласой девы, парящий над ним, навеивал некое спокойствие и уверенность, что все кончится хорошо несмотря на то, что весь мир был в огне. В пламени из пекла Азроговых подземелий. На следующей картине император, сраженный насмерть клинком героя этого мира, пал наземь, как и израненный воин, одолевший его. Дальше была нарисована картина всех, кого жители Ранкора принимали за своих героев и божеств — Анлариэль, Кесилор, Халтаар, Насгарил. Ранкор Несокрушимый и Гартхаэл Громовержец, великий вождь крылатого народа флорскелов. Над ними всеми стоял седобородый старец в длинном балахоне — Калтахин Великий. Глоддрик знал их всех, Книгу Трёх Миров, повествующую об этих легендах и написанную неизвестным очевидцем, он знал почти что наизусть, в трудные детские и юношеские годы она часто давала ему надежду. Последняя же картина внушала отнюдь не воодушевление и уверенность, лишь ужас. Был изображен саркофаг, над ним — дух того самого императора. Императора Заргула. Этот дух в форме облака, смеясь, словно пронизывал взглядом смотрящего. Внизу, на совершенно современном Лагор-Валарисе, всеобщем языке народов Ранкора, было выгравировано послание: «Война еще не окончена». Это прошибло бы до пота многих, но только не Глоддрика. Нигде он не чувствовал себя настолько могущественным и нужным другим, как на войне. То, что захоронение принадлежало самому жестокому из правителей древних народов, а теперь им интересовались равшары, не вызывало у законченного фаталиста — Глоддрика ничего, кроме огромного любопытства и азарта. Коридор кончался, а дальше следовал поворот направо. Света за ним виднелось все больше, а до Глоддрика доносились чьи-то грубые голоса. Глоддрик остановился у входа, прислушиваясь.

— И долго еще нам здесь стоять? Кразлак Губитель сказал, что перед вскрытием саркофага нужно провести воздание почестей. Я понимаю, это останки Заргула, а не кого-нибудь, но неужели так долго?

— Молчи! — прорычал другой в ответ, — сколько нужно, столько и будем стоять, ясно тебе? От нашей операции решается судьба всего Ранкора, а ты ноешь, видите ли, ему стало скучно! А если Кразлак услышит — сожжет тебя заживо и мокрого места не оставит, дурак.

«Они откапывают его тело. Привели мага. Понятно. Собрались воскресить? На кого эти

рогатые твари работают? А чего это я жду, мать твою за ногу?!» — пронеслось у Глоддрика в голове.

Для недавно жаловавшегося на тяготы ожидания все окончилось в несколько мгновений. Тот успел едва повернуть голову в сторону пролетевшего несколько шагов Глоддрика, как его туловище оказалось рассеченным от плеча до пояса. Всего воинов здесь было с тридцаток. Все были из племени Костяных Драконов.

«Тот кусок идиота, Клажир, упоминал о равшаре с бычьим черепом и посохом. Маг? Бычий череп — и эти уроды все в костях. Одного племени ягоды» — могло показаться, что каратель пропустил болтовню деревенского парня мимо ушей, но Глоддрика Харлауда давно научила работа в органах безопасности, что чаще всего именно в мелочах кроются бесценные сведения.

— Кто ты такой? Каким ветром тебя сюда занесло? Неужели ты... — в глазах бойца в костяных доспехах мелькнул проблеск осознания — он явно понял, с кем имеет дело.

Все равшары знали этого человека. Он попытался достать меч, но хлесткий рубящий удар Глоддрика отсек ему кисть. Остальные напали всем скопом на ганрайского воина. Его обступило с десятков равшаров. Комната, в которую выводил коридор, не была широкой, что заставляло остальных равшаров толпиться за спинами своих братьев. На Глоддрика посыпался град ударов костяными клинками. Его глаз ходил ходуном, но сердце немолодого воителя запело — он с восторженным взглядом, безумной улыбкой отбивал удары и контратаковал молниеносно, точнее, бил размашистые, тяжеленные удары, рубил что есть силы с диким ревом. Скорость Глоддрика была поистине нечеловеческой — его клинок мелькал туда-сюда, защиту его было невозможно пробить, а атаки все чаще попадали по несчастным равшарам, в чьих глазах уже можно было различить неподдельный ужас. Но фехтование в чистом виде ему быстро надоело. Как только очередную брешь врагов заполнили другие, Глоддрик ринулся вперед и со всей дури врезал лбом в грудь ближестоящему врагу. Его нагрудник из ребер какого-то крупного животного раскололся, но этим дело не ограничилось, треснули и собственные ребра равшара. Глоддрик с хохотом перешел в ближний бой, затесавшись в самую гущу врагов. Он дробил их черепа ударами наконечником рукояти в голову, в шею, позвоночник, ребра. Они постарались вытолкнуть Глоддрика из своей массы и прижать к стене, но каратель умудрился вырвать свое лезвие из давления их тел, снова рассекая их, и сверху обрушил по дуге на них удар, а затем еще — бил крест-накрест. Еще несколько равшаров оказались на полу, истекая кровью. Правда сказать, Глоддрик не получал большого удовольствия от схватки — противник снова оказался ему ниже, чем по плечо. Однако ему давно уже нравилась в боях одна вещь — вот минуту назад врагов было много, они были сильны и бодры духом, готовы порвать тебя, но ты ломаешь свой страх, этот психологический барьер, и тут все становится сверх наголову — хищник теперь жертва, а бывшая «жертва» давит врага. Глоддрик был не единственный с такими взглядами на сражения, от других его отличало лишь то, что ему удалось выжить с таким остервенелым стремлением помахать мечом. В живых осталось лишь пятеро воителей из пустоши, облаченных в костяную броню. Их взгляды отражали решимость, даже счастье предвкушения гибели, ведь ни один уважающий себя равшар не позволит себе умереть в своей постели. Но все же Глоддрик заметил их колебания — слишком сильное впечатление производила груда порубленных на части их братьев по крови на полу.

— Может, мы и погибнем, но Кразлак тебя точно убьет! — выкрикнул стоящий в середине равшар с копьём из перевязанных какими-то веревками костей, — ни один воин не

выстоит против мага.

— А мы его задержим! — выпалил другой, чей подбородок и скулы защищала челюсть варана, — Кразлак уже сто раз успеет убраться, мы-то не лыком шиты.

— Вперед, братья — всем скопом, — сжал обеими руками костяное копьё вожак их группки и направил его в сторону Глоддрика, — по одиночке каждому из нас точно конец.

— А может, к нам на помощь подоспеют те, кто на патрулях! Этот, наверное, как-то ухитрился их обойти, не мог же он их всех того, покрошить, — произнес третий, сам не веря своим словам.

Глоддрик сипло рассмеялся и стряхнул кровь с клинка. Он чуть присел, готовясь к рывку. Он почти не устал, но все же силы у него уходили уже быстрее, чем в лучшие годы. Колени немного ныли, как и другие суставы. Немолодой Ганрайский Демон этому значения не придавал.

— Еще как мог! — растянув губы в зверском оскале, он устремился навстречу врагам, едва только те успели сделать шаг.

Того приятного ощущения ожидания начала боя больше не было. Командору Карательного Отряда не были интересны противостояния, исход которых очевиден. Глоддрик оторвался от земли в прыжке и спикировал на копьеносца с пронзающим выпадом. Тот попытался отвести удар в сторону копьём, но Глоддрик рванул меч в обратном направлении и разрезал врагу глотку, тем же движением атаковав второго, еле успевшего отшатнуться. Все произошло настолько быстро, что остальные не успели сделать ни шагу. С левой стороны двое одновременно атаковали Глоддрика костяным мечом и топориком в голову и живот, ганраец ушел влево, чтобы не допустить удара в спину других противников, резким движением не отвел, а подбил их орудия кверху так, что воины подались вперед по инерции. Восстановить равновесие воин им не дал, разрубив грудь одного наискось, другого обратным движением он насадил на клинок. Остальные двое пытались фехтовать своими костяными мечами средней длины с Глоддриком, но им удалось сделать лишь три движения. Укол, направленный к сердцу, Глоддрик отбил, отсекая руку равшара, под рубящую атаку другого он успел лишь подсесть, но тут же, двигаясь в том же направлении, с разворота рассек воину брюхо. Хребтовые кости вместо панциря треснули и кишки равшара полезли наружу, глаза закатились. Воин, потерявший руку, перехватил меч другой и попытался снова рубануть Глоддрика, но тот одним хлестким дугвым ударом отсек голову неудачливого противника. Удовлетворения от битвы не было, оно ушло, лишь только Глоддрик перестал чувствовать опасность для жизни, а нетерпение лишь усилилось.

Стены комнаты были сплошь заляпаны кровью равшаров, а от времени давно уже успели поистрескаться. На них были выгравированы ряды мечников, копьеносцев со щупальцами на головах, воины, сидящие верхом на ящерах, закованных в броню. В центре войск была изображена крепость-город, окруженная рвом, полным лавы, откуда вырывались языки пламени, и частоколом. Центральная башня была выстроена в виде головы огромного мифического чудовища, похожего на дракона, с искрящимися алым огнем глазами. Над гравюрами был изображен все тот же ухмыляющийся император Заргул, он словно смотрел в беспокойную душу Глоддрика. На противоположной стене были изображены ряды деревьев, на которых крепились ветхие хижины, красивые особняки, башни и огромный замок на скале с пятью вершинами, дворец Аргои, подле которого проходила широкая дорога и ехала процессия латников-рыцарей на верных скакунах, окруженная толпой горожан, палатки равшаров, украшенные костями павших воинов и убитых животных, Священное Древо. Были

изображены зеленокожие и татуированные белым хаглорианцы с магическими посохами, люди, крылатые флорскелы, рогатые равшары с бурой, как земной ил, кожей, флорскелы, похожие на людей, с ящероподобными глазами и длинными пальцами, крыльями, как у летучих мышей. На полу же красовался бесформенный рисунок некоей сферы, ее голубые лучи простирались во все стороны, но в центре горел яркий и чистый свет, выглядело так, будто это не совсем обычная сфера, а душа или часть души некоего очень могущественного сверхъестественного существа. Глоддрик не особенно старался в нее всмотреться, лишь краем глаза окинув его, не желая тратить времени, но в ней крылся некий неиссякаемый источник неведомой силы. Возможно, той самой, что и стала первопричиной появления жизни, магии, да и вообще всего, что знали обитатели Ранкора. Но больше всего было заметно то, что были залиты кровью фигуры как всех знакомых Глоддрику жителей Ранкора, так и подданных империи Азрога, адептов Заргула. Некоторые заметили бы здесь метафоричность. Глоддрику было не до того. Задержавшись не более пары секунд, он рванул вперед и с ноги вышиб двустворчатые ворота, открывающие проход в усыпальницу императора. Внутри стоял одинокий соплеменник недавно погибших варваров из племени Костяных Драконов, но он разительно от них отличался. Одетый в бурого цвета тряпье, напоминавшее тунику, он носил ожерелье в виде коллекции драконьих клыков, что уже многое о нем говорило, охотиться на них осмелился бы далеко не каждый равшар, да и не нужно было это бичам пустоши. В дань традиции поверх туники он также носил панцирь из грудной клетки, вот только она была драконьей, а значит, больше и куда свободнее сидела на нем, чем панцири на телах его приспешников. В руке его был длинный, на удивление гладкий бежевый посох из драконьей кости с него ростом, а на голове — бычий череп, как и описывал деревенский парень по имени Клажир. Стены были исчерчены старинными рунами Азрога, которые мало кто, кроме разве что Архимага Йоши-Року, сумел бы расшифровать. Массивные колонны с выгравированными на них драконами, парящими в облаках, подпирали потолок, затянутый паутиной. У дальней стены находилась фреска, показывающая того же императора на троне из темной стали, похожей на чугун. Развалясь и закинув ногу на ногу, владыка подземелий крепости Азарельда и вседержитель народа Азрога с тем же самоуверенным, надменным выражением своего узкого красного лица смотрел перед собой. Пусть его алые глаза и были лишь начерчены засохшей и уже выцветшей краской, но даже они могли подавить волю смотрящего. К Глоддрику, принимавшему любые вызовы и жаждущему все новых противоборств это не относилось. Он остановился, оглядев саркофаг, подле которого стоял колдун-равшар. Крышка гроба была отброшена, разломленная надвое, а над своим пристанищем парила мумия. Одна кожа, утратившая красный цвет и побуревшая, да кости, сохранились и ороговевшие щупальца, стоящие дыбом. После взгляда на обтянутое скукожившееся лицо трупа было сложно поверить, что оно когда-то принадлежало тому могущественному и властному существу.

«И как эта древняя рухлядь еще не рассыпалась в прах?» — пронеслось в голове у Глоддрика, остановившегося на мгновение. Его не удивило даже подтверждение того, что Заргул действительно существовал, в чем не были уверены историографы до сих пор.

— Ни с места! — рявкнул он, — посох и мертвеца на пол, на колени, руки за голову. Повторять не буду.

Очевидно, тот самый Кразлак Губитель медленно обернулся и посмотрел на Глоддрика. Его глаза были алыми, в отличие от кареглазых его сородичей. У всех, кто имел близкое отношение к императору Азрога, был его цвет глаз.

— Так, так, Ганрайский Демон, — прозвучал его раскатистый низкий голос, — меня предупреждали о твоём возможном визите.

Глоддрик сжал рукоять меча, готовясь ко всему. Ему уже доводилось сражаться с магами и выходить победителем, но он знал, одно неверное движение — и ему конец. Даже одному из самых могучих воинов Ранкора требовалось немало везения и аккуратности в столкновении с кудесником. Ведь скорость заклятия, направленного с быстротой мысли, представляет смертельную опасность для любого не сведущего в магических искусствах.

— В своём ли ты уме, Глоддрик Харлауд? Не думаешь же ты, что ты в силах помешать мне вынести моего повелителя отсюда? Его возвращение неизбежно, никто не в силах его предотвратить.

Глоддрик хотел попытаться броситься вперед, будь, что будет, с магией, может, ему удастся избежать ее воздействия и схватить чародея. Он был безрассуден, даже отчасти безумен, но он не был глупцом. Если кинуться сейчас же, Кразлак среагирует мгновенно, но можно ведь попробовать рассеять его внимание вопросами.

— Что связывает равшаров с этой дохлой тварью? — Глоддрик медленным шагом направился к саркофагу.

— Таким, как ты, этого не понять, — как ни странно, преданного слугу не оскорбило такое высказывание о его хозяине, — всем народам предначертано покориться его воле. Ей невозможно противостоять.

— Чего вы добиваетесь? Захватить мир для него? — Глоддрик ускорил шаг.

— Мы лишь следуем законам мироздания. Правят мудрые и всемогущие. Равшары и народ Азрога, под началом его правителя, разделят владычество над этим миром. Заметь, я сознательно не произношу имя «Ранкор», ведь называть владения императора именем мятежника — есть оскорбление его воли.

— Кто еще с вами? — сократив расстояние вдвое, Глоддрик уже выбирал направление для атаки.

— О, поверь, нас много. Почти все, даже ненавистные дети леса — хаглорианцы, послушники грязной дикарки Анлариэли, готовы объединиться с так несправедливо позабытыми горхолдами. Прежнему миру осталось недолго. Преданные воле Хранителя Подземелий изменят порядок вещей. Правда, ты этого уже не увидишь. Слишком уж много ты пытался нам помешать, чтобы оставлять тебя в живых. Видел его тело, знаешь наши планы. Миру еще рано узнавать о предстоящем воскрешении. Последний шанс — покоришься Заргулу — и я не буду тебя убивать. По крайней мере, не убью сейчас.

Глоддрик криво оскалился, проведя языком по неровным зубам.

— А ты попробуй, дерьма кусок!

Глоддрик кинулся в сторону, намереваясь зиг-загом, по направлению ломаной линии добраться до Кразлака Губителя, но равшар среагировал мгновенно. Зеленоватого, болотистого цвета кертахол, от которого исходила густая дымка, засветился, Кразлак вскинул посох и широкая струя зеленой, вязкой жидкости брызнула во все стороны. Глоддрик за долю секунды дернулся вбок, сделал кувырок и оказался за одной из колонн, что его и спасло. Сделай он это на полсекунды позже — никогда бы не выбрался уже из этого склепа. Жидкость, точнее, скверна, древняя темная магия, разъела колонну, сделав ее донельзя тонкой. Глоддрик тут же выскочил и метко швырнул свой клинок в Кразлака на расстоянии пятнадцати шагов от него. Он понимал, что добраться не успеет до следующего залпа скверны. Реакции равшара не хватило, чтобы отбросить вращающийся летящий в него

на огромной скорости меч, хотя для любого мага это было бы проще простого. Вместо этого его окутал красный сгусток дыма, в густом облаке вырисовалось то самое лицо императора с фрески — глаза сверкали огнем преисподней Азрога, в пасти демона кипело багровое пламя. Оно смеялось в лицо Глоддрику Харлауду даже после того, как сквозь него прошел клинок и вонзился во фреску на стене — прямо в сердце изображенного на ней Заргула.

— Какая жалкая попытка, Ганрайский Демон! — пророкотал в склепе отдающий эхом скрипучий голос, и он отнюдь не принадлежал Кразлаку Губителю, он звучал словно бы отовсюду, а может, в самой голове Глоддрика, — однако ты быстр. Но хватит ли тебе скорости выбраться отсюда прежде, чем я тебя похороню?

Нечистый дух расхохотался и его глаза заискрились еще больше, казалось, из них потечет магия. Тут же из этого облака словно вырвалась взрывная волна, окатив подземелье.

Облако быстро развеялось, оставив после себя пустое место. Саркофаг также остался пустым. Вместе с этим склеп весь содрогнулся, Глоддрик чудом сохранил равновесие, а дальше стены и пол начали трескаться. Колонна возле Глоддрика будто лопнула и обломки ее обрушились прямо на него, не успей воин отскочить, его бы расплющило огромными валунами. Камни, поначалу мелкие, уже сыпались со стен и потолка, все вокруг продолжало трескаться, пол все сильнее дрожал.

— Гребаные фокусники! — Глоддрик кинулся к стене и вырвал оттуда меч так резко, что мощной струей посыпалась крошка.

Любой хоть немного заботящийся о своей жизни человек бы кинулся стремглав сразу же, не оглядываясь, но Глоддрик был слишком уверен в своих способностях, но терять старый зазубренный меч, с которым он прошел сквозь огонь и воду — войны с равшарами, на юге в Клирии, Северную Войну, — он не мог.

Со всех ног он кинулся к выходу, его скорости позавидовали бы многие атлеты, хромота и некоторая нескладность, очевидно, была лишь одной видимостью, а годы еще не успели взять свое. Все начало обваливаться, потолок стелился прямо на пол, громадные каменные плиты, блоки, обломки валились, усыпальницу Заргула уже завалило, затем коридор, навеки предоставив пристанище телам забитых Глоддриком равшаров. Ганрайский Демон бежал невзирая на стреляющую боль в колене, он даже сильнее ускорился, чувствуя, что его мышцы горят огнем, но то, что он находился на пределе своих возможностей и жизнь его могла оборваться в любой миг лишь доставляло ему невероятное удовольствие, разум его кипел от возбуждения. Глоддрик уже оказался у выхода, он длинным прыжком вырвался из склепа, а через секунду прохода уже не было — он был завален камнями и обломками из сгнивших и закаменелых древесных балок, веками державших вход в этот склеп.

Воин, не сбавляя темпа и не оглядываясь, кинулся в сторону деревни.

— Вот ведь как всегда он! — распекалась южанка Энмола, — ушел, не сказав никому ни слова, а теперь его ищи-свищи.

— Если вспомнить слова того мужика, любой дурак догадается, что он уже в святилище, — ответил каратель, покрытый татуировками, пригладив свой гребень волос, — осталось лишь выяснить, как туда добраться.

— Эдрагил прав, — хоть этого человека, имевшего весьма криминальное прошлое, прозвали Драконобоем за убийство некоего огнедышащего зверя, которое подтверждали очевидцы, Кэлрен всегда называла бывшую легенду преступного мира Ганрая по имени, — возможно, командору нужна наша помощь.

— Ему-то? Я тебя умоляю! — прыснула Энмола, — если сунемся к нему в бой, он нас зарубит первыми, лишь бы не мешали словить кайф от противоборства.

Было уже светло, но все еще сыро, земля была влажной после дождя и неуклюжий увалень-северянин Кандал то и дело подскальзывался, едва не раздавив щуплую Кэлрен, навалившись на нее один раз. Они уже подходили к частоколу, окружавшему деревню. Норберта Гартахола с ними не было, он остался заправлять делами крепости Гилеарда, что пересекает границу земель Союза.

И вдруг из-за деревьев невдалеке обрывавшейся чащобы показалось с десятков равшаров — все несли ржавые зазубренные клинки или топоры на перевязи и были вымазаны в звериной крови, которая уже успела иссохнуть и залечь на них коркой.

— Ишь ты, нарисовались! Видать, не всех перебил наш командор, — присвистнул Эдрагил, — силенки, поди, не те, возраст дает о себе знать.

— Поменьше болтал бы ты, Драконобой, цены бы тебе не было, — съязвила Энмола, — лучше пообщаемся с гостями земель здешних.

Бывший преступник, бывший довольно крупным авторитетом в криминальных кругах, никак не привык к неуважительному обращению, но в случае с Энмолой смолчал. С теми, кто прошел обучение в клирийской Гильдии Ассасинов, лучше выбирать слова осторожнее, какой бы беззаботной та же Энмола ни казалась.

— О, если ты об этом, то я весьма общителен! — Драконобой выхватил и сжал булаву, висящую на за спиной на ремешках.

— Быть может, не будем нападать, а попробуем с ними договориться, вдруг захотят сотрудничать? — неуверенно произнесла Кэлрен.

— Как будто у них будет выбор, — хмыкнул Кандал-северянин, доставая боевой молот.

— Эх, не люблю я этого... — пробормотала юная девушка.

— Ты каратель, подруга, помнишь? — Энмола хлопнула девчушку по плечу и чуть ли не вприпрыжку устремилась навстречу воинам из племени Кровавых Владык.

Равшары остановились, переглянулись и, обменявшись парой коротких фраз, достали оружие. Что-то им не нравилось в одном виде Энмолы. Возможно, они почувствовали в ней хладнокровную убийцу, такую же, как и они. Разве что, более умелую, только они об этом не знали.

— Ай-яй-яй, парни. Незаконное проникновение на территорию Союза, — неодобрительно покачала головой Энмола, — и как вы потрудитесь объяснить сие нарушение?

Заметив приближение вооруженных компаньонов клирийки, равшары еще больше насторожились.

— Уйди с дороги, женщина, — прорычал самый ближестоящий, — я не намерен тратить на тебя ни секунды больше, у нас нет на это времени.

Его наречие эйру-тиаласа, языка людских народов, было ломаным, но Энмола его прекрасно поняла.

— Ах, как жаль, что у меня оно есть!

Не успел и глазом дернуть ее собеседник, как клирийка выбросила руку вперед и прямо из рукава ее темной клепаной рубашки выстрелило лезвие на цепи, оно мгновенно, подобно змее, обмотало шею равшару, Энмола дернула цепь на себя — и кровь уже хлынула фонтаном из горла несчастного. Другим не дали опомниться, на соседних равшаров налетел Кандал и со всей силы вмазал огромной кувалдой. Двое сумели уйти от удара, но вот самому

переднему повезло меньше — череп хрустнул и мозги брызнули наружу.

— Гаси их! — с ревом Драконобой наскочил на тех, что стояли левее, и обрушил град ударов шипастым кистенем.

Равшары поначалу отбивали его атаки и пытались бить в ответ, но вскоре летающее подобно стреле лезвие достало их — Энмола либо своей цепью обезоруживала их, либо наносила режущие удары наотмашь, а Эдрагил уже добивал их, ломая булавой ребра и все остальное. Кандал еще двоих стукнул головой друг об друга. Последний из оставшихся в живых равшаров кинулся с яростной атакой, ведь отступление у его сородичей считалось самым страшным позором, но его Энмола лишь схватила за руку и заломила ее за спину, заставив равшара выронить лезвие ржавого окровавленного клинка. Эдрагил занес было булаву, чтобы раскроить ему череп, но Энмола прикрикнула, отскочив вместе с равшаром на безопасное расстояние.

— Стой, дурак! Этого мы убивать не будем. Он ведь может рассказать нам немало интересного, не так ли, дружочек?

Равшар захрипел и попытался вырваться, но Энмола лишь усилила болевой захват.

— Я так-то добрая, но вот провоцировать не советую, я ведь еще и весьма темпераментная личность! — она еще сильнее выкрутила ему руку, сустав почти готов был хрустнуть.

— Можно было не убивать их всех, а взять в плен, — осуждающе сказала Кэлрен-целительница, почти никогда не участвовавшая в схватках, — к чему эта жестокость?

— И кто их тащить стал бы, уж не малыш Кандал ли? — Эдрагил махнул рукой на двухметрового северянина.

— Закопать их — пожалуйста, но я вам не вьючное животное, — не совсем скорый на соображение Кандал воспринял сарказм товарища как вполне серьезное предположение.

Энмола направила взгляд на тропинку, которая проходила недалеко к воротам и обветшалому забору.

— Пойдемте-ка, друзья, в деревню. Потом закопаем этих уродов. Нам еще Глоддрика нужно отыскать.

В деревне карателей встретили настороженными взглядами, дети и женщины старались держаться в хижинах, но стражи безопасности границ Союза замечали наблюдающие за ними лица из окон. Мужчины околачивались возле крылец изб, мрачно рассматривая прибывших. Нельзя сказать, что простой, честный люд относился с неприязнью к своим защитникам, но видеть в своих родных краях беспорядки, вооруженных людей и плененного равшара со связанными руками за спиной они не хотели.

— Видать, правду говорили предки — беда не приходит одна, — проскрипел старческий голос.

Это произнес старый человек, сидящий на гладком пне, отполированном долгими годами такого же сидения и созерцания быта деревни. Старый крестьянин носил соломенную шляпу и посасывал глиняную трубку.

— С вами пленный, стало быть, остальным тварям из пустошей нехило досталось, — он хрипло рассмеялся, выпустив струю дыма.

Энмола подошла поближе и приветственно махнула рукой старику.

— Об этом вам больше не следует беспокоиться, братья и сестры, Карательный Отряд делает свое дело. Мы лишь хотим узнать, был ли уже здесь наш командор.

— Такой, знаете, поседевший одноглазый чудак с ошалелым выражением лица, словно он хочет кого-то убить, — вставил Драконой, — покоцанный, как дворовая кошка, жизнь его помотала.

Энмола, которой давно уже надоело желание бывшего преступника привлечь к себе внимание, закатила глаза:

— Ради красного словца не пожалеешь и отца, Эдрагил. Но да, он самый, описание подходит.

— Вы не беспокойтесь, мы скоро уйдем, — успокаивающе сказала Кэлрен, — только отыщем командора и осмотрим раненых, если они есть.

Старик последний раз затянулся, закашлялся и выбил трубку неудачно — пепел посыпался ему на штаны. Отряхиваясь, он произнес:

— Да был тут он — некроманта погибшего искал. Уж очень торопился. Слышал я от паренька знакомого, что он еще за село наше ходил, искал какое-то подземелье. Вы лучше спросите Клажира, так зовут этого мальчика. А даже и не спрашивайте, просто найдите его — и он сам все расскажет, этого балабола попробуй заткни. Аккурат амбара, где за ранеными ухаживают, вы и повстречаетесь с ним.

Крестьянин объяснил, как пройти. Кэлрен от души поблагодарила старика за отзывчивость, Энмола и Кандал сдержанно кивнули, Драконой же молча направился в нужную сторону.

Но не успели они дойти и до дома старосты, как из-за угла показалась до боли знакомая физиономия их командира. Его панцирь, брюки и сапоги были запятнаны кровью, уже успевшей высохнуть. Еще с минуту назад он бежал, но, завидев своих, он перешел на шаг.

— Я не отдавал приказа следовать за мной, — процедил он сквозь зубы, — самостоятельность есть нарушение устава и карается.

Драконой решил промолчать, ему хотелось сказать что-нибудь провокационное, но он знал, что с Глоддриком шутить так же опасно, как с гремучей змеей. Инициативу взяла Кэлрен.

— Но ведь здесь есть раненые, которым может потребоваться помощь, разве могли мы остаться сидеть в Гилеарде, предполагая такое?

Глоддрик чуть смягчился, услышав юную девушку. Когда ее привели на пограничье, а затем — порекомендовали в Карательный Отряд, Глоддрик со временем признал полезность Кэлрен, а затем она заставила его в какой-то мере восхищаться собой, редко Глоддрику доводилось встречать такое самоотверженное желание спасти чужие жизни, притом в таком юном возрасте, ведь ей даже не исполнилось девятнадцати.

— Не спорю, — сказал он более спокойным, но все еще жестким тоном, и оглядел пленного равшара, — взяли языка?

Воин пустоши был еще оглушен, взгляд его плавал, а голова покачивалась при ходьбе, но передвигаться он еще мог. Трезвый рассудок и силы на разговоры к нему еще не возвратились.

— Наткнулись на один патруль, командор Харлауд, — ответила Энмола, небрежно махнув рукой, — чего там, агрессивные ребята, но мы их успокоили, навеки причем. Драконой и этого хотел прикончить, но я не дала. Ведь он столько может знать.

— Значит, всех гадов мы перебили, ваш патруль был последним, с остальными имел дело я лично, — скривился Глоддрик, но было не понятно — улыбка это или оскал, — я отправляюсь в Гилеард, языка беру с собой. Кандал, Эдрагил, вы со мной, будете за ним

присматривать.

— Ну а нам что делать? — спросила Энмола.

— Выполнять долг перед народом, — издевательски усмехнулся Драконобой, — лечить всяких фраеров местных.

Глодрик резким шагом двинулся к нему:

— Еще одно лишнее слово — и тебя никто не вылечит.

Эдрагил Драконобой, в прошлом — главарь самой крупной преступной группировки в Ганрае, державший на коротком поводке криминальный мир Союза, потупил взор и нервно сглотнул, отойдя назад.

— Так-то лучше, — съехидничала Энмола, — поменьше бы ты выпендривался, дружок.

Глодрик, не теряя ни минуты, отправился в сторону Вархула вместе с мужчинами, столицы Ганрая, девушкам же предстоял разговор со старостой, которого нелегко было убедить в том, что деревне больше нечего опасаться. Кэлрен обещала, что попросит Глоддрика выделить гарнизон на защиту их края. У амбара с ранеными их встретил Клажир, знакомство с которым не доставило большого удовольствия ни терпеливой Кэлрен, ни, тем более, темпераментной южанке Энмоле.

— А, вот и друзья-каратели! — чуть ли не вприпрыжку выбежал он, — ну как, всех равшаров положили? Если, конечно, тот хмырь Глодрик еще кого-то вам оставил. Я пробовал его остановить, покуда он бежал в деревню, но он лишь оттолкнул меня и устремился дальше. Слушайте, здесь очень много раненых, наверное, работы будет невпроворот, но вы обращайтесь, если что, окажу любую помощь, я ведь хорош как в драке, так и в медицине — первому меня обучила суровая жизнь, а второму — матушка. Впрочем, насчет драки, они ведь могут вернуться, так? Вы ведь поможете нам организовать оборону в случае чего?

Все это он говорил, сопровождая карательниц в сторону амбара. Когда они дошли, Кэлрен не выдержала и произнесла:

— Клажир, ведь так тебя зовут?

— Да, я Клажир! Это старое аргойское имя, хоть я и ганраец, но мой пра-пра-прадед мигрировал в эти земли из Бёрнфилда, что на западе, поэтому во мне есть крови от...

— Да закрой ты свой рот, мудила! — рявкнула Энмола, — мы ведь не просто так сюда пришли.

— Прости грубость моей спутницы, — сочувственно сказала Кэлрен, поправив непослушную челку, — но я должна помочь вашим раненым. Расскажи все, что сочтешь нужным Энмоле или дождись, пока я сделаю все, что потребуется.

Кэлрен была примерно одного возраста с Клажиром, и она сразу же приглянулась ему. Но спорить он не стал, все же он действительно желал блага односельчанам, как бы его ни мучал словесный понос. Хотя, Энмола осталась вся в его распоряжении, она не собиралась его осадить, ведь Клажир и правда мог знать что-то важное, вот только вычленив это из его бессвязного мысленного потока было непросто.

Из амбара доносились стоны раненых, вокруг которых хлопотали Кэлрен и местная знахарка, успокаивающие речи Кэлрен также были слышны. Доносились и жуткие вопли, Клажир заглянул украдкой и увидел, что это Кэлрен обеззараживала раны тех, кому довелось схватиться с равшарами, каленым железом.

— Понимаешь, тебя ведь Энмола зовут, да? — не дожидаясь ответа, он продолжил, — явились эти к нам и принялись допытываться, где живет этот кудесник, спалили его дом,

затем ушли куда-то. Наши пострадали. Я бы тоже влез в бой, знаешь, я ведь очень точен и силен, лучше всех в городки играю, но если меня убьют, кто будет присматривать за матушкой? Я ведь как-никак единственный мужчина в семье. Так этот ваш Глоддрик Харлауд, откуда ни возьмись, появился, как черт из табакерки, и, что думаешь, один пошел на всех этих гадов! Я его еще к этому склепу вел, в который равшары пошли. Ну, видать, он их всех перебил, вернулся ведь весь воооот в таких пятнах кровищи! Правда, я еще не видел, что произошло в тех местах, я предлагал ему свою помощь, я ведь правда неплох в драке, однажды я сломал своим ударом самую толстую доску в заборе, хотя она была гнилая и трухлявая, но все же... — заметив яростный взгляд Энмолы, он осекся и продолжил ближе к теме, — в общем, если нужно, я смогу вас туда отвести. Я ведь знаю дорогу, правда, вас, девушек, могут испугать горы трупов, ну, тебя вряд ли, ты же воительница, а вот эту, как ее, вполне могут.

— «Эту, как ее» зовут Кэлрен Целительница, мальчик, — ответила Энмола, — и все это можно было бы сказать раз в десять короче. Впрочем, и на том спасибо, я все поняла. Своди уж нас туда, раз предложил.

— Сводить вас обеих куда-то? Это так романтично! — Клажир прыснул со смеху, — я ведь первый парень на деревне, многие девки местные аж мечтают об одной крупице моего внимания, вот ты мне бы тоже поверила, если...

— Побольше уважения, — оборвала его Энмола, — а во-вторых, я уже эти несколько минут мучаюсь от твоего общества, не представляю, какими вашим женщинам нужно быть мазохистками, чтобы хотеть быть с тобой всю жизнь.

Клажир с минуту помолчал, но не выдержал и начал рассказывать о деревне, о своих мечтах повидать мир, о жителях пересказал почти все сплетни, пытался перейти к историческим темам и похвалиться своими познаниями, но ему это быстро наскучило, и он вернулся к сплетням. По большей части он говорил сам с собой, Энмола его практически не слушала. Ее терпения хватило минут на двадцать, после чего она поставила ультиматум — если Клажир не замолчит, пока Кэлрен не вернется, она ему свернет шею. Спустя пару часов, когда Кэлрен закончила свою работу, Клажир указал им дорогу к склепу. С пятнадцать изрубленных и прекрасно вооруженных равшаров говорили сами за себя. Увидев заваленный проход, открывавший дорогу внутрь древнего склепа, девушки окончательно убедились, что делать им здесь больше нечего.

— Да уж, разрушать Глоддрик и вправду умеет, — присвистнула Энмола, — и оставил все это нам с вами, кому-то ведь нужно будет их закапывать!

Вскоре селяне вместе с Кэлрен и Энмолой занимались сооружением братской могилы для павших врагов. Клажир насвистывал деревенские частушки, полные непристойностей, а Кэлрен и Энмола не могли дождаться возвращения в Гилеард. Им нетерпелось узнать, что скрывал некромант, этот поселок, склеп и, наконец, что здесь искали равшары. Закончили они ближе к вечеру. Им еще предстояла дорога назад.

[1] Место, где грешники, согласно Ранкорской мифологии, отбывают свое наказание. Огромная тюрьма для грешных душ, расположенная глубоко в подземельях Азрога, за которой присматривают демоны катакомб

[2] Меченосцами на Ранкоре принято называть воинов Храма Мечей, которым управляет Отец Агриппа

Глава 5: «У нас свои планы»

Для Арстеля день начался, как у него было заведено уже много лет. Сапожнику не нужно было многого, он довольствовался малой комнаткой при сапожной лавке, где вместо кровати лежал заплатанный матрас, шатающийся письменный стол, и с десяток книг на полке сверху служили ремесленнику утешением. Он привык вставать рано и штопать на веранде обувь, лакировать ее, пока селение еще не проснулось. Работа приносила ему какое-то подобие умиротворения, но сапожника давно не покидало ощущение, что чего-то в жизни ему не хватает. Подогнав очередную подошву, он часто всматривался вдаль, за домами — на изгибистые земли, полные зелени, кажущейся яркой при свете солнца. Его взгляд пробежал по тропинке, ведущей из Крестала, которая вдалеке входила в широкий тракт, ведущий в столицу Аргои — великий город Силгор. Дом Его Королевского Величества. Арстель с роду там не бывал. Иногда ему хотелось взглянуть на слабо различимую за изгибами холмов Ганрайскую стену, а за ней — едва видные в тумане склоны ближайших скал Костяного Хребта, или Драконовых Гор, как его называли в народе. Он никогда не бывал за стеной, тем более, не видел ни одного дракона, хотя и слышал, что они вымирают. Казалось бы — иди, куда хочешь, все дороги твои, Ранкор перед тобой, и в нем живет столько людей, которые не узнали Арстеля. Как, к примеру, та девушка, которую он видел день назад. Она ведь должна уйти вскоре и отправиться неведомо куда, возможно, Арстель ее никогда не увидит более. Но что-то держало сапожника в селении, возможно, воспоминания о семье, которую он еще не мог отпустить. Ведь неподалеку от лавки стоял дом его отца и матери, место, где он провел свое детство. Дом пустовал, Арстель часто приходил проведать его, но он не мог заставить себя жить там. Он не мог заставить себя уйти из привычного места обитания, где знакомые места, люди. Как и Хельд, мечтавший пойти в Хаглору, он лишь думал об этом и мечтал, но дальше мысли дело не шло. Об этом, как практически каждый день, особенно в последнее время, думал он за работой.

Селение начало просыпаться, к нему, проходя мимо, зашел Гранаш, оседлый равшар, который с десяток лет назад перебрался в эти земли и с недавних пор жил с местной женщиной в доме, хотя межрасовые союзы на Ранкоре были табуированы. Как и многие местные жители, он любил обсудить новости о большом мире, который давно уже знал лишь понаслышке.

— Кёрк сказал, были замечены странные люди на подступах к селению. Говорит, какие-то они ошалелые, да и одеты странно, носят какие-то балахоны. Но с виду люди как люди, — сказал равшар, облокотившись на перило веранды.

— Быть может, это те самые ребята, которые явились со своим духовным наставником? — спросил Арстель.

— Да нет, другие. Те еще вчера лагерь разбили и тусуются возле нашей деревеньки. Кстати, кто-то из них и поведал Кёрку об еще одних пришельцах.

— Да что же им здесь, медом намазано, что ли? Тут же не на что смотреть, в общем-то, — всплеснул руками Арстель, — дома обычные, народ — тоже, хотя и душевный. Что эти странники тут забыли?

— А я слышала от сестры, — проходящая мимо Карен с местной целительницей-хаглорианкой решила присоединиться к разговору, — что какой-то чародей в железной маске стягивает воедино ополоумевших чародеев-самоучек. Они кому-то поклоняются, хотя

еще не до конца понятно, кому. Но скапливаются их силы у границы Союза, возле Ганрая. К слову, недалеко от нас.

— И откуда твоя сестра все это узнает? — поинтересовался Арстель.

— Так она ходит в Ганрайские деревни продавать молоко наше! Она знает людей, живущих почти вплотную к границе, почему бы ей не узнать? — сказала Карен.

— Да уж. Может, послать весточку королю, чтобы выделил хоть гарнизон? Мне не по себе от мысли, что спокойная жизнь может вот-вот кончиться.

— Они там и так все знают, — подошел мускулистый плотник Харал Глыба, — не находят нужным, франты столичные, мать их, — сплюнул он с презрением.

— Может быть, подождем еще немного? — сказала Карен, — пойдем, что к чему. Мы ведь не знаем ничего ни об этих людях, ни о наших гостях.

— Мне безразлично, главное, чтобы не начался какой-то переполох, — сказал Граншравшар, — мне бы только спокойную жизнь здесь. Ужасов я навиделся в пустошах.

— Шая, — обратился Арстель к зеленокожей хаглорианке, — к тебе никто не заходил сегодня поутру?

Хаглорианка поджала губы и нервно огляделась. Подойдя ближе, она тихим голосом произнесла:

— Был человек весьма... неординарной внешности. При нем был посох, похожий на те, что я видела у наших мастеров-магов, только более аккуратный, прямой, гладкий, обработанный. Когда он попросил травы в пропорциях и составе, понятном каждому хаглорианцу, что это нужно для зелья, сомнений не оставалось. Передо мной маг. И у меня такое ощущение, что я его где-то давно уже видела.

— Жаль, мы остальных не видели, — ответил Глыба, — по рассказам Мурвака, выглядят они, сказать «странно» — ничего не сказать. Одичавший равшар с клеймом на лбу, какой-то бритоголовый клириец с ножами, рыбоголовый, увешанный цепями какими — то, а с ними вообще непонятно, кто, гуманоид, который выглядит, как дерево. Нет, это правда какая-то ошибка природы. Словно собрались там самые отталкивающие и странные представители нашего мира.

— Арстель! — крикнул Хельд, выскочивший из таверны, — вроде бы здесь я трактирщик, а не ты. Чего же люди возле твоей лавки собираются? Давай тогда ставь на перила вместо барной стойки башмаки, пусть жуют! А грязную воду из ведра, которой ты моешь полы, — вместо пива. Тогда я тебе точно не конкурент уж точно!

Арстель усмехнулся, плотник по прозвищу Глыба рассмеялся так, что затрясся его накаченный пресс, а Шая с Карен предпочли оставить без комментариев его реплику. Равшар попрощался со всеми и отправился заниматься земледелием.

— Я не против, чтобы вы общались, чешите языки на здоровье, но не могли бы вы перенести дислокацию беседы в «Желудок Дракона»? Мне вообще по барабану, о чем вы говорите, и я скорее трахну дерево, чем буду точить лясы с вами, но мне нужны ваши деньги, клиентура. О чем, кстати, разговор?

Ему пересказали свои опасения Карен и Арстель, но когда речь зашла о гостях, обосновавшихся в лагере, Хельд выдал:

— Слушайте мою гениальную идею! Точнее, она обычная, но для ваших слабых мозгов покажется невообразимо умной. Почему бы нам не отправиться к ним в лагерь и не узнать все самим? Я понимаю, что народ они страшный, видел вчера нескольких в таверне — жуть, но не всем же быть красавцами вроде меня. Пойдем и узнаем. К чему гадать, как вы, да еще и

без кофейной гущи? Вы точно отстаете в развитии, не можете даже вопрос сформулировать, с кем я живу.

Они условились выбрать один из ближайших дней и всем вместе отправиться в лагерь незваных гостей. Хельд и те, кто захотел, отправились на обед в «Желудке дракона», Арстель же решил сделать перерыв в работе и провести время по своему усмотрению.

Он зашел в местную библиотеку, если эту маленькую хижину с несколькими книжными шкапами можно было так называть, к южанину — клирийцу по имени Клуатак. Он хоть и был по происхождению клирийцем, но давно уже ассимилировался, ведь почти всю жизнь пробыл в Аргое. Библиотекарь уже начал седеть, лицо его прорезали первые морщины, но в его движениях еще осталась та резвость, а в глазах — озорной огонек, свойственный людям с юга. Длинные волосы его были собраны в хвост, носил он такую же одежду, как и остальные селяне королевства Аргои — рабочие брюки и деревенскую рубаху с жилетом.

— Арстель, дружище! Рад тебя видеть! Хочешь еще какую-нибудь книгу взять или, может, вернуть? — показался из-за высокого шкафа клириец.

Он нес в руке лист пергамента и положил на столешницу, приготовив перо и чернила.

— Я вот, прочел ту биографию короля Ганзарула Второго, которую ты давал мне неделю назад. Думаю, пришло время ее вернуть.

— Хм, да, пожалуй, — задумчиво покивал Клуатак, обмакнув перо в чернильницу и черкнув что-то на листе, — дай угадаю — составил эту биографию пресловутый Ревриан Гувер?

— Да. Мне понравилось, пишет он обстоятельно.

— Как знаешь, а я бы не доверял этому выдумщику расширять мой кругозор. Он слишком любит приукрасить историю, чтобы претендовать на объективность. История этого не любит.

— Но ведь он жил при дворе еще во времена Его покойного Величества.

— Жить-то жил, вот только что он оттуда вынес? Как по мне — так он только наживается с нашей наивности и невежества.

Арстель пожал плечами. Он, чаще всего, избегал споров, особенно, если это касалось вопросов, в которых он не был силен.

— Ладно, давай этот талмуд сюда, — библиотекарь взял толстую книгу и аккуратно, несмотря на пренебрежительный тон, поставил ее на полку ближайшего шкафа.

— Знаешь, Арстель, мне ведь уже больше шестидесяти, — продолжил он, — наверное, поздно что-то менять в своей жизни. Но ты еще молод! Может быть, все же стоит покинуть родные края и увидеть мир хотя бы до того, как ты одряхлеешь? Так ведь вся жизнь пройдет. А ты словно живешь чужой жизнью, пытаешься заполнить пустоту внутри себя какими-то историями, правдивыми или выдуманными — неважно. Важно лишь то, что твоя жизнь уходит, а ты существуешь, а не живешь. Причем, о твоём существовании практически никто не знает.

Арстелю не понравился вопрос Клуатака. Размышлять о таких вещах наедине с самим собой — это одно, здесь он чувствовал некую защищенность, Арстеля успокаивало, что никто не мог услышать его мысли, а он мог в любой момент поменять решение. В основном он находил то одно, то другое оправдание своему категорически оседлому образу жизни. Но когда его об этом спросил библиотекарь, думать о таких вещах стало сложнее, Арстелю не хотелось признаваться, что он боится покинуть свою привычную среду, но вместе с тем она

ему уже опостылела.

— Не знаю, Клуатак. Многие ведь так и живут, не сходя со своего надела, участка, городка. Здесь у меня есть место. А там, в большом мире, меня никто не ждет. Не зря же говорят — где родился, там и сгодился.

— Не будь дураком, юноша, — покачал головой южанин, — Ранкор, быть может, и не райский уголок, но здесь есть, на что посмотреть. Видел ли ты изящно отделанные усадьбы крылатых флорскелов на Пятиконечной Скале? Как эти ребята летают меж водопадов, льющихся с горных вершин. Кстати, девушки там красивые, а их императрица, насколько я слышал, — любо-дорого глядеть! Бывал ли ты в густом Лайнур-Арае, где, по легендам, духам виден каждый твой шаг, а лесной народ владеет тайным знанием. Видел ли ты громадные каменно-железные города, корабли рыбоголовых скиарлов? А пустоши равшаров? Хотя туда лучше не заходить, а то следующей остановкой будет уже царство небесное, Йорхэн. Все же, разве тебя это все не влечет? Ты так молод, но словно уже давно мертв внутри.

Арстель уже собрался ответить, что он подумает над словами своего немолодого собеседника, и уйти, как вдруг раздался стук в дверь.

— Входите! — выкрикнул Клуатак.

Вошедший поразил Арстеля своим видом. Как и Клуатак, он по национальности был уроженцем Клирии, в возрасте разница между ними тоже не была большой, но насколько же разными людьми они были. Скромно одетый библиотекарь, засучивший рукава с пером в руке, которого было бы сложно отличить от односельчан, если бы не оливковый цвет кожи. Гость же представлял собой картину, которую встретишь редко. Одет он был в халат из серого сукна. Перевязан он был монашеской рясой желтого цвета. Широкие клирийские штаны, подвязанные портянками. Бритоголовый. Клуатак сразу понял, кто перед ним — представитель некоего монашеского ордена, поклоняющегося Араю Илгериасу. Это можно было понять, лишь глянув на медальон, висевший на шее у монаха — стальной круг, от которого во все стороны исходили острые иглы, изображавшие лучи. Это был символ Сферы Илгериаса — частицы энергетического тела высшего божества, той самой искры, от которой разгорелась, по легендам, жизнь на Ранкоре еще тогда, когда этот мир не имел никакого названия. На поясе его висело четыре или пять ножей, а монашескую робу пересекала перевязь, на которой крепилось множество метательных лезвий. У Арстеля закралось подозрение, что скрывал пришелец гораздо больше оружия, чем держал на виду. Однако взгляд этого человека выражал полное умиротворение и некоторую отрешенность, он излучал добродушие, но вместе с тем смотрел на то, что его окружало, без особого вовлечения, словно материальная действительность не представляла для блюстителя духовного образа жизни сильного интереса. С тем же равнодушным и вместе с тем не лишенным удовольствия и дружелюбия выражением лица он оглядел Арстеля и Клуатака.

— Мир вам, братья, — прочертил он прямой и кресты рукой, обозначающие сферу Илгериаса, символ веры в высшие силы.

— Мое почтение, — слегка улыбнувшись, кивнул Арстель.

— И тебе того же, монах, — подобрался Клуатак, явно не ожидавший столь нетипичного посетителя для этих краёв, — с чем пришел к нам?

— Божьи пути завели меня сюда, как и вас, — остановился на середине комнаты клириец, оглядывая тусклую лампу на свече, криво прибитую гвоздями в углу у лестницы, — но я не могу отрицать, что явился абсолютно без осознания своих намерений. А можете ли вы сказать о себе то же самое?

Арстель решил промолчать. Он сразу понял, что этот гость — один из тех, о ком упоминала Юкиара, кого обсуждали его односельчане у лавки. Арстелю не довелось увидеть воочию гостей, наделавших столько шума, но по слухам, которые разносятся, всеизвестно, быстрее ветра, он уже понял, что незваные гости отнюдь не похожи на обычных путников.

— Братец мой, земляк. Может быть, мы оставим обсуждение этих тем на другой раз? Я не против поболтать, но все же я выполняю конкретную работу, поэтому скажи четко, что тебе нужно или, прошу, не отнимай время у моего клиента.

— Я и не собирался красть ничье время. Но, судя по твоей спешке, ты его крадешь у себя сам, брат мой. Твоя суетливость в работе говорит об озабоченности материальной жизнью и том, что ты вовсе не думаешь о душе, разве не так? А пришел я за вполне конкретной вещью — мне нужны карты Бёрнфилда, чем подробнее, тем лучше. Желательно, не старше 1700-го года, сам понимаешь, многое поменялось после войн в Клирии и на Севере.

— Слишком многое, — изменился в лице Клуатак, который во времена войны хоть и не жил на родине, но знал о многочисленных людях одной с ним крови, канувших в лету, — что ж, я попробую откопать карты, хотя это дело небыстрое. Придется тебе подождать.

— На все воля Арая Илгериаса, — кивнул монах.

— Кстати, как тебя звать? — оглянулся библиотекарь.

— Мое имя Шаабан. По крайней мере, в этом воплощении.

— Клуатак.

— Арстель, — протянул ему мозолистую руку сапожник.

Хватка монаха была крепкой, Арстелю показалось, что Шаабан с легкостью мог бы раздробить его костяшки, если бы захотел. Клуатак скрылся, Арстелю показалось, что самое время поговорить и разузнать побольше как о гостях, так и о самом монахе, а возможно — и о том таинственном красноволосом человеке. Арстель так и не успел отойти от вчерашнего разговора с ним. За окном было тихо, было видно только травницу и Мурвака, прошедшую по своим делам, а у соседней хижины стояла старая телега мельника Ропхиана, которой он изредка пользовался. Как понял Арстель, Шаабан явился один.

— Так... я же правильно понимаю, вы монах? — неуверенно начал Арстель, тут же взволновавшись, что выставил себя дураком, констатировав очевидное.

— Да. Уже двадцать пять лет я следую по пути освобождения и служу высшему божеству, — искренне ответил Шаабан, — а ты чем занимаешься?

— Ой, да ничем интересным, — отмахнулся Арстель, — так, латаю обувь, штопаю сапоги местным. Скучная работа, хотя и нужная.

— Почему же скучная? — ответил монах, — если от всего сердца преподнести сделанную тобой обувь как Богу, так и братьям и сестрам, разве не будешь ты счастлив и с удовольствием создавать все новые и новые пары обуви? Скучной ведь делает твою работу не она сама, а твое отношение к ней. А вызвано оно отсутствием Арая Илгериаса в твоей жизни. Когда человек перестает думать о себе и начинает беспокоиться о ближних и о том, как жить в согласии с высшими силами, он становится поистине счастлив. Ведь это путь спасения души. Жаль, многие этого не знают или отказываются понимать.

— Мудрые слова. В книге Трёх Миров Калтахин, первый из магов, учитель всех великих кудесников древности, говорил нечто подобное.

— Немудрено, — рассмеялся монах, — любой уважающий себя маг знает, откуда произошла его сила и воздает должное тому, кто его ею наделил. Наш наставник бы

подтвердил это, будь он сейчас здесь.

— Наставник? — догадки Арстеля подтвердились.

Значит, этот священнослужитель и в самом деле связан с людьми, разбившими лагерь возле Крестала.

— Именно так, — улыбнулся Шаабан, — мудрый человек. Ты еще убедишься в этом, если тебе доведется поговорить с ним.

— Недавно в бар моего друга заходила девушка по имени Юкиара. Она тоже упоминала о том, что ее и еще много людей кто-то за собой ведет.

— Юки, да, знаю ее. Хорошая девочка, хотя слишком мало задумывается о Боге. Впрочем, это не ее вина, так уж сложилось.

— Могу я спросить, что объединяет тебя, ее, наставника и остальных? Какие цели вы преследуете и куда направляетесь?

Шаабан в раздумье опустил руку на навершие искривленного клирийского кинжала на поясе, рукоять которого была обмотана пыльной веревкой.

— Лично я преследую цель освобождения и достижения вечной жизни в обители Арая Илгериаса. С наставником я лишь потому, что те ценности, которые он пропагандирует, соприкасаются в чем-то с моей верой. К тому же, он делает жизнь тех, кто идет за ним, лучше. Но о целях его тебе лучше узнать из первых рук, из первоисточника.

— Как?

— Юки разве не говорила, что мы разбили лагерь возле селения?

— Да, упоминала.

— Сегодня вечером наставник будет проводить дискуссию. Мы часто это делаем — выслушиваем предложения соратников, идеи, приходим к единому мнению, пытаемся лучше понять наставника и себя. А он помогает нам найти решение многих сложно разрешаемых проблем. Это сложно передать словами, будет лучше, если ты придешь и посмотришь на этого человека в действии.

Арстеля охватило смешанное чувство. С одной стороны, он уже сам начал беспокоиться, что старый мельник и Харал Глыба были правы и с сектантами связываться опасно, а Мурвак был не так уж глуп, что отнесся к ним с нескрываемой неприязнью. Мало ли, какие цели они могли преследовать. Однако лишь вспомнив Юкиару, любопытство его пересиливало и Арстеля распирало желание прийти и узнать самому. Не мог он заставить себя поверить, что девушка вроде Юки могла связаться с нечестивцами и лиходеями. Оставалось лишь сказать Хельду и остальным, что они приглашены.

— Это для меня честь, получить приглашение. Знаете, наша деревня уже много лет, десятилетиями, жила по заведенному однообразному распорядку, конечно, через нее проходило много бродячих торговцев, актеров, просто бродяг без гроша в кармане, но никогда еще мы не видели что-то настолько непонятное, вроде вашей общины.

— Что ж. Пути Арая Илгериаса неисповедимы, — ответил Шаабан, — по правде говоря было бы лучше, если бы пришло как можно больше местного честного люда. Я успел заметить, что нас опасаются и не доверяют нам. Быть может, нам, как ближним, стоит попытаться понять друг друга?

— Да, конечно. С удовольствием ознакомлюсь с вашими взглядами. Если хотите, Шаабан, я могу передать остальным, чтобы пришли вечером, мы как раз собирались в ближайшее время заглянуть.

— Дай Бог, получится собраться.

Через минуту вернулся Клуатак, несший под мышкой несколько свертков, развернул их на деревянной стойке, демонстрируя как план Бёрнфилда, так и эскизы достопримечательностей города, зданий, по которым можно было ориентироваться в местности. Монах поблагодарил и ушел, а Арстель передал библиотекарю просьбу явиться к вечеру на встречу в лагере. Клуатак наотрез отказался:

— Слушай, Арстель, я уже жизнь, считай, прожил, и, знаешь, стараюсь держаться подальше от всего этого... бурного движения. А ты сходи, даже не спорь! Может быть, эти люди еще сумеют тебя переубедить и не потратить жизнь понапрасну, как я.

Арстель замялся, сунув руки в карманы. Оглядев шкафы и расписной клирийский ковер между ними.

— А что будете делать вы, Клуатак?

— А что мне, библиотекарю, можно делать? Книги сами себя салфеткой не протрут! А вот запылиться вполне могут. Ладно, дружище, ты пока бы тоже занялся своей работой, вечером ведь такой возможности не представится.

Откланявшись, Арстель вышел, аккуратно, стараясь не хлопать, закрыв за собой дверь. Ему было неприятно слышать о том, что шестидесятилетний Клуатак называл себя стариком — он сразу вспоминал своих родителей, которые, в годы его юности, достигнув примерно того же возраста, причисляли себя к людям преклонного возраста. Юный Арстель не мог принять того, что в скором времени останется в этом мире один. Вспомнив это, он задумался и о времени, которое, как известно, не вернуть. Тридцать лет проживя и делая одно и то же, он задумался о том, не было ли это несчастьем, ведь и его отец тоже, желая лучшего для сына, советовал Арстелю хотя бы попробовать перебраться в город, желательно, в столицу и открыть сапожную лавку там. А еще лучше — походить по Ранкору перед этим. Но, увидев снова, в который раз, родные холмистые пейзажи, густую траву и протоптанную за много лет тропинку, соединявшую ветховатые хижины из дерева и соломы, он преисполнился спокойствия. Вновь взглянув в небо, оглядев облака, которые медленно плыли в своем направлении, он направился в сторону своей лавки. Неподалеку курился дым возле трактира его единственного настоящего и лучшего друга — Хельда, который в последние годы практически заменил утерянную семью сапожнику. Вернувшись к работе, Арстель не мог перестать думать о Юки, своей жизни, гостях, наставнике. Так незаметно пролетело время и начало вечереть. Пришла пора собираться на встречу.

У хижины, в которой жил мельник Ропхиан, откуда он каждый день направлялся на свою мельницу, возле его повозки собралась приличная часть поселка. Арстель на пути пересекся с Карен и, завязав будничные разговоры о том, как у кого прошел день, они присоединились к остальным. Солнце уже почти зашло, а неполная стареющая луна начала светить. Арстель давно любил провожать закаты в молчаливом созерцании их красоты, поэтому картина приподняла ему настроение. Идти в лагерь собрались местная священнослужительница Канария, которая практически не расставалась с церковным нарядом — целомудренным платьем черного цвета и белым чепцом. Был там и плотник Харал Зверюга со своей семнадцатилетней сестрой, которая рассказывала ему, судя по всему, какую-то смешную историю, а мускулистый брат так и катился от хохота, травница-хаглорианка Шая, мельник Ропхиан и староста селения Кёрк о чем то спорили с равшаром-земледельцем Гранашем и Хельдом, возле которого стояла ручная тележка, уставленная до краев бочонками с крепким пойлом, флорскел решил немного облегчить запасы кладовых

своего трактира. Лесоруб Мурвак был тоже здесь, когда Карен спросила его, зачем он тоже собирается на встречу, если уже терпеть не может гостей, он ответил:

— Я хочу понять, есть ли реальная угроза от этих недосектантов, — его аж перекосило на последнем слове, — да и потом, мне даже интересно посмотреть, что они из себя представляют, насколько они двинутые.

— Чтобы почувствовать свое превосходство? — спросил Хельд, облокотившийся на тележку.

— А почему бы и нет? — ощерился Мурвак.

— Мне бы твою способность видеть то, чего нет, Мурвак! Может быть, я бы тогда уже жил во дворце с гаремом, набитым наложницами-южанками. Они такое умеют делать своими руками и не только ими, если бы вы знали...

— А ты, Хельд, конечно, испытал это на собственном опыте! — сказала Карен.

— Конечно! Мне это как-то приснилось. Научитесь управлять своим сном — и не такое увидите, друзья мои.

— Как по мне, наш мир и так полон всяких безумств, чтобы еще и добавлять что-то воображаемое, особенно, если воображение такое болезненное, как у тебя, Хельд, — сказала сестра Харала Глыбы Найра.

— Ну не скажи, к примеру, то, что Арстелю кто-то даст, если ты понимаешь, о чем я, это из области невозможного! Я почему занимаюсь этим во сне — из благородных побуждений, ведь соблазней я реальных женщин — все вы, мужики, остались бы у разбитого корыта.

— Куда уж мне до твоего великолепия, — без намека на недовольство ответил Арстель, — и как ты вообще живешь с нами, простыми смертными.

Мурвак очень хотел сказать Хельду, как его достала эта болтовня, но передумал, ведь тогда он рисковал лишиться выпивки, а то и вовсе прохода к месту регулярных пьянок — «Желудку Дракона».

— Какой же ты развратник, Хельд, — сказала Шая, — в лесах Лайнур-Арая, если ты еще собираешься туда отправиться, такое не любят.

Канария хранила молчание, а Глыба со своей сестрой едва сдерживались, чтобы снова не повалиться со смеху. Наконец, они решили отправиться к пристанищу гостей своих земель.

Путь оказался достаточно близкий. Карен уже успела обойти края и несколько раз видела огни и струи дыма, курящиеся над лагерем, и без труда сумела провести остальных нужным путем. Тракт, выходящий из деревни, представлял собой довольно широкую дорогу, которая ответвлялась в суженную тропинку, уходящую в сторону полесья, редких деревьев, вблизи которых уже начинался лес, пусть и небольшой.

Впереди шагал Хельд, как ни странно, молча. Вместе с остальными пришло еще тридцать человек, что было не слишком значительным числом для поселка, в котором жило около двух сотен подданных Аргои. У ближайшего дуба полулежал молодой парень, почти юноша. Светловолосый, атлетично сложенный, он был одет в грубый плащ из зеленого сукна, жилет, усеянный карманами, простецкие брюки и кожаные сапоги. Он завидел приближающихся еще до того, как сам попал в их поле зрения. Он с пружинистой легкостью подскочил и скорым шагом направился в их сторону. За спиной его был колчан со стрелами. В руке держал он неброский, но весьма гладкий и гибкий лук.

— Вы все же явились, — сказал он это с дружелюбной улыбкой, но с несколько ироничной интонацией, словно сомневался, что ему и его соратникам вообще стоит сходить с местными, — значит, Шаабан вас пригласил на наше собрание.

— Их, быть может, и пригласил, а меня никогда не зовут, я сам прихожу, — ответил Хельд, — не лишать же вас столь важного гостя.

— Если по существу, — вступил в диалог Арстель, немного запнувшись, парень смотрел на него, словно ястреб на добычу, — то мы самостоятельно приняли коллективное решение протянуть руку, познакомиться с вами. В Крестале издавна рады гостям, а получить приглашение от вашего спутника было для нас честью еще большей, чем ваш визит в наши края.

Молодой лучник присвистнул, растянув губы в саркастичной усмешке, словно сама мысль о том, что эти простые люди и крылатый флорскел Хельд предполагают, что могут ставить себя вровень с ним, донельзя нелепа.

— Что ж, мы тоже рады гостям на территории, что занимаем. Правда, это зависит от того, что это за гости, — сказал он так, словно любая территория, на которой обоснуется его группа, автоматически становится ее собственностью, — меня зовут Шойрил.

— Также мне, важнецкий какой, — Мурвака от злобы скорежило, но гнев его был праведный, — это наша земля и такое решать лишь нам.

Шойрил оглядел его жестким и холодным взглядом и с вызовом спросил:

— А я разве претендовал на вашу землю? — он двинулся вперед, Мурвак не сдвинулся с места и, облизнув губы, приготовил ответ.

— Ты наглец и дуралей в придачу, это вы наши гости, а не мы — ваши. Запомни это хорошо, сынок, иначе надолго вы здесь не останетесь.

— А я Арстель, — он протянул руку, чтобы сгладить конфликт, но Шойрил тут же самым неучтивым образом ее отбросил.

— Потом будем с вами со всеми ручкаться, идите за мной, время ждать не будет вашего соизволения. Наставник скоро начнет свою речь, — он со злобой покосился на Мурвака.

Это был один из тех немногих случаев, когда Карен, Шая, Арстель и остальные в глубине души прониклись уважением к сварливому лесорубу Мурваку. Быть может, он не был приятным собеседником, но отстоять позицию односельчан и поставить на место зарвавшегося юнца ему, без сомненья, удалось. Люди уходили дальше, в сторону лужайки, дальше от тропы, что вела в сторону мельницы, пристроившейся на самом высоком из ближайших холмов, ее лопасти вяло крутились силой ветра, пока немолодой хозяин этого строения, шагая немного кривоватой и шаткой походкой, медленно пытался поспеть за остальными.

Петляя между нескольких холмов и взойдя на всхолмье, они открыли для себя поистине необычное зрелище — практически второе такое же по объему селение обосновалось рядом с родным Кресталом, только вместо хижин были ветхие шатры, развевающиеся на ветру, земля возле них кишела матрасами и спальными мешками, а люди сбивались группами возле кострищ и жарили на вертелах мясо или овощи, купленные по пути у бродячих торговцев. Многие из них были одеты в простецкую охотничью или ремесленную одежду, но показывались и магики, облаченные в поношенные и дырявые балахоны, которые доставали до невысокой травы. Крестальцы пока что держались группой, они уже успели привлечь множество взглядов, в то же время сами наблюдали с интересом за этими странствующими людьми. Из-за широкого клена и двух осин показалась Юкиара, возле которой шагал

шестнадцатилетний отрок. Чем-то они были похожи — резкие черты лица, заостренный подбородок и немного выступающие скулы и узкая линия губ. Но если у парня преобладала настороженность в тоне лица, то девушка выражала собой полную вовлеченность во все, что происходило вокруг, простодушие и некоторое любопытство. Оба они несли хворост и свалили возле одного из кострищ, возле которого уже начали стекаться люди и другие существа. Подростка подозвал какой-то возрастной человек с густой бородой и заметной плешью. Юкиара утерла пот со лба и уперла руки в бока, с удовлетворенным видом оглядывая лагерь, который уже успели обустроить ее спутники. Стоило селянам показаться на лугу, девушка одной из первых подошла к путникам, а стоило ей увидеть знакомые лица Арстеля и Хельда — она устремилась едва ли не вприпрыжку.

— А я боялась, что вы не решитесь прийти, ребята! Надеюсь, наши походные грубые условия жизни не смущают вас, — она кивнула в направлении костра, возле которого только что свалила охапку ветвей и поленьев, — присоединяйтесь, пока наши троглодиты не умяли все ваши угощения.

Она, не боясь показаться фамильярной, обхватила одной рукой Карен, другой — Арстеля и аккуратно подтолкнула их в сторону огня. Арстель, не привыкший к контакту с другим полом, едва не покраснел, как вареные морепродукты, хотя для девушки это было обыкновенное проявление радушия. Хельд решил сломать систему общепринятых правил передвижения и по ломаной кривой кругом обошел все костры лагеря, прежде чем сесть туда, куда пригласила Юкиара. Он наматывал круги вокруг кострищ, хлопая по плечу кого попало из встречных и восклицая что-то вроде: «Как жизнь, брат?! Вот мы и встретились!», когда ему отвечали, что его впервые видят, Хельд отвечал: «Так мы в буквальном смысле целую жизнь не виделись!» По пути он чуть не опрокинул котел с каким-то зельем, возле которого сидело трое магов-учеников. Несколько капель упало на землю и выжгло пучок травы в мгновение ока. Когда мужчина с надвинутым капюшоном, возвысив голос, дал понять Хельду, что таким неуклюжим ослам следует держаться подальше от взрывчатого снадобья, Хельд ответил: «Я не виноват, что повара вы никудышные, кто же знал, что вы не умеете варить куриный суп! Я бы вас научил, но вы такие нищие, что жаль смотреть, боюсь, не потянете уроки». Арстель, уже усевшийся рядом с Юкиарой, прикрыл лицо рукой, стыдясь вызывающего поведения друга, хотя человек в красной бандане, возле которого лежала пара ятаганов, от души рассмеялся. Наконец, Хельд, Карен, Арстель, Шая и большинство крестальцев, кроме Мурвака, который прохаживался взад-вперед у последних палаток, с недоверием и неодобрением наблюдая за всеобщим весельем, расселись у самого большого кострища, в который уже успели набросать уйму принесенной растопки.

— Тьфу ты, даже хворост нарубить не могут, остолопы, — снова сплюнул Мурвак, — приносят какие-то коряги, гнилые, под стать самим себе.

Он незаметно, пока не видел бородатый человек с бритой головой и магическим жезлом в руке, недавно заходивший в бар к Хельду, Радхалл Бескровный, стащил бутылку вина у ближайшего круга отдыхающих путешественников, и так и присосался к ней.

— А что мы сидим-то? — Юки обратилась к своим соратникам, — разливайте выпивку, раздайте гостям угощение, где ваши манеры.

— Да не нужно, благодарю, мы и сами, — начал Арстель, но его прервал Хельд.

— Я за то, чтобы вы бросили эту отраву, приготовленную демоны поймут где, и отправились всем скопом в «Желудок Дракона», — произнес Хельд.

— Может быть, ты успокоишься? — сказала ему Карен, — хватит уже отсвечивать,

крылатый.

Юки, усмехнувшись, всплеснула руками:

— Ой, да ладно! Я бы с удовольствием туда еще раз сходила, но разве плохо, если вы узнаете, хотя бы примерно, как мы живем?

— Вряд ли вы узнаете, поскольку мы слишком основательно приготовились к этой массовой встрече, — сказал бородатый пожилой мужчина с топориком за спиной, — обычно наша жизнь куда прозаичнее.

— Мы столько сделали, ставили эти палатки, рубили ветви для костра, разносили вещи, руки отваливаются! Почему наш наставник не может просто все сдать в одну секунду своей силой? — простонал паренек, который пришел с Юкиарой.

Блондин Шойрил бросил в траву лук и сел вместе со всеми.

— Может быть, хватит ныть, Сангельс? Если ты такой слюнтяй, зачем тогда идешь за нами?

— Ну-ка полегче с моим братом, — Юкиара мгновенно изменилась в лице, став совершенно серьезной и собранной, точно пантера перед прыжком.

Шойрил поднял руки в примирительном жесте:

— Ладно-ладно, я ведь когда-то и сам был таким же. Жизнь еще тебя исправит, дружище, — бросил он взгляд в сторону Сангельса.

Юноша оставил реплику без внимания, но обратился к сестре:

— Юки, разве я просил тебя защищать? Я и сам могу себя поставить в обществе.

Она улыбнулась и взъерошила ему волосы, но ничего не ответила.

Хаглорианка Шая оглядела вертел над костром, на котором жарился окорок, и проговорила:

— Если вы еще не знаете, у нас в Хаглоре есть чье-то мясо не принято, так что я воздержусь, с вашего позволения.

Она потянулась за хлебом, тем временем Арстель попытался начать разговор:

— Итак, значит, вы брат и сестра.

Юкиара утвердительно кивнула.

— Да. Раньше, до того, как мы присоединились к наставнику, мы бродили по улицам Вархула вместе, а в мире этом мы были совершенно одни. Теперь мы обрели семью в наших союзниках, но я все еще присматриваю за ним.

Парень закатил глаза и скривился, всем видом показывая, что в заботе сестры не нуждается.

— Ясно, — ответил Арстель, — нелегко вам пришлось.

— Да-а-а-а, — энергично закивала Юкиара, стараясь скрыть свои эмоции под маской бодрости, — но это дело прошлое.

Хельд приложился к бутылки самогона и, не оценив, бросил его в пламя соседнего костра, вызвав возмущенные крики людей, которых едва не обожгли языки пламени.

— Знаете, я не скажу, что мне это интересно, — обратился он к Юкиаре и остальным, — но надо как-то поддерживать диалог, раз уж мы здесь. Поведайте нам, что из себя представляет наставник, ваше сборище, чего ради оно вообще существует?

— Мы бы сказали, — ответил ему гуманоид с плавниками на голове и покрытый синеватой чешуей, похожий то ли на рыбу, то ли на земноводную рептилию, — но наставник просил нас не говорить ничего на этом вечере. Он хотел все раскрыть сам.

— Чем больше я слышу об этом вашем наставнике, тем меньше ему доверяю, — сказала

Карен, пожившись, будто она тут же усомнилась в уместности своих слов.

— Зря вы так, — сказала Юки, — если бы не этот человек, нас с братом, может, уже и не было бы. Он расскажет все, что нужно, лучше, чем любой из нас. Слушайте, — она собралась встать, точнее, подскочить, но передумала и осталась сидеть, поджав ноги, — может быть, пока наставника нет, мы все перезнакомимся? В плане, узнаем друг друга поближе, расскажем что-то о себе, как вам идея?

Карен, Хельд и равшар Гранаш переглянулись:

— Да вот, некоторых из присутствующих мы уже видали в таверне недавно, — сказала Карен.

— Что там, мы лишь только сняли комнаты, а я, например, даже обойти деревню не успел, что же за напасть!

— Подожди, Сангельс, — одернула Юкиара брата, — это прекрасно! Значит, знакомиться будет легче. Ведь некоторых наружность моих друзей, скажем так, может несколько ввести в ступор, — на нее покосился дородный мускулистый равшар с обломанными рогами, покрытый шрамами и с клеймом на лбу, и Юки помотала головой и воскликнула, — нет-нет, я имела в виду другое, вы все красавчики, особенно ты! — она похлопала равшара по спине, — но у них оружия столько, что хватило бы на целый арсенал.

— Не благодарите, — сказал рыбоголовый скиарл, носивший, как это ни странно для его расы, увеличительные стёкла в стальной оправе, которые держались на кожаном ремне, руки и торс его были обмотаны тяжелой цепью, а из рукавов высывались кончики лезвий, — кстати, меня зовут Хьерген, местный оружейник, создаю оружие, проектирую, чиню, делаю все, что могу.

— В основном он его просто латает, — усмехнулся бородатый человек с топором.

Он действительно выглядел, как старик, причем, не любящий за собой ухаживать. Борода его была спутанной, в ней виднелись какие-то крошки или даже насекомые, на лысине его уже проступили пятна запекшейся крови, что еще больше старило этого человека, если не считать морщинистого лица и щербатости. Многих зубов ему недоставало, а те, что еще имелись, были кривыми и практически гнилыми.

— Неправда, — отрезала Юкиара, — у нашего друга Хьергена много прорывных идей вертится в голове, но он жертвует временем для их реализации, чтобы подсобить нам в нуждах. А это... — она провела рукой в сторону мужчины, но он ее быстро осек.

— Я и сам в состоянии представиться, девочка, — он закашлялся, снова хлебнул пива из деревянной кружки, вытерся рукавом и продолжил, — Краух Гримбла я. Родом с Севера, нетрудно догадаться, что по крови — северянин. Воевал я в девяностые годы на стороне своего народа и вождя-освободителя, о чем ни секунды не жалел и не жалею.

Монахиня, скромно покачала головой, не проронив не слова, когда человек в красной бандане предложил ей оставшуюся куриную ножку.

— На мой взгляд, жалеть есть о чем. Когда братья идут друг на друга с оружием, когда по воле Арая Илгериаса им завещано жить на одной земле, в одной стране — это против Бога.

— Замыслы Бога не понять нам, простым смертным, преподобная, — ответил Шаабан, помешивая суп деревянной ложкой. Возможно, Северная война и замыслы короля северян Грора Свободолюбца сепарироваться от Союза — благая цель для их народа и входит в планы Арая Илгериаса. В Книге Трёх Миров сказано, что всем живым существам быти братьями и сестрами положено. Но когда Аргоя фактически делает своим протектором

Клирию и Север — это прямое нарушение заветов. У нас в эти лихие годы на юге тоже было освободительное движение.

— И ты в нем участвовал, — не спросил, а констатировал факт Гримбла.

— По глупости, брат мой бледнолицый, — улыбнулся Шаабан, — мир победит любую войну, это я понял, когда принял сан и монашество.

Арстель и Хельд переглянулись — они оба поняли, что этот клириец отнюдь не всегда был монахом и твердил всюду богословские проповеди. Судя по обилию кинжалов и метательных ножей у него на поясе и перевязной ленте, у этого человека могло быть весьма темное прошлое.

— О, Шаабан! — с набитым кашей ртом крикнула Юкиара, — теперь твоя очередь. Расскажи о себе людям.

Монах развел руками и снова загадочно улыбнулся.

— Я все уже рассказал. Было время, я был молод, по глупости пошел не тем путем. Я видел войну, слезы, страдания, смерть. Видел алчность, ненависть, ярость. Сам порой отдавался этим низменным чувствам. Но вера и милость Арая Илгериаса помогли мне прозреть и увидеть луч света в кромешной тьме.

— Вот это умение! — прыснул Мурвак, успевший подойти к ближайшему столу, уставленному горшками, в которых остывало жаркое, — сказать столько и ничего не сказать. Тоже мне, умник нашелся.

Ему не ответили, одна Юкиара бросила быстрый взгляд в сторону этого человека, но тут же переключилась на своих собеседников.

— А я из Энроса, — сказал Шойрил, с любовью во взгляде погладив свой лук, — Шойрил, как я уже вам говорил. Я был слишком мал, чтобы участвовать в последних войнах, но тоже кое-что видел. Перебрался в Аргюю, меня, как и всех, слегка помотала жизнь, и вот я здесь. Остальное за меня скажет мой лук.

— Брок, — шутливо помахал рукой прибывшим селянам тот, что держал при себе парные мечи, — что могу сказать о себе? Я вольная птица. Небо — мой дом, трава — ковер, а палатка — вместо роскошного поместья.

— Если сказать по правде, то он самый большой бездельник и шалопай, каких только можно найти, — сказала Юкиара, — но мы его все равно любим.

Арстель снова невольно улыбнулся, глядя, как эти люди общаются между собой. Его притягивало, словно насекомое — к источнику света, то, как эти люди принимают других такими, какие они есть, как относятся друг к другу. У него возникло смутное желание не возвращаться в деревню сразу, а, может быть, пожить с ними, если разрешат, хотя бы сутки. На Юкиару глядеть ему было приятнее всего, его словно пронизывало живительным светом от одного ее присутствия и жизнерадостности.

— А нашего боевого друга, равшара, зовут Кога, он... — начала было Юкиара, но ее оборвали.

— Я расскажу все сам, когда найду нужным, — прорычал клейменный равшар.

Арстель знал, что клеймо, выжженное на лбу каленым железом, говорит о его статусе изгоя, так обычно поступали в равшарских племенах за публичный позор, к примеру, отказ от сражения или бегство с поля боя. Арстелю с трудом верилось, что этот покоцанный здоровяк мог бы позволить себе спасовать, но среди равшаров, которые жить не могут без сражений, поводов для изгнания могло найтись очень много. Основное правило жизни этих существ — война — основа всего, в мире теряешь свою стойкость. Поэтому они постоянно

совершали набеги, нападали на людей, но чаще — друг на друга. Убивали сородичей равшары без тени сожаления, ведь Священное Древо, их общеплеменной тотем, рожало новых пачками.

— Прости, дружище, я забыла, что ты не любишь говорить о личном, — она пожала плечами и, смеясь, добавила самокритики, — память ни к черту, да и вообще я здесь не самая сообразительная, — самокритики Юкиара не была лишена, — кстати, обо мне! Точнее, о нас с братом. Ну, меня зовут Юки, все это знают. Что могу добавить... Родились мы в Ганрае. Честно говоря, расти на улицах Ганрая было не так просто, — она непроизвольно коснулась рукой шрама, но тут же поймала себя на этом и отдернула руку, — какое-то время жили в Храме Мечей, чему-то успела научиться у великих мастеров. Ну а дальше, когда я была примерно как Сангельс, лет в шестнадцать, я встретила Шойрила, и он показал мне, если можно так выразиться, новую сторону жизни.

— Честно говоря, я до сих пор этого не понимаю, — сказал Сангельс, — великий мастер Храма Мечей благоволил нам и даже предлагал остаться навсегда под его крылом. А ты, Юки, вдруг ни с того, ни с сего сорвалась и тебя куда-то понесло, так еще и меня потащила за собой.

— Скажи, разве тебе плохо здесь? — ответила сестра, — мы, считай, нашли новую семью, а у наставника, кстати, тоже есть, чему поучиться.

— А этот шмоток жира с палкой, — Хельд вместо того, чтобы показать, зачем-то кинул куриную кость в сторону Радхалла Бескровного, который на краю лагеря беседовал с двумя магами, — он что здесь делает? В таверну ко мне он заходил, комнаты снял, но отчего-то остается здесь. Хотя, мне без разницы, лишь бы платил.

— Побольше уважения, сын мой, — ответил Шаабан, — этот человек тесно связан с нашим наставником и принял на себя обязанности его правой руки.

— Этот парень был здесь раньше, чем мы все, — сказал Краух Гримбла, — может быть, они даже вдвоем ходили с наставником еще до того, как начала собираться вся эта орава.

У палатки за несколько костров от них сидел одинокий человек, полирующий свой меч, он, казалось, был полностью отрешен от всего веселья, словно бы и соратники, и гости были абсолютно безынтересны ему. Он был одет в кирасу из стали практически матового черного цвета, а на коленях вместе с мечом у него лежал шлем в виде львиной головы. На наплечниках у него тоже были декоративные львиные головы.

— Неужели это сам Марвол Чёрный Лев? — спросил Арстель, — быть не может! Я читал о нем в книгах Гувера. Это ведь он так долго удерживал позиции во время войны с северянами, а затем попал к ним в плен, но ухитрился сбежать.

— Удивительный человек, — сказал Харал Глыба, а Карен и Шая ему закивали.

— Да-а-а-а, да-да-да! — затрясла головой Юкиара, — он самый! Правда, практически ни с кем не общается. Но, насколько я его узнала, человек он надежный, а уж в битве такому можно и жизнь доверить, всегда плечо подставит.

— По-моему, мы даже сходились в какой-то из битв, — сказал Краух Гримбла, — сильный, чертяка, забил около десятых наших.

— Не будем о грустном, — сказала Юкиара, — он тебя столько раз прикрывал во время боев с, мягко сказать, нашими недоброжелателями.

— Сами-то вы кто будете? — сказал Шойрил, парень с луком.

Жители деревни уже собрались представляться по очереди, как вдруг в небе показался силуэт огромного летающего ящера и раздался дикий рёв свысока. Тень этого монстра

накрыла собой на мгновение сидящих у костра. Спустя секунду, на землю спикировал дракон. Его алая, точно кровь, чешуя отражала свет огней костров, переливаясь бликами. Из рубинового цвета кожи выступал и проходил вдоль спины, хвоста, шеи гребень изогнутых рогов. Его голова была вытянутой, точно у варана, два прямых рога выступали вперед из темени, а третий произрастал надо лбом. Его янтарные глаза чем-то походили на глаза ящерицы разрезом зрачка. Мощные жилистые передние и задние лапы внушали настороженность, при желании он мог бы одним ударом переломить ствол векового дерева. На драконе было седло, а спрыгнул с него тот самый человек, встреча с которым так запомнилась Арстелю. Если внешность многих людей, обосновавшихся на поляне, была довольно типичной даже притом, что они были магами-неофитами, а к облику других, с которыми успели познакомиться жители Крестала, нужно было лишь привыкнуть, этот человек обладал не только нетипичной внешностью, но было в нём что-то сверхъестественное, точно древняя магическая сила сочилась из него и вгоняла окружающих в благоговейный трепет. Он был очень высоким, почти двухметровым, но не производил впечатления громы, он был худощавым при этом, скорее походил на длинный жердь. Те же кроваво-красные волосы, стоящие торчком, словно в этого человека только что ударила молния. Лицо сухое, худое с острым подбородком, мощными скулами и глубоко посаженными глазами. Глаза, как и волосы, алые, как жерло вулкана, из их глубины изливался источник огненного света, будто сама душа этого человека состояла из этой разрушительной магической ауры, а тело полностью впитало и проводило сквозь себя ее. Облачен он был в чёрную мантию, халат и широкие штаны, края штанин, мантии и рубашки были оборваны, точно портной решил схалтурить и вместо ровного разреза ткани на куски грубо оборвал ее. Его руки и голени были кое-как обмотаны бинтами, а обут он был в кожаные туфли со стоптанными до предела подошвами. В руке он держал длинный посох с темно-коричневым древком и ювелирно обработанным кристаллом на навершии в виде яйца. Дракон и его хозяин были в чем-то похожи — оба с одинаковым хладнокровным удовольствием осматривали территорию. В отличие от Юкиары, которая, как бы выразился Хельд, была с шилом в одном месте, этот человек был спокоен, точно змея, но которая готовилась к броску. Он с интересом обвел своими красными, точно у ожившего мертвяка, как их описывали в легендах, глазами, и резким шагом двинулся в центр поляны. Обитатели Крестала, что соизволили прийти, уже успели познакомиться со странниками из иных земель, но стоило появиться наезднику красного дракона, как разговоры утихли, а все внимание было направлено в сторону необычного гостя. К нему, суетливо и немного подобострастно поторапливаясь, подошел Редхалл Бескровный и они обмолвились несколькими фразами.

— Значит, все, кому это нужно, в сборе, — заключил красноволосый.

Арстель задумался над тем, не могли ли увидеть в небе дракона люди из близлежащих населенных пунктов. Крестал был окружен холмистыми равнинами и редкими лесами, но если пройти дальше на запад, попадаются первые села, ведущие к нескольким крупным городам, в том числе и к столице — Силгору. Но и оттуда могли заметить в небе огнедышащее существо, к тому же, не так далеко располагалась Ганрайская Стена, где пограничники также могли его засечь. Хозяина дракона, очевидно, это совсем не беспокоило.

— Итак, братья и сестры, — изрек он, и кристалл в виде яйца сверкнул красным светом, — мне нужно немного вашего внимания.

Как только кристалл, явно, магический — кертахол, на секунду засветился алыми лучами, это усилило внимание слушателей, точно игра крысолова на свирели, за которым идет толпа крыс. Очевидно, этот человек был далеко не так прост. Арстель сразу узнал его. Его терзало смутное подозрение, что этот человек как-то связан с приезжими, а теперь оказалось, что он и есть их наставник, о котором уже было сказано столько слов.

— Меня зовут Алагар, — оперся на посох человек, наклонившись вперед, — я имею честь представлять интересы нашей общины и направлять ее, когда требуется. Вы, жители селения Крестал, наверно, гадаете, кто мы, откуда, зачем остановились в округе ваших жилищ и куда направляемся. Прежде всего, хочу заверить вас, что ваша деревня никоим образом не пострадает, больше того, если в ваших землях есть какие-то опасности, грозящие мирным людям, наше братство готово приложить все силы, чтобы устранить проблемы, даже самые серьезные.

Молчали все, даже Мурвак, у которого было желание съязвить, что они только создадут новые проблемы, но он не мог этого сделать. Во взгляде, движениях, энергетике этого человека с длинным посохом было что-то подавляющее волю, было тяжело смотреть на него и внимать его словам и идти против течения его мысли. За этим спокойствием таилась неукротимая сила, которой стоило бы только дать волю, и весь Крестал будет стерт с лица земли, если этот человек того пожелает. И это не было домыслом Мурвака, обычный человек не смог бы собрать вокруг себя такую большую группу настолько разных существ, причем довольно опасных и с сомнительным прошлым. Арстель и Хельд переглянулись — оба они кое-что слышали об Алагаре. Ревриан Гувер писал о нем несколько памфлетов. В них описывался странный человек с весьма радикальными идеями, который был абсолютно неуправляемым типом по отношению к государству, зато отлично умел управлять другими и вести их за собой. Его способности же оставались сокрыты для многих.

— Пришло время отдернуть завесу тьмы, эту ширму, и открыть вам нашу сущность, — продолжил он, прохаживаясь взад-вперед, закинув посох себе на плечо, словно клинок или топор, — мы не больше, чем группа людей, и не только людей, которые стремятся жить в согласии друг с другом и этим миром. Мы странствуем по землям Союза и те, кто имеет желание, вольны присоединиться к нам. Мы помогаем людям, истребляем, к примеру, разного рода отбросов вроде сбежавших преступников, грабителей, фанатиков, любящих похищать людей ради зверских жертвоприношений или групп магов-чернокнижников. Вы можете сказать, что здесь тоже много кудесников, похожих на черникнижников. Это не так. Те люди — благородные девы и мужи, решившие пойти по праведному пути чистой магии в традиции Калтахина Великого, первого из магов. Мы учимся новому, учим друг друга тому, что хорошо умеем. К нам присоединяется много сторонников. Наша община пока еще не набрала достаточно большой размер и влияние, чтобы где-то осесть, поэтому до поры до времени кочевой образ жизни нас устроит. Мы собираемся в скором времени покинуть эти края. По традиции я, конечно же, предложу каждому из вас сейчас возможность отправиться в путь с нами — и вы уже никогда не будете прежними. Но что нас всех держит вместе? Должна же быть какая-то идея, которая заставляет тебя идти вперед, менять себя и мир вокруг, стремиться ввысь, — он посмотрел на смеркающееся небо, словно пытался разглядеть там другие миры или сверхъестественных существ, а может, свою мечту, — Поначалу это слабый кусок тлеющего угля, но при необходимых условиях идея, как и пламя, может разгореться, и тогда...

Он помолчал, немного задумавшись. Поглядел на кучу сырых поленьев шириной в

водосточную трубу и навел на них свой посох. Точнее, эта куча была сложена ровно, бревна лежали друг на друга, образовывая пусть и кривой, но прямоугольник. Кертахол слабо зажегся тем же светом, а лицо Алагара приобрело сосредоточенность, но полную того же спокойствия, с которым он обращался к людям. В его глазах пробежала искра напряжения разума, а на лбу его бледного лица прибавилось морщин. Поленья вспыхнули в ту же секунду, словно горячее масло от огнива. Огонь так и повалил наверх столбом, словно это дракон, который привез чародея, извергнув струю огня.

— Так и знал! Он колдун! — прошептал Мурвак.

Алагар аккуратно сунул руку в гущу пламени и резко выдернул ее, вскинув вверх, отчего столп пламени поднялся на уровень вековых деревьев и тут же обрушился в прежнее положение. Всех обдало жаром, Арстель инстинктивно отпрянул, а Хельд наоборот, вытаращил глаза и всплеснул руками, изображая взрыв, даже сейчас он не хотел стать серьезным. Мурвак дернулся, словно собрался достать нож из-за голенища, но Шаабан, откуда ни возьмись появившийся, кладя руку ему на плечо, покачал головой, мол, остынь, мужик, все под контролем.

— Если ты знаешь природу стихии, явления или даже живого существа, всегда сможешь научиться подчинять это себе. Все в этом мире имеет свою суть.

Этот человек был властолюбивым и стремился все держать под своим контролем — это было заметно Арстелю с первой же секунды. Глядя на поляну, в сторону деревни или на людей — он словно бы преисполнялся вдохновением, как резчик по дереву, глядя на брусок, из которого он собирался создать изящную скульптуру — этот человек, как показалось Арстелю, так и хотел направить других в свое русло, преобразовать то, что окружало его по своему усмотрению и видению. Сказать, представлял ли он собой опасность, было сложно, но переступить дорогу ему было бы самоубийственно, не обладая таким же могуществом.

— Итак, в чем сущность этой идеи? Стремление к свободе. Лично я считаю, что любая принудительная власть есть зло во плоти. Все эти цари, короли, вельможи, чиновники и прочие упыри пьют кровь простого люда, они пируют в центре Силгора, пока вы влачите в поселках и пригородах, ветхих трущобах свое жалкое существование. Существование, но не жизнь. Кто-то из вас может сказать, что централизованная власть необходима, чтобы поддерживать порядок в обществе, иначе воцарится хаос, неразбериха. Власть, разумеется, должна быть. Но мы не выбирали наших правителей. Эанрил Третий, к примеру, слишком малодушен, слаб духом, чтобы предотвращать усиление угроз Союзным землям, он игнорирует внешние и внутренние угрозы, находит то или иное оправдание. Так вот, правитель должен быть желанным для народа. Он должен быть мудрым и могущественным во всех смыслах, и это должны в нем увидеть люди и выбрать его. Вот, что я вам скажу — посмотрите на нашу общину. Эти люди называют меня наставником и просят меня отдавать распоряжения. Но я ведь не принуждаю никого из них за мной следовать, любой может всегда как уйти, так и прийти. Для того, чтобы царил порядок, люди должны прийти к консенсусу — выбрать достойного лидера, с которого можно брать пример, тот, кто даст им ориентиры, укажет путь. К тому же, необходимо признать, что мы все, люди, равшары, скиарлы, хаглорианцы, флорскелы — все мы одна большая семья, братья и сестры. Поняв это, мы сумеем жить сообща и выживать в любых условиях. Если мы проникнемся этой идеей и будем жить, как живут муравьи, которым коллективный разум позволяет возводить такие сооружения, которые один муравей не построит никогда в жизни, любой диссидент, который посмеет нарушить устои и посмеет устанавливать свои порядки, будет нещадно

сметен силой нашего единства.

Он оглядел жителей Крестала, не проронивших ни слова. Если его соратники ловили каждое слово наставника, словно прилежный ученик — школьного преподавателя, то селяне с недоверием и опаской его оглядывали, но никто не осмелился оспорить слова Алагара. Хельд кривился в ухмылке, словно Алагар говорит что-то донельзя нелепое и представляет собой не мощнейшего чародея, который силой мысли может испепелить любого в прах, а дешевый актер-комедиант. Мурвак с презрением слушал вещания и рассуждения Алагара, он словно хотел сказать: «Чем я заслужил такую муку слушать эту собачью чушь?»

— Поверьте, в юности мне довелось видеть войны разруху, нищету — все это из-за политики, решений правителей нашего и других народов. Если подвести итог, моя задача — донести трезвые взгляды на жизнь до максимально возможного количества людей и направить их к изменению мироустройства. Наше общество, система, в которой мы живем — это вязкая и изменчивая, подобно глине, субстанция, которая существует в своем виде только пока мы этого хотим. Если преодолеть страх и начать объединяться, мы сумеем заставить ее работать на нас, а не на тех, кто сидит у нас на шее и жирует за счет честных людей. Мы свой выбор сделали, теперь ваша задача решать — принимать жестокую реальность такой, какая она есть или восстать, сжечь старый мир до тла, но из пепла, подобно фениксу, восстанет новый, в котором будут жить наши потомки, и они уже никогда не узнают тех лишений и невзгод, что мы.

Он с вызовом снова заглянул в глаза всем, на кого упал его взгляд, словно предлагал подискутировать, он остановил взор на Арстеле и подмигнул ему, растянув бледные губы в усмешке. Хельд открыл было рот, чтобы сказать нечто нелепое и вызывающее в своей обычной манере, но не смог себе такого позволить. Видимо, на него тоже действовало подавление воли, вызванное избытком магической силы Алагара.

— Я правильно понял, — осторожно приподнялся староста деревни Кёрк, — что вы призываете людей к революции против короля?

— Поднять Эанрила Третьего на вилы? — Алагар почесал затылок и яростно оскалился, точно его прельщала такая картина, — а зачем это нам? Мы ведь не убийцы и не злодеи. Достаточно поднять народ, перестать всем без исключения играть в игру, придуманную элитой и начать жить по собственному распорядку. Тогда и необходимость в революции отпадет сама собой.

Арстель на этот раз заметил, что уже практически сам разделяет мысли, высказанные Алагаром и начинает мечтать о глобальных переменах, как минимум — присоединиться к общине последователей этого мага и начать новую, полную приключений и острых ощущений жизнь.

— Но ведь это измена, — Кёрку с трудом далось пересилить себя и перечить Алагару, но он был волевым человеком, чем и завоевал уважение односельчан, — даже говорить о таких вещах — уже предательство короны.

— Да? — Алагар пожал плечами, — а если и так. Я уже говорил, что мы не выбирали Эанрила Третьего. То, что его предок, Лангорт Объединитель сумел призвать к единству людские разрозненные народы и кланы, основать Союз, а Ранкор Несокрушимый — собрать все народы воедино и справиться с нашествием Заргула и его народа — не значит, что Эанрила любят и уважают также, как и их. Мы ему ничего не должны. Давайте спросим тех, кто присоединился к движению уравнивателей — вот ты, Шойрил! — он направил посох на светловолосого лучника, — почему ты с нами?

Молодой человек поднялся и сбивчиво, но все же уверенно проговорил:

— Во времена Северной войны моему народу очень сильно досталось. Аргойцы втянули нас в свои распри с северянами, хотя энросцы не относятся ни к тем, ни к другим — мы смешанных кровей северян и аргойцев. Но им понадобились наши луки, конечно же, ведь энросцы лучшие стрелки на всем Ранкоре! Я верю, что Алагар и все мы сможем не позволять большим странам угнетать малые народы и навязывать им свою волю, а Энрос станет навеки свободен.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Алагар, — очень хорошо. Как насчет тебя, Брок?

Парень в бандане поморщился, вспомнив что-то гнетущее его долгие годы, и со злости пнул один из ятаганов.

— Да достала эта Аргоя уже! Шойрил прав, свободу многих ограничивают, но не только энросцев. Вот Ганрай, его фактически сделали вассалом короля. Нам это надо? Нас втянули в войну с Севером и с Клирией, хотя мы к этому не имели ни малейшего отношения. Умирили и убивали таких же людей, как и мы, которые восстали, потому, что Аргоя угнетала их. Круг замкнулся. Вот Юки, ты же из Ганрая. Согласись, так быть не должно, а?

— Ну, в те годы я была еще слишком мала, — неуверенно сказала она, — так что мало что видела. Но Аргоя и правда слишком много на себя берет. Из-за ее стремления к гегемонии погибло много ганрайцев, клирийцев, северян. С другой стороны, она держит нас в Союзе и заставляет кооперироваться перед угрозой набегов равшаров, к примеру. Не в обиду тебе, Кога. И тебе, Гранаш, — она усмехнулась, снова посерьезнела и продолжила, — но ведь мы могли бы объединиться в равных условиях, а не под железной пятой короля Силгора и его двора.

— Горжусь тобой, Юкиара, — ударил кулаком в грудь Алагар, улыбаясь.

Алагар продолжил расспрашивать своих людей, переходя от одного к другому. Он, вне сомнений, слышал эти истории бесчисленные разы, но его покровительственно-горделивое выражение лица передавало истинное удовлетворение от того, что он слышал. И это было заслуженно, все эти люди как один утверждали, что определились во многом благодаря помощи и наставлениям Алагара. Монах Шаабан сказал, что идеи Алагара помогут привнести в жизнь на Ранкоре равенство и братство, справиться с несправедливостью, но его речам очень не хватало, по мнению монаха, слова Божьего, для чего он и присоединился к этому обществу. Краух Гримбла лишь нехотя, но не без уважения к своему лидеру повторил, что верит в стремление Алагара дать свободу всем народам, в том числе и благородному народу Севера. Скиарл, обмотанный цепями, был оригинальнее, поведав остальным о том, что в его родных землях, на Побережье Кесилора, не ценили его прогрессивные идеи, новшества в технологиях, и Хьерген, как он представился, смиренно смеет надеяться, что после распространения взглядов Братства Уравнителей, — впервые было озвучено название этой общины, — идеи новаторов будут больше приветствоваться по всему миру, а не считаться ересью и служением нечистым силам. Древоподобный хаглорианец Йору-Клиа проронил, что таково было повеление духов. Когда дошла очередь до Радхалла Бескровного, здоровяк лишь улыбнулся и коротко сказал, что они с Алагаром едины в желании приумножить хорошее и светлое в жизни простых, обделенных многими радостями жизни, людей. Алагар дружески похлопал его по плечу и в последнюю очередь с ожиданием взглянул на равшара, который сидел с суровым видом, подозрительно косясь на селян, но все же внимательно слушал собратьев.

— А как насчет тебя, Кога? Тебе пришлось тягостнее многих, — протянул Алагар,

немного вразвалку сделав несколько шагов, но тут же собрался и лицо его сделалось каменным, а взгляд — полон сил, — и это закалило твою волю.

Равшар помолчал, приняв взгляд Алагара, Кога не любил говорить, обычно стараясь молчать как можно больше, но игнорировать этот поток энергии, сметающей любое сопротивление, исходящий из глубины сущности красноволосого чародея, он не сумел.

— У нас, равшаров, — раздался его хриплый, утробный голос, — законы жизни весьма просты — убей или убьют тебя. Кто силен — тот и живет. Наши пять племен испокон веков воюют между собой. Мир для нашего народа неестественен. В мире равшары забывают заветы предков и становятся слабы. Кровь всегда должна литься, — он оскалил свои желтые клыки и пламя костра отразилось в его глазах, равшар скрипнул зубами и заговорил громче, — а я считаю — ни к чему убивать братьев. Пока мы воюем, скиарлы, люди и флорскелы развивают эти самые, как же их... Хьерген!

— Технологии, — вздохнул скиарл, — технологии, брат.

— А хаглорианцы, — он посмотрел на собрата с древесной кожей, — развиваются духовно и магически. Пока мы топчемся на месте веками. Но, как вы понимаете, законы равшаров суровы к тем, кто мыслит иначе.

Он поднял руку ко лбу, на котором до конца жизни этого создания будет вырисовываться отвратительное выжженное железом клеймо, но передумал и отдернул кисть.

— Что ж, — развел руками Алагар, — вот вы и узнали наши взгляды на жизнь. Что скажете, братья и сестры? Разделите ли вы тяготы наших трудов, а затем — сладкие плоды этих усилий? Или же останетесь в стороне? При втором исходе, я вам гарантирую, вы непременно еще о нас услышите.

Эти слова сочли угрозой, Арстель это ясно понял. Только угрозой не ему и окружающим его людям, но привычному миру и порядкам, заведенным издавна. А прежде всего — королю Аргои. Воцарилось молчание на целую минуту. Алагар терпеливо расхаживал из стороны в сторону, поглядывая на жителей Крестала, словно повар на ингредиенты для супа в кастрюле, в ожидании, что из всего этого получится. Староста деревни Кёрк не решался заговорить. Арстель тоже молчал. И тут подскочил, словно ужаленный, Хельд, и выпалил:

— Да что ты от нас-то, простых людей, хочешь, чудила со светящейся палкой! В твоём лагере ходят непонятные люди с мечами, посохами, а другие — те и вовсе не люди, какие-то деревья ходячие. Насчет Юки ничего не могу сказать — она прелесть!

— Вот видите! — едва сдерживая в себе желание расхохотаться, воскликнула девушка, — он это заметил, хотя даже и не знает меня! А я ведь вам готовлю, убираю за вами — и даже не поблагодарите! Может, мне остаться навсегда в Крестале и жить вот с ним?

— Как ты посмела перебить Хельда Великого? — с абсолютно серьезным лицом возопил флорскел, — хорошо, что я очень развил свой мозг и обладаю лучшей памятью. Так вот, давайте договорить. Я долго слушал этого вашего... наставника. Вам нравится — вы и занимаетесь всякой ерундой! Хотите погостить в моей таверне — пожалуйста, только платите вперед и не занимайте надолго туалет. К нам не лезьте со всякой чушью — иначе мы пошлем весть королю, что в наших краях завелись лиходеи!

— Да что ты говоришь! — Алагар немного подался вперед, с высоты своего роста оглядывая Хельда, который был заметно ниже, его глаза, Хельд точно увидел, засияли еще более ярким огнем, — я тебе очень советую научиться думать перед тем, как кидаться

пустыми угрозами. Я вас ни к чему не принуждаю, — он обвел взглядом всех селян, словно предлагая кому-то с этим поспорить, — но не допущу неуважения к моим ближним. Братство Уравнителей чтит взаимное уважение между всеми живущими в этом мире. Я могу научить уважению многих, в том числе и тебя.

Его посох загорелся, пролив свет на черные одежды мастера-мага и его красные глаза. Хельд попятился, но споткнулся о сучья для костра и больно приземлился на спину.

— Мастер! — воскликнула Юкиара, отводя рукой посох Алагара, который погас, хотя и не сразу, — к чему пугать этих людей? Я уверена, он не со зла, ведь так, Хельд?

Флорскел неуверенно кивнул головой, в робком жесте подняв руки кверху.

— Может, я и в самом деле слегка увлекся, забыв, что люди могут быть совсем не готовы к столь откровенной беседе, — Алагар протянул руку Хельду, — прости, брат, если ввел в ступор, но я не мог позволить тебе говорить со мной в таком тоне в присутствии народа. Я могу тебя понять, тебя сбили с толку суждения, кажущиеся с непривычки странными, но и ты тоже меня пойми. Слишком многое держится на моем авторитете, чтобы ставить его под удар.

Он рывком поднял флорскела и отряхнул его куртку от комьев земли. Хельд сел рядом с Арстелем, который всем своим видом словно бы говорил: «Какой же ты все-таки дурак!»

— Я понимаю, что вы не готовы следовать нашим идеям. Может, оно и правильно — ведь перемены, даже к лучшему, — путь опасный, тогда как стабильность куда спокойнее. Хотя, — пожал плечами Алагар, — иногда изменения этого мира и опасности вместе с ними находят тебя сами. В конце концов, в этом мире все взаимосвязано.

Люди стали постепенно расходиться. Арстель пожелал удачи Юкиаре и не забыл попрощаться с каждым из ее соратников. Шаабан благословил его именем Илгериаса, а Йору-Клиа сказал, что духи улыбаются ему. Остальные ограничились пожеланием удачи. Сходя со склона последним в цепи селян, Арстель обернулся, оглядывая лагерь в последний раз. Члены Братства Уравнителей все так же ели и пили, но некоторые уже готовились ко сну, убирая деревянные площадки в палатки. Красный дракон взмыл в небо, и его рев снова прорезал тишину. Арстель встретился взглядом с Алагаром. Тот улыбнулся и поднял посох вверх, точно кубок с вином, если бы собирался пить за здоровье Арстеля. Арстель помахал ему рукой. Стоило ему моргнуть — красноволосый маг исчез, словно круги на воде.

После того, как жители Крестала стали понемногу расходиться и зажигать в домах лампы, в селе сделалось намного тише. Эта тишина обволакивала Арстеля, уже устроившегося в самодельной постели на полу. Мимо подушки Арстеля проползло несколько крупных тараканов, но он лишь проводил их задумчивым взглядом, закинув руки за голову. Из головы у него не выходили эти странные люди и их наставник. Чем больше Арстель погружался в размышления, снова и снова прокручивая в голове слова Алагара, тем более правдивыми он их находил. Арстеля давно уже утомило всеобщее равнодушие, царящее в мире, расслоение общества на страты, касты, иерархия, когда высокое положение занимают те, кому повезло родиться в нужной семье или же добывшие богатства нечестным путем, как граф Монтсерад, который, согласно поверьям, нажился на торговле на черном рынке в полных преступности поселениях вроде Сухих Колодцев. Искренняя вера в убеждения о том, что все живущие в мире — братья и сестры и должны жить словно в семье, внушала доверие к этому странному магу. Но его смущало одно — красные глаза чародея. Любой сведущий в магии человек или Арстель, который успел прочитать много книг о

мудрых кудесниках древности, знал, что красные глаза говорят о связи человека с силами подземелий Азрога. Это место в легендах ассоциировалось с преисподней, в Священных Писаниях рассказывалось, что это место наполнено ужасными демонами, а сила, идущая из самой геенны огненной этих подземелий, извращает любые умы, наполненные благородными побуждениями. Волосы Алагара были тоже алыми, причем они словно светились изнутри, невозможно окрасить их в такой цвет, это тоже говорило о том, что человек имел контакты с какой-то темной и очень могущественной силой и стал ее проводником. Арстель не спешил доверять Алагару, говорившему столь радикальные вещи, вполне возможно, что он и люди, окружавшие его, прикрывались помыслами о равенстве и братстве, а на самом деле преследовали куда более низменные цели, приближенные больше к личной выгоде, чем ко всеобщему благу. Арстель успел послушать разговоры односельчан. Они почти все, как один, были уверены, что этот человек либо сам является демоном во плоти, либо одержим демоном. Мурвак неистовствовал больше всех и чуть ли не благим матом верещал, что этого чародея нужно изловить и сжечь на костре, изгнать из селения такого недостаточно — он не должен в принципе топтать землю. Карен, Глыба и служительница Храма уверяли, что будет достаточно, если он только лишь уйдет, а заодно уведет остальных. Хельд вставил свои три гроша, добавив, что одна Юкиара должна остаться с ним и служить горничной в его трактире и оказывать клиентам персональные услуги за различную оплату. Арстель, услышав эти слова, едва удержался от того, чтобы отвесить затрещину зарвавшемуся другу, хотя и понимал, что Хельду только лишь до одури нужно внимание, и он пытается всеми силами выглядеть интересным или хотя бы необычным. В этом, как полагал Арстель, и было их принципиальное различие — Арстелю давно уже было все равно, интересен ли он людям вокруг, для него достаточно было того, что он жил в свое удовольствие и не мешал жить другим. Несмотря на то, что у него не было потребности привлекать к себе внимание, люди часто сами приходили к скромному сапожнику со своими проблемами, вопросами или же просто заходили поболтать. Арстель решил наконец заснуть, освободившись от целого роя мыслей, летающих в его голове — закрыл глаза и очистил разум. Он уже почти провалился в сон, как вдруг в его дверь кто-то со всей силы врезал кулаком:

— Арстель, вставай! Пойдем на стену, быстро! — это был голос старосты Кёрка.

Сапожник вяло продрал глаза, но тут же вскочил и надел галоши. Колокол уже трезвонил вовсю. Свечу он уже погасил, поэтому кое-как, то и дело спотыкаясь, но не бранясь, поскольку на полке стояли иконы с изображением богов и символ Арая Илгериаса, он нашарил рукой рубашку и выскочил во двор. Мужчины скорым шагом двигались к стене, женщины же пытались удержать своих детей в домах, запирая их на все засовы. Мальчик шестнадцати лет было двинулся к стене, но его остановил плотник Харал Глыба:

— Не сегодня, парень. Отправляйся домой и присмотри за моей сестрой.

— Я должен знать, в чем дело! — начал перечить отрок, но его жестко оборвал этот мускулистый человек.

— Закрой рот и чеши в дом! — прорычал Глыба, — нет времени на споры. Клянусь всеми богами, не пойдешь — сам отнесу тебя и запру на весь месяц!

Арстель побежал вслед за старостой. К бревенчатой стене был прибит подмосток, на котором расположились мужчины деревни, факелы уже горели.

— Что происходит, Мурвак? — спросил Арстель лесоруба, вбегая на первые ступени лестницы, ведущей к подмостку.

— Ты меня спрашиваешь?! Вон там, под стеной, тусуются какие-то козлы, спроси их, коли осмелишься! — Мурвак оттолкнул Арстеля, едва не свалив его на землю и, перепрыгивая через три ступени, несмотря на свой немолодой возраст, вбежал на подмосток.

Арстель спустя несколько мгновений тоже оказался там и, опершись на деревянные колья, заглянул вниз. На земле стояло около тридцати человек в темных балахонах. Большинство из них держали в руках ржавые мечи или самодельные копья. У кого-то из них были боевые топоры. Десятеро из них стояли впереди и держали в руках деревянные жезлы, исчерченные кривыми, неумело вырезанными рунами. Их лица скрывали наполовину капюшоны. Кристаллы кертахолы, которые, по правде говоря, было довольно мутными, отражали бликами свет факелов со стены. Большинство из тех, кого удалось разглядеть Арстелю, были достаточно молоды — в основном это были мужчины годами пятью моложе него и несколько девушек того же возраста.

— Видимо, некоторые из них владеют магией, — прошептал старый Ропхиан-мельник, — а если кто-то из них долбанет по нам каким-нибудь мракобесием?

— Ну и что? — усмехнулся Хельд, — а я маг воды — могу помочиться на них!

— Держу пари, — процедил сквозь зубы Мурвак, — что среди этих уродов впереди прячется тот долбаный фокусник с красными патлами.

— Да нет, — ответил мельник, — слишком коротки они для такого переростка.

Вперед вышел тот, у которого на черном балахоне белилами неаккуратно была намалевана перечеркнутая буква А — символ давно исчезнувшего древнего царства Азрога, того самого, в сердце которого скрывались подземелья.

— Кто вы будете и откуда? — крикнул Кёрк, перевалившись корпусом через колья, за спиной он держал битую с гвоздями, — зачем пришли в наши края?

— Эта земля, — донесся с земли хриплый голос немолодого человека, — с этого дня находится под пятой императора Заргула! Отворите ворота или узрите всю мощь его подданных!

Он скинул капюшон, и люди увидели морщинистое, обветренное лицо, на котором остались шрамы через весь лоб и рот, седые колтуны и неровную щетину, но взгляд человека был остервенелым, словно в религиозном экстазе.

— Гребаные фанатики! — проорал Мурвак, — вы еще пожалеете, что покусились на собственность честных людей!

Он раскрутил пращу и швырнул камень в толпу, но промазал, и импровизированный снаряд улетел куда-то в крошечную тьму.

— Сука, — сплюнул он, — прицел у меня уже не тот.

— А вы в курсе, что этот ваш Заргул давно уже сдох? — крикнул Хельд, — сразу видно, кто прогуливал уроки истории в воскресной школе!

Кто-то из стоящих вскинул арбалет и в кол прямо рядом с Хельдом врезался стальной болт.

— Кошунство карается смертью!

— Кошунство? — с левой стороны забора приближался силуэт человека очень высокого роста, — говоришь так, словно этот ваш Заргул — божество во плоти.

К воротам деревни приближался Алагар. Он не сводил глаз с пришедших воинственных людей. Свет факелов осветил его алую шевелюру, которая отчасти светилась в темноте, постоянно проводя магическую энергию.

— Но ведь это был смертный из рода горхолдов, — Алагар остановился у ворот и закинул посох на плечо, буравя взглядом старика, стоявшего впереди всех, — то, что он провозгласил себя богом на земле разве делает его таковым? Я могу назвать тебя королем, но это не породнит тебя с Эанрилом Третьим.

На удивление, он был один. Но Арстель был уверен, что среди деревьев, которые находились недалеко от елбана, с которого спускалась тропа, ведущая из Крестала, могли прятаться его приспешники.

— Ты?! — воскликнул старик, явно узнав собеседника, — что ты здесь забыл, предатель?

Алагар пожал плечами, скривившись в издевательской ухмылке:

— Ты прав. Я предатель. Был им, точнее, когда повелся с вашим сборищем. Если я кого и предал — так это своего учителя. Но это уже не исправить. Вчера я имел честь знакомиться с этими дивными краями и их прекрасными обитателями. А вы, насколько я понял, имеете на них свои виды?

Старый фанатик сплюнул густой, желтоватой слюной на землю:

— Виды! И это так ты называешь волю императора? Когда-то ты был иного мнения о его планах!

— Все меняется, мой бывший брат. Например, в те годы ты был еще юнцом, а я тебя столькому учил. А сейчас ты стар и уже сам учишь весь этот сброд, который привел сюда. Но меняться, я смотрю, ты не имеешь желания. Изменись сейчас и брось попытки прибрать это селение к лапам Заргула. Сам этот жалкий дух все равно ни до чего не дотянется. Я даю тебе шанс. Единственный, — он сузил глаза и сделал шаг в сторону старика, — стоит задуматься, мой юный друг.

— Я никому не позволю, — рявкнул старый чародей, — оскорблять имя моего повелителя!

В сторону Алагара устремился огромных размеров огненный шар, выглядел он словно кусок магмы, а величиной был с самый большой валун у ворот Крестала. Кертахол Алагара в тот же миг вспыхнул алым пламенем, чародей рассек воздух посохом и огнешар погас, как фитиль тлеющей свечи. Люди за спиной старика собрались рвануть вперед, их предводитель что было силы заревел:

— Стойте, дураки!

Но было поздно. Тройная молния врезалась в их гущу, раскидав поджаренные трупы адептов Заргула в разные стороны. Многие из них горели еще в полете, но все они в одну секунду обуглились и испустили дух. Старый колдун послал в Алагара сгусток энергии синеватого цвета, если бы он достиг плеча Алагара, кости мага бы растрескались, мясо бы разорвало, а жертва бы осталась в лучшем случае без руки. Другие девять волшебников принялись кидать в Алагара глыбы земли, вырывая их с дерном из покрова поляны, окружавшей Крестал, оставляя огромные ямы. Другие посылали молнии, правда, в двадцать раз слабее тех, что Алагар метнул в скопище бойцов. Все эти нехитрые с точки зрения магии высшего уровня атаки разбились о невидимый щит, воздвигнутый Алагаром, точно волны о твердь прибрежных скал. Алагар вздернул посох кверху, и тут же пятерых из магов схватили огненные щупальца — выползли они прямо из земли. Их жгло и рвало на части, люди верещали, но Алагар не дал им страдать дольше десяти секунд — все, что от них осталось, пожрало пламя, не оставив ничего. Остальных магов словно парализовало. Они стояли, точно истуканы, а затем начало происходить нечто очень странное.словно сами собой

трескались их кости, из открытых переломов хлестала кровь, их корежило, ломало, глаза выскакивали из орбит, в итоге маги, давясь криками, лопнули, внутренности их разлетелись во все стороны. На старика заклятие не подействовало, каким-то чудом он своей тренированной волей сумел противостоять этому заклинанию. Все произошло так быстро, что люди ахнуть не успели. Но Хельд в любую секунду, когда огненные шары или молнии устремлялись в Алагара, сигал под колья, страшась, что ненароком его заденет. Мурвак прикрывал глаза рукой и матерился от того же страха так, как позавидовал бы любой матрос, Керк сильнее сжимал свою битву, Глыба скалил зубы и что-то кричал что было сил, Арстель же стоял молча, не веря своим глазам.

Тут же со стороны леса слышались крики, старик тут же метнул взгляд туда. Отвлекаться, когда перед тобой стоит противник, в особенности столь опасный, как Алагар, категорически не следует, но Алагар не стал пользоваться отвлечением противника.

Нескольких выживших с выпученными от страха глазами добивали Краух Гримбла своим огромным зазубренным топором и Марвол Черный Лев — рыцарь в доспехах из темной стали, размахивающий двуручным клинком. Двое из них неумело закрылись копьем и клинком, но топор Гримблы смел эту защиту, точно ураган — старый муравейник. Топор рассек череп молодого бойца, словно тыкву, а со следующего размаху он расколол ребра следующего воина, тщетно попытавшегося увернуться. Черный Лев легко увернулся от выпада копьем, шагнув в его сторону и насадив на клинок, последний человек со ржавым мечом попытался атаковать рыцаря, но тот, отбросив тело убитого врага, уверенно заблокировал атаку, отбросил резким движением меч врага в сторону и обратным движением рассек надвое с первого удара.

— Ну что, — сказал Алагар, — вот ты и остался совсем один. Пришло время последнего урока?

Старик ослабил и направил посох в сторону Алагара:

— Тем, кто умрет во имя повелителя, будет воздана вечная слава!

Алагар сокрушенно покачал головой:

— Когда же ты поймешь? Твоему владыке нет дела до тебя. Впрочем, мне тоже.

Началось что-то вроде дуэли, но продлилась она недолго. Молния полетела в грудь Алагара, но он одним движением руки схватил ее на вершине посоха, вкачав столько маны в заклятие, что отrostки молний бились во все стороны, обжигая землю, воздух, только не Алагара. Он рванул посох вперед, и на старика обрушился целый дождь молний, от которого он попытался закрыться защитным экраном, но тот быстро сломался, и одна из молний ударила его в грудь. Тело старика задымилось, а из-под рваной одежды на груди виднелась обожженная плоть. Посох старика разломился, кернахол его рассыпался на куски. Маг умирал, какими бы силами он не обладал, повстречавшись с молнией, он не мог надеяться на продолжение своего пути. Алагар подошел ближе.

— Мы проиграли бой... — прохрипел он, — но не войну! Скоро Заргул вернется, и ты пожалеешь, что... обманул его доверие.

— Доверие? — переспросил Алагар, — я бы объяснил тебе, что понятие доверия неприменимо к твоему любимому императору, но у тебя осталось слишком мало времени, братишка. Покойся с миром. Быть может, в следующей жизни будешь поумнее.

— Мы еще не закончили! Я буду сражаться, покуда жив! — вскричал он, но тут же зашелся гулким кашлем, харкаясь кровью, попытался вдохнуть полной грудью, но не вышло, а затем он умер.

К деревне все ближе подходили Краух Гримбла и Марвол Черный Лев. Из-за каких-то кустов ежевики показалась фигура Шаабана. Алагар повернулся к деревне и пробежался взглядом по каждому из стоявших на стене мужчин, охваченных страхом и впавших в ступор.

— Я полагаю, — он ловко перекрутил посох рукой и упер его в землю, — Заргул начинает действовать. Вашим землям не помешает защита. А силы короля могут не подоспеть вовремя, не находите?

Защитники деревни не нашлись с ответом. Гора трупов, валявшихся у подножия холма, на котором стояла деревня, говорила сама за себя.

Глава 6: «Старые друзья»

Ганрайский рынок был так же не оживлен, как и всегда. Редкие торговцы овощами, ткачи, продававшие на скорую руку сделанные брюки и рубахи, рыболовы с лежалым товаром — большинство из них никак не могло окупить затраты на свой промысел. Дорога на рынке не была вымощена, у императора этой страны не имелось средств. Собственно говоря, от императора в нем было лишь величие титула, а слабость и бедность страны лишь подтверждало ее вассальное по отношению к мощному королевству Аргое положение. На рынке спросом пользовалась разве что лавка травника, знахаря, который всегда на прилавке держал приготовленные по семейным рецептам снадобья от чахотки или грибка. Но даже ему люди часто не могли заплатить, у многих не было даже работы, вся промышленность перебралась в Аргою, как и аристократия. Часто горожане приходили на торговую площадь, точнее, небольшую площадку в центре города и обменивались готовыми товарами без посредника в виде кошелька. Спокойствие ганрайцам внушала лишь стена Вархула, финансированием которой занималась казна Эанрила Третьего. Внутренние же силы безопасности — Карательный Отряд, лишь наводили шум и панику зачастую, Ганрайского Демона, одержимого жаждой крови, не хотелось повстречать никому. Тем не менее, в нескольких километрах от рынка был самый преступный городок из всех в Союзе — Сухие Колодцы. Прозвище свое он получил от того, что люди больше столетия назад пытались его освоить, но никак не смогли наладить добычу воды из-под земли, все колодцы быстро осушались, из-за чего крестьяне и ремесленники плюнули в сердцах и покинули этот край, остались лишь самые отчаянные люди, в основном, наемники, которым не было нужды добывать самим блага, когда они могли купить их на заработанные своими клинками деньги. Вот только чаще всего труд наемников сильно расходился с законом, а без оружия или охраны не стоило вообще показываться в этих землях. Можно удивиться, почему столь бескомпромиссный по отношению к преступности Глоддрик Харлауд закрывал глаза на то, что в его родной стране был столь темный участок земли. Будучи стражем порядка, он не мог стоять в стороне, но, будучи воином, он знал, что именно там чаще всего можно найти лучших рекрутов или бойцов для особо тяжелой и опасной работы, где жаль терять своих, Карателей. Достаточно лишь было щедро заплатить этим людям — и они не трогали обычных людей. К тому же, страх угрозы от командора Карательного Отряда весьма сковывал их в своем произволе. До некоторых пор кланы наемников вели себя относительно законопослушно, пока лазутчик не принес Норберту Гартахолу весть о том, что Нашпар, по кличке Лихач, запланировал встречу с неким Арнлоугом Варзхелом. Немногим ранее самому Глоддрику из Силгора гонец принес весть о том, что человек с тем же самым именем имел наглость потревожить покой короля на праздновании дня рождения его детей — царевича Слагера и принцессы Айрил. Он также осмелился угрожать Союзу нападением и призывал покориться воле мифического персонажа, Заргула, в существование которого давно уже многие перестали верить, помня об этом существе лишь из мифов тысячелетней давности. Норберт Гартахол сразу для себя установил, что, кем бы ни был этот Варзхел, он явно свихнулся от своей магии. Но игнорировать подобное неуважение к королевской особе было невозможно. Глоддрик и Гартахол знали на жизненном опыте — если правителя перестают уважать, государство непременно развалится. Так было во времена, когда Грор Свободолюбец посчитал, что угрозы от совсем постаревшего и умирающего Ганзарула

Второго нечего опасаться и решил попробовать сепарироваться. Его же примером заразилась Клирия. Гартахол, услышав, что один из кланов общается с этим врагом народа, решил не говорить ничего об этом Глоддрику, а отправился в Сухие Колодцы в сопровождении не слишком большой гвардии карателей самолично с целью захватить Наштара Лихача и сопроводить его в допросную камеру в Гилеарде. Угрозу власти короля в виде Варзхела и его пособников, он был уверен, необходимо подавить в зародыше, выжечь каленым железом. С этими мыслями Гартахол приближался к селению, представлявшему собой скопление ветхих хижин или даже шатров, людей, гревшихся у костров. Тут и там было развешено белье, точилось оружие, коптилось мясо. Поселение было похоже на походный лагерь, но его особенность была в том, что эти люди не собирались покидать Ганрай. Гартахол, погруженный во мрачные раздумья, зашел в одну из хижин, которая была разрисована кобрами желтого цвета и серыми полосами, закрученными в спираль, видимо, изображавшими смерч, а сверху красовалась треснутая вывеска с надписью — «Клан Поющих Ветров».

Здание было обширным, на причем — расстелены клирийские ковры, причем, хижина была огромной землянкой, поскольку со входа вниз вела лестница, ведущая на нижний этаж, вырытый в земле. С Гартахолом было лишь четверо карателей, облаченных в темные одежды кожаными панцирями. Их головы были защищены легкими стальными шлемами. Гартахол облизнул промежность на месте бывших когда-то передних зубов, потерянных в далекой драке в юности, и прошел по лестнице.

— Ну и ну! Легавые! — воскликнул клириец, стоявший внизу лестницы у столба и перебирающий четки, — чем обязаны такой честью?

Гартахол оттолкнул его и прошагал внутрь, в центр первого этажа. У дальней стены, на которой висел самый роскошный и дорогой расписной ковер, изображавший битву какого-то клирийского воина на белом коне с копьем против огромного грифона. Внизу, на шелковых подушках, сидело двое мужчин — они были одеты в бархатистые халаты, дорогие шаровары. Оба были клирийцами, они очень походили друг на друга лицами, хотя один был бледнокожим, а другой, наоборот, весьма смугл. Подле них лежали девушки-мулатки и ласкали парней, как могли, но, судя по лицам пресытившихся мужчин, куртизанкам не удалось доставить хозяевам должного наслаждения. Мужчины курили кальян, передавая мушкетер друг другу и изредка позволяли затянуться девушкам. Возле смуглого, на соседней подушке, лежала роскошная сабля с лакированными ножнами и рукоятью со змеиной кожей — очевидно, работа мастера. Рельефный торс его был покрыт татуировками с черепами, расколотыми оружием, сердцами, пронзенными чем-нибудь, а в центре груди его красовалась голова кобры, от которой исходили языки пламени. Он, заметив карателей, грубо отпихнул девушку, которая хотела поставить ему очередной засос на шею, и, не забыв захватить саблю, ловко спрыгнул с помоста, на котором находились подушки. Карателей обступили бандиты, в основном это были южане — смуглые клирийцы в красивых одеждах, но иногда среди них попадались и ганрайцы, одетые куда более прозаично, почти покрестьянски, только со ржавыми латами и несбалансированным оружием.

— Так, так, так, — размяв затекшую шею и делая плечами вращательные движения, — он прытко приблизился к Гартахолу, — верный пес Ганрайского Демона здесь. Это даже интересно.

Большинство бандитов держали руки на своем оружии, благо, пока что оно еще покоилось на их поясах. Гартахол заметил это, немного затравленно, но все же не теряя

трезвости рассудка, огляделся. Он был уверен, что его трогать не станут, поэтому особенно много воинов брать не стал, думал, что боязнь столкнуться впоследствии с Глоддрикком, гарантирует ему полную неприкосновенность со стороны бандитов. Если бы он знал, как ошибался.

— Ты знаешь, зачем я здесь, черномазый выродок, — прорычал он, стиснув зубы, — Карательный Отряд никогда не появляется там, где не было измены короне. Мы все знаем о ваших делах. Сам пойдешь с нами или заставим?

Люди из клана Поющих Ветров переглянулись с настороженностью. Все те, кто имел неосторожность хоть как-то оскорбить клирийский народ и цвет кожи в этом доме, не выходили оттуда живыми.

— Да как вы, собаки, смеете угрожать моему брательнику?! — вскрикнул бледнокожий человек, — мы с братвой вашими головами в мяч сыграть можем.

— Заткнись, Желторотый, — осадил его Наштар, — молчи, когда взрослые разговаривают. Могу я хоть узнать, чем провинился перед законом?

Некоторые из подручных Наштара Лихача усмехнулись, понятие закона было неприменимо к образу жизни их атамана.

— О, а вот об этом нам расскажет твой друг! — злорадно облизнув десны, промурлыкал Норберт Гартахол, — Арнлоуг Варзхел. Ты его сдашь, а его найдем, и он все расскажет. Мы умеем допрашивать, скоро ты это поймешь.

Поднялся ропот, люди в задних рядах схватились за оружие, озираясь, остальные зашептались, косясь на рядом стоящих.

— Вот оно что, — протянул Наштар, подперев рукой подбородок, — в нашем кругу завелась крыса, значит. Это поправимо. Знаете, я не силен в психологии крысятничества, в этом вы, легаши, понимаете лучше. Это не я тебе расскажу, гнида, а ТЫ мне все выложишь, понял? Будешь рыдать и сквозь слезы скажешь, кто предал братву. Парни! — щелкнул он пальцами, — схватить этих членососов!

Бой начался спустя полсекунды. На Гартахола бросился тот самый человек, стоявший у столба, с булавой в руке, но его атака была слишком размашистой, Гартахол легко предугадал ее траекторию, ушел от удара и хлестким рывковым ударом меча расколол ему череп. Обливаясь кровью, южанин-бандит повалился на ковер, окрашивая его в красный цвет огромной лужей. Люди Гартахола достали мечи и пытались сопротивляться, но это было невозможно для них — численный перевес был явно на стороне людей Наштара Лихача. Вскоре головорезы пробили не совсем умелую защиту молодых карателей и хладнокровно их зарезали. Гартахол остался один, однако его не трогали, пока что.

— Брат, позволь я насажу его на свой клинок в твою честь! — подобострастным тоном спросил Желторотый, заискивающе вглядываясь в лицо своего брата.

— Не сегодня, малой, — ответил Наштар, выхватив резким движением свою саблю, — смотри и учись, как надо рубиться!

Не успел Гартахол даже встать в стойку, как на него, точно гепард, налетел Наштар. Первый помощник Глоддрика все же успел вскинуть меч и отбить рубящий удар в голову. Контратаковать не успел — южанин был слишком быстр от природы, к тому же, сказывалась разница в возрасте, если Гартахолу было уже почти сорок, то Наштару — не больше двадцати пяти. Атаман, немедля ни секунды, продолжил свой натиск. Без малейшего замаха он нанес обратный удар снизу наискось, стремясь задеть бок Гартахола. Бил Наштар так быстро, что воздух свистел от полета его шашки. Гартахол в последнюю секунду отскочил,

острие оружие Наштара пронеслось от его живота в каких-то полутора сантиметрах. Каратель сделал ответный выпад с уколом, но скорость реакции темнокожего головореза была не в пример выше его собственной. Наштар лихо отбил удар так, что от столкновения клинков посыпались искры на пол и мгновенно рубанул по горизонтали. На этот раз, хоть Гартахол и поставил блок, Наштар все же достал его, прорезав плечо. На пол капнула кровь карателя.

— Одного глаза у тебя уже нет, — покосился на его повязку Наштар, — может статься, сегодня совсем ослепнешь.

— Клянусь, когда ты окажешься в допросной, в Гилеарде, — задыхаясь, ответил Гартахол, — я лично выколю тебе оба глаза.

— Сначала выживи, — запальчиво произнес Наштар и понесся в атаку.

Клириец бил крест-накрест, уверенно тесня Гартахола. Тот оба удара отбил, зацепился своим мечом с саблей врага, повел ее на себя и попробовал снова сделать укол, но Наштар, словно рыба, обтекающая водоросли, ушел от его наскока, подобрался ближе и со всей силы саданул воина Карательного Отряда эфесом клинка по подбородку. И без того выпадающая вперед челюсть едва не съехала набок. Молодой сорвиголова без промедлений зашел одной ногой за спину Гартахолу, ставя подножку, и с сокрушительной силой врезался плечом противнику в грудь. Гартахол повалился на пол, точно подкошенное дерево. Подняться ему не дали — кончик сабли уже упирался ему в глотку. Потекла струйка крови.

— Что ж. Похоже, тебе придется погостить в нашем культурном обществе, — съязвил Наштар, — привязать эту шваль к столбу. Я хотел бы тебя выпотрошить, но, знаешь, передумал. Подождем Варзхела, он знает, что делать с мусором вроде тебя. Поверь, лучше бы для тебя, чтобы я тебя прикончил. Этот парень куда более жесток, чем я.

— Ты, жалкий дурак, — отхаркиваясь кровью, молвил Гартахол, — когда до тебя доберется Глоддрик Харлауд...

— Когда он придет, меня здесь уже не будет. Как и тебя — ты будешь червей кормить. Надо было лучше упражняться в фехтовании, может, уцелел бы.

После этого братки Наштара Лихача заломили Гартахолу руки за спину и привязали самозатягивающимися узлами его к самому толстому из столбов. Норберту ничего не оставалось, кроме как проклинать своих пленителей.

Материализовались они так же быстро, как исчезли. Не прошло и секунды, как мир вокруг Эрлингая и старого хаглорианца пропал, размывшись в бесформенные очертания, походившие на волны, пронизанные всепоглощающим светом, но тут же пространство вокруг обрело ясный облик. Эрлингай согнулся в три погибели, уперев руки в колени, его подташнивало, воина мучило ощущение, что его будто вывернули наизнанку. Йоши засмеялся и дружески похлопал рыцаря Аргой по спине:

— Все путем, друг мой! В мои молодые годы, когда я впервые попробовал заклятие перемещения, пришлось распрощаться с обедом.

— Хорошо, что я практически ничего не едал с утра, — на одном выдохе ответил Эрлингай.

Они стояли на степной поляне. Недалеко, в двух километрах, виднелись контуры городской стены и крыш низких хижин и высоких усадеб. В округе практически не было людей, разве что по тракту, который пролегал недалеко от мага и воина, двигался караван мясничьих повозок, набитых тушами свиней. Мулы шагали неторопливо, цепочка повозок

еле трогалась, что лишь добавляло картине некоторое уныние. Сухая, жесткая земля, на которой мало что могло расти, кроме редкой и жухлой травы. Это были земли близ Вархула, столицы Ганрая, хотя, если отойти немного подальше, в сторону сельских угодий, то земли становились куда плодороднее. Небо пока еще было ясным, но тучи уже начинали собираться. Эрлинггай был рад этому, он ненавидел засушливую, солнечную погоду, предпочитая освежающие струи ливня. В детстве бегать под проливным дождем для него было высшим счастьем, став старше, в эту погоду он предпочитал оттачивать фехтовальные навыки, нападая на соломенное чучело во дворе.

— Что ж, мы намеренно перенеслись не так близко к городу, чтобы не приводить местных в оцепенение. Моя иноземная физиономия и так может их слегка смутить. Ты, я надеюсь, не имеешь ничего против, Эрлинггай. Хотя ты и занимаешь положение при дворе, но я знаю, вырос ты отнюдь не во дворце, а уж сколько миль ты прошагал. Тебе не привыкать, друг мой, — Йоши легко стукнул посохом по плечу Эрлинггая и махнул магическим атрибутом в направлении Вархула, — ты вполне можешь дошагать на своих двоих. Я бы рад составить тебе компанию, но есть некоторые неотложные дела.

В том, что Эрлинггай вырос не во дворце короля, Йоши был прав. Являясь бастардом, незаконнорожденным последствием связи Ганзарула Второго со служанкой, его растили в пригороде, до самого взросления его держа втайне истинное происхождение. Бастардов обычно боялись действующие правители и пытались всяческими способами их устранить, но Эанрил Третий был слишком нерешителен, чтобы отдать приказ на расправу Эрлинггаю. Тем более, убить одного из самых больших мастеров меча во всем Союзе, к тому же, прошедшего две войны, для королевской гвардии было из области невозможного.

— И какие же дела, достойные Архимага, могут ожидать вас, мастер?

— Сейчас тебе это не обязательно знать. Куда проще сосредоточиться на своей задаче, освободив разум от лишней информации. Все откроется в нужное время. Ах, да, твоя задача, совсем забыл прояснить. Не та у меня уже память... — задумавшись, Йоши облокотился на посох, подбоченясь, — твоя цель проста, но крайне важна. Ты обследуешь окрестности и разведываешь, где именно и кто знает хоть что-нибудь о последователях Заргула. Великое начинается с малого. Сперва ты обнаружишь сплетни, затем — тех, кто что-то видел, потом столкнешься с адептами, а затем, не приведи Анларизель, самого императора повстречаем! Начать исследование стоит с Сухих Колодцев. Мое чутье подсказывает, что если на границе уже орудуют слуги хранителя подземелий Азрога, то в этом рассаднике бандитов с большой дороги и солдат удачи непременно есть те, кто как-то связан с темными планами этого... темного владыки.

— Разумное предложение, мастер Йоши, — ответил Эрлинггай, — в таких краях часто можно встретить изменников. Во времена Северной Войны именно оттуда приходили соглядатаи Грора Свободолюбца.

— По сравнению с Заргулом Грор Свободолюбец — святой, — улыбнулся Йоши, — хотя в чем-то они похожи. Оба были готовы на все для своих народов. Но если Грор хотел лишь свободы для северян, то Заргул, с головой отдавшись своей гордыне, полагает, что горхолды и только горхолды достойны мирового господства.

Эрлинггай покачал головой, смеясь.

— Ишь чего захотел! Я сделаю все, что смогу, мастер. Что ж, дай Илгериас вам удачи.

— А тебе — Анларизель.

Последовала яркая вспышка света, после чего Эрлинггай остался один в этой степи,

провожая глазами уныло ползущий к городу караван.

Спустя час-другой он уже подходил к Вархулу. Эрлинггай был согласен с предположением Йоши, что союзников Варzxела следует искать в Сухих Колодцах, но по опыту Эрлинггай понимал, что простой люд куда сговорчивее блатных ребят. На довольно убогом, как показалось Эрлинггаю, рынке, все же было кого расспросить. Эрлинггай был довольно общительным человеком, ему ничего не стоило завести разговор с незнакомцем. А его детство и юность, далекая от круга высшего общества, позволила ему научиться сходитьсь с простонародьем еще очень давно. Он перекинулся парой слов с рыбаком, больным оспой, но тот ни о чем странном не слыхивал и подозрительных людей поблизости не заставлял. Мясник стал жаловаться на знакомого бакалейщика, утверждая, что тот уходит от платежа налогов и завышает цены сверх предела, установленного законом. Эрлинггай уже совсем отчаялся в поисках, беспокоясь, что тратит время среди людей, которые даже не догадываются, какие дела совершаются прямо у них перед носом. Он уже покидал рынок, как вдруг его остановил нищий, сидящий у паперти храма. Тот протянул Эрлинггаю шапку с облезлым козырьком.

— Эрлинггай Львиный Рёв? Ты ли это? — услышал он старческий голос попрошайки.

Узнав Эрлинггая, тот тут же встал и схватил его за плечи:

— Так это же ты командовал моим отрядом во времена Северной Войны! Жизнь спас мне, как шас помню. Эти их берсерки так и полезли на нас со своими топорами. Били, кусали, ломали нам кости щитами, дрались, как демоны! Может, они ими и были одержимы. А когда один из них сломал мое копье и собирался умертвить, ты его поразил своим клинком.

— Ну, — развел руками Эрлинггай, — ради меня ты бы сделал то же самое, я уверен.

Он забыл имя этого человека, хотя был уверен, что уже где-то видел это лицо, хоть и не таким постаревшим. Стоило Эрлинггаю полюбопытствовать, каким образом герою войны не посчастливилось оказаться на улице, старик признался, что всему виной азартные игры в Сухих Колодцах, в которых он по пьяни участвовал. Дурная компания собутыльников втянула его в это, а быть должным кому-то из кланов, по словам старика, чревато самыми несчастными исходами, так что потерять работу, дом и все сбережения — это еще легко отделаться. Эрлинггай обещал при возможности не забыть о старике и по возвращении в Аргою прислать ему некоторые средства. Он уже собрался уходить, как благодарный нищий остановил его:

— Стой, сослуживец, погоди. Не могу же я тебе ничем не ответить за такую щедрость. Я так понял, ты что-то здесь ищешь. Или кого-то.

— Слухи донесли до меня, что на границе Союза шастают довольно сомнительные типы. Может быть, из здешних тоже кто-то недоброе задумал? Не видел ли ты чего-то странного, необычного? Скажем, чернокнижников, фанатиков или каких-нибудь сектантов?

— Хм, — почесал жидкую бороду старик, — ходил сюда постоянно какой-то тип. Желторотый его все зовут. Вроде не аргоец и не ганраец, но бледный он какой-то, может, малокровный. Не суть. Скорее всего, какой-то недоклириец. Так вот, ходит он сюда, задает оружейникам странные вопросы о том, можно ли заказать целую партию копий, мечей и арбалетов. Словно вдруг этим бандюгам стало мало того, что у них уже есть. Но чего я не забуду — так это его медальона. Перечеркнутая буква А, — он дрожащей рукой попробовал начертить символ в воздухе, — не к добру это, ох, не к добру. Это знак темной силы, точно помню. И откуда у этих головорезов вдруг такие вещи? Надеюсь, он просто убил какого-то

магика и снял с него вещичку, или они и правда служат... кому?

Все ясно — подумал Эрлинггай. Какие-то кланы уже пополнили ряды последователей Варзхела, а следовательно, Заргула. Интересно, задумался он, эти бандиты вообще понимают, кому служат, или их волнует исключительно толщина кошелька нанимателя?

— Да кто ж его знает, кому, — он не стал грузить своими догадками и без того помотанного жизнью человека, — спасибо, друг, что помог. О своем долге перед тобой я не забуду, обещаю.

— А с чего это вдруг ты заинтересовался всякими лиходеями? — проскрежетал попрошайка-ветеран, — может, ну их, пусть хоть пням поклоняются, лишь бы людей не трогали.

— Нельзя, брат, — покачал головой Эрлинггай, — а если какие-то маги набирают себе сил? Это ведь непростой медальон был, как пить дать. Они с кем-то могут быть связаны. А разве не является долгом преданных Союзу людей бороться с любой внутренней угрозой?

— С чего ты взял, что они представляют угрозу стране?

— А с того, что этот символ, который ты мне описал — это эмблема Азрога. А те, кто такое носят, явно не друзья Союза.

Эрлинггай шутливо отсалютовал своему боевому товарищу и двинулся за пределы Вархула, в сторону Сухих Колодцев. Он знал кличку того парня — Желторотый. Узнать, из какого он клана, не представляло сложности. То, что наблюдательный бедняк ему дал наводку, и тем самым, возможно, дал шанс на срыв плана самого Заргула, точно не было случайностью — это рыцарь Аргои понимал на все сто.

Подходя к забору, больше походящему на частокол, Эрлинггай увидел множество клочков пергамента, неумело прибитых к гнилым плесневелым доскам, на которых были коряво нацарапаны объявления о поиске работы телохранителей, охраны торговой делегации или же более откровенные предложения убрать какого-нибудь «надоевшего» человека. Эрлинггай своим внешним видом вполне мог сойти за наемника, если его здесь никто не знал в лицо. Простая рубаха, кожаный жилет, рабочие брюки и крестьянские сапоги, только фамильный меч Акреилов — Фарендил, который передал ему Эанрил, из которого так и не вышел воин, выдавал в нем человека, близкого к королевскому роду, да и то это было заметно только тем, кто разбирался в выделке оружия.

Он сымитировал более размашистую и развязную походку, принятую среди почти всегда полупьяных солдат удачи. Местные сразу признали в нем новичка — в таком тесном пространстве друг друга знали все. На невысоких поленьях сидело несколько бородатых мужчин сурового вида, судя по убранству щитов и обилию топоров, густым бородам, высокому росту и светлым волосам, это были северяне. Только Эрлинггай подошел к ним, спросив, как идут дела в Сухих Колодцах, какие новости, так ему сразу же предложили выпить Балнорского пива, по рецепту столицы Севера. Пропустив кружку и немного разговорившись с воинами, Эрлинггай как бы невзначай упомянул, что в городе слышал о Желторотом и спросил, из какого тот клана. Северяне тут же переменились в лицах, их приветливость сменилась на настороженность и неприязнь.

— Ты что, водишься с этими черножопыми тварями? — прорычал светлокожий и голубоглазый мускулистый воин.

Эрлинггай был довольно сметлив и, ничуть не меняя насмешливо-непринужденное выражение лица, рассмеялся.

— Смеешься, что ли? Да я этих клирийцев бил под Джаганнатом еще в те лихие девяностые годы! Видите ли, этот кусок дерьма, — стараясь говорить на понятном этим людям языке, Эрлинггай продолжил, — осмелился высказаться, что северяне — отсталые дикари, земли которых необходимо захватить, а самих вас — заставить добывать руду, — подвыпившие северяне легко поверили словам Эрлинггай и рассвирепели, Эрлинггай, уняв их гул, продолжил, — а про нас, аргойцев, он говаривал, дескать, наша нация вырождается, а наши мужчины должны заглотить клирийские чресла.

На это северяне отреагировали спокойнее, но из солидарности осыпали Желторотого, а заодно и весь род клирийский всевозможными проклятиями.

— Вот я и ищу его, чтобы пригвоздить мечом к земле. Такие не должны топтать земли Союза, ведь так? Быть может, вы мне поможете, скажите хоть, из какого он клана.

— Клан Поющих Ветров, — ответил один из северян, бросив кружку на землю, — может быть, нам пойти с тобой и отмудохать заодно и всех остальных?

— Всему свое время, парни! Мы должны застать их врасплох, сейчас они легко дадут нам отпор. Я выжду удобный момент, и тогда мы посадим их на самый острый и толстенный кол!

Северяне одобрительно загудели и похвалили энтузиазм их нового знакомого.

— Их логово там, если что, — северянин указал на деревянную хижину, на вывеске у которой были намалеваны кобры и вихри.

Под одобряющие возгласы, правда, быстро стихшие после новой порции выпивки, Эрлинггай двинулся в сторону хижины. Он оглядел лагерь, прежде чем отворить дверь. Среди этих шатров и других хибар сновали практически все — аргойцы, клирийцы, ганрайцы, было даже несколько палаток, где собирались равшары.

«До чего же много народу ничего не умеет, кроме как драться? Если бы они, например, ударились в науку, быть может, через столетие мы бы жили в совершенно другом мире!» — подумалось Эрлинггаю.

Он собрался с духом и вошел внутрь жилища клана Поющих Ветров. Эрлинггай понимал, что Йоши бы запретил ему совать свой нос в пасть льва, но воину казалось, что оставить еще больше свободного времени последователям Заргула было бы непростительным предательством по отношению к миру. Он чуть не потерял равновесие и не покатился кубарем с лестницы, ведущей на первый этаж этой землянки, как теперь понял Эрлинггай. Землянки, набитой вооруженными южанами и ганрайцами. Обстановка здесь была довольно беспорядочной. Было раскидано множество оружия, ковры были обагрены лужами крови, что было свидетельством недавно завязавшегося здесь боя. Еще валялись где-то кальяны, сваленные в углу вместе с мягкими подушками. На помосте, на котором еще недавно предавались уладам мужчины, стоял саркофаг. Это показалось Эрлинггаю довольно нелепой картиной, тем не менее, он молча спустился с лестницы. У столба неподалеку от помоста полулежал рыжеволосый кудрявый человек, поникший головой. В себя прийти он еще не успел.

— Еще один легавый? — услышал он голос человека, усевшегося на саркофаге, — хотя, нет, не из них ты. Видок более вольный. Ты наемник? Да кем бы ты ни был, ты должен знать, что крайне невежливо заявляться туда, куда тебя не приглашали, особенно в наш клан.

Это говорил молодой атлетично сложенный клириец. Тело его было в татуировках, темные волосы собраны в хвост. Тот же шелковый халат и шаровары, а на перевязи сабля.

— Может, это сутенер? — прыснул человек с более светлой кожей, но чертами лица,

очевидно, клириец, — новых шлях привел! Проваливай! Нам уже хватило.

— Закройся, Желторотый, — крикнул на него говоривший первым, по-видимому, атаман, — так что тебя сюда привело? Кто ты такой, мать твою за ногу?

Эрлинггай не спеша закончил спуск с лестницы и благоразумно положил руку на рукоять клинка. Как бы ни происходил диалог, он знал, что напасть на него могли в любой момент. Конечно, он боялся, как и любой здравомыслящий человек. Но один только саркофаг, исчерченный древними рунами и тот самый медальон на шее у бледнокожего южанина ясно внушали, что люди эти заняты делами злыми. Прошедший через множество схваток, Эрлинггай не боялся боя с толпой головорезов, было время, когда он в одиночку несся на коне во весь опор на целые батальоны северных берсерков, бился с отрядами северных бондов и рубил их десятками, а то и сотнями, оставляя карлов, командующих отрядами, один на один с собой и своим безупречным владением искусством боя. Но он не знал, что в этом человеке, взгляд и поза которого так и сквозила самомнением, в этом клирийце в халате, несмотря на молодые годы, тоже скрывался немалый опыт битв. Выросший на улицах Ганрая, а затем перебравшийся в Сухие Колодцы, Наштар, который неоднократно подвергался преследованию и гонением северян-расистов, жалавших истребить чернокожих иммигрантов. Возмужав, нахватавшись всему понемногу, научившись орудовать одноручным клинком, он вырезал тогдашний клан радикальных белокожих и собрал вокруг себя обедневших клирийцев. Они были преданы своему атаману, ведь он дал им надежду на то, что они занимают не последнее место в землях светлокожих ганрайцев и аргойцев. Позже его буйный нрав и бесстрашие зауважали и местные жители, отчего некоторые из ганрайцев присоединились в его клан. Но этот человек решительно вызывал отторжение у Эрлинггай. В его поведении, полном стремления к власти, роскоши, которой так и пестрело убранство землянки, было заметно, что этот человек не по праву считал себя хозяином жизни.

— Я Эрлинггай, — сделав плавный шаг вперед, он продолжил, — из рода Акрейлов. Вам что-нибудь говорит это имя?

— Львиный Рёв? Первый меч Союза? — с издевкой ухмыльнувшись, переспросил Желторотый, — да врешь ты все, пустомеля! Королевские особы никогда не одеваются, как последние...

— Последний раз повторяю, заткнись или получишь по шее, — скрипнув зубами, выговорил Наштар, — да хоть сам Ранкор Несокрушимый! По большому счету мне по барабану. Что тебе здесь надо?

— А известно ли тебе, Наштар, так ведь тебя зовут, если мои догадки верны? — клириец надменно промолчал, — знаешь ли ты, что раскапывать могилы и ставить гробы посреди жилых домов — есть неуважение к усопшим?

Эрлинггай еще не понимал, в чем дело, кто лежал в этом саркофаге, он лишь пытался разозлить клирийца, чтобы из того вырвались хотя бы какие-то полезные сведения. Член королевской семьи хорошо разбирался в психологии южан, ему уже было понятно, что главарь этой банды, как и большинство его сородичей из Клирийского Эмирата, очень темпераментный и неосторожный человек, особенно в словах. Но он не уходил далеко от лестницы, чтобы в случае, если его окружают, можно было взобраться наверх и биться с более выгодной позиции.

— Тебя хоть каким-то боком это касается? — оскалил зубы Наштар.

Эрлинггай мотнул головой в сторону Желторотого:

— А медальон с символом Азрога на шее у твоего прихвостня? Простая безделушка или

нечто большее? Варзхел ее подарил, а? — он игриво подмигнул Желторотому, чувствуя, что еще немного — и на него нападут.

— Видать, король не жалеет своих родичей, если отправляет их одних в такие опасные края, — усмехнулся Наштар, — хотя, это правильно, нужно же как-то избавиться от престолонаследников, особенно если это бастарды.

Кровь хлынула в голову Эрлинггаю. Будучи человеком чести, рыцарем, в свои сорок четыре года он не мог стерпеть такого оскорбления, особенно от человека, который ему в дети годился. Потерять доброе имя при дворе короля, в армии, даже на улицах Силгора, а тем более — в криминальной среде — означало потерять все.

— Мне надоело с тобой заигрывать, щенок, — Эрлинггай помрачнел и сильнее стиснул рукоять, — отвечать быстро и четко: кто лежит в саркофаге?

Наштар сплюнул, правда, неудачно, отчего ему пришлось вытереть слюни рукавом из дорогого алого шелка с мастерски вышитыми аистами и кувшинками.

— Я гляжу, ты совсем безумец, Эрлинггай Львиный Рев, если это, конечно, и в самом деле ты. Глупее разведчика, чем ты, я представить не мог — это ж надо так заявиться и... Ладно, забудем. Парни, принесите мне его голову.

Эрлинггай неторопливо обнажил меч и выставил его перед собой, занимая устойчивую позицию. На него кинулись семеро человек с разных сторон. Воин рваными шагами взобрался на ступени лестницы, и достать его было сложнее. Меч его порхал, словно бабочка, а жалил подобно пчеле. Неуклюжего громилу с пивным брюхом и самодельной палицей он устранил легко — даже не стал блокировать его размашистый удар, а только отсек руку встречной атакой, обратным ударом пронзив грудь врага клинком. Следующие двое с ятаганами нападали хорошо, а вот защищаться, ясно было мастеру фехтования, совсем не умели. Одному он развалил голову круговым ударом Фарендилом, другому выпустил кишки косым ударом снизу вверх. Люди, испугавшись его, начали отступать, и лишь Желторотый, обхватив свою цепь с кистенем на конце, обеими руками, раскрутил ее и метнул в Эрлинггая. Оружие сразу обвило лезвие меча.

— Попался, гнида! Сейчас я тебя как...

Эрлинггай моментально намотал участок цепи перед клинком на правую руку и резко повернулся вокруг своей оси, отчего рванул на себя Желторотого. Тщедушный южанин, которому явно не хватало силы, чтобы устоять на ногах, подался вперед, но ему хватило ловкости вытащить кинжал и замахнуться на Эрлинггая. Но ударить он не успел. Эрлинггай ринулся вперед, горизонтальным ударом рассек туловище Желторотого. Хлынула кровь, с кряхтением, выпучив глаза, тот согнулся и начал падать. Эрлинггай занес меч и обрушил его вниз. Голова Желторотого отделилась от тела, словно стебель сахарного тростника от ножа крестьян в Клирии. Эрлинггай вызывающе осклабился и заглянул в глаза Наштару, опешившему от произошедшего. Глаза клирийца налились яростью:

— Ты... ты... ты!!! — он заорал, что было мочи, — ублюдок!

— А ты думал, вы одни можете убивать? — презрительно посмотрел на него Эрлинггай.

— Он мой! — крикнул Наштар, выхватив саблю, — если кто полезет в наш бой — зарублю в капусту! Сейчас ты, падла, ответишь за моего братишку.

— Я всегда готов за все ответить, — с жесткой интонацией проговорил Эрлинггай, — а ты?

Наштар налетел на него, словно вихрь, тот самый, который красовался на эмблеме клана. Эрлинггай парировал круговой удар, отбросил меч врага в сторону и нанес контрудар,

сделав в воздухе петлю, что создало замах, придавший силу движению. Наштар подсел под клинок и попробовал сделать укол, но Эрлинггай мощным движением руки отбил удар, одновременно сошел с линии атаки, а Наштар, не рассчитавший силу, повалился вперед, но ему хватило мастерства развернуться, используя инерцию движения, и рубануть, пусть и не слишком точно, но все же в зону головы Эрлинггай. Но тот снова разглядел удар и, скрестив фамильный клинок Акрейлов с клирийской саблей, круговым движением отбросил его, что едва не выбило оружие из руки клирийца. Эрлинггай отошел и перехватил меч поудобнее, на этот раз не направив острие перед собой, а держа его вертикально. Ему уже было понятно состояние техники Наштара. Парень был очень притким — этому способствовала молодость, выучка, боевой опыт и в некотором роде характер. Он лихо рубился и неплохо умел бить, ловко уходил от атак, но при атаке движения его не были совершенно точны. Иногда Наштар заигрывался, слишком сильно замахиваясь и открываясь для удара, или он слишком увлекался атакой, из-за чего терял устойчивость стойки. Но противник это был крайне опасный, скорость была его серьезным преимуществом, Эрлинггай понимал, что он мог пропустить один из ударов южанина, если бы утратил концентрацию. Наштар был неплохим бойцом и мог бы победить многих местных наемников, но Эрлинггаю он ровней не был.

На этот раз инициативу перехватил Эрлинггай, шагнув одновременно с рубящим наискось ударом. Он помнил наставления Керриса Галарта, своего старого друга, о том, как нанести максимально непредсказуемый удар. Для этого было достаточно совершенно синхронно с шагом, без малейшего замаха жестко и быстро рубануть или уколоть врага. В этом тоже была главная ошибка Наштара — он всегда рефлекторно делал шаг перед ударом, что делало его атаки видимыми. Все же природное чутье позволило Наштару увернуться, откинув корпус назад и не отбив, а скорее отмахнувшись саблей от удара, точно от назойливой мухи. Эрлинггай продолжил развивать атаку, крутанув меч кверху и ударив по вертикали в голову, на этот раз Наштар уклонился и, вложив всю силу в один удар, рубанул, целя в предплечье, намереваясь отсечь врагу правую руку. Эрлинггай, разумеется, это разглядел. Он изошренно блокировал удар, поддев клинком саблю и подбросив вверх и обратным движением рубанул вниз. Острие клинка резануло лицо Наштара, пробурило глазницу, словно плуг — нераспаханное поле. Наштар вскрикнул и отскочил, свободной рукой схватившись за глаз, а другой выставив перед собой саблю. Этот жест выражал шок, отчаяние. Клириец понимал, что проигрывает бой. Потрясение от потери глаза охладило его стремление зарубить Эрлинггай самолично.

— Что вы стоите, как истуканы?! Вали урода! — верещал он.

— Ну что, скотина? — вскрикнул вдруг отошедший от недавнего оглушения Гартахол в углу, — Это ты то угрожал ослепить меня? Сам уже полуслепой, тварина!

Кто-то из прихлебателей Наштара двинул ему древком копья по голове, что заставило замолчать карателя, но не заставило сжаться и струсить. Воины, которые успели оценить по достоинству искусство фехтования Эрлинггай, не спешили вступать в ближний бой. Чуть только один из них — темнокожий человек, волосы которого были собраны в косички, занес топор и собрался самозабвенно броситься в атаку, как вдруг отовсюду полилось свечение подобное тому, которое исходило при телепортации Йоши-Року. Но, когда все вокруг прояснилось, возле саркофага стоял явно не Хранитель Хаглоры.

(Примерно в это же время)

Несмотря на свой почти что самый преклонный возраст среди хаглорианцев — самых долгоживущих разумных существ на Ранкоре, Йоши двигался в сторону крепости, в которой жил император Ганрая, не менее бодро, как шагал бы мужчины пятидесяти лет. Стража, которая привыкла бездельничать за выпивкой или игрой в карты, развалившись на стульях, лениво потянулась за алебардами, но стоило Йоши сказать:

— Ребятки, неужели вы думаете, что старик вроде меня может быть опасен? — при этих словах кристалл на вершине его посоха сверкнул зеленым светом.

— М-м-м, — протянул стражник, который как замороженный глядел какое-то время на свет, а затем произнес, отхлебнув еще браги из бурдюка, — а и чеши, зеленый! Ну и чудные же друзья у нашего императора.

С удовлетворенной улыбкой Йоши прошел во внутренний двор. Когда-то здесь был сад, но за цветами в клумбах давно уже не ухаживали, а деревья уже зачахли. Тучи на небе стали гуще и уже начинало накрапывать, но это мало могло помочь сухой земле, на которой еле-еле приживалась растительность. Старец сокрушенно покачал головой, он помнил те времена, когда в Ганрае цвели лучшие бутоны, а деревья плодоносили так, что туда съезжалась вся Аргоя, лишь бы попробовать местные фрукты. Но это было еще в те времена, когда Ганрай не был полностью подконтролен Аргое, тогда люди здесь жили богаче, а император мог позволить себе жить в роскоши. Но после того, как Силгор выжимал из Ганрая целыми потоками средства, страна не переставала катиться в пропасть. Застать Ганрай в упадке, нищете и ветхости для Йоши было болезненным, но терпимым ощущением — проживший восемь столетий маг лучше многих понимал, что жизнь на Ранкоре столь же непостоянна, как следы на песке. Дальше хаглорианца встретил церемониймейстер, который, полагая, что раз уж ему позволили пройти, значит этот тип уж точно не последний человек в окружении императора Ганрая. Вскоре он уже был в скромно обставленном зале ожидания, расхаживая возле окна, Йоши то и дело глядел на городские крыши, струи дыма из которых уже поднимались к небу. Он высматривал, есть ли на улицах какое-то оживление, но Вархул словно умер, люди либо сидели на верандах своих неброских жилищ, либо и вовсе не выходили, решив для себя, что на улицах столицы Ганрая им ловить нечего. Из главной залы вышел пожилой лакей и пригласил Йоши внутрь. Холл, в котором стоял трон императора, выглядел куда беднее аргойского, столы рядами в нем не стояли, это была всего лишь просторная комната с дощатым полом и кирпичными стенами, на которых висело лишь два гобелена — герб Аргои — двуногий лев с мечом и скипетром, а рядом — символ Ганрая — одинокое дерево, тянущееся ветвями к далекому солнцу. Многие никогда не понимали, почему ганрайцы избрали себе столь унылую символику, но с годами Йоши начал находить здесь определенный смысл — Ганрай все же веками был вассалом Аргои, но жители этой небольшой страны изо всех сил пытались сохранить свою культуру и самобытность. Несмотря на то, что они находились вплотную к границе с землями равшаров, совсем недалеко от них начинались Драконовы Горы и земли северян, с которыми совсем недавно велась кровопролитная война. Ганрайцы многого натерпелись, но они не теряли веру в будущее своей нации, в противном случае улицы Вархула давно уже совсем бы обезлюдели. Йоши всем сердцем уважал этот народ за преданность своим идеалам, поскольку в этом они ничуть не уступали хаглорианцам.

— Кого я вижу! Давненько не заходил ко мне Архимаг, — добродушным тоном, но без теплоты во взгляде произнес человек, стоявший у трона, — какими судьбами?

Император Ганрая не выглядел подобающе своему чину. Одевался он в камзол, который

зачастую носила городская интеллигенция, брюки его были заправлены в белые гетры, а его плетеные сандалии можно было найти в любой сельской лавке, в том числе и у Арстеля в Крестале. Йоши нравилась эта непритязательность в одежде, ибо не делает платье монахом, как знал хаглорианец, но это еще не значило, что император силен духом, как подобает правителю. Это говорило лишь о его скромности, либо о том, что он не находил нужным морочить себе голову с выбором изысканного наряда. Больше не правду было похоже второе, творческий беспорядок на голове и перхоть, усеивавшая плечи императора, давали понять, что заботиться о своем внешнем виде было не в его духе. Об этом говорило и легкое брюхо, вымиравшее из-под камзола, под ним уже успела порваться одна из пуговиц, которая отсутствовала, а новую пришить императору было недосуг. «Какой правитель — такая и эпоха в стране» — пронеслось в голове у Йоши.

— Ваше Величество Камайрас, — Йоши наклонил голову, но отвечать поклон и не думал, — долгих лет твоему правлению, друг мой!

Камайрас отмахнулся и подошел ближе к магу:

— И тебе, чародей, хороших... странствий. Так что тебя привело ко мне? — нетерпеливо допытывался он, — может, решим все деловые вопросы побыстрее? Я сегодня не в настроении заниматься чем-то серьезным.

Йоши саркастически усмехнулся — услышать такое от правителя целого народа было поистине забавно.

— Боюсь, придется, Ваше Величество. Знаешь, Камайрас, это ведь не мы выбираем времена, а времена — нас. Всегда что-то происходит, а события не будут спрашивать тебя, с той ли ноги ты встал, друг мой. Люди, которые собираются близ стены Вархула же не собираются спрашивать, понравится ли тебе, если они вторгнутся в твои владения?

Император был хоть и безолабарен, но вовсе неглуп. Он подал знак рукой стражу у двери, чтобы тот удалился. Если Йоши мог позволить себе не соблюдать меры предосторожности, то смертному человеку, даже императорских кровей, такая роскошь была непозволительной.

— Он мог бы и остаться, — пожал плечами старик, — если заглянуть вглубь чертогов его разума, то на предмет шпионажа ничего и не отыщешь. Скучные у тебя слуги, Камайрас!

— Я надеюсь, — император нервно переминался с ноги на ногу, — что о вторжении ты пошутил?

Хаглорианец покачал головой и изрек:

— Разум твой забит мусором, друг мой. Если бы ты избавился от лишнего и сосредоточился на своих обязанностях, не спрашивал бы меня о таком. Возле границы твоего государства собирают сторонников черные маги. Знакомо имя Арнлоуга Вархела?

Камайрас покачал головой, теребя манжету. Встреча явно была для него не из приятных.

— Ах, да, весть до тебя еще никоим образом дойти не могла. Да и сомневаюсь, что этот Эанрил вообще собирался ее посылать. Последователи Заргула сегодня вошли во дворец короля Аргои и требовали покорности императору Заргулу. Тому самому, о пришествии которого сложены легенды. Как же тебе удалось не заметить их лагерей, того, как они занимают брошенные крепости? Вархел и его сподвижники в любой момент могут атаковать. Стоит задуматься, не находишь?

— Да что я, должен на каждом полоумных богомерзких сектантов внимание обращать! — всплеснул руками в бессильном жесте император Ганрая, — а если набегут

равшары? Они могут! О, а если голодные бунты начнутся! Бунты безработных! Народ меня не любит! Кто остановит изменников, если армия пойдет искать этих чудил? Этот Глоддрик Харлауд каждую неделю шлет мне письма с требованиями выделить ему как минимум половину армии и отправить их за стену. Чем он думает — оставить короля в полном отсутствии безопасности!

Думает этот человек только о себе — было понятно сразу. Как и Эанрил Третий, при виде опасности ему было свойственно прятать голову в песок подобно страусу. Йоши от досады зажмурил глаза и устало взглянул на Камайраса:

— Вашему Величеству не приходило на ум, что маги могут быть очень сильны? Некоторые из них стоят целой армии, а у тебя она не такая большая. Чем дальше — тем больше магов, а следовательно, и простых воинов потянутся за Варзхелом. Может, ты думаешь, что если что вдруг пойдет не так — сюда телепортируюсь я, мой ученик Азилур, придворный маг Эанрила, и мы милостиво всех вас спасем? Быть может, с Варзхелом и его сообщниками мы справимся. Но Заргула мы не осилим. Уж поверь, я знаю, насколько он был могущественен. Что, если они и правда в состоянии вернуть ему жизнь?

— Да что вы от меня-то хотите, ты, Ганрайский Демон, остальные!? — вскричал Камайрас, — я не военный стратег! Почему бы тебе не собрать своих учеников — придворных магов и не раскидать этих шутов гороховых, раз уж они тебя так раздражают?

— Считаешь нас, волшебников, всемогущими? Мы не боги, друг мой. Наши силы весьма ограничены.

Йоши подошел к углу и достал метлу, которую бросил там дворцовый уборщик. Хаглорианец вытащил прут и сломал его.

— Одного легко можно сломать. Меня, например, или тебя. Скалы, даже такие высокие, как в Звездном Граде, точатся от прилива. Все имеет свой запас прочности. Думаешь, если весь народ Союза соберется в одном месте и выйдет против легендарного воина Глоддрика Харлауда, он устроит? Ну, убьет пару-тройку человек. Может, с десятков, может — сотню. Да хоть тысячу! Поток людей смятет его, сломает, как я этот сухой прут. А вот он их — ни за что. Посмотри, — он попытался сломать весь веник, — почему у меня не получается? Потому, что сила в единстве. Так говорил мой учитель. Подними свой народ на борьбу с врагами этого мира. Все, кто служат Заргулу — таковыми являются, если ты читал Книгу Трех Миров, помнишь песни, легенды. Или ты не против жить в рабстве у горхолдов?

— Мастер Йоши, я вас очень уважаю, — Камайрас вздохнул и, одернув лацкан своего камзола, продолжил, — но, мне кажется, вы гонитесь за химерами. Заргула давно уже нет, он мертв. Если от него что-то и осталось, то все это уже давно рассыпалось в прах, его по определению невозможно поднять из могилы. Мало ли, вдруг эти чародеи-безумцы только решили привлечь к себе внимание? Прославиться, мол, они посмелились угрожать самому королю. Кто их знает? Мы же с вами взрослые, мастер, — сказал пятидесятилетний человек восьмисотлетнему старцу, — лучше убедите Эанрила снизить налоги и выслать средства для поддержки дельцов. Этим вы и в самом деле спасете мой народ от обнищания и вымирания. Молодежь уже вон, начинает перебираться в Силгор. Скоро здесь одни старики со мной останутся.

— Что ты, что Эанрил! — в сердцах воскликнул Йоши, — я уверен, внутри себя вы допускаете вероятность возвращения этого демона! Но вы боитесь действовать, надеетесь, что все наладится само собой, пронесет. Не пронесет. Если не выдрать с корнем сорняки — вскоре они заполонят твой огород. Зло только разрастается, если его не остановить. Сейчас я

готов поклясться, что, если вы с Эанрилом мне поможете — мы сумеем их остановить, а Ранкор будет еще тысячелетиями жить своей жизнью. Но если Заргул вернется... Тогда я не смогу обещать, что даже силами всего мира его удастся сдержать. Подумай, сколько народу погибнет, твоего народу.

— Я понимаю, что вы, маги, любите копаться в древности и ворошить прошлое. Но настоящее превыше. И эти чернокнижники, которые, может быть, просто свихнулись от поклонения этому мертвецу, не входят в число насущных проблем. Странные люди всегда были, к примеру, в правлении моего отца в Ганрае была секта, которая учила, что весь мир — иллюзия, а настоящая жизнь где-то в другом месте, а чтобы проснуться, нужно удавиться. И люди убивали себя! Потом перестали. Ну, поговорят немного про этого Варзхела, и забудут. Заргула нет. Думайте о настоящем, мастер, я понимаю, вы многое повидали, но если хотите помочь — лучше убейте вождя равшаров, который на наши села нападает. Или перебейте головорезов в Сухих Колодцах. Они, в отличие от Заргула, реальны.

— Настоящее построено из прошлого. А будущее строится в настоящем. Подумай об этом, друг мой. Тебе ведь и в самом деле ничего не стоит развязать руки Глоддрику и дать ему хотя бы гарнизон. Просто подписать приказ, кроме росчерка пера тебе не придется ничего больше делать. Но если ты и дальше будешь рассуждать о проблемах настоящего и сидеть сложа руки — будущим Ганраем станет колониальное положение при Азроге.

Йоши скорым для своего возраста шагом удалился. Сказать ему больше было нечего, а ответы Камайраса были ему не нужны. Зачем слушать человека, который, как и Эанрил, пытается всеми силами себя успокоить?

Красные, как у вепря из одного из мифов древности, глаза смотрели на Эрлингая сквозь прорези стальной маски. Его взгляд был абсолютно лишен любых чувств, словно у дохлой рыбы или у мертвяка, столетие пролежавшего на кладбище. Туловище его было скрыто за плотной кирасой, на которой красовался герб его рода, отчеканенный на стальной пластине, — трон, который разрубал меч, видимо, доспехи принадлежали одному из феодальных родов Аргои. В руке этот человек, подумалось Эрлингаю, сложно было на первый взгляд определить его расовую принадлежность, держал длинный зазубренный клинок с кривым лезвием, но лезвие смотрело в пол. На Эрлингая он направил алый кертахол, светящийся тем же цветом, что и его кровавые глаза. Одну руку в латной перчатке он положил на саркофаг. Эрлингай сразу же узнал Варзхела.

— Снова здравствуй, Варзхел! Значит, ты заправляешь делами этого клана. То-то они напряглись, когда я тебя помянул. А тут ты, легок на помине, — Эрлингай пытался держаться уверенно, словно он все еще держит все под контролем и припас пару тузов в рукаве, но его пробрала дрожь, по спине пробежал холодок.

— Здесь посторонний, — прозвучал его голос, приглушенный забралом.

Его тон был бесстрастен, темный чародей лишь констатировал факт. Эрлингай решительно не знал, как ему поступить, он мог бы перефехтовать всех бойцов в этом доме, но магии противопоставить мастеру меча было нечего.

— Да мы не знаем, откуда это отродье всплыло! — в истерике выпалил Наштар, — он убил моего брата, Варзхел, позволь мне исполнить обычай кровной мести.

У южан был обычай убивать любого, кто посмел причинить вред близким или друзьям при условии, что вину человека могли подтвердить очевидцы. Только Желторотый сам напал на Эрлингая с ватагой преступников, а в случае самообороны кровная месть не была

уместной. Наштар понимал это, но он привык считать себя хищником среди овец — окружающих его людей, человеком высокого сорта, тем, кто смог выжить и своими силами пробиться на вершину. Его злоба к Эрлинггаю заключалась больше в том, что последний поставил под сомнение его авторитет, бросил вызов страху, который сковывал остальных перед лицом Наштара Лихача и клана Поющих Ветров и спокойно позволил себе убить мужчин из этой шайки и даже не думал показать страха или сомнения, что он ошибся, подверг свою жизнь опасности. Непоколебимая уверенность Эрлинггая в своих действиях и силах еще больше выводила из себя Наштара. Она наводила на мысль о том, что можно втоптать в землю все, что создал и добился жестокий клириец, пусть он все это сколотил и чужой кровью и жизнями. Убийство брата было лишь вторичной причиной желания Наштара зарезать Эрлинггая, в глубине души он и сам это понимал.

Варзхел отсутствующим взглядом оглядел трупы, словно на мусор, который нужно убрать и, полностью игнорируя скорее жалобную просьбу, чем требование Наштара, обратил взор на Эрлинггая:

— Кто тебя сюда перенес? Я видел тебя в Силгоре, Эрлинггай Львиный Рев, ноги бы тебя так быстро не перенесли.

— Уверен? — улыбнулся Эрлинггай, — а знаешь, в юности я часто побеждал на забегах.

Гартахол в углу усмехнулся. Он был весь внимание — карателя восхищало бесстрашие Эрлинггая перед лицом смерти. На его месте он бы мог впасть в панику и попытаться убежать. Вот только при малейшей попытке побега Варзхел бы не оставил от Эрлинггая и мокрого места — сила мысли, вызывающая заклятие, быстрее любого бегуна.

— Слушай, я же все равно скорее всего сегодня умру. Может, скажешь, кто покоится в этом гробу? — спросил Эрлинггай.

Рыцарю Аргои было и в самом деле страшно умирать. Он мысленно себя проклинал за поспешность, за то, что он пришел в обитель клана Поющих Ветров без Йоши. Недальновидно было исключать возможность появления магов среди врагов. Уповать оставалось лишь на чудо. «Даруй мне шанс, Господи, — мысленно произнес Эрлинггай, — прости мне прегрешения».

— Тот, кто по праву достоин править этим миром — император Азрога и Ранкора Заргул, — ответил Варзхел, перехватив посох-клинок и воздев лезвие к потолку, — Эрлинггай, ты можешь быть полезен нам. Необязательно умирать. Преклони колени перед останками моего хозяина — и ты отправишься с нами, принесешь победу повелителю и получишь шанс на новую жизнь в лучшем мире. Его мире.

Внутри Эрлинггая разгорелось искушение. Быть может, стоит обмануть его? Соврать, что согласен, а затем — сбежать? Не выйдет, подумал он, чародеи способны читать мысли или как минимум определить, искренен ли в словах человек. Быть может... Он тут же готов был сам себя ударить изо всех сил так, чтобы искры из глаз посыпались. Он, Эрлинггай, верующий человек, только что обращался к Богу, а сейчас к нему лезут мысли о том, чтобы примкнуть ко врагу творения Божьего — этого мира, лишь бы спасти шкуру.

— Подавись костями своего повелителя, железная бошка, — Эрлинггай удивился, с какой легкостью из него вылетели слова, которыми он только что подписал себе смертный приговор.

Варзхел фальшиво рассмеялся. Этот человек давно научился испытывать эмоции, как бы он ни старался оживить себя, изображая их.

— Уважаю твой выбор. Это будет быстро. Но не безболезненно!

Кертахол у рукояти загорелся, и Эрлинггай взмыл в воздух, точно его подхватила какая-то невидимая рука. Он не мог и пальцем пошевелить, тело словно сковало.

— Ну и ну, Варзхел! Ты что, пытаешься научить Эрлингга летать? — послышался сзади знакомый голос, — разве он похож на флорскела? На дракона? Даже на курицу не тянет. Боюсь, ему не дано парить в воздухе.

Сила, удерживающая Эрлингга в воздухе, в один миг исчезла, и он свалился на пол с высоты трех метров. Эрлинггай больно ушибся локтем и коленом, но остался жив и здоров. Краем глаза, возле которого он заработал ссадину только что, он заметил Йоши, который ловко, несмотря на почтенный возраст, спустился с лестницы и ступил на пол. Он даже не опирался на посох, лишь держал его перед собой наготове.

— Было опрометчиво с твоей стороны, Эрлинггай, не уведомить меня о столь опасном предприятии, — Йоши покосился на распластанного на полу воина, — разве я говорил, что переговоры будут долгими?

— Учитель? — прогудел Варзхел, — может, ты и сумел спасти его, но ты не в силах помешать нашему плану.

Саркофаг обволокла пелена дыма. Завеса сгущалась с каждым мгновением. Глаза Варзхела заискрились, а кертахол его ослеплял своим сиянием. Йоши собрался развеять его заклятие и применить технику удержания, как вдруг несколько клирийцев расвирипело и накинулось на Эрлингга, которая невидимая сила снова опрокинула на пол и придавила к нему. Старик стоял перед выбором — дать умереть Эрлинггаю, но задержать Варзхела с телом императора, которое он уже успел разглядеть, прозревая сквозь материю гроба, либо спасти Эрлингга, но тогда Варзхел непременно уйдет, а останки Заргула перехватить будет намного сложнее. Если бы на месте старого хаглорианца стоял Алагар, безусловно, он бы допустил меньшее зло во имя спасения мира от возвращения Заргула. Но Йоши-Року слишком ценил любую жизнь, чтобы позволить себе жертвовать Эрлинггаем. Да и он был уверен, что при случае удастся перехватить тело императора впоследствии.

Глаза обезумевших клирийцев горели огнем — действовало заклятие Варзхела, подчинившее их умы, отдавшее им приказ убить Эрлингга. Они вспыхнули, как горячее масло, заклятие подчинения сразу же было сломано. Как только бандиты, полыхавшие неугасимым огнем, повалились на пол, заходясь в воплях и катаясь по коврам, тщетно пытаясь погасить пламя, Варзхел и саркофаг исчезли, вместе с ними исчез и Нашгар, лишившийся глаза, который вовремя успел добежать до телепортирующегося Варзхела. Глядя на обуглившиеся тела своих товарищей, которых так легко пустил в расход Варзхел, остальные члены клана Поющих Ветров устремились к выходу. Хаглорианец мог убить их всех силой мысли, но не стал, он хранил надежду на то, что со временем они вернуться на истинный путь и заживут, как порядочные люди. Одного из них он все-таки остановил — кертахол засиял, и коротко стриженный темнокожий воин застыл на месте, словно каменный. Его лицо было перекошено от страха за свою судьбу и досады, что ему одному не удалось покинуть дом.

— Не так быстро, друг мой. Ты ведь должен знать столько интересного и полезного для нас.

— Мастер Йоши, — отряхивая колени, поднялся Эрлинггай и пошел за своим мечом, — я уже приготовился отправиться к праотцам.

— Еще успеешь, друг мой! А пока что ты нужен здесь. Варзхел не станет нас ждать.

— Зачем, мастер? Вы могли остановить его и сорвать все их планы, сил у вас бы на это

хватило. Разве я того стою? Теперь, быть может, они его воскресят из-за меня и погибнет множество людей и остальных.

Йоши нахмурил брови. Маг понимал, что Эрлинггай был прав. Но он не мог позволить себе брать на душу грех, если бы Эрлинггай погиб здесь от рук Варзхела. Он был готов взять на себя ответственность за последующую поимку своего ученика-отступника, а также принять всю тяжесть вины в случае провала. Но если можно было спасти Ранкор, избежав жертв, Йоши не мог забраковать попытку.

— Ты понадобишься в строю, Эрлинггай, — сказал Йоши, подняв палец кверху, подчеркивая важность своих слов, — таких мастеров искусства боя, как ты, можно пересчитать по пальцам во всем мире. А если ты обучишь тому, что знаешь, многих солдат, то даже если Заргул вернется, у его армии не будет и единого шанса, а у этих неофитов Варзхела — и подавно.

Он немного покривил душой, поскольку знал, что времени, в случае пришествия Заргула, оставалось крайне мало, а на достижение мастерства требовались долгие годы тренировок, поэтому ни один учитель не сумеет за такой срок подготовить бойцов уровня Эрлинггай или Глоддрика, тем более, целую армию. Гартахола ослепила вспышка от телепортации Варзхела, но он быстро пришел в чувство и не успел он попросить развязать путы, как они лопнули сами собой после одного мановения рукой Йоши.

— Друг мой, ты, как я вижу, из карателей. Не согласишься сопровождать нас в Гилеарде?

Не успел Гартахол и слова сказать, как они вместе с пленником хаглорианца перенеслись прямо во внутренний двор центральной крепости в стене Вархула.

Глава 7: «Перестройка»

После столкновения с адептами Заргула прошла неделя. И за эту неделю очень многое в селении успело перемениться. Отношение к Алагару и Братству Уравнителей повернулось в совершенно противоположную сторону — практически все жители деревни, кроме Мурвака, начали им доверять, увидев, что сам их лидер поспособствовал обеспечению безопасности их дома. За это время за стеной селения было отстроено целое кольцо барачков — небольших построек из дощатых бревен, в которых жили сподвижники Алагара, вырыт ров и поставлен частокол. Строительство во многом ускорило участие магии в процессе работы — Радхалл Бескровный легко левитировал бревна в десять раз длиннее самого себя, Алагар тоже не чурался грязной работы, одной энергетической волной разрезая целые охапки бревен на доски, поднимая в воздух силой мысли их с гвоздями, веревками и за полминуты строение само собой складывалось из материалов по образу и подобию мыслеобраза, мелькнувшего в голове красноволосого колдуна. У людей Алагара было много оружия, им они охотно поделились с местными, теперь у каждого мужчины в селении была в доме кольчуга, копье или, если повезет, двуручный меч. Алагариты многому успели научить жителей Крестала. Каждый день их учили сражаться, ведь на случай повторной атаки на Крестал, если заявятся и маги, поклоняющиеся Заргулу, Алагар не сможет в одиночку перебить кавалькаду латников или пеших воинов, а его соратников может оказаться недостаточно, поэтому была необходимость во всей боевой силе, которую мог предоставить Крестал. Брок показывал им искусство владения мечом. Отбросив один из своих фальчионов, оставив один в руке, он учил мужчин, как делать самые простые удары и блоки, как двигаться в бою. Тренировочное оружие достать было просто — алагариты вместе с местными жителями нарубили палок и толстых корней в мелколесьях, окружающих Крестал. У Арстеля, со слов склонного к порывам энтузиазма парня в бандане — Брока, получалось неплохо несмотря на то, что он никогда не брал в руки никакого оружия, разве что кроме кухонного ножа. Арстель хорошо умел чувствовать свое тело, он обладал неплохой координацией. В тренировочных боях с Хельдом он постоянно выигрывал. У флорскела, напротив, получалось неважно — удары у него выходили слишком размашистыми, реакция была почти такой же, как у деревенского забора, да и равновесие он постоянно терял. К тому же, если Арстель был довольно терпеливым в тренировках и усидчивым, то у Хельда интерес быстро пропадал, и он либо начинал действовать на нервы Броку и остальным своим нытьем, либо начинал валять дурака, позируя и кривляясь, либо просто уходил с тренировочной площадки в самом разгаре тренировки, не говоря ни слова. Плотник Глыба со здоровенным дрыном в руках в спаррингах был опасным противником, вот только ловкости ему явно не доставало, а сила не всегда это компенсировала. Мурвак же наотрез отказался от тренировок, сказав, что уже владеет боевыми навыками, а те, кто принудит его к жалкому сборищу недоносков, машущих палками, могут испытать на себе его старый добрый топор. Остальные селяне медленно, но верно приобретали базовые навыки ведения боя — шагать строем они научились быстро. Шойрил устроил импровизированное стрельбище, смастерив на скорую руку мишени из соломы и ветвей — лучшим стрелком показал себя староста Кёрк. Гримбла и Шаабан помогали в тренировочном процессе не меньше. Хельд не нашел в себе талантов воина, но в полной мере реализовал себя как трактирщик — от клиентов отбоя не было, алагариты часто зависали у него в зале, а селяне сразу привыкли к сурового вида воинам, громко

обсуждавшим политику Союза и стратегические планы Алагара, и загадочным магикам, шепчущимся о чем-то более сакральном. Жители деревни начали доверять Алагару и его людям, но не сразу были готовы принять его взгляды и присоединиться к движению, возглавляемому им. Тем не менее, они были признательны за покровительство Братству Уравнителей — часовые на стенах несколько раз замечали своры равшаров, топтавших в окрестностях селения или людей в темных балахонах, останавливавшихся среди холмов. Заявлять о правах императора на эти земли они более не пытались, заметив резко возросшую военную мощь неимоверно слабого еще совсем недавно Крестала. Это оказалось благодатной почвой для сеяния Алагаром зерен своих убеждений в умы селян. По вечерам, после дневной работы, тренировок или строительства новых барачков, оружейных,ковки оружия, он проводил собрания, на которых обсуждал дальнейшую судьбу Братства Уравнителей и жителей Крестала. Волшебник убеждал людей в том, что король Аргои не сумеет их надлежащим образом защитить от притязаний союзников Заргула на их жизни и землю. «Лишь огонь вашей страсти, заложенное природой в сознание стремление к свободе и мужество спасет от угрозы. Еще могущественнее делает вас единство — вы уже, без сомнений, ощутили значительно возросшую близость между собой при возведении оборонительных сил, — разглагольствовал он, по привычке закинув на плечо посох, расхаживая в центре толпы, собиравшейся возле фонтана на торговой площади — той самой, где располагались лавки ремесленников, в том числе и Арстеля, — будьте уверены, что я уже успел духовно породниться с вами и любого готов принять в ряды своих братьев и сестер!» Он нарочито подчеркивал слова «братьев и сестер», показывая, будто воспринимает своих людей, как равных, но на деле он непрестанно давал им распоряжения и, хотя внимательно выслушивал идеи и предложения каждого, далеко не все считал разумными. Арстель, любивший больше слушать, чем говорить, заметил свойственную Алагару черту при изложении своих идей обращаться к опыту слушателей, их жизненным условиям и прочему, пытаясь вплести в этот контекст свои воззрения, а точнее, необходимость следования им. Таким образом люди постепенно начинали мыслить так, словно по собственному выбору находят полезными рассуждения Алагара, а не находятся под процессом вербовки рекрутов — Алагар неоднократно заявлял, что на Крестале не остановится и направится в еще несколько селений Аргои и Ганрая, а затем проникнет в Бёрнфилд и Братство Уравнителей поглотит и его. После этого, утверждал он, у Эанрилы Третьего уже не будет возможности игнорировать существование поистине свободных жителей Союза.

— Вы всю жизнь сидите здесь и ведете однообразную жизнь, точно шестерни в часовом механизме, — часто вещал Алагар, — уверен, многие из вас мечтают попытать счастья в Силгоре, Бёрнфилде, Казариле. Арстель, возможно, своим опытом и знанием создал бы целый сапожный картель! Но вы не можете, потому что знаете, что вас там ничего не ждет — все уже расхвачано этими дворянами, вельможами или хитрыми дельцами, которые держат в своих карманах королевский двор и гвардию. Арстель не сможет даже лавку свою там открыть, ведь целые мануфактуры, в том числе и башмачные, принадлежат графу Монсераду! А вы здесь при чем? Все эти люди говорят, что добились всего сами, а вы слабы и ленивы, поэтому не заслуживаете места под солнцем. Они вас недооценивают. Эти толстосумы говорят, что счастье нужно выбить? Что ж, пусть отобьют свои незаслуженные богатства! Железный кулак народа, отдавшего все свои силы, всю свою боль служению государству, щедрому к негодяям, но безразличному к преданному простонародью, этот кулак сметет все их гарнизоны и их самих. Вы видите, что всего за считанные дни наша

мощь возросла настолько, что теперь поклоняющиеся Заргулу безумцы понимают, что им себе дороже соваться в Кристалл. Представьте, какова будет мощь Братства Уравнителей, если присоединить к нему еще с десятков таких селений и крупные города, даже без Силгора. К тому же, среди братьев и сестер принято делиться опытом, обмениваться знаниями — многие из нас умеют хорошо сражаться и сведущи в магии. А если обучить этому народ? Даже сам Орден Магов, возглавляемый Хранителем Хаглоры, уступит нашему могуществу!

Замечая огонь веры и жажду жизни, разгоравшуюся в глазах селян, хватавшуюся за сердце Карен, у которой на глазах наворачивались слезы, Глыбу, что нетерпеливо хрустел пальцами, словно уже был готов вступить в бой с армией угнетателей, он воодушевлялся и начинал сыпать все более и более изощренными образами, пытаясь показать всю несправедливость общественного порядка в Союзе. Это подействовало на многих, в том числе и на Хельда, внезапно определившегося, в чем могут заключаться его способности. Он был единственным из селения, кто решился вступить на магическое поприще, к тому же и в столь зрелом возрасте — тридцати двух лет. Он уговорил Радхалла Бескровного показать, как высекать узоры на палке, срезанной с дерева, утверждая, что спрашивает чисто из любопытства. Когда полноватый бородач сказал ему, что, отрезая от дерева его часть, следует быть предельно уважительным и попросить у дерева на то соизволения, Хельд зашелся диким хохотом и разыграл целый комедийный номер с хаглорианцем Йору-Клиа, кожа которого все еще походила на древесную кору.

— Слушай, чурбак ты мой дорогой! — крылатый никак не отставал от него, — у тебя случайно не найдется лишней конечности, которую я мог бы навсегда позаимствовать в магических целях? Свой фаллический отросток предлагать не надо, мне почему-то кажется, что он и мизинца на моей ноге короче!

Йору-Клиа шутить не думал, лишь произнес:

— Духи тебя покарают.

Алагар, заметив Хельда, старательно вырезавшего жезл из старого вяза, росшего рядом с таверной «Желудок Дракона», одобрил его стремление и подарил один из кертахолов, носимых с собой про запас, пожелав удачи в начинаниях флорскелу.

Юкиара, узнав о попытке Хельда изучать магию, пришла в неистовый восторг, надеясь, что у нее появится первый ученик — к удивлению Арстеля и Хельда, она была в этом весьма опытной.

— Я специализируюсь на иллюзиях, — сказала она, — вот такая-растакая ведьма. Вообще есть множество направлений в магии — боевая, целительная, иллюзии, призыв духов, разного волшебного оружия и прочее, зачарование брони и обыкновенного оружия и много всякой всячины. Ах, Хельд, я так рада, что могу чем-то тебе помочь! Я уверена, тебе понравится, магия вообще интереснейшее занятие. Обещаю, буду объяснять как можно понятнее и увлекательнее.

— Я согласен, но при одном условии! — отвечал Хельд, — оценки ниже «хорошо» мне ставить категорически воспрещается. В церковно-приходской школе я был отличником и не собираюсь опускать планку!

Юкиара смеялась и дружески толкнула Хельда, чем вызвала неосознанную ревность Арстеля. Он осуждал себя за это чувство, Арстеля с ранних лет научили, что собственничество и ревность — это формы алчности. Но ему было обидно, что девушка, которая ему в самом деле приглянулась, уделяла больше внимания его другу, чем ему. Однако он искренне радовался за товарища, нашедшего себя в новой роли — роли мага и

приступившего к своему развитию.

— Вот видишь — даже этот недотепа пытается как-то изменить себя, — говорил Арстелю библиотекарь Клуатак, — а ты так и будешь чинить сапоги?

— Нечестно, я ведь тренируюсь вместе со всеми! Это разве не считается за развитие? — протестовал Арстель.

— Да, но ты это делаешь лишь потому, что так надо, ведь так делают все. А вот твой друг пошел против течения и нашел именно свой путь.

— Ты старше и мудрее меня, Клуатак. Может, ты можешь как-то меня направить?

— Дружище, — хлопнул сапожника по плечу библиотекарь, — для начала перестань бояться выходить из привычных условий, пробей свою скорлупу и попробуй почувствовать и увидеть этот мир со всех сторон. Ты хотя бы подойди к этой ганраянке! Ну, той, что учит Хельда нашего ненаглядного. Я же вижу, как ты ее раздеваешь своими глазами, — смеясь, старик добавил, — эх, повезло тебе, что я уже не в том возрасте — глядишь, и увел бы ее у тебя из-под носа!

Хельд и в самом деле увлекся изучением магии. Юкиара была отличным учителем — она никогда не повышала голоса, не теряла терпения и не бранила Хельда за непроходимость, которая порой овладевала им, когда дело касалось изучения теории. Началось обучение с овладения энергией, которой пронизан, по словам Юкиары, весь мир, земля, воздух, вода, живые существа. Юкиара учила его ощутить связь с космосом и землей, впитывать в себя энергию из них и проводить через себя, служа не повелителем этой могущественной силы, а ее проводником. У Хельда поначалу не получалось ничего ровным счетом. Алагар, проходящий мимо, ненадолго присел на валун, ему было интересно обучение новичка, тем более столь неординарного.

— Алагар, соизволишь ли поделиться знанием, нужен ли природный дар для становления великим чародеем, или тяжелого труда достаточно?

— Терпение и труд все перетрут, — отвечал Алагар, улыбаясь так, словно наслаждался своим превосходством или же тем, что обладает бесценным опытом для совершенно неумелого Хельда, — но задатки, безусловно, многое решают. Но об этом думать не следует — множество исходов здесь возможно. Некоторые настолько одарены, что за несколько лет становятся великими колдунами. Другие же раскрываются постепенно, спустя годы. Некоторые, не слишком талантливые, тренируются медленно, неспешно, и спустя десятилетия, ближе к концу своей жизни, достигают определенного умения. А вот другие, более упорные, серьезно подвергают себя опасности жестокими тренировками по овладению потоками энергии, с которыми их тело, лишённое природных способностей, может не справиться — тогда все решает случай, либо организм к этому приспособится, либо мага ждет печальный конец. Догадываешься, сколько учеников терпели неудачу? Желали магами стать многие. Но моих коллег на всем Ранкоре, не неофитов и учеников, а настоящих магов, мастеров, достигнувших конечной цели пути, едва ли полсотни наберется, а то и меньше.

Пытаясь управлять энергией, Хельд часто бросал посох и пытался делать руками замысловатые движения, бормоча несурезицу, имитирующую заклинание, на языке, только что им придуманном. А затем выкрикивал, что жаба, прыгающая неподалеку, должна вот-вот превратиться в дракона. Юкиара заливалась хохотом и хлопала в ладоши Хельду, утверждая, что такого уровня мастерства даже от Алагара не видала. Как-то она ему объяснила, что вовсе не каждому магу нужен посох или жезл с кертахолом, чтобы управлять

потоками энергии — самые сильные кудесники использовали свое тело в качестве проводника, но для этого был необходим особый уровень отношений с этой силой, ведь для неподготовленного мага это могло вызвать перенапряжение, губительное для организма, ведь, не обеспечив правильное протекание энергии, чародей рискует, что она разрушит его изнутри. Дерево и кертахол служили проводниками, которые предохраняли мага, облегчая проток энергии в его теле. К чести Хельда, стоит признать, что он был весьма старательным учеником — магия была интересна ему. До этого он лишь грезил о Хаглоре, чудесах, которые он мог бы творить, как он встал бы вровень с величайшими кудесниками Ранкора, а возможно, стал бы первым архимагом не из рода хаглорианцев. Но, оставаясь трактирщиком, и стараясь меньше думать о грядущих успехах дабы не отвлекаться от текущих задач, он самостоятельно дни напролет медитировал, держа перед собой вертикально посох. Чем сильнее он сжимал древко, тем меньше он ощущал связь с энергией. Вспомнив о словах Юкиары, где она говорила, что следует стремиться проводить сквозь себя эту силу, отдавая себе отчет в том, что он не могущественен сам по себе, лишь только силы вселенной и этого мира открываются перед ничтожным смертным существом. Любой маг знал, что энергия, из которой соткана материя, дух и творится магия, вечна и абсолютна — она не создается и не исчезает, а маги, даже самые сильные, лишь песчинки, мухи по сравнению с нею. Хельд хорошо это ощутил на себе. На третий день занятий он испытал нечто вроде провидения. Медитируя, он полностью очистил свой разум, расслабился, представил свой посох чем-то вроде древнего обелиска, сквозь который струится немыслимая сила, вроде Священного Древа равшаров, которое связывает их землю с бесчисленными душами их предков. И вдруг его прошиб пот — сквозь тело Хельда хлынул такой мощный энергетический поток, что он ощутил себя летающим в бескрайних просторах вселенной. Он чувствовал себя безгранично могущественным, словно мог разрушать и созидать миры, галактики одним щелчком пальца. Открыв глаза, флорскел увидел, что он парит в метрах пяти над землей, хотя летать сроду не умел — его крылья были однажды сломаны и неправильно срослись, что после не могли поднять тело в воздух. Изумившись, он потерял всяческий контроль и грянулся оземь, однако это чувство, что он словно наэлектризован, словно он покинул свое ограниченное смертное тело и слился с этим абсолютом — источником всей энергии, материи и духа, не покидало его. Когда он рассказал об этом Юкиаре, она захлопала в ладоши и даже подпрыгнула от радости, с восторженной улыбкой сказав своему ученику, что он начинает пропускать сквозь себя ману и контролировать ее. Следующими их занятиями были простейшие заклятия вроде левитации небольших камней, которых, благо, лежало больше, чем грязи. Хельд, понявший принцип, по которому маг вступает во взаимодействие с маной, за несколько дней научился левитировать камни не тяжелее одного килограмма и часто шутил, силой мысли швыряясь ими в односельчан, убеждая их, что он здесь вовсе не при чем, а кто кинул — не видел.

Однажды, собравшись с духом, Арстель решил последовать совету старого библиотекаря и заговорил с Юкиарой. Они, он смел надеяться, нашли общий язык, но в последние дни мало общались — Арстель был занят тренировками и сапожной работой, помогал возводить баррикады и создавать простейшее оружие, Юкиара же учила Хельда основам магии и занималась той же помощью в создании оборонительных сил, правда она больше занималась расставлением целительных палаток и сбором трав, которые могли бы пригодиться пострадавшим в случае нападения приспешников Заргула. Насчет трав она предупредила Хельда, что вскоре ему предстоит довольно занудная работа — вызубривание целебных трав и прочих, которые, к примеру, могут воздействовать на сознание мага в целях расширения

его духовного опыта. Каждый чародей, по ее словам, обязан был владеть подобным материалом.

— Почему вы не можете лечить и управлять разумом собственными силами, используя ману? Не понимаю, — отвечал Хельд, — или, быть может, каждый маг — одержимый и вы лишь прикидываетесь всезнающими и всемогущими мудрецами, а на деле вам лишь только хочется выкурить дурманящей травы?

— Я несколько раз пробовала это, — ответила Юкиара, — что скрывать!

— Так вот почему ты всегда навеселе! — воскликнул Хельд, — а поделишься?

— Да шучу я! — рассмеялась она, — может, я и курила когда-то, но точно не такое.

Если говорить начистоту, то курение трав, вызывающих галлюцинации, ради удовольствия — это путь слабости, саморазрушения. Мы же, чародеи, используем специальные отвары с целью общения с духами, например, или же ускорения работы разума. Они безопасны для организма, если использовать в меру. Но если мага-ученика уличат в пагубных пристрастиях, которые ты упомянул, — учитель обязан отказаться от него. Так что не балуй, братишка!

Она никогда не становилась заносчивой и не ставила себя выше Хельда лишь потому, что он не знал того, что знала она. Флорскел обнаружил, что при ее методе обучения, когда учитель общается с учеником на равных, полон юмора, терпения и дружелюбия, куда легче увлечься предметом обучения. В конце недели Хельд, уже наловчившийся поднимать камни средней величины, хоть и по одному, решил сделать перерыв и работал на полную катушку в «Желудке Дракона». Он решил сэкономить время и усилия в обслуживании клиентов за счет магии — теперь в его таверне увидеть летающие в воздухе бутылки эля, кружки, куриные ножки с тарелками было привычным делом. По правде говоря, новичок часто не управлялся с заклятием, из-за чего посетителям часто на голову выливалось пиво и прочие угощения — как-то Мурваку в лицо удачно прилетело сырое яйцо, капли яичного белка упали даже на платье Карен, которая сказала, что в следующий раз при походе в таверну наденет фартук и посетовала, что другого питейного заведения, кроме забегаловки безумного крылатого, в Крестале не было, а Мурвак сказал, что, если продолжится в таком духе — он бросит рубку леса и отождмет у Хельда его заведение как компенсацию за ущерб. Алагар же, хоть он и не ходил в таверну — ему всегда приносили еду в один из барачков, прознав о нетривиальных методах тренировок Хельда, посетовал, что при столь несерьезном и неуважительном к священному искусству подходе маг из него никакой не получится. Юкиара отвечала, что до владения магией на серьезном уровне Хельду еще очень далеко, поэтому это могло сойти пока что за безобидное увлечение. В один из таких дней, когда «Желудок Дракона» был забит до отказа, пока члены Братства Уравнителей и селяне тренировались на поляне, строили укрепления или выпивали на природе, разговаривая за жизнь, Арстель решил прогуляться за стенами деревни. На всхолмье, он заметил там одиноко стоящую Юкиару, что, облокотившись о ветвистый дуб, любовалась закатом. Брата с ней не было — он учился владеть мечом на тренировочной площадке. Арстель уже собрался вернуться в деревню, пока она его не заметила, лишь бы не нарушать ее покоя, но снова вспомнил слова Клуатака. Разве плохо пообщаться с человеком, который тебе интересен, тем более, если он сам не против того? Арстель взбирался по тропинке и приблизился к Юкиаре.

— Арстель? — луч солнца, пробившийся сквозь лиственную крышу над их головами, осветил часть ее лица, не тронутую шрамом, — вот это совпадение. А я думала, что только я и прихожу сюда.

— Крестал, понимаешь, моя малая родина, — сказал Арстель, — я здесь каждую яму,

каждый угол, каждую околицу знаю.

— Как это хорошо, — ее лицо осветила счастливая улыбка, девушка искренне радовалась за Арстеля, — хотела бы я тоже иметь свой дом, а не скитаться всю жизнь с места на место. Тебе очень повезло, Арстель. И мне жаль, что с нашим приходом и явлением прислужников Заргула ваша жизнь пошла под откос.

Арстеля удивили ее слова. Сапожнику казалось, что эта кудесница-иллюзионистка всем довольна и ничего, кроме вольной жизни, ей не требуется.

— Юки, но ты же столько всего видела — побывала во многих местах Союза, пока я не вылезал из села. У тебя столько верных боевых товарищей, а сама ты тоже многое можешь. Я живу скучной жизнью, а о приключениях читаю лишь в книгах, живу чужой жизнью, а ты живешь своей, настоящей.

— Арстель, — она помотала головой, — настоящая жизнь совсем не похожа на вымысел из книг. Да, я доверяю многим из окружающих меня людей, и я счастлива, что мой брат в безопасности, рядом со мной, но очень хотела бы знать, каково это — иметь свой дом. В юные годы нас с братом носило по улицам Вархула, мы были одни в этом мире. Ах, не знаю, интересно ли тебе было бы слушать эти истории. Хорошего там мало, а я бы не хотела портить тебе настроение.

— Ты можешь поделиться всем, чем сочтешь нужным, Юки, — сцепив ладони у груди, сказал Арстель, — я не буду ни выпытывать, ни осаживать тебя. Но мне интересна твоя история. Видно, что ты не понаслышке знаешь эту жизнь, она тебя потрепала. Но при этом ты не утратила оптимизма, жизнелюбия. Это меня восхищает. К сожалению, видел очень мало людей такого рода.

— Арстель, ты полегче, а то меня на слезу пробьет, — усмехнулась Юкиара, — мы ведь совсем еще мало знаем друг друга. Хотя я очень даже не против узнать тебя ближе!

Арстель, немного смутившись, промолчал, он не нашелся, что на это ответить. Разумеется, она с ним заигрывала. Но всерьез ли это было произнесено, Арстель понять никак не мог.

— Да я шучу, — она игриво пригладила выбившуюся прядь волос и заговорила снова, — хотя, в каждой шутке есть... Ладно, о чем это мы? Ах, да, о моих ранних годах. О том, как мы жили в Вархуле, я и вспоминать не хочу. Скажу лишь, что той жизни и врагу не пожелаешь. Голод и отсутствие дома — ладно, иногда я воровала, чтобы прокормить маленького брата, порою мы ночевали в заброшках или в коммунах, где жили нищие. Временами нас подкармливали добрые люди. Попадались и разные ублюдки. К примеру, лет в пятнадцать я пыталась украсть батон хлеба для Сангельса. Ему было шесть. Я пробралась в пекарню и стырила один целый каравай. Но на свою беду задержалась немного, чтобы подкрепиться самой, я была очень голодна. И тогда пришли подмастерья местного пекаря. А они? А что они? Повалили, порвали одежду, били, пинали. Тогда я впервые поцеловалась, правда, с раскаленными углями в печи, — она усмехнулась, — по мне видно, не правда ли? Нет, ты не подумай, что я жалуясь, как несправедлива жизнь. Наоборот, я хочу подбодрить тебя. Я вижу, что ты словно потерял, ты не знаешь, стоит ли тебе ловить птицу своего счастья в большом мире, боишься, что потерпишь неудачу. Так вот, мои неудачи окупилась сторицей. За все лишения, перенесенные нами с братом, Бог щедро нас вознаградил. Тем парням было мало меня изуродовать и избить — они хотели и излить в меня излишки своего семени. И им почти удалось это, если бы не появился тот, кого боятся самые конченные преступники Ганрая. Глодрик Харлауд, услышав крики, удары и мои мольбы, явился. Я

надолго запомню его перекошенное от ненависти лицо. Он отлично понимал меня, сам, как я позже узнала, вырос на улице. Ох и устроил он там... Двое сразу узнали его и кинулись опрометью оттуда. Последнему повезло меньше — Глодрик схватил его за шиворот и что было силы швырнул об стену. Там был какой-то котел с варящимся супом, и он облил парня кипятком. Жуть. Я кричала, просила его остановиться, но он и не думал слушать. На этого человека иногда находит такое, знаешь, состояние жажды крови, когда он не чувствует ничего, кроме чешущихся кулаков. Если бы я была магом уже тогда! Может, я смогла бы вылечить беднягу? Он, может, и был негодяем, но такой участи не заслужил.

— А ты? Ты разве заслужила?

— Еще как! — улыбнулась она без тени злобы, — если я так облажалась и попалась на воровстве, надо было расплачиваться. Ты не подумай, что я такая, нет. Я бы и не подумала красть, но мой брат... Пришлось послать свое благородство подальше.

Юкиара запустила руку в поясной мешок, достала оттуда щепотку курительной смеси и листок дешевой бумаги. Взглянув на Арстеля, она игриво улыбнулась и нарочито соблазнительно облизнула краешек бумаги, свернула самокрутку и прикурила.

— Что, считаешь это неправильным? — поджала губы Юкиара, и ее лицо приняло жалобный вид, — или расскажешь наставнику, какая я плохая?

Арстель смотрел на нее, выпучив глаза, но удивлялся он не тому, что его знакомая курила. Этой вредной привычкой часто грешили люди, которым довелось жить на дне, стоило порадоваться, что Юкиара не была склонна к пьянству. Он удивился тому, что подошла она самокрутку одним щелчком пальцев. Огонек сверкнул всего минуту, отразившись бликом в глазах девушки и молодого сапожника, но это, без сомнений, было колдовством.

— Нет, конечно, не моя задача учить тебя, что делать.

— Я что, совсем безразлична тебе?

Арстель уже поднял руки в примирительном жесте, но Юкиара шутливо толкнула его.

— Расслабься уже! Это шутка, не более того.

— Понимаешь, я все никак не могу привыкнуть к этому. Тридцать лет топчу Ранкор, и все это время о магии я только слышал от других или читал в преданиях старины. Но со дня появления вашей общины в нашей деревни наша жизнь буквально пронизана волшебной силой! Мастер Алагар легко раскатал налетчиков своими молниями, вы левитируете огромные бревна, строя целые баррикады, а теперь ты прикуриваешь с помощью владения стихией огня. Моя жизнь никогда не была такой...

— Перевернутой вверх тормашками? — подмигнула ему Юкиара.

— Я бы выразился иначе, скорее, сказочной, но ты подобралась близко к сути.

Девушка с наслаждением затянулась и выпустила клубы дыма.

— Если ты не видишь чего-то, вовсе не значит, что этого не существует, Арстель. К примеру, свое детство я провела среди жестоких людей, полных низменных стремлений, и могла бы никогда не узнать светлую сторону этого мира. Но она есть. Ваше селение и добрые люди в нем — яркое тому подтверждение. В мире много зла и несправедливости, но в нем есть и добро, а порой истинные чудеса творятся.

— А ты знаешь, иногда я задумываюсь, что для меня лучше — спокойная, размеренная жизнь на одном месте, однообразная, лишенная диковин, или насыщенная, полная событий, авантур, риска и безумств. И чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, насколько мы с тобой разные.

Юки отвела взгляд от Арстеля и сделала несколько шагов вперед, любясь живописным пейзажем холмов и красочным видом заходящего солнца, озолотившего своим цветом горизонт и облака. Солнечный диск уже коснулся вершин высоченных сосен вдалеке, осветив юное лицо Юкиары. Она повернулась лицом к сапожнику, облокотясь о толстый кленовый ствол, покрытый чагой.

— Так отправляйся со мной, то есть, с нами, когда мы защитим вашу деревню от людей Варзхела, — быстро исправилась она, — многие из нас видели тяготы жизни, но тебе не придется столкнуться с этим, зато будет ждать мир, полный приключений, любви и дружбы. Ты мне тем и интересен, Арстель, что ты не такой, как мы. Тебе не доводилось по-настоящему огребать от жизни, и потому ты чист душой. Мне нравится, как ты держишься с людьми, как ты отдаешь себя честному и почетному труду. Если бы ты отправился с нами, ты бы увидел жизнь в новом свете, почувствовал бы, как кровь стынет или кипит в жилах. Может, было бы трудно, но это бы не ожесточило твое сердце, ведь рядом была бы я и остальные.

Она потупила взгляд, немного смутившись своему приступу откровенности и затушила самокрутку о булыжник, валявшийся у дерева. Окурок она спрятала за пазуху, не желая вредить природе.

— Я подумаю, Юки, благодарю тебя за предложение. Все вокруг в последнее время убеждают меня, что стоит покинуть свои четыре стены и познать мир.

— Вот и отлично, ты и друга своего захвати, подбросим его до Хаглоры, как знать, может, и туда нас ветер судьбы занесет.

— Но ты не совсем права в своих суждениях, Юки. Ты говорила так, словно тяготы жизни оскверняют сущность практически любого. Хотя тебе и тяжело пришлось, но ты тоже чиста душой. Мне так кажется.

— Но я же ведьма, разве нет? Суеверные таких не любят. Да и характер у меня трудный. А уж о моей беспечности в Братстве легенды слагают!

— Это лишь делает тебя живой, Юки. Клянусь Илгериасом, я редко встречал человека, столь любящего эту жизнь. Говорят, это — признак мудрости.

Юкиара всплеснула руками:

— Ну, где я и где мудрость! Лесть тебе не к лицу, Арстель, не стоит. Ведь именно твоей искренностью я и прониклась. Что ж, рада была провести с тобой время. Но мой перекур, то есть перерыв, окончен, а работа не ждет. Увидимся ближе к вечеру.

Она скрылась за зарослями можжевельника, Арстель же ненадолго задержался, осматривая оконечности стены Вархула вдалеке, Драконовы Горы. Иногда, он был готов поклясться, он видел летающие фигуры среди них, но сейчас это его мало беспокоило, ведь дракона ему уже довелось увидеть. Арстель понял для себя одно — эту девушку он хотел узнать лучше, изучить ее. В ее присутствии мир вокруг словно сверкал яркими красками. Юкиара действительно была в своем роде художницей, раскрашивая все вокруг в цвета веселья и гармонии. И если бы она навсегда покинула эти края, был уверен Арстель, он до самой глубокой старости хранил бы в памяти ее светлый образ. Возможно, думал он, только ему она казалась столь совершенной, но он ничего не мог с собой поделать, все чаще его мысли возвращались к Юкиаре. Так он оказался между молотом и наковальней — с одной стороны шанс на обеспеченную жизнь в родном краю, с другой — девушка, которая готова подарить ему столько нового, а возможно, если повезет, и саму себя. Но что ждало его, присоединись сапожник к алагаритам? Куда их заведет их этот странный маг, которого у

Арстеля не поворачивался язык назвать человеком чистой души. Хотя бы из-за его тщеславия и властолюбия, которыми так и сквозили его вещания. А если уговорить как-нибудь Юкиару остаться в Крестале? Вряд ли она бы согласилась, будучи вольной птицей. С этими мыслями Арстель возвращался в деревню, прошел через недавно отремонтированную калитку и вскоре вернулся в свою родовую лавку, погрузившись в кропотливый труд до позднего вечера.

Сапожник возвращался после легкого ужина в «Желудке Дракона» и забавной беседы со своим крылатым другом. Они обсуждали предстоящий рыцарский турнир в Силгоре, столице Аргои, и никак не могли сойтись во мнении, кто кого выбьет из седла. Они с детства болели за разные дворянские кланы. Но больше их занимал спор о том, кто лучше фехтует мечом — знаменитый Эрлинг Лъвиный Рёв из рода Акрейлов, младший брат Эанрила Третьего, или же Керрис Галарт, главнокомандующий армией Союза. Арстель считал, что у Керриса Галарта больше опыт в сражениях и более филигранная техника, Хельд же рьяно топил за Эрлингая, утверждая, что он всеми признан, как гений фехтования, с чем будет спорить только дурак, и, хотя у Керриса очень хорошая выучка, от мастерства Эрлингая это его бы не спасло. Разница в возрасте между воинами добавляла сложности в споре, в итоге каждый остался при своем мнении. Сошлись они на том, что Керрис Галарт в свои семьдесят пять лет очень достойно поддерживал свою форму. Их спор то и дело прерывали, один раз Мурвак презрительно ухмыльнулся, услышав знакомые имена, высказавшись, что Ганрайский Демон Глодрик Харлауд обоих бы уделал, как щенков, а Гранаш крикнул, что, как бы ни были сильны эти отдельно взятые уникальные люди, с равшарами в искусстве боя не сравнится никто. Карен крикнула, что она зафехтует Хельда до смерти шваброй, если он не принесет ей угощение.

— Зачем, учитель? Зачем вы направили Шойрила и Брока в Вархул совсем одних? — этот женский голос Арстель бы узнал из тысячи.

Он остановился за углом у дома Карен и обратился в слух. Он выглянул из-за угла и увидел колодец, у края которого присел Алагар, а напротив него стояла Юкиара, сложив руки у подбородка, ее снедало волнение.

— Юки, — устало прозвучал голос Алагара, — если я отправил, значит, так было нужно. Разве не учил я тебя, что наставникам следует доверять полностью и не задавать лишних вопросов? Если ты не доверяешь своему учителю хотя бы на одну сотую долю, тебе не стоит следовать за ним.

— Да знаю я, мастер! Я вам доверяю, но я так волнуюсь. А если с ними что-то случится? В городе полно союзников Варзхела, особенно в Сухих Колодцах. А еще и Карательный Отряд. Если они в своей разведке попадутся под руку Глоддрику... Ах! Даже думать не хочу!

Ее глаза наполнились слезами, она уже начала всхлипывать. Алагар не обратил на это ни малейшего внимания, он так же безучастно смотрел на перепуганную девушку.

— Возьми себя в руки, юная леди, если ты достойна придерживаться пути Братства Уравнителей. Люди Варзхела уже приходили. Почему бы им не прийти еще? Мы не знаем истинного расклада сил, мы даже не знаем, сколько у них людей. Шойрил и Брок понимают риск и возложенную на них ответственность. И почли это за честь. Твои слезы, девочка, оскорбляют их решимость. Подумай об этом. Я начинаю разочаровываться в тебе.

— Учитель, но вы же сами наставляли нас беспокоиться о ближних, не быть

безразличными к их судьбам! А теперь осуждаете меня за то, что я переживаю? Когда моим братьям грозит гибель? Как вы так можете?

Алагар резким прыжком встал. Юкиара, которая была ему по плечо, нерешительно попятилась, но Алагар двинулся на нее.

— Если бы ты внимательнее меня слушала, — он говорил тихо, но так вкрадчиво и жестко отчеканивая слова, что у Арстеля волосы на спине встали дыбом, — и больше думала своей головой, ты бы поняла, что их поступок и был вызван беспокойством о ближних. Твое же внутреннее препятствие их самоотверженному поступку говорит о твоём безразличии к остальным. Ты так сильно к ним привязалась, что готова забыть об угрозе для остальных, лишь бы эти двое не рисковали? Я тебя этому не учил. Привязанность приводит к слабости, Юки. А слабость для нас — непозволительная роскошь. Научись отпускать людей, любя при этом ближних. Перестань уже, наконец, быть такой хорошей. Иногда, чтобы действовать во благо людей, приходится сделать сердце каменным.

Она утерла слезы локтем и выкрикнула:

— Нет! Не надо! Не говорите так! Я не могу, не могу больше... — и опрометься кинулась куда глаза глядят, захлебываясь в рыданиях.

У Арстеля сжалось сердце. Если бы его ударили кулаком в грудь, ему было бы это легче перенести, чем слезы Юкиары.

— Тебя не учили в детстве, что подслушивать неучтиво?

У Арстеля упало сердце. Алагар появился изниоткуда. Никто физически не смог бы подкрасться за спину за такое короткое время, кроме чародея.

— Простите, я...

— Забудь. Мы, Братство Уравнителей, не имеем секретов от тех, кому можно доверять. Тебе можно доверять, Арстель? — он взглянул ему в глаза, но у Арстеля засосало под ложечкой, ему показалось, что эти алые глаза, переливающиеся бешеным пламенем, поглощают его душу.

— Не отвечай. Это не имеет значения. Да и потом, разве мы с твоей подругой обсуждали что-то важное? Это в порядке вещей. Все же у людей, близких друг другу, порой возникают разногласия.

— К-конечно, — пробормотал он.

— Она, я полагаю, еще не готова повзрослеть, — Алагар, по-видимому, обращался не столько к Арстелю, сколько к самому себе, — как дитя, витает в облаках, старается обо всех заботиться, но своей заботой только сбивается с истинного пути и сбивает других. Это пройдет. Жизнь ее исправит. А если нет... Что ж, у нее есть еще брат, может, он будет более сознательным? Не суть. Доброй ночи, Арстель.

В его словах не было ни капли дружелюбия.

— И вам того же.

Алагар улыбнулся и ушел в тень дома. В сумраке лишь его глаза светились несколько мгновений, но этот огонь вскоре погас, Алагар словно растворился. Арстель с минуту стоял, как вкопанный. Он думал побежать за Юкиарой, найти ее и успокоить, но не смог решиться. Одно он понимал точно — если этот наставник и может чему-то научить, то только не любви к ближним.

Глава 8: «Каратели в деле»

1672 год. На границе Ганрайских земель.

— Я уверен, ты мухлюешь! Невозможно честно выиграть столько раз подряд!

— Возможно, если руки растут, откуда надо.

— Такими темпами он нас оставит без гроша... И на какие шиши мы будем кутить, бухать, девочек снимать?

Трое парней привычно резались в карты. Азартные игры были одним из любимейших видов времяпрепровождения солдат Союзной армии. Двое из них были ганрайцами, третий принадлежал к северному роду. Ганраец, который умудрился обчистить карманы сослуживцев, был загорелым, среднего роста и темноволосым юношей, едва разменявшим третий десяток. Ганраец и северянин были примерно одного возраста с ним, но как же непохоже друг на друга они выглядели. Первый всем своим видом демонстрировал развязность и самоуверенность, характерную для уличной шпаны. Ему и довелось вырасти на улицах Вархула, где за каждый кусочек хлеба приходилось драться насмерть, а в любой день можно было оказаться в эпицентре разборок местных бандитских группировок и быть жестоко зарезанным ни за что. Многие люди, которым довелось выжить в таких условиях, понимали, что человек может легко уйти с улиц и начать вполне достойную жизнь, но вот улице из человека уйти куда сложнее. В движениях и манерах молодого человека читалось что-то блатное, преступное, пока воины, принадлежавшие к именитым кланам Аргои, старались придерживаться идеалов чести и доблести, этот парень жил по понятиям. Растрепанные черные волосы, торчащие в разные стороны, кое-как застегнутая рубашка и неряшливо закатанные рукава говорили о том, что он давно привык одеваться в лохмотья, отчего подсознательно обращался со вполне достойной одеждой небрежно, как с дешевым тряпьем. Несмотря на свою дерзость и заносчивость, Глоддрик был настоящей душой компании, за что сослуживцы в нем души не чаяли. Улица, быть может, и оставила на нем видимый отпечаток, но не лишила человечности. Второй носил соломенную шляпу, такого же темного цвета волосы были собраны в хвост, а руки были перебинтованы, так как юноша час назад отрабатывал набивку кулаков на ближайших валунах, превратив их в посыпь гравия.

— Глоддрик, может, ну его, на деньги играть, а? Лучше на интерес, так веселее. Да и нехорошо это, товарищей дураками выставлять, — сказал северянин, молодец со спутанными волосами до плеч и пока еще жиденькой бородой.

— За базар надо отвечать, мужики, — сказал Глоддрик, сгребая игральные фишки в свою сторону, вместо игрового стола им служил широкий треснутый пень, по которому ползали муравьи, — не умеешь — не берись, запомни это, Гримбла, — махнул он рукой в сторону северянина, и тут же с издевательской улыбкой, полной наслаждения превосходством, взглянул на ганрайца, — а ты, Шибуй, я вообще удивлен, что ты присоединился к игрищам, мастер Агриппа с тебя бы три шкуры содрал.

Говорил он о наставнике Агриппе. Признанном всем Союзом лучшим в искусстве владения любым оружием и рукопашным боем. Этот ганрайский мэтр уже сорок лет готовил элитных защитников Ганрая и Союза, называемых Стражами. Школа их носила гордое имя — Храм Мечей. Эти люди отличались от рыцарей Аргои и лучших фехтовальщиков тем, что могли они владеть многими, самыми экзотическими видами оружия и были сведущи в

боевых искусствах, в том числе и голыми руками могли одолеть вооруженный гарнизон королевских гвардейцев. Они воистину обладали сложно вообразимыми способностями, для прошедшего обучение Стража было в порядке вещей метнуть иглу в цель, расположенную за толстым куском стекла и своим мощным броском пробить стекло и попасть в мишень. Или, к примеру, взмыть ввысь и двойным ударом ног, садясь в шпагат в воздухе, попасть в головы противникам по разные стороны. Мастер Агриппа в свои восемьдесят лет все это умел до сих пор и бросать обучение новых Стражей не был намерен. Глодрик и Шибуй Син были прошедшими полный курс обучения Стражами и высоко ценились в пограничных войсках Союза, несмотря на молодой возраст. А задача этим войскам предстояла серьезная — оборона земель Ганрая от нападений равшаров. Командовал подразделением майор Керрис Галарт — сорокалетний усатый воин, уже тогда начавший лысеть.

— Мимо наша жизнь проходит, парни, — взяв в зубы травинку, улегся на землю Гримбла, — пока молодежь гуляет в Силгоре, пьет пиво и засаживает по самое оно южанкам в публичных домах, мы убиваем время на границе. Страдаем любой херней, лишь бы быстрее закончилась эта мотота. И вот зачем Кратару Роковому понадобилось нападать на Союз? Этим равшарам что, своей земли мало?

— Хотят попробовать ганрайской стали, — скривился в кровожадной усмешке Глодрик, — ничего, кто к нам с мечом придет, от меча и загнется.

— Глодрик, ты горазд на печи храбриться, а в поле вот что ты будешь делать? — спросил Шибуй, поправив край шляпы, — мы же с вами, парни, ни разу не побывали в настоящей битве. Ну, подрались с малым гарнизоном равшаров, где их было с десяток, да и то это нельзя назвать дракой — они сдались практически сразу.

Мимо проходили Керрис Галарт и полковник Клаусвиль — дородный муж с пышными бакенбардами. Они рассматривали большую карту, Керрис водил по ней пальцем и что-то взволнованно втолковывал Клаусвилю. Из услышанных обрывков разговора молодые воители поняли, что спор шел о том, что подкрепление не успеет подобраться, а равшары могут появиться в любой день, да и место крайне удобное для нападения — равнина с маленькими плоскогорьями, больше напоминавшими болотные кочки. Керрис предлагал удалиться от границы, поскольку линия обороны недостаточно надежна, чтобы выдержать натиск равшаров, а людей при этом погибнет немерено. Клаусвиль лишь бросил, что это их священный долг, а любой мужчина, преданный Союзу, смерть в бою с его врагами должен почитать за честь. Глодрик презрительно осклабился и сплюнул, сказав, что Клаусвилю, который в случае поражения постоянно ретировался с поля боя, легко говорить о смерти. Так он пытался побороть свой страх, ведь опасения его и его друзей подтвердились — прикрытие от короля Ганразура Второго придет совсем не скоро. И убить их могут в любой момент.

— Думаю, если что, мы вдарим этим равшарам так, что мало не покажется, — потряс кулаком Гримбла, — мы же Союз! Наша сила в единстве! А эти уроды все время воюют друг с другом, ненавидят сородичей. Да они передерутся друг с другом прежде, чем до нас дойдут!

Глодрик расхохотался и ответил:

— А жаль! Интересно посмотреть на себя в реальном бою. Чему мы в Храме научились. Хорошо, что здесь нет моего младшего брата Ревiana, не нужно никому сопли подтирать, настало время проявить себя с лучшей стороны. Вот бы поскорее в бой... Наверное, это яркие ощущения.

— Яркие, не спорю, — раздался свысока голос Керриса Галарта, — только там тебя не ждет ничего интересного. Ты лишь исполняешь свой долг, невзирая на страх, ранения, увечья или даже смерть. Уверяю вас, юнцы, после войны жизнь человека не будет прежней никогда, если ему повезет выжить. И молитесь, чтобы вас никогда не настигла настоящая битва. Поверьте, вам не понравится.

Шибуи благоразумно промолчал, Гримбла открыл было рот, желая что-то сказать, но передумал, а вот Глоддрик не удержался от высказывания:

— Ха! Да в вас говорит чувство превосходство, майор Галарт! Думаете, если мы молодняк, то мы спасуем перед лицом врага? Может, это было нашей детской мечтой — врубиться во вражьи ряды и...

— Отставить, рядовой Харлауд! Тебя здесь ценят за умения и мастерство, которым не обладаю и я, но не забывай свое место. Я старше тебя по возрасту и по званию. В армии существует субординация, которой необходимо следовать. К тому же, не тебе со мной спорить. Я успел пережить не одну битву, а ты — еще нет.

Глоддрик собрался возразить, но Шибуи положил ему руку на плечо и помотал головой, дескать, придержи язык. Остаток дня они провели в молчании. Шибуи вскоре отправился на костер варить похлебку, Гримбла лениво валялся в предзакатных лучах солнца и наслаждался полудремой, а Глоддрик присел на поваленный ствол дуба, столь редкого в этих землях, и курил самокрутку. Размышляя о словах Галарта, он пытался его понять, представлял себя в гуще битвы и пытался ощутить весь страх и панику, на которые намекал бывалый воин. Но все, что он испытывал — это жажда свершений и позывы к героизму, которые вбили ему в головы старинные песни о деяниях рыцарей Аргои и могучих ратниках Ганрая. Его размышления прервал резкий окрик караульного:

— Это равшары! Они идут прямо на нас!

Глоддрик подскочил и ринулся к своим, забыв даже потушить окурок. Его прошиб пот и внутри слегка покалывало, молодая кровь бурлила. Похоже, его желаниям суждено было сбыться.

Кто-то крикнул «спасайся, кто может!», но тут же получил затрещину от Керриса Галарта.

— Держать оборону! Экипироваться! Готовиться к бою! Арбалеты и луки вперед, пехотинцы — встать в строй за стрелковой частью! Быстрее, мать вашу за ногу!

Началась сушая беготня, но беготня эта была недолгой и осмысленной. Каждый знал, что все необходимое при нем. Шибуи достал свои парные мечи, Гримбла потянулся за двуручной секирой, а Глоддрик достал искривленный ятаган, который купил у клирийского оружейника. Вскоре образовалась фаланга копейщиков, стрелки также встали в строй, арбалетчики присели на колени, а лучники стояли за их спинами. Ганрайские бойцы встали за копейщиками и по бокам от них. К бою воины Союза были готовы. Вскоре из быстро движущихся где-то вдалеке точек вырисовывались отвратительного вида существа. Гольтьба равшаров бежала всем скопом, хаотично, о построении они думать не желали. Глоддрик вертел в руке ятаган и переминался с ноги на ногу, стараясь взглянуть в очертания врагов получше. Ему пришло на ум сравнение происходящего с массовой дракой бандитов в Вархуле или в Сухих Колодцах или «стрелой», как их еще часто называли. Полчища равшаров явили собой донельзя зловещую картину. Перекошенные от ярости их лица или даже морды, утыканные костями и раскрашенные на боевой лад. Исколоты костяными

украшениями были представители племени Костяных Драконов, а раскрашены разноцветными полосами, очевидно, чернилами из ягод или истертых камней, были равшары из рода Берсерков. Последние с удвоенным энтузиазмом неслись вперед. Дикие вопли и окрики равшаров успели вселить ужас во многих солдат Союза. Один веснушчатый паренек лет семнадцати покинул строй и бросился бежать, но Керрис Галарт огрел его по затылку рукоятью меча и вернул в строй. Глоддрика сковал страх. Ему показалось, что, когда придет его черед драться, он растеряется и не сможет сделать ни единого движения. Ему, бесспорно, часто доводилось драться насмерть, но в такой бойне с противниками вроде равшаров — еще никогда. Но выбора у юноши не было. Был отдан приказ сделать залп — арбалетчики выстрелили своими болтами как один, а следом за ними лучники послали в воздух стрелы, которые осыпали бегущих равшаров смертоносным дождем. Первые два ряда дикарей из пустоши стрелки выкосили полностью — трупы падали, как подкошенные деревья, но их собратья, не останавливаясь ни на минуту, переступали через погибших собратьев и продолжали бежать. Легионеры метали по очереди пилумы, отчего в толпе равшаров то и дело появлялись промежутки, но они тут же заполнялись все новыми бойцами. Стрелки разбежались за спины копейщиков. Как атаковали равшары фалангу — они не просто врезались в фалангу, они ее вскрыли. Некоторые рогатые бурокожие оборванцы с наскака рванулись прямо на копья, острия пилумов рвали и крошили их плоть, но умирающие равшары успевали наносить удары костяными клинками, дубинами и топорами. Некоторые равшары чуть пригнулись, на их спины наскакивали другие и с воздуха прыгали прямо на щиты аргойских легионеров, рубя их сверху. Со флангов равшары также теснили копейщиков, фаланга пыталась изогнуться в дугу, чтобы защититься с боков, но было поздно — равшары с трех сторон наседали и продавливали фалангу. Их боевой запал было не пересилить паникующим рядовым Союза, в основном бывшим крестьянам или же горожанам, которым не посчастливилось попасть под призыв, отправивший их в эту горячую точку. И тут ганрайцы, северяне и Керрис Галарт ринулись во фланги — прикрывать ряды солдат. Глоддрик поступил так, как учил его мастер Агриппа — отбросил раздумья и просто сделал, что должно, а там уж будь, как будет. Вскоре фаланга перестала быть таковой, и все смешалось, хаотичные группы людей или вовсе поодиночке бились со скопищами равшаров. Глоддрик набежал на троих членов племени берсерков и с разбегу рубанул одного из них наискось ятаганом, целя в шею. Парень быстро понял, что такая битва мало чем отличалась от заварушек, возникавших в его прошлом, разве что действующих лиц было заметно больше. И ситуация была много опаснее для жизни. Спасало Глоддрика виртуозное искусство фехтования, заложенное школой Агриппы, смешивал он его с приемами рукопашного боя, неожиданно равшары периодически получали с ноги или локтя по лицу зубодробительные удары, а затем их полосовал ятаган отменной Джаганнатской стали. Глоддрик приноровился сражаться с несколькими противниками, но переиграть их труда ему не составляло. Конечно, он испытывал страх, но сумел его перебороть. Волнение отступило, и Глоддрик действовал сосредоточенно, на автомате, будто дрова колот, только более изощренным способом. Вскоре в нем вскипел энтузиазм, и он начал сражаться более лихо и рискованно, периодически глумясь над не столь умелыми равшарами, конечности и головы которых летели в разные стороны с всплесками крови. Вскоре он объединился с Шибуй и Гримблей, и втроем они поистине крушили равшаров одного за одним. Гримбла раскалывал их головы топорищем, словно тыквы, парные лезвия Шибуй мелькали в едва различимом невооруженным глазом танце, а ятаган Глоддрика делал свое дело. Керрис Галарт

использовал свою безукоризненное искусство фехтования, успев зарубить с десятков равшаров. Это работало, но недолго. Вскоре перевес окончательно сместился в сторону равшаров, которых с самого начала было больше — Священное Древо нарождало. Они все теснили кое-как отбивающихся людей. И тогда Клаусвиль решил приказать дать сигнал к отступлению. Заревели трубы, и команда отступить прозвучала во всеуслышанье, отчего люди с позором пятились и старались бежать, пока более умелые бойцы задерживали равшаров. Убежать успевали не все — метательные костяные ножи и томагавки доставали спешащих спасти свою шкуру солдат в спины. Многие успели скрыться, но приличный кусок войска Союза — с пятьдесят человек, равшары сумели отрезать от остальных. Керрис Галарт и Шибуй оказались за пределами этого круга, уходя, они отбивались от преследующих их воинов пустоши. Шибуй было ринулся спасти друзей, но Керрис Галарт одернул его, сказав, что им уже ничем нельзя помочь. Окруженные солдаты быстро сдались, и их нельзя было в этом винить — многие из них впервые вообще видели настоящий бой, точнее, мясорубку, они цеплялись за жизнь, как могли. Но не Гримбла с Глоддриком. Они встали на изготовку, не бросаясь в атаку, но давали понять, что живыми сдаваться не собираются. Тогда один из равшаров на ломаном союзном языке крикнул, что за каждого неповиновавшегося человека будет убито с десятков пленных. Парни любили свой народ и, несмотря на гордость, опустили на колени и заложили руки за головы. Вскоре им связали руки и погнали в лагерь равшаров, разбитый неподалеку. Лагерь этот был необычным, кроме наскоро сделанных палаток там был вычищенный и выровненный кусок поля, огороженный, словно арена коллизея, а возле импровизированной арены стояли огромные клетки из дубовых бревен. Туда и загнали военнопленных. Прибыли в лагерь они к поздней ночи, едва успели они расположиться в одной клетке, как их почтил своим присутствием сам верховный вождь равшаров из племени Берсерков, решившийся атаковать Союз. Кратар Роковой. Он был ростом выше двух метров, мускулист, тело его было окрашено синими полосами волнообразного вида, а на поясе его был редкий для равшара стальной клинок. Клинок был длинным — под стать своему обладателю, рукоять перебинтована, а лезвие без ножен было иззубренным, точно его и не думали доселе реставрировать. Кратар популярно объяснил условия пребывания в своем плену проигравших: для своего развлечения равшары решили устраивать среди пленных гладиаторские бои. Тот, кто выживет последним, станет личным рабом Кратара Рокового и будет прислуживать любым его прихотям. Кто откажется драться — будет наказан, как именно, Кратар не уточнил. Немолодой легионер, лет пятидесяти, густобородый, заявил, что не в чести у братских народов Союза убивать друг друга, это прерогатива вырожденцев из равшарских пустошей. Кратар одним движением вытащил клинок и рубанул снизу вверх им, разрубив тело пленного надвое. Кровь хлынула во все стороны, Глоддрик невольно дернулся, но несколько капель из этого отвратительного фонтана таки упали ему на лицо.

— Есть еще возражения? — на неправильном союзном наречии вопрошал Кратар.

На следующий день начались гладиаторские бои. Первых солдат вывели на арену, остальные с ужасом наблюдали за ними из клетки. Из палаток равшары повыбегали и с воодушевлением орали, споря между собой, у кого больше шансов выиграть — такое издевательство над врагами было для них любимым развлечением на войне. Но мужчины слишком долго мешкались, отчего первый попавшийся из них получил тридцать ударов плетью, разрывающих мясо до костей. В таком состоянии его бросили сражаться, но он упал

замертво от ран и бессилия. Глоддрик осунулся и побледнел. Он не знал, что будет делать, когда придет его очередь. Его сковывал страх — он любил соотечественников и понимал, что по законам чести, да и по понятиям тоже, он должен скорее умереть, чем убивать братьев по оружию для своего выживания. Настала очередь Гримблы — на удачу для него его поставили с южанином-клирийцем, который всей душой ненавидел северян и часто задирали своего недруга. Для такого молодой Краух Гримбла решил сделать исключение и разобрал своего противника по частям в буквальном смысле, мощным ударом топора в голову завершив навсегда распри со склонным к предрассудкам клирийцем. Глоддрику же попался его боевой товарищ. Аргоец, сын бакалейщика. Глоддрик часто пил с этим парнем, разговаривал, упражнялся с ним в фехтовании или разделял тяготы физического труда. Удивительно, на что люди готовы, чтобы выжить. Выбросив из головы мысли о дружбе, недавний друг Глоддрика с яростным кличем накинулся на него, занеся меч для удара. Все произошло быстро — Глоддрик инстинктивно заблокировал удар и обратным движением клинка рассек врагу брюхо. В молчании, под крики обезумевших равшаров, Глоддрик вернулся в клетку и не сомкнул глаз следующей ночью. Странное дело — он лишил жизни не одного равшара за прошлый день и не задумался над этим, хотя то были полноценно разумные живые существа, но убив товарища, пусть и предавшего его ради спасения себя, Глоддрик не мог не терзаться муками. За этот день к окончанию схваток число пленных сократилось вдвое. В ночи некоторые плененные мужчины не стеснялись плакать от смешанного чувства ненависти к себе за убийство товарища, от страха за свою жизнь и безысходности. Многие не были высококлассными бойцами и понимали, что с ними в этой же клетке находятся вполне неплохие воины, а то и мастера боя, против которых у них не было шансов. На следующий Глоддрику снова пришлось драться, с северянином, не с Гримблей, с другим. Мужчина тридцати лет с такой же яростью в лице, тщась спасти свою жизнь, стремился парными топорами достать Глоддрика изо всех сил, но того снова спасло мастерство фехтования, скорость и точность — северянин был повержен за минуту. Вернувшись в клетку, Глоддрик ютился в углу клетки и даже не шелохнулся. Весь свой юношеский бунтарский дух он потерял, дерзость и уверенность в себе улетучились. Он превратился в подобие ходячего мертвеца, чисто механически дерущегося, чтобы спасти свою жизнь. Опечален он был и тем, что никто из воинов не хотел оказать сопротивление тюремщикам, все вокруг думали в первую очередь о том, как выжить. Даже Гримбла — и тот молчал, стараясь не разговаривать с Глоддриком. Они оба думали в одно и то же время и о том, хватит ли у них решимости сразиться друг с другом по-настоящему. Этой ночью трое солдат в клетке подобрались и к неожиданности Глоддрика попытались его задушить, но чутье Стража не подвело молодого ганрайца, обоих он отделал как следует и, скрутив руки предателям, устыдил их за малодушие.

— Я понимаю, мы все здесь хотим остаться в живых. Мы изменяем самим себе и убиваем друг друга, как животные. Но вы ведете себя, точно последние крысы. Даже хуже.

Глоддрик не стал убивать их, по правде говоря, ему было наплевать — он знал, что следующие бои эти трое не переживут. Ему было плевать и на собственную судьбу, он лишь удивлялся тому, как легко получилось сломить гордость воинов Союза одной лишь угрозой их жизни. Очевидно, присягая на верность Ганзарулу Второму, они дали обещание, которое не смогли сдержать — быть готовыми отдать жизни за будущее родины и своего народа. На следующий день очередь Глоддрика драться наступила последней. Гримбле тоже не вызывали. Выживших осталось совсем мало — чуть больше десяти человек. Когда двоих

друзей поставили драться, они, не проронив ни слова, начали кружить по арене. Глоддрик смотрел в глаза Гримбле, но его захватила мысль — ради чего они будут сражаться? Чтобы быть рабами? Раб — вещь, его легко можно убить, как надоест. Да и ради такой судьбы он выживал на улицах Ганрая? А что подумал бы его младший брат, Ревриан, увидев, как низко пал человек, который заботился о нем и столькому его научил? Что бы сказал мастер Агриппа? Как бы поступил Керрис Галарт, оказавшись на месте Глоддрика? Ответы пришли сами собой, а с ними — решение. Глоддрик сорвался с места, но не в сторону Гримблы — он ринулся в толпу равшаров. Тем же ятаганом, что и сейчас был при нем, он принялся кромсать, честить их, точно крестьянин — колосья пшеницы. Кровь лилась рекой, равшары быстро похватили оружие и окружили Глоддрика, но ему было все равно, ганраец и не рассчитывал, что выживет. Он парировал удары, отскакивал и налетал на ближестоящих врагов, с легкостью пробивая их защиту. Гримбла не остался в стороне — он побежал в сторону клетки и одним ударом топора сбил замок. Люди разобрали оружие и присоединились к бою. Глоддрик поразил семерых равшаров, затем уложил еще пятерых. Но силы начали покидать юношу, а мастерство — подводить. Удары были не так точны, а реакция замедлилась. Изнурение голодом и бессонные ночи дали о себе знать. А равшаров словно и не становилось меньше. Вот один достал его по ноге костяным ножом, но тут же получил в висок острием ятагана. Другой вонзил кончик копья в предплечье Глоддрика, третий обухом топора, на счастье Глоддрика, угодил ему прямо в темя. Молодой Страж зарычал и быстрыми движениями, точно рывок мангуста на кобру, рассек двоих воинов племени Берсерков, а третьего из племени Костяных Драконов хромым шагом насадил на ятаган. Последовал пинок от нового равшара, снова удар костяным мечом — у Глоддрика кончались силы, и он только отбивал удары, лишь изредка вяло отвечая, его атаки перестали доставать цель. И тогда его захлестнула волна ярости. Неистового бешенства. Его охватило ощущение, что дух его спустился куда-то очень глубоко под землю. Глоддрик слышал о подземельях Азрога, хотя он их и считал легендой, но в существовании подобной силы он сомневаться не мог. Были воины, сумевшие обуздать эту силу, назывались они Темными Стражами. Несколько веков ранее у них была своя школа, и они наводили ужас на Вархул, пока их не перебила Союзная армия. Агриппа рассказывал, что стоит Стражу отдаться потоку этой злой ауры, и он навсегда обратится в воина пламени подземелий. Глоддрик не хотел думать о последствиях, ему хотелось одного — убить как можно больше равшаров. Отомстить им за свою сломанную судьбу, за убитых товарищей, за то, что сломали его дух и сделали из него братоубийцу. Вина за убийство товарищей всегда будет жить с ним, этого Глоддрик не мог простить равшарам. Ненависть поглотила его и придала сил. Он представил, что окунулся в жерло вулкана адского огня, только вместо огня был источник невероятной силы, пронизавшей, напитавшей его. Глоддрик словно заново родился. Он забыл об усталости — мышцы его были на пределе, но он не замечал этого. Он не замечал ничего, кроме одного — жажды крови. Глоддрик бросился на равшаров с таким оглушительным воплем ярости, словно раненый медведь, так мог вопить лишь лишившийся разума человек. Гримбла знал таких, их в северных землях называли берсерками. Такие воины перед битвой часто ели грибы, воздействующие на их разум, заставлявшие их забыть о боли, страхе смерти. В племени Берсерков у равшаров тоже были воины, которые и без грибов входили в состояние аффекта и были готовы броситься на любого. Но Глоддрик их смел, точно ураган. Вкупе с его недоступным для равшаров мастерством боя эта нечеловеческая ярость заставила обитателей пустоши испытывать непривычное для них

чувство — страх. Глоддрик рубил и колот направо и налево. Любой из равшаров, кто пытался его атаковать, получал жесткий отпор, вместо блока Глоддик часто отрубал им руки и обратными ударами уже добивал. Он теснил толпу равшаров один, Глоддрик шел вперед, они — отступали. Вскоре ярость пропала. Осталось лишь наслаждение от схватки. Глоддрик больше не боялся, не испытывал вины. Он стал машиной для убийств и помешанным во всех смыслах человеком. Он хохотал, как спятивший примат, и бросался на равшаров со стремительными ударами неизмеримой силы. Он зарезал уже с тридцать дикарей и не собирався останавливаться. Лицо Глоддрика перекосила бешеная улыбка, сердце его трепетало, глаза его заляпала кровь, как и всю одежду. его собственная, перемешанная с кровью равшаров. Он был в экстазе, зверином экстазе, из которого ни за что не хотел выходить, лишь бы этот боевой транс длился вечно. Гримблу поразило то, чего Глоддрик никак не мог заметить. Волосы Глоддрика напрочь поседели, а глаза у новоиспеченного альбиноса светились рубиновым цветом, они по-настоящему светились, и это было ненормально. Но, взглянув на брызжущего слюной и смеющегося Глоддрика, добивавшего очередного равшара, во взгляде которого читался неподдельный ужас, к этому человеку никак нельзя было применить слово «нормально». Равшары разбежались, вперед них вышел Кратар Роковой, вождь обнажил клинок и выпалил:

— Заговоренный великим шаманом Старейшим клинок тебя остановит, демон!

Глоддрик наскочил на него и с размаху обрушил на голову равшара удар ятагана, но тот отразил атаку. Они фехтовали, но Глоддрик старался рубить равшара, а не фехтовать с ним. Вот уже он отсек его ногу, равшар тщетно пытался отбиваться, но Глоддрик выбил у него из руки клинок и одной рукоятью теперь остервенело бил его по голове, вопя во все горло.

— Сдохни, мразь! Ублюдки! Вы хотели зрелища, мать вашу?! Так получите!

Он снова расхохотался и одним ударом отсек голову Кратара Рокового и пинком послал ее в толпу равшаров. Те попятнулись, но Глоддрику не было дела до их испуга. Он хотел убивать. Темный Страж подобрал оброненный вождем зазубренный меч и кинулся на обратившихся в бегство врагов, догоняя и убивая всех, до кого смог дотянуться его ятаган. Но силы были на исходе. Он метнул ятаган в одного из удирающих равшаров, попав тому прямо между лопаток. Обессиленный Глоддрик упал на колени, держа в руках клинок павшего вождя Кратара. До этого начинал накрапывать дождь, но теперь он полил, как из ведра, мешаясь с лужами крови равшаров и людей. Глоддрик обратил свой взор в небо и разразился хохотом человека, окончательно утратившего рассудок.

— Вот же... Ганрайский Демон! — изумленно выговорил Краух Гримбла, глядя на своего друга.

Одно было ясно — в плену у равшаров, в этих клетках и омерзительных боях брат на брата умер тот беспечный паренек, воспитанный улицей. Вместо него пришел Ганрайский Демон, человек, отдавшийся злой силе и не могущий жить без кровопролитий. Человек, которому предстояло приложить массу усилий, чтобы оставаться человеком. Человек, закончивший войну с равшарами ценой потери прежнего себя. Человек, наводящий ужас на земли равшаров и внушающий почтительный страх Союзным землям одним своим именем. Глоддрик Харлауд никогда не будет прежним.

1707 год. Гилеард, оплот Карательного Отряда.

Немолодой командор Карательного Отряда открыл глаза. Точнее, глаз, другой был скрыт повязкой. Он, как всегда, уснул на своем письменном столе, разбирая доклады

карателей о происшествиях в пределах земель Союза, зачитывался книгами-произведениями гениев стратегии и тактики. Любимым чтением Глоддрика были книги о природе человеческого разума, психологии. В особенности преступной психологии. Он стремился понять, что заставляет людей изменять своим идеалам, родине. Глоддрик желал разобраться в людях, чтобы суметь вычленив, к примеру, из своих людей предателей, кротов, копающих под него. Но, чем больше он читал эти книги, тем больше убеждался, что нет ничего ценнее, чем жизненный опыт. Но читать не переставал, как и ежедневные изнурительные тренировки, чтобы тело и разум не заржавели. В свои пятьдесят семь лет Глоддрику оставаться на пике своих возможностей было не так легко. Но ему было не до раздумий — прямо перед ним стояла...

— Рикке? — хриплым голосом спросил Глоддрик, резко встав со стула, опрокинув его.

— Глоддрик, — улыбнулась она.

Это была девушка лет двадцати пяти — не больше. Волосы ее были острижены под каре, до плеч не доставали. Атлетичная, подтянутая фигура. Миловидное лицо. Могла бы сойти за обычную жительницу Аргои, если бы не алого цвета глаза и белые, как снег, волосы — можно было подумать, что она дочь Глоддрика, если бы кто-то увидел их со стороны. Только эти черты не передаются по наследству, они присущи всем Темным Стражам.

— Зачем пришла?

— Пришла? Я и не уходила, Глоддрик. Разве мы не клялись никогда не покидать друг друга? Или ты уже забыл? — подбоченившись, она закусил губу и испытующе посмотрела в изуродованное шрамами, отмеченное морщинами — следами прожитых лет, мужчину, которого когда-то любила.

— Это не имеет значения, Рикке. Тебя больше нет. Ты мертва, — его голос выражал полную невозмутимость.

— Знаю. Ведь именно ты меня убил. Я мертва, Глоддрик. Как и ты, — она пожала плечами, — ты давно мертв изнутри, но ведь еще дышишь. Почему я не могу жить внутри тебя?

— Ты прошлое, Рикке. Воспоминание. Давно пора тебя отпустить. Нельзя жить прошлым.

— Так тебе мастер Агриппа сказал? М-м-м, — она улыбнулась и продолжила, — ничего не получится, Глоддрик. Твое прошлое вечно будет тебя преследовать. Ты никуда от него не денешься, как и от самого себя. Ты демон во плоти, Глоддрик. И навсегда им останешься. Ты не способен жить, как нормальные люди, ты можешь лишь убивать и сеять хаос, разруху. Для таких, как ты, никогда не будет мира и покоя.

— Что тебе от меня нужно? Я не могу изменить то, что произошло тогда. Мне жаль, но ты тоже сделала свой выбор. Ваша община убивала людей, Рикке. Я же их защищал.

— О, как удобно. Ты всегда этим прикрывался. Говоришь, что ты защищаешь жизни простых людей, а сам лишь пользуешься этим, чтобы наслаждаться звоном мечей. Но меня не обманешь, я слишком хорошо тебя знала.

— А если и так? Я спас людей от вас. От равшаров. От северян. Спасая от преступности. Вы же нападали на мирных людей. Убивали всех, кто не шел за вами.

— Мы одинаковы, Глоддрик, в том, что не можем жить без сражений. И друг без друга, я всегда тебя любила. Даже после того, как ты меня предал, даже когда мы скрестили клинки, я не отказалась от своих чувств. Ты думаешь, что защищаешь людей от подонков вроде нас. Но мы могли им принести свободу от гнета Ганзарула. От поборов вельмож.

Люди могли бы жить свободно и счастливо, как мы с тобой. Но ты привел Карательный Отряд в наше убежище и разрушил наше счастье. Я отдалась тебе без остатка, а ты меня так жестоко предал. Живи с этим.

— Я сделал много зла, Рикке. Многих убил. Но я старался, чтобы это было на благо. Чтобы люди могли жить без страха. Не боюсь, что к ним придут такие, как ты и начнут устанавливать свои правила. Я не жалею, что остановил тебя и твоего учителя. И поступил бы так же.

— Зачем тогда ты сошелся со мной?

— Я думал, ты не такая, как они.

Глоддрик неплохо разбирался в людях. Но тогда, лет двадцать пять назад, он пал ударом чувства, затмившего его рассудок. Ему казалось, он встретил женщину, которая его поймет и примет, поскольку она такая же, как он. Кто же знал, что она станет его ночным кошмаром?

— А я видела тебя насквозь всегда. И могу сказать одно — как бы ты ни старался сделать лучше, все выходит наперекосяк. Ты приносишь лишь зло. Ты сам — зло, порождение Азроговых подземелий. Как и все мы, как и я. Не для тебя праздник жизни, тебе лишь бы кровью умыться. Не говори, что это не так, я же знаю, с какими глазами, с каким лицом ты дерешься. Ты стареешь, но не можешь остановиться. Это убьет тебя рано или поздно.

Ответить Глоддрик не успел — его выбросило из сна. Он проснулся в холодном поту на жесткой кровати, сбитой из сушеных тростниковых стеблей. Встав в одних штанах и ночной рубашке, он посмотрел в окно. Уже рассветало.

Йоши и Эрлинггай с плененным клирийцем остались ждать на центральном дворе крепости Гилеард, Норберт Гартахол сказал, что отправится известить Глоддрика об их прибытии. Внутри было мало людей, что лишь добавляло комфорта прибывшим, ведь на них бы непременно начали глазеть — еще бы, узнаваемый человек королевской крови, зеленокожий татуированный чародей в буром заплатанном балахоне с древесным посохом и скрюченный заклятием удержания клириец, который не может сделать ни шагу без соизволения мага. Все же во внутреннем дворе был один рослый паренек, который сразу же ими заинтересовался. Парень в деревенской рубашке, лаптях и стриженный под горшок, ростом не уступал Эрлинггаю.

— Вот дела! Я здесь стою уже час, ожидаю, пока меня впустят, думал, как же скучно, но не ожидал, что произойдет что-то столь необычное, как явление таких гостей. Старик, ты же маг, да? Ты прямо вылитый Третий Архимаг Йоши-Року с картинок из книг Ревяна Гувера! А ты очень похож на Эрлинггаю, его я видел на листовках! У нас они сохранились, те самые, на которых изображен ты верхом на коне, въезжающий в побежденную столицу Севера — Балнор. Я тогда еще под стол пешком ходил. Ну ты и постарел, конечно!

Не успели они и взглянуть на подбежавшего незнакомца, как он продолжил:

— А кто это с вами, клирийского шпиона поймали? Вообще странно, клирийцы вроде дружелюбный народ и козни редко строят. Что привело вас сюда? — не дав им и слова вставить, юноша говорил без остановки дальше, словно забыл о вопросе, — вот меня — желание присоединиться к Карательному Отряду и навести порядок на родине. Родом я не отсюда, из деревни Козьи Загоны, это совсем у черта на рогах. Но я многому способен научиться, представьте, что будет, если весь Вархул услышит о моих деяниях. Как же хорошо, что я уломал матушку меня отпустить!

Эрлинггай, криво усмехнувшись, качая головой, переглянулся с Йоши, который снисходительно пожал плечами, мол, я сам когда-то был почти таким же.

— Неудивительно, что она тебя отпустила, ты столько болтаешь, что я бы на ее месте тебя бы просто выгнал! — не удержался Эрлинггай.

— Я-то? Вы не видали нашего пчеловода! Вот у него и впрямь рот не закрывается, чуть зайдешь к нему — так и к вечеру не воротиться. Вообще, мужики, как же мне осточертела эта деревенская жизнь! С утра до вечера одно и то же — то одежду в ручье постирай, то прополоть грядки, то участок поля вспахать, дров наколоть. Иногда мать моя не стесняется просить меня помочь ей что-нибудь связать. Какой позор!

— Как тебя зовут, друг мой? — спросил Йоши.

— Клажир я, я бы мог рассказать об этимологии своего имени, но это очень долгая история, могу лишь сказать, что его часто носили члены благородных семей Аргои, так что у меня вполне могут быть дворянские корни, а значит...

Йоши-Року поднял палец кверху и назидательно заметил:

— Клажир, запомни на всю жизнь — у пустых голов длинные языки. А гремит лишь то, что пусто изнутри. Я понимаю, тебе хочется быть интересным, но тебе не хватает тишины. Тишины не в прямом смысле этого слова — тишины разума. Не удастся понять жизнь тому, кто не умеет слушать. Переполненную чашку наполнить нельзя, как и тебя — твой разум кишит целым роем самых разных мыслей и желаний. Освободи его и открой новому, и станешь лучше.

Если бы это произнес Эрлинггай, на Клажира это бы не подействовало, но у Архимага речи обладали определенным воздействием на живое. Клажир словно утопал в янтарных глазах зеленокожего старца. При этом лицо Йоши выглядело сравнительно молодо, а двигался он вполне резво, не хуже здорового пятидесятилетнего человека. В его словах таилась сила, но не та разрушительная и подавляющая, что была у Алагара. Изречения Йоши действовали проникновенно, они ненавязчиво поступали в разум и просаживали там семена, из которых весьма быстро произрастали мощные столпы уверенности в правоте слов хаглорианца. В его энергетике было нечто чистое и возвышенное, Клажиру на мгновение, встретившись взглядом с Йоши-Року, захотелось познать как можно больше, изучить этот мир и самого себя, принять смирение и пойти по стопам мудрых.

— А как я пойму, что я стал лучше, достиг чего-либо?

— О, это нескончаемый процесс, мой юный друг! Обучение границ не имеет. Тебе всегда будет, куда расти. Главное — будь мягок, но не покорен, будь тверд, но не жесток. Во всем ищи баланс, равновесие — и не собьешься с пути. Найди учителя себе по душе. Но никогда не сотвори себе кумира, помни, что идеального в природе не существует, а хороший учитель должен защитить учеников от собственного влияния.

— Но я даже не знаю, кем хочу быть. Я, может, и явился в Гилеард, но не уверен, что быть Карателем — это мое призвание.

— Прислушайся к зову своего сердца и ищи в своем пути удовольствие. Но удовольствие должно сопровождаться трудностями, ведь лишь преодолевая себя мы становимся сильнее, да или нет? Не проси судьбу о легкой жизни, проси сил, чтобы справиться с тяжелой. И неважно, если не получается, если ты продвигаешься медленно, нужно лишь не останавливаться.

Спустя мгновение вышел человек в темной одежде и белой древесной маске, вокруг прорезей глаз были намалеваны языки пламени — та же символика Карательного Отряда.

— Кстати, парень, — уходя, бросил Эрлинггай, — этот старик, как ты выразился, и есть Третий Архимаг и Хранитель Хаглоры — мастер Йоши-Року.

Двери закрылись, а Клажиру оставалось лишь дожидаться приема и осмысливать слова старого жителя лесов Лайнур-Арая.

Убранство внутри не отличалось изысканностью — ни гобеленов, ни картин. Зато были развешены патриотические лозунги, листовки с призывами помочь родине и инструкциями, как готовиться к бою и ухаживать за оружием. Темноты внутри не было — факелы постоянно меняли, но освещали они либо голые стены, либо совершенно не нужные куски бумаги, на которых было начертано то, что давно уже приняли для себя или знали многие Каратели. Настаивал на их сохранении Глоддрик, твердя, что повторения — мать учения, а порой самые простые вещи соблюдать сложнее всего, поэтому, если напоминание будет у его подопечных перед глазами, командору будет спокойнее. Пленного первый патруль Карателей сразу принял и отвел в допросную, Йоши лишь взял с них обещание, что они не притронутся к нему, пока тот не обсудит насущные дела с Глоддриком. Глашатай препроводил их на верхние этажи, затем вывел на крышу. Йоши уже не первый раз видел зубчатое ограждение бастиона, из которого стрелок мог бы вести огонь и чувствовать себя вполне защищенным. Там их ждала старая знакомая Йоши. На вид ей было лет тридцать пять, одета неброско, в белого цвета сарафан, длинные русые волосы до середины спины и серые глаза выдавали в ней аргоянку по этнической принадлежности.

— Танриль? Слава Анлариэль, я тебя смог встретить! — Йоши радостно заключил ее в объятиях.

— Учитель? Господин Эрлинггай? А я-то как рада! Меня просили принять гостей, но предчувствие меня не обмануло — так и знала, что гости на сей раз будут непростые.

— Умница, не забыла моих уроков — маг в первую очередь должен научиться доверять своим чувствам.

Танриль по прозвищу Отшельница в Карательном Отряде знали все. Она была целительницей и чародейкой. Юная Кэлрен именно у нее и училась искусству врачевания травами. Но мало кому она говорила, что училась магии под личным руководством самого Йоши-Року. Хаглорианец еще в юные годы этой девы увидел мягкость ее души и стремление помогать ближним, посему уклон в ее обучении он сделал на целительство, в котором столь искусны дети леса.

— Обычно я занимаюсь обыском гостей, — сказала смуглая южанка, прислонившаяся к ограде, — но обыскивать брата Его Величества и Архимага было бы неслыханным оскорблением.

— А говорят, Каратели жестоки, — сказал Эрлинггай, — но говоришь ты, как вполне учтиво.

— Ты плохо меня знаешь, Эрлинггай Львиный Рёв, — ответила Энмола, пригладив творческий беспорядок на своей прическе, — но не будем терять времени, вас, я полагаю, командор Харлауд пожелает принять лично. Стоит удалиться в его кабинет.

— В недра Арзроговы бюрократию, — резкий возглас Глоддрика, поднимавшегося с лестницы, донесся до гостей, — что привело чародея и командующего королевской стражи ко мне?

За прошедшие годы он сильно изменился, пришла на ум мысль Эрлинггаю. Постарел. Тогда, в начале девяностых годов, на стене Вархула, когда северяне шли всей гурьбой на

шпурм, он также стоял на стене, но выглядел куда более полным сил. Тогда ему было около сорока, на лице морщин было куда меньше, ходил он с прямой спиной и весьма прытко. Сейчас же Ганрайский Демон немного осунулся, при ходьбе он чуть наклонялся вперед, сутулился, но не сильно, и отчасти прихрамывал. И остался одноглазым. Тем не менее, Глоддрик оставался, несмотря на свое увядание, одним из сильнейших бойцов всего Союза, если не Ранкора. Но было понятно, что лучшие годы его позади, а время его боевой годности приближается к закату.

— Приветствую, Глоддрик, — Эрлинггай учтиво поклонился, — долгое время мы не виделись после войны на юге.

— Мир и свет в дом твой и душу, Глоддрик Харлауд, — приветственно вознес посох кверху Йоши, — я надеюсь, мы не сильно тебе помешали своим визитом?

— Зависит от того, с чем вы пришли, — решил обойтись без приветствия Глоддрик, — перейдем сразу к делу. Нет времени на любезности.

Танриль вздохнула и всплеснула руками, мол, он всегда в таком расположении духа. Эрлинггай мотнул головой Йоши, дескать, говори ты, у меня хуже выйдет. Хаглорианец кивнул и заговорил:

— Нам довелось повстречаться с моим бывшим учеником. Варзхелом Арнлоугом, тем самым, что имел наглость угрожать королевской особе. В Сухих Колодцах мы столкнулись с приспешниками императора Азрога. Пусть и не совсем осознанно, но люди готовы следовать его губительным планам. Невежество — благодатная почва для семян зла. Темный чародей со своими сотоварищами собрал вокруг себя ганрайских головорезов. На наших глазах в фамильном доме клана Поющих Ветров останки императора Заргула были перенесены Варзхелом в неизвестном направлении. Поможет нам выяснить, куда именно — достоверный источник информации, пленный воин из сего клана, предавшего наш мир. Глоддрик Харлауд, бич равшаров и изменников короны, известно ли тебе что-нибудь о делах изменщиков?

Йоши не просто так задал этот вопрос. Магу не удавалось проникнуть в чертоги разума Ганрайского Демона и прочесть его мысли — слишком велико было сопротивление Глоддрика. Но от хаглорианца не укралось, что, несмотря на невозмутимо-каменное выражение лица при упоминании останков Заргула в глазу ганрайского ратоборца мелькнул отблеск стыда. Тот будто бы вспомнил момент, который считал своим позором. Так оно и было. Глоддрик до сих пор не мог отпустить досаду от упущенных останков Заргула, хоть и понимал, что против мага, даже не самого могущественного, он немного может сделать. Можно тренироваться всю жизнь, а после одним огненным заклятием маг-новичок сотрет в прах, сведя на нет годы упорной работы.

— Известно, — оскалился Глоддрик и нервно облизнул зубы, — Энмола, проинформируй их. Затем отведешь гостей в мой кабинет, мы обсудим дела наедине.

Пленный равшар, взятый около деревни Козьи Загоны, раскололся быстро. Кэлрен пыталась допросить его гуманно, но, по причине своей юной неопытности и нежности, не позволявшей применить насилие, она быстро сдалась. Тогда за дело принялся Норберт Гартахол самолично. Глоддрик никогда не проводил пытки, он терпеть не мог мучить беззащитных людей. Кровавые битвы — совсем другое дело, в них хотя бы он мог быть честен, пусть и жесток. Равшар продолжал храбриться и оскорблять правую руку Ганрайского Демона, чем вызвал лишь предвкушение удовольствия. Спустя пять минут из допросной камеры послышались безумные вопли и клятвенные уверения, что равшар готов

признаться в чем угодно, лишь бы убрали от него подальше щипцы. Энмола рассказала им все, что было известно Глоддрику — о служении воле императора Заргула, наборе рекрутов его сторонниками и стремлении захватить Союз, подготовив почву для вторжения империи Азрога в весь Ранкор. Император периодически появлялся изниоткуда и говорил с их предводителем — Варзхелом. Зачем именно Заргулу, существовавшему в форме духа, нужно было захватывать Ранкор, равшару понять не удалось, знал истинную цель императора Йоши, но он предпочел умолчать об этом, решив, что сделать дело первичнее, чем рассуждать о мотивах древнего зла. Эрлингая удивило другое — обычные люди, решившиеся верить свою судьбу Заргулу, ни разу не видели ни его, ни Азрога. Некоторые из них видели того мага-горхолда, который с Варзхелом заявился на королевский прием без приглашения, но, к примеру, бандиты из Сухих Колодцев даже его не знали. И тем не менее, они надеялись на Азрог. Сколь же велика сила убеждения Заргула, если его руки так далеко простирались.

— А что будет с клирийцем? — спросил Эрлингай, — его будут пытаться?

Энмола фыркнула, давая понять, что вопрос донельзя глуп:

— Да нет, зачем, мы заварим ему травяной чай, сделаем массаж, вежливо попросим рассказать, что он захочет. Конечно, будут, если он не захочет сотрудничать.

— Думаю, стоит предоставить переговоры с узником мне, — вставил Йоши.

— Я не считаю, что это хорошая идея, тем более, вас ждет командор.

— Но это ведь наш пленный, соответственно, мы имеем право распоряжаться им по своему усмотрению. Да и потом, разве не обрадуется Глоддрик, узнав, что мы своими методами сэкономили усилия пыточных мастеров. И пленный может рассказать нам больше, чем под пытками. Всем станет лучше и легче, разве нет?

Он в упор глядел на Энмолу, но дружелюбно, словно он ее легко, по-отечески подталкивал, но все же толкал он сильно. Эрлингай заметил, что кертахол на навершии все же блеснул на полсекунды. Воля Энмолы никак не могла устоять с силой внушения архимага.

— Ну, как скажете, мастер, — развела руками она, — я передам Глоддрику, что вы зайдете позже. Но учтите, он меньше всех прочих любит ждать.

— Премного благодарен, — удовлетворенно кивнул Йоши и направился к лестнице, — нет-нет, провожать не нужно, дорогая, путь мы успели запомнить.

— Гостям сюда нельзя, — часовой сделал попытку остановить Йоши, уже распахнувшего дверь силой мысли, — против правил.

— Друг мой, у архимага из Хаглоры должны быть особые привилегии, не находишь? — одной этой фразы было достаточно, чтобы стражник потупил взор, — к тому же, я один из советников самого короля Аргои, а также учитель его придворного мага. Неужели ты мог подумать, что я обману доверие твоего начальства?

Если бы не та глубинная сила, скрывающаяся во взгляде желтых глаз и уверенном тоне старческого голоса, сила, подпитываемая магией, проводимой магическим кристаллом через посох, усеянный тайными письменами, стражник и не подумал бы пропустить мага, каким бы влиятельным тот ни был. Взаимодействие происходит на более тонком уровне, сила энергетической сущности обычного человека куда слабее тренированной и прокачанной ипостаси чародея в тонком мире. Правда, меч Эрлингая пришлось сдать на входе. Они прошли внутрь, клириец уже сидел на простецком стуле, руки его были сведены за спинкой кресла и связаны морским узлом. Неподалеку были выставлены самые разнообразные

пыточные орудия — череподробительный винт, тиски для пальцев, шипастый дробитель колен, машина для колесования и многое другое.

— Благослови тебя Анлариэль, южанин, — скорым шагом Йоши встал в полуметре от пленника, — в незавидном положении ты оказался, позволь заметить. Но мы можем облегчить твои проблемы. Все, что от тебя требуется — откровенно и без утаиваний поговорить с нами.

— А не пошли бы вы, — сплюнул кровавым сгустком слюны бритоголовый клириец, судя по фингалу под глазом и промежутку в зубах, его успели как следует оприходовать практики Карательного Отряда.

— Хорошо. Я объясню тебе две вещи — почему тебе стоит открыться нам и, наоборот, не стоит лгать. Во-первых, тебе отсюда не выбраться без нашей помощи. Тебя будут пытаться, разумеется, ты все им расскажешь, каратели умеют допрашивать. Их пыток никто не способен выдержать. А затем тебя либо убьют, либо бросят зализывать раны и доживать остаток жизни в застенках Гилеарда. Обращаются с заключенными там хуже, чем с последним мусором. Но если ты расскажешь мне все, что знаешь, я смогу убедить Глоддрика отпустить тебя и дать возможность начать новую жизнь. Иными словами, приговорить себя можешь лишь ты сам.

Клириец поиграл желваками и облизнул губы.

— Если я предам своего повелителя, люди Варзхела найдут меня и убьют.

— Я тебя умоляю! Весь мир открыт перед тобой. А последователи Заргула далеко не все могут объять. Хочешь — отправляйся в Хаглору, наш народ сможет гарантировать полностью безопасное убежище. Или же отправься в Храм Мечей, никто не посмеет тронуть владения мастера Агриппы. Ты можешь податься даже на Пятиконечную Скалу к нашим крылатым друзьям. К тому же, если ты поделишься сведениями, возможно, это будет переломным событием в нашей борьбе, и Заргул падет. Что скажешь?

— Даже если ты не врешь, хаглорианец, даже если меня выпустят. Что меня ждет за стеной? Убогая жизнь нищего? Бродяги? Нападки банд северян, не любящих моих темнокожих собратьев? Заргул обещал сделать всех равными между собой. Пока сливки общества собрали все богатства у себя в кармане, людям, которые ничего не умеют, не имеют нужных связей, происхождения, остается пусто. А если империя Азрога победит, люди заживут в новом, честном и справедливом мире, управляемом мудрым и могущественным вождем. Будет преступлением с моей стороны выдавать информацию, зная все это!

Йоши облокотился на посох и заложил руку на затылок, раздумывая, с какой стороны зайти в разговор.

— Как твое имя, парень?

— Айсарах.

— Заргул говорит о счастливом, идеальном мире. Чтобы его построить, он хочет силой разрушить старый. Всех несогласных он готов смести, а оставшихся железной метлой загнать в будущее, какое он найдет необходимым. Невозможно построить счастливое будущее на чьих-то костях, Айсарах. Можно победить других, куда сложнее победить войну в себе. Вы перенесете в новый мир свою тьму, тщеславие, жажду власти, жестокосердие и раздор. Расы Ранкора не изменятся так быстро, как ты думаешь. Они могут жить по указке Заргула, который их запугает, но ненависть и междоусобные конфликты никуда не денутся. Будет лишь господство щупальцеголовых во главе с их бессмертным хозяином. Который,

кстати, неискренен в своих намерениях. Быть может, он говорит, что хочет сделать мир лучше, но он не способен сделать это. Тот, кто сеет вражду и развязывает войну, не знает, что такое жить в мире и гармонии. Заргул одурманен силами подземелий Азрога. Он искренне верит в свои «благие» намерения, поскольку изначально он был благороден и честен, но темная сила подземелий обманывает его, выдавая ложные мысли за его собственные. Сила, повелевающая им, хочет одного — вырваться на свободу и поглотить все, что можно. Есть лишь один способ сделать нашу жизнь лучше — начать с самих себя. Лишь победив зло в себе, мы сможем строить славное будущее. Согласен со мной?

Клириец долго молчал. Свет посоха, загоравшегося в произвольные моменты проникновенного монолога старца, отражался в черных глазах южанина, его отсветы перекрывали блики факелов на полу и стенах. В конечном счете клириец проронил:

— Возможно, ты и прав, старик, мне есть, над чем подумать. Вряд ли Заргулу есть до меня дело, я ведь расходный материал.

— Вот именно! Разве может так относиться к людям тот, кто желает им лучшего будущего? — похватил Йоши.

— К чему умирать здесь, действительно? Зачем жить в подвале с крысами? Я постараюсь ничего не упустить.

И он заговорил, как подумалось Эрлингаю, распелся, как соловей. Выложил честно все, что знал о планах Заргула и раскладе сил его пособников. Как уже было известно хаглорианцу и остальным, Заргула действительно собираются воскресить. Его останки телепортируются с места на место, передаются из рук в руки чернокнижников, чтобы достичь забытых земель Азрога. Узнали они, что в границах Союза помогают Варзхелу люди, в основном наемники или маги-ренегаты, также подтягиваются равшары из племени Алых Владык и Кровавых Драконов. Йоши уже догадывался обо всем этом. Более полезными для него представились сведения о расположении двух базовых точек концентрации сил последователей Заргула. Хаглорианец благословил клирийца и дал обещание, что добьется его освобождения.

— Друг мой, как же я за тебя рад, что ты принял верное решение. Анлариэль была бы очень довольна тобой.

Эрлингай на выходе из допросной сказал Йоши, что его восхитили методы переговоров старого мага. Без применения насилия он выпытал больше, чем смог бы Гартахол со всем своим усердием и за гораздо большее количество времени.

— Мой учитель, Второй Архимаг и Хранитель Хаглоры, всегда говорил: побеждай зло добром, а гнев — спокойствием, ложь — истиной, а бедность — щедростью. Мы по-человечески говорили с этим несчастливым лиходеем. И сумели зажечь в нем искру разума. И, кстати, помогли ему сделать мир лучше.

Эрлингаю нечего было на это возразить.

Йоши наказал Эрлингаю ждать его в коридоре, сам же направился в рабочий кабинет командора Карательного Отряда. Морщинистой, но твердой и жилистой рукой Йоши отворил тяжелую бревенчатую дверь с железной оконтовкой и вошел. Убранство рабочего места Глоддрика было напрочь лишено удобств — не было ни ковра, ни мягких кресел — один лишь дешевый письменный стол у небольшого решетчатого окна и гобелен с гербом Ганрая. Хаглорианец уловил некое сходство с засохшим деревом на полотне с самим собой, старый чародей уже вплотную подошел к финалу своего жизненного пути, но, как и дерево,

устремившее свои ветви к солнечным лучам, так и он еще старался держаться. Пока что ему это удавалось — тело было относительно здоровым, а ум пребывал в полной ясности. Лишь морщины, воспоминания и легкое чувство близости конца служили напоминанием архимагу о прожитых годах. Бывалый воин, разбиравший бумаги за столом, разглядывающий через лупу их мелкий шрифт, тоже был сродни этому дереву, он еще оставался воином и командовал оперативным штабом Ганрая, но листва на его могучих ветвях, если провести такое сравнение, уже начала желтеть и высыхать.

— Я не люблю, когда опаздывают, — отрывисто бросил Глоддрик, скомкав и бросив к стене один из листов.

— Друг мой, — Йоши умиротворенно, точно сытый удав, прислонился к стене, — знал бы ты, сколько времени мы сэкономили твоим людям. Пленный южанин поведал нам все, что ему было известно. Вы бы провозились куда дольше. К тому же, мы спасли вашего человека из западни, негоже быть столь нелюбезным с нами.

Глоддрик встретился с ним взглядом и выдержал его.

— Гартахол — никчемный идиот. Расколол того равшара — и полез в пекло, ничего мне не сказав. Теперь вы допрашиваете людей в Гилеарде без соизволения. Все здесь проходит через меня. Договолись? — сквозь зубы прошипел Глоддрик, подавшись вперед.

— Я здесь как раз затем, чтобы договориться с тобой, Глоддрик Харлауд. Ни к чему пытаться все контролировать — этот мир необъятен даже для такого влиятельного человека, как ты. Надежда сладить со всеми напастями возникает лишь с союзниками, которым можно доверять. Мы нужны тебе. Одним вам не совладать с Варзхелом — его я возьму на себя. Эрлинггай имеет рычаги влияния на короля, он сумеет убедить его выслать вам подмогу. А вы нужны нам и стране, мне одному не перебить всех врагов этого мира. Что скажешь?

Но в неистовый взор этого демонического алого глаза проникла сила убеждения лесного мудреца. Он продолжил более спокойным тоном:

— Хорошо. Я согласен с вами работать. Поделись сведениями. И что ты предлагаешь?

Йоши победно сжал кулак и улыбнулся — даже такие непростые люди, как этот одноглазый альбинос, поддаются, если зайти с нужной стороны.

— Последуем здравой идее — нанесем удар по средоточию их сил. Люди Заргула еще не готовы пойти в атаку, опережающий же удар часто приводит к победе. Соберем силы и ударим в двух точках, — Йоши взял сверток карты Союза с края стола и развернул его, указав в паре мест, — здесь стоит пустующая крепость именованного в прошлом барона, чей род был прерван, а казна разорилась. Точнее, уже не пустующая, ее заняли наши «друзья». Здесь, — он указал на Сухие Колодцы, — судя по предательству клана Поющих Ветров, также собираются сторонники Заргула. Ударим сегодня же. Предлагаю разделить силы и атаковать два места одновременно.

Глоддрик облизнул губы и улыбнулся уголком рта, предвкушая очередную возможность нашинковать врагов короны. Совсем недавно он насмерть дрался один против толпы равшаров, и вот его уже ломает изнутри — лишь бы подраться. Это терзало, мучило душу старого воина, но, возможно, именно эта пагубная страсть и делала его самим собой.

— Хм, — он наклонился и тоном, не требующим возражений, изрек, — расклад такой — я, Эрлинггай и Гартахол с пятью сотнями карателей берем штурмом крепость. Остальные под руководством Энмолы отправятся в Сухие Колодцы и наведут там порядок.

— А я в нужный момент окажусь в нужном месте. Так у нас, чародеев, заведено.

Глоддрик знал, о чем старик говорил — магу достаточно секунды, чтобы силой мысли

перенестись за много миль в необходимое для телепортации место. Если бы все его лазутчики обладали этой способностью, преступность искоренили бы навеки.

— Драконобой! — рявкнул Глодрик, дверь распахнулась, и вошел человек, с прической в виде красного гребня, покрытый татуировками.

— Да, командор?

— Передай Гартахолу — пусть собирает людей на внутреннем дворе. Сам пусть идет ко мне за последующими распоряжениями. Через час выдвигаемся.

Йоши лишь снова улыбнулся, потирая руки. Он понимал, что его появление совпало с началом действий Глодрика — он и сам бы узнал об этих базах Варзхела и отправил бы туда силы. Вот только погибло бы множество людей, если бы каратели столкнулись с магами.

Эрлинггай же давно покинул коридор и упражнялся в фехтовании на тренировочной площадке. Через некоторое время Глодрик с Гартахолом собрали всех возле тренировочных чучел и разбили на отряды. За стенами Гилеарда ждало еще больше солдат в боевом облачении — на сей раз без масок, лишь кольчуга и шлем с забралом, окрашенным в традиционные для карателей языки пламени. Йоши остался в кабинете Глодрика, тот не возражал — проявить недоверие к почитаемому во всем Союзе архимагу было бы непростительно. Спустя время вошла светловолосая девушка — та самая Кэлрен Целительница, латающая поранившихся карателей. Она знала, что Йоши учил ее наставницу, посему испытывала благоговейный трепет при виде его. Хаглорианец же полностью освоился в кабинете и выполнял причудливый комплекс упражнений. Медленные движения, перетекающие одно в другое — круговые шаги с плавными движениями рук, словно охвативших огромный шар и перекатывающих его. Этот причудливый танец, как подумалось бы многим жителям Союза, был древней духовной практикой хаглорианцев, предназначен он был для тренировки сосредоточения и управления течением энергии по телу. Йоши готовился к использованию магии.

— Мастер Йоши? Время пришло, командор просил передать Вам, чтобы вы...

— К чему было тратить силы, девочка? Я заранее все рассчитал.

Йоши вытянул руку к стене и посох по мысленному призыву рванул в его пальцы. По прошествии мгновения Кэлрен ослепила яркая вспышка света. Когда она открыла глаза, Йоши-Року в комнате уже не было.

— Ребята, мне правда очень приятно, что вы хотите помочь. Но, заклинаю вас, не стоит. Идти в Сухие Колодцы слишком опасно для вас.

— Но ты меня уже столькому научила, Юки! Я даже огонь могу вызвать! — потряс он корявым посохом из старого вяза, — ну, правда, небольшой, так, свечку зажечь. Зато зад могу подпалить этим бандюгам!

Юкиара усмехнулась, открыла рот, но ее перебил Арстель:

— Юки, мы взрослые люди и понимаем, на что идем. Просить Алагара помочь бессмысленно — он только удержит тебя. А кому можно доверять из его людей мы не знаем, а ты если и знаешь, не скажешь.

— Я не собираюсь никого просить рисковать жизнью, — отрезала Юки, — мне страшно за Шойрила и Брока, они долго не возвращаются. Вдвойне страшно за вас, ведь я едва ли смогу вас защитить.

— Мы и не собираемся драться. Может, удастся договориться? — пожал плечами

Арстель, — например, выкупить ребят, если их взяли в плен, головорезы часто сговорчивы, когда видят полный кошелек.

Юки еще долго отнекивалась, но все же решила не возражать. Всему виной то, что ее видели Хельд и Арстель, стоящей у забора и курящей. Юки все тогда хлюпала носом и утирала слезы после разговора с Алагаром. Потушив окурок, она одним прыжком перемахнула через ограду и направилась за пределы Крестала. Арстель перелез через забор, Хельд — за ним, и вот они нагнали ганраянку, испуганную, но не за себя, лишь за товарищей и своих незваных спутников. Они встретили извозчика из соседней деревни, который вез бревна как раз по направлению в Вархул, столицу Ганрая. Селяне зачастую оказывались людьми широкой души, не требуя ничего взамен, готовые помогать землякам. Все трое забрались в телегу и возле сложенных бревен устроились, наслаждаясь видами. Травянистые поля, редкие хутора и мельницы, огоньки дальних деревень — все это навевало Арстелю легкую тоску и жажду приключений. Ему хотелось обойти все эти малознакомые места и рассмотреть их поближе. Но мысленно он постоянно возвращался к опасностям, предстоящим им. Его одолевал страх — зачем они ввязались в эту авантюру? Конечно, он многому успел научиться в тренировках, но против матерых преступников он едва ли сумеет выстоять. Но его тянуло к Юкиаре, он видел, что и она совсем не против его общества. Он ловил себя на мысли, что движет им желание произвести впечатление на Юкиару, сделать ее своей должницей больше, чем стремление вызволить новоиспеченных односельчан из возможной беды. Арстель пытался отогнать эти мысли, сосредоточившись на главном — ведь в священных писаниях было сказано о самопожертвовании во имя ближних. Его родители учили его тому же. Если Алагар этого не понимает — это его проблема. Хельд же ловил момент и созерцал окружающие его пейзажи. Прогулку в самый бандитский район Союза он почитал за возможность получить интересный опыт и новые впечатления, не слишком задумываясь о последствиях. В глубине души он понимал, что струсит, если опасность настигнет его, но всеми силами старался не думать об этом. Юки ни секунды не беспокоилась о себе, мысленно она уже представляла себе Брока и Шойрила, распятых и обезглавленных, и сердце ее сжималось. Арстелю на миг хотелось приобнять ее, но он решил держать себя в руках, тем более, Хельд легко мог бы его засмеять.

Вскоре они подошли настолько близко, что смогли увидеть очень отчетливо стену Вархула и факелы в руках часовых на ней. Юкиара знала дорогу, ведь Ганрай был ее родиной. Она их провела быстрым путем — через узенькие улочки спальных районов и ремесленных улиц. Они прошли несколько огородов на окраине города и наконец набрали на вывеску «Сухие Колодцы. Заходи с гордо поднятой головой, выходи — вперед ногами!»

Седобородый попрошайка в широком капюшоне притулился в углу у входа на эту территорию с протянутой треснутой миской. Юкиара не сдержалась и бросила ему полный кошелек со своего пояса.

— Держи, батюшка, тебе это нужнее.

Старик благословил ее и ее спутников, но, увидев, куда они направляются, крикнул:

— Юнцы, нечего вам делать там! Уносите ноги, пока можете. Сухие Колодцы — не место для порядочных людей.

— Мы знаем это, — ответила Юкиара, и рассмеялась, — поэтому мы туда и направляемся.

Имела она в виду на самом деле то, что порядочные люди — ее собратья, там задержались, но фраза девушки прозвучала двусмысленно. Бедняку было это не важно,

главное — у него появились деньги на похлебку на ближайшую неделю.

— Если наткнемся на местных, говорить буду я, — сказала Арстелю и Хельду Юкиара, — а теперь — за мной!

Они вошли в этот городок из палаток, землянок и изб, обвешанных щитами с символикой местных кланов, декоративными ятаганами, топорами и украшениями вроде бычьих или порой человеческих черепов. Краем глаза Арстель заметил движение сзади, он обернулся и увидел, как за входом мелькнула темная человеческая фигура, но тут же исчезла. Не придав этому значения, быть может, привиделось, он последовал за Юкиарой. Девушка подошла к одинокому клирийцу, подбрасывающему нож одной рукой у кольев забора.

— Привет тебе, друг! — помахала рукой она, — не видал ли в этих краях новых лиц?

— Может, и видал, — поймал он двумя пальцами лезвие ножа, — только тебе-то что?

— Ой, да ладно тебе! Любопытство же не порок! — рассмеялась она, подходя ближе, — скажем так, я ищу кое-кого. Такой ответ устраивает?

Клириец что-то неразборчиво промычал, бросив взгляд на очертания ланит Юкиары, примостившейся рядом с его плечом.

— Так ты видел кого или нет?

— Я столько видел, ты даже не представляешь! Только вот память подводит, если бы чем-то можно было ее освежить...

— А если так? — Юки осторожно протянула ему горсть серебряников.

— Да, точно! Что-то припоминаю! — кладя их себе в заплечный мешок, воскликнул клириец, — заходили странные типы — энросец с луком и другой, в бандане, вроде местный. Задавали странные вопросы, особенно ластились к клану Плавающих Скал. Последнее, что я видел — это как они зашли во-о-он в тот дом, — он указал на крытый соломой дом, крыша которого была устлана древесными круглыми щитами, — похоже, они оттуда так и не вышли. Видать, наскучили эти шалопаи рогатым убийцам из пустош!

— Что ж, спасибо, всегда интересно услышать... нечто новое.

Юкиара устремилась к своим спутникам и, приобняв их обоих, повела за собой. Арстелю стало легче на душе от ее прикосновения, но сердце у него ходило ходуном. Сапожнику было не по себе от сваленного возле хижин и палаток оружия, костров и вооруженных людей агрессивного настроения, косящихся на пришельцев с явной неприязнью, мускулистые фигуры равшаров, в чьих клыках и карих глазах плясали блики пламени. Хельд, как ни странно, расслабился. Он полностью доверился судьбе и этой жизни, что все произойдет должным образом, подобно фаталисту. Отчасти, возможно, он и рассчитывал на Юкиару, которая, разумеется, не собиралась бросать в беде друзей. У дома с соломенной крышей их остановил равшар, окинул их хмурым взглядом и натужно проговорил с грубым акцентом:

— Нечего вам здесь околачиваться. Это место только для своих. Проваливайте, пока целы.

— Спокойно, не дергайся, — подняла руки Юкиара, отходя назад, — мы лишь проходили мимо, до вас нам нет никакого дела, честное слово.

— Даю вам минуту, чтобы исчезнуть. Рекруты нам не нужны, а чужаков не любим, — он перехватил ржавую секиру обеими руками.

— Что ж, поняла тебя, — развела руками Юкиара, — ваша территория — ваши правила.

Пока Юкиара общалась с караульным, Хельд за спиной полуголового равшара прыгнул на плечи Арстеля, дабы дотянуться до высокого окна хибары. Тощего флорскела было поднять

легко, но Арстель успел мысленно посетовать, что из-за детской травмы Хельд потерял способность летать. Вместе с Юкиарой они взобрались по склону соседнего с этим пригородом холма и решили оценить обстановку.

— Они внутри, никаких сомнений! — воскликнул Хельд, — можно это утверждать с той же точностью, как и что я — неотразим.

— Да ты что! — Юкиара закрыла лицо руками от всплеска эмоций, — надеюсь, они не пострадали или хотя бы несильно! По крайней мере, мы в силах вытащить ребят...

— Только их связали и привязали к сваям, — добавил Хельд, — но ты не беспокойся, они не пострадали, правда, их физиономии немного помяли.

— Ой, кого из нас не били, — улыбнулась Юкиара, — главное, что парни целы. Спасибо вам, что помогаете, я даже не знаю, что и сказать!

Она стиснула Хельда и Арстеля в объятиях, но прилив радостных чувств Юкиары быстро сменился на сосредоточенность.

— Я уже в долгу перед вами, но не хочу, чтобы вы пострадали. Прошу вас, ради всего святого, сидите здесь и не высовывайтесь! Я отвлеку этих амбалов, проберусь в эту развалюху и вызволю братьев. Дальше — по ситуации, но хорошо бы сразу после освобождения делать ноги.

— Юки, а ты уверена, что хорошая идея спасти их тебе одной? — сказал Арстель, — может, стоит сбегать в Гилеард и сообщить Карателям?

— Я тебя умоляю! — недоверчиво фыркнула Юкиара, — мы для них чужие, может, такие же бандиты, как и эти из Сухих Колодцев. Едва ли они затеют разборки с одним из кланов ради двух сомнительных ребят не пойми откуда. Я быстро, ребята, давайте не будем спорить. Мне нужно собраться...

Девушка присела на корточки и полезла рукой во внутренний карман куртки. Достала странного вида жезл в виде древесной рукояти с кертахолом на навершии и длинной цепью с шарообразным грузилом на конце вместо лезвия. Цепь она обмотала вокруг руки и направила кертахол в сторону здания, соседствующего с домом клана равшаров. Это был склад провизии, амбар — простецкая конструкция с прямоугольным основанием и плоской крышей. Юкиара еле слышно прочла заклятие на мертвых языках древности, и амбар вспыхнул, как сухое село, политое горючим маслом. Арстель отшатнулся, а Хельд аж подскочил.

— Юки, а ты жестокая! — крикнул крылатый.

— Это иллюзия! Ничего там не горит, это для отвода глаз. Ну, все, я пошла... — она ловко скатилась по склону и кинулась за угол обители клана Плавающих Скал. Равшары уже забили тревогу, поднялся шум, и вот уже рогатые воины, вымазанные в крови, бежали за водой — тушить ненастоящий пожар. Юкиара дождалась, пока дом опустеет — и вбежала внутрь.

— Арстель, ты куда? Сказала же она ждать! — одернул друга Хельд, — с каких пор ты стал таким непослушным мальчиком?

— Да мало ли что она сказала! — крикнул Арстель, — я не позволю ей отправиться в логово этих монстров одной!

— Как будто я бы позволил! Это я тебя проверял, дружище, — расхрабрился Хельд, — а теперь — следуй за своим командиром — легат Хельд ведет в атаку!

Когда они обошли столбы, придерживавшие навес, вырезанные в виде тотемных чучел племен равшаров, перед глазами друзей возникла картина сущего хаоса. Везде были свалены

вырезанные из дерева идола павших равшаров — героев племени Алых Владык. Во время завязавшейся схватки были опрокинуты почти все памятники почивших легенд, лишь один истукан, изображавший одного из вождей, остался на своем пьедестале, вымазанном в крови. На черном полотне, растянутом на потолочных балках, кровью вымазан был древний символ Азрога, столь нехарактерного для равшаров и вполне ожидаемого для приспешников Заргула. Трое равшаров кружили вокруг Юкиары — девушка мастерски раскручивала над головой цепь со стальным грузом и не подпускала врагов к себе ближе, чем на три шага. Брок уже достал два кривых окровавленных равшарских клинка в замену своим ятаганам, а Шойрил, оставшийся без лука, вступил в борьбу с худосочным кровавым воином, они катались по полу, рьяно молотя друг друга и пытаясь вырвать из рук друг друга короткую пику. Юки выбросила цепь и рванула ее на себя, обезоружив одного из равшаров, обратным броском она угодила ему грузом под дых, двое бросились на нее, но ганраянка сделала кувырок и с пола хлестнула их своим оружием по ногам — двое равшаров рухнули на пол. Подняться им она не дала Шойрил и Брок, расправившиеся со своими врагами.

— Как же хорошо, что ты пришла, Юки! Что бы мы без тебя делали! — воскликнул Брок, дружески пихнув Юкиару в бок.

— А меня напрягает, что она пришла одна, — недоверчиво скривился Шойрил, — Алагар не мог прислать нормальную подмогу?

— Свинья ты неблагодарная! — крикнул Арстель, — она жизнь тебе спасла! Если ты хочешь знать, Алагару и дела до вас не было, если бы вы здесь подошли, он бы и пальцем не пошевелил.

— Не смей говорить так о наставнике! — проорал Шойрил, — кто ты такой, чтобы его оскорблять?

— Не веришь — спроси Юкиару.

— Вы зачем сюда пришли? — схватила за голову Юкиара, — твою мать! Вас же первыми убьют. Быстрее — зайдите за наши спины и найдите себе какое-нибудь оружие, может, прорвемся.

— Да я сам — совершенное оружие, — крикнул Хельд, — у меня есть два огромных ствола! Один в руке, другой — в штанах. Что еще может быть нужно боевому магу?

Никто и слова сказать не успел, за стеной послышался топот ног, и внутрь ворвался отряд равшаров.

— Хитро вы придумали — ложный пожар, — сказал вождь клана, держащий в руках боевой жезл с рядами зазубрин по четырем сторонам от стального ствола, — но второй раз нас не проведешь. Если вы сдадитесь — слово Алого Владыки, ваша смерть будет легкой.

— Мы выжмем всю вашу кровь, напьемся ею и используем в обрядах! — орал подручный вождя, который был ниже его на голову, — измажем ею оружие. Говорят, кровь магов действует лучше некуда, нам плевать, кто из вас наколдовал эту иллюзию, его кровь все равно наша. Никому не вырваться отсюда...

Договорить равшару не дали. В воздухе блеснула сталь, отражая ряды факелов внутри избы, кусок железа отскочил от косяка входной двери и рикошетом прилетел в орущего равшара, воткнувшись аккуратно в его шею.

— Всевышний Арай Илгериас запрещает убийство живого, — раздался знакомый нашим героям голос, — если только это живое не является порождением зла. Бог покарает вас моей рукою, дикари-отступники.

— Что это за... — сказал кто-то из равшаров и тут же получил метательный нож в

висок.

— Шаабан?! — воскликнул Брок.

Монах, одетый в желтую рясу, вместо четок держал в руках сразу восемь метательных ножей. Он обернулся вокруг своей оси, осыпав врагов дождем из лезвий, и вот уже почти десяток равшаров пали замертво, обливаясь кровью. Вождь клана сумел отбить оружие своей палицей.

— Клирийское отродье! Готовься отправиться к своему Илгериасу!

Вожак налетел на Шаабана, замахнувшись на него палицей. Юкиара уложила троих равшаров вращательными ударами своей боевой цепи, стараясь не убить их. Равшары отделались выбитыми коленями и мозговыми сотрясениями. Шойрил метнул пику другому, угодив ему прямо в грудь, а Брок изо всех сил рубился с двумя оставшимися врагами. Описав своими новообретенными парными клинками восьмерку, он выбил из рук врагов топор и кинжал, последующим движением отсекая им головы.

Хельд наслаждался зрелищем, вытаращив глаза. Он выкрикивал поддерживающие возгласы алагаритам, попытался кинуть в вождя клана огнешар, но, будучи новичком в магии первоэлементов, он не сумел вызвать ничего, кроме слабого огонька на своем кертахоле.

Шаабан плавно ушел от размашистого удара палицей, присел под второй, нацеленный в голову, отскочил в сторону, уходя с линии атаки, при ударе снизу вверх шипастым оружием. Развить атаку вождю воин-монах не дал возможности. Он выхватил с пояса парные кинжалы и, подойдя вплотную к оппоненту, нанес три резких ножевых удара в брюхо и молниеносным рубящим движением рассек глотку могучему двухметровому равшару, который повалился наземь, фонтанируя мощными струями крови, как горный ключ.

— Должен признаться, я шел за вами от самого Крестала, и мне было интересно, как вы собираетесь вызволять незадачливых разведчиков, — улыбнувшись, он взглянул на Юкиару, — диверсия с воображаемым поджогом — идея неплохая, но слишком рискованная. А теперь — уходим.

Спасатели и спасенные выбежали за пределы дома и остановились на полном ходу. Сюрприз, ждавший их, был явно не из приятных.

— Кажется, это будет несколько сложнее, — проговорил Шаабан, стиснув свои ножи.

Их окружило с полсотни равшаров из клана Крошителей Черепов. Выходцы из племени Костяных Драконов, увешанные и истыканные украшениями из хрящей, позвонков и костей животных, людей и сородичей, они направили костяные мечи и копья на своих жертв. На набедренных их повязках и туниках красовалась та самая эмблема Азрога. Сквозь эту толпу протиснулся тот, кого встретить среди равшаров было наибольшей опасностью для храбрых воинов Крестала. Бычий череп на голове, в руке — костяной посох, торс закрыт хребтом погибшего дракона вместо кирасы. Кразлак Губитель, тот самый, который едва не лишил жизни самого Глоддрика Харлауда, явился.

— Вы освободили шпионов, врагов императора, — сирым голосом прорычал он, — спасение лишь одно — покоритесь императору Заргулу. Иначе быть вам съеденными заживо скверной, изничтожающей плоть подобно ржавчине, пожирающей сталь.

Чувство безысходности сковало друзей. Шаабан закрыл глаза, решившись в последний раз произнести молитвенные слова, Шойрил и Брок стукнулись кулаками, Юкиара взяла за руку Арстеля и сжала ее, взглянув на него, мол, мы умрем вместе. Хельд же, пытаясь скрыть свой страх, изрек.

— Засунь кости своего дохлого Заргула себе в задний проход!

— К чему эти грубости, парень? Достаточно же сказать — обернись, вдруг этого любителя магии скверны поджидает опасность, о которой он и не подозревает.

В двадцати шагах от них неторопливо плелся Алагар, лениво перекручивая посох в одной руке.

— Наставник... — прошептала Юкиара, на ее глазах навернулись слезы счастья.

Остальные же слова не могли сказать от радости и волнения.

— Юкиара, ты оправдала мои ожидания. Я с интересом ждал, как ты себя поведешь, но ты, несмотря на мои слова, отправилась спасать товарищей одна, рискуя своей жизнью. Я не только удостоверился в твоей чистоте, верности и отваге, но преподал тебе важный урок — что бы ни говорил наставник, умей думать своей головой и слушай свое сердце. Никогда не следуй тому, что противоречит здравому смыслу, кто бы тебе что не говорил.

— Кроме меня, конечно! — вставил свою реплику в наставления Хельд, — меня слушать можно и даже нужно. Плохого не посоветую.

— Для начала уберем из уравнение посторонние переменные, — протянул Алагар и взмахнул посохом.

Равшары грянулись оземь словно подрубленные деревья. Но они еще дышали, груди их ровно вздымались, это было простейшее заклятие усыпления. Простое, но выполненное таким большим мастером, что Кразлак был не в силах развеять чары.

— Ты? — округлил глаза Кразлак, и его изувеченное шрамами и ожогами лицо искорежилось гримасой ненависти, — предатель, как ты посмел явиться во владения императора?

Алагар окинул взглядом окружающую их панораму убогих домишек и палаток, складов оружия и провизии, кузней и остальных бандитов, старавшихся держаться подальше от места разборки, но наблюдавших за действием.

— Знаешь, почему я покинул красноликого императора? Он ни во что не ставит народ. О, да, народ, единственный претендент на эти и остальные земли. Братья и сестры, которых вы разделяете и подавляете магией, сталью, огнем и мечом. Но не выйдет, друзья, по крайней мере, пока я жив. К тому же не одни вы можете сражаться и колдовать. Если вы хотите жить, — он обратил взор на Арстея, Хельда, Юкиару и остальных, — не лезьте под руку. Сейчас здесь будет жарко.

Алагар не сводил глаз с равшара, стараясь сломить его, подавить волю к сопротивлению. Но ненависть чернокнижника к тому, кого он считал изменником своего повелителя, была слишком велика, чтобы дать ему сдаться.

Струи зеленоватой слизи устремились в сторону Алагара. Тут же из-под земли воздвиглась стена в два человеческих роста и, как только Алагар направил посох перед собой, устремилась в сторону Кразлака. Слизистая скверна растеклась по каменной стене, но прожечь ее не смогла — камень вдруг обернулся огромным сгустком магмы. Волна лавы, поглотившая скверну, надвигалась на равшара с бешеной скоростью, готовясь поглотить его. Он взмахнул посохом, и неукротимую огненную стихию окутало облако того же болотистого цвета дыма, тут же погасив пламя и заставив стену окаменеть, затем — треснуть и наконец обратиться в пыль. Алагар перехватил инициативу и, крутанув посохом, послал в Кразлака Губителя пять шаровых молний. Эти наэлектризованные сферы, бьющие во все стороны, со скоростью света достигли Кразлака, но повредить ему поначалу не смогли. Невидимый щит мага выдержал первые два удара молнии, затем треснул и раскололся, последняя же молния

ударил Кразлаку Губителю в грудь, заставив того отлететь в соседнее здание, служившее уборной. Хлипкие доски сломались под тяжестью его тела и посыпались на павшего равшара. Алагар собрался завершить дело — силой мысли он левитацией поднял в воздух брыкающегося темного чародея и собрался атаковать в последний раз. Но враг его опередил.

— Думаешь, меня так легко разнести? Под ноги лучше смотрел бы!

Равшар вытянул руку, и его костяной посох в тот же миг оказался сжатым его мясистыми пальцами. Кертахол засиял, а под ногами у Алагара разверзлось некое подобие зыбучих песков. Только вместо них была вязкая лужа скверны. Любого другого она бы засосала и растворила, но Алагару хватило доли секунды, чтобы просечь угрозу и поднять самого себя в воздух. Кразлак Губитель воспользовался отвлечением противника и разрушил его чары, приземлившись, он выкрикнул, сторбившись и держась за грудь:

— Ты все же достал меня, предатель! Но мы еще встретимся, помни мое слово. И тогда ты будешь молить императора о смерти.

За вспышкой света чернокнижника и след простыл.

— Что ж, можно возвращаться в Крестал, — в заключение произнес Алагар, — с пленными, разумеется. Сейчас я нас перенесу.

Но сосредоточиться на заклинании телепортации ему не дали. На улицы Сухих Колодцев стекались солдаты в форме Карательного Отряда.

— Служители закона? — осклабился Алагар, — как всегда, вовремя.

Дорога выдалась долгой и утомительной. Воины Карательного Отряда поголовно отправились пешком, Глодрик с Гартахолом вели колонну из нескольких сотен бойцов, Эрлингай вышагивал немного поодаль общего ряда, погруженный в свои мысли. Передвигались в молчании, Глодрик с первой же минуты пресек шум и излишние разговоры весьма успешно, каратели понимали, что с таким командиром шутки плохи. Лишь позади слышна была приглушенная болтовня Клажира, который что-то вполголоса втолковывал молодому легионеру. Лицо его молчаливого собеседника могло бы вызвать слезу и у камня, воин не понимал, за какую провинность его поставили маршировать рядом с этим деревенским говоруном. Они проходили околицы окраинных деревушек, редко им по пути встречались бродячие разночинцы, торговцы вразнос, повстречали даже одного менестреля, но все старались сойти с тракта в гущу травы, несмотря на то, что дорога по краям ныряла в кювет, лишь бы держаться как можно дальше от людей, наводящих ужас на весь Ганрай и даже Союз. Эрлингая тяготила настороженная неприязнь народа к стражам порядка — если бы не Карательный Отряд и жесткая внутренняя политика безопасности Глодрика, Ганрай с его вялым и безынициативным императором давно бы уже был свергнут в пучину беззакония. Умудренный опытом воин понимал причину такого отношения мирян. Людям легко проводить пышные парады в честь славных побед, размахивать декоративными клинками в показательных фехтовальных поединках, петь песни о кровопролитных войнах. Но все до безумия страшилось войны, хотя бы те, кто повидал ее на своем веку. То же самое и с карателями, которые становились палачами и убийцами, лишь бы люди могли спокойно жить и не запятнать свои руки кровью. Возможно, их сторонились оттого, что каратели служили ярким напоминанием, что где-то за пределами уютных домов горожан и поместий дворян, кибиток бродяг скрывается темная сторона жизни, столкнувшись с которой, человеку сложно остаться самим собой.

Вскоре северянин Кандал, самый высокий человек в Гилеарде, если не во всем Ганрае,

заметил пики башен в закатных лучах. Вскоре показалась заброшенная цитадель. Заброшенной она более не выглядела — наскоро, но хорошо отреставрирована, укреплена. Рвы вырыты и частокол заставлен у стен, сами стены были теперь напрочь лишены трещин и проломов от давнишних осад крепости. Это, как представлялось Эрлингаю, скоро изменится. Колонна карателей и не думала останавливаться. По словам клирийца, совпавшими с показаниями арестованного равшара, в замке находилось около семнадцати тысяч бойцов, тогда как Глодрик взял с собой лишь сотен пять боевых единиц. Единственным преимуществом карателей было присутствие архимага, но ведь у последователей Заргула тоже имелись в рядах магии. Йоши-Року, к слову, запропастился, как сквозь землю провалился, многих солдат это напрягало, даже Эрлингая. Лишь Глодрик втайне теплил надежду, что архимаг не покажется, дабы противоборство предстало более захватывающим. Каратели были лучше обучены, чем взятые практически от сохи рабочие и крестьяне, решившие податься в оккультистов и колдунов, следующих пути Азрога и равшары, сбежавшие из родных пустошей. До замка оставалось всего полкилометра.

— Не останавливаться, — окликнул своих людей Глодрик, — не сбавлять шаг. Доберемся — часовых снять, крюки на стены и вперед.

— Друг мой, к чему такие мудреные способы? — словно из-под земли появился Йоши, — необходимо войти как можно быстрее и тише, если дать им время опомниться, взятие крепости сильно затянется, и они задавят вас числом.

— Делай, что умеешь, — сказал Глодрик, подняв руку, давая приказ колонне остановиться.

— Стой, кто идет? — отчетливо донесся до ушей служителей Ганрая голос часового с рукой на языке колокола, — не останавливайтесь — я забью тревогу.

Глодрик напрягся, стиснув забинтованную рукоять своего клинка, который уже собрался метнуть в стражника. Йоши похлопал его по плечу, призывая к спокойствию, и подошел ближе к воротам. На стене стоял всего один юноша в балахоне, на котором немного нелепо смотрелся кожаный панцирь с бронзовыми пластинами, какой обычно носили обитатели юга, клирийцы. Невдалеке, рядом с самодельной табуреткой и фонарем, валялся на кафельном полу небрежно брошенный магический посох. Человек явно несильно интересовался магией, предпочитая носить самострел с охалкой болтов за своей спиной. Йоши покачал головой, оценив пренебрежение новичка к искусству магии. Хаглорианец не сказал ни слова. Он лишь поднял свободную руку и сделал круговое движение ладонью перед собой.

— Пожалуй, — стражник прищурился и внимательно оглядел толпу, — не так страшны демоны, как их малюют. Вы же соратники, это очевидно. Паранойя разыгралась, везде враги мерещатся. Еще бы, по соседству с нами каратели сидят. Кстати, один из вас так похож на этого, как его... Ганрайского Демона! Прямо один в один! Ну да ладно, пойду-ка я мост опущу. Варзхел разберется, куда вас девать.

Через несколько минут стали слышны лязганье цепей и скрежет древесных шестерней — подъемный мост медленно перевалился через ров. Глодрик взглянул на мага теперь с неподдельным уважением.

— Зачем высаживать дверь, которую можно легко открыть? — сказал Йоши.

— Вот дела! У него даже кристалл на палке не загорелся. Как это он так сделал, одной-то рукой? Или, может, дело во взгляде, интересно, а если... — начал было Клажир восторженным тоном под неодобрительные вздохи товарищей рядом.

— Заткнуться! — рявкнул Глоддрик, — все вперед.

Командор бежал быстрее всех, даже Норберт Гартахол за ним не поспевал. Йоши-Року тоже ускорился, ведь, как уже упоминалось, возраст практически не сказывался на его физических возможностях. Эрлинггай обнажил меч, остальные уже были при оружии. Они обошли ров, стены, вошли внутрь как нож в кусок масло благодаря мастерству хаглорианца. Теперь уже можно было воспользоваться эффектом внезапности и бить врага в лоб. Все это хорошо понимали, даже Клажир.

— Что? Кто это еще? Какой идиот открыл ворота этим... — завопил сидящий книжник-чародей, не успевши схватиться за посох и прочесть заклятие, как Глоддрик ураганом пронесся мимо и срубил ему голову на бегу.

На внешнем дворе крепости со стороны ворот находилось около двух с половиной тысяч новообращенных магов, поклоняющихся Заргулу, и равшаров, которые в отличие от более безалаберных людей держали оружие при себе. Каратели набросились на врагов подобно львице, выследившей антилопу в саванне. Эрлинггай сам не заметил, как его успели окружить трое равшаров — спасла безотказная школа Керриса Галарта. Он легко парировал и уклонился от атак первых двоих, перейдя в наступление, Эрлинггай вонзил клинок в прореху между реберными костями панциря ближестоящего равшара, обернулся полукругом и по инерции движения по косой линии сверху вниз рассек туловище равшара, вымазанного в засохшей крови, после чего воин Алых Владык был окончательно забрызган кровью, но уже своей. Эрлинггай бросился на последнего, раскручивая меч Фарендил в одной руке и норовясь угодить острием меча тому в солнечное сплетение. Равшар ушел с линии атаки и собрался неуклюже рубануть костяным мечом, но Эрлинггай даже и не бил. Он обманул равшара ложным движением, и враг попался в такую простую ловушку. Эрлинггай вспорол тому брюхо восходящим ударом клинка и добил, расколов мечом рогатый череп.

Клажир куда-то запропастился. Эрлинггай заметил, что он прятался за углом арки подъемного моста, объятый страхом, весь в ступоре. Внебрачный сын прошлого короля Аргои не смел винить мальчика в приступе малодушия — массовое побоище противоестественно людской природе. Лишь с течением времени люди переступают в себе эту грань и начинают свободно чувствовать себя в мясорубке. Некоторые настолько потеряны, что не могут жить без нее, подобно Глоддрику. Последний уже зарезал с пятнадцать магов-неофитов, не настолько мастеровитых, чтобы применить магию, но и недостаточно умелых, чтобы биться достойно в строю. Кандал разбрасывал равшаров и людей боевым молотом, бил он сверхбыстро, враги успевали лишь прикрывать свои головы руками, предоставляя молоту дробить их кости на куски. Гартахол вел шеренгу карателей к выходной арке, ведущей со двора, чтобы перекрыть пути к отступлению. Каратели в целом дрались лучше местных жителей, каждый из воинов Гилеарда убил по меньшей мере троих врагов короны, за исключением Клажира, которого пока что трудно было назвать воином. Маги, обучавшиеся у Варзхела, носящие красные гербы Азрога, с трепетом и дикими воплями бежали прочь, от Глоддрика они разбегались первее наперво, как от гремучей змеи. Равшары были посмелее и еще держали позиции. Глоддрик кинулся на них с остервенелой ухмылкой, разочарованный трусостью и дилетантством людей, он надеялся насытиться расправой над равшарами. Он подобно тарану пробурил их скопление и пошел честить врагов направо и налево. Равшары пытались защищаться и отбиваться, но Глоддрик был слишком быстр, силен и точен, его кровавое око выискивало бреши в обороне воинов пустоши, а твердая жилистая рука зазубренным мечом отсекала конечности, насаживала на

себя мускулистые тела равшаров и крошила их плоть. Остатки армии врага уже разбежались, чтобы их прикончил Гартахол, Кандал и остальные. Из карателей мало кто пострадал, соотношение потерь было близко к одному к десяти.

— Посторонись! — крикнул Йоши.

И в тот же миг ступок синеватой энергии со скоростью полета стрелы врезался в массивную дверь главного здания крепости, которая после оглушительного хлопка разрываемого энергетического шара взорвалась в щепки.

— Всем зачистить периметр! — скомандовал Глоддрик, — сразу после этого — за мной!

Очевидно, он был уверен, что с главными силами врага он сумеет справиться самостоятельно задолго до того, как каратели перебьют уже утративший боевой дух, сбитых с толку и ошеломленных рекрутов империи горхолдов. Эрлинггай, не ожидая приглашения, сорвался вслед за ошалелым ганрайцем.

— Какого ты за мной? Приказа не было!

— Ты не мой командир, Глоддрик, при всем уважении, — покачал Эрлинггай головой, вытирая о штанину кровь с меча.

— Хм, — повел бровью Глоддрик, не сбавляя ходу, и так ничего не ответил.

Крепость была недостаточно высокой, всего двух этажей — первый, представлявший собой трапезную, был пуст, за исключением валявшихся то тут, то там объедков. Оружие внутри было также раскиданным во все стороны, что говорило о полной неготовности заселившихся в замке лиходеев к ведению обороны. С улицы слышались оглушительные взрывы, треск земной коры и беспомощные вопли умирающих солдат. Прогремел очередной взрыв.

— Видать, это мастер Йоши старается, — Эрлинггай подошел к окну у лестничной клетки.

Открылась ужасающая картина — соседние башни были разрушены почти до основания и полыхали неугасимым зеленоватым пламенем, каменная кладка плавилась и на месте магменного болота сжигались в мгновение ока заживо тела как людей, так и равшаров, вот старый хаглорианец воздел посох кверху — и тут же в небе сконцентрировался шар, из которого во все стороны били молнии, этот электрический дождь обрушился на убегающих солдат Варзхела, затем он продолжил бить по постройкам в городе-крепости и по башням цитадели. Последнее подкрепление из дальних барачков бежали в отчаянной попытке застать врасплох Йоши, но ничего не удалось — колдун лишь прочел заклинание речитативом и взмахнул посохом, и после ослепительного блеска изумрудного кертахола прямо из облаков завертелся смерч и в смертоносном танце подбросил в воздух тела невезучих бойцов Заргула, раскидав их за сотни шагов от стен крепости.

— Глоддрик, ты бы с ним вел себя по деликатнее, мало ли, что этот хаглорианец еще умеет. Да он целого войска стоит!

— Идем дальше, — прервал восторженные возгласы Эрлинггай Глоддрик и бросился на следующий лестничный пролет.

Глоддрик был старше Эрлинггай более чем на десяток лет, однако рыцарь Аргои еле поспевал за ним. Следующий этаж был оружейным складом. И вот там лучших фехтовальщиков Союза ждал сюрприз неприятный для Эрлинггай и вполне радостный — для Глоддрика.

Командор Карательного Отряда вбежал в оружейный склад и налетел на полчища

северян. Сложно было назвать их полчищами, их было не больше двадцати, но на фоне двоих бойцов Союза их число было неимоверно большим. Было там и пятеро клирийцев, обступивших Эрлингя.

— Вот мы и встретились, падаль, говорил же, что я тебя изрублю на части! На сей раз этот болотный хмырь, долбаный лесной дикарь тебя не спасет!

Это говорил Наштар. Через его лицо тянулась повязка с вышитым черепом на глазнице. Броню он надеть не удосужился, облачился в холщовую клирийскую рубаху с узелками вместо пуговиц и те же шаровары. Остальные клирийцы надели броню и клирийские шишаки, обрамленные отчеканенными крыльями. Последние дни в крепости Наштар провел в мучениях. Он спал и видел встретиться с Эрлингаем. Ночами не спал и целыми днями ходил из угла в угол наедине с мыслями о своем горе и позоре. Потерял брата, потерпел поражение на глазах у своих братков, лишился глаза. До этого никому не было дела, кроме него самого.

Эрлингяй решил ничего не говорить в ответ — за него все скажет Фарендил куда убедительнее. Аргоец принял стойку, выставив меч перед собой в горизонтальном положении и медленно шагнул влево, но тут же ринулся в противоположную сторону и рубанул клирийца с краю. Тот сразу повалился на землю, выронив с грохотом свой топор и хватаясь за рассеченное горло. Трое клирийцев его пытались теснить, а Наштар норовил подобраться со спины, но Эрлингяй оперативно встал спиной к стене, дабы закрыть тыл. Его меч увел вверх саблю клирийского молодца с такой силой, что оружие едва не взмыло к потолку. Спустя долю секунды Эрлингяй отбил подлый удар пикой ниже пояса и вздернул вверх, Фарендил лишь промелькнул в воздухе, подобно падающей звезде, отбил удар третьего клирийского воина с Наштаром одновременно в голову. И с неразличимой для человеческого глаза скоростью проделал три движения — прорубил бок одному клирийцу, другому ударом в обратную сторону рассек шею и раздробил позвонки, третьего с разбегу пронзил мечом в грудь, точно попав в прореху между кадыком и оконтовкой кирасы. С Наштаром, не успевшим и сообразить, что произошло, они остались один на один.

Глодрик самозабвенно рубился с северянами, точнее, кромсал их. Ганраец был уже по пояс в крови. На него сыпались удары двусторонних топорищ и прямых северных палашей, но Глодрик все умело парировал. Иногда даже не парировал, а опережал удар, отрубая руку врага, держащую оружие. Или же ловил свободной рукой запястье северянина и разрубал супостата надвое. Осталось лишь двое горцев-северян, которых еще не сломил напор ганрайского демона. Они были совершенно непохожи друг на друга, но держались вместе. У них была одна боевая раскраска на лице — разводы бурой грязи. Глодрик сразу понял, что это символизировало — воины являлись названными братьями, оба они принадлежали к касте воителей-берсерков, а судя по раскраске их тотемным животным был медведь. Оба были густобородыми, но если один был ухоженным, волосы были причесаны и заплетены в косы, как и борода, то второй являл собой зрелище вылитого уличного охломона, если бы не мускулистое дородное тело — взъерошенные и торчащие дыбом черные нестриженные колтуны, спутанная борода, заляпанная мясным жиром и хлебным крошечком, да и одежда, вымазанная в крови и грязи.

— Это он, брат Шальёрн, — сказал черноволосый, — он убил нашего вождя, Грора Свободолюбца. Уничтожил надежду на свободу нашей родины.

— Я сражался на одном поле боя с ним, когда мы штурмовали Вархул, — прорычал блондин, — жаль, что мой топор до него не добрался.

— Вечно у них прелюдии, — проворчал Глоддрик, вытерев слюну с подбородка, — как бабы.

Ганрайскому Демону пришла на ум аллегория — если собака до того, как напасть, будет долго облаивать другую, волк же только ринется и будет молча драться до победы или смерти. Не удостоив ответом берсерков, Глоддрик решил растянуть удовольствие ожиданием. Воины быстро вошли в состояние транса, приводящего в боевой экстаз. Они жевали деревянные щиты, рычали и били кулаками в грудь подобно гориллам. Напрягали мышцы в полусогнутом положении, будто их мучила нужда.

«Начните еще наяривать прямо здесь, придурки, — пришла в голову Глоддрику шальная мысль, заставившая его растянуть губы в улыбке, больше напоминающей оскал.»

Шальёрн выхватил из-за спины парные топоры, отбросив щит, его соратник же обнажил одноручный меч и прикрылся круглым щитом. Теперь оба берсерка смотрели на Глоддрика в упор, как могли смотреть только лишенные ума жаждой убийства люди. Смотреть таким в глаза считалось безумием и провокацией опасности, но Глоддрик с удовольствием заглянул в их очи, в которых отражался помутневший жаждой крови рассудок. Их буйство лишь придало сил Глоддрику и захлестнуло его. Он аж до крови прикусил язык в предвкушении схватки. Он выставил перед собой клинок, сделал медленный шаг в сторону готовящихся к броску бешеных псов Севера. Затем другой. Немного ускорился и ринулся навстречу сорвавшимся с места, точно с цепи, северян. Глоддрик резко сшиб свой иззубренный клинок с палашием черноволосого и взмыл в воздух, ударив ногой в голову врага. Противник закрылся щитом, а Глоддрик использовал силу удара для толчка, крутанулся и обрушил шквал ударов на Шальёрна. Блондин ловко орудовал топорами и успевал контратаковать, но чаще ему приходилось приседать и уклоняться от атак Глоддрика, которые все точнее били в цель. Глоддрик провел обманное движение, направил лезвие меча в область шеи северянина, тот уже собрался подсесть под удар, но Глоддрик в последнее мгновение изменил траекторию удара и полоснул врага по боку, прорезав кожаную куртку. На каменный пол потекла струйка крови. Глоддрик ослабилась и занес клинок для следующего удара, но на него накинута чернобородый и, осторожно прикрывая торс щитом, неустанно атаковал Глоддрика рубящими ударами — оружие так и свистело в воздухе.

— Тесни его, Вагарн! — крикнул северянин со светлыми косами и, раскрутив топоры, бросился в бой.

Глоддрику было достаточно отбить три предсказуемых атаки Вагарна, чтобы потерять терпение. Но на него шел Шальёрн, выписывая круги и восьмерки своими топорищами, но Ганрайский Демон был слишком прытким, чтобы его достать. Бывалого воина теснили два мужчины ощутимо моложе его и крупнее. Глоддрик был силен, но он не был мускулист, тогда как северяне представляли собой горы мышц, при этом Вагарну Глоддрик ростом едва доставал до уха, а Шальёрну — до подбородка. Глоддрик снова скрестил клинки с Вагарном и что было силы крутанул меч в сторону — искры с их клинков посыпались и от сильного рывка рукоять палаши северянина выскользнула у него из руки. При этом Глоддрик успел сделать мощный укол прямо в щит — сталь прошла сквозь дерево, как сквозь толщу воды, и пронзила врагу плечо. Выдернув клинок, ганраец раскрошил щит северянина в щепки. Глоддрик расхохотался и собрался добить оплошавшего врага, но Шальёрн снова попытал счастье, метя топором Глоддрику в висок. Глоддрик, облизнув губы, нырнул под удар в последнюю секунду и, резко выпрямившись, саданул кулаком свободной руки блондину по подбородку. Оглушенный Шальёрн сплюнул кровью, вместе с ней выпал зуб. Глоддрик мог

бы воспользоваться секундой слабости противника, чтобы пронзить его насквозь, но решил обождать, дабы дольше насладиться боем. Кровь внутри него бурлила, ганраец был опьянен схваткой и звоном мечей. Шальерн опомнился сразу же и шагнул вперед, ударив топором по диагонали, новоря отсечь Глоддрику голень. Каратель заметил, что противник не слишком умело выставил при ударе предплечье, открыв его для удара, и встречным движением рубанул северянина по руке, начисто отрубив ее. Кровь хлестала из культи, северянин вскричал, но не думал сдаваться. Другим топором он описал вертикальную дугу, направив оружие в темя ганрайца, но Глоддрик жестким ударом перерубил древко топора, синхронно с этим врезался плечом в грудь Шальерну. Того повело назад, но Глоддрик был быстрее — он обернулся вокруг своей оси и с разворота нанес последний удар по горизонтали. На этот раз обеими руками. Глоддрик перерубил Шальерна на две части на уровне пояса. Озверевший начальник Карательного Отряда схватил окровавленный топор, валявшийся рядом с отрубленной рукой, и вогнал его глубоко в череп разрубленного северянина. Все произошло так быстро, что Вагарн только успел нашарить меч здоровой рукой, как уже его названный брат был жестоко зарезан и валялся в собственной крови среди трупов убитых соплеменников.

— Шальерн! Нет! — брызнул слюной северянин, черные патлы падали ему на глаза, — тебе не жить, мразь!

Глоддрик лишь стиснул зубы, давясь дьявольским смехом, он положил клинок на плечо и с вызовом поманил северянина рукой, мол, нападай, если посмеешь. Держа в одной руке меч, Вагарн налетел на Глоддрика. Ганраец фехтовал рискованно, фаталистично, но заметно лучше северянина. Они обменивались ударами, Вагарн пытался давить Глоддрика своим натиском, но тот лишь отбивал, точнее, отшибал его удары и стремительно отвечал выпадом или рубящей атакой, от которой северный воин еле успевал уклониться или отбить. От мощных ударов Глоддрика палаш дрожал, руки Вагарна уже отсохли, он не мог понять, как такой немолодой воин совсем невнушительных габаритов может так сильно бить. Вот снова Вагарн попытался рубануть Глоддрика, тот лишь отвел со скрежетом меч врага к полу и врезал в висок северянину перебинтованной рукоятью. Того удар ошеломил, но все же воину хватило решимости, чтобы ответить уколом, но Глоддрик лишь поймал удар своей рукой и, дернувшись навстречу, пронзил врага своим клинком.

— Ты... заплатишь... за это, — прошептал Вагарн, когда их лица сблизились, и грянулся оземь без чувств.

Тем временем Эрлинггай фехтовал с отчаянно машущим саблей Наштаром, успевшим вовсю разгуляться. Потомок короля Аргои ловко отражал атаки и угадывал обманные движения, не подпуская клирийца к себе. Наштар, как ни старался, не мог его зацепить своей шашкой. Его меч постоянно натыкался на прочную, как пограничные стены Союза, защиту Эрлинггай, Фарендил летал со скоростью ястреба, отбрасывая удары Наштара. Смуглый молодой воин снова рубанул, сабля свистнула, но Эрлинггай ее мастерски отвел, отбросив книзу, и обратным движением проскользнул мимо Наштара. Атака Эрлинггай бы выпустила кишки Наштару, если бы тот не успел вовремя отскочить, но рыцаря Аргои было уже не остановить. Он закружился в вихревом танце, раскручивая свой меч. Удары летели на Наштара со всех сторон. Он все же успел перекатиться в сторону, чтобы выиграть расстояние и время и ринулся на Эрлинггай, занося саблю для еще одной размашистой атаки. Эрлинггай рванул Фарендил вверх и отразил ее, а с разворота уже готовился пригвоздить клирийца мечом к стене. Но не смог — его точно сковало, словно он был заморожен в ледниках.

— Глава Карательного Отряда и сводный брат Его Величества! Вас не учили, что в чужие жилища не заходят без приглашения?

Латная перчатка со скрипом сжала магический посох и клинок в одном экземпляре. Арнлоуг Варзхел вышагивал между кровавыми лужами, трупами северян и клирийцев, а Наштар, уцелевший, во все глаза пяtilся на него.

— Повелитель, я...

Варзхел поглядел на него своим омертвелым взглядом, лишенным эмоций, и этого хватило, чтобы у клирийца ушла в пятки душа. Эрлингай ощутил присутствие смерти, словно этот человек в темном плаще, кирасе и стальной маске нес в себе даже не разрушение, а разложение, неминуемую гибель.

— Интересно, — Варзхел заглянул в глаза Эрлингаю, — готовы ли ваши войска отступить, если взять вас в заложники? Бросайте оружие, или я выверну ваши суставы одной мыслью.

Глоддрик, каково бы ни было удивление Эрлингая, швырнул меч на пол, клинок карателя со скрипом прокатился по полу. Глоддрик поднял руки и сделал несколько осторожных шагов вперед.

— Хорошо, — пожал плечами Ганрайский Демон, уставившись в пол, — ты выиграл бой.

Варзхел снял заклятие с Эрлингая, выбив своим клинком у того из руки Фарендил.

Глоддрик краем глаза заметил, что Варзхел отвлекся.

— Но не войну! — рявкнул он.

Глоддрик подцепил ногой рукоять меча и одним махом подбросил оружие в воздух. Клинок взмыл вверх, Глоддрик в один прыжок поймал его и уже собрался срубить Варзхелу голову. Ганраец победно улыбнулся, но за секунду до того, как его меч достиг цели, Варзхел воздел кертхол ввысь, и невидимая сила отшвырнула Глоддрика в стене так, что посыпались обломки камней, а броня воителя заработала внушительную вмятину со спины. Разумеется, даже такая травма не остановила бы Глоддрика, и он бы снова кинулся в бой, но та же сила подняла его тело в воздух, как ветер перышко.

— Сразу видно, что ты вырос на улице, — сказал Варзхел, — с тобой опасно иметь дело. Думаю, без рук и ног тебя брать в заложники целесообразнее.

— Друг мой, неужели в тебе совсем не осталось человечности?

В дверях показалась невысокая фигура Йоши-Року. Глоддрик грохнулся на пол одновременно с его появлением.

— Учитель? Вам недолго осталось стоять у нас на пути, — зловеще прогудел Варзхел.

Старик, не обращая внимания на угрозу, осмотрел сцену горы трупов, забрызганных кровью Эрлингая и Глоддрика и Наштара, прижавшегося к стене.

— Мастер Йоши! Глоддрик почти достал его! — воскликнул Эрлингай.

Хаглорианец одобрительно кивнул и изрек:

— Полагаю, на этом ваше участие завершено, пора бы и честь знать, brave воины Союза.

Йоши взмахнул посохом, и со вспышкой света Эрлингай и Глоддрик разом исчезли.

— Магистр Варзхел, а что мне... — начал было Наштар, но Варзхел досадно скрипнул зубами и тем же заклятием перебросил клирийца в неизвестное место.

— Ты же не собираешься драться со мной в одиночку, Варзхел? — спросил Йоши, постукивая пальцами по древку посоха и разминая шею.

Варзхел попробовал телепортироваться, но не смог. Йоши слишком умело развеивал заклинание перехода, едва оно начинало сплетаться. Но тут же оружейный склад взорвался серией ослепительных вспышек, что хаглорианец даже закрыл рукавом глаза от яркого света. Он мог заблокировать переход Варзхела, но не мог предвидеть появления его сторонников. Йоши-Року предстояло выйти одному супротив группы темных магов. Рядом с Варзхелом стояли самые преданные слуги Заргула и наиболее ненавистные честным народам Ранкора существа. Ведьма из Клирии по имени Кара. Острижена она была почти под ноль, полуголая, на перевязи, обтягивавшей тунику девушки, висели черепа людей, на поясе же свисал жертвенный ритуальный нож. Эту женщину боялись еще с самого ее детства, когда она была странной, непонятой людьми, жившими в одном селе с ней, девочкой. Она всегда причиняла вред животным, разрезала амфибий, однажды она решилась похитить одного из деревенских парней и попытаться принести его в жертву Заргулу ради повышения магических способностей. Но потерпела провал, и ее изгнали. Уйдя в горы, Кара окончательно сошла с ума. Единственными друзьями ее были демоны из недр Азрога. Скрол Ядовитый, скиарл из Побережья Кесилора, бледный, с шелушащейся чешуей, точно больной, он был увешан разнообразными эликсирами. И уже знакомый читателю Джаяр — некромант, забинтованный с ног до головы, точно мумия. По поверьям он, дабы обрести бессмертие, сам себя умертвил и воскресил. Замыкал их ряд молодой чародей с длинными темными волосами в соломенной шляпе по имени Ниарот. Принадлежал он к одному из древних дворянских родов Аргои, но не возжелал унаследовать отцовские наделы, предпочтя путь раба Заргула. На Йоши их появление не произвело впечатления. Он лишь со спокойствием в сердце ожидал, что произойдет дальше. Варзхел хрустнул пальцами и направил посох перед собой. Сторонники Заргула обступили хаглорианца. В их толпе он со своим ростом в 165 сантиметров и вовсе казался тщедушным.

Варзхел провел своей тростью дугу и вдруг словно изниоткуда с потолка взвилась туча острейших игл и устремилась в старого мага. Он просто стукнул посохом о землю, вспышка света — и иглы остановились в метре от его тела. Затем они перевернулись и с еще большей скоростью устремились в противников мастера-мага. Но Скрол Ядовитый бросил одну из склянок, из которой так и повалил едкий синеватый дым, и иглы вначале растеклись в слизь, а затем испарились.

— Думаете, такие детские атаки возьмут меня?

— Просто дал тебе возможность разогреться, из уважения, — сказал Варзхел.

Гил Ниарот послал огнешар, Йоши-Року одним движением посоха погасил его, точно свечу, и ответил очередью мощнейших ударных сфер из синей энергии, разрывающих плоть и ломающих кости. Гил Ниарот поставил защитный экран, но одна из них пробилась сквозь оборону и ударила в его плечо. Плоть была разорвана и кровь уже всюю хлестала. Йоши-Року направил во врага молнию с целью добить его, но ее отбил Варзхел защитным заклятием. Варзхел выкрикнул заклятие и от стен и потолка начали откалываться куски каменной кладки, они вращались вокруг чернокнижника и вдруг стремительно полетели в Йоши-Року. Теперь они были на открытом воздухе — стены с верхним этажом стали оружием магов. Хаглорианец проговорил заклятие и камни, не коснувшись него, теперь стали подчиняться ему, они пропитались огнем и теперь стали летающими кусками магмы. Он слепил из них один огромный шар и отправил его в Варзхела, но Скрол Ядовитый кинул склянку прямо в шар. Зелье заморозило в одно мгновение магму и шар треснул, разлетевшись в бесчисленные осколки льда и застывшего камня. Йоши-Року начал делать

посохом вращательные движения, из каменного пола поднялось растение, плотоядное на вид, и тут же опутало своими лианами Скрола. Челюсти этого растения уже сомкнулись, перекусив скиарла пополам. Кара из Клирии тщетно пыталась разрезать эти живые путы, без толку. Помог скиарлу только Варзхел, который одним прикосновением алого кертахола заставил растение истлеть и высохнуть за одну секунду, после чего оно рассыпалось в прах. Тело Скрола, рассеченное на две половины, упало, но еще двигалось. Очевидно, жизнь его поддерживали известные лишь ему снадобья.

— Кара, уводи Ги́ла Ниарота и Скрола в Азарельд и излечи их, — крикнул Варзхел, — я задержу этого хаглорианца.

— Разве я разрешал уходить?! — крикнул Йоши-Року.

Он направил было заклятие паралича на Кару и этих двоих, но Варзхел отбил его и ответил шаровой молнией. Троица беглецов скрылась в портале. Йоши-Року, отразив атаку Варзхела, скрипнул зубами, затянувшаяся схватка начинала действовать ему на нервы. Он просто поднял Варзхела над полом одним движением посоха и, оскалившись, швырнул его в стену. Телекинетическая волна с такой силой отбросила Варзхела в каменную стену, что он пробил ее собой и вылетел за пределы башни. Йоши подбежал к краю башни и заглянул в обрыв. Он уже собрался поднять Варзхела в воздух телекинезом и пленить, но было поздно — опальный ученик старого мага успел телепортироваться. Йоши устало вздохнул, усмирив свой гнев, и оглядел поле битвы. Каратели уже разогнали недоучек-магов и равшаров, с тысяч пять взяли в плен, остальные либо удирали со всех ног вдалеке, либо валялись меж полуразваленных стен крепости, еще совсем недавно служившей прибежищем слугам Заргула. Мага не слишком расстроило то, что чернокнижникам удалось скрыться, хотя он и нанес ощутимый урон одному из них и не факт, что он после такого сможет выжить. Он еще доберется до них, и тогда никакой Заргул не спасет отступников. В душе Йоши еще теплилась надежда, что Варзхела и его приближенных можно наставить на истинный путь, но старый архимаг не хотел обманываться. С сорняками можно бороться, только выдрав их из земли с корнем. Эти люди настолько отравлены злом Заргула, что смерть от руки праведника для них будет достойным исходом. Возможно, в следующих жизнях, думал Йоши, они сумеют искупить свои прегрешения. Однако в бою за крепость победил Союз вне сомнений несмотря на значительный численный перевес соперника.

Хаглорианец рассмеялся, его одолевала безграничная радость.

— Да, — проговорил он вслух, — жизнь нам подбрасывает испытания одно за другим, но нам решать, сдаться или нет. Мы можем проиграть, но выбор — подняться или остаться лежать на земле, всегда остается за нами. Я не сдамся, Анларизель, обещаю тебе. Костями лягу, но не сдамся ни Алагару, ни его жалким прихлебателям!

Он помолчал в несколько секунд и добавил:

— Однако, как же бывает полезно иногда мотивировать самого себя.

Глава 9: «Перерыв»

«Повелитель будет недоволен» — в десятый раз за это утро пронеслось в голове у Хейларга. Стояло холодное, пасмурное утро, небо было затянуто тучами, а редкая трава, смешанная с неплодородной почвой, стала невыносимо скользкой после дождя. Черный балахон мага уже успел изгваздаться в слякоти, а трава так и липла к полам одеяния. Утренняя прогулка вокруг лагеря должна была настроить ум горхолда на рабочий лад, но его мысли мельтешились, словно стая мух, без всякой системы. Они досадно сдали позиции в крепости, которую так удачно Хейларг с Варзхелом заняли и обустроили для развертывания дальнейшей кампании. После того, как Каратели выбили их оттуда, сторонники Заргула смогли лишь разбить достаточно большой лагерь из палаток и наскоро сложенных не без помощи колдовства лачуг. Выжившие равшары и недоучившиеся маги темной школы сновали по лагерю и пытались залечить раны, починить оружие или отточить боевые навыки. Многие лишь хаотично бегали туда-сюда, никак не смогли заставить себя работать, поскольку дух их был сломлен недавним поражением. Хейларга все сторонились. Краснокожее с синим существо со щупальцами на голове вместо волос и алыми глазами на желтоватом белке служило им лишним напоминанием о гневном Повелителе, который не прощает неудачников. Варзхел всю ночь сидел под навесом и апатично, насколько мог предположить Хейларг, которому было трудно различить эмоции человека в маске, разглядывал карты. Они потеряли без малого пять тысяч бойцов, остальные либо разбежались, либо взяты в плен, либо зализывали раны в лагере. Многие раненые стонали или верещали всю ночь, а неумелые лекари в лице неофитов не могли им оказать полноценную первую помощь.

Хейларг не в первый раз задумался, зачем его народу вообще нужен Заргул. До этого горхолды спокойно жили в отшельничестве от остальных народов Ранкора, в их земли люди редко заходили, пока дух Заргула был слишком слаб, чтобы проявить себя. Но Заргул набрал сил и вернулся, обрел сторонников в лице магов, ищущих знаний и могущества, а чаще — прославления своих имен на века. Тогда среди горхолдов появились отщипенцы, те, кто осмелился посвятить себя служению злобному существу, в древности чуть было не разрушившему мир до основания. Хейларг был уважаемым кудесником в своем народе, и для него было глупо уходить в сектантство и прислуживать злу. Проблема его была в том, что магу было больно смотреть, как его народ потерял веру в свое будущее. Горхолды обосновались на развалинах, так и не сумев отстроить Азарельд после древней войны. Хейларг надеялся, что пришествие Заргула поможет вернуть его сородичам былое величие, возможно, они впоследствии сумеют усмирить Заргула и управлять своей судьбой сами, живя наравне с остальными народами Ранкора. Но что-то подсказывало Хейларгу, что это невозможно — слишком сильно было разрушительное влияние императора, так легко подчинявшего сильных и способных, но уязвимых рассудком магов и воителей. Горхолд подсознательно пытался среди приспешников Заргула отыскать сомневающийся подобно ему. Однажды он осмелился спросить Варзхела, что движет им в следовании пути Заргула. Варзхел ответил лаконично, что мир Ранкора прогнил и стал слишком жестоким и порочным, лишь огненный меч Заргула выжжет эту скверну и восстановит мировой порядок. Хейларг сохранял надежду, что за словами Варзхела скрывались такие же сомнения, как и в вере Хейларга, что Заргул ведет народ горхолдов в светлое будущее.

Останки Заргула уже были доставлены в далекий от обитаемых континентов Азрог, но все знали, что дух императора еще не набрался сил полностью, чтобы возродиться в телесном облике. Хейларг прибыл в лагерь совсем недавно с вестью о предстоящем военном совете поборников Заргула. Император обещал принять участие в собрании, это не сулило его преданным слугам, потерпевшим неудачу, ничего хорошего. Практически весь состав магов, окружавших Варзхела, остался в лагере, некромант Джаяр же отправился в Азарельд доставить останки императора к алтарю, а также перенести раненого северянина Вагарна и умертвленного Шальерна. Хейларг уже намеревался расчистить ратушу в центре лагеря для совета, но его прервал портал, внезапно открывшийся посреди поляны. Оттуда вышел Джаяр, его бинты за время пути успели запылиться и немного измазаться в саже. За ним вышел чернобородый Вагарн, такой же неряшливый, но вполне здоровый на вид. Человека же, пришедшего вместе с ними, узнать было крайне затруднительно, но это был Шальерн. Его кожа была и до этого светлой, как и подобает людям северных кровей, но сейчас он был совсем белым, точно извесь. Кожа на его лице трескалась и шелушилась, темные вены просачивались наружу, словно в них текла противоестественная человеческому организму слизь. Глаза же его светились алым светом Азровой бездны. Вместо руки его был железный протез в виде имплантированной в предплечье секиры. В районе пояса, где Глодрик разрубил его тело пополам, виднелись металлические скобы, грубо сшившие две половины могучего тела. Голова Шальерна была выбрита наголо, но вместо лысины на солнце сверкала стальная пластина, скрывающая место, которое было еще день назад расколото топором. Шальерн не произнес ни слова, на лице его не дрогнул ни единый мускул, казалось, из него ушло все живое, отчасти оно так и было, лишь взгляд его вяло перемещался из стороны в сторону, но во взгляде не крылась осмысленность, он лишь механически обозревал окружающую местность. Хейларг догадался, что произошло с северянином — Джаяр поднял его из мертвых своим искусством, ибо выжить после подобных ранений не смог бы никто. Теперь душе северянина приходилось задерживаться в теле, которое уже не могло быть полноценным человеком, лишь исполняло приказы некроманта. Постепенно через портал ровным строем входили вооруженные люди. Эти, в отличие от недоделанных чародеев Заргула, были лишены посохов, ограничиваясь простецкими латами, точнее, щитками из дерева, кожи и стальных пластин и некачественным оружием вроде копий с прогнившими древками, мечей с топорами, секирами, гарпунами или серпами, которых коснулась ржавчина. Затем ввалились равшары из племени Берсерков, на плечах которых была выжжена каленым железом эмблема империи Азрога. Равшары несли не костяные, как чаще всего было принято в их племени, а отменного качества орудия, выкованные в кипящем пламени катакомб Азарельда. Замыкал нестройную колонну равшаров воин самого причудливого и устрашающего вида даже для его воинственной расы. Его кожа была бледного бежевого цвета в отличие от бурой пигментации остальных равшаров. Покрывали же все его тело рисунки из темно-синих чернил, линии избородили лицо, руки, даже на щиколотках виднелся рисунок. Чем-то напоминало ритуальные письмена хаглорианцев, но если те их наносили для лучшего протекания энергии через магические чакры, то у равшаров такие татуировки считались высшей честью для самых бесстрашных воинов, что в буквальном смысле посвятили свои жизни цели умереть в славном бою. Некоторые из рог на его голове были обломаны. Носил же равшар в противовес полуголым собратьям широкие черные штаны, перевязанные в голени, и рубаху того же цвета. Звали его Стакуга Убийца Магов. Красные глаза его

светились Азроговым огнем. Чем-то этот равшар походил на Глоддрика — снискал не меньшую славу за свое бесстрашие и мастерство, а также безжалостность к врагу. Вот только если Глодрик Харлауд черпал силы в страсти от накала сражения, Стакуга черпал свою силу в ненависти и злобе. Этот равшар умел фокусировать ее и направлять на противника, превращая в собственную силу агрессию, не теряя концентрации. Он даже войдя в лагерь исходил гневом, периодически скаля острые зубы. За спиной у равшара был прикреплен необычный двусторонний меч — широкая буковая рукоять, обтянутая грубой веревкой, соединяла два искривленных клинка. Один новобранец из проходящих мимо людей ненароком задел его плечо кончиком копья. Стакуга и ухом не повел, в ту же секунду он одним движением крутанулся, на лету выхватил меч и, раскрутив его над головой, разрубил неудачливому солдату шею с хирургической точностью. Равшары не сказали ни слова, даже не повели ухом, хотя обычно они гордились и ликовали, стоило их сородичам хоть как-то запугать людей или кого еще. Слишком боялись они этого воина, чтобы восхвалять его неоправданную жестокость.

— Стакуга, не напасешься новобранцев с тобой, быть может, стоит умерить свой пыл? — сказал Хейларг, встречая вновь прибывших.

Равшар ничего не ответил, лишь смерил Хейларга убийственным поначалу взглядом, но глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и пошел дальше. Среди клирийцев, пришедших с людьми, был довольно приметный тип. Волосы его были собраны в мелкие хвосты и зачесаны назад, лицо скрыто полумаской из черного сукна, а облачен этот человек был в черную куртку со множеством карманов и перевязей, среди которых попадались метательные ножи самых разных величин, метательные звездочки, за спиной же его болтались парные мачете. Глаза клирийца, лишённые ресниц и бровей, выступали вперед и имели явно нездоровый вид, на них сильно проступали налитые кровью сосуды, постоянно лопающиеся. Носил этот человек имя, точнее, прозвище, которое заставляло дрожать от ужаса всех, кто слышал хоть что-то о клирийской Гильдии Ассасинов. Звали его Скорпион. Все оружие, которым он пользовался, было отравлено самыми смертельными ядами амфибий, змей, скорпионов. По распространенному мнению, он, чтобы обрести невосприимчивость к ядам, всячески отравлял сам себя, что и привело его к столь нездоровому облику. Все были в сборе и собрание можно было начинать. Рядовые воины, люди вкупе с равшарами, оставались на почтительном расстоянии в своих палатках и других строениях, лишь несколько равшаров занесли в центральную ратушу здоровенный котел с охапкой дров. В этом здании собрались все маги, Вагарн с Шальерном, обратившимся в мертвые, Скорпион и Стакуга.

— Выметайтесь вон, — сказал Варзхел прислужникам сразу после того, как они установили котел в центре помещения.

Дверь захлопнулась сама собой чьим-то заклинанием, успев прищемить палец равшару, что уходил слишком медленно. Хейларг направил красные костлявые пальцы на поленья и мысленно обратился к духам, повелевающим этой стихией. Не прошло и секунды как пламя охватило толстые бревна. Скрол Ядовитый, который, как ни странно, выжил после травмы, нанесенной Йоши-Року, высыпал горсть золотистого порошка и слил переливающуюся зеленым мутную бурду из склянки в котел. Принялся помешивать это своим змеевидным посохом, точнее, тростью, ручка которой была вырезана в виде головы кобры с раскрытым капюшоном. Испарения взбеленились, закружились в вихре и из сгущавшихся клубов пара над варевом в котле сформировалось красное облако. Из этого багрового облака

выглядывало лицо сущего демона, так хорошо знакомое всем присутствующим. Все преклонили колени, даже Варзхел, которому ввиду старых боевых ран сделать это было непросто. Алые глаза дымчатого лица Заргула выражали алчность, цинизм и насмешку над открывшимся его зрелищем. Он словно недоумевал, каким образом этим существам выпала честь служить ему и его великому замыслу.

— Повелитель... — поднял глаза Варзхел, на его стальной маске плясали солнечные зайчики от мерцающего огня над котлом.

— Варзхел, — раздался гулкий резкий голос императора, отдававший раскатистым эхом, — ты меня подвел, осознаешь ли ты это?

— Да, владыка, — Варзхел не встал, лишь снова склонил голову, — осознаю, и мне нет прощения. Мы не предвидели столь непредсказуемой атаки Карательного Отряда.

Ниарот поднялся и подался к котлу:

— Это все Йоши-Року, император! Мы остановили бы наступление, если бы он не раскидал нас, как...

— Когда говоришь со мной, — Заргул взвился к потолку вместе со снопом искр и столбом пламени, — следует открывать рот лишь тогда, когда я сочту **НУЖНЫМ!**

Юношу скрутило адской болью, он вскрикнул и схватился за голову, осев на дощатый пол. Ниарота трясло, изо рта хлынула пена и слюни, из носа пошла кровь.

— Повелитель, прошу, не мучьте его! — Хейларг встал, сложив руки в молебном жесте, — это моя вина, что не предвидел появление Хранителя Хаглоры, вместе мы сумели бы сдержать его.

— Хм, — промычал Заргул и мотнул головой, выражая сомнение, — раз ты так говоришь, следует дать вам еще один шанс.

Ниарота отпустило, и он, откашливаясь, полулежал на полу, пытаясь прийти в себя. Кара из Клирии помогла ему подняться.

— Как вы успели заметить, я отправил пополнение в ваши ряды праведников, — продолжал Заргул, — вы отправитесь в Вархул и захватите его.

Хейларг отметил про себя, что Заргул использовал будущее время в своей фразе, он не предлагал им напасть на Ганрай и даже не озвучивал это как их обязанность или приказ. Он упомянул это как неминуемое, само собой разумеющееся событие.

— А как быть с Ганрайским Демоном, повелитель? Он поднимет весь город на уши, — спросила Кара.

— Я готов сразиться с ним, — ощерился Стакуга, заведя руки за спину, ближе к рукояти, — это достойный соперник для меня.

— Думаю, разумнее будет умертвить его внезапно, — подал голос Скорпион, — отравить, скажем, во сне, во время приема пищи или нежданно напасть на него и задеть отравленным оружием. Достаточно лишь поцарапать человека одним из моих ножей, чтобы он отдал концы.

Заргул молча смотрел перед собой и наконец ответил:

— Вы думаете, какой-то человечиска стоит моего внимания? — расхохотался властитель горхолдов, — каким бы сильным воином он ни был, на что вы, маги? С ним-то вы сумеете сладить?

Ответа не требовалось, вопрос был риторическим. Но Варзхелу на ум пришла отчаянная и безрассудная попытка Глоддрика достать его клинком, ганраец ни секунды не сомневался в необходимости такой меры, как будто Варзхел не мог за секунду превратить его в горстку

пепла. Даже Стакуга своей неиссякаемой злобой не внушал такой страх в черного мага, повидавшего столько, что, казалось, все, что заставляло его бояться, давно истлело. Самые жестокие равшары вроде Убийцы Магов внутри были эгоистами и думали о своем тщеславии, возвеличивании себя, тогда как Глодрик полностью отрешен от страха за свою судьбу, окутан верой в то, что ему есть, за что бороться. Он вел себя так, будто ему было нечего терять, при этом не был лишен страсти к победе ради будущего своего народа, своей земли. Очевидна была и другая причина, он был психически нездоров, зависим от ожесточенных схваток насмерть, но ганрайский воин умел направить свое пагубное влечение в нужное русло.

— Наш ответный удар будет жесток, — ответил Варзхел, — можете в этом не сомневаться, Великий.

— Хотелось бы верить, — сказал дух Заргула, — иначе почувствуете на своей шкуре, как должны были поступить с нашими врагами.

Хейларгу хотелось сказать своему властителю, что он зря сыплет угрозами тем, кто ему еще может пригодиться, но вовремя одумался. Заргул прощал ему недостаточную почтительность в обращении, но перечить этому существу было себе дороже даже для первого из магов на весь город Азарельд. Уже несколько десятилетий Хейларг пытался возродить былое величие Азроговых магов. Он по крупицам собирал знания о магических искусствах из свитков и книг древних, заброшенных библиотек в катакомбах, полных опасных демонов. Затем, обучившись самому, он пытался передать свое мастерство юным умам народа Азрога. Его стали называть мудрым, обращались за советом, чаще — за излечением от болезни. Причудливый горхолд в одеянии творца чар, нашедший в пещерах близ крепости Азарельда один из редких волшебных кристаллов, вселял в народ горхолдов веру в возрождение их культуры и былого могущества. Бесспорно, маг был одной из самых влиятельных личностей во всей империи Азрога, но даже он не мог отвадить соплеменников от сламывающего волю влияния Заргула. Сильные рассудком, возможно, вняли бы его словам, но беда была в том, что Хейларг сам попал под влияние изречений темного владыки и внушил себе надежду на то, что Заргул подарит его народу счастливый шанс.

Чародей так глубоко погрузился в свои мысли, что и не заметил, как проекция Заргула растворилась, пламя в котле потухло, а в доме воцарилось молчание. Лишь снаружи доносился звонковки оружия и доспехов, крики тренирующихся и смеющихся воинов. Маги и Стакуга со Скорпионом хранили безмолвие. Хейларг направился к дверям.

— Варзхел, распорядись о сборе войск. Выступаем завтра с первым лучом солнца.

— Стойте здесь и не двигайтесь, именем Его Императора Камайраса! — окликнула стоящих возле дома клана Плавающих Скал Энмола.

С клирийкой прибыл почти весь костяк Карательного Отряда — Эдрагил Драконобой, вооруженный шипастым моргенштерном и окрасивший свой ирокез на этот раз в зеленый цвет, Кэлрен, двумя руками держащаяся за веревку заплечного мешка, в котором хранились целебные травы и хирургические инструменты, девушка настороженно оглядывалась. Рассмотреть было что — выжженные молниями куски земли, плевки слизи, растекшиеся по пыльной земле, трупы равшаров, выглядывающие из дома преступной группировки вместе с лужами крови, вытекавшими оттуда. Разумеется, Энмола и ее спутники, как и остальная сотня рядовых солдат Карательного Отряда, слышали отзвуки сражения и замечали вспышки молний и огня от заклинаний Алагара. Больше они удивились, что все уже затихло, и

сражаться им было не с кем, если только эта сомнительная группа с красноволосям магом и его окружением не представляла угрозу.

— Дорогая моя, — расплылся в снисходительной улыбке Алагар и шагнул вперед, — с чего ты взяла, что имя вашего императора несет для меня хоть какую-то ценность? Если хочешь поговорить по душам, я не против, но не приплетай сюда так называемых сильных мира сего.

Каратели остановились, Энмола недоверчиво взглянула на Алагара, хотела его резко осадить, но решила попридержаться язык. Алагар, судя по всему, мог разнести все приведенное ею воинство в считанные минуты, и это не было преувеличением. К тому же ее словно сдавила та же неумолимая, парализующая сила, сквозившая в словах и взгляде мага. Драконобой, выйдя вперед, присвистнул, хотя Кэлрен пыталась его дернуть за рукав, чтобы тот не делал глупостей.

— Вы, я погляжу, сделали всю работу за нас! Примите мои благодарности, в таком случае мне искренне плевать, на чьей вы стороне.

— Для начала разберись, на чьей стороне ты сам. Судя по татуировкам на твоей груди, ты имел отношение к преступному миру. Оглядываешь Сухие Колодцы словно дом родной. Раньше ты грабил честных людей с беспринципными ублюдками, теперь ты укрепляешь власть узурпаторов, что сидят на шее у честного народа. Когда ты захочешь встать плечом к плечу с равными тебе, парень?

— Равными мне? Ха! — Драконобой выпятил грудь колесом и подбоченился, — да ты шутник, кудесник.

— Отнюдь, — отрезал Шаабан, подбрасывая один из своих ножей, — может, мы не равны в возможностях, к примеру, я могу уничтожить тебя в любую секунду. Но перед Араем Илгериасом, Богом нашим, равны все. Твои способности и сила даны тебе на время. Через недолгое время ты одряхлеешь и уже не будешь так крут. Единство братьев и сестер же вечно и неизменно. В отличие от власти ваших царей, что так же недолговечно, как пузыри на кипящей воде.

Юкиара посмотрела на Арстеля и мотнула с улыбкой головой в сторону Алагара, дескать, вот же наш монах, не уступит возможности читать проповеди.

Алагар одобрительно кивнул и добавил:

— Верно, Шаабан. Все мы равны изначально, но играем разные роли. Тебе, — он указал пальцем на Энмолу, — , выпала роль храброй воительницы, охотницы на нарушителей закона, а тебе, — на Кэлрен, — роль целительницы, ведь так? А может, в следующих воплощениях все будет наоборот? Может, эта девочка-травница вообще станет суровым бородатым воином с Севера.

Хельд выскочил из-за спин Шаабана и Алагара и обратился к Энмоле и ее спутникам:

— Между прочим, пока ваши суровые воины тащили сюда свои отсиженные в Гилеарде задницы, мы людей спасали, прикиньте? Так что с вас причитается материальное вознаграждение за помощь сознательных жителей Союза! А еще раз прикажете стоять на месте, я, — он потряс магическим посохом, — я швырну посох прямо в лобешник этому с петушиным гребешком на голове!

Такого оскорбления Драконобой не мог стерпеть, сравнение с пернатыми в преступной среде считалось смертельной обидой, которую можно было смыть лишь кровью. Он уже крикнул: «Ну, крылатый, сейчас ответишь!», но Энмола вышвырнула цепь из-под манжеты куртки и опутала его туловище цепью, лезвие на конце которой устроилось аккурат возле

шеи Эдрагила.

— Спокойно, Эдрагил, не нервничай, — немного натянув цепь для профилактики, она отпустила друга.

— Фильтруй базар! — крикнул бывший криминальный авторитет трактирщику.

— Друзья, — сказала Юкиара, поднимая руки в примирительном жесте, — мы не хотели устраивать конфликт с местными органами безопасности, поверьте. Кстати, я лично знакома с Глоддриком, он должен меня еще помнить. Мы лишь, как выразился наш друг, спасали своих. Быть может, не будем устраивать попусту разбирательств и разойдемся, как в море корабли?

— Я бы и рада, — ответила Энмола, — но на нашей земле орудует группа людей, среди которых есть маги. Ты же руководишь ими, не так ли? — она махнула рукой в сторону Алагара, — мы не хотели бы заставлять, сначала вежливо попросим пройти с нами в Гилеард для установления личностей. Заодно расскажете, откуда вы, чем занимаетесь и все прочее. Карательный Отряд должен знать, кто действует на его землях.

— А если мы откажемся? Дела в селении сами себя не сделают, — сказал Алагар.

— Тогда мы будем вынуждены применить силу, пусть не сейчас, но мы разыщем вас и выведем на чистую воду.

— Знаешь ли, — усмехнулся маг, — ты не в том положении, чтобы ставить условия и тем более угрожать.

Послышался бодрый шаг плетеных бамбуковых сандалий, постукивание деревянного посоха.

— К чему такая агрессивная риторика? К тому же необоснованная, вы ведь прекрасно понимаете, с кем имеете дело. Позвольте старику поговорить со своим бывшим учеником.

Йоши-Року собственной персоной. Его бурый ворсистый плащ был запятнан щебнем, песком и пылью, рубаха с узловатыми застежками успела помяться, а коротковатые штаны еще больше поистрепались в пути. Держался он по-прежнему здорово, полон жизни и энтузиазма. Ум его был остер, но холоден. Старик не был взволнован ни на йоту, но искренне интересовался и даже наслаждался происходящим. Он был рад видеть своего близкого в прошлом друга.

— Я должен был догадаться, что рано или поздно мы встретимся, — сказал Алагар с озабоченным видом.

Что ввело его в напряжение? Неужто он боялся, что этот старик может помешать его планам?

— Это он, — шепнула Юкиара на ухо Арстелю, — Йоши-Року, тот самый.

Арстель кивнул. Он и без ее слов догадался, кто стоял перед ними.

— Это не тот торговец луком и петрушкой из Лайнур-Арая, который месяц назад у нас в Крестале был? — нарочито спросил Хельд.

— Это Архимаг, дурья твоя бошка, — рассмеялась Юкиара и дала Хельду подзатыльник.

Йоши тепло улыбнулся, оглядев союзников Алагара:

— Вижу, с тобой собралась дружная компания. Шаабан, надо же. Мы не встречались с тех самых беспорядков в Клирии.

Монах пожал плечами:

— В те годы я был совсем другим человеком, мастер.

— Да, конечно! Жизнь есть движение и все подвластно изменениям кроме самого

факта жизни. Ничто не берется изниоткуда и не исчезает вникуда, лишь преобразуется подобно рисункам на песке, — старик повернулся к Карателям, многие солдаты уже разбрелись по Сухим Колодцам дабы осмотреть место развертывания недавней баталии, — Энмола, как ты смотришь на то, чтобы я минимизировал расход сил ваших людей? Я бы с удовольствием отправился в прибежище этих славных людей и ознакомился с мотивами бывшего ученика, тогда как вы сможете заняться допросом пленных, в том числе и этих, — он махнул рукой в сторону пребывающих в забвении равшаров, — иммигрантов.

Драконобой с ехидным видом наклонил голову:

— Ах, вот оно что! Прикрываешь задницу своему дружбану, по-тихому перетрете с ним не пойми где, а Глоддрику скажешь, что все в порядке? Неспроста же эти выскочки спрятались в укромном уголке.

— Спрятались? — презрительно скривился Алагар, — вы всегда можете найти нас в Крестале, паренек. Только вряд ли тебе понравится знакомство с нашим человеком, если будешь столь дерзок.

— Ха! — крикнул Драконобой лишь бы не выглядеть проигравшим в этой перепалке, но, по правде говоря, он искренне боялся дальше провоцировать Алагара.

Энмола еще некоторое время сомневалась, отправить ли с мастером из Хаглары сопровождение, чтобы от собственного источника получить сведения о поселении, занятом сомнительной группой людей. Кэлрен мягко намекнула своей старшей по возрасту и званию подруге, что негоже оказывать недоверие верховенствующему магу во всех землях Ранкора.

— Я бы мог остаться и оказать поддержку побратимам из Ганрая, но нас ждут неотложные обязанности, разрешите откланяться.

Алагар вздернул посох кверху, кертахол сверкнул, Юкиару, Арстея, Хельда и остальных опугало свечение, исходящее из яйца на вершине Алагарова посоха.

— Мы скоро встретимся, — молвил Йоши.

Когда гости преступного городка исчезли так же внезапно, как и появились, в Сухих Колодцах творилась суэта — Каратели решили устроить обход территории и обыск имущества местных кланов. Йоши старался выкинуть из головы гадания об Алагаре его роли в происходящем. Одно он знал точно — признаки связи, пусть и оборванной, с Азрогом налицо свидетельствовали о том, что Алагар давно уже сошел с пути, на которого наставлял его в юные годы старый мастер из Хаглары.

Глава 10: «Учитель и ученик»

Обыденная жизнь в Крестале продолжалась подобно не прекращающему возвращаться жернову на мельнице старика Ропхиана. Люди по-прежнему посвящали себя тренировкам, и Арстель начал замечать качественные изменения в своем теле. После часовых ежедневных упражнений в фехтовании, отжиманий и прочего у него появилось больше сил, заметно постройнела фигура и начал вырисовываться мышечный рельеф. Юкиара первой заметила его успехи. Возвращение Шойрила и Брока в деревне как следует отпраздновали бурной пьянкой, в весельях принял участие сам Алагар, хотя он не выпил ни капли спиртного, чародей решил снова закатить речь на тему того, как важно братьям и сестрам быть единым целым и выручать друг друга. Когда он приводил в пример Юкиару, Арстеля и Хельда за самоотверженность, Хельд сиял от гордости, прося оаций со стороны односельчан в честь Хельда Великого, Юкиара с улыбкой утверждала, что на ее месте так поступил бы каждый, Арстель же вовсе чувствовал себя не в своей тарелке. Сапожнику казалось, что он не заслужил похвал несмотря даже на то, что не побоялся рискнуть жизнью, отправившись в Ганрай вместе с Юкиарой. Он по сей день ни разу не сражался всерьез, хотя его боевые навыки и возросли, отчего он не научился ощущать себя среди равных, когда вокруг него были матерые и битые жизнью мужи подобные Шаабану или Крауху Гримбле.

При руководстве Алагара пограничная стена Крестала выросла почти вдвое, из каменной кладки Харал Зверюга, Гранаш вместе с воинами, обучавшимися у Радхалла Бескровного, они выстроили зубчатые парапеты, из таких бойниц не стыдно было бы отстреливаться самим королевским арбалетчикам. Сталелитейное дело также процветало, из Крестала уже начали поставлять оружие, инструменты для хозяйственных дел и прочее в недалекие Ганрайские села. У Арстеля не было отбоя от клиентов, алагаритам, у которых подошвы успели истоптаться, а башмаки зачастую просили каши, то и дело требовалось заштопать обувь. Хельд практически не вылезал из Желудка Дракона, Братству Уравнителей до того понравилась атмосфера в его заведении, что многие из них стали завсегдатаями, из-за чего пришлось таверну расширить, настругав табуреты и неказистые столы на дворе вокруг избы. Посиделки за пивом портил только Мурвак, который каждый день плевался желчью из-за прорвы народа, а уж если кто занимал его любимое место у стены, лесоруб умудрялся использовать в одном предложении больше мата, чем Карен за всю свою жизнь.

Брат Юкиары Сангельс начал проявлять знаки внимания сестре плотника Харала Глыбы — Наяре. Из-за нее ему чуть не пришлось подраться с местным парнем, который считал себя первым на всю деревню и давно уже прилюбовал Наяру. На счастье мальчишек, рядом оказалась Юкиара, которая ловко их успела разнять и всыпала своему непутевому брату затрещину, прочитав затем целую лекцию о том, что к рукоприкладству нужно прибегать лишь при крайней необходимости.

— Да расслабься ты, Юки, — сказал ей староста деревни Кёрк, — все мы в этом возрасте были такими, кровь бурлит, молодость требует страсти.

— Еще бы! Я сама, если что, пока еще молоденькая, — игриво пригладила прядь волос Юкиара, — но мой братик должен быть сознательным членом общества. Усек, Сангельс? — она дернула брата за ухо, отчего тот вскрикнул громче петуха, поднимающего по утрам всю округу.

Арстелю хотелось провести время наедине с Юкиарой, но она никак не могла

освободиться от обязанностей по отстройке лагеря, либо занималась с Хельдом или со своим братом — учила его основам боевых искусств Стражей из Храма Мечей. Однажды Арстель, прохаживаясь по бревенчатому полу пограничного бастиона, повстречал Хельда, со скучающим видом любующегося рассветным небом. Солнце одним краешком успело выглянуть и осветить кроны пихт и елей, отгораживающих Крестал от городов Аргои.

— Ты, что ли? — в нелепом жесте Хельд дернул голову в сторону Арстеля, не отрывая взгляд от ландшафта, — решил открыть филиал своей сапожной лавки прямо на стене или просто отлыниваешь от работы?

Арстель молча пожал плечами и облокотился на зубья парапета. Прикосновение к холодному камню заставило представить его, как бы себя ощутил Арстель, окажись он в крепости, которую берут штурмом.

— Давно мы с тобой не болтали, дружище Хельд, — он ткнул локтем в плечо флорскела, — Юкиара говорила, ты делаешь успехи в магии.

— Да? Я все пытаюсь заставить швабру саму мыть пол в харчевне, пока я делаю утреннюю зарядку, но она постоянно сигает в окно, один раз угодила в лоб этому хаглорианцу, который весь из дерева, словно коряга. Правда, он ничего не почувствовал. Добрые же люди ходят с этим красноголовым! Даже если ты дерево физически, как эта ошибка природы, или полный дуб разумом, — он постучал костяшками пальцев по виску, — как Харал Глыба, они тебя примут. Тебе не кажется, что наша жизнь стала почти идеальной с явления этого Братства Уравнителей? Было бы совсем хорошо, если бы они привезли с собой гарем наложниц и клирийские ковры, а я мог бы им продать втридорога все дешевое барахло со своего подвала.

Арстель усмехнулся и глубоко вздохнул. Он привык к странной манере Хельда изъясняться, давно уже научился вычленять главное из его речей, избыточных бессмыслицей и абсурдом. И эти мысли, на удивление многих, могли показаться отнюдь не глупы.

— Думаю, мы все стали чувствовать себя как за каменной стеной. Наш дом стал нашей крепостью. Мы стали выращивать не в пример больше провизии, чем раньше, построили целую мануфактуру, наладили оборону... Сплотились. Я никогда ранее не ощущал духовной связи с крестальцами. Теперь же я не представляю себя без них, словно сросся с ними, стал единым целым. Наверное, из Крестала я и вовсе не уеду.

— Зачем замыкаться на Крестале? Алагар говорит, что все мы братья и сестры, значит, связь стоит ощущать со всеми живыми на Ранкоре. А я как-то спросил Шаабана, что это значит — испытать просветление. Этот чокнутый монах поведал, что просветленный чувствует себя единым буквально со всем — деревьями, камнями, насекомыми, воздухом! Говорит, мы есть вибрации, из которых соткана материя, дух и все сущее. Наверное, он нашел хорошие грибы в наших лесах.

— Возможно, — рассмеялся Арстель, — ну а что насчет тебя? Ты веришь в идеи Алагара?

— Ну-у-у-у, не хотелось бы, — пожал плечами Хельд, — если мы и в самом деле братья и сестры, как я буду чувствовать себя, когда буду драить куртизанок в борделях Джаганната в Клирии? Как будто происходит инцест!

Арстель закатил глаза и хлопнул себя по лбу:

— Тьфу ты, Хельд, не зря тебя зовут больным на всю голову! Только твой извращенный разум мог родить подобную чепуху. Я совсем о другом говорил. Честно говоря, я начинаю

верить его словам. Да, на первый взгляд это кажется дичью и несуразицей, но посмотри, к чему мы пришли с таким мышлением. Нам не нужна ни Аргоя, ни Ганрай, ни король. Мы сами себе хозяева, и когда это поймут остальные люди, мы счастливо проживем без войн, насилия, преступности и...

— Скорее всего, будет война, Арстель, — совершенно серьезно сказал Хельд, — ты дурак, если думаешь, что старые порядки так легко уйдут сами собой. У Аргойской знати немало приверженцев, прикормышей этих так называемых великих домов. Некоторые крестьяне, которых называют кулаками, очень зажиточны, помещики щедро платят своему окружению, могут легко нанять вооруженные гарнизоны. Они будут сражаться за свои привилегии. Ты готов драться за то, во что веришь? Не знаю, как ты, Арстель, но Алагар за эти воззрения готов сжечь мир дотла. Это я вижу по одним его глазам.

Слова друга били Арстеля в сердце, точно стрелы — одна за одной. Еще секунду назад у него в душе теплились наивные мечты о том, что все пойдет как надо, жизнь людей вокруг станет достойнее, но Хельд своими трезвыми рассуждениями вернул сапожника на землю. К тому же он снова подорвал авторитет Алагара, Арстель уже был готов отбросить сомнения и пойти за этим человеком, подчиниться его страсти и напору, поверить в его упорство и искреннее стремление сделать мир для людей, а не людей для мира. Теперь же Алагар снова выглядел в глазах Арстеля как безумный фанатик, страдающий маразмом, ведущий за собой людей в пропасть, на бойню, точно скот, окутанный гипнотизирующей силой своей харизмы, которая их подчиняет как игра на флейте, которой заклинатель змей вводит в транс кобру. Признать то, что единственные мечты, придающие сил к жизни, несостоятельны, всегда тяжело.

День прошел довольно быстро, уже начинало вечереть. Когда небо, на котором уже выступила луна, заволокли тучи, жители поселка Кристал собрались на главной площади Кристала, месте, где тракт, который пересекали странствующие торговцы, образовывал перекресток с дорогой, пронизывающей все селение. Маги-новички уже успели сродниться с местными жителями, носили ту же одежду, некоторые уже вступили в довольно близкие отношения с кристальцами. Это было видно по тому, как Карен часто позволяла Броку оставаться у нее на ночь или же травница Шая из Хаглоры, которую можно было застать за болтовней с древоподобным хаглорианцем из приближенных Алагара. Для одержимого общением с душами предков мутировавшего существа внимание землячки весьма недурной внешности было так же дорого, как бурдюк воды для заблудшего каравана посреди пустыни. Люди обменивались новостями, в основном обсуждая происходящее в Ганрае. Алагариты и кристальцы сходились во мнении, что победа Карательного Отряда над одним из укреплений Варзхела лишь отсрочит неизбежную войну. Мурвак насаждал мнение, что Алагар хочет воспользоваться вооруженным конфликтом, который ослабит силы властей Ганрая и Аргои, чтобы затем захватить бразды правления над Союзом. Служительница храма Канария же осмелилась сказать, что долг сынов и дочерей Арая Илгериаса — помочь ближним в битве с вражиной. Шаабан ее поддержал, как и большинство местных жителей.

Арстель пришел одним из последних, так как заработался в лавке, он никак не мог соорудить новую партию сапог для патрульных отрядов Алагара в срок. В первых рядах сборища он завидел тонкую фигуру Юкиары, к которой еле протиснулся, чуть не сбив с ног библиотекаря Клуатака и едва не получил локтем в челюсть от Харала Зверюги.

— Юки, и ты здесь, — он отряхнул рубашку, пытаясь отдышаться, — я слышал, что

желательно всем нам присутствовать сегодня, но в чем состоит повестка дня, я так и не уразумел.

Девушка всплеснула руками:

— Наставник сказал, сегодня будут определены меры, связанные с экспансией Братства Уравнителей.

— Разве одного Крестала недостаточно? — в недоумении спросил Арстель, — мы и здесь едва обустроились. Едва только начали сплавлять древесину по реке Быстроходная, добывать руду и создали ткацкую мануфактуру, только обосновались. Рано нам занимать чужие земли.

— Арстель, — сказала Юкиара с несколько снисходительным выражением лица, — ты должен понимать, что правительству не нравится наш суверенитет. Они не отправили в Крестал легион из Силгора лишь потому, что король обеспокоен происками пособников Заргула. Ты же видел, как эта Энмола хотела нас прощупать, заставить отчитываться перед Ганрайскими должностными лицами. Нам не дадут жить спокойно, пока мы не наберем достаточно сил, чтобы игнорировать сильных мира сего.

И тут Арстель понял, как искренно Юкиара верила в свободолобивые и радикальные убеждения Алагара. Он знал, что девушка искала в мире и людях чистоту, искренность и хотела бы жить в сплоченном и свободном мире, где не нужны жестокие самодержцы, силой страха наводящие порядок в хаосе толпы. Эта вера могла быть вызвана и тем, что Алагар был одним из немногих, кто подарил ей шанс на новую, лучшую жизнь, открыл ей знание о природе магических сил и сделал ее будущее не таким уж безнадежным, каким оно вырисовывалось в те далекие времена, когда юная девчушка побиралась на улицах Ганрая, где царил лишь один закон — закон сильного. Вскоре из-за голов скопившегося люда завиднелся столп искрящейся алыми искрами шевелюры Алагара и яйцевидного навершия его посоха, затем — он сам. Посыпались одобрительные возгласы, после тяжелого дня, полного работы, люди были рады увидеть воочию своего духовного учителя и лидера. Алагар не спеша вошел в центр круга обступивших его людей и ему зааплодировали. Арстель сам не заметил, как неосознанно чуть не отбил себе ладоши, хлопая в такт за всеми, особенно Юкиарой, которая чуть ли не со щенячьим восторгом одарила Алагара приветственным кличем и била в ладоши что было сил.

Стоило Алагару поднять руку, как бурные овации стихли.

— Братья и сестры! — громогласно начал он, — вы прекрасно видите, как наш совместный труд дает плоды. Вместе мы стали сильнее, увереннее. Из деревушки, которая бы и дня не продержалась против людей Варзхела мы сколотили оплот людей, на стороне которых правда. Даже если придут генералы из Аргои, мы сумеем им противопоставить нашу решимость и единство, а главное — боевой дух. Если мало силы — это нормально, вы знаете, что все великое начинается с малого. Но вот если мало духа — это уже беда. У нас с этим проблем нет, ведь так? — он повысил голос и обвел рукой вокруг себя, приглашая слушателей выразить согласие, что они сделали бурными криками.

— Веди нас, Учитель!

— Мы с тобой, мастер!

— Духи благоволят тебе, Алагар, — крикнул древесный хаглорианец Йору-Клиа.

Мурвак повел плечами и со злобой сплюнул:

— Тоже мне, сильный духом нашелся. Заведет он всех в беду. А может, ну его к демонам, подамся в Аргою, в столицу? Хотя кто меня там ждет...

Снова сплунув, Мурвак удалился к своей хижине у леса, расположенной на окраине деревни. Никто этого даже не заметил, как и не придавал значения его тихим словам протеста. Все были покорены речью Алагара.

— Краух Гримбла, Марвол Черный Лев и Редхалл — готовьте силы. Вы же, мои друзья, неустанно тренируйтесь. Не забывайте, что наша сила в неделимости и связи, я один без вас мало что сумею. Мы отправимся в паломничество к Силгору, по пути обращая жителей сел, хуторов, городов в нашу веру. Веру в светлое будущее Ранкора.

Блеснула вспышка яркого света возле здания общественной бани. Сияние отступило, и показались две фигуры.

— Друг мой, да осветит Анлариэль житие твое и преданных тебе, — донесся старческий голос из-за спин селян

К людям направлялся самый известный хаглорианец на всем Ранкоре. Несмотря на то, что он был старше восьми веков, его лицо морщины затронули меньше, чем у восьмидесятилетнего человека. К тому же зеленокожий был во много раз шустрее стариков из людского народа, привыкших к медленной, шаркающей походке. Йоши-Року, за ним Эрлинггай. Последний, увидев Марвола Черного Льва в толпе, изменился в лице, словно он возликовал.

— Брат? Неужели это и в самом деле ты? — двинулся в его сторону Эрлинггай.

— Брат, — язвительным тоном ответил Черный Лев, — ты перестал быть мне братом с тех пор, как начал прислуживать при дворе Эанрилу, чтобы его черви сожрали.

— К чему эта ненависть, Марвол? Все, что я делал — это воевал за народ Союза и охранял короля. Разве я в ответе за остальные его решения?

Пути братьев разошлись еще со времен Северной Войны. В давние времена, когда Марвола еще коснулась лысина и уродующие шрамы, испещрявшие его лик, они с Эрлинггаем жили в пригороде Силгора с матушкой, изгнанной служанкой Ганзарула Второго, с которым у нее была незаконная связь. Братья перебивались случайными заработками, поступили на службу в королевскую гвардию, где тогда еще молодой Керрис Галарт обучил их искусству владения мечом. Во времена Северной войны Марвол Черный Лев удерживал позиции аргойцев от наступления северян, мечтавших сепарироваться от Союзных соглашений с людскими царствами. У воина было недостаточно сил в распоряжении, чтобы выдержать атаку врагов, но приказ был ясен — ни шагу назад. Но генерал Клаусвиль, принадлежащий к одному из знатнейших родов Аргои, намеренно решил запоздать с подкреплением, чтобы сгубить жизнь бастарда, вышедшего из простонародья и сделавшего в армии карьеру. С тех пор Черный Лев всем сердцем возненавидел весь цвет и знать Аргои и в своих снах видел лишь торжество простонародья и победу элиты. Это было основной причиной его верности Алагару.

Презрительное и отчасти высокомерное молчание было ответом Эрлинггаю, но оно было красноречиво. Мудрецы недаром говорили, что, если тебе ответили молчанием, это вовсе не значит, что тебе не ответили. Мастер Йоши сочувственно похлопал Эрлинггаю по плечу, мол, у меня тоже бывали разногласия с близкими. Хаглорианцу не пришлось продираться сквозь толпу, люди расступились и образовали весьма широкий коридор для старого мага.

— Очень занимательные речи ты произносил, ораторское искусство столь же сильно в тебе, сколько и мистические способности, — донесся старческий голос из-за спин селян, — ваше паломничество будет мирным или подразумевается завоевательный поход?

Алагар обратил взор на своего учителя и упер посох в землю, до боли сжав его.

— Зависит от того, собираются ли люди высших кровей сопротивляться воле свободного народа. С чем ты пришел к нам, учитель? И, если я не ошибаюсь, Эрлингай Акрейл, командующий королевской стражей, герой войны.

— Для начала, — Йоши медленно оглядел толпу, остановив взгляд на Арстеле, затем — на Хельде, явно узнав их, — я принес предложение объединить силы с правительством Ганрая. Император Камайрас не готов выделить регулярную армию на противостояние Варзхелу, вся надежда лишь на Карателей. Эти люди храбры, но их мало. Ты же мог бы оказать неоценимую поддержку. Король Аргои будет у тебя в долгу и, возможно, он пойдет навстречу и прислушается к твоим новаторским идеям.

— Мастер Йоши, — Алагар скривился в ироничной улыбке, — мы никогда не согласимся на такие полумеры. Властолюбивых держателей скипетров вроде вашего Камайраса или Эанрила существовать не должно. Мы приведем Союз к равновесию и затем, вместе мы раздавим Варзхела как таракана. С тобой, учитель, мы могли бы свернуть горы, поставить на уши весь Союз. Люди пойдут за нами.

— Забавно, Алагар, — в лице Йоши не было ни тени юмора, лишь огорчение, — ты так ненавидишь тех, кто властью обладает, но сам рвешься к ней и пытаешься ею искушать меня. Разве не упиваешься ты своими возможностями, влиянием, могуществом?

— В отличие от многих, в том числе и от тебя, мастер, от Азилура, которого я знал еще подростком, а теперь он поседел, отрастил себе бороду и наслаждается своим положением при дворе. В отличие от вас я делюсь своими знаниями с людьми. Многие крестьяне и ремесленники, батрачившие за гроши, стали сносными бойцами или магами в наших рядах. Я учу их думать своей головой, не подчиняясь вдолбленным нам в голову привычкам подчиняться законам толстосумов и представителей знати. Я посеял семена правды, поэтому за мной идут, меня слушают. Но я никогда не превозносил себя над окружением. Когда меня не станет, многие из них станут во стократ могущественнее меня и даже тебя. И они, в отличие от нас, будут жить в лучшем мире.

Из гущи последователей красновласого мага вышел пожилой человек в заплатанной панаме и рабочем фартуке, кузнец, и проговорил:

— Этот человек спас нас, когда мы гнили на рудниках. Заслал нас туда Ганзарул Второй за малейшие провинности. Я туда попал за кражу хлеба! А им нужно было одно — чтобы мы добывали руду. Наставник подарил нам свободу. Зачем же его оскорблять, подозревая в низменных мотивах?

Некоторые одобрительно закивали, другие с ожиданием воззрились на хаглорианца.

— Похвально, мой юный друг, — ответил архимаг, — а можешь ли ты мне честно ответить на простой вопрос — все ли люди готовы относиться к другим как к равным, а уж тем более как к братьям и сестрам? Допустим, у вас все получилось. Эанрила, его придворных, казначея Монсерада — их больше нет. Что будет дальше, думаешь, вы построите рай на земле? Вы построите лишь новую иерархию, где будет своя элита и некто возьмет бразды правления. Ты, я так полагаю? Даже у вас, в вашем Братстве Уравнителей, явно есть иерархия. Есть рядовые — солдаты, рабочие, ремесленники, жители Крестала. Элита — это самые искусные, опытные и преданные тебе воины и маги, которых ты обучил. На высших ступенях этой пирамиды стоит Рeadхалл Бескровный, твоя правая рука. Возможно, миссионер из Клирии, Шаабан, правильно? А ты взобрался на вершину и задаешь ритм жизни общины.

— Ты все извращаешь, мастер, — сказал Алагар, — ты втаптываешь в грязь наши

идеалы. То, что ты описал, обусловлено лишь разделением обязанностей, неравенство наблюдается лишь в объеме знаний и опыта, которым мы неустанно делимся друг с другом. Но тебе сложно такое понять, ты устарел, заостенел, сросся с привычной системой жизни. Ты олицетворяешь прошлое, мастер, я же прокладываю дорогу в будущее.

— И ради этого будущего ты готов проливать кровь несогласных, я прав? Убивать солдат короля, у которых есть жизнь, семьи. Подчинить своей воле народ крупных городов Союза. Это ты не понял моих слов, ученик. Я говорил о полном неприятии инакомыслия в вашем строю. Те, кто сомневается в твоих идеях, долго в Братстве не задерживается, разве не так? Ты используешь магию, чтобы подавить сопротивление. А знаешь, почему? Потому что люди не готовы стать братьями и сестрами. Мир не готов жить в равенстве и согласии. Для этого требуется коллективный разум, общественная зрелость. Но мир слишком молод, наше общество разрознено, а его члены больше думают о себе, чем о других. Даже в твоих рядах многие неосознанно следуют за тобой не потому, что верят в твои идеалы, а оттого, что преследуют свои цели. Например, отомстить короне за ссылку на каторгу. Пока люди не готовы принять друг друга и отодвинуть свои потребности на второй план, всегда будет иерархия и элиты, те, кто сильнее и авторитетнее, подомнут под себя других.

Арстель завороженно наблюдал за спором двух магов. Как и Хельд, Юкиара и многие другие. Люди затаили дыхание, в них происходила внутренняя борьба. Многие, даже самые преданные Алагару люди впервые на некоторое время усомнились в неоспоримости его взглядов. Он перестал быть совершенным, идеальным в их представлении. Для некоторых алагаритов было немыслимым предположение, что их обожаемый наставник тоже склонен заблуждаться.

Арстель же открыл для себя противоборство учителя и ученика в ключе борьбы противоположностей. Йоши-Року сквозил мудростью, накопленной веками. Его взгляд источал внутренний покой и жизнелюбие. При этом он был полон смирения и понимал, что даже ему несмотря на огромный опыт и способности, всегда будет, куда расти. Он был словно древний вековечный лес, в котором живут хаглорианцы, крепок корнями, полон живительных соков и как никто близок со всем сущим. Как вода, мягок, но не покорен, гладок, но своим приливом может сметать города и крошить горы. Хаглорианец был полностью лишен страсти и одержимости идеями, пусть и благими, он давно разочаровался в таких мечтаниях.

Алагар же был его полной противоположностью. Он был абсолютно уверен в своей правоте и в том, что ему открылась абсолютная истина жизни, и потому он имеет полное право забивать головы остальным своими догмами. Его энергетика была разрушительной, он был подобен огню, пожару, охватившему древний лес. Смирения Алагар был лишен, он ставил свои идеи выше человеческих жизней и был готов положить толпы, оставить за собой горы трупов, лишь бы его дело принесло плоды.

Арстель окончательно для себя определился, что Алагар не тот, с кого стоит брать пример. Йоши же, в его понимании, был именно таким, каким и следовало быть магу. Мудр, человеколюбив и хладнокровен.

— А знаешь ли ты, что твое движение лишь ослабит страну? Ты посеешь смуту и раздор, война расколется общество, что сыграет лишь на руку Варзхелу. А вот Заргул, как тебе известно, поскольку ты явно имел дело с Азрогом, и не подумает о равенстве. В его представлении высшей расой являются горхолды, остальные достойны лишь рабства у этого великого народа. Ты думаешь, что несешь благо, но ты потворствуешь древнему злу.

Алагар молчал, скрипя зубами, он пытался найтись с ответом, но ему это с трудом удавалось.

— Мы здесь никогда не сойдемся, мастер.

— Знаешь ли, мне плевать, сойдемся мы или нет. Это твой выбор, во что верить, и твой путь. Я давно уже не твой учитель, и ты уже способен отвечать за себя сам. Могу сказать одно — как только ты начнешь представлять опасность для мирных жителей, я выйду против тебя.

— Удачи, господин Архимаг, — Алагар коротко кивнул и зашагал прочь, — можете расходиться, — окликнул он селян, не оборачиваясь, — собрание окончено.

Глава 11: «Это мятеж!»

— Уверяю тебя, Кэлрен, от моей руки могло бы пасть по меньшей мере семеро нечестивцев из рядов отступников! Но тактически верным решением было прикрывать тыл на случай внезапной атаки врага. Глоддрик не предусмотрел обеспечить ряды карателей прикрытием, но для того ведь и нужны молодые таланты, чтобы предвидеть ошибки своих полководцев. Эх, жаль, что нас не ударили в спину! Я бы показал им, на что способен парень из Козьих Загонов!

Бахвалился Клажир уже второй день со взятия крепости Варзхела. Юноша помнил леденящий душу страх, охвативший его разум и чувства во время боя, и знал, что ему было, над чем работать. Его никто и не думал слушать кроме травницы Кэлрен, которая по непонятным многим причинам находила общение с деревенским болтуном занимательным. Ее можно было понять — они были примерно одного возраста, к тому же Клажир был одним из немногих, кто замечал юную травницу. Разумеется, ее все знали, когда наставница целительницы была занята, Кэлрен приходилось заботиться о раненых или больных товарищах, но ее личность была индифферентна почти всем, кроме Энмолы. С южной ассасинкой они давно успели сдружиться. Глоддрик тоже по-своему заботился о юной леди, но с ним было непросто вести душевные разговоры. К тому же Кэлрен по своей натуре предпочитала больше слушать, чем говорить. И Клажир оказался идеальным собеседником для нее. Парень, не задумываясь, вываливал своей подруге на голову любые соображения, воспоминания, когда же ему доводилось выпить, точнее, допить остатки браги за солдатами, он заметно веселел и напевал откровенно непристойные деревенские частушки в обществе скромной травницы. Она не возражала, хотя Клажир часто заставлял краснеть ее. Но для Кэлрен Клажир стал своего рода успокоением. Пока весь Гилеард ходил ходуном, все готовились к продолжению войны с врагами Союза, точилось оружие, бойцы, тренируясь, выбивали пыль из соломенных чучел, а Глоддрик надолго уходил во дворец императора Камайраса, пока обстановка накалялась, врачевательнице беседы с назойливым простаком служили бальзамом на душу. Своей веселой беззаботностью, обыденностью он вселял в нее ощущение, словно она окружена уютом и безопасностью. Клажир научил ее относиться легче и спокойнее к происходящим событиям. Однажды она прямо спросила Клажира, как ему удастся быть таким беспечным, когда их жизни в постоянной опасности.

— Ну дык нас не убили еще! — рассмеялся Клажир, неровно встряхнув руками, — когда точеные копыта будут устремлены нам в грудь, будем думать о смерти. А сейчас мы с тобой сидим на огаде крепких стен этого великого города. Когда я доил овец в хлеву моей матушки — и то в любой момент бандиты прийти могли, равшары заявились. И что? Жизнь продолжается. Ну, вот еще где-то там Варзхел ходит. Не жить теперь, что ли?

Кэлрен улыбнулась и кивнула. Поначалу она, к своему стыду, считала себя умнее этого человека, но, как оказалось, он умел что-то такое, чего не могла она. Он учил ее жить, а не существовать.

Глоддрик незадолго до их разговора побывал в крепости Камайраса. Беседа с правителем была не из приятных. Стоило командору начать убеждать императора запросить у Эанрила подкрепления и выслать регулярную армию на поиски недобитого воинства Варзхела, как Камайрас затараторил:

— Глоддрик, опять тебе не сидится на месте! Ну сколько можно уже поднимать бучу. Я

до сих пор не увидел реального скопления вражеских сил у границ, а ты предлагаешь заставить защитников Ганрая схватиться за оружие и пойти неизвестно куда? И предоставить варварам-равшарам поживиться на наших землях.

— Не видел их ты, — Глоддрика аж перекосило от нескрываемого презрения и бешенства, — оттого, что мы нанесли поганцам опережающий удар. Там, где они окопались, их сейчас нет, но враг не уничтожен. Возвращение его — вопрос времени.

Пожилой лакей поднял было руку и открыл рот, намереваясь сказать, что королю настало время отдохнуть, но Глоддрик окинул его убийственным взглядом, отчего служащий благоразумно отступил.

— Я настаиваю распорядиться о мобилизации вооруженных сил, император.

— Нет, нет и еще раз нет! — запротестовал Камайрас, — я не могу оставить свой народ без защиты лишь бы удовлетворить твоё желание нарубиться всласть.

Каратель уже давно определился во мнении, что владыка его родных земель — жалкий трус, оправдывающий свои опасения принять риск благими намерениями. К сожалению, противодействовать малодушию могли немногие. Глоддрик был одним из единиц, осмеливавшихся перечить Камайрасу, хотя этого человека за спиной поливали самыми отборными помоями.

— Более того, если я узнаю, что ты отправишь хотя бы гарнизон к демонам на куличики, я... — император осекся и решил смерить пыл, слишком сложным для него представлялось выдерживать взгляд Ганрайского Демона, — в общем, я надеюсь на твоё благоразумие, Глоддрик.

— А я на твоё — нет... император.

Воин развернулся и с силой хлопнул дверьми так, что старый мажордом аж подскочил. Камайрас устало вздохнул:

— Как скоро настанет время трапезы? И, да, кто-нибудь, передайте поварам, чтобы на этот раз как следует прожарили свиную шейку! Терпеть не могу мясо с кровью...

У стальных решетчатых ворот, перекрывших арку в Ганрайской стене, притулилось трое стражей, которые по традиции коротали вечер за игрой в карты и выпивкой.

— Так, открываемся... У меня две пары! — воскликнул усатый солдат лет сорока, каску он отбросил подальше, алебарда валялась в пыли возле стола, на котором теснились колоды карт, игральные фишки и кошель с серебряниками, — я снова вас обставил, сосунки.

Пожилой камрад, менее удачливый, с досадой ударил себя по лбу ладонью, юноша рядом выругался отборным матом, что лишь заставило усатого растянуться в улыбке до ушей.

— Да бросьте вы! Не умеете играть — не беритесь, а раз уж взялись, так отвечайте за свои решения, стойте... — на вершине стены, казалось, промелькнула тень, но подвыпившему солдату было трудно разобрать силуэт, — а и бес с ним, привиделось.

Тут же что-то просвистело в воздухе. Не прошло и секунды, как двум воинам одновременно в область шеи вонзились дротики с красным оперением. Усатый и седой схватились было за раны, но тут же утратили контроль над телами, захрипели и осели на землю, содрогаясь в конвульсиях. Молодого спас стальной воротник кирасы, которую он поленился снять — дротик лишь отскочил от него. И тут он заметил на дереве нечто похожее на человека. Красные глаза, которые не могли принадлежать человеческому существу. Темная кожа, маска, скрывающая пол-лица. Закричать: «тревога!» юный страж не

успел. Стоящий на дереве выбросил вперед руку. Со скоростью ветра в парня полетел метательный нож. Рефлекторно он закрыл лицо руками, и лезвие вонзилось в сердцевину ладони. Страж вскрикнул от боли — ему еще никогда не приходилось испытывать нечто подобное. Но боль тут же прошла. Тело его начало неметь. Парень снова попытался закричать, но его связки словно что-то сковало, он выдал лишь жалкое сипение, вслед за которым он обильно харкнул кровью. Легкие словно разрывались. Человек спрыгнул с дерева и легко приземлился с высоты десяти метров, точно кошка.

— Мучиться будешь недолго, — хрипловый, точно сгнившая ступень лестницы, голос раздался из-под темной полумаски, — скоро ты совсем не сможешь двигаться, и боль уйдет. Затем потеряешь сознание, после чего отправишься к предкам.

— Ты... кто... — ганраец уже ползал на четвереньках, но тело все больше переставало его слушаться, — зачем ты...

— Какая разница для тебя? Ты уже труп.

Убийца одним махом вспрыгнул и зацепился за толстую ветвь каштана, после чего скрылся в кроне дерева. Страж провалился во тьму.

Гробовая тишина, одно лишь хлопанье жидкости нарушало ее, когда Глоддрик прихлебывал воду из походного мешка. Он одиноко устроился в своем кабинете и, несмотря на позднее время, как обычно восседал за столом, устланным до краев картами. Каратель отчаянно пытался понять, какой участок стены врагу атаковать выгоднее, чтобы оставить гарнизон в наименее слабых местах оборонительной линии Ганрая. Оставить пограничников на страже, когда Карательный Отряд в полном боевом составе отправится добивать армию Варзхела. Лазутчики Глоддрика засекли местоположение вражеских лагерей, но они не успели доложить командору о подкреплении из Азрога. Глоддрик знал, что он может недооценить силы Варзхела, но надеяться ему было не на кого. Йоши-Року исчез так же внезапно, как и появился, передав, что отправился в близлежащую Аргойскую деревушку. Воину никогда не удавалось понять странных манер магов, которые часто не оказывались там, где были нужны и были лишены предсказуемости. Как и то, что в пламени догоравшей свечи блеснул метательный нож, летящий прямо в грудь Глоддрика. Инстинкты не подвели бывалого сразителя. Глоддрик уперся локтями в стул и обеими ногами подбросил стол вверх, сделав его своим щитом. Нож прошел насквозь дерева аккуратно посередине. Бросить следующий отравленный кинжал Скорпиону, а это был именно он, возможности не представилось. Глоддрик перемахнул через стол в одной ночной одежде и вихрем налетел на клирийского ассасина. От первого удара Скорпион уклонился, другой — коленом, угодил ему в пах, после чего Глоддрик со всей мощи врезал костяшками кулака убийце в челюсть. Ганраец схватил наемного убийцу за волосы и собрался впечатать лицо Скорпиона в кирпичную стену, но тот оттолкнулся от пола, взбежал по стене и собрался уже по инерции запрыгнуть Глоддрику за спину, но командор Карательного Отряда ухватился за рукав Скорпиона и что было силы бросил его в сторону камина. На одежду ассасина посыпались тлеющие угли, он и не думал обратить на это внимание. Глоддрик кинулся к кровати и выдернул из-под нее свой иссеченный боевыми отметинами клинок. Ассасин достал из-за спины парные мачете и прыгнул, словно пантера. В ловкости Скорпион превосходил практически шестидесятилетнего Глоддрика, он вертелся волчком, кувырками уходил от ответных выпадов карателя и ловкими синхронными ударами клинков, описывавших восьмерку в воздухе, пытался его достать. Но каратель был не таков. Его агрессивная манера

боя поколебала дух Скорпиона, вскоре он понял, что Ганрайский Демон его теснит. Глоддрик осознавал, что малейшая ошибка будет стоить ему жизни, даже если он даст себя поцарапать. Но это не останавливало его от напористых рубящих атак, которыми он стремился задеть жизненно важные органы врага. Следующей атакой Глоддрик, описав восходящую дугу мечом, выбил один из клинков Скорпиона, тот попытался нанести ответный удар. Глоддрик сделал рискованный шаг — шагнул навстречу, перехватил руку врага и бросил через себя. Скорпион приземлился на стол, разломав его в щепки. Глоддрик сорвался добивать врага, занес оружие для удара, но закончить дело ему не дала сверхъестественная сила, сковавшая тело по рукам и ногам.

— Бывает, ты сталкиваешься с противником, который тебе не по зубам, — в дверном проеме показалась бронированная фигура Варзхела, — поражение Скорпиона тому пример. Но ведь в твою сторону это так же работает, Ганрайский Демон!

Глоддрика отбросило телекинезом к стене так, что посыпалась штукатурка. Он уже собрался подняться рывком, но не судьба. Последним, что он видел, был занесенный острием вниз и кристаллом вверх клинок Варзхела.

— Пора бы вздремнуть, слишком много шуму от тебя.

Ганрайский Демон потерял сознание.

В то же самое время в лечебнице госпожи Танрили Кэлрен помогала ей готовить целебные снадобья. Клажир, как всегда, ошивался неподалеку от новообретенной подруги и надоедал ей со своими рассказами.

— Ну вот, — улыбнулась Танриль, похлопав по плечу воина с перевязанным туловищем, что было рассечено в районе плеча, — жить будешь! А говорил, пора звать священника.

— А ведь я чувствовал себя так же, когда ногой на грабли напоролся! — вставил Клажир, — жил в нашей округе сенокос по имени... как же его звали... не суть! Он всегда оставлял свои грабли возле сарая. А сарай был на пути в выгребную яму. Я та-а-а-к и наступлю на них, кровяшка как брызнет! Разумеется, я, как уважающий себя мужчина, стерпел боль и не издал ни звука. Другой бы обделался на моем месте!

Кэлрен сдавленно рассмеялась, отчего наставница неодобрительно взглянула на нее.

— Родная, тебе не кажется, что с той поры, как ты сошла с Клажиром, ты стала чересчур безответственной? Вчера в приготовлении настойки болеутоления ты перепутала полынь с боярышником. Затем наложила два слоя бинтов пациенту, хотя я сказала сделать три. Клажир, сделай одолжение, походи и займи себя чем-нибудь, пока мы работаем.

— О, я всегда находил, чем себя занять! Знаете, там, где я рос, народ был очень тяжел на подъем, все так и сидели в своих избах, теребили веретена или копались в печах кочергами. А я исходил вдоль и поперек всю округу, познакомился со столькими путешественниками! Даже в стрельбе из лука мне как-то дали упражняться проезжие лучники из Энроса. Кэлрен, может, пойдём займемся чем-нибудь, охота тебе здесь сидеть, как старой карге и варить эту вашу бурду, сколько можно этим...

В этот момент пол сотрясло ударной волной невообразимой силы, а оглушительный грохот вырвал из беспокойного сна почти всех лежащих в лазарете. В этот самый момент маги Варзхела создали взрыв, искрошивший в мелкие щепки ворота крепости Гилеарда.

— Что за... — Танриль поднялась со стула, схватила жезл, лежавший у койки раненого и кинулась в коридор, — Кэлрен, Клажир, идите за мной!

Втроем они скорым шагом отправились к лестнице, ведущей вниз, но там их ждал

Хейларг.

На этот раз Клажир лишь нервно сглотнул, хотя у него так и вертелась на языке фраза, что он видел таких щупальцеголовых на картинках.

— Ученица Йоши-Року, если не ошибаюсь, — горхолд одернул мантию и направил на женщину посох, — советую сдаться, и я гарантирую твою неприкосновенность.

— Кэлрен, отведи Клажира к черному ходу, — прошептала Танриль, — спасайтесь. Доберитесь до Аргои и дайте весть, что здесь произошло.

— Наставница, я вас не брошу! — возмутилась Кэлрен.

— Иди же! Ты мне будешь только мешать!

— Идем, Кэлрен, — сказал Клажир, — мы и правда ничем не сможем помочь. В магических дуэлях я полный ноль.

Хейларг мог их остановить в любую секунду. Он мог испепелить их одной мыслью и движением посоха. Но не мог себе этого позволить. Пусть уходят. Его задача — занять Гилеард, а не убивать попавшихся под руку ребяташек.

— Сдаваться, похоже, ты не намерена... — вздохнул чародей, — печально. В любом случае, постараюсь тебя не убить.

— На твоём месте я бы беспокоилась за себя, — сказала Танриль, держа жезл наизготове.

Гилеард заняли быстро. Карателям даже не пришлось сражаться — маги их раскидывали телекинетическими ударами, как детей. Дальше заклятиями подручных Варзхела солдат парализовало, и они оказывались устланы на земле, уперши лицами в каменную кладку. Связывали их незримые путы. Отряд не павших духом карателей попробовал исподтишка наброситься на равшара в бычьем черепе на голове и заколоть его, но всежигающий поток скверны Кразлака Губителя, изъевший живую плоть, проевший броню и ткань, выбил все желание сопротивляться у солдат. Энмола, Драконобой и ее друзья были одними из лучших бойцов, но магии им было нечего противопоставить. Вскоре в стену Вархула ломанулись неопиты последователи Заргула, равшары, братья-северяне, Наштар и меченый равшар Стакуга по прозвищу Убийца Магов. Карателей связали и препроводили в казематы Гилеарда. Лишь Глоддрик в забытьи распластался на полу в одиночке, в карцере, как особо опасный заключенный.

Перепуганный Камайрас отправил одного из пажей на разведку. Сам же император боялся и носа показать из крепости с момента раздавшегося звука взрыва со стены. Совсем недавно он нежился в теплой ванне и заботливые служанки натирали ему спину, массировали ноги, а другая кормила его с рук черешней. Император любил в шутку плевать косточками в своих ублажительниц, те ему отвечали лишь сдавленным хихиканьем, а правитель залиvisto хохотал. Теперь же Камайрасу было не до смеха. Вскоре двери в главную залу раскрылись. Оттуда вывалился труп стражника, остальные уже упокоились на холодной плитке коридора. В дверях завиднелся татуированный равшар с обломленными рогами. В руке он держал окровавленный меч с двумя лезвиями по обе стороны от рукояти. Заметна была его еле сдерживаемая ярость, подпитываемая ненавистью. Он уставился на Камайраса, и было ясно, что он до одури желает кинуться и погромсать императора на куски. Вслед за ним вошел Скорпион. Затем вспышка света на миг ослепила присутствующих, и вот уже перед лицом Камайраса стоял Варзхел, Кразлак Губитель, Гил Ниарот, Кара из Клирии, Скрол Ядовитый, который уже успел вернуться в строй, мумия —

некромант Джаяр. Они окружили императора, который инстинктивно начал пятиться. Вскоре он уперся спиной в стену, и тогда-то руки его похолодели, а в спине прошиб пот. Деваться ему было некуда.

— Карательный Отряд взят в плен, а королевская гвардия перебита. Полагаю, настало время поговорить о сдаче Вархула нам, раз вы не в состоянии защитить его, не находите, Ваше Императорское Величество? — сказал Варзхел, раскрутив свой посох-меч.

И тут Камайрас впервые пожалел, что не прислушался к словам Глоддрика Харлауда.

Глава 12: «Лучшая защита»

Клажир и Кэлрен спаслись чудом. Во время взятия Гилеарда им удалось спуститься в винный погреб, где хранились залежи провианта. Переждав схватку наверху, Кэлрен дернула потайной рычаг, и место, где стояли широкие полки, уставленные сырными головами, образовало проход — стены раскрылись, точно створки врат. Клажир отблагодарил всех богов, что судьба свела его с этой девчонкой, сам он ни за что не нащупал бы этот механизм. Подземный ход был изгибистым и довольно долгим. Ребятам приходилось нагибаться под низким сырым земляным потолком, стены тоннеля, представлявшие собой голую утрамбованную землю, спасали лишь прогнившие древесные балки от обвала. О факелах не было и речи, так что юные беглецы в крошечной тьме не раз успели почувствовать себя подслеповатыми кротами. Один раз до них донесся крысиный писк, затем под ногами пробежало что-то весьма объемное и жирное. Клажир взвизгнул высоким тенором, но шустрая Кэлрен успела зажать ему рот. Когда они выбрались на поверхность, их окружали кедры и сосны на плосковатых холмах. Они подошли близ границы Ганрая с Аргоей. Звезды еще были видны, Кэлрен умела по ним ориентироваться, что снова заставило Клажира устыдиться и почувствовать себя ни на что не годным. Молодые вышли на равнины с редкими деревцами и прерывистой порослью осоки на рыхлой земле. Через некоторое время Клажир заметил дымок, растворявшийся над кронами деревьев ближайшего подлеска и с гордостью сообщил Кэлрен о своем открытии, сказав, что без него ей сулила бы неминуемая гибель.

— Вообще-то, — сказала она, давась от хохота, — именно туда я и старалась держать путь! Никто не знает лучше карателей окрестных жилых пунктов Ганрая.

Пристыженному юноше оставалось лишь плестись следом за ней в сторону дыма. В мелкой избе добродушный старый лесничий указал им направление в сторону ближайшего поселка городского типа — Крестала, который находился уже на территории Аргои. Кэлрен горячо поблагодарила приземистого седовласого лесника, он им предлагал дать передохнуть ближайшую ночь в хижине, подмигивая, сказал, что может освободить для них двуспальную кровать, тогда как сам вполне может устроиться в любимом кресле. Ребята наотрез отказались, так как им позарез нужно было донести до жителей Аргои весть о катастрофе в столице Ганрая и, если повезет, привести хоть какую-то помощь до того, как король Эанрил соизволит отправить войска.

Они вышли на тракт — широкую тропу, вытоптанную в густой траве, держаться пути было совсем несложно, требовалось лишь знать нужные повороты ветвящейся дороги. Когда уже начинало светать, Кэлрен и Клажир заметили высокую стену из каменного основания и заостренных бревенчатых кольев сверху, глубокий ров, частокол и россыпь палаток вокруг деревни. До Крестала добрались. Встретил их на пропускном пункте молодой лучник, представившийся Шойрилом. Поначалу он настороженно спросил, что привело их в эти земли, но когда Кэлрен ответствовала о вестях из Ганрайских краев, парень из Энроса молча кивнул и приказал отворить врата в селение.

Арстель за последние дни поднатерел в умении рубиться на мечах, хотя и клинки заменяли древесные обрезки. Визит архимага и брата короля внес разлад в общество Уравнителей, одни считали, что необходимо искоренить злую силу в мире раз и навсегда.

Другие же союзники Алагара были готовы попать идею борьбы с мировыми напастями ради сиюминутного исполнения своих мечтаний, амбиций. Шойрил, к примеру, хотел возместить обиды за смерти в своем народе во время войны с северянами, Краух Гримбла — сделать то же самое за угнетение северян, Кога — показать равшарам, на что способно единство и сплоченность на примере Братства Уравнителей и так далее и тому подобное. Юкиара пыталась воззвать к их сердцам, упрекнуть в эгоизме, она заходила и к Алагару. Волшебник жил в одном из самых скромных жилищ, напоминавшем больше шалаш, чем избу, и это никак не увязывалось с его безграничным авторитетом и неземными амбициями. Уговоры Юки ни к чему не привели, наставник оставался непреклонен. Йоши куда-то запропастился и не появлялся весь следующий день, как его ни пытались искать жители Крестала, жаждущие хотя бы увидеть живую легенду во плоти, или обмолвиться словом с зеленокожим, если совсем повезет. Эрлинггай же остался в селении и наутро принял участие в массовой тренировке местных в боевых искусствах. Королевич был не менее искусным воином и талантливым учителем, чем Шаабан, он дал бы фору многим алагаритам, такие как Брок явно не соответствовали уровню ветерана Северной войны. Арстелю повезло при парной работе отрабатывать связки ударов двуручным мечом с Эрлинггаем, и он узнал больше уловов, финтов, тонкостей фехтования за одну тренировку, чем за последнюю неделю. Эрлинггай сразу посетовал на его технику, Арстель научился наносить удары и блокировать, но его движения корпуса, шаги были совсем не поставлены, к тому же правильно дышать во время боя он не научился. К концу работы с оружием Арстель хоть и вымотался, вначале ему было сложно привыкнуть к правильному исполнению фехтовальных приемов, но он почувствовал себя увереннее в обращении с оружием.

Дружеская беседа, порой неуклюжие, но сказанные от души шутки товарищей, да и кружка пива впридачу — то, что нужно после тяжелой тренировки. На веранде Хельдова «Желудка Дракона» после тренировки, как это часто бывало, собралась веселая мужская компания и, пока женщины отдыхали от тяжелой работы по хозяйству у травницы-хаглорианки, мужи предавались радостям в трактире.

— Арстель, как ты его! Еще чуть-чуть — и по виску заехал бы самой королевской особе! — говорил плотник Харал Зверюга, — смотри, как бы тебя не повесили.

— В таком случае следовало бы перевешать половину королевской армии и столько же северян, — ответил Эрлинггай, после чего все дружно покатались со смеху, — Хельд, будь другом, тащи еще пивка!

— Всем хватит, мужики! — крикнул Хельд, — только у нас самообслуживание теперь. Попробуйте сами поймать чарку, я же вижу, они так и просятся в ваши руки.

Хельд подбросил ногой посох и вцепился в него рукой, тут же из глубины таверны в воздухе поплыли пенящиеся кружки на широком круглом подносе.

— Как же он достал с этими своими фокусами, — брюзжал Мурвак, — как начал изучать эту колдовскую ересь, так и давай кобениться, думает, он лучше других, как же!

Одна из чаш проделала в воздухе неудачный пируэт и опорожнилась прямо на голову неблагодарного посетителя.

— Твою мать, Хельд! Испортил новую шляпу. Теперь будешь платить за нее.

— Дружище, шляпа твоя из соломы, такой же, что у тебя в голове, — развел руками Хельд, — можешь сплести такую же, только не забудь вычистить навоз из материала.

— Эрлинггай, слушай, ты же бывал в Вархуле, — сказал староста деревни Кёрк, — быть может, у карателей достаточно сил, чтобы поддерживать безопасность? Как по-твоему, если

Алагар решит не оказывать помощь, есть опасность вторжения?

Эрлинггай ответил не сразу, он привалился к ограде, пригубил хмельной напиток и покатал его во рту.

— Сдается мне, все зависит от магов. Когда мы бились с Варзхелом в его укреплениях, все решило участие мастера Йоши, который в одиночку косил пачками вражьи ряды и одержал победу в схватке с чародеями Варзхела. Сил у Глоддрика было многократно меньше, победили мы чудом, которое сотворил Третий Архимаг. В Ганрае находится еще магичка по имени Танриль, его ученица. Боюсь, ее сил может оказаться недостаточно для противостояния со всей кодлой пособников Заргула. Глоддрик прекрасный воин, я не видывал никого храбрее, чем он. Он сноровистый стратег, обладающий пытливым умом. Но если Варзхел получит подкрепление от Заргула и атакует его, а Йоши, придворного мага короля Аргои Азилура, вашего Алагара и подобных не окажется на месте, Ганрай падет.

Сангельс, который в свои 16 лет всеми силами пытался влиться в коллектив зрелых мужчин, отодвинул стакан с бергамотным чаем. Сестра настрого запрещала ему выпивать, но Хельд по просьбам мальчика часто соглашался плеснуть ему в чай немного самогона.

— Ну, пусть захватывают! Мы потом им засадим по самые гланды! — сказал мальчишка, у которого от спиртного развязался язык, — Алагар не допустит, чтоб в землях Ранкора толклись типы навроде этих темных окудников!

— Ты не понимаешь, — ответил Эрлинггай, — Ганрай очень хорошо укреплен. Если Заргул завладеет им и сделает своей базой, он лишь запрет Аргою в ловушке и когда зажмет свои клещи, наш Союз затрещит по швам. Высадить их оттуда будет очень сложно, многие погибнут.

— Я понимаю, о чем ты, — из-за угла дома раздался громогласный голос, знакомый до боли им всем, — но и ты, Эрлинггай Львиный Рёв, пойми меня по-человечески.

Алагар шел им навстречу, посох он, как всегда, забросил через плечо.

— Кинемся в бой сейчас — может быть неисчислимое количество жертв, особенно если Эанрил решит отсидеться, пока мы воюем. А затем ему будет очень легко вытолкнуть нас даже отсюда, из Крестала! Но если мы займем ключевые позиции Аргои... Приберем к своим рукам войска, веру народа, оружейные и все дороги, Союз будет укреплен и приведен в такое единство, что Варзхел обломает свои зубы об его шипастый панцирь! — Алагар грохнул кулаком по столбу веранды, отчего с навеса посыпалась пыль, — мы свое дело сделаем быстро. Варзхел, быть может, еще нескоро решится выползти из своего кокона, учитывая, как вы его потрепали.

— При всем уважении, Алагар, — Эрлинггай выдержал его тяжелый взгляд и спустился с крыльца, — если ты решишься атаковать Силгор, я выйду против тебя. Я присягал на верность короне и не могу отказаться от своего слова. Что стоит слово рыцаря, если он меняет сторону, словно разменная монета?

— Таким я его себе и представлял, — прошептал Сангельс.

Мужчины немного опешили и оглядели Эрлинггай с невольным уважением. Выдержать подавляющую волю энергетика Алагара, бросить вызов ему, опасному, словно извержение вулкана. Со стороны его учителя, Йоши-Року, это было вполне ожидаемо, но простой смертный, если так можно выразиться, выглядел словно ветхий забор на пути урагана.

— Знаю! — улыбнулся Алагар, что выглядело несколько снисходительно, — этим ты мне нравишься, жаль, что у меня среди единомышленников не так много подобных тебе. Но к чему враждовать, мы же еще не на поле брани, верно? Ты пока что мой гость, пропусти

еще по стаканчику, веселись, я даже не прочь присоединиться к вашей беседе, если никто не возражает.

Мужчины зашевелились, Харал Глыба пихнул локтем Хельда, без мала не сбив его с ног, попросив принести стул для Наставника. Хельд бы и принес лучший из своих стульев — плетеное кресло-качалку, если бы не явился Рeadхалл Бескровный, успевший что-то нашептать своему лидеру на ухо.

— Что ж, — кивнул Алагар, — ясно. Что ж, парни, — обратился он уже к рассевающимся на веранде, в другой раз соберемся. Ждут неотложные дела, мать их растак...

Маг резко повернулся и зашагал в направлении центрального сооружения Крестала — ратуши, в которой староста деревни, а теперь — Алагар проводили аудиенции с почетными гостями.

— Не расходитесь, друзья, — сказал им Рeadхалл, — возможно, скоро всех соберут на совет.

Наши герои остались допивать свои горячительные напитки, уже утратившие былую привлекательность. Слишком влекли их догадки о том, что предстоит услышать в ближайшие часы жителям деревни.

Йоши узнал о произошедшем в Крестале еще до того, как Кэлрен вывела Клажира из штольни Карательного Отряда. Танрили не потребовалось и секунды, чтобы отправить послание своему учителю, резонировавшее в его мыслях четче, чем речитатив глашатайского зова.

«Ганрай в беде, учитель. Варзхел вернулся.»

«Слышу, Танриль.» — одновременно отозвался хаглорианец.

«Нужно отправиться в Храм Мечей, — думал он, — мастер Агриппа окажет достойное содействие. Но что делать с Алагаром?»

«Меня одолевает предчувствие, что не стоит тебе о нем беспокоиться, — беззвучно раздался в его мозгу голос зеленовласой богини Анлариэль, — время все расставит на свои места. Отправляйся в Храм Мечей и не думай ни о чем, Йоши.»

«Да, великая».

Мгновение — и стены комнаты в небольшой гостинице Хельда, любезно согласившегося устроить старца, растворились в свечении заклęcia. Вокруг Йоши материализовались холмы, а сам он находился в травянистой и покрытой утренней росой лощине. Небольшая тропа вела к пошарпанной каменной лестнице, стершейся от безумного количества ног, полировавших ее веками. Маг про себя усмехнулся — сколько лет прошло, а это место осталось таким же. Лестница пересекала всхолмье, переходившее в невысокую гору. А на вершине ее находилась котловина, в которой уже издревле возвышался Храм Мечей. Его неприступные стены были выложены булыжником по размеру с катапультное ядро, черепичная крыша была украшена драконьими головами по краям и флюгером в виде языкастого змея. У врат храма же по обеим сторонам стояли каменные изваяния драконов, до блеска начищавшиеся изо дня в день. Йоши отстоял от этой древней школы сильнейших воителей на всем Ранкоре, но уже оттуда он слышал оглушительные возгласы тренировавшихся бойцов. Их крики были громоподобны.

Легким шагом хаглорианец начал взбираться по лестнице, здоровье ему позволяло не опираться на посох при этом. Добравшись до врат без потери дыхания, Йоши постучал в недавно выкрашенную в красный цвет дверь. Колдун легко мог одним мановением руки

сдвинуть засов и распахнуть ее, но из уважения к обитателям этого места не смел нарушать этикет. Дверь ему открыл дворецкий спустя минутное ожидание.

— Мастер?! Вот же неожиданный гость. Но всегда желанный! Могу я взять ваш дорожный плащ? — засуетился шуплый возрастной мужчина с собранными в пучок волосами на голове.

— Не стоит, друг мой, я здесь долго не пробуду.

Адепты школы Стражей прекратили тренировку и впились взглядами в шагающего посередине площадки невысокого гостя из леса Лайнур-Арая. Большинство из них были бритоголовыми худосочными юношами немногим моложе двадцати лет. Облачены они были в короткие робы и брюки оранжевого цвета, заправленные в портянки. Среди них попадались и девушки, но их было вдесятеро меньше. Некоторые из учеников отрабатывали удары рукопашного боя на мешках или деревянных манекенах. Другие же крошили кирпичи голыми кулаками и ладонями. Многие практиковались со всевозможными видами оружия. Невообразимое многообразие мечей, копий, глеф, алебарк, палиц, боевых цепей, топоров и прочего было уставлено на оружейных стенках возле здания Храма.

На весь Союз гремела слава об этих необычных людях. Тренировками они доводили свое тело до запредельных физических возможностей. Любой из Стражей мог лечь на острия копий голым телом и не получить ни царапины. Пробить стену одним ударом руки. Прыгнуть выше человеческой головы или же двигаться со скоростью дикой лани. По народным поверьям им позволяло достигать таких высот умение управлять потоками энергии внутри своего тела. Эти люди подобно магам вбирали космическую силу внутрь себя и, проводя сквозь свой организм, творили немислимые вещи. Только если для чародейства многим нужен был кертахол, эти люди были на уровень ниже и ограничивались нечеловеческими возможностями своих тел.

За тренировкой следил бритоголовый человек среднего роста, на голове же он носил широкую соломенную шляпу-диск треугольной формы.

— Мастер Йоши? Давно ты к нам не заглядывал, — поклонился тренер, — для меня честь встречать тебя. Как обстоят дела в мире?

— Шибуй, я и сам рад нашей встрече и с удовольствием предался бы с тобой увлекательной беседе, но время не терпит отлагательств. С твоего позволения я пройду к мастеру Агриппе. Имеется к нему срочный разговор.

— Разумеется, мастер. Послушники! Не прекращать тренировку!

Удары, шлепки о мешки, набитые песком, свист и лязганье орудий снова наполнили двор.

Йоши прошествовал в главную залу Храма Мечей. Она была уставлена статуями великих мастеров прошлого. Несмотря на то, что многие ганрайские скульпторы любили изображать героев минувших дней в кричащих боевых позах, в Храме Мечей такое не было в почете. С отсутствующим взглядом взирали на панораму залы лишь бюсты доблестных мужей, защищавших Ганрай когда-то. У статуй курились палочки благовоний и свечи, слабое пламя которых колебалось от малейшего шороха. У единственной статуи, выполненной в полный рост, изображавшей тщедушного лысого человека в монашеской робе, отца-основателя Храма Мечей, стоял столетний, но еще не совсем дряхлый, старик. Он сложил ладони рук и бормотал молитвенные песнопения. Обряжен мастер Агриппа был в темного цвета балахон, макушка его была абсолютно лишена растительности, лишь густая седая борода добавляла его лику солидности.

— Я предвидел, что мы встретимся, — не оборачиваясь, сказал он, — достопочтенный

Архимаг.

Йоши отметил про себя феноменально развитое шестое чувство древнего мастера, который лишь по шагам и интуиции сумел догадаться, кто решил его посетить.

— Какими судьбами в Храме? — грандмастер, наконец, обернулся, и его лицо, испещренное морщинами куда больше, чем у хаглорианца, осветили настенные факелы.

— Мастер Агриппа, — Йоши-Року облокотился на посох, — Ганраю нужна твоя помощь.

— Видимо, — проскрежетал сиплый голос мастера, — проблема настолько серьезная, что даже малыш Глоддрик не осилил ее?

— Друг мой, настолько серьезная, что необходимо скорейшими темпами собрать максимальную ударную силу. Чернокнижники, пособники Заргула захватили власть в твоей родине. Храм Мечей оказал бы неоценимую помощь.

— Хм-м-м, — протянул Агриппа, опершись на трость, — будем ли мы одни в этой борьбе?

— Возможно, мой ученик окажет поддержку, он собрал небывалую военную мощь в деревне на границе Аргои.

— Алагар? — скептически наклонил голову набок Агриппа, — мне он никогда не казался надежным.

— Если не придется рассчитывать на него, я обращусь к другому ученику — Азилуру. Попытаюсь запросить помощи у Эанрила, но не хотелось бы. Очень уж не хочу я быть чем-то обязанным этому человеку. Но все, кому нужно, должны собраться у стен Вархула завтра в девятнадцать часов. Надеюсь, вы пребудете с нами.

Агриппа облизнул сухие губы, затем поманил костлявой рукой Йоши-Року.

— Следуй за мной, мастер Йоши.

Они вышли на тренировочную площадку. На возвышении у входа в центральное здание Храма стояли трое — тот самый триумвират мастеров школы Храма Мечей. В их число мог войти и Глоддрик, если бы он не отошел от заповедей школы Стражей давным давно. Мастера Шибуй, Городай и Гуаррах. Шибуй уже был представлен читателю. Этот свершитель подвигов известен своим искусством владения боевым посохом. Гуаррах же внешне не походил на своего собрата. Наоборот, мукулистый, высокий и патлатый — его спутанные черные волосы развевались на ветру и свисали во все стороны, словно сталактиты. Оружия при нем не было, лишь кастеты он перебирал в одной руке, словно четки. Третий же, Городай, был седовласым пожилым человеком, волосы его были собраны в хвост, голова обвязана повязкой, а морщинистое лицо венчала козлиная бородка.

— Уважаемые мастера, — возвысил ослабевший с годами голос Агриппа, — выступаем на рассвете. Путь держать будем в Вархул. Нам предстоит освободить Ганрайский народ от нашествия темных сил.

Йоши тепло улыбнулся, вновь убедившись в том, что миру есть, на что надеяться, ведь жители его сдаваться не собирались.

— Почему ты обращаешься со мной, точно с ребенком? Я своими глазами видел все не хуже тебя и имею право слова! — распалялся Клажир, не обращая внимания на то, что его слышали за пятеро домов от главной ратуши, — К тому же мужчины куда более наблюдательны, это давно изведенный факт науки, вы, бабье, слишком эмоциональны, трех слов связать не можете без описаний своих впечатлений, тогда как мужчины, — гордо

выпятил грудь юноша, — склонны к объективности и придерживаются голых фактов со времен...

— Клажир, — она заглянула парню в глаза, сквозящая в блике ее очей настойчивость заставила Клажира умерить поток словословия, — не нужно.

Не дав времени ему обдумать следующие слова, девушка отворила сырую дверь и скрылась в темном коридоре. Светловолосую целительницу, к ее собственному удивлению, не раздражало поведение Клажира, отчасти напоминающее маневры назойливой мухи. Напротив, его болтовня помогла ей справиться с волнением и даже собраться с мыслями и теперь, заряженная духом его беззаботности, она была готова увидеть воочию духовного лидера пресловутого Братства Уравнителей. Мага, который осмелился прекословить членам Карательного Отряда. Впопыхах скрываясь от захватчиков столицы Ганрая, кидаясь из огня да в полымя, врачевательница не успела продумать правильные слова, способные склонить весы доверия Алагара в свою пользу, убедить его оказать помощь Карателям. Ей пришли на ум слова наставницы, Танрили, которая часто повторяла — не в словах дело, а в искренности, если речь идет от души, даже самый бездарный оратор может рассчитывать на сопереживание. Проществовав по коридору, она наткнулась на мускулистого равшара, несшего караул у дверей в гостевую залу.

— Ни шагу дальше, — обнажил ряд острых зубов варвар.

Он потянулся к скрещенным боевым топорам за спиной. Его лицо, украшенное глубокими рубцами и клеймом изгнанника, приобрело выражение хищного оскала. Это заставило девушку остановиться и похолодеть, но не поколебало решимости. Годами созерцая нескончаемую жестокость, насилие и боль в крепости Гилеарда, девушка физически не могла упасть в обморок при виде изрубленной физиономии равшара, как случилось бы с кисейными столичными барышнями, привыкшими к изысканной барской жизни.

— Мне нужно лишь совсем немного времени вашего наставника, — без малейшей дрожи в голосе сказала она.

— Наставник не принимает посетителей, — раздраженно прорычал клейменный равшар, — выметайся, пока руки-ноги на месте.

— Я обговорила вопрос о дозволенности с господином Рeadхаллом Бескровным, — твердым тоном произнесла Кэлрен, — если нужно, я готова ждать у дверей, но уходить не собираюсь, пока не увижу мастера Алагара.

— Слушай, ты действуешь мне на нервы, — ступил вперед он, — с чего мне тебе доверять?

Она смерила его прищуром глаза, не закрытого челкой. Кэлрен уже приготовилась использовать силу убеждения, свойственную магам, как вдруг из дальнего конца коридора показалась фигура высокого и очень худого человека. Его волосы, стоящие столбом, были кроваво-красного цвета.

— Не трудись, Кога. Можешь сняться с караула, ты на сегодня свободен, — кивнул в сторону Кэлрен, — гостье будет оказан личный прием, раз она того желает.

И тут ее пробрала дрожь. Если вооруженный воин, хищник во плоти, изгнанный из пустош Кога не вселял в нее и тени страха, этот странный человек в черном плаще вводил девушку в ступор. С самого начала ее воля была надломлена его подавляющей внутренней силой. Когда Алагар шел навстречу, Кэлрен почувствовала себя безвольной овцой, которую ведут на бойню, она не сомневалась, что если еще хотя бы минуту поддержит с ним

зрительный контакт, то не сможет мыслить самостоятельно ни на йоту.

— Проходи, — одним махом руки по воздуху он распахнул створки дверей, — посмотрим, добрые ли вести ты принесла.

Вспомнив о печальной участи множества гонцов, вздернутых за самые ничтожные дипломатические ошибки или же за одни плохие вести, Кэлрен сглотнула и, потупив взор, шагнула вслед за красноволосым.

Гостевая была обставлена аскетично — грубый самодельный стол, даже не обструганный как следует, но заваленный высоченными стопками свитков, карт и книг. Дощатые стены, в темных щелях которых копошились насекомые, были исчерчены пометками — цифры, расчеты, наброски карт, маршрутов. Очевидно, Алагар не гнушался использовать вместо писчего материала сами стены. Практичности ему не занимать, отметила про себя Кэлрен. Маг щелкнул пальцами, и слабо дымившаяся доселе свеча на столе снова ожила.

— Итак, вы прямиком из штаба Карателей, — заключил Алагар, сцепив руки в замок и опершись на стол, — это мне уже известно. Сестрица, не соизволишь ли рассказать, что приключилось?

Он знал о нападении Варзхела с самого начала и не знал, как поступать. С одной стороны, это идеальная возможность смести государство, ослабленное борьбой с силами Заргула, но в захваченной земле жили бессчетные люди, не заслужившие пасть жертвой террора подземного императора. Алагар не столько хотел услышать подробности, сколько дать себе время на размышление — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, зачем к нему пришла эта девушка.

Кэлрен поежилась от воспоминаний — этот звон мечей, дикие крики вломившихся в крепость супостатов, краснокожий чародей, угрожавший ее любимой наставнице, заменившей мать. Взяв себя в руки, она приступила к описанию событий, уже известных читателю — нежданно заявили адепты императора Заргула и взяли неготовый к обороне Гилеард под контроль. Каратели могли бы отбиться с легкостью в своем оплоте, если бы в деле не были замешаны маги — эти колдуны своей силой превращали стражей порядка в безвольных кукол, способных лишь лежать лицом в землю без единого движения, пока налетчики переверачивают крепость вверх дном. Карателей старались брать в плен, но что случилось с Глоддриком, Энмолой и ее ближайшими соратниками, живы ли они, Кэлрен не могла знать. Она понимала, что Глоддрик в любом случае будет бороться до конца, в глубине души она содрогалась от понимания, что маги вполне могли счесть его неуправляемым и слишком опасным, чтобы оставлять в живых. Молвила и о благородном поступке наставницы, что дала возможность ей и Клажиру бежать, отвлекши внимание врага на себя, тогда как легко могла телепортироваться в любое место и след бы ее простыл. При упоминании Танрили Алагар словно ожил, встрепенувшись, он было открыл рот, намереваясь что-то спросить, но передумал, слушая, он ни на секунду не отвел взор от Кэлрен. Ее рассказ подходил к финалу, но целительница больше не ломалась подобно сухой траве под энергетикой Алагара. Когда недавние события снова промелькнули у нее перед глазами, девушка ощутила прилив сил и уверенности — она морально обязана хоть как-то попытаться спасти своих братьев по службе, и перед давлением этого бремени рассыплется прахом ее страх, немота перед сильными мира сего, ее юношеская неопытность и все, что может помешать ей выполнить дружеский и человеческий долг.

— Я знаю, возможно, я слишком о многом прошу. Я бы не хотела, чтобы миряне из

Крестала рисковали жизнями, спасая тех, кто поклялся защищать их. Но если хотя бы собрать всех в одном месте — тебя, мастер, уважаемого Архимага Йоши-Року, королевскую армию, твоих сподвижников, воителей Храма Мечей, перед столь мощным воинством Варзхел, возможно, спасует и согласится капитулировать. За нами пойдет и Ганрайский люд — стоит лишь заставить его поверить. А вместе с Архимагом вы раскидаете этих недоделанных чернокнижников как детей. Мастер Алагар, Ганрай может рассчитывать на твое содействие?

В нем шла мучительная внутренняя борьба. Темная сущность Алагара взывала послать в бездну мораль, принести в жертву людей, захваченных в плен, ради вечного светлого будущего общества. Умом он понимал, что, поступив так, лишь оправдает благими целями свое злодеяние, ведь бросить на произвол судьбы незащитных людей ради удовлетворения собственных амбиций может лишь тот, кто утратил право считать себя человеком. Но как он обращался к своим людям? Братья и сестры. Все равны и едины. Мир — одна большая семья, пусть и далеко не все осознают это. А семью в беде не бросают. Как он сможет строить лучший мир будущего, предав сами идеалы, согласно которым этот мир должен будет существовать?

От Кэлрен не укрылось, что на сей раз замутненный взгляд Алагара ее словно не замечал, разум его блуждал в глубине неизвестных ей измышлений. Вдруг он сфокусировал внимание на ней и изрек:

— Вот, что я тебе скажу, юная леди...

Клажира снедала пострадавшая гордость. Он рассчитывал встать в красивую позу, заслонив Кэлрен, словно рыцарь даму своего сердца и представить рассказ о смертельной опасности, подстергшей их нежданно-негаданно в самом безопасном в Союзе месте — оплоте Карательного Отряда, как он, не растерявшись, вывел подругу из беды и теперь смеет взывать к совести наставника Братства Уравнителей. Но, как всегда, ему сказали подождать снаружи, всю жизнь его считали безответственным и доверяли лишь самую мелкую работу, сперва его мать, затем — Каратели, а сейчас, вот, и Кэлрен туда же. Плутая меж хижин и разглядывая крестальцев, которые с первой секунды заприметили чужака, Клажир набрел на таверну «Желудок Дракона». Деревянная драконья голова над дверью заставила парня остановиться. Клажир, высунув язык, попробовал дотянуться до зубьев дракона и потрогать их, но в последнюю секунду решил оставить в покое чужое имущество. Он оглядел ровный ряд построек, идущий от питейного заведения. Для мелких весей навроде Козьих Загонов Крестал был ощутимо велик, он скорее походил на мелкий городок, чем на село. Вокруг ограды стояли сторожевые вышки, где часовые несли свой караул. У каменно-деревянного забора сновали одетые в черную одежду и стальные щитки вооруженные люди. Сами же крестьяне со спокойной душой отдыхали у крылец своих изб, зазывали покупателей к торговым лавкам, прохаживались по недавно вымощенной плиточной тропе меж строений. На секунду Клажир пожалел, что Алагаритам выпало благоустроить именно эту деревушку. Возможно, если бы они заявили в окрестности Козьих Загонов, равшарам не удалось бы оккупировать их и похитить тело Заргула из склепа. Юноша зашел в бар и тут же проехался на полтора метра вперед. Отчаянно махая руками, он кое-как удержался на ногах и обомлел — мол у входа был мокрым точно от дождя, но швабра драила его сама. Ведро неуклюже скакало из стороны в сторону, расплескивая мыльную воду, разводами растекшуюся по скользкому полу. Дружное гоготание пьяных мужей встретило незадачливого паренька.

Крылатый трактирщик по имени Хельд маневрировал рукой в воздухе точь-в-точь дирижер, аккомпанирующий оркестру, тогда как половая швабра в такт его движениям елозила по полу и так и норовила другим концом древка выбить Клажиру глаз.

— Вот те на! Мне б так уметь — наше село родное стало б обустроено так, что самому Его Величеству не стыдно показаться было бы! И ты двигаешь эту штуковину одной силой мысли? А можешь сделать так, чтобы она сама мыла пол, без твоего управления? Впрочем, вижу, не можешь. Может, научишь меня? Я знаю, за уроки платить нечем, но я могу быть очень толковым...

— Да проходи ты уже! Уши вянут от твоего трепя, — брызгая слюнями, крикнул Мурвак невдалеке от барной стойки.

В баре людей собралось прилично, большинство зрелых мужчин, одна женщина в рабочем платье и платке, подвязавшем соломенного цвета кудри, да парниша, притулившийся у низковатого окна с чашкой чая с подорожником — ничего крепче трактирщик ему не наливал, как ни проси.

— Ого! Новое лицо в нашем притоне, — присвистнул Хельд, хлопая по стойке.

— Верно! — подхватил Клажир, присев на одно из бревен-стульев без приглашения, — происхожу я с древних Ганрайских земель, поселение мое основано самим...

— Да-да-да, очень интересно! А еще ты стрижешься как деревенский дурачок. Ты всегда так стрижешься — горшок на голову и погнажи? Лучше бы налысо брился, — не дав Клажиру возразить, Хельд налил ему пива из бочонка и продолжил, — надеюсь, тебе есть, чем расплатиться?

— Даже ему ты налил! — воскликнул высокорослый отрок, сидевший у окна, — а он, между прочим, моего возраста. Сколько тебе, дружище, семнадцать?

— Девятнадцать! — охотно ответил Клажир, бросив свое пиво и направившись в сторону новообетенного знакомого, — родился я в лютый, морозный февральский вечер, на дворе стоял далекий 1688-й! Как раз в то время король Ганзарул Второй отошел от дел, а править начал регент, подумать только, он...

— А мне шестнадцать, — перебил его паренек, — ты старше всего на три года, а тебе он уже наливает.

— Да ты не волнуйся, Сангельс, — подал голос Хельд, — я знаю, как решить твою проблему. Обещанного три года ждут, вот и жди, мой малолетний друг!

Мужики дружно загоготали, Хельд, схватившись за живот, едва не лег на залитую пивом и брагой стойку.

— Кстати, меня зовут Хельд, — немного помолчав, крылатый добавил, — Великий!

— Клажир, — протянул руку парень, — кстати, это имя носили многие представители знати Союза! Один рыцарь — мой тезка, воевал вместе с Архимагом, честь ему и хвала, во время нашествия умертвий пять сотен лет тому назад. Ох, сколько же он свалил их, правда, до некроманта не добрался, мертвяки его раньше сожрали. Надеюсь, неудачливость имени Клажир не передалась мне при рождении, не хотелось бы...

— Пять сотен лет назад! Как сейчас помню! — ностальгическим тоном воскликнул Хельд, — я был там мысленно. Когда читал летописи.

— А ты умеешь читать? — спросила крестьянка в платке по имени Карен.

— Я умею! — подал голос Клажир, — научился лет этак в восемь! Ох и тяжело было, эти буквы словно плясали перед глазами, так их много. Но я не сдавался, в итоге сейчас без затруднений могу процитировать самого...

— Как же ты доконал, — сплюнул лесоруб в сторону гостя, — тебя случайно не прогнали с той деревни, откуда ты родом?

— Может, успокоишься, Мурвак? — сказал ему пожилой мельник, — я в свое время был таким же. Молодым часто есть много, о чем сказать. Это мы уже успели выговориться.

— Кстати, — поднялся староста Крестала и вопросительно взглянул на Клажира, — а с чем ты к нам пожаловал? Я успел заметить, явился ты вместе с той девчонкой, которая сейчас общается с наставником Братства Уравнителей.

Хельд пожал плечами и молвил:

— Глупые вопросы задаешь ты. Конечно же, чтобы отведать харчи из моей таверны! О «Желудке Дракона» слыхали во всей Аргое. Особенно славен мой самогон! Им можно травить любых паразитов.

— Дайте ему уже сказать! — включился в беседу мужчина в красной бандане и с двумя ятаганами за спиной.

— Сказать, — фыркнул Мурвак, — Брок, да его словесный понос попробуй заткнуть.

Арстель улыбнулся, отчего-то ему стало теплее на душе. Видя, как люди совершенно разных характеров пререкаются друг с другом точно члены семьи в обыденные будни, он снова почувствовал себя не одиноким.

— Ребята, — вышел он в центр помещения, подняв руки, — давайте немного успокоимся и выслушаем парня.

— Я спокоен, как удав, проглотивший ежа! — сказал Хельд, — правда, ежа без игл. Не суть! Выкладывай, как бишь тебя...

Клажир уже собрался сызнова изложить историю происхождения своего имени, но под строгим взглядом Мурвака и остальных осекся и начал свое повествование. Поведал он о жестокой схватке Карателей, когда они вместе с архимагом из Хаглоры штурмом взяли крепость слуг императора Заргула. Как обычно, свой вклад в победу он пытался приукрасить, хотя и переборщил, упомянув, что спас от верной смерти Глоддрика — Ганрайского Демона, перерубив на лету стрелу, летевшую ему в грудь. По большей части прикрасы в его рассказях встречались с изрядным скептицизмом — снисходительная улыбка крестьянки Карен, презрительная усмешка лесоруба Мурвака, одобрительные кивки улыбающегося старика-мельника, смотревшего на него точно на лепечущего младенца. Это заставило покраснеть Клажира, но не поколебало его уверенность и не сбilo с мысли, даже комментарии трактирщика не вывели его из себя. Кончал он уже тем, как ненавистные чернокнижники взяли практически без боя самую стойкую в Союзе крепость, заодно приведя с собой ораву головорезов, пленивших стражей порядка и защитников границы. Даже Глоддрик оказался бессилён — меч всегда слабее магии, а стрела медлительнее мысли.

— И вот я вел изможденную и перепуганную подругу через леса и топи, охранял ее от бродящих по тем местам хищников, сохранив твердый рассудок, я отыскал тропу в ваше селение. Возможно, наставник, осмелившийся перечить силам Карательного Отряда, располагает такой боевой мощью, что сумеет выбить из нашего гнезда вражину.

Если в начале его рассказа жители Крестала относились не совсем всерьез к его словам, впоследствии они перестали обращать внимание на самого рассказчика и сосредоточились на содержании его доклада. Лица жителей деревни посуровели, глаза светились огнем факелов, горящих у входа, в них читалась непоколебимая уверенность в долге перед товарищами.

— Что ж, — поднялся равшар-земледелец, отставив похлебку, — я хоть и не рос в Союзе, я даже не человек. Но своих в беде не бросают. Повоюем, братья и сестры?

— Если не остановить их, — подала голос Карен, — мы следующие жертвы.

— Нанесем опережающий удар? Давно пора! — прошипел Мурвак, — что же вы так долго с этим тянули, нашли бы давно этих уродов и замочили.

— Мы точно выиграем, — сказал Хельд, — вы сдали позиции, поскольку с вами не было чародеев, верно? А я уже умею подметать пол своей магией! Как-нибудь сдюжим.

Поднялся гвалт, в котором каждый из жителей Крестала и людей из Братства Уравнителей стремился выразить ненависть к захватчикам как можно красноречивее.

Арстель, предпочитая хранить молчание, с восхищением на это глядел. Созерцал он отзывчивость и стремление к взаимовыручке. Он, по правде говоря, сомневался, что жители Крестала найдут в себе силы даже помышлять о каких-либо мерах и риске, чтобы спасти соотечественников. Теперь же он наблюдал тот самый дух единства, который прививали жителям Союза еще праотцы.

— Да уж, — сказал Хельд, глядя на то, как мускулистый плотник в порыве гнева расколол кулаком стол, — чему-то этот Алагар сумел их научить.

— Чему же? — спросил Арстель.

— Все мы — братья и сестры, готовые прийти друг другу на выручку.

— Может, и так. А может это всегда в нашей стране и было? А Алагар лишь сыграл на наших чувствах?

Стоило лишь гневу уняться, как дверь распахнулась и в заведение влетела Юкиара, чуть было не споткнувшись о брошенную у порога швабру.

— Выходим на площадь! — отдышавшись, сказала она, — наставник зовет.

Люди спешно стекались к площади. Клажир торопился отыскать в гуще народа Кэлрен, его чуть не сбил с ног здоровяк-плотник, но деревенского парня это не остановило. Воссоединившись с Кэлрен, он дружески тряхнул ее плечо:

— Ну как? Убедила? Не понадобился мой богатый опыт ораторской практики и убеждения? Как-то я убедил барахольщика сделать мне скидку на семена подсолнечника в целых пять процентов! Зря ты меня не позвала, может...

— Тише ты! — ткнула его в живот она, — на нас уже люди смотрят.

Смотрели они, правда, не на пару юнцов. В центральной улице, в которой сходились главные дороги через Крестал, были уставлены в ряд ящики, на которые одним скачком взобрался Алагар. Со своим ростом в шесть с половиной футов он, стоя на ящиках, возвышался над головами слушателей, даже плотник Харал Зверюга дышал ему в грудь.

— Братья и сестры! Мы продолжаем по чести работать и укреплять Крестал. Даже Карательный Отряд не осмелился связываться с нашей общиной. Но не в том дело. Сегодня на мою голову свалилось весьма непростое решение. Людям в Вархуле требуется помощь. Как вы, возможно, знаете, дерзновенный Варзхел, — при упоминании этого имени в голосе и взгляде Алагара проглядывалось что-то личное, он явно не понаслышке знал этого человека, — оправился от неудачи и начал действовать. Под его стальной рукавицей теперь лежит весь Ганрай, а Карательный Отряд проиграл бой в своих же стенах. Быть может, некоторые скажут — на кой нам далось это государство? Союз? Король Эанрил, император Ганрая, Карательный Отряд? Скажу вам — это неважно. Важно то, что, пока такие как Варзхел приходят в наши земли и устанавливают свои порядки, мира равенства и братства

никогда не будет. Людям требуется подмога и они ее получают. Разумеется, — он ослабился и перебросил посох в другую руку, — я не смею приказывать. Никто не обязан рисковать своей шкурой, — презрительно скривился маг, — ежели не дойдет до этого решения сам. Если понадобится — я отправлюсь один и, клянусь Илгериасом, не стану никого винить за бездействие. Во времена войны с северянами я сам отказывался сражаться за корону, и это был мой выбор. Однако люди ждут ответа. Что скажете вы им?

Улицу охватила тишина. Подул легкий ветер, кроны деревьев плавно качались, лишь слабый стрекот дрозда у калитки ближнего дома нарушил пустоту. Казалось, все дома умерли, ни в одном окне не было видно света за околицами. Весь люд собрался вокруг своего негласного вождя. Арстель нашел среди других Юкиару, волосы ее развевались во ветру, взгляд источал решимость. Девушка ступила вперед и произнесла:

— Я пойду!

— И я! — сказал Сангельс.

— Ишь ты! — воскликнула Юкиара и оттянула его за ворот в толпу, — так я тебя и пустила.

— Мне кажется, — заговорил Рeadхалл, поправив пояс, туго сидящий на его обширном брюхе, — никто из Братства не откажется заступиться за Ганрай. А что до вас, крестальцы?

Арстель сам не заметил, как ноги его понесли, и вот он уже был в центре круга.

— Я с вами, — тихо сказал он, заметив обеспокоенный взгляд Юкиары.

Соотечественники оглядели его с нескрываемым уважением, он первым осмелился дать слово выйти в бой за своих.

— Я тоже! Так всыпем этим уродам! — крикнул Мурвак, выскочив перед Арстелем.

— И я! Кто будет вас латать, лечить? — сказала хаглорианка Шая-Кишра.

— Ты тоже целительница? — спросила ее Кэлрен, — думаю, мы сработаемся!

Народ повалил вперед как саранча на урожай.

Практически никто из Крестальцев не остался в стороне, не вызвалась поддержать Ганрай только служительница храма, поскольку должна была смотреть за детьми, и Сангельс, к своему неудовольствию. Мужчин жены дергали за рукава, молящими взглядами убеждая не делать глупости, но слишком сильный огонь воли к свободе и желания защитить родину зажег в них Алагар. Где-то свысока проревел красночешуйчатый дракон и спикировал аккурат возле Алагара.

— Вот и огневая сила, поддержка с воздуха! — пригладил существо чародей, — похоже, все готовы взяться за оружие. Чудесно...

Где-то за оградой в сени деревьев сидел на толстой ветви векового дерева архимаг Йоши-Року. Он был далеко, чтобы разобрать слова людей, орущих на собрании Крестала, но достаточно близко, чтобы видеть их подъем силы духа и готовность приступить к делу. С гордостью взглянув на Алагара, Йоши кивнул и с улыбкой изрек:

— Всемогущая Анлариэль, а ведь я был прав, что с самого начала в глубине души не сомневался в нем.

Ответом ему был шелест листьев и пение птиц, резвящихся в лучах солнца.

— Ты не обязан идти с нами лишь потому, что все решились на это! Или потому, что так сказал наставник, — Юкиара закусил губу, — жизнь слишком ценна, Арстель, чтобы вот так бросать ее в топку.

Селяне скорым темпом собирались в поход, а люди Алагара готовили орудия боя на

выдачу. Арстель и Юкиара стояли у входа в его сапожную лавку. Сапожник был готов провалиться сквозь землю, лишь бы этот разговор поскорее кончился.

— А если каждый будет так думать, Юки? Кто будет сражаться со злом? Оно будет лишь разрастаться, если не остановить вовремя.

— Но ты ведь никогда не сражался. Ты еще не боец!

— Знаешь, Шаабан очень хороший наставник, даже меня за это время чему-то обучил. И все бывает в первый раз. Было время, когда и Архимаги впервые творили магию.

На глазах девушки наворачивались слезы, со шмыганьем она утерла нос.

— Это опасно, Арстель, если ты погибнешь, я...

Сердце Арстеля сжалось, ему было больно смотреть на переживания своей подруги, но он четко знал — если начать распускать сопли при ней, это лишь добавит ей страданий. К тому же это наверняка лишит девушку собранности в схватке, что может стоить ей жизни. Арстелю не оставалось ничего, кроме как расставить все по местам.

— Ты — что, Юки? Ты ничего мне не должна, я не твой младший брат, чтобы оберегать меня от опасности. Если я чем-то рискую, это мой личный выбор, и тебя он никоим образом не касается. Будь добра помнить об этом, если уважаешь нашу дружбу.

Дружба. Это слово словно кувалдой по стеклу разбило вдребезги те чувства, которые Юкиара пыталась донести до него. Она утерла слезы и глубоко вздохнула.

— Хорошо. Прости меня, Арстель, я совсем забылась. Я думала, мы с тобой... Впрочем, не так важно, о чем я думала.

Она развернулась и направилась в сторону врат, где Брок, Краух Гримбла и Эрлингай проверяли сбалансированность и заточенность мечей и топоров.

— Эх, Юки. Меньше бы ты думала, — пробормотал Арстель и отправился к себе.

Вскоре жители Крестала отправились в путь.

Глава 13: «Не рой другому яму»

— Внимайте гласу властителя вашего! — прогремел оклик юнца с едва пробившейся бородкой в темном балахоне.

У ограды императорского дома сгрудилась толпа вооруженных людей, одетых точно adeptы некоего культа. Среди них сновали равшары, северяне и клирийцы воинственного вида, но они не были похожи на тех лихих искателей наживы и славы в Сухих Колодцах. Если в любящих свободу членов преступных кланов было отчасти безалаберное равнодушие ко всему, своей жизни, жизни других — лишь бы вволю погулять, выпить и нарубиться, то эти воины отличались фанатичным огнем в глазах. Они взирали на горожан, осторожно подобранных ко дворцу императора Камайраса, точно на свою паству. Словно они были уверены, что принесли им благо, которое те были еще не в состоянии оценить. Через толпу солдат, взявших почти без боя резиденцию императора, прошествовал Хейларг. Настроение у него было донельзя паршивое. Ему надоели благоговейные возгласы и взоры соратников, относившихся к нему точно как к апостолу мессии. С другой стороны, а что не так? За сомнения в этом статусе красноликий чародей быстро бы лишился своего положения в рядах императора. Но как же давят эти взгляды Варзхела, полные отрешенной убежденности в неизбежности победы Заргула, этой клирийской мумии, помешанной на воскрешении мертвецов и такого же помешанного ассасина в маске, только на ядах, ополоумевшую ведьму, принесшую в жертву столько ни в чем не повинных людей, самодовольного Ниарота. И роптание зашуганной толпы, которая с опаской поглядывала на захватчиков, не зная, чего от них ожидать. Из головы Хейларга никак не шла решимость той целительницы-магички, без колебаний рискнувшей жизнью ради спасения этих двух детей. Хейларгу приходилось убивать пачками взбесившихся демонов, вырвавшихся из подземелий Азрога и нападавших на мирный народ горхолдов. Не жалея себя и своей жизни он множество раз схватывался с ними, применяя свою магическую силу на полную. Но то были обезумевшие от жажды крови твари, а совсем другое — люди, которым было, за что сражаться. А еще хуже — смотреть на беспомощных мирных жителей, что точно кролики старались сбиться в кучу при виде воинства подземелий. На женщин, которые заслоняли собой малых детей, мужчин, заслонивших дородными телами женщин, но не утративших страха в глазах — так смотрит загнанный в угол, отчаявшийся, сдавшийся человек, но никак не достойный равного сражения противник. Хейларг в очередной раз спросил себя — действительно ли он готов убить любого из них, кто найдет в себе силы воспротивиться воле Заргула? Действительно ли нужно убить в себе любую мораль, чтобы служить идеям императора? Что он ответит, когда его будут судить высшие силы? Придется ли отвечать за свои поступки? На все, как он знал, среди его союзников, был один ответ — любое деяние Заргула во благо, его не следует судить ни законами морали, ни логики, он выше этих понятий. Также деяния Заргула несут в себе благо для развития мира в долгосрочной перспективе, поэтому сиюминутные жертвы не осознавших мудрость Хранителя Подземелий вполне оправданы грядущим всеобщим счастьем. Но неужели остальные так в этом непоколебимо уверены? Тот же Варзхел? Нет, в его мертвом взгляде сложно прочесть хоть какие-нибудь мысли, не то, что чувства. В любом случае, нужно произнести речь. Народ ждет. Братья ждут. И Хейларг воззвал к народу. Громогласно заявил о трусливом императоре Камайрасе, сдавшемся на милость победителя и готовом бросить своих подданных на произвол судьбы лишь бы спастись самому, о

неспособных защитить самих себя Карателях, об умирающих пережитках прошлого в связи со властью короля Аргои, членства людских народов в Союзе, социальном расслоении и верховенстве знати, чародеев и любого, приближенного к королю и людям голубой крови. Что с этих самых пор единственный закон, необходимый для исполнения — воля императора Заргула, законного правителя всего живого и сущего. Говоря это и видя смятение, страх в лицах и глазах жителей Вархула, он все больше сомневался, там ли он, где должен находиться? Люди же, смотря на щупальцевого мага, не верили своим глазам. Неужели вторжение сил императора Заргула — не пустые слухи? Ясно им было теперь лишь одно — горхолды, те позабытые существа из преданий древности, освеженные в памяти честного люда описаниями Ревiana Гувера, не были вымыслом историографов. Так ли реален Заргул и столь силен, как описывали предания, а если так же сильно его воинство? Что ждет мир? Никто не мог дать ответа.

С сырой, прогнившей до основания балки каждые две секунды капала грязная вода в обширную лужу, растекшуюся на вымощенном камнем полу. В стенах, выложенных булыжником, меж камней раствор успел искрошиться и стереться, в некоторых местах начинал прорастать мох. В углах валялись огрызки яблок, куски и крошево черствого хлеба, так и не доеденного бывшими здесь узниками. Запущенность казематов была вполне объяснима — в Карательном Отряде редко задерживались надолго заключенные, обычно их рассылали по областным тюрьмам. Если после допроса им позволяли остаться в живых. На этот раз казематы были почти пусты до взятия Гилеарда пособниками красноглавого императора. Теперь же они были до отказа заполнены Карателями. В нескольких камерах стражам порядка пришлось ютиться с взятыми доселе под стражу бандитами, но татуированные головорезы, оставшись в меньшинстве, не дерзнули попытаться отомстить за павших соратников.

Еще одна капля, на этот раз она угодила ему на бровь. Глодрик усилием воли открыл слипшийся глаз. Его камера находилась ближе к самому концу коридора и была отделена от остальных широкой стеной, соответственно, его пробуждение осталось незамеченным для остальных пленников. Картина наконец сфокусировалась в его зрении. Глодрик обвел взглядом ржавую решетчатую дверь возле небольшой кучи гнилой соломы. Его расчетливый ум сразу начал прикидывать, каким образом можно высадить дверь или взломать замок. На всплеск ненависти воин растрачиваться не стал — с годами эти чувства все меньше овладевали им, оставляя лишь одно — неукротимый раж в бою. Ломать голову над вопросами, что стало с остальными, кто остался в живых и где держат императора, ломать голову Ганрайский Демон не собирался. Глодрик привык быть человеком дела, а не размышлений. Он попробовал потрясти прутья двери, проверяя петли на прочность. Надежная, несмотря на ржавчину, сидит крепко. Несколько ударов с ноги, попыток навалиться плечом или снова врезать ногой с разбегу окончились неудачно. Облокотившись об ограду, он отсутствующим взглядом окинул противоположную пустую клетку, а затем оглядел сырой пол своей камеры. Ни осколков железа, ни потерянных столовых приборов, не осталось ничего, что могло бы послужить неплохую службу для взлома. Глодрик был неплохим медвежатником, детство на улицах Ганрая давали о себе знать. В свое время этот бывалый борец с преступностью был всего лишь мальчишкой на побегушках у воровских шаек. Чаще всего ему доверяли лишь стоять на стреме, но секретными взлома все же с ним поделились. Но применить эти знания была не судьба. Собраться с мыслями и понять, что

делать дальше ему не дали.

— Что, в капкан угодил, Ганрайский Демон? — снова этот знакомо режущий уши голос молодой женщины из сумрака противоположной клетки, — слабеешь, Глоддрик, хватку теряешь.

Беловолосая дева прошла словно призрак сквозь ржавые прутья и прильнула к решетке Глоддриковой камеры.

— Я бы тебе помогла, но ведь ты убил меня, — скорчила она притворно грустную мину, — какая досада.

Медленно шагнув вперед, Глоддрик приблизился к решетке и к ней вплотную.

— Рикке, — скривился он в усмешке, больше напоминающей оскал, — ты случайно не видела связку ключей?

— Не-а, — усмехнувшись, покачала головой она.

— А какого-нибудь амбала, на поясе которого бренчала бы такая штукавина? Не видела?

— Шутишь со мной? — просунула она голову сквозь прутья, — признай, что у тебя нет выхода на сей раз. Тебя прижали к стенке, парень. И юмор не заполнит черную дыру, зияющую пустоту в твоей душе.

— Хватит повторять одно и то же, Рикке, — Глоддрик, стараясь не смотреть в ее сторону, пытался просмотреть коридор, но увидел лишь отсветы факелов на деревянном полу, — изыди. Толку от тебя никакого.

— Не выйдет, — улыбнулась она, надвигаясь, — я всегда с тобой, и это не изменить. Я живу в твоём сердце. Некоторые говорят, оно каменное, как раз впору такой, как я.

— Мать твою за ногу! — Глоддрик саданул кулаком по решетке, отчего та содрогнулась, — Рикке, не будь такой стервой! Тебе заняться нечем?

— Эй, придурок! — послышался голос из-за стены, — какой мрази там не сидится спокойно?

Шатающейся немного пьяной походкой к решетке подошел человек в черном одеянии. В руке его была палица, усеянная гвоздями. Его блуждающий взгляд, который ему никак не удавалось сосредоточить, будто плавал в тумане, отчего стражу не удавалось разглядеть, кто заточен в камере. Глоддрик приник к прутьям и осел, точно он до этого находился в полубреду и не представлял опасности.

— Если я услышу еще хоть малейший...

Вскочив на ноги с невероятной быстротой Глоддрик, не дав тому и секунды на то, чтобы среагировать, обхватил жилистыми руками затылок пьяного надзирателя. Тот не успел ни отскочить, ни замахнуться саблей, лишь глаза его округлились от неожиданности и поднялись брови, но было уже поздно. Спустя секунду его темя было облито кровью — три мощных удара его головой о соседнюю стену проломил бедолаге череп. Глоддрик в довершение дела свернул по часовой стрелке шею пьянице и рукой нащупал связку ключей на его кушаке.

— Тоже вариант, — усмехнулся каратель и со скрипом отворил ржавую дверь.

Он обогнул стену и вышел в основной коридор с остальными клетками, расположенными по дуге, точно в зале театра.

— Кто хочет наружу? — криво ухмыляясь и раскручивая в руке ключи, Глоддрик направился к ближайшей ячейке со своими соратниками.

— Командор? — опешил Драконобой, лежавший до этого и с понурым видом глядящий

в потолок, — да ладно... Как ты...

Стены содрогнулись и раскатистый грохот заглушил его слова. Стена аккуратно рядом с камерой Драконобая взорвалась точно от залпа катапультных ядер, облитых горячей смолой. Следующий взрыв разнес место, где только что куковал сам Глодрик. Через дыру, пробитую в стене, открывалась картина осады. Гилеард брали штурмом.

Примерно половина неровно шагавшей вооруженной колонны шла в первый в жизни бой. Рука Арстеля с непривычки держать копьё подолгу налилась свинцом, а кольчуга со щитом за спиной заставляли его сгорбиться и давили всей тяжестью, хотя виду он не подавал. Но по мере приближения к тылу крепости Гилеарда его бросало в дрожь, а руки начинали предательски подрагивать. Прежде сапожника прельщали смелые мысли о защите соотечественников от врага, его воодушевили красные речи Алагара, боевой дух товарищей и само их присутствие у плеча. Вот только он с самого детства не мог смотреть на то, как соседи забивают овец, так сможет ли он найти в себе силы причинить вред такому же как он сам человеку, пока его не отправили на тот свет? Посматривая на остальных, Арстель пришел к выводу, что не его одного одолевают сомнения. Юкиара большую часть пути, поджав губы, сосредоточенно всматривалась вдаль, пока ее разум блуждал в неведомых остальных глубинах. Девушка и сама время от времени озиралась по сторонам, но она не искала поддержки, а скорее наоборот, хотела понять, кто в ней нуждался. Мурвак то и дело чертыхался сквозь зубы, но его неразборчивая ругань не касалась ни ухабистой дороги, ни унылой картины редких хуторов и мельниц вокруг, по одиночке стоявших без всякой надежды на соседство, ни даже столбов дыма, поднимавшихся из-за вершин крепостных стен Вархула и крыш его домов. Его злоба не относилась ни к чему иному, кроме как к его собственному страху. Уходя в себя все глубже, Мурвак повторял ругательства, словно мантру, скрип зубов и перекошенный от гнева рот лишь позволял ему уйти от того же страха. Хельд же предпочитал насвистывать какую-то бессвязную, фальшивую и им самим придуманную на ходу мелодию. Клажир за всю жизнь так и не научился держать язык за зубами и не озвучивать весь бурный мысленный поток. Парень шел возле Кэлрен, а она, казалось, была совсем не против его словоизлияний.

— Страх перед схваткой вполне естественен, ты ведь понимаешь, что даже люди с моим-то опытом ему подвержены! Но, видишь ли, когда ты смотришь страху в лицо, он пропадает. Когда я еще пешком ходил под стол, в нашей деревне жил племенной бык, что гонял всю округу, стоило только в поле выйти. А я, лет так в двенадцать, как сяду во поле чистом, понимаешь, по нужде. И эта зверюга тут как тут. Ну а я что? Я, не шелохнувшись, смотрел прямо в эти мелкие, налитые кровью глазки. Не отводя взгляда, я с вызовом смотрел на него. Поначалу он рыл землю копытом, но вдруг успокоился, развернулся, и...

— Лучше бы он тебя насмерть зашиб! Твою же ж, хоть наши головы б от тебя не болели, — прорычал Мурвак, сжав кулак и в бессильном жесте опустив его.

Алагар молча шествовал во главе колонны, подняв острый подбородок, он всматривался вдаль, словно хотел увидеть там неопровержимое предвестие победы его людей. Йоши-Року не появлялся на глазах людей, но весть о том, что прибудет он сам и подкрепление до Алагара все же дошло. Алагариты и крестальцы шли холмистыми равнинами, среди которых то и дело мелькали вымирающие села, в окнах землянок которых тускло мерцали свечи, и редкие гущи деревьев, совсем не плотно посаженных. Селяне, бродячие торговцы или же местные жители, идущие по тракту, провожали их опасливыми взглядами. Слух о том, что в

Ганрае захватили власть странные люди, уже разлетелась вокруг быстрее чумы, но видеть снова незваных гостей воинственного вида, направлявшихся в сторону Вархула, было для местного люда задачей непростой — большинство из них боялось, что это пособники захватчиков вышли отхватить больше земли и прятались по хижинам, заборам и амбарам. Всем, кто им повстречался на пути, Эрлингай, в миролюбивом жесте подняв руки, сообщал, что идут они сражаться за свободу Союза, посему каждый желающий мог присоединиться к их кампании, разумеется, понимая, что запросто может не вернуться из Ганрая. Несколько смельчаков не упустили это предложение — плешивый старик в крестьянской рубахе, косивший траву до этого, subtilный резчик по дереву, захвативший с собой несколько устрашающего вида ножей, и парень лет двадцати пяти, который ограничился лишь тем, что попросил копьё на руки. Мельник Ропхиан и библиотекарь Клуатак разговорились вовсю, планируя серьезные ремонты и переделы в своих домах по возвращении с битвы. Арстель невольно восхитился оптимизмом и жизнелюбием этих выдавших виды мужчин. Вскоре они подошли вплотную к Вархулу. Зашла колонна с противоположной от центральных врат стороны, но гораздо ближе к небольшим воротам заднего хода в крепость. Задним ходом попростому именовалась западная сторона цитадели, выдолбленной в громадной пограничной стене, врата с этого фланга были далеко не так хорошо защищены и очень близки к ограде самого города. Но людей Алагара часовые, разумеется, заметили еще за сто шагов до их прибытия, а вскоре уже протрубили в рог, а на стенах началась усиленная суeta и толчея — аколиты Заргула, равшары и северяне, примкнувшие к силам Азрога, готовили оборону в совсем недавно взятой крепости. Им предстояло ее отстоять.

Арстель отошел от Хельда и поравнялся с Юкиарой. Девушка бегло взглянула на него и робко отвела глаза. Арстель, не отчаиваясь, сократил дистанцию с ней, легонько коснувшись рукой тыльной стороны ладони ганраянки. Она слегка зарделась, но руку убирать не стала. Арстель вдруг ощутил прилив сил от одного того, что с ним рядом сейчас шагала первая женщина, в которой он узрел душевную близость. Но куда-то подевалась жизнерадостность и веселье этого полного чистой и светлой силы человека. Осталась лишь кроткая нежность, которая сквозила в ее лице, когда она встретилась с Арстелем взглядом. Глаза Юкиары словно бы говорили: «С одинаковой легкостью ты можешь сделать меня счастливой или же несчастной. Выбирай же! Я жду.» Когда Арстель взял ее за руку и стиснул ладонь спутницы, Юкиара тепло улыбнулась и ответила тем же. На этом моменте исчезло все смятение, которое с минуту назад вселяло в разум Арстеля навязчивую мысль пуститься наутек как только что-то пойдет не так и нагрянет опасность его жизни. Наслаждение друг другом Юкиары и Арстеля прервала речь Крауха Гримблы — покоцанный во множестве боев северянин обращался ко всем мирным жителям Крестала.

— Когда мы войдем во двор — сигайте к черному ходу и вызволяйте наших! Полоненных. Этих засранцев на себя возьмем мы.

— Вглубь крепости?! — удивился староста Кёрк, — но многие из наших не умеют драться и рискуют сложить там головы. Если мы наткнемся на аколитов...

— Я прикрою вас, — подал голос Шаабан, держа руку на ножнах кинжала, — а Всевышний защитит меня.

— Стой! Кто идет?! — донесся крик стража врат, стоявшего на невысоком бастиионе, — эти земли принадлежат нашему Хозяину, Хранителю Подземелий императору Заргулу. Без позволения его наместников вход воспрещен. Кто вы?

Это был один из аколитов Заргула — бородатый аргоец, неуверенно направивший

самострел в грудь Алагара.

— Те, кто предложат тебе выбор вполне очевидный на предмет определения разумного варианта, — отвечив Алагар, приветливо улыбнувшись, — видишь ли, ваш Заргул занял эти земли не самым достойным образом. Видимо, брат все то, что ему нравится, ваш вождь считает своим правом. А если бы он попросил Союз поделиться землей, как знать, быть может, ему бы пошли навстречу? В конце концов разделение на границы условны, земля-то общая. Но вы нарушили покой живших здесь людей по прихоти древнего исчадия преисподней. Либо вы спешно покидаете эти места, либо мы выведем вас отсюда.

Изменения в манере держаться стража происходили на глазах у всех. Опустив арбалет, он с бегущим взглядом засуетился, словно не знал, куда направиться, наконец перегнулся сквозь перила башни и крикнул:

— К чему преграждать вам путь? Быть может, ваши условия покажутся приемлемыми для нашего командования. Сейчас я дам приказ опустить подъемный...

Сила убеждения Алагара действовала безотказно. В случае одного или нескольких людей. Но не толпы в тысячу солдат.

— Чего ты там копаешься, тревогу бей! — прокричали со стены из-за бойниц, — даешь команду стрельбы! Готовься! — маги-неофиты, недостаточно опытные, чтобы использовать чародейство в качестве оружия, взвели арбалеты с некоторой задержкой, — цельсь!

Команду сделать залп отдать ему не дали возможности. В стену ударила тройная молния, раскрошив верхнюю часть ее на щебень и камень.

— Когда не получается добиться своего словом, остаются лишь такие доводы, — Алагар оценил ужасающую картину изувеченных тел, раскиданных по разные стороны от стены, и убегающих с криками от места удара врагов, — но сколь эффективны они!

Из окон фасада крепости уже начали показываться арбалетчики и пускать редкие болты в толпу алагаритов. Несколько крестальцев задело, но Алагар и ухом не повел — он не был склонен обращать внимание на столь незначительные жертвы. Из кристалла на навершии его посоха взметнулись в воздух огненные шары длиной и шириной в полтора метра и дождем ударили на протяжении всей лицевой части крепости. Стоило ли говорить, что вместе с крошечным кирпичем и несущих балок попадали горелые трупы невезучих осажденных. Алагар взмахнул посохом, и в ворота врезалась ударная волна, превратившая их в груды щепок. Караульного при воротах отбросило шагов на двадцать, но подняться ему не удалось — слишком много костей сломано.

— Вперед, братья и сестры! — прокричал Алагар во весь голос, — бейтесь за свое будущее!

С диким ревом воинство красновласого мага кинулось в проход, тогда как на площадку уже высыпали всюю люди Варзхела, которых было несоизмеримо больше. Завязалась суматоха.

— За мной! К черному ходу! — крикнул Шаабан, дернув Арстеля за рукав.

— Я поведу! — ответила Кэлрен, вслед за которой тут же рванул Клажир, опасаясь попасться под горячую руку сражавшихся.

Крестальцы побежали за монахом и целительницей Карательного Отряда. Хельд сложил покалеченные крылья, от которых не было никакого толку, и дал газу. Мурвак едва слышно матерился, хватаясь за бок, но все же бежал достаточно быстро. Рядом с Староватые мельник Ропхиан и библиотекарь Клуатак еле поспевали за остальными, но выдавливали из себя максимальную скорость. Страх ушел из души Арстеля, он словно слился со своей

группой. Стал единым целым, влившись в ритм бега. Чувство локтя в критической ситуации порой бывает незаменимо. Из черного хода показалась парочка северян и один равшар, но Шаабан резко вскинул руку, и спустя миг те уже похватались кто за живот, кто за горло, фонтанируя кровью. Из их глоток торчали метательные ножи.

Юкиара, до этого прошептав на ухо Арстелю пожелание удачи, ринулась в бой. Теперь же из ее рукава выскочила цепь с грузилом на конце и во вращении сливалась в непроницаемый смертоносный щит, отбивавший арбалетные болты и стрелы. Девушка с акробатической ловкостью уходила от атак врагов, уклонялась и приседала, не переставая раскручивать цепь и выписывать ею всевозможные фигуры. Арстель помнил, как она рассказывала о своем прошлом, связанном с Храмом Мечей, но он и предположить не мог, что учат там столь хорошо. Она умело отводила своим оружием удары копий и клинков аколитов Варзхела от собратьев и столь же технично разоружала их и оглушала. Именно оглушала, стараясь все же не убивать. Совсем другое дело — Гримбла. Северянин наплевал на щит, своим ржавым топорищем он уже раскроил черепа троим ученикам Варзхела, по глупости пренебрегших изучение магии и выбравших оружие, в котором не были столь сильны, как их набивший руку враг. Гримбла, оскалившись желтым неровным рядом зубов, предпочитал рубить своих врагов топором в одной руке, а палашом — в другой, рубить, а не фехтовать с ними. Неопытные пособники Хранителя Подземелий не были в силах обычно нанести ему больше двух-трех атак, либо уворачивался Гримбла ловко, несмотря на годы, либо с силой отбивал, точнее, отшибал их оружия и тут же бил навстречу, высекая из плохо защищенных кое-как надетыми на балахоны панцирями врагов струи, а то и фонтаны, крови. Эрлинггай и Чёрный Лев напротив, показывали высокое искусство владения мечом. Эрлинггай сошелся с пятью северянами и, невзирая на сыплющийся дождь ударов их орудий, его размывающийся в воздухе фамильный меч королевского рода успевал парировать все до последнего, а затем он отвечал искусным танцем пируэтов, сопровождающихся плавными взрезами, вскрывавшими те самые незащищенные места — прорехи меж щитками воинов из Драконовых Гор. Самый крупный северянин понесся на Эрлинггаю, занеся палицу, видимо, рассчитывая смести его точно ураган — кучу листьев, но Эрлинггаю стоило лишь плавно увернуться и одновременным движением расплосковать брюхо великана. Выпустив кишки противника наружу, он продолжил вспоминать уроки Керриса Галарта о фехтовании. Совсем непохоже на честный и благородный стиль борьбы Эрлинггаю дрался Брок. Его манера боя изобиловала обманными движениями, ударами в голень, пах. Один равшар ударом плеча свалил его на землю и собрался добить уколom костяного гарпуна, но Брок перекатился, зачерпнул горсть земли в кулак и что было силы сыпанул врагу в глаза грязь. Добить ослепленного врага труда не составило. Шойрил предпочитал держать дистанцию и расстреливать подбегающих к нему аколитов из лука. Недаром взял он с собой второй колчан. Мало кто успевал подойти к нему ближе, чем на двадцать шагов. Равшар Кога же дрался не благородно и не подло. Он бился жестоко, точно дикий носорог, пришедший в абсолютное бешенство. Он мог одним ударом своего костяного ятагана разломить вражеский клинок и тем же ударом разрубить его туловище, отбить выпад врага и обратным движением с молнейносной скоростью снести тому голову. Скиарл же Хьерген, что был славен своими инженерными задумками, спустил с рукавов цепи и показал врагам, что такое настоящая мясорубка. Некий механизм в его одежде приводил во вращательное движение сразу несколько цепей на каждой руке с группой лезвий на конце, что позволяло Хьергену лишь бросать в нужное направление свое чудо-оружие, а дальше вертящиеся с бешеной

скоростью лопасти делали свое дело и превращали врагов в фарш. Если изначально врагов было больше вдвое, то сейчас число уже было один к одному. Вот снова свысока раздался звериный рев, и с небосвода стрелой спланировал дракон, огненной струей он выжег не меньше трех десятков воинов вражеской армии. Радхалл Бескровный и древокожий Йору-Клиа из Хаглоры подсобили бы в выкашивании врагов, но они были заняты магической схваткой. Супротив них сгрудилась группа с десятков адептов Заргула в черных плащах с неказистыми, но вполне рабочими кудесническими посохами наготове. Вот один из них швырнул в Радхалла шар магмы огромных размеров. Бородач с легкостью отбил удар — шар треснул и растекся сгустками лавы, ударившись о невидимую стену. Двое других аколитов совместным заклятием вызвали шквал ветра, причем воздушные потоки точно клинки взрезали воздух и все живое вокруг. Радхалл взмахнул посохом, и из-под земли воздвинулась стена, которая хоть и была рассечена ветром, но все же отразила удар. Меньше повезло нескольким парням, обменивавшимся ударами мечей по соседству — ветер их расчленил как мясник разделяет свиную тушу. Кровь обрызгала Радхалла и хаглорианца, но в раже схватки они мало на это обратили внимания. Внезапно Йору-Клиа начал читать нараспев песнопения на древнем, давно забытом языке. Речитативы его ритуальных изречений перекрывали гул схватки. Пока тот читал заклятие, Радхаллу приходилось отражать атаки чернокнижников, которых уже сбежалось около пятнадцати. Маг понимал, что хоть они и бросаются огненными шарами, левитируемыми валунами и сгустками разрушительной энергии, его защитный экран долго не протянет. Чуть только в невидимой пленке магического щита проступили трещины, Йору-Клиа закончил, вскричав последние слова. Вокруг книжников, с которыми они сражались, начал сгущаться туман. В смятении они попытались вызвать смерч, который смог бы его развеять, но добились лишь еще большего распространения этого едкого желтоватого облака пыли. Вдруг в толще испарений промелькнула тень. Затем другая. У этих теней были странные формы, похожие на человеческие, но расплывчатые, прозрачные, точно причудливые и изменчивые образы из наших снов. Только эти были вполне реальными. Злые духи хватали книжников и разрывали их, пожирали, впивались бесплотными зубами в их тела, пробивая с легкостью их защитные стальные пластины. Какие бы заклинания те ни использовали — ледяные шипы, огненные потоки — все проходило сквозь этих существ. Магов порвали как пес рвет тряпичные куклы, но действие призыва духов имело свои ограничения. Не прошло и полминуты, как туман развеялся и эти жуткие силуэты растворились в воздухе, будто бы их и не было. Остались лишь разодранные тела магов, в лицах которых застыл предсмертный ужас. Темная магия успела выкосить еще двадцатерых не столь сведущих в магии бойцов — клирийцы, северяне и равшары с одинаковым пылом бросались на мистических созданий, но их примитивное физическое оружие не брало тварей, сотканных из материи иного рода. Оставалось с несколько десятков бойцов, охранявших центральную крепость Гилеарда. Эрлинггай и Краух Гримбла было возрадовались и собрались выбить двери и ворваться внутрь. Но вдруг сзади послышались тревожные окрики. Из других участков стены Вархула выбегали аколиты в балахонах, равшары с клирийцами и северянами и стекались к разломанному проходу в задний вход в центральную крепость. Воинство Алагара снова было в меньшинстве, причем их окружали. Гримбла уже утирал рукавом топор, которым только что снес круговым ударом голову аколиту, вооруженному двуручной саблей. Эрлинггай сражался с последними двумя равшарами. Один из них резанул костяным кинжалом, но ударил лишь воздух. Эрлинггай подсел под удар, но ему пришлось отскочить от яростного выпада равшара-копыеносца. Они

продолжали обмениваться ударами. Наконец Эрлингаю удалось повернуть обманное движение, сделав мнимый укол, тотчас изменив траекторию удара, брат короля Аргои расколол череп своим клинком одному и, не сбавляя скорости, вонзил острие в грудь второму.

— Не отступать! Держать строй! — проорал он.

Вряд ли Эрлингая слышали многие. У ограды уже завязалась яростная битва с наступавшими вовсю солдатами Варзхела. Бой был в самом разгаре, а люди Алагара уже начали уставать.

Едва Глоддрик открыл камеру Драконобоя, он тут же всучил ему ключи со словами:

— Отпирай остальных! Я пошел, догоняйте.

Растерянный Кандал пробасил:

— Пойдите, командор, не спешите, давайте лучше мы все вместе выберемся и...

Глоддрик даже его и не слушал. Глядя в дыру в стене, он примерился, рассчитал траекторию полета и сиганул в отверстие. Ганрайский Демон прокатился по пологому своду черепичной крыши, на конце же ее он оттолкнулся и прыгнул, приземлившись с кувырком на выступающий балкон нижнего этажа. Выбежав в темный коридор, освещаемый лишь дневным светом, он встретился лицом к лицу с группой клирийцев, которые уже со всех ног бежали к выходу. Завидев его, они притормозили. Среди них был тот самый одноглазый юнец, который совсем недавно так дерзко обещал расправиться с Эрлингаем. Наштар Лихач. Наштар не смог разделить радости своих собратьев по взятию Гилеарда, его никак не переставала гложить мысль о незавершенном деле между ним и Эрлингаем. К тому же было ясно, как день, что долго им здесь сидеть не придется — их обязательно попытаются выкурить, точно диких пчел. Он пытался себя занять чтением руководств по тактике обороны от осады, чтобы успокоить себя, удостоверившись, что крепость легко можно отстоять, выбрав верную стратегию, но сейчас все планы пошли прахом — люди Варзхела самым простым, диким образом рубились в кровь и в мясо с теми, что пришли с тем треклятым красноволосям чародеем, что с такой легкостью разнес ворота и чуть не взорвал весь Гилеард своими огненными выстрелами. И вот с десятком остриженных наголо клирийцев из клана Плавающих Скал он спешил на подмогу окружавшим главную цитадель Гилеарда адептам культа Заргула. Вскоре один из его людей краем глаза заметил Глоддрика, но было поздно. Безоружный каратель врезал ему локтем в челюсть, а затем полностью выбил ее мощным крюкообразным ударом снизу. Смуглый воин отступил на несколько шагов, с его губ текли струйки крови. Хотя воин был и слегка оглушен, он схватился за клинок и попытался рубануть Глоддрика наискось, но служитель закона не дал ему этого сделать. Глоддрик рывком сократил дистанцию, одновременно с этим перехватил ведущую руку врага и вывернул ее в локте. Боец вскрикнул, а его кривой меч с лязгом грянулся о каменную плитку, высекая с нее искры. Клириец попытался рвануться назад, но Глоддрик был слишком быстр и умел. Ганраец боднул его лбом в лицо, расквасив своим битым множеством раз черепом ему нос. Затем его рука точно питон обхватила шею жертвы, Глоддрик захватил голову клирийца в крепкий замок, а затем с силой дернул ее кверху. Раздался тошнотворный хруст, после чего воин обмяк как веревочная игрушка и повалился на пол вслед за своим оружием. Это произошло столь быстро, что Наштар и его люди не успели должным образом среагировать. Теперь же, когда в голову Глоддрика летел на всей скорости ятаган, он сделал кувырок, подхватив меч убитого воина, и в этом самом кувырке

успел подрубить стоявшему неподалеку противнику ноги, отчего тот с воплем рухнул только для того, чтобы хлестким ударом его сонная артерия была рассечена. И вот Глоддрик один против них всех. На южанах были надеты стальные пластины и кирасы, на Глоддрике же болталась рваная и заплатанная рубаша заключенного и такого же вида портки. Теперь же в руках его был длинный кривоватый клинок с золоченой рукоятью. Глоддрик презирал вычурность и любое ювелирное украшение оружия, обмотанный тряпьем и иссеченный меч, отнятый двадцать пять лет назад у вождя равшаров, был ему многократно ближе этого произведения искусства. Однако клинок был неплохо сбалансирован, а в качестве стали он убедился сполна. Сразу четверо наскочили на него — больше не могло в силу узости коридора. Перефехтовать их Ганрайскому Демону не составило труда, хватило короткого обмена ударами, точнее, жестоких смертельных атак ганрайца, чтобы эти люди обливались кровью на полу. Вихрь его лезвия с такой же легкостью положил еще троих, а оставшиеся, кроме Наштара, решили благоразумно ринуться в гущу сражающихся на дворе — даже это место им казалось безопаснее, чем наедине с этим ополоумевшим убийцей. Глоддрик их подавил своим напором, как подошва сапога давит слизней. Клирийцы пытались его атаковать, но он встречными ударами отшибал их оружие так, что конечности головорезов немели, после чего смертоносные маневры лезвия меча взрезали их точно нож мясника свиную тушу. Глоддрик вперил взгляд своего единственного глаза в черные очи Наштара. Направил на него отнятый меч и с усмешкой сделал шаг вперед. Молодой клириец не мог сдвинуться с места, его одолел непреодолимый животный страх. Разум подсказывал — беги, беги, пока стоишь на ногах, этот враг тебе не по зубам. Умом Наштар понимал, что и половины силы Глоддрика в нем нет. Но в нем выиграла гордыня, вера в свою находчивость и талант. Ему показалось, что если в нем откроется второе дыхание или шестое чувство, потаенные глубины чертогов разума, хранившие его мастерство боя, то ему удастся переиграть стареющего воина, который может и сделать ошибку. К тому же, в преступных кругах репутация означает буквально все. А какое доброе имя себе сделает Наштар, если сможет похвастаться тем, что сражался на равных с Ганрайским Демоном и одержал над ним победу. И эти великие воины вроде Крауха Гримблы, Эрлингая или самого мастера Агриппы из Храма Мечей ведь тоже с чего-то начинали, были такими же неизвестными в свое время, как и он сам. Этот шестидесятилетний воитель — прошлое, символ уходящей эпохи, ветеран давно прошедших войн. За Наштаром молодость, будущее, он свежая кровь. Он бросит ему вызов и выкует искрами сбивающихся клинков себе легендарное имя. О нем будут вскоре говорить в каждой таверне, в каждом бандитском притоне не то, что Ганрая, а даже всего Союза.

— Ха! Что, хватило этих слабаков на разогрев, старичок? Не спеши радоваться, — выписывая в воздухе изящные круги саблей, он кружил с Глоддриком в центре коридора, — я из другого теста. Вглядишься получше в мое лицо — это последнее, что ты увидишь в своей жизни.

— Закрой рот и нападай, щенок! — рявкнул Глоддрик, глаз которого горел огнем от предвкушения новой порции адреналина и боевого экстаза.

Щенок? Этот человек посмел осквернить миг его триумфа таким нескрываемым презрением? Наштар со вскриком налетел на Глоддрика и атаковал. Рубящий удар в голову прошел мимо — подсевший Глоддрик рывком обошел клирийца и резанул по горизонтали. Наштар едва успел уйти от удара — кончик клинка Глоддрика высек искру на его тонкой кирасе.

— Еще раз! Вперед! — Глоддрик улыбался, правда его выражение лица больше напоминало озверевшего демона, чем человека, он был преисполнен наслаждения.

— Играться со мной вздумал, выродок? — Глоддрик только рассмеялся в ответ его гневному окрику.

Наштар рубанул по кривой дуге, намереваясь рассечь Глоддрика от плеча до груди, но его сабля сшиблась со стремительным ударом клинка карателя, к потолку поднялся сноп искр, а оружие главы преступного клана едва не выскользнуло из его онемевшей десницы. Наштара это не поколебало, он бил крест-накрест с высокой, как ему показалось, скоростью, но от первого удара Глоддрик с легкостью увернулся, отступив назад, а второй он перехватил свободной рукой запястье Наштара, подсек его, с разворота врезав по ногам, и одновременно бросил через себя. Клириец успел сгруппироваться и правильно упасть, мгновенно перекувыркнувшись и встав на ноги, но Глоддрик снова решил дать ему шанс возобновить нападение.

— Поигрались — и хватит. Теперь всерьез, — лицо Глоддрика приобрело суровый оттенок, и от бывшего экстаза осталось мало следов, но что-то подсказывало Наштару, что в любую секунду этот безумный оскал и блеск в алом глазу могут исказить отмеченные глубокими рубцами лицо бывшего воина.

— Ты сам этого захотел, — Наштар отряхнул подол шелкового халата и перехватил саблю удобнее, — сейчас ты ответишь за всех погубленных наших братьев. За все невзгоды, что пришлись на наши кланы. Ты думаешь, что раз душил нас столько времени — не найдется никого, кто осмелился бы выйти с тобой раз на раз? Тоже мне, Ганрайский Демон, — жеманно кривляясь, Наштар презрительно сплюнул, — ты просто больной на голову урод — вот и все. Мне плевать, сколько народу за свою гребаную жизнь ты убил. Я тебя не боюсь.

Воцарилась гробовая тишина. Отзвуки бьющихся снаружи доносились до них, вспенивая бурлящую по жилам кровь в полном молодой горячности Наштаре и Глоддрике, чувствовавшего себя в сражениях живым.

— Ты храбр, мальчик. И ты прав. Я действительно болен на голову. Но я посвятил жизнь борьбе со злом. В тебе этого нет — тебе нужна лишь месть за своих блатных дружбанов. И слава. Твоя ярость слабее моей потому, что основа у нее ложная. Поэтому ты уже труп ходячий.

— Это ты прислал к нам своих гончих псов! И вслед за ними пришел тот, кто лишил жизни моего брата! Говоришь, основа ложная? Там, откуда я родом, кровная месть издревле была основой наших традиций! И не надейся, что я не доживу до нашей следующей встречи с Эрлингаем. Пусть он увидит, что даже с тобой я сотворю нечто такое, отчего его душа в пятки уйдет. Будет знать, что его ждет. А сейчас ты умрешь!

— Ну же! — взревел Глоддрик.

Наштар атаковал снова, размашистым ударом он собирался снова угодить в шею противнику, Глоддрик легко, но с демонической силой отбил этот удар, а от инерции клириец пошатнулся. Тем не менее, он продолжил натиск и бросился коброй в яростном колющем выпаде, но на этом его усилиям суждено было окончиться. Глоддрику, очевидно, наскучило играть со своим не столь умелым противником. Он с легкостью ушел с линии атаки и скоростным ударом отсек Наштару руку по локоть. Кровь из раны забила ключом. Клириец не успел и вскрикнуть — Глоддрик дернулся вперед и насадил его на свой клинок, вонзив меч в живот Наштару по рукоять. Молодой воин издал лишь слабый хлюпающий

хрип, после чего из его рта выплеснулся сгусток крови. И тут в мозгу Наштара всплыл единственный образ, затмивший собой все вокруг — лицо своего брата, слишком светлокожее для клирийца, но столь родное ему. Человек, с которым они прошли огонь и воду, с которым они поднялись с самого дна до авторитетности в криминальном мире. Того, кто все это время был для него единственной настоящей семьей. Умом Наштар понимал, что Эрлинггай поступал праведно, а он и его брат заслуживали смерти, но руководствовался он своими эгоистичными мотивами, а не здравым смыслом и идеалами чести. Только поквитаться с ним уже не выйдет.

— Нет... Я не могу... умереть сейчас... — начал он оседать на пол после того, как Глоддрик выдернул из него меч, — я еще не... отомстил...

— Не судьба, — осклабился Глоддрик, — прощай, я и так слишком долго с тобой провозился.

Каратель бросился к выходу, а поле зрения Наштара начала застилать тьма. Он вдруг пришел к мысли, что зря они с братом ступили на легкий путь — наживы на ущемлении слабых, грабеже, насилии. Возможно, стоило бы послушать советы деда, когда тот еще был жив, и выбраться в города, стать подмастерьями, найти работу. И как досадно, что уже слишком поздно, время вспять не обернешь, и его жизнь закончится вот так. Сожаление было последним чувством, овладевшим разумом Наштара до того, как он навсегда закрыл свой единственный оставшийся глаз и ушел в мир иной.

Алагар мог разнести гушу врагов на куски одной силой мысли. За что ему, разумеется, были бы благодарны Каратели и члены Братства Уравнителей. Что остановило его? Заклятие видения, взор, пронизывающий двери и каменные стены, позволил ему увидеть свою старую боевую подругу в глубине крепости. Еще до того, как его люди схлестнулись с силами Заргула, он закрыл глаза и ментально уже бродил по закоулкам Гилеарда со скоростью света. И вот, наконец, она, Танриль, с которой он разделил полные веселья и трудностей ученические годы под началом Йоши-Року. Женщина была закована в колодки, ее кисти безвольно свисали из отверстий, волосы же ее спутались и точно крона плакучей ивы тянулись к сырому полу. Кудесник сам не заметил, как его же заклиние перенесло его в нужное место, он это сделал автоматически, видать, и после десятилетий разлуки он не смог остаться к ней до конца равнодушен. Закована она была на вершине одной из низеньких башен. На открытом воздухе подвергли ее позору слуги Заргула, печальнее всего было то, что это зрелище больше всего сломило дух народа Ганрая к сопротивлению. Та самая целительница, что всегда готова прийти на помощь и защитить Ганрай от темной магии, против которой бессильны Каратели, к которой зачастую шли и с куда менее серьезными проблемами, чтобы выговориться, даже тогда она проявляла наибольшую отзывчивость, выслушивая отроков, жаловавшихся на страших, стариков, сетовавших на молодежь, зрелый люд, использовавший ее как отдушину для излиятий своих претензий к власти. Символ опоры, надежности, доброты и верности народу — сломлена и унижена, стоит на коленях в захваченном замке. Не глядя на панораму сражения, развернувшуюся снизу, Алагар двинулся к своей знакомой:

— Танриль? Танриль, очнись, — он приподнял ее голову и заглянул в ее глаза, смотревшие вникуда, — это я.

Ее лицо на миг осветил проблеск сознания, чародейка сфокусировала взгляд и в недоумении открыла рот:

— Алагар? Откуда ты...

— Неважно, Танриль, — он коснулся колодок посохом, и замок сработал моментально, верхняя часть механизма откинулась, что позволило Алагару подхватить начавшую оседать Танриль, — я решил помочь вам.

— Алагар... — в забытьи пробормотала она, — Алагар, я думала, ты... забыл обо мне?

Она снова провалилась во тьму, опустив голову на плечо Алагара. В юности она всегда была куда более прилежной ученицей, чем ее друзья, часто вытаскивала его и Варзхела из передряг, лечила их раны, готовила еду, стирала их одежду, никогда не жалуясь. И теперь она беспомощна, словно младенец, без сознания лежит на руках Алагара, с которым их пути разошлись многие годы назад. На секунду его охватило сожаление, быть может, зря он замахнулся на столь масштабные начинания — перекроить мир в обитель гармонии, братства и процветания, ради этого ему пришлось отказаться от будущего, о котором они с Танрилью в юности так истово мечтали. Ни один мускул не дрогнул на лице мага, хоть внутри него и происходила яростная борьба. Не без труда ему удалось выкинуть из головы навязчивые мысли — как ни относиться к тем решениям, которые он принимал, сожалеть смысла уже не было.

— Встретимся в Кристале, — сказал он ей, хотя видел, что сознание покинуло магичку, — мне нужно закончить свое дело.

Спустя секунду ее окутало сияние, и тело Танрили мистическим образом исчезло с вершины башни. Алагар уже направился к лестнице, как вдруг снизу показался черный капюшон, под которым виднелась зловещего вида маска из стали. Сквозь глазные прорези сверкали алые очи Арнлоуга Варзхела.

— Так и не научился не лезть в чужие распри? До всего есть дело тебе, Алагар.

Варзхел вышел на площадку и сделал пару шагов к Алагару. При ходьбе его латы неизменно терлись друг о друга со скрипом.

— Значит, вы приступили к действиям, — подытожил Алагар, — а где краснокожие, где горхолды? Или Заргул решил начать вторжение без участия своих сородичей, отправив на гибель вас. Наверное, большая честь быть расходным материалом для самого Хранителя Подземелий. Хочешь знать, почему я здесь? Вы ставите мне палки в колеса. Отступи, Варзхел, не стой на моем пути.

— Да, да, твой путь, — с усталостью в голосе сказал Варзхел, — бороться за всеобщее единство и свободу. Ты же понимаешь, что для Эанрила и остальных королевских особ ты такой же враг, как и я? Когда с твоей помощью они расправятся с нами, хотя не расправятся, следующей жертвой на очереди будешь ты и твои прихлебатели. Ты хочешь построить лучший мир. Но сможешь ли ты держать в узде низменные побуждения этой черни? Их жажду власти и богатства, стремления возвыситься над другими. У тебя на это не хватит сил, на такое способен только император. Лишь Заргул сможет осуществить твои мечты, так покоришься же его воле.

— Покориться, — насмешливо переспросил Алагар, — ты так и не понял философию, которую придерживаюсь я и те, кто разделяет мой путь. В том мире, который мы строим, никто никому не будет покоряться.

Варзхел забросил лезвие своего посоха на плечи и спросил:

— Когда ты решил покинуть нас, я хотел достучаться до тебя. Спасти. Заргул карает всех, кто окажется на его тропе к тому, что по праву принадлежит ему, и только глупец бросит ему вызов. Я хотел тебя уберечь от беды, ведь считал тебя своим другом. Ты же

забрал мое здоровье, мое лицо. После нашего поединка я вынужден носить маску, чтобы скрыть чудовищные шрамы от ожогов. Я ведь закрыл глаза на то, что ты увел у меня из-под носа Танриль. Она выбрала тебя, и я смирился с этим. Но ты совершил куда более худший проступок. Ты обманул мое доверие. Встал в один ряд со мной, а затем решил бросить меня и трусливо сбежать. Что ж, на сей раз сбежать тебе не удастся, — Варзхел перехватил оружие рукоятью вперед, направив магический кристалл на Алагара.

— Ты уверен, что это здравая идея? Я уже побеждал тебя.

Тут же справа от Варзхела разверзлась дыра ярко-желтого цвета высотой в человеческий рост. Из нее вышел Хейларг. Его посох с навершием в виде змеиной головы смотрел в грудь Алагару, уже готовый ужалить. Открылись другие порталы, и спустя несколько мгновений на площадке оказались в сборе все маги, приближенные к Заргулу. Кразлак Губитель, как всегда, в бычьем черепе и в облачении из костяных доспехов, Кара из Клирии, сжимавшая жертвенный нож с дьявольской усмешкой и слегка безумным взглядом, который зачастую встречается у юродивых, Ниарот, талантливый кудесник Союза, Скрол Ядовитый, существо, похожее на амфибию, перевязанное ремнями, в которых болтались склянки со всеми видами отравы, и, наконец, перебинтованный, похожий на мумию, некромант из Клирии Джайяр. Они обступили Алагара полукругом, но он не сделал ни шагу назад, лишь огляделся, оценивая свои шансы выстоять.

— Я тебя плохо знаю, Алагар, хотя и слышал многое, — с надеждой произнес Хейларг, — но все же дам тебе шанс выжить. Встань в наши ряды, и ты, и мы пощадим твоих людей, даже при том, что они напали на нас. Что скажешь? Второго такого предложения не будет.

— Зачем моим людям нужен такой наставник, — рассмеялся Алагар, — который при виде опасности легко отказывается от своих целей.

— Что ж, — пожал плечами Хейларг, — я пытался. В любом случае, ты имеешь право на выбор.

Кара из Клирии перекрутила в руке нож и запальчиво выкрикнула:

— А мертвый наставник твоим людям нужен? Я знаю, кому ты нужен! Демонам Азроговых подземелий. Я с удовольствием принесу тебя в жертву им.

— Если моя скверна не изъест его раньше, — хищно осклабился Кразлак Губитель.

— В любом случае, — заключил Варзхел, — ты не жилец.

Алагар взялся обеими руками за посох. Он мог противостоять в магической дуэли Варзхелу и имел бы шансы на победу. С Хейларгом один на один также вполне мог бы потягаться. Но со всеми магами-отступниками биться сразу было смертоубийственно даже для такого высококлассного мага, как он. Алагар с досадой скрипнул зубами — его дело вполне может умереть вместе с ним. Он так и не увидит, как мир станет свободен от притеснений со стороны правящей элиты, как люди заживут в согласии друг с другом. Но нет же, подумалось ему. Эти идеи были в людях всегда, нужен лишь тот, кто первым перестанет молчать и терпеть, и поднимется на борьбу со злом, даже если за ним никто не пойдет. Он засадил в своих людей семя воли к свободе, и оно успело прорасти. Хоть кто-то из них и продолжит его дело, если ему суждено сложить голову в бою. А если и нет, в будущем непременно найдется другой волевой и харизматичный человек, который научит людей бороться с проблемами, разлагающими общество. Алагар лишь смел надеяться, что в следующей жизни высшие силы вернут его на Ранкор, чтобы позволить дальше участвовать в борьбе за светлое будущее и в его строительстве. Он был готов уйти достойно, с гордо

поднятой головой и в сражении со злом. Уже приготовился атаковать, но тут снизу послышался знакомый почти всю жизнь старческий голос:

— Друг мой, — легко для своего почтенного возраста хаглорианец одолел лестницу и прошагал в центр площадки, — я бы не делал столь поспешных выводов. Варзхел, я упустил тебя, и эта вина полностью лежит на мне. Я осознаю ее, — он повернулся в сторону другого своего бывшего ученика и продолжил, — Алагар, я горжусь тобой. Пройдя множество путей, ты нашел в себе силы и мудрость избрать верный.

Йоши-Року вскинул посох наперевес и стал плечом к плечу с Алагаром:

— Похоже, сдаваться они не собираются, — сказал он, оглядев Хейларга, Варзхела и остальных слуг Заргула.

Петляния по коридорам штаба Карателей были недолгими — Кэлрен хорошо помнила дорогу. На поворотах, когда она выкрикивала направление, Клажир вторил ей и не забывал указать, что он знал эту часть пути не хуже нее, только не успел сориентироваться. После того, как Мурвак прикрикнул на него, попытки ассистировать проводнице поубавились. Они пробежали коридор на первом этаже и начали взбираться вверх по винтовой лестнице. Сверху уже доносились отзвуки сражения, крики и стоны раненых, звон сшибающейся стали. И вот под ноги крестальцам и монаху, перемахивающему через три ступени за раз, прикатился кубарем окровавленный труп юноши в боевой куртке с эмблемой Карателей. Шаабан с ловкостью перепрыгнул тело и бросился в атаку на стоявших у конца лестницы двоих мужчин в черных одеяниях, державших в руках булаву и двусторонний топор. Не успел боец занести палицу, как Шаабан в прыжке выхватил парные кинжалы и резанул наискось, вспоров ему горло, одновременно с этим он предплечьем отвел руку, держащую топор второго, и, шагнув навстречу врагу, всадил ему второй кинжал в печень. Произошло это с такой скоростью, что Арстель и его односельчане даже не успели дернуться, один Клажир инстинктивно отскочил назад, прячась за спиной своей подруги. Все же они вышли на просторный зал второго этажа, и им открылась неравной битвы. Зал был уставлен камерами, что теперь пустовали, люди же, сумевшие вырваться на свободу, были окружены и в меньшинстве. Рабочая одежда плененных Карателей вместе с бывшими преступниками, носившими робы заключенных, кое-как отбивались от натиска северян, равшаров и аколитов Заргула. Брони на них никакой не было, да и оружия не доставало, лишь некоторым удалось отобрать в рукопашной схватке средство боя врага или же подобрать орудие убитого. Загнанные в угол, они отбивались от наступающих на них врагов. Несколько людей, сражавшихся на самой передовой линии, бились отчаянно. Даже крыса, загнанная в угол, может быть опасна, что уж говорить о людях, боровшихся с преступностью в самом криминальном городе Союза под началом Глоддрика? Энмола успела положить троих, орудуя обычной кочергой из камина возле клетей, в котором тлели угли. Кочергу, стоит признать, ганрайские литейщики сделали хорошо, она выдерживала удары вражьих мечей и пик не хуже добротного клинка, а когда она достигала голов попавшихся под руку южанке захватчиков, слышался жуткий хруст пробивающихся черепов, после чего те оседали, как осенние листья на землю. Здоровяк-северянин Кандал одним ударом кулака в голову вышиб дух из близстоящего равшара, после чего он швырнул его тело в гущу подступавших северян, которые хоть и успели прикрыться щитами, но все же чуть не утратили равновесие. Драконобой же был поглощен азартом ожесточенной схватки. Удача улыбнулась ему, у бывшего авторитета преступного мира в обеих руках были шипастые кистени, которыми он

орудовал с ловкостью жонглера. Крепкая сталь легко крошила равшаровы костяные мечи или не столь прочные копыя людей-аколитов Заргула, в крошево обращались и кости тех, кому не посчастливилось схватиться с матерым убийцей. Рыжеволосый и одноглазый Норберт Гартахол, оскалившись, показывал лучшее из арсенала своих боевых навыков. Фехтуя с тремя приверженцами Заргула, он своими точными и быстрыми уколами, мощными круговыми ударами и хорошим тактическим мышлением переигрывал их так, что каждые полминуты на место сражавшихся с ним вставали другие, перешагивая через тела павших соратников.

Крестальцам стоит отдать должное — они не спасовали перед лицом смерти. Со стороны теснящих оборонявшихся заключенных выскочило семеро солдат Заргула в балахонах и с дикими воплями кинулись на селян, рассчитывая разогнать их одним своим наступлением. Сердце Арстеля сжалось, он до боли в пальцах стиснул копые, но не нашел в себе сил двинуться и встать в боевую стойку. Его разум не мог переварить простой мысли, что на него несутся люди, которые хотят умертвить его и вполне могут преуспеть в этом. Кэлрен напряглась, приготовилась вступить в бой, Мурвак оскалился и перехватил боевой молот, но дело решил Хельд. Лицо его выражало неуверенность, было видно, что его душа ушла в пятки, хотя сам он лихо выскочил навстречу врагам. Он облизнул губы и выставил перед собой посох, и тут произошло нечто из ряда вон выходящее, чего никто от него и не ждал. Кертахол на конце небрежно выструганного посоха крылатого трактирщика загорелся синим светом, словно небесное светило. Затем из навершия посоха во вражеские ряды рванула огненная струя, которой мог бы позавидовать и порядочный дракон. Атакующие не были обращены в пепел, но занялись не хуже сена. Их ошалелые крики навсегда осели в памяти Арстеля, как их лица, перекошенные от боевой ярости, стали вдруг искаженными гримасами боли и агонии, они пытались сбить неугасимое пламя, катались по полу, побросали оружие, но было поздно, их мясо уже успело прожариться до костей.

— С ними маг! — опешил аколит Заргула, державший в руках двуручный меч, — осторожнее!

— Когда ты успел этому научиться? — с недоумением спросил плотник Харал Глыба.

Это был один из немногих случаев, когда Хельду было нечего сказать. Открыв рот, он взирал на картину боя и на только что им сожженных противников. Шаабан прекрасно понимал, что чувствует трактирщик — когда в первый раз лишаешь жизни любого, даже заклятого врага, часть тебя навсегда умирает. Даже сохранив в себе чистоту души и праведность, прежним человек после этого уже не будет, насилие оставляет свой отпечаток на каждом.

— Вперед! Чего встали, как столбы? — вскричал Мурвак и двинулся, за ним неуверенно пошли и остальные.

— Держаться строем, не отходить друг от друга! — дал команду староста Кёрк, — рассредоточимся — и они нас перебьют по одиночке.

Сдавленные с двух сторон, как в клещи, воины Заргула перешли от наступательной тактики к оборонительной. Каратели осмелели и полезли на них всем скопом, а адепты Азрога стали сдавать позиции, хотя еще представляли угрозу. На Клажира замахнулся искривленным клинком равшар, изукрашенный хрящами и костями убитых сородичей и людей, но Кэлрен вскинула свой магический жезл, и ударная волна отбросила его к окну — стекло разлетелось на осколки, и с воплем равшар вылетел наружу. Клуатак пытался закрыться щитом и не решался атаковать, на него со всех сторон летели удары молодого

мечника в балахоне, остервенело пытавшегося достать перепуганного старика. Но тут Мурвак со всей дури с размаху саданул его своим молотом по лицу, выбив челюсть вместе с зубами и кровью, смешанной со слюнями.

— Не зря-таки я всю жизнь валил эти треклятые деревья! — воскликнул потомственный лесоруб из Крестала.

Шаабан уже врзался в гущу врагов, его ножи сверкали в молнеиносном танце, разя направо и налево аколитов Хранителя Подземелий. Там, где оружие дальнего боя навроде копий, палашей или палиц не работало, отлично годились его кинжалы, которым он оперативно мог пырнуть врага в брюхо или резануть по сонной артерии. От их же ударов монах с легкостью уворачивался, вслед за тем снова истыкивал жертв кинжалами. После того, как он нанес последнему воину три колющих удара, затем с разворота вспорол ему бок, от него начали шарахаться, как от огня. Арстель же совсем перестал думать. Когда крестальцы налегли на начавших уставать аколитов, он словно слился с ними и самозабвенно наваливался щитом на вражеские ряды, пытаясь их продавить. Когда селянам удалось отбросить врагов, те с некоторой дистанции пошли в атаку, и непрочный строй, не имевший никакого опыта в сражениях, сам собой распался. Харал Зверюга орудовал алебардой, размашистыми ударами которой он уже успел прорубить черепа одному из равшаров и северян. С одним из аколитов, который был вооружен парными мечами, у них завязался поединок. Последователь Заргула осыпал его ударами крест-накрест и по восьмерке, Глыба же, на удивление ловко для своей комплекции, раскручивал алебарду с такой скоростью, что она образовала некое подобие щита, после чего взрезающим ударом снизу попытался концом древка угодить врагу в кадык. Аколиту удалось уйти с линии атаки, он уже собрался развернуться и рубануть двумя мечами одновременно, но Глыба резко крутанул алебардой и всадил свое топорище тому аккурат в лоб, расколов череп, точно ореховую скорлупу. Шая-Кишра на пару с Кэлрен снова вызвали мощный телекинетический удар, отбросив троих равшаров к противоположной стене с такой силой, что с нее посыпалось крошево раствора, скреплявшего камни. Один из них упал в камин, отчего его ляжкам, не защищенным ничем, кроме набедренной повязки, пришлось познакомиться с раскаленными углями. Керк бился с мечом и щитом, словно герой рыцарского романа, он обменивался ударами с одним из северян, но едва бородатый воин северных гор не рассчитал силу удара и утратил равновесие, Керк, успешно увернувшись, пронзил грудь его клинком как вертел — шмат мяса. Ропхиан же бок о бок с Клуатаком разили врагов копьями, пусть и неумело, зато щитами они закрывали друг друга так, что на сей раз стариков достать было весьма непросто. Взгляд Арстеля скользнул влево — и вовремя. Клажир вяло и трусливо пытался блокировать удар своим щитом, но разъяренный равшар с силой выбил его своим костяным ятаганом. Пнув Клажира ногой в солнечное сплетение, он опрокинул его оземь. Уже занес меч для финального удара — Клажир с обреченным взглядом, как у затравленной косули, с дрожащей губой уже приготовился расстаться с жизнью. Арстель сам не знал, что заставило его дернуться — это произошло неосознанно. До этого он лишь делал то же, что и другие, не задумываясь о риске, хотя поначалу опасность парализовала и его. Теперь же, увидев страх Клажира и решимость врага, готового убить юнца, еще не успевшего толком пожить, Арстель атаковал. Его выпад копьем прошел удачно, равшары редко носили качественную броню, меж ребра импровизированного костяного панциря наконечник легко прошел и вонзился меж лопаток равшара. Арстель ничего особенного не ощутил, как будто он пробил мешок с зерном каким-нибудь дрыном. Но Клажир, заметив острие, вылезавшее

из груди равшара, глаза которого уже начали закатываться, прерывисто задышал и рванулся в сторону — его стошнило. Арстель отпустил копье и, как замороженный, оглядывал мертвого воина пустоши. Он только что убил своими руками одного из тех, кто издревле наводил ужас на людские поселения у пограничья — диких варваров из вечно воюющих друг с другом племен. Как это оказалось просто — убить живое и разумное существо. Дергаться снова Арстелю не пришлось — большую часть аколитов они перебили, остальные разбежались на все четыре стороны.

— Я помню тебя! — сказала Энмола, отбросив кочергу и подхватив один из брошенных врагами мечей, — ты был с тем самым чародеем, который осмелился перечить Карательному Отряду. С чего вы решили нам помочь?

— Да какая в жопу разница, Энмола? — пожал плечами Драконобой, — враг нашего врага — наш друг. Прими помощь молча, без лишних вопросов.

Шаабан вытер желтым рукавом кровь с ножа и с улыбкой ответил:

— Когда ближний нуждается в помощи, уже неважно, в чем вы с ним несогласны — перед Богом равны все.

Мурвак недоверчиво усмехнулся:

— Тоже мне, богослов, а сам убивает людей, как мясник.

Энмола покивала головой в раздумьях и произнесла:

— Мы ценим вашу подмогу. Только не думай, что теперь мы пойдем вам на любые уступки, — сказала она совершенно серьезно.

— Я ничего и не просил взамен, — рассмеялся Шаабан, — когда помогаешь братьям и сестрам, но с побуждением корыстным, лжеправедник ты и недостойн единения с высшими силами.

— Слушайте, — сказала Энмола, — людям внизу, возможно, нужна наша помощь. Вы как, с нами? Клажир, Кэлрен, вы-то уж точно пополните наши ряды.

Драконобой фыркнул:

— Если дотуда добрался Глоддрик, помощь нужна скорее врагу.

И в этот самый миг в окно сиганула фигура в черном плаще. Это был равшар — бежевая кожа, татуировки в виде узорчато переплетающихся черных линий по всему телу. Двойной меч, обоюдоострые клинки которого смотрели в разные стороны от древесной рукояти. Роста не самого высокого — около ста восьмидесяти сантиметров, не самого мускулистого, но весьма жилистого и поджарого телосложения. Его глаза сверкали алым светом. Оскалившись, точно волк перед броском, равшар сделал шаг вперед. В нем было что-то звериное, хищное. Он пожирал собравшихся в зале взглядом, полным лютой ненависти к каждому по отдельности и ко всем одновременно.

— Это еще что за бес? — сказал Драконобой.

— Стакуга Убийца Магов, — прошептал Клажир, — свирепейший равшар за всю историю Ранкора. Говорят, его выгнали из пустоши за жестокость, даже этим кровопийцам он показался двинутым на всю голову. Хотел подчинить все племена равшаров под эгидой своего, а затем пойти войной на Союз и устроить геноцид людского рода. Ни одной схватки не проиграл, говорят...

— Говорят — кур доят! — прервал его Мурвак, — довольно сотрясения воздуха, замочим его и пойдем дальше.

Каратели уже порывались броситься в атаку, но Шаабан жестом руки остановил их.

— Не стоит, идите и помогите собратьям, — он встретился взглядом с равшаром и

выдержал его тяжелый и полный озлобленности взор, — я же задержусь.

— Шаабан, нет! — воскликнула Кэлрен, — это очень сильный и опасный противник. Ты погибнешь...

— Да он в одиночку завалил подряд почти все племя Костяных Драконов в свое время! — сказал Клажир, — хорошо хоть, Священное Древо всегда новых нарождает. Или плохо...

Хельд наставил на него жезл и изрек:

— К чему эти препирательства? Я могу сделать из него жаркое, а затем подам в Желудке Дракона на горячее! Сейчас бы только разобраться, как этим огнем плевать, ведь получилось же... Может, натереть его, чтобы огонь извергнулся? Обычно с моим достоинством этот принцип работает.

— Как будто оно у тебя есть, — презрительно скривился Мурвак.

Стакуга сквозь зубы произнес:

— Что за жалкое сборище. Только трепаться горазды.

Энмола подошла к Шаабану и спросила, положив ему руку на плечо:

— Ты уверен, что помощь не...

Шаабан не стал стряхивать ее руку с плеча, как поступил бы Глоддрик, он аккуратно снял ее и ответил:

— Я бы не говорил, если бы не был уверен. Ступайте, решение я принял, а значит — готов к любым его последствиям. Войны выигрывают армии, а не отдельные бойцы, что я, что он погоду не сделают. Спешите на подмогу своим!

— Шаабан, стой... — начал было Арстель, но его одернул Мурвак.

— Расслабься, парень. Внизу мы пригодимся. К тому же, стоит уважать решение Шаабана.

Чтобы Мурвак уважал кого-то? Такое у Арстеля в голове не могло уложиться. Но то, что впервые за много лет этот лесоруб заговорил по-человечески, вселило в Арстеля некое чувство смирения.

— Хорошо. Идем.

— Монах знает, что делает, — сказал Хельд.

Когда крестальцы и Каратели скрылись за лестничным проемом, Стакуга и Шаабан вперили взоры друг в друга и двинулись, кружа.

— Уважаю твою решимость, — изрек Стакуга.

— Как и я — твою, — с дружелюбным блеском в глазах ответил Шаабан и бросился в атаку.

Монах взмыл в воздух и, обернувшись вокруг своей оси, швырнул в равшара сразу три метательных ножа. Тот, раскрутив свой двойной меч, легко отбил их. Шаабан, приземляясь, приблизился вплотную к Стакуге и атаковал его сразу с двух сторон — правая рука била в район кишечника, держа нож обратным хватом, левая же метила в горло. Равшар зарычал и, снова крутанув оружие, отразил удар. От столкновения металла посыпались искры, монаха повело назад, но он использовал инерцию движения, чтобы опустить корпус назад и из такого положения попытаться пырнуть кинжалом равшара в живот. Стакуга был наготове и с силой пнул того в бок коленом на опережение, что отбросило Шаабана на пару шагов. Монах, однако, сделал кувырок в падении и снова оказался на ногах. Вовремя, поскольку Стакуга уже совершал яростное наступление. Их стили боя были полностью противоположны друг другу. Шаабан дрался с абсолютным внутренним покоем, в согласии и

гармонии со своей душой, полностью обуздав эмоции. Он был подобен воде, которая может принять любую форму, но одновременно с этим точит камень. Стакуга же с налитыми кровью глазами рьяно бил, надеясь порубить южанина в капусту. Но его ярость не была бесконтрольной. Напротив, Стакуга прекрасно осознавал, что он делает и зачем, в своем гневе и ненависти он черпал силу, фокусируя свою злобу, он привык уничтожать врагов. Если Глодрик, например, испытывал прилив сил от ража, в который он входил при каждой схватки, то Стакуга же всем своим существом хотел смять, обратить в ничто ненавистного соперника.

Они продолжали обмениваться ударами. Малейшая ошибка любого из них означала бы неминуемую гибель. Шаабан пытался сократить дистанцию, чтобы от меча Стакуги было мало проку, и там уже заколоть и зарезать его ножами, тогда как равшар держал выверенное расстояние, но стремился теснить врага изо всех сил. Стакуга раскрутил меч над головой и провел горизонтальный круговой удар, но Шаабан легко уклонился, подсев под него и, резко выпрямившись, он нацелил удар ножа в глотку равшара. Стакуга дернул головой, пытаясь боднуть монаха лбом в лицо, но Шаабан увел голову с линии атаки и обхватил врага одной рукой, намереваясь другой с ножом в руке заколоть его в бок. Но Стакуга был не промах — он присел, обхватил монаха в ответ ниже, в районе пояса, и с размашистым прыжком на спину собрался кинуть его на прогиб головой прямо в пол. Шаабана спасло то, что он вовремя выставил руку, на которую смог опереться и со стойки на одной руке он сделал сальто и бесшумно, подобно кошке, приземлился.

— Ассасин? — спросил Стакуга.

— Это давно в прошлом.

— Как будто у тебя есть будущее.

Стакуга снова ринулся на него и выбросил меч в колющем ударе. Шаабан в последний момент ловко увернулся и ударил навстречу ножом, метя в грудь врагу, но Стакуга крутанул оружие и другое лезвие едва не вышибло нож из руки Шаабана. Монах не сдался и на этот раз взял инициативу в свои руки. Клириец ударил с подсева снизу, с разворота его другой кинжал полетел в шею равшара, его ножи мелькали точно крылья бабочки и жалили подобно рою пчел. Стакуга в долгу не оставался, отбивал все атаки монаха и рубил в ответ. Наконец их орудия снова сшиблись, высекая друг из друга искры, Шаабан ловко дернул нож в сторону, отводя клинок Стакуги и кинулся, собираясь восходящим ударом вспороть тому брюхо, но равшар перехватил его ведущую руку и что было силы врезался лбом в грудь южанина. Монах в считанные секунды восстановил сбившееся дыхание, но ему пришлось сделать пару шагов назад. Он не успел как следует защититься — первый вертикальный удар сверху он отбил, а от второго, который Стакуга нанес, крутанувшись в поворот, отбиться не успел. Лезвие вошло в плечо священнослужителя. На желтой монашеской рясе проступило кровавое пятно. Шаабан не издал ни звука, хотя его рука не могла двигаться, а тело пронзила жуткая боль. Здоровой рукой он собрался рубануть наискось, в отчаянной попытке рассечь лицо врага, но Стакуга ловко увернулся от атаки, поставил подножку монаху и с силой опрокинул его на пол. Молча занес клинок, собираясь добить, но не тут-то было. Из-за дверного косяка как черт из табакерки выскочил староста деревни Крестал — Кёрк. Его так и подмывало уйти, но он не мог себе этого позволить. Шестое чувство подсказывало ему, что если уйти сейчас, Шаабан умрет. Что-то во всем виде этого равшара его сильно напрягало. Этот холодный взгляд — так обычно хищник смотрит на жертву. Кёрк был наслышан о легендах, особенно из книг Ревяна Гувера, разумеется, он был осведомлен

и о свершениях Стакуги Убийцы Магов. Если и был кто-то, кто имел бы шансы на победу, то вряд ли это Шаабан, несмотря на все мастерство бывшего члена гильдии ассасинов. Кёрк бросился на Стакугу, держа щит наготове, и косым ударом меча атаковал. Дальше все произошло очень быстро — Стакуга ударил наотмашь, блокируя удар Кёрка одним лезвием, другим же, с утробным рыком, он резким ударом насквозь проткнул Кёрка в живот. Староста харкнул кровью на пол. Алая струя хлынула из его раны. С грохотом на пол обрушился щит, затем и меч.

— Зачем? — спросил Шаабан, не вставая с пола.

Керк улыбнулся, его зубы были все в крови, а вокруг рта его уже расплылись алые разводы.

— Ну а как иначе... — просипел он натужно, — мы же... братья...

Стакуга выдернул оружие и пинком отбросил умирающего крестальца, но улыбку с его лица стереть так и не смог. Он направился к Шаабану, но тот уже вскочил на ноги и бросил дымовую шашку на пол.

— Я буду молиться за твою душу, Кёрк, — послышался его голос сквозь завесу тумана, — и никогда тебя не забуду.

Когда клубы дыма рассеялись и Стакуга снова мог обозревать пространство вокруг себя, он с досадой обнаружил, что остался один. Кёрк, обмякший у стены, уже покинул этот мир. А монаха и след простыл.

Молчаливая злоба Варзхела, безумие, сопровождающееся фанатичностью, приверженцев Заргула. Решительность Хейларга, которую хоть и подтачивал червь сомнения, но все же остававшаяся непоколебимой. Раж Алагара, готового за свои идеи о славном будущем мира и человечества последовать в самую жаркую и глобокую бездну. Вековая мудрость Йоши-Року, бездонное умиротворение и спокойствие, выцветшие глаза хаглорианца взирали на происходящее с вовлечением, но и с некоей отрешенностью в то же время, словно все так, как и должно быть. Обстановка накалялась.

— Отведайте моей скверны, отродья! — проорал Кразлак Губитель сквозь зубы своего шлема-черепа и выбросил вперед костяной посох.

Под ногами магов взвилась зеленоватая пыль, образуя плотное облако, полностью закрывающее обзор. Но одно движение руки Йоши — и оно развеялось, мгновенно растворившись в воздушном потоке, и вдруг воздушная масса закружилась в устрашающем танце, образуя воронку.

— Смотри, не переборщи, а то еще продует! — сказал Ниарот, с ехидной ухмылкой сдвинув шляпу набок, — старикан.

— А ты смотри, как бы тебя не шарахнула молния, — ответил Алагар, и кертахол на его посохе засиял цветом пламени как из горнила драконьей пасти, — мальчик.

Тучи сгустились с неестественной для них скоростью, и в раздувающийся смерч ударила молния. Он тут же пропитался силой электричества — сквозь потоки вихря мелькали молнии, которые били во все стороны.

— Друзья мои, — с улыбкой произнес Йоши, — полагаю, вы откусили слишком большой кусок, чтобы его проглотить.

Хаглорианец взрезал посохом воздух — и наполненный электрическими разрядами смерч ударил вширь. Тела противостоящих магам чернокнижников были бы уже прожарены и взмечены в воздух, если бы Хейларг с Варзхелом объединением усилий не воздвигли бы в

момент удара вокруг Йоши и Алагара четыре стены, которые хоть и рассыпались на куски, но все же сдержали силу неукротимой стихии. Алагар взметнул в небо сноп искр, и глыбы, летящие в головы адептов Заргула, пропитались огнем и обратились в сгустки лавы точно из жерла вулкана. Скрол Ядовитый откупорил склянку, которая изнутри вся была покрыта заморозками, точно стекло зимним днем, и швырнул ее навстречу огненным камням. Из разбившегося вдребезги пузырька наружу вырвался порыв ледяной вьюги, которая окутала эти раскаленные осколки за считанные мгновения и потушила, как тлеющий фитиль свечи. Хейларг атаковал мощной ударной волной, которая расплыла эти камни в мгновение ока.

— Джайяр! Отвлеки их! — выкрикнула Кара из Клирии, перекрутив в руке ритуальный кинжал.

Йоши уверенно повел глазами вокруг себя и сказал:

— Друзья мои, не знаю, что вы задумали, но игра свеч едва ли стоит.

— Восстаньте из земной тверди, в прах обращенные! — взревел Джайяр.

И тут вокруг Алагара и Йоши-Року начали открываться зеленоватые дымящиеся отверстия в каменном полуРик, из которых вылезали мертвяки. Они уже почти утратили плоть и кожу, кости проступали сквозь их безжизненные тела, но глаза их горели зеленым светом, отражающим темные чары некромантии. В синеве неба что-то сверкнуло, и оттуда в сторону сражающихся устремился костяной дракон огромных масштабов.

— Ну и ну, — протянул Алагар, — он и дракона откопал. Сколько ж сил нужно, чтобы воскресить эту тушу?

— Беру мертвых на себя, а ты займись врагом! — крикнул Йоши-Року сквозь рев мертвого чудовища.

Алагар кивнул, и встретился взглядом с Карой из Клирии. Вовремя, поскольку она уже достала тряпичную куклу. После того, как она проделала ножом замысловатые пассажи в воздухе, красноволосого мага прошибло странное ощущение, словно между ним и этой исчерченной древними рунами странной куклой выстроился невидимый, но столь же нерушимый мост.

— Из тебя выйдет прекрасная жертва хозяевам подземелий, — сказала ведьма, — скажешь что-нибудь прежде, чем твое лицо скорчится от страданий?

— Не знаю, как в магии, но в швейном деле, судя по игрушке, ты не очень, — усмехнулся Алагар.

Клирийскую ведьму перекосило от гнева:

— Сдохни в адских муках! — и она вознила нож в брюхо своей куклы, после чего вспорола ей живот.

Кертахол на посохе Алагара сверкнул, такой же блеск вспыхнул на миг и в его алых глазах. Кара из Клирии еще недолго смотрела на него со злорадством, смешанным с безумием, но вдруг она харкнула кровью. Алая струя потекла из-под ее одежды. Она упала на колени и разорвала свою рубаху только для того, чтобы узреть ужасающий разрез в брюшной области. Алагар с победным видом смотрел на нее, в глазах его плясали искры самоудовлетворенности.

— Прежде чем резать свое тряпье, ты должна была убедиться, что твои чары не будут использованы против тебя же.

— Кара! — бросился к ней Ниарот, собрался подхватить, но его тут же ударила в грудь шаровая молния, свалив на спину.

Юноша едва успел поставить щит, но до того непрочный, что молния хоть и была

ослаблена, но все же оставила сильный ожог на его теле.

— Игры кончились, — с вызовом вздернул подбородок Алагар, — если вы этого еще не поняли.

Тут же мертвяки с быстротой кобры бросились на магов со всех сторон. Хаглорианец успел взмахнуть посохом, после чего зомби охватил зеленый огонь, пожирающий их в считанные мгновения, и низводящий до состояния пепла. Визг умертвий наполнил площадку, но спустя несколько секунд они уже были обращены в ничто. Лишь двое минуло такой участи, поскольку старый маг их не заметил. Их уже почти достиг дракон, раздвинул челюсти, и из его глотки уже начало вырываться пламя, как мастер Йоши ударил его разрывной молнией аккурат в пасть. Разряд электричества создал такой взрыв вместе огневой мощью дракона, что кости того разлетелись в радиусе километра. Рыбоголовый Скрол вытащил очередную жидкость из-за пазухи и крикнул, отчего кожа на его высохшем от принятия отравы лице начала трескаться:

— Теперь магия их не возьмет!

Он вылил свое зелье на двоих воскрешенных, после чего они кинулись на Йоши.

Алагар выстрелил в них уничтожающей плотью сжатой энергией, но она лишь рассыпалась об их тела — снадобье работало безотказно. Но это им не помогло — первому бросившемуся на Йоши в прыжке, подобном атаке пантеры, оторвало голову. Хаглорианец раскрутил посох как самое примитивное оружие и круговым ударом выбил ему мозги, точнее, то, что от них осталось. Другой преуспел больше и попытался достать своими тонкими пальцами лица хаглорианца, но тот снова крутанул своим орудием и отбил удар, перебив мертвяку пальцы. Йоши сделал стремительный шаг навстречу врагу и насадил его на обратный магическому кристаллу конец своего посоха. Враг зашипел, начал насаживаться на посох и тянуть руки к магу, но старик рванул посох в сторону, что окончательно разорвало мертвую плоть и разделило тело умертвия на две половины.

— Впечатляющие боевые навыки, — сказал Скрол, но тут же грохнулся наземь.

Его жилы вздулись, а кожа побледнела до предела. Кертахол на посохе Йоши сверкал синим светом.

— Внешние заклятия ты отразить способен, — сказал Йоши, — но что ты будешь делать, друг мой, когда кровь в твоём теле обращена в кипятки?

Джайр снова попытался призвать умертвий, но Алагар вынес его с башни разрядом молнии:

— Слишком медленно, заклинатель мертвых.

Скрол с затравленным взглядом своих рыбьих глаз лихорадочно шарился по карманам, пока не нащупал нужное зелье. Глотнув его, он почувствовал себя лучше, но был бы мертв от следующей атаки Йоши, если бы Варзхел не заставил его исчезнуть. На том месте, где только что телепортировали скиарла-отравителя, пол превратился в зыбучие пески, засасывающие все от мала до велика. Исчезли и Кара с Ниаротом. Кразлак Губитель было попытался атаковать серией жидких сфер скверны, но Йоши-Року всепоглощающей струей пламени лишь сжег их и заставил его покинуть поле боя за секунду до того, как от того бы не осталось и мокрого места. Теперь же лишь Варзхел с грандмастером магических искусств Азрога — Хейларгом стояли супротив Третьего Архимага Йоши-Року и его ученика Алагара основателя Братства Уравнителей.

— Вы уверены, что оно того стоит? — спросил Алагар.

Варзхел гулко рассмеялся, хотя в этом не было ни единой эмоции, в этом человеке,

казалось, чувства было воскресить так же сложно, как на просторах безжизненной пустыни вырастить густой лес.

— Вы вынесли этих уродов, хорошо, — пророкотал басистый голос Варзхела, — эти бездари только путались под ногами.

— Друг мой, ты всегда недооценивал как собратьев, так и врагов, — покачал головой Йоши, — это тебя и заставило свернуть с истинного пути.

Хейларг сделал шаг назад, произнеся с неуверенностью в голосе:

— Варзхел, пожалуй, нам лучше ретироваться. Мы не осилим их обоих.

— И как тебя избрали Архимагом Азрога, если ты позволяешь себе быть столь жалким трусом?! — прорычал сквозь маску Варзхел, — мне давно пора вернуть должок этому красногривому ублюдку.

Варзхел перехватил меч-жезл и из его кертахола вылетели горящие пламенем прозрачные черепа, готовые разорвать своими острыми клыками плоть Алагара. Последний улыбнулся и, не шелохнувшись, наблюдал, как один за другим они разбиваются о его защитный экран. После удара последнего щит надломился, треснув, но даже это не позволило темной магии пробить защиту. Сразу же из-под пола вырвались две огромные змеи и туго обвили стан Варзхела, оторвав его от земли и подняв на несколько метров вверх. Одна из кобр уже обнажила клыки и приготовилась перекусить его пополам, как вдруг Варзхел рассмеялся, и обе змеи обуглились, мгновенно обратившись в прах, а он как ни в чем не бывало приземлился на обе ноги.

— Тебе нужно что-то иное, чтобы умертвить меня, — сказал Варзхел.

— Нам еще многое предстоит испробовать, — крикнул Алагар.

Из его посоха непрерывной очередью начали вылетать один за другим ледяные шипы. Варзхел выдал поток пламени, который хоть и расплавил первые из игл, точнее, обратил их в водяной пар, но ледяных шипов было слишком много, и пламя перестало справляться. Варзхел усилил его поток, но переоценил свои силы. Одна из здоровенных сосулек все же пронзила его плечо. Варзхел не издал ни звука, он лишь перекатился влево, чтобы избежать следующего выстрела и легко прикоснулся рукой с шипом, отчего тот сразу же растаял.

— Уходим, Варзхел! — крикнул Хейларг.

— Стоять! — раздался хриплый окрик Йоши.

Перед порталом возникли заросли лиан, сквозь которые виднелись челюсти плотоядного растения, готовые пожрать плоть чернокнижников, но Хейларг одним движением посоха заморозил их и ударной волной разбил на куски. Все же одна из лиан опутала его ногу и с силой шмякнула об пол. Хейларг еле успел закрыться локтем от удара головой о камень, но посох его укатился в сторону.

Варзхел атаковал огромной сферой рвущей плоть синей ауры, но Алагар лишь перенаправил ее в него. Сгусток силы разорвался перед Варзхелом, опрокинув его на спину. Тот встал с легким прыжком для своей тяжелой броневой амуниции.

— На этот раз ты победил, Алагар, — прорычал он, — но я вернусь. Когда Заргул вторгнется в эти земли, ты будешь валяться у его ног, жалобно умоляя меня подарить тебе легкую казнь.

Спустя мгновение открылся портал, и Варзхел исчез в нем. Хейларг разрезал лиану воздушным лезвием, вырвавшимся из его посоха, перекатом оказался на ногах и атаковал тройной молнией в старого хаглорианца. Тот ответил симметричной атакой, отчего молнии при столкновении образовали взрыв, который повалил их обоих на землю. Хейларг ввиду

возраста поднялся быстрее. Горхолд ударил Алагара телекинетическим ударом, свалив и его.

— Что ж, спасибо за столь приятную тренировку, — улыбнувшись, сказал он, — надеюсь, когда мы вернемся с большими силами, вы не подкачаете.

Йоши-Року поднялся на локти и, полулежа, проговорил сквозь кашель:

— Друг мой, — усмехнулся старик, — если вы хотите жить, лучше не суйтесь дальше границ своей крепости. Кто к нам с оружием придет, от него же и помрет.

Хаглорианец послал шаровую молнию в красноголового, но она ударила в пустоту. За полсекунды за спиной горхолда разверзся портал, и стоило тому сделать шаг назад, как тот тут же захлопнулся, оставив лишь взгляд на небо, успевшее помрачнеть за время битвы.

— Мастер, — сказал Алагар, помогая старику подняться, — может, у нас и возникали разногласия, но если бы не твоя помощь, я бы ни за что не выстоял против них.

Йоши рассмеялся и дружески потрепал ученика по плечу точно так же, как делал это десятки лет назад:

— Друг мой! Мы с тобой братья. Разве не ты постоянно разглагольствовал о всеединстве? В обычной жизни могут возникать разногласия. Но пред ликом опасности остается лишь самое важное, что и заставляет нас объединиться.

— Что же это? Важное.

— А то, что мы с тобой, как ни крути, на одной стороне.

Йоши тепло улыбнулся, и Алагар невольно скривился в немного насмешливой, но все же добродушной усмешке, а затем они скрепили свой новообретенный союз ученика и учителя дружеским рукопожатием.

Небольшое подкрепление склонило чашу весов в сторону людей Алагара и Глоддрика. Когда из черного хода повалили Энмола со своими соратниками и крестальцы, дружный поощрительный рев дерущихся выразил всеобщее воодушевление. Но численный перевес был все же на стороне воинства Заргула. Эрлинггай не сбавлял натиска. В его руках были два клинка — его фамильный и легендарный меч Фарендил и одноручный батард, который выпал из отрубленной кисти одного из аколитов. Эрлинггай окружило шестеро людей в плащах, наставивших на него оружие — четверо из них держались за двуручные мечи, другой же был вооружен парными топорами, а двое других были копейщиками. Они кружили вокруг рыцаря Аргои, он же принял более устойчивую позицию, сосредоточенно перемещая взгляд вокруг, готовый к внезапной атаке. Внезапно стоявший впереди с двумя топорами вскрикнул, и с обеих сторон выписал двумя топорами крест, намереваясь отделить голову Эрлинггай от тела. Воин перекатился в сторону и, поднимаясь на ноги, полоснул врага мечом, вскрыв его живот. С кряхтением бородатый северянин с топорами осел на землю, выронив оружие, кровь хлестала, а кишки его вылезли наружу. Всем скопом на Эрлинггай накнулись другие, но он уже не был окружен и мог не беспокоиться за незащищенный тыл. Его клинки так и мелькали — раскручивая их и выписывая восьмерки, Эрлинггай с легкостью выискивал бреши в обороне врагов. Вон от по кругу отвел удар копья врага и, приблизив меч к его глотке, рванул на себя, отчего голова человека оказалась наполовину отрезана. Другой копейщик сделал выпад, но Эрлинггай легко увернулся и, не сбавляя шага, рубанул по горизонтали, снеся врагу голову. Трое мечников кинулись на него, но переиграть их сложности не составило — одного Эрлинггай обезоружил, раскрутив скрещенные с ним клинки, и пронзив насквозь, другому он развалил череп рубящим ударом, третий же попытался броситься бежать, Эрлинггай по-рыцарски дал ему такую возможность. Но судьба

распорядилась иначе — спустя секунду в темя мужчины был врублен ржавый топор, а Краух Гримбла почесал свою плешь и с силой вырвал его из трупа.

— Вечно приходится доделывать все за других, — проворчал он и снова бросился в бой.

Гримбла был неплохим бойцом, ему удалось уложить троих, вот на него бросился равшар из племени Костяных Драконов, с яростным ревом целя ему в грудь пикой, но Гримбла легко отвел удар древком топора и по инерции движения саданул обратным концом тому в подбородок. Равшар разъярился и взревел, снова выбросил пику — Гримбла отвел удар и обратным движением всадил топорище врагу в область скулы, выбив из воина пустоши жизнь.

— Ха! — прохрипел Гримбла, — и снова я мочу равшаров, будто в молодость вернулся.

Юкиара тем временем раскрутила цепь и заарканила клинок у человека, готовившего хладнокровно забить оступившегося Карателя. Обезоружив врага, Юки бросилась в атаку и саданула врагу локтем в челюсть, добавив ударом коленом в пах, после чего оглушенный, но не убитый враг со стоном повалился на землю.

— Что за мягкотелость, жалкая девончка! — крикнул Марвол Чёрный Лев, — убивай их — вот так!

Рыцарь в темных доспехах в один удар снес начисто голову одному из равшаров, тело же северянина, с голым торсом размахивающего молотом, он рассек от шеи до пояса. Тем временем Клажир, выбежавший из черного хода, держался поближе к стене, стараясь не вступать в бой. Он затравленно косился в сторону двери к замку, чтобы укрыться снова там, пока никто не смотрел. Но было поздно — один из равшаров его заметил, в желтых глазах варвара загорелся огонь, и он достал вымазанный в крови жертв ржавый клевец.

— Свежее мясо, — облизнулся равшар из племени Алых Владык, — прекрасная жертва для ритуала.

— Постой, дружище! — вскинул руки Клажир, выронив свой клинок, — не стоит приносить меня в жертву здесь! Так моя ценность будет растрочена впустую, тогда как у Священного Древа я своей кровью напитаю его так, что из поколения в поколения будут сотни лет передаваться великие силы вашему народу! Каждый равшар станет столь же могуч, как и Кшатрион Кроволикий из легенд древности, но ты всего этого лишишься, если убьешь меня здесь, не нужно...

Равшар взревел и замахнулся клевцом, но ударить ему не дала Юкиара. Девушка выстрелила своей цепью с грузилом, которая тут же обмоталась вокруг жилистой руки равшара. Резко дернув его на себя с силой, необычной для хрупкой девушки, Юки заставила его пошатнуться. Равшар удержал равновесие, но следующий удар грузилом пришелся ему в лоб. Тем не менее, крепкий череп выдержал, и он остался на ногах, хотя и пошатывался.

— Ты, баба! Так и быть, тебя я убью первой! — его лицо исказила гримаса гнева, которая тут же утратила свирепость вместе с упавшей челюстью, закатившимися глазами и вывалившимся языком.

Из груди воина торчал клирийский ятаган, а за спиной его стоял человек седой, хотя и вовсе не старый. Глодрик выдернул клевец из руки врага и ударом ноги отшвырнул его тело.

— Чего ты с ним копалась, Юки, — оскалился он в хмуром осуждении, — как маленькая.

— Господин Харлауд... — пробормотала она.

Многих бы удивило то, что Глодрик узнал через многие годы повзрослевшую

знакомую, которую он однажды привел в Храм Мечей еще совсем юной, как и то, что их встреча была им воспринята так, словно до этого они виделись каждый день. Но Юкиара не была склонна так глубоко анализировать происходящее. Ее лицо озарила радостная улыбка, и она встала рядом с Ганрайским Демоном.

— Я прикрою вас!

— Не мешайся! — оттолкнул он ее и ринулся в гущу схватки.

Глоддрик с таким остервенением прорубал себе путь мечом и заостренным молотом, что вскоре равшары рефлекторно начали шарахаться от него, лишь только видя его бегающий красный глаз, безумный оскал и игольчатые патлы, торчащие в разные стороны, как у дикобраза.

Тем временем со стены спрыгнул противник, который больше привык биться в тени. Клирийский ассасин Скорпион, чье лицо, как всегда, было скрыто под стальной полумаской. В прыжке он осыпал ряды сражающихся отравленными дротиками, особо не задумываясь о том, что он попадал и в своих. Сражающиеся похватались за раны, те же, кого не убило само ранение, с пеной у рта и предсмертным хрипом полегли за считанные секунды. Скорпион приземлился и собрался выбросить ряд метательных звездочек, но ему пришлось ловить рукой летящий в него нож. Который метнул Шаабан.

— Ты? — шипящим хрипом, приглушенными криками дерущихся, спросил он, — я думал, ты умер.

— Так и есть, — кивнул Шаабан, вскинув свои боевые кинжалы, — прежнего меня давно уже нет. Я переродился.

Скорпион выхватил цепь из стали, звенья которой были усеяны лезвиями, пропитанными ядом амфибий, змей и прочих гадов и прошипел:

— Посмотрим, удастся ли тебе воскреснуть на сей раз. Гильдия Ассасинов не прощает предателей.

— Если замаливать свои грехи — это предательство, то праведен воистину предателя путь, — отрезал Шаабан.

Скорпион раскрутил цепь и метнул ее Шаабану в грудь, но тот легко увернулся, взмыв в воздух. Цепь задела одного из аколитов Заргула шипом, отчего тот спустя пару секунд зашатался и пал замертво. Шаабан же приземлился в полуметре от Скорпиона и развернулся в полкруга, нанеся колющий удар в горло. Скорпион вскинул цепь, отбивая удар, быстро намотав часть шипастой цепи на защищенный от ранений стальной перчаткой кулак, он ударил Шаабана в лицо, но монах ловко заблокировал удар Скорпиона и, используя силу врага против него же, перебросил ассасина через себя. Скорпион приземлился по-кошачьи, на ноги, но высвободиться ему не удалось, Шаабан заломил руку в крепкое болевое удержание. Скорпион перекрутился в такт движению Шаабана, выворачивающему кисть, и ударил в живот монаха обеими ногами. Шаабана отбросило на три шага назад, но на ногах он остался. Они продолжали биться, обмениваясь ударами — цепь сверкала, раскручивалась, бросалась в атаку подобно смертоносной гадюке. Шаабан же уворачивался, отбивал удары и подбирался вплотную, пытаясь в ближнем бою достать своего заклятого друга, но безуспешно — защита Скорпиона была прочна. Вот снова Шаабан сделал сальто назад, уходя от дальнего удара цепью, собрался атаковать, но его опередил другой:

— Брок, нет! Он не по зубам тебе! — кричал клириец, но было поздно.

Лихой парень в алой бандане с боевым кличем прыгнул на ассасина и двойным обрушил на него град ударов ятаганами. Скорпион ловко уворачивался и приседал, когда ганраец

немного сбавил темп, он взмахнул цепью прямо перед лицом Брока, но тот поставил надежный блок и атаковал двойным ударом ятаганов с выпадом. Но пронзить ими Скорпиона была не судьба — ассасин легко ушел от атаки и в уклонении дернул цепь в сторону ног Брока, намереваясь его свалить. Ему это удалось — незащищенные голенища бойца кровоточили от отравленных шипов, но Брок мужественно не издал ни звука. Нужно было слушать Юкиару — она, как всегда, просила его надевать побольше щитков на всякий случай, но было уже поздно. Брок хорошо понимал, что дни его сочтены, слава о мастере ядов и убийства из Клирии была хорошо известна повсюду. Скорпион уже собрался его добить, придушив своей цепью, занес удар для арканящего нападения, но его руку пробила стрела навывлет — это была меткая атака Шойрила, бьющего без промаха подобно любому порядочному жителю Энроса. Брок поднялся и возобновил атаку вместе с Шаабаном. Он держался только потому, что благодаря тайным практикам адептов Храма Мечей и обучению под руководством мастера Агриппы у него образовался некий иммунитет к ядам. Достаточный, чтобы замедлить отравление, но слишком незначительный, чтобы спасти организм от него. Но чтобы биться бок о бок с Шаабаном сил у него было еще предостаточно. На сей раз ассасину пришлось уйти в глухую оборону. Тем временем Эрлинггай вовсю рубился с мертвым северянином Шальерном и его братом Вагарном, пока Краух Гримбла расправлялся с их свитой — одичавшими северянами, готовыми сложить головы за своего хозяина из Азрога. Вот чернобородый северянин атаковал снова своей булавой, Эрлинггай отбил удар батардом и одновременно с этим Фарендиллом нацелил стремительный удар в шею врага. Тот выставил щит, но Эрлинггай и не собирался отсекал ему голову. Он сменил траекторию атаки, перекрутил батардом палицу врага и высвободил пространство для укола в печень. И всадил бы врагу в бок меч, если бы не удар топора Шальерна, издавшего дикий рык, несвойственный живому человеку.

— Брат... защитить... убить... враг! — еле шевелящимся и полусгнившим языком проговорило то, что осталось от северянина.

Эрлинггай отпрыгнул от удара и отвел следующую атаку мертвяка. С отводом меча он провел укол, всадив лезвие наполовину в глазницу врага. Тот лишь рассмеялся утробным смехом, поднял Эрлинггай за шиворот и отшвырнул прочь. Руку Эрлинггай так и не разжал — меч вырвался, разрубив часть черепа и без того потрепанного зомби. Тем временем Гримбла уже заканчивал с северянами, оставалось ему добить лишь троих.

— Гребаный стыд, против людей же воюете! — брызжа слюной, отчеканил он, — вы потеряли право считать себя сынами Севера.

— Закрой пасть, старик! — сказал молодой и мускулистый человек со светлой бородой и кудрями, — твое время ушло, мы же прокладываем дорогу в будущее.

— Ваше будущее, — вытер рот от слюны Гримбла, — это сырые могилы и черви, которые будут жрать ваши трупы.

На него наскочила с двух сторон пара юных воинов с палашом и кистенем, но Гримбла от первого удара с кряхтением, но и быстротой, увернулся, второй же он отбил, зацепив лезвие палаша промежутком меж черенком топора и лезвием топорища, словно меж зубьев вил, орудие там застряло. Гримбла крутанул топор и по инерции расколос врагу голову, другому же, едва успевшему закрыть лицо руками, он отсек голову и кисть одним ударом. Предстояло сражаться с оставшимся северянином, но его поразил Мурвак ударом топора в затылок.

— Долбаные уроды! — сплюнул он, — сколько ни бей, не собираются кончаться.

— Мать твою едрить, — кивнул Гримбла, — где этот треклятый дракон, где маги?

Почему мы, трахайся оно конем, должны делать всю грязную работу?

Мурвак ощерился и покачал головой, скрипя зубами:

— Жизнь — рассадник дерьма, дружище.

Они встретились глазами и рассмеялись. Сложно было в этой гуще людей и иных существ, объединенных лишь яростной схваткой, найти столь похожих. Они кивнули друг другу и снова кинулись в бой. Остальные крестальцы же образовали прочную фалангу и пытались теснить рядом копий аколитов Заргула за ворота. Арстель приноровился к строю и стал единым целым с остальными, прикрывая себя и товарища и делая тычки оружием одновременно.

Тем временем из окна крепости прыгнул равшар в темной рубахе с двусторонним мечом. В самом прыжке он, приземлившись, пронзил одного из солдат Карателей в область ключицы — вышел клинок меж лопаток. Далее на него побросались недавно освобожденные воины Карательного Отряда, Стакуга с рычанием выбежал им навстречу. Не успел их предводитель атаковать, как Стакуга сделал укол в грудь на опережение, пробив противнику легкое. Отшвырнув его ударом ноги, он отразил следующий удар — парными стальными дубинками, рубанул в ответ последовательным двойным ударом обоими лезвиями крест-накрест. Карателю удалось от первого отскочить, от второго — уйти кувырком назад, он попробовал контратаковать ударом дубинки в голову, но Стакуга прокатился на коленях под его ударом, разрубив ему туловище. На него собирался броситься следующий — молодой каратель — веснушчатый рыжий парнишка не старше восемнадцати лет, но его резко оттолкнули. Затем в висок Стакуги полетело острое добротного клевца. Равшар распахнул глаза и уклонился — лезвие прошло в полудойме от его расширенных зрачков. Глодрик набросился на равшара и принялся молотить клевцом, приправляя свои атаки точными режущими ударами клирийской сабли. Равшар отвел разворотом клинка новый выпад Ганрайского Демона, сделал шаг ему за спину, но Глодрик был готов — резко развернув корпус, он заехал противнику рукоятью клевца по челюсти, затем же восходящей атакой собрался достать лоб Стакуги, но тот, выбив сноп искр, заблокировал эту атаку. Равшар сделал шаг назад, его прочный меч дрожал от такого столкновения. Стакуге показалось, он в кои-то веки нашел себе достойного противника.

— Подмога! Помощь пришла! — восклицала Юкиара.

Действительно — подмога подоспела вовремя. За воротами со всех сторон на воинство Заргула налегли бойцы из Храма Мечей. Бритоголовые Стражи уступали числом впятеро, но на каждого ученика приходилось не меньше десятка убитых аколитов. Удары ногами в прыжках, пробивающие доспехи пальцы, невидимый глазу в размывающей движения оружия быстроте танец боевых шестов, ганрайских клинков и копий, яростные кличи Стражей — все это лишь сминало вторгнувшихся в Ганрайские земли захватчиков так же, как серп скашивает побеги пшеницы. Седовласый Городай не носил брони. Одним своим клинком он вызывал непрекращающиеся фонтаны крови и то и дело взлетающие в воздух конечности врагов. Гуаррах же дробил кости и черепа врагов стальными кулаками или еще более сокрушительными ударами стоп и голенищ. Вот один из равшаров попытался забороть мастера силой, ухватившись за его плечи, но Гуаррах лишь вывернул его руки в локтевых суставах, а затем врезал лбом в лицо равшара, вмяв лицевую часть его черепа внутрь. Шибуй же расшвыривал в разные стороны врагов боевым шестом — оттолкнувшись им от земли, он пролетел над головами солдат вражеских рядов. Приземляясь, он угодил концом шеста в

кадык предводителю северян — Вагарну, выведя его из строя, подсек ударом шеста по ногам Шальерна и пошел одарять градом ударов врагов уже со стороны крестальцев, алагаритов и Карателей.

— Старик? — прохрипел сквозь зубы Глоддрик, отшвырнув ударом ноги в грудь Стакугу, — я знал — ты придешь.

Лишь мастер Агриппа спокойно шел к воротам Гилеарда. Его, конечно, пытались остановить — один равшар набежал на него с яростным криком, размахивая ятаганом, но один удар ладонью в грудь переломал ему все ребра и отбросил на пять метров от настоятеля Храма Мечей. Мускулистый северянин попытался угодить круговым ударом старику в голову, от которого тот легко увернулся и синхронно с этим врезал ребром ладони врагу в горло, перебив трахею. Казалось, мастер Агриппа неуязвим несмотря на свой возраст, составляющий сто пятнадцать лет, и то, что ему приходилось опираться на трость. Внезапно раздался громовой раскат, сверкнула молния, а затем среди туч возникло столь ослепительное сияние, что старику пришлось прикрыть глаза рукавом, как и всем, кроме Глоддрика, который с вызовом вперился единственным глазом в небо. Точнее, в призрачное лицо императора Заргула, взиравшего на бившихся с небосвода. Его поросоль ороговевших щупалец на голове искрилась молниями, а глаза же, казалось, светились светом взрывающихся звезд.

— Что ж, проигран бой, но не война, — пророкотал его хриповатый голос, — не думайте, что этим все кончится. Я еще даже не начинал.

Лицо Хранителя Подземелий сжалось в одну точку, а затем взорвалось вспышкой непроглядного зеленого света. Бой вскоре закончился. С угасанием вспышки исчез Стакуга, братья Вагарн и мертвый Шальерн, Скорпион. Остатки рядовых оказывали сопротивление, но их попытки решительно пресекались. Вскоре бой был окончен. Больше половины армии Заргула выжило и было взято в плен. Остальных еще предстояло собрать в кучу и предать сожжению. Раздавались крики ликования, сражающиеся по разные стороны братались, обнимались и вопили во все глотки. Эрлингай толкнул Гримблу, дескать, мы с тобой прорвались. Марвол Чёрный Лев подошел к Эрлингаю и молча протянул ему руку в знаке примирения и уважения. Юкиара заключила Арстеля и Хельда в крепкие объятия и вскрикнула во весь голос победным кличем. И тут Арстель, тепло улыбнувшись, ощущая, как мурашки проходят по его спине, тело его словно наэлектризовано, понял, о чем пытался сказать Алагар, рассуждая о всеобщем братстве и согласии. Возбуждение, одолеваемое им при осознании этого, было ощутимее любых интимных утех. Кэлрен откинула челку со лба, восторженно взвизгнула и кинулась Клажиру на шею, слившись с ним в страстном поцелуе. Парень был настолько не готов к этому, что ни ответить ее объятиям, ни закрыть глаза он не сообразил.

— Эй! Здесь не бордель! — рявкнул Глоддрик, но они не слышали даже его.

— Расслабься уже, в конце концов, все мы были молоды, даже я, — рассмеялся в бороду Агриппа, подходя ближе.

— Мастер, — кивнул Глоддрик Агриппе и хромым шагом подошел к мастеру в соломенной шляпе, затем перевел взгляд на патлатого и меченосца, — Шибуйи и вы, братья. Рад встрече.

Он криво оскалился, но эта ухмылка была искренней.

— Так и знал, что через столько лет увижу тебя на поле битвы, не меняешься ты, старый черт! — расхохотался Гуаррах и встряхнул Ганрайского Демона.

— Ну, подожди, — улыбнулся Шибуи, — я хоть и сражался меньше по времени, но врагов набил, бесспорно, больше.

— Мечтай дальше, — скривился Глоддрик.

Эрлингай усмехнулся и, подойдя к наставнику Стражей, сказал:

— Мы бы ни за что не справились без вашей помощи. И без поддержки Карателей.

Драконобой, который под руку вел Энмолу, раненую в бок, проговорил:

— Мы бы не смогли, если бы вы не расхреначили крепость своими взрывами, — он подмигнул Арстелю и продолжил, — и если бы эти храбрые крестальцы не освободили нас. Командору, понятное дело, было не до нас, он спешил в пекло схватки.

Глоддрик презрительно фыркнул:

— Вы только под ногами путались. Скажите спасибо, что вас не зарубил.

— Лучше бы ты порубил Стакугу Убийцу Магов, — улыбнулась Энмола.

— Порубил бы, если б тот не сбежал.

Агриппа наморщил лоб и спросил:

— А где, кстати говоря, маги? В сражении ни одного серьезного кудесника лицезреть не пришлось. Это хорошо, конечно, они бы от нас и горстки пепла не оставили, но...

— Друг мой, этот вопрос мы успешно решили, — ответил Йоши, спускаясь с крыльца главного входа в крепость, — вместе с моим коллегой.

— Полагаю, грохот взрывов и сверкание наших молний сложно было не заметить, — сказал Алагар, — так или иначе, эти трусы предпочли скрыться, нежели чем завершить начатое.

Было сложно поверить, что этот красноволосый человек, полный сил и энергии, и седобородый Агриппа, лицо которого изрезано глубокими морщинами, были вполне близки по возрасту.

— Обсудим нашу славную победу позже, — велел Йоши, — сперва помощь раненым и дань уважения павшим. Кэлрен! На тебя приходится много работы, в которой я готов тебя поддержать.

Девушка настороженно посмотрела в его янтарного цвета глаза и спросила:

— Помощь моей наставницы, при всем уважении, была бы неоценима, ее еще нет с нами, неужто ей не удалось вырваться из плена?

Алагар подмигнул ей и, облокотившись на посох, сказал:

— Не переживай, малышка, я позаботился о Танрили, твоя горячо любимая наставница в полной безопасности.

— Но как она...

— Да не беспокойся ты! Если недостаточно серьезны заявления этого человека, то послушай меня, представителя элиты Союза, — распаялся Клажир, — твоя наставница — смелая женщина, спасшая сотни людей, уж такая-то выживет в столь несущественной передрыге. Подумаешь, Варзхел что-то там захватил? Да в моей деревне каждый год ростовщик стремился отжать точку продавца зерна на рынке за неуплату долгов. Но тот же отбил от его вышибал! Вот и Танриль отбилась.

— Клажир... — она рассмеялась и снова поцеловала его в губы, — уж не знаю, отчего, но тебе больше хочется верить.

Юкиара наклонилась к Арстелю и мотнула головой в сторону деревенского паренька и юной целительницы:

— А они мило смотрятся вместе. Знаешь, говорят, первая любовь — самая счастливая.

— А по-моему, — ответил сапожник, — не имеет значения, который раз ты влюбляешься. Важен лишь угол, на который ты распахнешь дверь в свое сердце.

— Значит, чтобы измерить любовь, нужен хороший транспорт? — улыбаясь, посмотрела на него Юкиара, а затем они с Арстелем дружно покатались со смеху.

Глоддрик с удовлетворенным победой, но отчасти разочарованным, по причине того, что кончилась схватка, видом, огляделся:

— Обсудим дальнейшие действия в моем кабинете. Ты, — он указал пальцем в сторону Алагара, — меня интересуешь больше, чем остальные. Ты здесь единственный, кому я нельзя доверять.

Вскоре Архимаг, Алагар, Глоддрик, Эрлинггай и мастер Агриппа удалились в кабинет командора Карательного Отряда. Люди же их приступили к стаскиванию трупов в кучу, раскапыванию братских могил и подготовке погребальных костров. Раненых отнесли в лазарет, Кэлрен пришлось достать из кладовой половину всего их с Танрилью запаса целебных средств. Пришло время зализывать раны.

Глоддрик описывал круги, меря комнату быстрым шагом. Йоши был спокоен подобно удаву, заложив ногу на ногу, на жестком табурете он охватывал своим взглядом сразу всех присутствующих. Алагар стоял у стены, немного покачиваясь и потирая руки, взгляд его метался с одного предмета на другой, остановился на гобелене, отображающем герб Союза и Карательного Отряда. Судя по насмешливым искоркам, плясавшим в его глазах, он считал эту символику очередным проявлением узаконенной глупости. Агриппа сел в позу лотоса на ковер у двери и, прикрыв глаза, глубоко дышал. Эрлинггай облокотился на стол и, закусив губу, всматривался в облака за окном.

— Вы помогли нам. Зачем? Вы ясно дали понять моей подопечной, — скривил сухие губы Глоддрик, — что не хотите иметь с нами общих дел.

— Разногласия несущественны пред ликом всеобщей угрозы, — ответил Алагар, — так сказал мой учитель совсем недавно.

Йоши одобрительно кивнул:

— Друг мой, у тебя цепкая память.

— Мне интересно, — тон Глоддрика стал резче, — в каких отношениях деревня, в которой вы обосновались, находится со своим собственником — Союзом?

Алагар улыбнулся уголком рта и заявил, выдержав взгляд Глоддрика:

— В разорванных. Мы не признаем ни Союз, ни Аргою, ни Ганрай. У Уравнителей нет отечества. Мы — люди мира.

— Нет! — ударил кулаком по столу Глоддрик, — вас взрастил и выкормил Союз! Образовал вас. От матери своей ты тоже отрекся?

— Я не знал ее, Ганрайский Демон, — жестко отрезал Алагар, подаваясь вперед.

— А родину свою ты знал? — оскалил зубы Глоддрик, — как смеешь ты отрицать начало моей страны в моей крепости?

— Может, не будем разводить скандал? — подал голос Эрлинггай, — и перейдем к решению проблем.

Агриппа молчал, в медитативном трансе он наблюдал за перепалкой блюстителя закона и мага-сектанта.

Алагар, игнорируя реплику Эрлинггай, отвечал:

— Чтобы построить достойное будущее для мира, следует подняться над

приобретенным и навязанным. Союз, Аргоя, Ганрай — не более, чем рисунки на тряпье, нас с детства учили почитать эти знамена, но они лишь разобщают нас, делают зависимыми, слабыми. И заставляют раболепно кланяться безнадежным правителям, что не ударили палец о палец, чтобы...

— Довольно, — процедил сквозь зубы Глоддрик, — я призвал бы к ответу тебя и твоих людей за одни эти слова. Из уважения к твоей помощи я отложу этот вопрос на будущее. Ближайшее.

Йоши-Року поднялся со стула и подошел к окну:

— Эрлингай прав, друзья мои, — сказал он, всматриваясь на копошащихся на тренировочной площадке людей, сжигавших трупы павших, — оставим склоки и перейдем к решению проблем. Заргул набирает силы. Его тело скоро будет готово к ритуалам, и он воплотится вновь. Но у нас еще есть время — можно нанести удар Союзными войсками в самое сердце Азарельда. Они не ждут атаки, они к ней не готовы.

Эрлингай повел плечами и, скептически склонив голову, протянул:

— Даже не знаю, осилит ли это один Союз, мы ведь не знаем расклада сил врага.

— Друг мой, как любит повторять мой ученик, — улыбнулся Йоши, — все мы братья и сестры. Поддержка моего народа вам обеспечена. Убедить короля скиарлов, властелина морей, Рейгена Саламандра поддержать нас своим несокрушимым флотом для меня посильная задача. Хинарею Бесстрашную, царицу крылатого народа, властительницу Звездного Града склонить к сотрудничеству будет еще проще. Даже до равшаров можно достучаться, если ты поверишь, что и они могут стать твоими братьями. Вместе мы победим.

Глоддрик хмыкнул, молча кивнул и сказал:

— Поддерживаю. Готов взять на себя Эанрила Третьего. Армия Союза будет наша.

Агриппа открыл глаза и его тихий голос привлек внимание всех сразу:

— Вместе со Стражами, разумеется.

— Разумеется, друг мой! — воскликнул Йоши, — вот видите, какое между нами понимание, если задать разговору нужное направление.

Алагар развел руками:

— Я только за сближение, враждебность, — он махнул рукой в сторону Глоддрика, — противоречит моим убеждениям. Возможно, за кружкой хмельного пива разговоры пойдут в более дружелюбной атмосфере. Приглашаю всех присутствующих — Стражей, Карателей, своего наставника и кронпринца Аргои в Кристалл! Победа слаще, когда ее отпразднуешь с братьями по оружию.

— Эх, хорошая идея, — сказал Йоши, — хоть я и отжил свое, но маленькие радости жизни ценны всегда. Я бы пожил в вашей деревни с год, если бы не, — он задумался, пытаюсь придать подходящее описание насущным проблемам, но решил сказать, как есть, — нависшая угроза вторжения горхолдов. Но чего нам бояться, если мы сплотимся? Даже если мы соберемся в Кристалле, у нас есть шансы отбиться от Заргула, разве нет? В конце концов, здесь мы их победили.

Прочная вера в то, что этот мир можно спасти, став единым целым, воцарилась в душах наших героев. Стоит отдать им должное — каждый из них, осознав это по-своему разумению, сделал широкий шаг к постижению гармонии с миром.

Кристалльцы не стали закапывать Кёрка в братскую могилу. Каждый из них счел бы такое решение кощунством, ведь так хорошо знакомый им староста всю жизнь провел в

Крестале и заслужил полное право лежать в своей родной земле. Карен тихо плакала, Мурвак тихо выругался:

— Подлая же сука эта война! Забирает лучших, а оставляет лишь куски дерьма вроде меня. Лучше бы я склеил лапы вместо него.

— Еще успеешь, — сказал Ропхиан, — все мы там окажемся. И встретим Кёрка. Помянем же этого славного человека добрым словом.

Тело его накрыли простыней и оставили в госпитале на незанятых носилках. Единогласным решением старостой Крестала избрали Арстеля:

— Какой из меня староста, о чем вы? — отмахивался он, — я и вполовину не такой, каким был Кёрк.

— И правильно! — сказал Хельд, — Кёрк был такой один. А ты — наш Арстель. Самый ответственный парень на деревню, добрый друг и славный штопальщик подошв. Прими то, что тебе причитается и не петюкай.

— В кои-то веки ты, Хельд, говоришь по делу, — рассмеялась Карен, — лучше Арстеля и правда не найти никого.

Сапожнику оставалось только смириться. Но Кёрка, которого он знал с малых лет, с которым они вместе рвали яблоки на соседских огородах, с которым ели и пили у Хельда, обсуждали бродяг, забредших в Крестал, с которым они видели друг друга каждый день целых тридцать лет, этого Кёрка, преданного друга и настоящего старосты Крестала, будет не хватать всем жителям этой славной деревни.

Брок страдал от жара, он проваливался в забытие. Весь в холодном поту с дрожащими руками он распластался на матрасе. Кэлрен делала ему компрессы и вливала целебную настойку в рот, но безрезультатно — отравка с оружия Скорпиона работала безотказно, уничтожая сильный организм ганрайского воина. Он то и дело заходил кашлем и отхаркивался кровью, которую сидящая подле Кэлрен Юкиара уже устала вытирать с его подбородка. Бандана его была брошена в углу, ежик коротко стриженных волос не был покрыт ничем, кроме компресса с травами.

— Юки... ты еще тут? — еле выговорил мужчина.

— Да, Брок, — она нежно погладила его руку, сдерживая предательские слезы, — я с тобой. Уравнители своих не бросают, ведь так?

Брок выдохнул и улыбнулся, преодолевая боль, но снова зашелся кашлем. Восстановив дыхание, он снова заговорил:

— Мы защитили Ганрай... Юки... представляешь? Без... Аргой... долбаного короля... пошел он...

Юкиара утерла нос, всхлипнула и кивнула:

— Конечно! Пошел он в Азрогово пекло. Ты защитил Ганрай. Защитил мою родину, меня. Ты сражался, как герой, Брок.

Брок рассмеялся, едва сдержав кашель. Приоткрыв глаза, он попытался сфокусировать взгляд. Вдруг он схватил Юки за плечо, поглаживая его, он приподнял ее подбородок и заглянул девушке в глаза. Она не сопротивлялась.

— Юки... Знаешь, а я ведь... Так и не сказал тебе... Думал, еще представится случай... — он издал хриплый смешок, который снова вызвал приступ лающего кашля, — но я любил тебя с самого... дня нашего знакомства...

— Брок... — давясь слезами, она прижала его руку к своей щеке, прикасалась к ней губами, — я знала это. Прости, что не смогла дать того, что ты искал.

— Это... ерунда... Ты подарила мне больше... чем любовь... дружба, она первичнее любви... да и потом... ты любила меня... как... брата... — на этом слове он смолк, глаза остекленели, лицо застыло и приняло столь пустое выражение, что может быть свойственно только тому, кто ушел в лучший мир.

Юки залилась рыданиями, и лишь Кэлрен была рядом и могла утешить. Так, в крепких объятиях, приглушенном плаче Юкиары и успокаивающем бормотании целительницы, девушки просидели до глубокой ночи.

Глава 14: «Прощай, брат»

1671 год. Ганрай. Окрестности Вархула. Храм Мечей.

Легкий ветер поднимал рябь на реке Быстроходной, заставлял колыхаться поросль осоки на холмах, редкие лиственницы, дубы и ясени шевелились в плавном танце ветвей. Каменная крепость Храма Мечей, стоявшая в выбоине на вершине холма, стояла, как всегда, твердо и надежно. Стояла глубокая ночь, воспитанники мастера Агриппы мирно подремывали в спальне, и лишь один из них по привычке детства забрался на чердак. Это место всегда было наполовину пустым и наполовину же заставленным ящиками со строительными материалами и инструментами, которые не так часто пригождались — Храм Мечей выстроили на века. Редко кто туда заглядывал, лишь один отрок, выращенный под руководством мастеров-Стражей облюбовал это место с самого начала. Вот и на этот раз он, как обычно, стащил из спальни матрас с подушкой, взял недочитанную книгу, которую он стащил на рынке Вархула, и при тусклом пламени свечи погрузился в чтение. На этот раз он пытался проглотить историю о Лангорте Объединителе, первом короле Аргои, основателе Союза, сумевшем мирными и военными методами объединить разрозненные людские кланы и дать отпор набегавшим племенам равшаров. Этот парниша любил изучение истории своей страны и мира больше, чем тренировки, ему всегда хотелось понять, как устроено развитие этого мира, осознать, к чему шли предки, чтобы рассказать впоследствии потомкам, куда направиться им дабы избежать ошибок предшественников. В свои неполные четырнадцать лет наш герой хоть и уступал соученикам в боевых навыках и физической подготовке, но превосходил их в знании грамоты и эрудиции, прочитав за последние два года больше, чем им доведется за всю жизнь. Не покидало его чувство, что живет он не своей жизнью, словно в Храме он лишний и лишь делает то, что положено, чтобы соответствовать требованиям старших, но настоящая его жизнь происходит где-то в воображении. Раздался стук по стеклу чердачного окна.

— Эй, Ревриан! Ты там не уснул? — раздался приглушенный юный голос, — если мастера тебя застукают, от наказания не отвертишься. И не думай, что я смогу тебя выгородить!

За нарушение режима в школе Стражей наказывали строго, хотя мальчика еще ни разу не засекли — его имитация тела из подушек и чайника, накрытого париком, в постели подозрений не вызывала. Возможно, мастер Агриппа и заметил эту хитрость, но не решился наказать подопечного. Ревриан дернулся, сунул книгу под матрас и бросился к окну. Голос своего брата он бы узнал из тысячи.

— Глоддрик? — Ревриан распахнул окно, — ты-то зачем сюда забрался? У тебя же намечалась тренировка с Шибуйи и Гуаррахом за стеной Вархула. Тебе влетит.

— Не влетит, братишка, если мастер Агриппа не узнает, — ухмыльнулся старший брат, — вылезай давай, этой ночью в городе праздник, не хочу, чтобы мы его с тобой здесь просидели.

Ревриан оперся на подоконник и тревожно сжал губы:

— Но ведь нам не положено покидать территорию Храма без разрешения...

— Эй, правила созданы, чтобы их нарушать, ведь так? — Глоддрик толкнул брата в плечо и приподнялся с корточек, — идем же!

И он спрыгнул со второго этажа, перекатившись при приземлении. Ревриан аккуратно

выполз из окна и встал на черепице, пытаясь держать равновесие. Он подошел к краю, чуть не поскользнулся и снова замахал руками, отчаянно балансируя.

— Да не бойся ты, прыгай! Что за Страж из тебя выйдет? — подзуживал его брат.

— Я не боюсь! — ответил Ревриан, — я просто... оценивал высоту.

— Сигаи ты уже!

Ревриан отошел на несколько шагов и, разбежавшись, прыгнул. Глодрик ловко подхватил брата, но тут же предательски швырнул его на землю — лицом в грязь.

— Не будь доверчивым, братец, — расхохотался он.

— Очень смешно! — отряхиваясь и утираясь, буркнул подросток.

Братья Харлауды были очень похожи и непохожи одновременно. Оба были худы, черноволосы, остролицы. Старший брат, которому было чуть больше двадцати, привык держаться подобно уличной шпане, развязно и самоуверенно. Эту дерзость взрастило в нем детство в воровской группировке, уличной шайке, которая ютилась в подвале заброшенного дома, где приходилось чистить карманы прохожих и скидывать добытое ловкой рукой на общак. Манеры уличного пацана впечатались в его нутро и выкорчевать их не удалось даже самому мастеру Агриппе. Однако Глодрик был прирожденным бойцом и талантлив в обращении с оружием и рукопашном бою, Ревриан тоже обладал задатками неплохого воина, но в нем не было жилки бойца. О том же, чтобы применить знания на практике, Ревриан не мог помышлять, слишком мягкосердечен был его характер. Другие же спали и видели, когда им представится такая возможность. Глаза братьев были одного цвета, но сколь разные порывы они отражали. Глодрик смотрел на окружающий мир точно орел с вышины, выискивающий добычу, с детства в нем были задатки хозяина жизни, лидера, того, за кем остальные пойдут. В Ревриане же отсутствовали стремления чем-то управлять и участвовать в преобразовании мира и жизни окружающих, он хотел другого. В отличие от брата он не был человеком дела, ему не хотелось делать из мира кусок глины, из которого он, подобно скульптору, мог бы вылепить фигуру согласно своим убеждениям. Ревриану хотелось дать людям послание, сказать, как именно им огранить изъяние мира, только он сам еще этого не понимал. Но все отмечали, сколь хорошо он доносит до чужих ушей то, что хочет. Вечерами после отбоя парни часто просили его рассказать что-нибудь о том, как всемогущий Йоши-Року справился с нашествием драконов или же как он вместе со своим наставником, Вторым Архимагом, спас Ранкор от самого могущественного некроманта за всю историю. Даже старшие ученики заслушивались, хотя сперва пытались разогнать ребят со словами:

— Что за театр одного актера вы здесь устроили?

Глодрик как-то назвал его краснобаем, с тем самых пор прозвище закрепилось за Реврианом во всем доме Стражей. Его это вполне устраивало, в том, чтобы рассказывать людям истории, он видел единственный способ хоть как-то отличиться среди этих умелых бойцов, до планки которых он никогда не мог дотянуть.

Братья побежали трусцой к подножию холма, затем прошли лощину и перешли Быстроходную по шаткому веревочному мосту, возведенному не слишком умелой рукой столетие назад. Когда они обогнули соседний холм, глазам их вдалеке открылись мерцающие огоньки пригорода Вархула. В небе уже взорвалось разноцветным дождем несколько фейерверков, а мелкие, точно муравьи, фигуры горожан сновали туда-сюда, наводняя даже самые мелкие улочки. Праздновался день основания Союза.

— А где Шибуи и Гуаррах? — оглядываясь, боясь увидеть погоню из Храма Мечей,

прошептал Ревриан, — они, наверное, пошли тренироваться. Ты не боишься, что они устроят тебе головомойку за то, что ты их кинул?

Глоддрик хрипло рассмеялся и потрепал брата по голове:

— Ну ты даешь! Мне? Твой братец тоже не лыком шит, знаешь ли! Но нет, они нас встретят. Да ты же видел наши навыки, неужели ты и в самом деле веришь, что нам еще есть, чему учиться?

— Мастер Агриппа говорил, быть Стражем нужно учиться всю жизнь.

— Скажешь тоже, — присвистнул Глоддрик, — старый пердун много чего говорит. Будешь его слушать — станешь таким же, как он. Просидишь очень долгую и скучную жизнь в этом задрипанном Храме Мечей. А пока ты будешь сидеть, мир продолжит играть буйством красок. Ты хочешь остаться в стороне от жизни?

— Я, между прочим, хоть и младше, но о жизни побольше тебя знаю, — попытался уколоть брата Ревриан, но безуспешно.

— Откуда твои познания? Из книг? Так и просидишь всю жизнь, читая свою ересь. Я же предпочитаю писать свою историю жизни прочтению чужих.

Они уже подходили к воротам, где их встретили Гуаррах и Шибуйи — парни были в тренировочных одеждах, Шибуйи, как всегда, в своей любимой соломенной шляпе и свежесбрившийся налысо, а Гуаррах стричься не собирался, довольствуясь тем, что его спутанные колтуны сталактитами свисают на плечи.

— Да это у вас семейное, я погляжу — опаздывать, — развязно, но дружелюбно усмехнулся Гуаррах, — точность — вежливость королей, между прочим.

— Именно поэтому Ганзарул всегда вовремя посылает своих кровопийц сдирать налоги с мирных жителей, — рассмеялся Глоддрик, — нет уж, быть точным королем менее достойно, чем уличной проституткой.

— Смотри, как бы не оказался на дыбе за такие слова, даже у городского забора есть уши, — ответил Шибуйи, — хотя я лично скучать по тебе не буду.

Ребята так и пошли в город, подтрунивая друг над другом. Ревриан не отставал от них, его одолевало противоречивое чувство. Он одновременно и наслаждался этой братской атмосферой, но и чувствовал себя чужим. Вот его старший брат, его кровь и опора, шутливо толкается с этими юными Стражами, смеется с ними в унисон. Так могут общаться те, кто пуд соли съел друг с другом, пройдя трудности воинского роста, их вместе порол мастер Агриппа и старший наставник Городай, они вместе оттачивали выученное и вместе же отлынивали от тренировок, дружно отвечая перед мастером, если попадались. Стражи друг для друга всегда были семьей, но эти трое стали духовно скреплены. Ревриана они принимали в свой круг и очень любили, но он никогда не смог бы стать одним из них. Эти трое давно окрепли, гордо и заслуженно носили звания Стражей, познали радости городской жизни, женской ласки, выпивки, драк в кабаках. Пусть они и не знали всех представителей династии Акрейлов на зубок или не могли бы изложить биографию Гартхаэла Громовержца, но они видели жизнь своими глазами, тогда как Ревриан при всем своем обширном кругозоре мог лишь повторять за тем, что видели чужие. Они Или же, скорее всего, что выдумала чужая фантазия. Парня это угнетало, но он всеми силами пытался сжечь, убить в себе чувство зависти. Стоило, наоборот, возрадоваться шансу набраться ума и опыта от старших. Глоддрик с друзьями выросли, заматерели и совсем скоро уже станут зрелыми мужчинами, тогда как у Ревриана совсем недавно еще сломался голос.

Ганрайцы в этот день дома не сидели. Повсюду горели фонари, факелы, масляные

лампы, освещая неисчислимые вывески и плакаты. Пекари, мясники, игрушечных дел мастера, пивовары, бортники, чьи соты ломались от меда, ловцы крабов и мидий, менестрели, торгующие заморскими музыкальными инструментами — все зазывали людей попробовать свои товары. Вокруг было не протолкнуться — группы парней и девушек ходили и, шутя друг с другом, выбирали товары на свой вкус. Молодые семьи тоже искали среди явств и предметов роскоши, чем порадовать чад. Пожилые же старались держаться особняком, прогулочным шагом пересекая наводненную улицу и плавно покачивая головой с философским одобрением, дескать, да, все так, как и должно быть, жизнь вертит свое колесо.

— Кажется, у Сенретты еще открыто! — сказал Шибуй, — поспешим же.

Они направились в сторону фонарей из красной бумаги, внутри которых горели свечи. За фонарями отражали блики огня лакированная вывеска — «Лапшичная дяди Крола. Пересеки море бульона и покори горы лапши, если ты достоин». В том, что они достойны, парни не сомневались с самого первого дня их визита в это место. Скромное заведение состояло из маленького помещения — склада, где хранилась мука, и небольшой кухни, где замешивалось тесто и готовилось заботливой рукой юных кухарок под надзором опытного старика Крола. Перед самой же кухней стоял небольшой ряд стульев, половину которого заняли парни сразу же, как вошли.

— Какие люди! — всплеснула руками девчонка, помешивавшая что-то в здоровенной кастрюле, — давно вас не было, мальчики, даже стены этого заведения успели по вам соскучиться.

— Нам тоже не хватало этого места, — сказал Глодрик, — тебя — еще больше, Арикса.

— Умеешь ты засмущать, — игриво убрала она прядь волос за ухо, и подобралась к младшему брату своего собеседника, — Ревии! Ну и ну, как ты вымахал! — девушка провела рукой от груди Ревииана до его макушки, — Как поживаешь? Уже соскучился по своей любимой вермишели в бульоне?

Мальчик рассмеялся и, улыбнувшись, сказал:

— Иначе и быть не может! Рад тебя видеть, Арикса.

Арикса была худенькой девчушкой лет девятнадцати. Росту была она небольшого, и красавицей отнюдь не была — портил все орлиный нос с выдающейся горбинкой, широкое, почти квадратное, лицо и тонкие, плотно сжатые губы, что делало ее облик излишне жестким для молодой девушки. Свои темные волосы стричь ровно она никогда не умела, но ее это не смущало, Арикса довольствовалась тем, что завязывала их в тугую узел, чтобы не мешали работе. А белый платок, обвязывающий ее голову, вместе с всегда заляпанным чем-то фартуком на поясе, стали постоянной ее атрибутикой. Манеры ее были простоваты, но Стражи и Ревииан знали, что дружбу она ценит лучше многих. Девушка всегда давала им добавки без дополнительной платы, а если парням нечем было расплатиться, то за выручку выкладывала часть своего заработка — старый Крол тщательно следил за посещением и доходами, и при малейшем несоответствии выгонял любую поваришу или счетоводку за, по его подозрению, казнакрадство. В особой милости кухарки был Ревииан, которому она всегда давала в дорогу то леденец, то пряник. Вскоре перед Стражами стояли миски с дымящейся лапшой, посыпанной острым перцем, которую они принялись уминать за обе щеки. Вскоре с улицы вернулась Сенретта — дочь старого Крола. Рыжеволосая и веснушчатая, она коротко стригла свои вьющиеся волосы, создавая несколько сдержанный, но в то же время

элегантный образ. Лет ей было около двадцати пяти, но выглядела она, скорее, на восемнадцать. Парни радостно приветствовали дочь хозяина, затем завязался привычный разговор.

— И как поживает мастер? — спросила Сенретта, облокотясь на стойку.

— Мастер Агриппа всех нас переживет, — с набитым ртом проговорил Гуаррах, после чего продолжил втягивание в себя целого снопа жирной лапши.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась рыжая.

Арикса, отдраивая кастрюлю от слоя жира, заметила:

— Как жаль, что никому из вас не посчастливится стать следующим мастером...

— Больно надо, — отрезал Глоддрик, — мой мир слишком огромен, чтобы уместиться в этих тесных стенах.

Шибуйи поцокал языком, качая головой:

— Вот что мне в тебе решительно не нравится, дружище, — так это твоя дерзость. Видать, палка мастера так и не смогла выбить из тебя дурь.

Гуаррах, рассмеявшись так, что бульон вытек у него из носа, хрюкнув, проговорил:

— Да и слава Илгериасу! Такого настоятеля, как Глоддрик, обитель Стражей не заслужила.

— Что правда — то правда, брат, — усмехнулся Глоддрик.

— Кстати, — Сенретта обогнула стойку и стала вплотную к Глоддрику, ее упругая грудь находилась в полуметре от его лица, — Глоддрик, а куда ты надумываешь податься, как твое обучение кончится? Стражам, вроде как, можно покидать свой дом.

Отставив миску, он пригладил вихор темных патл и заявил:

— Даже не знаю, что тебе сказать. Буду работать во благо Союза. У императора Ганрая, Рахайраса недостает начальника гвардии. Как раз пригодится Страж. Наведу порядок в Вархуле, за Сухие Колодцы примусь. А там и братишка мой доучится, может, уборщиком его в императорскую резиденцию пристрою, — с этими словами он взъерошил волосы Ревiana.

— Повезло мне со старшим братом, — протянул Ревиан, выравнивая шевелюру.

— Хм, — Сенретта лукаво прищурилась, — все вы, Стражи, только и думаете об этом Союзе. А я лучше о себе позабочусь. Не буду же я вечно прозябать в этой паршивой дыре, как мой... — она осеклась, поняв, что оскорблять честь отца при друзьях — оскорбить саму себя, она продолжила, — вы поняли. Через год-другой я подкоплю денег и рвану в Аргюю. В Силгор. Как знать, может, там у меня получится открыть свое дело, куда большее, чем лапшичная.

Шибуйи пожал плечами и ответил:

— Делай, как считаешь нужным, Сенретта, жизнь твоя.

— Да, да, да, поняла я, зануда, — отмахнулась она с деланой улыбкой, — может быть, Глоддрику все же захочется присоединиться ко мне? — она подмигнула ему, — с братом, разумеется. И мне хорошая компания, и вам надежный человек рядом. Далось вам это Стражество?

Глоддрик чуть не поперхнулся пивом, откашлявшись, он нашелся с ответом:

— Ценю твое предложение, но такая жизнь не для нас. Не для меня уж точно. В Аргосе пруд пруди солидных молодых дельцов, и ты найдешь себе куда более серьезную компанию, чем мы с братом.

Сенретта презрительно оттопырила губу и фыркнула:

— Я шутила, дуралей. Неужто ты всерьез мог подумать, что я хочу связать с вами свою

жизнь? Может еще и обвенчаться тебе предложить?

— Мы поняли тебя, Сенретта, — сказал Шибуй, видя, что Глоддрик начинает закипать от раздражения, — ты шутила, не совсем удачно, конечно, но не будем из-за такой ерунды портить вечер.

Когда все немного успокоились, разговор зашел о моде, о том, как неудачна внутренняя политика нынешнего императора Ганрая, который почти не отстраивает страну, а Ганзарулу Второму приходится брать это на себя, вливая в строительство мануфактур, дорог, в создание рабочих мест и переезд аргойских мастеров ремесел в Ганрай уйму средств из королевской казны. Как только Сенретта вскользь упомянула набеги равшаров и столкновения на границе, Глоддрик осек ее:

— Здесь говорить не о чем. Нужно молча, сцепив зубы, драться — и все.

Распроставшись с девушками и, пообещав зайти еще, она вернулись на улицу.

— Вы возвращайтесь в Храм, пацаны, мы с братишкой еще немного побродим здесь, — сказал Глоддрик друзьям.

— Только в бордель не води его, — усмехнулся Гуаррах и помахал рукой.

— Сводим года этак через четыре, — подхватил Шибуй.

И вот они мирным шагом направились к центру Вархула. Ревриан несколько раз бывал на площади этого города, он хорошо помнил обилие ларьков, торговцев здесь было в десятки раз больше, чем на пригородной улице. Вот только напрягали его плакаты, развешенные по стенам городских особняков. Изображен был на них герб Союза на щите у рыцаря в тяжелых доспехах, потрясающего щитом и мечом. Написаны же были под этим черно-белым рисунком строки, должны возбудить в жителях Ганрая чувство патриотизма: «А ты готов дать отпор дикарям из пустоши?». Значит, слухи о войне, которые кое-как дошли до учеников Храма, оказались правдой. Военной мобилизации подлежали все мужчины с семнадцати до шестидесяти лет, как было мелким шрифтом обозначено в агитационном плакате.

— Значит, это правда? — Ревриан возрился на старшего брата, — равшары выходят на наши земли.

Глоддрик замялся, отвел глаза в сторону факира, изрыгающего пламя и жонглирующего факелами у питейной, и ответил:

— Равшары объединились под началом Кратара Рокового — это так. Он хочет присвоить земли Союза своим племенам.

— И будет война, — не спросил, а заключил отрок.

Глоддрик пожал плечами, держа руки в карманах и переминаясь с ноги на ногу:

— Должны же мы постоять за свои земли. Военное положение уже объявлено, вскоре начнется мобилизация боеспособных жителей.

Он не озвучил то, чего Ревриан боялся больше всего за последнее время. Поначалу он надеялся, что слухи о набегах равшаров — не более, чем вымысел, затем рассчитывал, что дело закончится несколькими стычками, но, пока жизнь шла своим чередом, он тренировался вместе с остальными, а брат пропадал на заданиях от мастера Агриппы, вероятность того, что Глоддрик уйдет на войну, росла в геометрической прогрессии. Сейчас же было очевидно, что за рекрутом скоро явятся имперские гвардейцы.

— Значит, и ты тоже...

— Да-а-а-а! Отымеем этих варваров в зад, — раздался неровный голос человека, который еле стоял на ногах, отчаянно пытаясь в дрожащей руке удержать бутылку

самогона, — вот я, — из груди его вырвалось громкое икание, затем горожанин продолжил, — я служил! Суну этим... выродкам по самые... — он оглушительно отрыгнул, затем, не могши держать в себе лишнее, сблевал себе же на колени.

Пьяница стоял у арки, ведущей в жилой квартал, до этого он опустошал бутылку у одежной лавки, но его быстро выперли со ступеней за «распугивание клиентов». Вдруг он всмотрелся в лицо Глоддрика, его глаза загорелись огнем безумия, рот раскрылся, точно у одержимого:

— Ты! — выпучив глаза, сказал он, после чего его лицо снова приобрело засыпающий вид, а сам он, пошатываясь, неуклюже двинулся в сторону Глоддрика, — ты ж Страж... — он снова приложился губами к бутылки, рыгнул и швырнул бутылку в каменную стену, отчего та разлетелась на осколки, — вот какого рож... рожн... какого вы сидите на своих гузнах... равшары убивают наших... а вы-ы-ы-ы... трусы никчемные... отсиживаетесь... — он харкнул вязкой слюной, смешанной с блевотиной, на землю, и продолжил, — мою жену, сына... убили эти уроды... я отмщу без вашей помощи, ссанные...

— Подождите, не горячитесь, уважаемый... — начал было Ревриан, но Глоддрик отпихнул его за свою спину.

— Помолчи, Ревриан, — сказал он, смотря в пляшущие глаза пьянчуги, — я разберусь.

— Так-то бля-я-я-я-ядь! Слушай старших, пока можешь... — заплетающимся языком сказал он, — придет время, и о тебе никто... не позаботится... кто позаботился о моих родных? Сука...

— Остынь, мужик, ты пьян и можешь натворить всякого, о чем будешь жалеть в будущем, может, всю жизнь, — Глоддрик подошел к нему вплотную, — я сожалею о твоей утрате. Не знаю, утешит ли тебя это, но среди Стражей трусов нет. Мы не уклоняемся от долга перед отечеством и не изменим ему теперь. Я уже записан в ряды военнообязанных. Вскоре я уйду на фронт.

Пьяница осекся, затем начал глядеть на Глоддрика с нескрываемым уважением.

— Прости, я... не подумал... сложно думать... в бошке гудит... гребаное пойло...

— Я понимаю, — сказал Глоддрик, — мастер говорит, когда мы пьяны, нашими устами говорят иные сущности, пока настоящие мы спим крепким сном. В душе ты нормальный мужик, который столкнулся с тем, что не каждый переживет. Я отомщу за твою семью.

Пьяница пошатнулся, подался вперед, но Глоддрик его подхватил. Мужик обвил юношу своей рукой и вскричал дребехжащим тоном:

— Вот бы стране таких, — снова икота, — героев! Пойдем... накатим за Союз...

— Тебе уже хватит, — улыбнулся Глоддрик, аккуратно усаживая его спиной к стене, — мы с братом пойдем, а ты отходи от хмели. Был рад знакомству.

Мужчина привалился к стене. Его впалые щеки покрывала неровная щетина, а нестриженные сальные патлы падали на глаза. Он убрал рукой волосы и воззрился на Глоддрика:

— Как тя зовут хоть?

— Глоддрик Харлауд.

— Глоддрик... Харлауд... настоящий мужик! — заорал он так громко, что прохожие начали оборачиваться в их сторону, — да здравствует Храм Мечей!

— И его мастер! — подхватил Глоддрик, — удачи тебе, земляк.

Подхватив Ревриана за локоть, молодой Страж направился в сторону торговых рядов.

— Уходишь, значит, — вздохнул Ревриан.

Глоддрик, не сбавляя шага, направился к лавке продавца музыкальных инструментов. Неподалеку торговец рыбой громко зазывал братьев, предлагая попробовать вяленую кильку, Ревриан встретился с ним глазами, но Глоддрик подтолкнул его, мол, иди дальше, не обращай внимания.

— У меня нет выбора, братишка. Не хотел, чтобы ты узнал об этом вот так, все собирался тебе сказать, но... Что уж поделаешь, — развел руками парень в жесте, выражающем безысходность.

— Я с тобой, — полным решимости тоном сказал Ревриан.

Глоддрик, подняв брови, обернулся и уставился на брата сверху — он был выше на полголовы.

— Ты от своих книг совсем обезумел? Погибнешь в первом же бою. Равшары зарежут тебя и не посмотрят на возраст.

— Но я могу драться! Я, как и ты, учился боевым искусствам и могу себя защитить. Не нужно относиться ко мне, как к беспомощному младенцу.

Веко старшего брата дернулось, нервно облизнув губы, Глоддрик уже готовился поставить мальчика на место, но твердый взгляд Ревриана и любовь к последнему родичу остудили пыл молодого Стража. Неуверенно подняв руку, точно собираясь приобнять брата, Глоддрик вполголоса произнес:

— Я обещал матери, что не дам тебя в обиду.

Ревриан насупил брови:

— Не будешь же ты всю жизнь подтирать мне сопли, как последнему слабаку. Я знаю, чего хочу и достаточно взросл, чтобы отвечать за свои...

— Если бы ты упражнялся в искусстве боя так же усердно, как в спорах, ты мог бы и с мастером Агриппой сравняться, — с улыбкой прищурился юноша, — ты пойми, что я за тебя отвечаю и...

— Когда уже я стану хозяином своей жизни? — голос Ревриана дрожал не то от досады, не то от злобы, а может, и от всего вместе.

Глоддрик глубоко вздохнул:

— Стань Стражем, пройди испытания. Подрасти. Выполняй задания с братьями. Докажи, что не нуждаешься в большом и могучем старшем брате под боком — и я умолкну. До тех пор, пока молоко на твоих губах не обсохнет, я не позволю тебе рисковать жизнью. Сейчас ты годишься разве что на закуску первому попавшемуся равшару.

Глоддрик приблизился к брату, обхватил его затылок рукой и прижался лбом к темени своего самого близкого человека.

— Ревриан, жизнь — крайне жестокая сволочь. Она забрала наших родителей, а вместе с ними несметные числа благородных людей. А ты один из самых достойных учеников Храма Мечей. Ты умнее меня, Ревриан, и куда нравственнее, и, я уверен, ты очень далеко пойдешь, братик. Я не позволю року судьбы отправить тебя кормить грифов-падальщиков так рано.

Они смотрели друг другу в глаза, пока старший говорил, но под конец его речи темноволосый парниша едва удерживал слезы. Дрожащими губами он прошептал:

— Хорошо, Глоддрик, хорошо, — мальчик слабо проговорил, хлюпая носом, — скажи честно, — сокрушенно опустив глаза под ноги, начал юнец, — ты сам хочешь воевать?

Сложный вопрос для юноши, не знавшего о войне ровно ничего, кроме преданий старины и рассказов бывалых ветеранов заварушек прошлого, которые звучат за кружкой пива в кабаках и в хмельном веселье и желании впечатлить слушателей зачастую бывают

приукрашены. Глоддрик понимал, что в словах брата скрываются и другие посылы — боится ли он ступить на тропу войны. Парню захотелось признаться в своей слабости и поведать брату о своем страхе, что словно червь-паразит в желудке, отравлял его душу, но он овладел собой в нужный момент. Старшие всегда должны давать пример тем, кто идет вслед за ними — говаривал бывало отец давным-давно, казалось, в прошлой жизни, — должны, даже если для этого приходится надеть личину того, кем ты не являешься. Всегда есть надежда, что молодежь превзойдет своих наставителей.

— Ревриан, я хочу одного — чтобы люди Союза жили, не зная страха и гнета. Хотелось бы еще мира с соседями, но что поделать, коль это невозможно. Если каждый побоится воевать, ведь придется бросить семью и уютные дома, если народ захочет отсидеться за крепкими стенами пограничья, ведь армии Аргои, гвардии Карайраса и кучки мастеров-Стражей вполне хватит, сюда ломанутся равшары. И тогда погибнет в десятки раз больше народу, чем если бы способные держать оружие и даже использовать его мужчины обнаружили бы, что у них есть-таки яйца между ног. Я Страж, и мой долг — сражаться за родину. Так сложилась судьба. Выбора нет. Понимаешь, Ревриан.

Люди продолжали проходить мимо, осматривать товары, вести будничные разговоры. Владелец лавки благ, годившихся для любого порядочного менестреля, с хваткостью орлиного глаза выискивал среди прохожих потенциальных покупателей.

— Как насчет вас, ребята? — окликнул он братьев, — в самые мрачные дни сумрак развеют чистейшие звучания музыки. Насладитесь же ими сполна, пока можете! — он обвел рукой ассортимент товаров, среди которых красовались резные флейты, расписные лютни, клирийские барабаны, обернутые натянутой кожей, а то и ритуальные безделушки клирийских шаманов, что, по поверьям, наводили связь с миром духов, предлагая мистическим существам насладиться искусной игрой призывателей. Глоддрика это не интересовало.

— Отчего нет! — отозвался Глоддрик и повернулся к брату, отсутствующим взглядом скользившему по инструментам, хотя в обычной жизни он бы глядел на них с неколебимым вожделением, — Ревриан, прогуляйся-ка, полюбуйся памятником Лангорта Основателя, не знаю, на заклинателя змей погляди, — он махнул рукой в сторону темнокожего клирийца в тюрбане, сидящего на коленях и играющего на свирели перед лицом кобры, шипящей во все клыкки и распутившей пестрый капюшон, — пока ты хлопаешь глазами, все светила небесные угаснут.

Тряхнув брата за плечо, Глоддрик направился к лавке. Ревриан, вздохнув, со скучающим видом поплелся по тропе в сторону церкви Арая Илгериаса. Невдалеке стоял проповедник — дородный мужчина в сутане, отпустивший густую бороду, читал народу проповедь. Его заунывный голос вещал о грядущих испытаниях, что суждено выдержать народу Союза лишь в единстве, о долге друг перед другом и королем Ганзарулом Вторым. Мальчик усмехнулся про себя — как же низко для священнослужителя играть на чести и единстве народа, вкрапляя в эти узы ложную преданность монарху, который хоть и отстроил Союз заново, укрепив его дорогами, бастионами, заставил его городами и новыми селами, но все же относился к людям как к расходному материалу. Стоило все же признать, что глаза женщин искрились надеждой, а мужчины сжимали кулаки при громких словах о преданности престолу и строительстве славного будущего Союза.

— Каждый из вас вершит историю, своей славной гибелью на поле брани, помощью раненым или же чистой женской слезой, мольбами за души ваших храбрых мужей,

преданной заботой о стране в их отсутствии хранительниц очагов. Вы уже герои, я вижу это по вашим лицам, полным блаженства, которого лишены равшары! Эти порождения прогнившего дерева посягнули на нашу святую землю, но мы покажем им, что Арай Илгериас на стороне Союза братских народов!

Ревриан пнул обломок кирпича и побрел к лавкам. Ему было противно слушать, как краснобай-священник извращает святую веру и связь человека с Богом ради пропаганды власти короны. Мальчик всем сердцем хотел, чтобы люди отстояли страну, он бы многое отдал за то, чтобы стать старше, умелее, как Глоддрик, встать с ним плечом к плечу и крошить головы демонов пустоши. Но ради людей, а не отпрыска королевского рода, даже не знающего о его существовании.

— Ревриан! — окликнул его брат, обогнувший лавку, набитую перезрелыми овощами, — твои друзья сказали, ты собирался намостыриться играть на такой?

В руках он нес деревянный банджо, окрашенный черным лаком, на котором были вырезаны изящные фигуры драконов, переплетавшихся в диком танце, эти драконы, очерченные золотой краской, сновали меж отрисованных молний, изрезавших блестящий корпус инструмента.

— Брат, зачем, — на сей раз из глаз Ревриана слезы потекли вправду, — она же, наверное, стоит...

— Плевать! — отрезал старший брат, — могу же я потратиться, если хочу услышать когда-нибудь, как мой братец изливает прекрасную музыку? И не вздумай филонить, как с войны приду, проверим, чему ты тут научился.

— Глоддрик, — Ревриан ухватился за гриф и свободной рукой крепко обнял брата, — я счастлив, что ты есть.

— Я тоже, представь себе! — смеясь, похлопал брата по спине он, — ладно, хватит соплей, — выпустив младшего брата, он пригладил его волосы и осмотрел, точно хотел понять, готов ли тот остаться один, без твердой руки старшего друга, — пора возвращаться в Храм, Ревриан.

И они вышли в путь, осознавая, что это их последняя совместная дорога в пристанище детства и юности, последняя перед долгими днями разлуки. Так они и шагали, Глоддрик — думая о том, как его изменит война и сможет ли он быть тем же беспечным веселым парнем, живущим изнурительными тренировками, посиделками с Гуаррахом и Шибуй в лапшичной с девчонками и заботой о брате, вернувшись с нее, не потеряет ли он себя, а Ревриан сжимал гриф банджо тонкими пальцами и думал, как изменится его жизнь, потеряй он брата. В молчании они держали путь к дому Стражей.

1675 год. Ганрай. Храм Мечей.

— Ревриан, ты должен уйти.

Парень смотрел прямо перед собой и молча мог лишь хлопать глазами. Он знал, что мастер Агриппа им очень недоволен, но не мог предположить, что старый учитель Стражей решится выгнать его из Храма Мечей. Ревриану недавно исполнилось восемнадцать, к этому времени, обычно, ученики проходили тяжкие испытания и становились полноправными Стражами. Сказать, что испытания были суровыми, — ничего не сказать. В один день воспитанник Храма в Драконовых Горах по извилистым и стертым тысячами ног каменным лестницам должен был взбежать на вершину в тяжелых ведрах на коромысле, наполнить их и, не пролив ни капли, снести к подножию скалы. Продержаться в

рукопашном бою с десятью завершившими обучение стражами в течение трех минут. Самое главное — поймать стрелу, пущенную мастером Агриппой в грудь молодому ученику, рукой на лету. Ревриан и близко не был готов к этим испытаниям. Неделями он пропадал на чердаке, уткнувшись в высоченные стопки книг, украденных из городской библиотеки. Юноша отощал, поскольку потерял интерес к еде и зачастую пропускал приемы пищи с братьями. Вскоре он утратил заинтересованность и в чтении, не думая о тренировках, он спускался с холмов в город и подолгу шатался там, возвращаясь изрядно выпившим с пятнами жира от праздной еды на тренировочной одежде. Наставники, разумеется, понимали, что Ревриан давно сошел с пути ученичества и толкового Стража из него не получится. Любого другого они бы избili палками и заставили бы тренироваться до потери пульса, выбив всю дурь, но Ревриан был для них слишком безнадежен. Агриппа, наставники и соученики видели, что он другой, не из того же теста, что они. Но никто не решался ему об этом сказать. Затем Ревриан перестал ходить в город и подолгу отдыхал, полулежа на стене вдоль сада камней. Закинув ногу на ногу, он расслабленно наигрывал плавные мелодии на банджо — единственной вещи, благодаря которой он мог ощутить присутствие брата. С Глоддриком им довелось увидеться с год тому назад. Но встреча была совсем не такой, как себе представлял юноша. От прежнего старшего брата, добродушного, озорного, заботливого, с мягким сердцем и теплым отношением к окружающим мало что осталось. Холодный взгляд хищника, похожий на вид гремучей змеи, наевшейся грызунов и сыто глядящей на своих будущих жертв. Красноглазый и резко поседевший, брат не выразил и толики радости, увидев место, подарившее ему братьев, мастерство и спасение от голодной смерти на улицах Вархула. Ревриан расспрашивал мастера Агриппу, что случилось с его братом, но старик лишь уклончиво отвечал, мол, война свернула его брата на новый путь. Пришлось разбираться самому, и Ревриан, читая хроники жизнеописания древних Стражей, узнал нечто новое о Темных Стражах, черпавших энергию из преисподней, далеких подземелий Азрога. Эти люди чаще всего становились на путь зла, поскольку немногим удавалось обуздать демоническую силу и направить ее на праведный путь, достойный Стража. Глоддрик не стал интересоваться жизнью Ревриана, ограничившись лишь тем, что выразил радость о благополучном состоянии брата. Да и радость эта была не слишком бурной и даже неискренней. Как будто во всем нутре старшего брата Ревриана каленым железом выжгли его личность, душу, а вернулась лишь пустая оболочка, изуродованная демонической энергией подземелий. Гуаррах и Шибуи, напротив, встретили Ревриана с искренней радостью и сводили его в город на долгую пьянку и гуляния. Хотя они и провели долгие часы в душевных разговорах о Храме, о том, как проходит обучение новичков и кто уже из знакомых Ревриана сдал экзамены, оба отказывались говорить о войне, как бы Ревриан ни просил. На вопрос, что случилось с братом, уклончиво ответил Шибуи:

— Прости, Ревриан, я ничего не мог поделать, когда равшары взяли твоего брата в плен. Впрочем, твой брат не нуждался в помощи, успешно вырвавшись из плена, он убил напрочь боевой дух у равшаров вместе с их вождем — Кратаром Роковым.

У Глоддрика был продолжительный разговор с мастером Агриппой, хотя до этого он старался ни с кем не общаться. На следующий день Ганрайский Демон, как его теперь называли, исчез из Храма Мечей. Ревриан, в полусне развалившись на вершине стены, подергивая струны банджо, видел, как его брат, держась за заплечный мешок, покидает родной дом, но так и не решился его окликнуть. Юноше хотелось это сделать, но та губительная пустота, с которой он столкнулся при встрече с братом, повергла его в уныние.

Война забрала его брата, такого, каким Ревриан его запомнил, сделав из него машину для убийств, безумца, по рассказам сослуживцев, с остервенелостью, яростным оскалом и полоумным хохотом кромсавшего равшаров на куски. После ухода брата Ревриан окончательно разочаровался в пути Стража, потерял стимул, цель. Без Глоддрика Храм Мечей словно бы опустел. Он не думал уходить, Ревриану не приходила и в голову мысль вылететь из гнезда и отправиться в большой мир в поисках своего места, но вот теперь настало время держать ответ перед мастером Агриппой и решать свою судьбу.

Они стояли в главной зале храма, среди статуй мастеров из прошлого, творивших историю великого места. Ревриан не сомневался, что не судьба для него войти в их число и украсить эту залу своим апатичным и в то же время вдумчивым лицом — в нем не хватало черт воина, высеченных в его братьях по оружию годами упорных тренировок. Старец повел белоснежными бровями и, наморщив и без того изрезанный морщинами лоб, продолжил:

— Я знаю, что путь Стража не нашел в твоём сердце, Ревриан, и я понимаю тебя. Соученики твои уже стали Стражами, мы набираем новых, а ты так и не сыскал в Храме себе ниши. Это не твоя вина, наша дорога подходит отнюдь не для всех. Ты и пришел сюда не по своей воле, брат привел тебя сюда восьмилетним мальчишкой-ободранцем, голодным, выросшим на улице. Теперь же Глоддрик разорвал свои узы с этим священным местом, тебя ничто здесь не держит, Ревриан, пора избрать путь по душе.

Старик опирался на клюку и полуприкрытыми морщинистыми веками выцветшими глазами всматривался в юное лицо. Ревриан подался вперед, воздев руки в рассудительном жесте:

— Может быть, я все же могу попробовать? Да, я дал волю лени, запустил тренировки, но не все потеряно, наверстать упущенное никогда не поздно.

Агриппа сипло рассмеялся и направил конец палки в грудь Ревриану:

— Не нужно ничего говорить мне. Скажи сам себе, мысленно, — хочешь ли ты быть Стражем. Ты говоришь так потому, что и в самом деле видишь в этом свое призвание или же из-за привязанности к привычному месту, людям, укладу жизни? Скажу вот что — если бы путь Стража был твоим призванием, ты бы уже им стал, пройдя все испытания. Видимо, твоя судьба несет в себе что-то другое...

Сказать в ответ было нечего. Мастер, как всегда, оказался прав.

— Слушай, — поднял взгляд старик и пламя настенных огней отразилось в его очах, — ты не должен просидеть свою жизнь здесь, занимаясь ничем. Мне уже за восемьдесят, тогда как тебе только восемнадцать. Перед тобой открыты все пути мира, а мой, возможно, близится к завершению.

— Допустим, — замаялся на секунду Ревриан в раздумьях, а затем продолжил, — я бы мог на время выехать из Храма Мечей и посмотреть на жизнь за этими стенами... Скажем, на месяц.

— Обязательно, — одобрительно кивнул мастер, понимая, что вместо месяца, скорее всего, срок составит всю жизнь Ревриана.

— Но я все еще не знаю, что мне делать, — сказал молодой человек, — я даже не знаю, в чем заключаются мои таланты, кроме чтения книг и игры на банджо. Я многое знаю со страниц, но жизни еще не видал, даже не представляю, чем мне...

Мастер поднял сухую и костлявую, сморщенную руку, покрытую кровоподтеками, призывая своего ученика к молчанию.

— Ревриан, — с улыбкой молвил старец, вспоминая давно ушедшее время, канувшее в

лету из людской памяти, — в твои годы я был рядовым Стражем и даже помыслить не мог, что стану наставником этой школы, да еще и так надолго. Тебе предстоит перепробовать многое, терпеть неудачи и пережить взлеты, а затем снова — падения. Даже если путь свой ты так и не найдешь, поиск себя — это уже путь, разве не так? Достояние попытаться найти свое место в жизни, чем отсиживаться в кустах, в окопе или в Храме, дожидаясь, пока за тебя все решат другие, — он помолчал, зажевав нижнюю губу, затем неожиданно спросил, — Ревриан, куда ты хочешь отправиться?

Вопрос застал юношу врасплох. Он был до конца уверен, что у мастера имеется четкий план действий на его ближайшее будущее или хотя бы предложения, а теперь в полном одиночестве и мраке неведения ему, совсем юному, предстоит делать выбор, определяющий жизнь на многие годы вперед.

— Ну, ну, не стесняйся, — подбодрил его мастер, — если это секрет, я, конечно, настаивать не стану, но можешь быть уверен, твое решение останется строго между нами.

Парень многое слышал о столице Аргои. Говорили, что вся аристократия Союза собралась там, как и возможности для поиска лучшей жизни и работы для молодняка. Ученики Храма Мечей по ночам часто, перешептываясь, обменивались слухами о новых веяниях моды на одежду, политиков, ораторов, поющих див или же театральные постановки из города, в котором жизнь крутилась в бешеном водовороте, переливающимся самыми разными цветами.

— Мастер, я, как и вы, люблю Ганрай и всегда буду ему предан, — с одобрительной и немного снисходительной улыбкой мастер оживленно кивнул юноше, дескать, продолжай, — но несколько лет назад одна наша с Глоддриком общая знакомая из города что-то сказала о планах переехать в Аргою. После ее слов я часто воображал, как бы сложилась моя жизнь, если бы я на время уехал жить в столицу, сердце Союза. Туда, где меня никто не знает, начать с нуля и посмотреть, что выйдет. А потом, при возможности, приезжать сюда, как только...

— Понятно, мой ученик, — обнажив пожелтевшие зубы с промежутками в рядах, изрек Агриппа, — вот, что я тебе скажу — один мой знакомый травник из Вархула сегодня вечером проезжает мимо Храма. Путь держит он в Аргою, к Силгору, везет партию редких целебных снадобий. Возможно, будет торговать ими по пути. Человек он уже в годах, соответственно, помощь юной и твердой руки в торговле и пути ему очень не помешает. Тебе же будет обеспечена еда и место в его повозке и палатке на все время пути. О деньгах не беспокойся, я провожу тебя и вполне смогу убедить его подвезти своего ученика.

Ревриан открыл было рот, но Агриппа остановил его жестом руки:

— Стой! Пока не забыл, — он порылся за пазухой и вынул сверток, издававший металлический звон, — здесь пять сотен серебряников. Достаточно для того, чтобы на первых порах снять жилье в столице и кормиться. Пока не найдешь работу и не сможешь себя обеспечивать, это тебе пригодится — бери и не вздумай отпираться.

Ревриан, пятясь, поднял руки, выражая неуверенность:

— Мастер, это все так неожиданно. Не стоит, благодарю, что позаботились обо мне, но это уже лишнее, я сам смогу заработать достаточно.

— Убью, — осклабился мастер Агриппа, сжав с хрустом кулак, и снова метнул взгляд на кошель, — выбирай.

Не дожидаясь ответа, сделав проворный хромой шаг в сторону Ревриана, Агриппа всучил ему сверток с монетами в руку.

— Да благословит тебя Илгериас. Через несколько часов наш с тобой друг окажется поблизости. Самое время прощаться с братьями и собирать вещи.

Горячо отблагодарив мастера за помощь, Ревриан двинулся в сторону врат.

— И, да, дружище, — дружелюбно окликнул его мастер, — приезжай как-нибудь, как освоишься там. Буду рад встрече. Если, конечно, буду жив еще, — подмигнув, мастер повернулся спиной и поднял руку в прощальном жесте, — да заступится за тебя Илгериас, Ревриан.

Сквозь улицы, наводненные людьми самой разной этнической принадлежности, в гуще которых проглядывали и представители иных форм жизни, что можно было спутать с людьми на приличном расстоянии, продирался юноша с банджо на перевязи, кушаком, в котором уместились самые ценные по его разумению книги и узлом с целительскими средствами, что дал ему в дорогу старый травник. Дорога в Силгор кишмя кишела нуждающимися в помощи, в деревнях многим была нужна мазь от волдырей, струпьев, снадобье от горячки или же одурманивающие вещества, лишаящие боли, глушащие ее иллюзорными видениями из сказочной страны снов, находящейся в потаенных углах подсознания. Люди благодарили путников за помощь, а Ревриан был признателен судьбе за то, что довелось ему научиться азам врачевательства у столь опытного знахаря. Грамоте старик был обучен, но за жизнь свою успел прочесть от силы две-три книги, касающиеся его честного и праведного ремесла. Ревриан же открыл ему глаза на историю Союза, его жителей, заставив по-новому посмотреть на знакомые места и их обитателей. Юноша приводил сведения о том, когда деревню Козьи Загоны, возле которой они проезжали, называли так и чья это была идея, как Бёрнфилд оказался важен в промышленных делах, ведь оттуда родом первые мастера сталелитейных дел, перебравшиеся в Силгор и открывшие там свои плавильни сотни лет назад, и прочее. Ревриан или книжный червь, как любил его звать попутчик, говаривал и о землях более отдаленных — как скиарлы отстраивали свой известный на весь Ранкор флот или же как их вождь обуздал морское чудовище в одиночку, получив свое прозвание — Саламандр, как хаглорианцы чувствуют свою связь с созидательной энергией природы и начерчивают ритуальные узоры на юных телах лишь только вступивших в зрелую жизнь членов лесного племени, как флорскелы избородили весь мир, наладив торговые пути и обеспечивая нескончаемый круговорот не только своих, но и товаров всех наций по Ранкору. Они учили друг друга тому, в чем были хороши, но их сочетанию пришел конец, теперь же, распрощавшись со своим новообретенным знакомым, с которым успел тесно сдружиться, Ревриан пытался проторить себе дорогу сквозь набитые до отказа стены города-государства. У тщедушного хаглорианца, торговавшего четками, Ревриан узнал дорогу до ближайшей гостиницы — она находилась в десятке кварталов от центра города, но в пределах тех же непрошибаемых городских стен. Парень старался не обращать внимания на зазывал, тшачихся продать товар подороже, нищих и больных, с надеждой смотревших на Ревриана и, крича, просящих о помощи — их было слишком много, чтобы помочь каждому, всех денег, что дал мастер Агриппа, не хватило бы. Пропустив кружку пива в обветшалом кабаке, он двинулся в направлении дощатого двухэтажного здания, которое давно уже покосилось и того и гляди грозило обрушиться на головы проходящих мимо горожан. В свете фонаря, качавшегося от ветра на крыше приюта, гремели молот и звенела пила — рабочие строили фундамент, остовы для кирпичного здания возле гостиницы. Вот один из них трусой бежал, везя перед собой тележку, набитую скрепляющим кирпичи

раствором.

— А вот и он, — протянул густобородый начальник стройбригады, вытерев от грязи руки о штаны, — Гувер, тебя только за смертью и посылай. Чего ты там копался?

— Да раствора совсем не осталось, бригадир, — усмехнувшись, выдохнул Гувер, подкатив тележку, — пришлось повозиться, соскребать остатки.

— Ну, Гувер, всегда найдешь отмазку.

Ревриан взирал на этих работяг с тоскливой мыслью о простонародье, частью которого он всегда хотел быть, но не мог, будучи всю жизнь до этого отрезанным от людей в Храме Мечей. Теперь же он порвал с братством Стражей и может ощутить себя частью нечто большего, чем он сам, — своего народа, а может, и всего Ранкора.

В гостинице его встретил сгорбленный и хилый клерк с поседевшими бакенбардами и редкой порослью волос вокруг плечи.

— Еще один постоялец, я так понял, — протянул старик, открыв гостевую книгу и обмакнув перо в чернильницу, — как прикажете величать?

Ревриан осознал, что с этого момента начинается новый виток его пути, и на этой дороге ни Стражи, ни мастер, ни даже старший брат не несут за него ответственности, теперь он сам хозяин своей жизни. Единственное, что его окружает — это близкий сердцу народ, отчего же не породниться с ним?

— Гувер, — ответил юноша, — Ревриан Гувер.

Спустя некоторое время это имя было на устах у всего Союза.

Глава 15: «Гуляем, друзья!»

Уже два часа по проселочной дороге шествовал человек интеллигентного вида. Лет мужчине было около пятидесяти. Его темные волосы были совсем недавно острижены под короткий ежик, бежевый камзол, украшенный узорами золотой нити, был сшит по последней моде Аргои, но небрежное обращение хозяина было причиной некоторой помятости дорогой верхней одежды. Его по-Ганрайски мешковатые брюки были заправлены в портянки. В манере одеваться он совмещал в себе щеголеватые замашки, характерные для дворянина, но небрежность в уходе за своим внешним видом роднила его с теми, кого высший свет издавна нарек чернью. Узковатое и осунувшееся лицо его выражало абсолютную вовлеченность. Этому благородному мужу так и не удалось суметь почувствовать себя подобно рыбе в воде на светских мероприятиях, пышных приемах при короле, где собиралась аристократия Союза. Хоть он и мастерски умел держаться не хуже сынов господ, слиться с массой знати ему претила душа. Придворный историограф об этом не жалел — о том, что цветом Аргои рождаются, а не становятся, ему день ото дня не успевал напомнить казначей — граф Вильнур Монсерад. Среди же холмов, отдыхая на валуне при валежнике, возле ручьев и деревьев он старался взглянуть в каждый куст, муравейник, ощущая единство со всей окружающей материей и формами жизни. Здесь не было ни снисходительных взглядов дворян, вынужденных терпеть выскочку из низов Союза, обладавшего богатством, славой, харизмой, манерами — чем угодно, кроме благородных кровей и родового знамени с поместьем. В народе же Ревяна Гувера чествовали все. Последней ночью уставший собиратель историй дошагал до избы лесничего, возле которой на чурбаках восседало трое деревенских мужиков, распивавших брагу. Стоило Ревяну лишь дать понять, что он желает к ним присоединиться, три часа братания под хмельное питье и разговоры за жизнь были обеспечены. Может, с их уст и соскакивала брань, как брызги со штормовых волн, а до высокого искусства, моды, писаний Гувера дела им не было, но деревенские от чистого сердца поделились с ним своим пойлом и, приобняв, были готовы делиться сокровенным, точно с родным братом. Разумеется, Ревян не мог не нахлебаться вдоволь хотя бы из уважения к деревенскому мужику, которому веками приходилось терпеть поборы от барских семей, и тем не менее, несмотря на роскошную одежду, они приняли заплутавшего странника. Сейчас же, с мешком пресных галет, испеченных женой одного из выпивавших у хижины лесника, Ревян направлялся в сторону селения Крестал. В сумке, подвязанной к кушаку, писатель хранил стопку тростниковой бумаги и перо с чернильным камнем — набор, с которым он не расставался так же, как его старший брат большую часть жизни не снимал руки с эфеса меча. В писаниях Ревян находил нечто магическое, словно он из пустоты создает вечные миры силой одной мысли. Великие люди вроде Ганзарула Второго, Лангорта Объединителя, Гартхаэла Громовержца ушли в иные миры, не оставив после себя и горсти праха. Эпохи минувшие давно уж перестали существовать. Но в одном воображении можно сохранить навечно как человека, так и целый мир. Ревяну льстило то, что он причастен к запечатлению навечно многих страниц истории Ранкора. Северную Войну, которую он застал еще молодым, писатель изобразил со всей бесчеловечностью этой эпохи, слепок безобразного лица которой доведется увидеть многим поколениям грядущим, дабы те не повторили ошибок предков. Ревян не был ни мудрым правителем, ни всемогущим магом, даже сносного воина из него не вышло. Но ему выпала честь жить в одно время с поистине

великими личностями — один Архимаг Йоши-Року чего стоил! А если выйдет пообщаться с Алагаром? Возможно, в деревне он повстречается с братом. Приготовил он писчие принадлежности для того, чтобы собирать материал, должный послужить скелетом для наиболее значимого произведения в жизни Ревiana Гувера. Что-то подсказывало ему с самого появления Варзхела на королевском пиршестве, что в мире грядут великие потрясения. Возможно, стоило сохранить моральный облик мира, начавшего трещать по швам, на бумаге до того, как он необратимо переменится. Когда до писателя дошли слухи о побоище при Ганрае, о захвате императора Камайраса, которого вскоре освободили силы народов Союза без участия регулярной королевской армии, Ревian был поражен силой духа и единством своего народа. Прослышав о намечавшейся гулянке в весях Крестала, он не преминул выдвинуться в те земли из самого Силгора — узла и сердца Союзных земель. Вот он уже огибал холм с зарослями ельника, подошел к стене, сложенной из каменных брусьев и дубового частокола, больше похожей на ограду военного форта, чем на деревенскую изгородь. Врата этого необыкновенно массивного и крепкого забора были настезью отворены. Так же пешком, закинув дорожную котомку за спину, он поплелся деревню. Двое суровых мужчин в черных плащах со взведенными самострелами на входе на писателя и не взглянули.

С боя у стен Гилеарда прошло с неделю. Жители селения оправились от потрясения, давно уже оплакали погибших, а Арстель если и был старостой, то лишь по чину, никто не думал напрягать его организаторскими задачами. Кёрка погребли под осиною на крестальском кладбище, рядом с его покойной тетушкой, в которой он души не чаял. Брока же кремировали, а прах развеяли по ветру, что соответствовало желанию молодого воина с вольным характером. Открытие и подготовку к празднеству взвалили на свои плечи Уравнители, поскольку Алагар счел, что сбор в одном месте Карателей и жителей Крестала — первый шаг на пути к объединению народа и стражей закона. К тому же, он надеялся обрести в лице Ганрайского Демона союзника. Наставник тайного общества, мечтавшего о равенстве, понимал, что будет присутствовать и его учитель, а старый хаглорианец никоим образом не проникся идеями общины алагаритов, и намерений их не разделял. Убедить его не удавалось, да и сам Архимаг куда-то запропастился, уже пятый день подряд в Крестале о нем ни слуху ни духу.

Ранним утром Арстель, уже растопивши печь и начавши пришивать сукно к древесной подошве, услышал стук в парадную дверь.

— Кого это принесло в такую рань? Хельд, наверно, — пробормотал Арстель, прогоняя последние остатки недавнего сна, — надеюсь, он ненадолго, до веселий мне нужно заштопать партию башмаков для заказчиков из Бёрнфилда...

Он отворил плотную дверь, которая хоть и с жутким скрипом, но подалась. За ней не было никого, но крестальцы и алагариты уже сновали по улице, на которой жили ремесленники, готовясь к празднеству. Вот земледелец Гранаш куда-то торопится, а Харал Глыба несет охапку бревен в свой сарай. Сапожник уже захлопнул дверь, как вдруг в паре сантиметров от его носа оказалось лицо Юкиары. Заведя руки за спину, она, беспечно улыбаясь, словно не она только что проникла без спроса в чужое жилище.

— Здравствуй, Арстель!

Арстель отпрянул от нее, точно от языков пламени и, переведя дух, воскликнул:

— О, боги... Юки! Через дверь не судьба войти?

— Не будь таким занудой, — махнула девушка рукой, подойдя к полке, на которой стояла глиняная посуда, и облокотясь на нее, — зря я, что ли, в детстве училась у Стражей скрытности? Ну, скажи, ты же и не просек, что я сюда пробралась?

— Лучше бы просек, — усмехнулся Арстель, — у меня чуть сердце из груди не выпало.

— Я думаю, — Юкиара многозначительно улыbnулась, подойдя к Арстелю ближе, — сегодня для него будет много причин биться чаще, — скажи, ты же примешь участие в празднестве?

Арстель замялся. Если он весь день проведет в играх, пьянстве и разгулье, то может не успеть заштопать всю обувную партию к сроку. А доверие клиента из Бёрнфилда ему как нельзя кстати.

— Даже не знаю, Юки, работа...

— Помогу я тебе с работой, ради всего святого, только не начинай ныть! — отмахнулась она, — а от веселий не отвертишься, так и знай, я тебя туда за шиворот потащу. Главное — не нажрись там в дрова, не дождешься, что я за тебя всю работу сделаю, пока ты будешь валяться в слюнях на седьмом небе от счастья.

Парень в очередной раз взглянул на эту девушку с уважением. Вместо того, чтобы сетовать на оправдания своего друга или уговаривать его провести с ней время на пиру, она предложила ему решение проблемы. Братство Уравнителей было по горло в работе, отстраивая Крестал, привлекая рекрутов — простаков из соседних весей, обучая их. Юкиара многое делала во благо своей общины и крайне мало отдыхала, спала — еще меньше. Но времени и сил на помощь Арстелю она не пожалела.

— Юки, ты меня удивляешь, — протянул Арстель, — не знал, что ты владеешь моим ремеслом.

Юкиара фыркнула:

— Слушай, чтобы прожить в Ганрае, нужно уметь все понемногу. А чтобы прокормить братца, приходилось подрабатывать то тут, то там. Поденщица из меня была хоть куда! Мда, сама себя не похвалю — никто не похвалит.

— Спасибо тебе, Юки, — Арстель потрепал ее по плечу, — ты знаешь, я бы и правда ближайшую неделю ходил потерянный, если б мне довелось горбатиться денно и ночью здесь над этими говнодавами для Бёрнфилдских купцов, пока остальные бы радовались на празднике жизни.

— Что могу сказать, — пожала плечами Юкиара, — не забывай поднимать голову от своего труда в поиске прекрасного, — помолчав, она добавила, — меня, например.

— В самовосхвалении ты преуспела, я гляжу, — посмеиваясь, сказал хозяин сапожной лавки.

— А ты хотел бы, чтобы я напрашивалась на комплименты? — скривила она губы в ироничной усмешке, — впрочем, я была бы совсем не против слышать их от тебя. На празднике наверстаешь упущенное, — подмигнув ему, она вышла — на этот раз через дверь, — увидимся!

Арстель пробормотал нечто невнятное в ответ прежде, чем дверь была закрыта быстро, но аккуратно. Как и раньше, в простецких манерах этой ганрайской девчонки крылась любовь к жизни. Может статься, и не только к ней.

Расписная кибитка проезжала по узеньким улочкам Крестала. Кучер, невзирая на неодобрительные взгляды селян, которым приходилось прижиматься к своим хижинам и

заборам, дабы пропустить экипаж, принадлежавший лицам королевских кровей, нещадно подгонял лошадей. На запятках стоял лысоватый пожилой человек невысокого роста, несколько обрюзгший, пытавшийся отпустить бороду, но, ввиду слабой растительности на лице, кроме седой козлиной бородки, ничего себе позволить не мог. Это был церемониймейстер короля Аргои, сопровождавший царевича Слагера и царевну рода Акрейлов — Айрил. Принцесса изо дня в день клянчила у отца разрешения посетить вечеринку в Крестале. Она горячо уверяла батюшку-монарха, что, осветив своим присутствием пиршество героев, спасших родину от нашествия зла, королевская семья вновь обретет любовь и доверие толпы. К тому же, она знала, что ее давний друг детства — Архимаг Йоши-Року там непременно окажется. Король, будучи по натуре человеком мягкого характера, несклонным к упорству, поддался уговорам дочери, настояв лишь на том, что ее будет сопровождать взвод личной охраны короля. Так оно и было, конные латники чинно продвигались по пыльной и ничем не мощеной деревенской тропинке, вызывая опасливые взгляды мирных обитателей глубинки и настороженное наблюдение людей Алагара. Девушка знала, что автор тех самых книг, с которыми она засыпала с раннего детства, — Ревриан Гувер также собирался отправиться в Крестал, но выделить место в королевском экипаже ему не дал царевич Слагер. Презрительно сморщившись, принц отвечал, что простолудин по крови осквернит одним своим задом сиденье транспорта, достойного перевозки королевских особ. Он был зол на людей, что проявили мужество и благородство в борьбе со злом, а теперь собирались веселиться, не вспоминая о Его Высочестве, зол на сестру, которая вытащила его в эту поездку из роскошных и уютных дворцовых покоев, на бедных животных, и так истязаемых бичом возницы, которые по мнению престолонаследника слишком медленно двигались к цели.

Возница, зная о желании принца скоротать время в ближайшей корчме, осведомился о местоположении оной у проходящего мимо возрастного южанина, что на ходу делал пометки на грифельной доске.

— Поклон Его Величеству и благородным отпрыскам его! — пусть неискренно, но весьма учтиво поклонился местный библиотекарь, — если господа желают развлечься и предаться отдыху, лучше места, чем таверна «Желудок Дракона» в Крестале не найти.

Когда они проехали половину улицы, в конце которой виднелась питейная, над дверьми которой красовалась резная голова дракона, дети короля сошли с транспорта. Церемониймейстер поспешал за ними.

— Твою же ж мать! — сплюнул на землю Слагер, — мои туфли из змеиной кожи так запыхались в дороге.

Царевич направился к сапожной лавке, владелец которой сидел на веранде и натирал воском подошвы.

— Презренный! — окликнул он Арстеля, — ну-ка прояви преданность короне, почисти принцу Аргои обувь. Это же входит в твое недостойное ремесло.

Арстель опешил от одной встречи с наследником престола, но столь унижительное отношение к человеку рода отнюдь не белой кости не удивило сапожника. Многие проезжавшие дворяне смотрели на крестальцев, как на грязь из-под ногтей, примерно так же на него глядел и принц, будто для него большое испытание — дать ходячему мусору в лицо сапожника прикоснуться к своим подметкам.

— Ваше Высочество, — Арстель, не растерявшись, учтиво поклонился, — быть может, вместо этого я могу предложить Вам недавно соштопанную пару туфель из лучшего

льняного сукна во всем Ганрае? Совершенно бесплатно.

Царевич взметнул брови вверх и резким пинком опрокинул скамью, на которой лежали только что отлакированные ряды обуви, теперь им было суждено извальяться в грязи.

— Да как ты смеешь мне предлагать свой грязный товар, червяк недоделанный?! За одно это тебя следует вздернуть.

Арстель, не птясь, смотрел принцу в глаза. Снова поклонившись, он говорил:

— Прошу прощения, если я задел вкусы Его Высочества. Я думал, что Ему будет приятно принять дар от верных...

— Да вертел я на своем херу то, что ты думал! Почисть мне туфли, и я забуду о твоём оскорблении короны. Может быть.

Юная девица с миловидным лицом и золотистыми кудрями, ничуть не боясь, что подол ее белоснежного бархатного сарафана запятнается от тропы, выбежала вперед.

— Снова ты за свое, брат! Неужели тебе так нравится унижать честных и работающих людей?

— Не лезь! Любишь ты якшаться к этой черню — ради всех богов! У тебя с ними свои отношения, у меня — свои.

Охрана стояла в нерешительности, солдатам, судя по их бегающим взглядам, не хотелось заставлять Арстеля силой исполнять волю избалованного отпрыска монарха. Улица, как назло, была почти пустой, большинство крестальцев ушли на центральную площадь — готовиться к пиршеству.

— Перед ликом всесильного Илгериаса равны все. Угнетать брата своего да не будет дано ни единому существу живому. Ты оскорбляешь Бога, парень, пользуясь своим положением для удовлетворения низменных желаний самоутвердиться за чужой счет.

Это сказал темнокожий монах в желтой рясе. С благодушным видом он разглядывал членов королевской семьи, одной рукой перекрестившись, другой — перебирая четки. Выглядел он безоружным, но Арстель был готов биться об заклад, что под монашеской робой Шаабан прятал ножей — пруд пруди.

— Тот же, кто нарушает Божью волю и ущемляет братьев и сестер своих, будет на нашей земле наречен гостем нежеланным, сиречь врагом. Пусть это и сам царевич.

Слагера слегка покоробил взгляд хищника, которым монах его оглядывал, точно коршун добычу свысока. Он потупил взор, выдавил из себя смешок и заявил:

— Видать, проповедник из тебя так себе, святоша! Что-то паствы твоей не видно.

— Слагер! — возмутилась сестра, — ну, все, с меня хватит, если ты сейчас же не прекратишь этот беспредел, я уйду и больше ни в жизнь не отправлюсь с тобой в путь.

— Ха! Напугала ежа голым задом.

Монах, улыбнувшись, шагнул к принцу и, запустив руку с четками за пазуху, ответил:

— Не в пастве дело на пути праведном, а в душе твоей. Спасись сам — и тысячи спасутся с тобой. А имеющий уши да услышит. Впрочем, для тебя эти слова мало что значат.

— Не стоит, Шаабан, — покачал головой Арстель, приготовив щетку и тряпки, — я вычищу обувь Его Высочества.

— Уважаемый, не нужно потакать прихотям этого, извините за грубость, засранца! — выпалила Айрил, — я могу освободить тебя от этой повинности, королевна я или нет?

— Благодарствую, Ваше Высочество, — со смиренной улыбкой ответил Арстель, — но мне это труда не составит. Прошу Вас, сир, ногу вперед.

Монах покивал, словно кто-то невидимый возле него сказал нечто разумное, с чем он не

мог не согласиться.

— Если кто и нашел путь к спасению, так это Арстель, — пробормотал он и удалился.

Айрил, вздохнув, направилась в таверну вместе со Стражей. Ее сердце сжалось, когда она увидела в понуром взгляде Арстеля проблеск благодарности. Всю жизнь девушка мечтала быть близкой к народу, и сегодня ей такая возможность предоставлена. Если бы только брат ничего не испортил.

Желудок Дракона — вот так название для трактира! Это подумалось Гуверу, когда он находился еще за тридцать шагов от заведения. Впрочем, у него всегда было хорошее зрение, которое он умудрился не посадить даже ночным чтением и писанием при тусклом свете одной свечи. Возле двери шла оживленная беседа двух подростков — парня в простецкой рубаше и остриженного под горшок, и светловолосой девушки, одетой в рабочие брюки и куртку со множеством карманных отделений, пол-лица которой закрывала длинная челка. Судя по непринужденным позам и совсем небольшой дистанции, звонким смешкам и частым прикосновениям, они заигрывали друг с другом. Парень говорил в десять раз больше своей подруги.

— Стой-ка, погляди, уж не Ревриан Гувер это к нам идет? — вопрошал свою собеседницу паренек, — бьюсь об заклад — он самый, во плоти, хорошо мне запомнился портрет этого писаки. Ух, как-то к нам в деревню заехал один художник, хотел толкнуть изображение этого франта. Вот бы так моим лицом торговали, уверен, дело б пошло, мы с тобой, Кэлрен, гребли б серебряники лопатой!

— Кажется, он направляется в таверну, Клажир.

— Пойду-ка я познакомлюсь! Может, он меня на работу устроит, опытом поделится, а то и вовсе увезет нас с тобой в Аргою, и мы задарма будем жить под его крылом. Я слышал, Ревриан Гувер славится широтой своей души.

Когда Гувер подошел на расстояние слышимости, Клажир сорвался с крыльца и в несколько рывков уже оказался подле пришельца.

— Ревриан Гувер, неужто это и в самом деле ты? — не успел гость и слова сказать, как Клажир схватил его руку и с силой затряс, — хоть по мне и не видно, что грамоте я обучен, но матушка хорошо меня обучила всем этим буквенным премудростям! Не зазря, видит судьба. Я читывал аж две твоих книги, про Северную Войну и о победе над равшарами. Онс ведь и правда так было? Ганрайский Демон взаправду уложил сотни равшаров, в одиночку поборол двадцатерых берсерков? — при упоминании имени старшего брата, Ревриан нахмурился, открыл снова рот, но Клажир и тут не давал ему и слова сказать, — а то, как он пробрался к Грору Свободолюбцу и умертвил его, остановив войну — вот чтоб я так жил! — последнее вызвало сдавленный смех девушки, Клажир в своем многословии часто утрачивал способность ясно излагать свои мысли, — короче говоря, я тоже хочу быть писателем! Это трудно? Нужен природный дар или хороший слог приходит с опытом? Может, я могу набить руку. Как же здорово, что я познакомился с тобой, уважаемый Ревриан, эмоции бьют через край.

— Это я заметил, дружище, — рассмеялся Гувер, не зная, как и подступить с ответом ко всему, что вывалил на его голову этот длинноязыкий юноша.

Гуверу вспомнилась пословица о дураке, который задаст столько вопросов, что и сотня мудрецов не ответит. Похоже, это было как раз про его нового знакомого.

— Как тебя зовут, парень?

— О, меня зовут Клажир, ты, должно быть, слышал о происхождении...

— погоди! — рассмеявшись, сказал Гувер, — не все сразу. Видишь ли, я тороплюсь повидаться с Архимагом и наставником Братства Уравнителей. Если же ты хочешь, мы с тобой можем отдельно обсудить твои измышления. Кажется, ты хотел писать? Благородное дело. Что могу посоветовать — просто представь книгу, которую хотел бы прочесть, а затем напиши ее.

— В том-то и проблема, что он не читает, — рассмеялась девушка.

— Знаете, мастер Агриппа мне как-то сказал — чтобы обрести мудрость, нужно осилить с десятков книг. Но чтобы найти их, придется прошерстить тысячи. Но вы-то молоды, все вершины еще впереди. А как тебя зовут, милая леди?

— Кэлрен, — сделала юная целительница реверанс, — для меня наше знакомство — честь, господин Гувер.

— Как и для меня, — поклонился мужчина в ответ, — вынужден оставить вас одних, исследование Крестала ждать меня не будет.

С этими словами Ревриан зашел в трактир Хельда. Заведение было наводнено селянами, за сдвинутыми двумя же столами сидели существа опасного вида — клейменный равшар, хаглорианец с древесной кожей, то и дело обращавшийся к невидимым духам, скиарл, руки которого были обмотаны в цепях, а глаза его рыбы смотрели на мир через увеличительные стекла, человек в нагруднике из темной стали, у стены оставивший неподъемный двуручный меч, а возле него же сидел давний друг и знакомый Гувера — собственной персоной первый меч во всей Аргое.

У писателя с Эрлингаем завязалась оживленная беседа, воины усадили писателя за свой стол и ближайший час пичкали его пытливым ум новостями об их славной победе над адептами Заргула и крушении злостных их планов вторгнуться в земли Союза. От Ревриана не укрылось, что доселе меж Эрлингаем и Марволом Черным Львом, героями Северной войны занимавшими в трудах Гувера отнюдь не последнее место, произошла склока, но взаимовыручка в кровопролитном бою сгладила все раздоры, оставив место лишь братству не только по крови, но и полевому, оружейному единству. Марвол Акреил признался, что напрасно винил Эрлинга в том, что подкрепление при всех возможностях не подоспело, предоставив бравого воина в полон к северянам. Те изуродовали его лицо, избороздив его глубокими шрамами. С того самого дня Марвол Черный Лев проникся глубокой ненавистью к короне и людям знатных кровей, готовых поступиться идеалами чести — лишь бы погубить бастарда. Эрлинга же своей верностью народу, а не дальнему родственнику чистых кровей, давящему своим задом трон, доказал чистоту своих намерений. Гувер не был столь резок в суждениях, считая, что любой достойный знатный человек поступил бы по совести, а виной плена и страданий Марвола послужило лишь вероломство генерала Клаусвиля, намеренно припозднившегося с подмогой. Говорить об этом собеседнику писатель не стал, не ему, человеку, прожившему большую часть жизни в роскоши и комфорте, что-то втолковывать тому, кто лишь своей изворотливой волей к жизни вырвался оттуда, где в страшных муках встретили свою кончину многие солдаты Союза.

Из селян один из мужей в шляпе, представившийся Мурваком, с пренебрежительным сомнением подал реплику, что романы Гувера претендуют лишь на подтирание после туалетных процедур, поскольку содержания и толка в них отсутствует настолько, насколько превалирует безудержный всплеск больных фантазий бумагомарателя.

— Может быть, ты и прав, дружище, — рассмеялся Гувер, — главное, что хоть кому-то

это нравится. Хельд, так же тебя зовут? Будь добр, принеси этому благородному лесорубу пива, я угощаю!

Хельд взмахнул рукой, отчего горшок с вересковым медом воспарил к потолку, расплескивая капли вязкого питья на посетителей.

— Я согласен с Мурваком! — делая замысловатые пассы жезлом в воздухе, изображая заковыристый обряд, хотя на самом деле это не требовалось, для магии нужна была лишь сила мысли и фокусирующий инструмент в виде кристалла, — я не читал ни одного твоего слова, но вырубать леса ради того, чтобы какой-то выскочка покрывал их своими сомнительными письменами дабы потешить свое эго, неразумно и неуважительно по отношению к природе. Говорю это, как маг! Хотя есть исключения, вот этого, — он указал на Йору-Клиа, который снова бормотал что-то себе под нос, обращаясь к духам земли, — вполне можно и на бумагу измельчить. Но лучше на дрова.

Женщина по имени Карен и мускулистый плотник Харал Глыба рассмеялись словам Хельда, а травница Шая-Кишра закрыла рукой лицо в полном разочаровании несуразицей, высказанной трактирщиком-балагуром.

— Эй, Йору-Клиа! Тебе никогда не говорила женщина в постели, что ты бревно? — давясь от смеха, крикнул флорскел.

— В тебя вселился дух безумия, нечистый!

Гувер окончательно расслабился — в кои-то веки он может отвести душу в компании людей того же сорта, что и он. Как любил говорить мастер Агриппа — монахом ряса не делает. Гувер умел красиво одеваться, удачно подать себя, но детство и юность в низах навсегда вдолбили в него каркас, роднивший писателя с деревенским бабьем и мужичьем, к которому он мечтал принадлежать хотя бы сколько-то времени, по правде, Гувер мечтал скоротать глубокую старость где-нибудь в глубинке, вдали от городской суеты и шума.

Вскоре в таверну явились королевичи, Слагер сразу же стал требовать освободить комнаты наверху для него и его сестры.

— Я бы с радостью услужил Его Величеству, но комнаты уже заняты недавно присоединившимися к нам членами общины Братства Уравнителей. Спешу уведомить Его Высочество, что я имею склонность практиковать магию — когда я научусь наколдовывать новые комнаты, а то и царские хоромы — я уведомлю своих господ. Это может произойти скоро — в ближайшие лет двадцать. Я быстро учусь!

Слагер рассвирепел и опрокинул ногой чан с варившейся в нем куриной похлебкой. Она грозила разлиться, но Хельд среагировал быстрее — кертахол сверкнул, и бадья остановилась в своем падении, лишь несколько капель жирного бульона скатились к начисто вымытому полу.

— Что ты несешь, холоп?! — взвизгнул принц, — за послушание воли сыновей короля следует приговаривать к смертной казни! Мне стоит позвать сопровождающий нас гарнизон, чтобы они пиками вытолкали жирные зады твоих заселенцев или сам их пнешь оттуда, курица недоделанная?

Это было тяжкое оскорбление для любого представителя славного народа флорскелов, за что по заветам Гартхаэла Громовержца полагалось снести обидчику главу на месте, однако Хельду не дали ответить.

Гувер поднялся, собираясь оплатить Хельду ущерб от выселения временных жильцов.

— Слагер! — вскричала Айрил, и дала брату такую затрещину, что у того искры из глаз посыпались, а сам он чуть не свалился на барную стойку, — прошу простить поведение

моего брата, когда дело касается его притязаний на комфорт и роскошь, он становится...

— Заносчивым, высокомерным? — послышался властный голос сзади, — мерзким типом, быть может? Такое случается, когда ни разу в жизни не случилось ночевать в хлеву, быть битым плетью, терпеть голод и хворь. Должно быть, принц ни разу не спал нигде, кроме как на пуховой перине.

В дверном проеме стоял во весь рост худосочный человек весьма внушительной длины — его макушка почти доставала до верхней дверной планки. Его красные волосы стояли дыбом, иглами устремившись вверх, точно листья некоторых пальм из далеких земель Клирии. Его бледное худое лицо перекосила снисходительная ухмылка. Посох свой маг закинул на плечо, одет же он был в мешковатый плащ из черного сукна, рваный по краям, широкие брюки его так же были оборваны и коротки, отчего щиколотки и полголени его покрывали портянки. Это был Алагар, и он слышал все препирательства между хозяином этой не самой тихой забегаловки и зарвавшимся королевским отпрыском.

— Я могу предложить Его Высочеству заселиться в недавно выстроенных нашими людьми бараках, — слова «Его Высочество» были произнесены со столь ядовитым пренебрежением, что не оставалось сомнений в истинном отношении Алагара к представителям семьи самодержцев, — если тамошние условия не столь грубы для нежных и юных созданий.

Слагер хотел было разразиться потоком ругательств, выражая неподдельное возмущение, но что-то не давало ему и слова сказать. Взгляд Алагара словно палящие лучи солнца выжиг всю почву уверенности Слагера в своем превосходстве над окружающими его простолюдинами, оставив вместо векового леса лишь выжженную пустыню с растрескавшейся бесплодной землей и высоченными песчаными барханами.

— Спасибо Вам большое за обходительность! — присела в реверансе Айрил, — господин Алагар, если не ошибаюсь.

Алагар с недоверием сказал:

— Господин... здесь нет господ, милая, лишь братья и сестры. Твоему брату, возможно, будет сложно научиться принимать наши воззрения. Надеюсь, твой ум представляет собой куда более благодатную почву для становления на праведный путь. Редхалл проводит вас.

Вскоре грузный чародей с пышной бородой увел королевичей и их свиту, препровожая благородных людей в жилища столь скромные, сколь и непривычные ветхие деревянные прямоугольные постройки, для детей, привыкших к роскоши и изобилию. Алагар остановил взгляд на Гувере, с первой же секунды приметив чужеземца. Странное дело — обычно взор его очей цвета свежепролитой крови вызывал оцепенение и безволие окружающих, но в Гувере лишь разгорелся огонь вдохновения. Он видел в Алагаре прекрасный материал для яркого героя своей будущей книги. Пользующийся авторитетом могущественный колдун, не желающий подчиняться воле Союзных властей и склоняющий к своим идеям других. Судя по всему, многие были готовы за ним идти.

— Мир тебе и людям твоим, — поднял руку в приветственном жесте Гувер, — меня зовут Ревриан Гувер, я прибыл из...

— Из Союза, — кивнул Алагар с полным чувством удовлетворения своей осведомленностью и своим положением в Кристале, куда уже начали приходить столь известные всей стране люди, — я знаю, кто ты и чем занимаешься. Решил познакомиться поближе с теми, о ком пишешь?

— В точку! — Гувер даже подскочил с табурета, направив в сторону Алагара

указательный палец, — надеюсь, здешний люд не воспротивится скромному стремлению художника найти пищу для вдохновения.

— Отнюдь, — оскалил зубы Алагар, качая головой, — при условии, что в твоих сочинениях будет отражен наш жизненный уклад в верной трактовке.

Визит Гувера, по мнению Алагара, был удачным стечением обстоятельств. Народ привык внимать словам этого графомана, творчество которого, по мнению Алагара, стоило малого, однако оно могло послужить полезным инструментом в изменении мнений масс о движении Братства Уравнителей. Оставалось лишь сделать писателя своим единомышленником.

— Можешь не беспокоиться, наставник, в работе я стремлюсь к максимальной достоверности. А проще всего это сделать, когда запечатлеваешь историю, творящуюся на твоих глазах.

Алагар согласно кивнул:

— И дурак не станет здесь спорить. Братья и сестры, разрешите откланяться. Празднование совсем скоро, там и свидимся.

Резко развернувшись на скользком от недавнего мытья дощатом полу, Алагар сделал шаг за порог и захлопнул за собой дверь. Когда она отворилась по инерции, поскольку гость закрыл ее весьма небрежно, Алагара снаружи уже не было. А Гуверу было невтерпеж посетить сельскую вечеринку.

Петли скрипнули, дверь подалась и медленно, со скрежетом приотворилась. В полумрак хижины шагнул высокий и худощавый, точно жердь, человек в темном плаще. Танриль открыла глаза и приподнялась с койки. Сколько ей довелось пролежать в этой хижине, она понятия не имела. Время от времени в полубреду она видела зеленое лицо молодой хаглорианки, покрытое татуировками из белил. Очевидно, она была лекаршей — делала ослабленной жаром чародейке травяные компрессы, вливала ей в рот целебную настойку. От компрессов Танриль то и дело проваливалась в забытье. Ей казалось, рядом с собой последние несколько дней она видела свою любимую ученицу — юную Кэлрен. Та сидела подле целительницы Карательного Отряда и вроде как говорила с ней обо всем, тихо напевала убаюкивающие песни. Возможно, это был лишь сон в лихорадочном бреду, но образ близкой подруги, достойной унаследовать секреты ремесла магички-врачевательницы, сводил на нет тревожность Танрили, создавая впечатление, что лежит она в безопасном месте. Может статься, впечатление иллюзорное. Человек щелкнул пальцами, и свечная лампа на комодe загорелась, язык пламени всколыхнулся, рубиново-красные глаза до боли знакомого посетителя и волосы того же цвета.

— Так и не научился стучаться? — Танриль тепло улыбнулась, — Алагар... значит, ты мне не привиделся там, в крепости.

Наставник Уравнителей опустил на табурет и взгляделся в лицо своей давней знакомой. Все те же немного резкие, но все же изящные черты бледного лица, волосы так же темны, словно перья ворона, несмотря на то, сколько эта кудесница успела прожить. Одним из плюсов магического умения в поразительной способности обладающих им сохраняться десятилетиями точно слиткам золота, коим нипочем время. Безусловно, все зависело от мастерства, и вековать подобно Йоши-Року мог себе позволить далеко не каждый, практикующий волшбу.

— Нет, — Алагар наклонился к ней, сложив руки на груди, — многих это огорчает, но я

вполне реален.

Танриль немного потянулась и с вялой интонацией произнесла:

— Знаешь, а мне бы хотелось, чтобы все это оказалось страшным сном. Очнуться снова в Хаглоре, в доме мастера, юной девой, пойти готовить вам с Варзхелом завтрак, пока вы отрабатываете боевые заклятия друг на дружке, — женщина усмехнулась в приступе ностальгии, — только не хочу просыпаться сейчас. Побывать бы с тобой хотя бы с час после полувековой разлуки.

— Много воды с тех пор утекло, Танриль. Мир изменился, люди вокруг — тоже, да что там — я стал совсем другим человеком. Того испуганного парнишки, что дезертировал с поля боя и, скрываясь от погони, очутился в дебрях Лайнур-Арая, а затем — в Хаглоре, уже нет. И ты уже другая.

Облизнув губы, целительница заглянула в глаза бывшему собрату по обучению.

— Но кое-что внутри меня осталось прежним. Смею надеяться, и ты тоже переменялся... не до конца.

Немного помолчав, Алагар, игнорируя намеки старой боевой подружки, заговорил:

— А ты, как я слышал, штопаешь, латаешь защитников Союза. Цепных псов Ганрайского Демона.

— Таков мой долг — спасти других от смерти и увечий, — уклончиво ответила она, и продолжила, подражая манере собеседника, — а ты, как я слышала, поднимаешь смуту, саботируешь подчинение королю. Собираешь недовольных вокруг себя.

— Кто-то должен делать это, Танриль. Когда один перестает молчать, другие, лицезревшие, просыпаются. Их воля к жизни пробуждается. К жизни, не к рабскому существованию! Чтобы пошли круги по воде, нужно бросить всего один камешек. Я же брошу глыбу, что разобьет вдребезги узы, связывающие холопов и их господ, да поднимет не круги на водной глади, а такой шторм, что не удержится ни король, ни его подручные, грабящие честной народ.

Танриль опустила глаза к полу и сокрушенно покачала головой. Если в других от праведного гнева Алагара загорался огонь в глазах, в ее душе лишь разверзлась пустота, дыра, словно от нее оторвали часть тела. Близкого друга, человека, к которому она всю жизнь была равнодушно, уже нет. Словно бы перед ней сидел незнакомец. Но перерождение Алагара не могло убить чувств Танрили. Лебединая верность — так бы это описал Ревриан Гувер. Качество, от которого ей давно хотелось избавиться. Оно отравляло ее жизнь. Точнее, не оно, а мысли об Алагаре, никак не покидавшие ее измотанный с десятилетиями разум.

— А ты людей спросил? Им этот шторм нужен так же, как и тебе? Или же ты видишь лишь то, что хочешь видеть, а твои... соратники лишь хотят возместить свои обиды держателям власти. Если ты поднимешь восстания, прольются реки крови невинных людей. Тех самых, о здоровье и благополучии которых я поклялась печься до конца жизни. Они просто живут, не задумываясь об угнетении или неравенстве. Услышь тебя сейчас крестьяне или же солдаты короля — посчитали бы обманщиком или полоумным.

Танриль слегка покривила душой. Многие люди, не обладавшие даром к сопротивлению магической энергетики, ломались под напором всешибающей воли красноволосого мага, своими речами и поступками превращавшего мирных обывателей в разъяренных искателей справедливости. Разъяренных не менее, чем он.

— Если в некоторых братьях и сестрах настолько слаба воля, что их устраивает жизнь

под сапогом — так пусть лучше уйдут в землю. Они уже мертвы, Танриль. Смерть оболочки будет лишь благословением для таких людей. Мир сам по себе динамичен, он точно глина, так и ждет, что мы из него слепим. Те же, кто отказывается его менять, представляют собой лишь пережиток прошлого. А прошлому не место в мире, который мы строим.

Танриль поднялась и прошагала к окну, вглядываясь в сельскую тропинку. Алагар тоже встал и, облокотившись к стене, наблюдал за каждым движением гостьи земель, что он объявил своим протекторатом.

— Насилие может быть оправдано лишь в борьбе со злом, Алагар. Ты же хочешь перекроить мир по своему усмотрению и готов ради этого оставить за собой горы трупов. Разве этому учил нас мастер Йоши? — жестом руки она попросила Алагара молчать и продолжила, — ты можешь считать, что именно со злом ты борешься. Но взгляни правде в глаза! Союз существует больше полутора тысяч лет. За все это время десятки поколений отжили свой век, не считая себя обделенными, несчастными. Да, может, жизнь не всегда справедливо, и в нашей стране люди неравны. Но мы живы. Есть порядок. А ты оставишь после себя одни развалины и прах. Разве кому-нибудь нужно ТАКОЕ равенство и братство?

— Ты не поймешь, Танриль, — вздохнул Алагар, сжав кулак и тут же в безвольном жесте расслабив кисть, — кому как не тебе, наблюдавшей десятилетиями за бедностью, нищетой и преступностью в Ганрае, понимать, что власти нет дела до народа. Как и Карателям, что лишь запугивают людей, подавляя их волю. Ломая их. Ты слишком мягкосердечна, чтобы продаться этим королевским крысам, твое сердце болит за несчастья человеческого рода, я уверен. Но ты, как и наш мастер, как и благородные мужи навроде Керриса Галарта, мастера Агриппы, ты погрязла в своем малодушии. Стерпится, слюбится, еще потерпим гнет недоноска из династии Акреилов. Вы боитесь брать на себя ответственность. Я вас не виню. Достаточно и одного, кто не побоится ее взвалить на свои плечи. А братья с сестрами подхватят.

Возможно, Алагару показалось, но когда из оконца упал луч света, осветив пол-лица целительницы, ее глаза выглядели весьма влажными, затем предательские слезы покатались, оросив выраженные скулы Танрили. Она их быстро утерла белым рукавом ночной вышиванки, любезно одолженной ей одною из селянок.

— Ты много на себя берешь, — приглушенным голосом, стараясь не выдать еле сдерживаемые всхлипы, проговорила она, — и играешь с огнем. Ты будишь страшную силу, Алагар. Надеешься, что знаешь, как ей управлять, но никто не сумеет управиться с такой чудовищной бедой, как безумие взбунтовавшейся толпы, распаленной толковым оратором вроде тебя.

— Мать твою за ногу, — выругался маг, забыв о привычной для себя солидности, — продолжать разговор нет смысла. Кто я такой, чтобы посягать на твое мнение?

— Я никогда не была равнодушна к тебе, — развернулась к нему лицом Танриль, — ты прекрасно это знаешь. Я клялась тебе в любви, обещала разделять твой путь, что бы ни случилось. Прости меня. Видят боги, я не сумею его сдержать никогда. Твоя дорога была чуждой мне еще тогда, когда ты отправился в Азрог с Варзхелом искать суть темной силы. Сейчас же ты не менее опасен. Я не могу стать изменницей. Даже ради тебя.

Алагар плотно сомкнул губы и задумчиво кивнул несколько раз.

— Ясно.

Затем он ухватился за дверную ручку, сделал шаг за порог. Вдруг обернулся:

— Танриль! В знак победы над общим врагом в Кристале ближе к вечеру состоится

празднество. Фестиваль. Я был бы очень рад, если бы ты...

— Приду, — обнажив идеальный ряд белоснежных зубов, что для женщины из средних и низших сословий было противоестественно, Танриль улыбнулась, — можешь не сомневаться.

Алагар снова кивнул и затворил за собой дверь. На душе магу было легко. Общество Танрили по его разумению походило на теплый костер, у которого можно отогреться после суровых морозов, побывать в которых заставит жизнь. Однако разговор этот оставил неприятный осадок на его душе. Это был один из тех редких случаев, когда Алагар чувствовал себя проигравшим в споре.

Братство Уравнителей не поскупилось на организацию веселий. Ревриан Гувер это заметил еще с самого начала своей прогулки к центру селения. Писатель надеялся найти себе занятие, может, познакомиться с кем из местных. Да и голод утолить, по дороге он нашел плетеную корзину с нежными поджаристыми булочками и графин с водой на блюде, небрежно оставленном на веранде у обветшалой хибары, но решил, что будет неучтиво с его стороны поесть без спроса чужие припасы. Ревриан шел спокойным и размеренным шагом. Оглядываясь по сторонам, он заметил, что у девяти из десяти попадавшихся на глаза крестальцев были изрядно счастливые лица, так что их общая радость быстро передалась Гуверу, наделив его приподнятым расположением духа. Торговцы весело зазывали проходящих мимо, старик, который торговал капустой, даже пытался жонглировать несколькими массивными кочанами, чтобы завлечь местных зевак в свою лавку. Арстель, наблюдая, как ловко управляется пожилой человек с тремя здоровенными капустными головами, невольно задумался — а сможет ли он в таком преклонном возрасте быть таким же сильным и сноровистым. Ему уже перевалило за полвека, значит, это время не за горами. Пройдя ближе к центральной площади, он вышел в сердце всеобщего торжества. Полукругом были обставлены столы, на которых уже стояли угощение и, судя по табличке, висевшей у начала этого ряда, любой мог взять со стола различные кушанья в том объеме, в каком пожелает. Бродячие музыканты, сгрудившись у входа в ратушу, наигрывали какую-то лихую веселую мелодию, под которую некоторые жители Крестала, которые, разумеется, не стеснялись, уже пританцовывали, как могли. Алагара нигде не было видно. Гувер заметил Хельда, который стоял у разливного бочонка эля с кружкой в руке и наливал себе одну за другой. Судя по его виду, отказывать себе в употреблении спиртного в этот день он не собирался. Ревриан едва удержался от хохота — хозяин трактира, владеющий бездонными припасами выпивки, хлещет ведрами не свое пойло. Гувер отрезал себе кусок какого-то сырного пирога и уже решился есть его стоя, так как почти все места на скамьях были уже заняты. Голодный Гувер умял угощение в один присест, сел на булыжник у неровного ряда столов и достал из-за спины банджо. Вскоре он впал в некое подобие транса, наблюдая, как люди жмут друг другу руки, улыбаются, заводят знакомства или же предаются беззаботным весельям, глуша выпивкой голос рассудка. Отдавшись музыке, он не сразу расслышал до боли знакомый сиповатый голос из-за спины.

— Так и не научился попадать в ноты? — на этих двух словах мелодия оборвалась, Ревриан вскочил, и глаза его округлились, но все же писатель взял себя в руки.

Не виделись они более тридцати лет. И вот он — старший брат перед ним. Сердце Гувера сжалось. Он помнил Глоддрика еще сорванцом, пареньком, который едва разменял второй десяток, излучавший молодость и жизнелюбие. Этот выдавший виды мужчина в

темной одежде, защищенный панцирем из стальных пластин — вряд ли в нем осталась хотя бы десятая часть того человека, о котором Ревриан против своей воли вспоминал день ото дня. Большой брат, с которым его развела судьба. Лицо его было изуродовано рубцами от глубоких разрезов. Одного глаза не было — прикрыт темной повязкой. Руки огрубели, морщинистые кисти, узловатые пальцы, что не раз были сломаны, а чужих костей переломали — в десятки раз больше. Белые волосы, точно иглы дикобраза, торчавшие в разные стороны. И дьявольское алое око, единственное оставшееся со времен Северной Войны. Его сухопарое и острое лицо уже приняло на себя первые удары возраста, на нем начали вырисовываться морщины. А рот кривился в саркастической ухмылке, так мог ухмыляться лишь тот, кто потерял искреннюю вовлеченность к простой человеческой жизни.

— Брат? — Гувер протянул руку, которую Глоддрик сдвинул своим стальным хватом, обниматься братья не стали, — я гляжу, ты поднялся. Командор Карательного Отряда. Да, многое я о тебе слышал.

— Дай угадаю, — хриплым голосом Глоддрик хмыкнул, — какой я хороший парень?

— Смотря в каком контексте, — рассмеялся Ревриан, — хотя жители Сухих Колодцев бы не согласились. В отличие от моих читателей. Они тебя боготворят! Видимо, даже не общаясь с тобой, я хорошо передал твой образ из времен Северной Войны. Возможно, ты мог бы продолжить мою задумку, как соавтор нового...

— Избавь, — отмахнулся Глоддрик, — я владею пером не лучше, чем ты — мечом. Расскажи, как живется в Силгоре.

Гувер окунулся в рассказ о начинаниях своей молодости, как подрабатывал на стройке, в каменоломнях при столице, прислугой в богатых домах, писарем — в городских библиотеках. Как ему пришла в голову идея красть листы тростниковой бумаги, затем — измарывать их своими письменами, превращая в никому не нужные черновики. С того и начался путь бездарного во всех начинаниях человека, упускающего свою молодость, к вершине известности и достатку. Глоддрик усадил брата за стол с Шибуйи и Гуаррахом. Радости давних знакомых не было предела, они поняли — каждый из них нашел в этом мире свое место. Двое — бритоголовый Шибуйи в соломенной шляпе и патлатый Гуаррах с перебинтованными руками — мастера Храма Мечей, Ганрайский Демон — его и так весь Союз знает и боится, а Гувер был из тех людей, словам которого люди хотели внимать. Ревриан снова ощутил горечь утраты тех давних времен, когда он был еще сорванцом, а эти матерые мужи — совсем юнцами, как они хаживали в пригород и веселились с девчонками из лапшичной — Ариксой и Сенреттой. Ревриан справился у друзей о здоровье Ариксы, но никто из них больше трех десятилетий не видел лапшичницу. Глоддрику до нее не было дела, как и Стражам, которые даже не ведали, жива ли она. Ревриан в свою очередь поведал о Сенретте, которая в свои шестьдесят лет до сих пор заправляет в Силгоре знатной пошивной, куда заходят иной раз и дворяне за заказным камзолом. В основном говорил Ревриан, Шибуйи и Гуаррах же увлеченно слушали и задавали писателю вопросы, делились новостями. Глоддрик же молча, немного приподняв уголок рта в полуулыбке, наблюдал за своим братом, пытаясь понять, что за человек вырос из того мальчишки, что так любил пропадать на чердаке с книгой в руках и свечой под боком. Ревриана восхищало то, как брат отдавался с головой своему делу — очищению Союза от скверны. Принес прежнего себя в жертву, став монстром во плоти, обуреваемым жадной кромсания плоти. Отказался от собственных желаний на благо Союза, став инструментом для выстраивания благополучного будущего

своей страны. Ревриан был до конца уверен, что ему не хватило бы мужества и сил на такое самоотрешение. Глоддрика же поражало то, как его брат, лишь живописуя словами, заставлял петь сердца сотен людей по всему Союзу. Как он возрождал интерес к прошлому и любовь к отечеству даже в уличных пропойцах, столь далеких от истории Союза. Глоддрик никогда не отличался такой живостью ума, он был специалистом в боевой технике, тактике сражений, перечитав уйму свитков из библиотеки Гилеарда, он был сведущ в истории, проштудировав тысячи страниц сухих хроник, знал и о верованиях жителей Ранкора, осилив Книгу Трех Миров. Но ему никогда не хватило бы ни воображения, ни порыва души к творчеству, чтобы перенести свой внутренний мир на бумагу и сделать его частью среды внешней. Глоддрик сомневался, что его внутренний мир вообще существовал. Так и сидели братья в компании старых друзей, ни в чем не похожие, но с интересом изучающие друг друга.

— Кого я вижу, чтоб мне околеть, — просипел Краух Гримбла, показав неровный ряд гнилых зубов, многих из которых недоставало, — сильно тебя жизнь потрепала, красавчик. Я бы хотел выразить радость от встречи со старым товарищем по оружию. Вот только в последний раз бились мы по разные стороны баррикад. В девяносто третьем, кажись? Когда Грора Объединителя ты любезно свалил, а нас добивала армия Союза.

Обращался он к Глоддрику. Ганрайский Демон поднялся и вперил единственный глаз в выцветшие очи пожилого северянина. Воин Севера по привычке прищурился, отчего его веки, и так морщинистые, казались испещренными складками, точно у глубокого старца. Хотя оба они давно расстались с молодостью, обоим вот-вот стукнет по шестьдесят, в Глоддрике оставалось куда больше прыти, движения его были почти так же резки и сноровисты, как в юные годы. Гримбла же утратил свою расторопность, давали знать старые раны, ноющая поясница, что заставляло его то и дело обвязываться поясом из овечьей шерсти. Он сутулился куда чаще, чем Глоддрик, и двигался не в пример медлительнее. Однако огонь ярости угасать в его очах не собирался, как и в душе Глоддрика.

— Мы и сейчас по разные стороны баррикад. Но я не сражаться пришел, — ровным тоном ответил Глоддрик, жестом приглашая Гримблу присесть.

— Здорово, Гримбла, — помахал рукой мастер-Страж Шибуи, — не забыл меня? Я немного прибавил в возрасте, правда. Гуарраха ты, наверное, не знаешь.

— Перекинемся в картишки? — предложил Гуаррах, — как раз и познакомимся. Говорят, азартные игры многое могут поведать о человеке.

— Это ты зря предложил, — рассмеялся Шибуи, — Забыл, как в молодости Глоддрик колоды месить умел? Да он нас без штанов оставит в разгар праздника!

— Ага, счас! — крикнул Краух Гримбла, — я, кажись, поднаторел в этом искусстве. Как бы ему без своей повязки не остаться.

Это был один из тех редких случаев, когда Глоддрик улыбался искренне.

— Вызов принят. Ревриан, тасуй колоду!

Вскоре подоспел костяк Карательного Отряда — Канда, Энмола, Эдрагил Драконобой, лишь Норберт Гартахол счел лишним явиться. Шибуи сразу передал извинения мастера Агриппы за то, что старый наставник Стражей не в состоянии разделить радость победы над нашествием слуг Заргула, однако старец настоял на передаче его поздравлений и пожеланий благополучия.

Крестальцы уже давно заполонили столы, держась особняком от гостей, ожидая всеобщих веселий лучше возможности для знакомства не сыщешь. Но время от времени

жители селения косились на вновь прибывших. Библиотекарь Клуатак спустя несколько минут пустился в долгую беседу с Реврианом Гувером, обсуждая с ним литературные достоинства переводов старинных преданий Хаглоры. Мурвак прихлебывал самогон, через минуту сплевывая на землю и охаявая качество вина, угощений, мол, лучше постараться не могли, есть надежда, что пришедшим дармоедам достанутся эти отбросы. Карен, как она любила, болтала с Харалом Глыбой. Молодняк, точнее, отроки — сестра Харала Глыбы — семнадцатилетняя Наяра болтала с Сангельсом, который успел положить глаз на деревенскую простушку и заодно вырваться из-под надзора сестры. Канария, служительница местной церкви, спорила с Шаабаном о том, как можно трактовать одну из спорных глав Книги Трех Миров. Шая-Кишра хлопотала над лесными травами, заваривая чай в таком виде, к которому она привыкла в свои детские годы — в Хаглоре. Пока еще не перебралась в Союзные земли. Разливая экзотический напиток по чаркам, она не обидела и гостей, которые высадили его за несколько минут, лишь Глоддрик оставил чашку нетронутой, с отсутствующим видом изучая ее, словно пытался понять, есть ли смысл в том, чтобы пить чай или вообще пить, поддерживая в себе жизнь. Затем он плеснул самогон из фляги в чарку и опрокинул ее залпом. Люди Алагара вскоре вступили в оживленную беседу с подчиненными Глоддрика, с увлечением вспоминая ход минувшей еще совсем недавно битвы. Лишь Йору-Клиа стоял где-то в сторонке и напевал едва слышимые молитвы духам леса. Эрлинггай окончательно примирился с братом, закрепив это брудершафтом. Кэлрен мило щебетала с Клажиром, который перекрывал ее попытки что-то сказать другу своими нескончаемыми рассказами обо всем и ни о чем. Хельд никак не мог нахлебаться спиртного, перейдя от эля к браге, заодно рассказывая односельчанам о новых рецептах жаркого, придуманных им лично и обещанных появиться в ближайшем времени в меню.

— Я грю вам... — полупьяным голосом лепетал он, — йык! Лапки лягушки... Смочить слюной, то есть... спермой! Блядь! Соусом... по херу... короче... в бульон ее и сыпать пшеницу... с корнями да из земли-матушки... с землицею... соли пуд туды... на огонь и хлебать кипяченым варево... да... еще туда должен поссать баран... так лучше усваивается... пища...

На этих словах Хельд на время отключился, распластавшись по столу, окунувшись лицом в миску кислых щей, словно это была подушка. Видать, последняя бутылка браги была лишней. Юную Наяру едва не стошнило от новшеств Хельда, она всеми силами божилась, что в «Желудке Дракона» ноги ее не будет.

Арстель вовремя заявился на пиршество. Веселья еще не начались, но площадь уже была забита до отказа собравшимся народом. Увидев храпящего Хельда, тонущего в дымящемся супе, он, снисходительно улыбнувшись, покачал головой, дескать, не хочет треклятый флорскел меняться. Не успел сапожник пройти несколько столов, как его окликнули.

— Эй, парень! — окликнул его чей-то знакомый голос, — давай-ка садись к нам, негоже одному бродить в такой великий день.

Эрлинггай поднял руку в приветственном жесте и указал на свободное место перед собой рядом с могучим северянином воинственного вида, которого Арстель запомнил еще во время битвы у Гилеарда. Арстель осторожно присел рядом, покосившись на бородатого мужчину. У него за спиной висел боевой молот, у Эрлинггай он заметил меч на поясе, а у энросца, Шойрила, который препроводил их в лагерь Алагара, казалось, в прошлой жизни, лук и колчан со стрелами были все так же на месте.

— Вы при оружии? — изумился Арстель, — но зачем? Мирный день ведь сегодня.

— Разве похоже, что мы кого-то убивать собрались? — хмыкнул Марвол Черный Лев.

— Нет, но... Я не думаю, что это правда...

— День и правда мирный, — согласился Эрлинггай, — но случиться может всякое. Мы, как воины, обязаны быть готовыми защитить в любой момент как себя, так и тех, за кого мы в ответе. В конце концов, никто не может точно знать, где сейчас находится его враг и не перед носом ли он ходит где-то.

— Предупреждён — значит вооружен, — воздел палец кверху Драконобой, — навроде я видал тебя после битвы, хотя имени не припомню. Эрлинггаю виднее, первый меч Союза здесь уже не первый день ночует, — от сапожника не укрылась издевка в упоминании почетного звания великого фехтовальщика.

— Попадался ты мне на глаза, — сказал Кандал, — в обществе этого полоумного флорскела. Правда, имя твоё не упомяну. Кандал я.

— Рад знакомству! — он проигнорировал оскорбительное замечание в адрес своего друга, — Арстелем меня звать.

— Знаешь, Арстель, каких людей только не бывает, — фыркнула Энмола, — вон тот вьюноша, — она мотнула подбородком в сторону Клажира, — у него не рот, а фонтан — не заткнешь, ей-богу! Когда я повстречалась с ним в селе Козьи Загоны, я думала, что голова моя взорвется от его словесного поноса. С тобой, таким скромнягой, насколько я о тебе наслышана, вроде, попроще.

— Надеюсь, — рассмеялся Эрлинггай, — если не секрет, слухи ведь не врут? Под той деревней вправду прорыты катакомбы, где зарыт труп...

— Да, — ответил Глоддрик, придвинувшись к столу, за которым сидела очень большая компания, — был зарыт. Ублюдка оживили.

Арстель не сразу нашелся с ответом. Одно то, что ему ответил сам Ганрайский Демон вызвало у него дрожь в коленях, благо, он сидел на прочной скамье. Вот тебе и тихая, спокойная жизнь — то Алагар у них поселился, затем сам Эрлинггай из рода Акрейлов к ним приходил, то Архимаг Йоши-Року нарисовывался, а теперь и Глоддрик Харлауд тут как тут!

— Это же Глоддрик! — воскликнула из-за соседнего стола Наяра, — герой Северной Войны! Эрлинггай? С ума сойти. Я читала о ваших подвигах, о том, как вы остановили наступление северного короля, прозванного Свободолюбцем, взяв на себя командование, искренне признаюсь, я восхищена вами.

Глоддрик поморщился, но промолчал. Помимо раздражения его охватило чувство совсем иное — горечь. Растет поколение, которое войну не пережило на своей шкуре, не знает, что в том, как люди массово убивают друг друга из-за одного изменника, возомнившего себя вправе нарушить обязательства перед Союзом, нет ничего прекрасного. Эти новые люди, не смотревшие смерти в лицо, вполне могут повторить ошибки своих предков, когда такие, как Глоддрик, Гримбла или Эрлинггай уйдут.

— Да, пожалуй, восхищаться особо нечем, — отмахнулся Эрлинггай, — по воле случая командование перешло ко мне, а когда я уже привел подкрепление к стенам Вархула, где люди три недели сопротивлялись натиску северян, враг был хорошо измотан. Я просто завершил дело настоящих героев, что пожертвовали своими жизнями. На следующее утро все узнали, что король убит вследствие удачно проделанного покушения, — он подмигнул Глоддрику, — и мы загнали растерявшихся захватчиков восвояси. Я просто делал свое дело.

— Всё же, то, что вы делали на войне, было проявлением настоящего мужества. А то, что говорят о вашем искусстве владеть мечом — эх, в детстве я мечтал научиться так же, —

это говорил Сангельс.

— Долгие годы тренировок и боевой опыт, ничего сверхъестественного. Если хочешь быть лучшим в чём-то, посвящай этому всё свое время. Легендами ведь не рождаются, — он игриво подмигнул мальчишке.

— И наш наставник с чего-то начинал, — сказал Шойрил, поправив колчан за спиной.

— К вашему «наставнику» у меня есть разговор, — ядовито оскалив зубы, прошипел Глодрик.

Ворота ратуши отворились спустя секунду и к площади вышел Алагар, за ним — принцесса Айрил со своим братом и Йоши-Року. Арстель снова оглядел сынов Эанрила Третьего. Его дочь светилась от восторга, глаза ее разбегались при виде деревенских огней, простых и незатейливых угощений на столах, множества столь разных людей, собравшихся в одном месте. Слагер же, напротив, реагировал на обстановку точно упырь из народных страшилок, которого воротило от солнечных лучей. Слагер с нескрываемым презрением рассматривал своих будущих подданных, точно оглядывал рой насекомых, которых у него нога так и чешется раздавить всмятку.

Алагар вышел вперед, пригладил стоячие волосы, отливающие огненным светом, воздел руки кверху и громогласно объявил:

— Братья и сестры! Сегодняшний день поистине можно назвать счастливым. Мы оплакали погибших, зализали раны и вынесли ценный урок из нашего противостояния с нечестивцами, осмелившимися посягнуть на мир, созданный Араем Илгериасом, — Арстелю, возможно, показалось, но он был готов биться об заклад что на этих словах Алагара он по губам Архимага из Хаглары прочитал имя богини природы — Анлариэли, — мы преподали урок не только им, но и себе. Вместе мы — сила! Мы — едины! Потому и непобедимы. Неважно, откуда мы, из Ганрая, Аргои, Крестала, Гилеарда, Карательного Отряда.

— Или из трактира «Желудок Дракона»! — выкрикнул Хельд.

— Или оттуда, — с улыбкой кивнул Алагар под смешливый гул, — мы топчем одну землю, дышим тем же воздухом, купаемся теми же лучами солнца и едим ту же еду! Так почему бы нам не биться с одним и тем же злом? — все понимали, что в эту категорию он вносил отнюдь не одного Заргула и его аколитов, — предлагаю забыть о распрях и задуматься об общих интересах, а еще лучше — о будущем! Ну, а если это сложно оставить насовсем — так забудем о дрязгах хотя бы на один день. Насладимся пиршеством. Мира и счастья вам, братья и сестры!

— Предлагаю насладиться празднованием славной победы честного народа Союза вдоволь. Ведь мы имеем на это полное право, — провозгласила Айрил, не заметив, что при упоминании о «народе Союза» Алагар жеманно скривился.

— Да начнутся веселья, — закончил эту речь ее брат Слагер так, что последнее слово он чуть ли не выплюнул с отвращением, словно кость, застрявшую в горле.

— Уважаемые барды, — крикнул Йоши-Року захавшим в Крестал бродячим менестрелям, — давайте-ка сыграйте что поживее. Танцуют все, давайте, господа, не будем тянуть! Я б тоже что сплясал, да вот только я старше вас всех вместе взятых, так что пожалею свои старые кости.

Под ровный смех присутствующих маг уселся на скамью, что в большом количестве стояли по краям площади, достал флейту и задумчиво крутить ее в своих тонких и морщинистых руках. Принимать участие в этих весельях ему не хотелось, а вот наблюдать

старому хаглорианцу приходилось по душе. Смотря на то, как радуются жизни эти простые и не очень люди, он мысленно возвращался к собственной молодости, когда он, семь сотен с лишним лет назад, сам был непрочь порезвиться с милovidными хаглорианками.

— Они счастливы, Анлариэль, — прошептал Йоши-Року, поднося флейту к губам и набирая воздух в изношенные легкие, — и благодарить за их счастье следует в первую очередь тебя. И Алагара, конечно. Ну и меня, чего уж там!

Под мелодию оркестра пирующие пустились во всевозможные пляски. Некоторые двигались в парах, прискакивая в такт заводной мелодии, другие танцевали в одиночку. Эрлингай подхватил травницу Шаю, которая разносила блюда, и закружил ее в лихой пляске. Клажир вскочил на стол и давай напевать частушки, на которые у порядочных дам Аргойской знати обморок был бы естественной реакцией. Отбивая подошвой ритм, немного отрезвевший парень вопил, безбожно фальшивя.

Следующую песню завести ему не дал Глодрик, опрокинувший стол вместе с Клажиром пинком ноги.

Хельд бросил кружку сам не ведая куда и пустился вприсядку.

— Вот так! — вскрикнул он, — чтоб я сдох, играйте громче!

В своем танце флорскел задира л ноги выше, чем это делали ученики Стражей на тренировках, даже Шибуй и Гуаррах, танцуя с местными дамами, побаивались, как бы пьяный флорскел ненароком кого не пришиб. Арстель собирался пригласить на танец верную подругу — Карен, но его опередил Гувер, писатель ухватил селянку за талию и, не успела она и слова вымолвить, пустился с ней в дикий пляс.

— К демонам! — хлопнул по столу Кандал, вскакивая на ноги, — иногда нужно переступать через себя.

Северянин рванул в ряды танцующих и давай отплясывать некое подобие джиги, отбивая стройный ритм по каменной плитке, следуя относительно ровной игре волынки и лютни. Вскоре они с Хельдом выбились в центр площади, на них же глазели танцующие, дружелюбно посмеиваясь.

— А верзила наш еще хоть куда! — утирая слезы и переводя дыхание, выпалил Ревиян Гувер.

— Да и Хельд наш тот еще красавчик, — прыснула Шая-Кишра.

Хельд и Кандал кружились в своем лихом танце, отстукивая ногами безупречный ритм. Вконец вымотавшись, они крепко пожали друг другу руки.

— Молодцом! — крикнул Кандал.

— Как и ты, длинный! — сказал Хельд и отправился за новой порцией выпивки.

Айрил уже во всю прыть плясала с Клажиром, который в вихре лихого танца умудрился задать принцессе тысячу и один вопрос на предмет ее жизни в Силгоре. Впрочем, Айрил охотно делилась всем тем, что она успевала вставить в бесперебойный стрекот Клажира. Кэлрен отнюдь не возражала, чтобы ее друг разделял веселье с другими особами женского пола, алчная ревность была чужда этой тихой и скромной девчушке. Слагер отсиживался на скамье близ ратуши, с озлобленной миной оглядывая простонародье. Сам того не зная, он лишь завидовал чужому веселью. Алагар и Танриль притулились у стен ратуши вдалеке, обсуждая что-то не предназначенное для чужих ушей.

Арстель не танцевал, с видом удовлетворенного наблюдателя он потягивал пиво и всматривался в счастливые лица знакомых и не слишком людей. Вдруг сзади к нему прильнуло что-то теплое и очень даже упругое. Об его спину терлись ланиты Юкиары.

Девушка же, дружески приобняв сапожника, опустила подбородок ему на плечо. Наигранно раздосадованным тоном она заговорила:

— А чего мы скучаем? Без меня никак?

— Ты все правильно поняла, Юки, — Арстель обернулся к ней.

Сказать, что она выглядела великолепно, по крайней мере в глазах Арстеля, — ничего не сказать. Оделась девушка в тунику легкого пошива, открывающую ее плечи и изящные руки, бедра ганраянки были оголены более, чем наполовину. Тунику она шила сама долгими ночами из старых штор, которые выбросил Хельд. Глубокий вырез приоткрывал обзор на ее выразительные груди не более, чем следовало для прилива мужской крови в нужное место. Словно приоткрытая дверь в сокровищницу, что намеками предлагает кладоискателю войти, стоит лишь приложить усилие, дабы протолкнуть неподатливую дверь. Это было неслучайно, девушки этих строгих и предрассудочных времен редко так одевались, если не хотели произвести на кого-то впечатление.

— Не хочешь пригласить леди на танец? — кокетливо прищурилась Юкиара, — мой братец злостно кинул меня, кажись, новая подруга занимает мысли его куда больше, чем сестрица.

Сангельс что было мочи кружил Няяру в дикой пляске, время от времени задевая селян.

— Чурбан неотесанный, вначале двигаться научись складно! — вспыхнул Мурвак, — и как ты свою партнершу не убил еще, как бычара в посудной лавке.

— Будет тебе, Мурвак, — отозвался старый Ропхиан, перемалывавший на сей раз просяную кашу вместо зерна, — молодость создана для бурных порывов. Забыл, как сам носился по селу как угорелый, едва петухи вскрикивали поутру?

Арстель отвлекся от созерцания провинциальной идилии и встретился взглядом с карими глазами Юкиары, в которых сверкали блики от факелов, расставленных вокруг площади. Все же она была прекрасна, несмотря на пожизненную отметину от ожога — прощальный подарок нищей и бездомной жизни на улицах Вархула, полной страха, унижений и голода. Смотрела она на него критично и с толикой иронии, словно оценивала издалека, сможет ли она обуздать его точно дикого мустанга. При этом ей втайне хотелось, чтобы кто-то осмелился объездить ее. Несмотря на стремление Юкиары занять ведущую роль, она неосознанно давала Арстелю понять, что ей недоставало чувственных наслаждений. Человек вроде Юкиары мог запросто сойтись хоть с подземным демоном, дружить со всей братией Уравнителей, вся округа Крестала тянулась к этой девушке, точно ветви деревьев — к солнечным лучам. В ироничном взгляде девушки не было ни насмешки, ни презрения. Лишь привычная развязность, воспитанная улицей. Да и в этом самоуверенном взгляде ее тлело благоговение перед предметом воздыхания, какой она, неожиданно для себя, обнаружила в деревенском сапожнике.

— Леди Юкиара, — Арстель отвесил ей церемонный поклон, не удержавшись от лукавой улыбки, — позвольте пригласить вас на танец.

Она эротично облизнула губы, рассчитывая на большее, чем единение в порыве движения, взяла парня за руку и воскликнула, растянувшись в улыбке до ушей:

— Почтенный Арстель, я вся в вашем распоряжении!

Взяв ее под локоть, как подобает галантному кавалеру обращаться с благородной дамой, он повел ее к танцевальной площадке. Они не обращали внимания на то, как бедно одеты, на то, что рядом с ними Хельд выделывает свои дикие танцы вполуприсяде, им предстояло совершить свой собственный танец, в котором было место только для двоих. Едва они

вышли, барды затихли и вдруг из их импровизированных инструментов полилась еще более бодрая музыка, даже лихая. Люди устали, многие уже вернулись к столам, тогда как танцевать остались те, кто был помоложе — Гранаш с Карен, Канария с Шаабаном, Шая-Кишра с неуклюжим Харалом Глыбой, Клажир с Кэлрен, теперь и Арстель с Юкиарой Хельд, который устал танцевать в гордом одиночестве, смачно сплюнул желчью и уселся за стол, пожирая все съедобное, что попадалось ему под руку. Танриль многозначительно взглянула на Алагара, но он отрицательно покачал головой, желая сохранить серьезность. Танриль недовольно дернула его за рукав. Спустя миг другой маг рванул подругу на себя и вскружил ее в бурной пляске, вызвав тем самым одобрительный гул и свист членов Братства Уравнителей.

Арстель с Юкиарой отнюдь не сразу стали попадать в ритм, в отсутствии практики сапожник давно разучился участвовать в таких подвижных весельях. Он то задевал локтем или плечом соседа, то терял равновесие, благо, Юкиара удерживала его на удивление крепкой для хрупкой девицы хваткой. Приятельница сапожника не показала ни грамма раздражения от неумелости своего партнера. Она лишь искренне и весьма заразительно хохотала, невольно заставив и Арстеля тихо посмеиваться. Они оба вспотели, скача, кружась и отбивая маршеподобную мелодию в такт наигрываемым мотивам. Из Арстеля едва не вышли остатки воздуха, он еле успевал отдышаться, пока озорная и прыткая девчонка никак не могла уняться. Под конец они, взмокшие, покрасневшие, хихикая, глядели друг другу в глаза, когда музыка смолкла, все так же держась за руки.

— Ух! — присвистнула Юкиара, вытирая лоб тыльной стороной ладони и поправляя непокорную челку, — это было нечто!

Йоши-Року тем временем наслаждался видом происходящего, а поглядывая в сторону сапожника и бывшей воспитанницы Стражей, ему в голову пришла мысль, которая поглотила его разум целиком и полностью: похоже, до конца жизни он обречен видеть эти порывы светлых чувств, что склонны испытывать живые существа, но сам при этом вынужден оставаться в стороне, храня глубоко в сердце свою верность богине природы и матери древнего леса Лайнур Арая. Оно правильно, подумалось старому магу, всему свой черед. Да и грех жаловаться, ежели ты топтал земную твердь с восемь веков.

Тем временем после того, как танцы смолкли, заскучавший Шойрил вскочил на бревно, стоящее у забора, и взял один из мешков, набитых зерном.

— Ну, мужики! Кто из вас отважится испытать свою способность держать равновесие в схватке с самим Шойрилом из Энроса?!

Вокруг собрались мужчины, да и меньшим братьям было интересно поглазеть. Арстель и Хельд не были в их числе, поскольку первый был поглощен танцем под мелодию, которую доигрывали уже уставшие музыканты, а второй заливал недавно съеденный в одиночку каравай струей ржаной браги, щедро льющейся из бочонка, что трактирщик не поленился дотащить из своих закровов.

Эрлингай, протолкнувшись через толпу, вскочил на бревно, выхватив другой мешок.

— Если продержишься дольше минуты, с меня выпивка!

— Идёт! — весело крикнул Шойрил и лихо взмахнул мешком.

Эрлингай отошел назад под взгасы толпы, подсел под еще одним круговым ударом и взмахнул своим мешком снизу вверх, едва не задев подбородок энросского юноши. Тот, теряя равновесие, закачался, но, балансируя руками, вернулся в прежнее положение и перешел в атаку. Он выбросил мешок вперед, но Эрлингай увел его в сторону своим, пнув

своего противника ногой в живот, отчего тот снова закачался, и в довершение он врезал Шойрилу круговым ударом в висок, отчего тот с силой грохнулся на каменную плитку.

Мужики заулюлюкали, особенно хлопал какой-то жирный парниша лет тринадцати, который жевал куриную ножку и орал с набитым ртом. Сойдя вниз, Эрлинггай помог подняться своему боевому товарищу.

— И на мечях ты хорош, и на мешках непобедим, — ворчал энросец, — родился таким совершенным, что ли?

— Брось! Немного практики, и ты меня сделаешь в два счета.

Тем временем танцы смолкли, бои на мешках продолжались, а люди уселись трапезничать. Так и продолжалось до позднего вечера, все пили, ели и смеялись. А в достойной компании легко потерять счет времени. Вскоре в центре площади был сложен дровяной «колодец», предназначенный для растопки. Практически никто не ушел, прибывшие расселись в три ряда вокруг огромного кострища. Гувер любезно взял на себя роль смотрящего за огнем — писатель прытко сновал вокруг кострища, подбивая дрова и ветки хвороста обуглившимся концом здорового дрына. Как ни странно для большой компании, разговоры давно поутихли, подобно тлевшему фитилю свечи, на контрасте с полыхающими поленьями — языки пламени едва не лобызали кроны деревьев, даже Клажир, что для него в принципе было противоестественно, держал рот на замке. Алагара и Йоши видно не было. По одну сторону, сидели Каратели, впереди которых на корточках присел Глодрик. Пьяный вдрабадан Хельд полулежал, облокотившись о спину Харала Глыбы, которого это хоть и до жути раздражало, но, будучи человеком широкой души, он не хотел, чтобы Глодрик развалился на сырой земле, пуская слюни в хмельной дреме. Юкиара и Арстель сидели рядом, сапожник заметил, что подруга держалась к нему на гораздо более ближней дистанции, чем обычно, их плечи почти притерлись друг о друга. Танриль села, обхватив колени и положив подбородок на сложенные домиком ладони, с кротким интересом ожидая предстоящих посиделок. Кэлрен вохлежала на плече Клажира и с трепетной нежностью поглаживала его шею. Эрлинггай хрустнул пальцами и, прочистив горло, собрался заговорить, но раздумал. Ночь уже практически вступила в свои права, на чистом, безоблачном небе сияло звездное полотно.

— Знаете, что я думаю, друзья мои? — пинком подогнав ворох углей ближе к потрескивавшему центру разложенного в пирамиду горящего валежника, — когда собирается большая компания товарищей, бывает сложно найти предмет для разговора. Казалось бы, все мы так не похожи друг на друга. Может показаться, объединяет нас совсем немного вещей. И, как мне кажется, идеальный выход из такого положения — это открыться друг другу, рассказать всем и каждому свою историю. Кто ты, откуда пришел и к чему идешь. Лично я послушаю с удовольствием, для сбора материала к предстоящей новелле это будет как нельзя кстати.

Клажир встрепенулся, дернув головой так, что Кэлрен, опиравшаяся на него, едва не грянулась оземь.

— Полностью поощряю! Сразу видно писателя — чтобы стать таким же, как господин Ревриан, нужно научиться черпать вдохновение во всем, что тебя окружает, в каждой минуте своей жизни. Ведь с нуля придумать ничего полностью невозможно, а наша жизнь — лучший источник материала для хороших историй. О себе я мог многое рассказать. Как я познал суровое существование в Ганрайской глубинке, тяжелый труд, дабы добыть пропитание себе и своей бедной матушке, в кузнице моего села могли бы коваться...

— Ты забодал! — взъерепенился Мурвак, — мы так до утра сидеть будем, слушая твою бредятину. Если из несмыкающихся уст этого мальчика прозвучит еще хоть одно слово — я уйду, и так уже спать охота. А наутро — привет гребаному похмелью. И зачем я пил эту мочу, называемую выпивкой...

— Не умеешь пить — не пей — это тебе, Мурвак, — донесся из задних рядов голос Эрлингая, — насчет же историй, по моему скромному мнению, не стоит бежать впереди падающей звезды со своими байками, если тебя об этом не просили.

Пристыженный Клажир в поисках защиты посмотрел на Кэлрен, но девчонка лишь неопределенно пожала плечами.

— Я бы не хотел ворошить прошлое вообще, — выразил свое мнение Гримбла, — толку с этого?

— Мудрецы Лайнур-Арая говорили еще со времен нашествия Заргула, — поучительным тоном известил Йоши-Року, — живи здесь и сейчас, но смотри в будущее и не забывай прошлое. А прошлое — лучший учитель жизни.

Мастер из лесов Хаглоры, говоря это, прошествовал сквозь скопление рассеявшихся гостей селения, затем устроился поудобнее, скрестив ноги поближе к костру. С возрастом, к своему неудовольствию, маг отметил, что он стал становиться все более мерзлявым. На поваленном каштановом стволе, на который решили пересесть молодые крестальцы, привстал Сангельс. Глядя с ожиданием на командора Карательного Отряда, он нашел в себе силы промолвить:

— Я многое читал о могучем Глоддрике в книгах достопочтенного господина Гувера. Если уважаемый Харлауд не против, я осмелюсь попросить его поведать нам его историю. Я думаю, это было бы занимательно, особенно для нас, молодых. Что мог бы командор открыть нам из своего прошлого?

Ответом ему было молчание. Глоддрик некоторое время пронзал взглядом пляс языков пламени, затем он обернулся к просившему и его подружке. Губы его дрогнули, в мозгу этого потрепанного жизнью мужчины промелькнули пережитые ужасы плена, мучений, смертей друзей и уймы жизней, что забрал он. Эти ребята наслушались историй о безжалостном Ганрайском демоне, таращатся на него, точно на диковинное чудище. Возможно, таким его жизнь и пыталась сделать всеми силами. Об этом ему постоянно говорила Рикке, являясь в бреду и наяву. Может, она была права? Только Глоддрику не хотелось с этим мириться.

— Извини, парень. Не хочу я.

— Почему? — оживилась Наяра, — мне бы очень хотелось...

— Я неясно выразился?

Гувер побоялся, что прекрасный вечер будет испорчен склокой на ровном месте, и, желая перетянуть внимание на себя, с силой театрально швырнул дрын через головы усевшихся на бревне и воскликнул:

— А я, по-вашему, для чего старался? Я на трехкнижие о своем брате потратил года полтора. Чтобы вы знали, такие шедевры и созданы для того, чтобы удовлетворить ваше неуемное любопытство. А также для того, чтобы узнать о великих тогда, когда они вернутся в почву. Но Глоддрик — не открытая книга и не экспонат, он живой человек. Имейте уважение к тем, кто вас защищает, не задавайте лишних вопросов.

Сангельс хотел броситься в перепалку с Реврианом, ведь тот так круто осадил его ненаглядную девушку. Но стоило сестре его кинуть суровый взгляд и покачать головой, сразу

же присмирел.

— Это ни к чему, — отрезал Глоддрик, — я и сам мог сказать.

С первого взгляда было легко этого не заметить, но от мастера Йоши с его вековым опытом общения с людьми из огромной выборки поколений не укрылся проблеск благодарности на лице Карателя.

— Да, да, братишка. Ты же меня знаешь, я всегда был языкастым.

Хельд очнулся от пьяного забытья и истошно взревел, брызжа слюнями:

— Не суй свое дело в чужой нос, Гувер! Чужое дело... не твой нос... понял? — и тут же сорвался с места, как ужаленный, и кинулся блевать в канаву.

— Дегенерата кусок, — скривил губы Глоддрик, решив, что Хельд слишком малого стоит, чтобы ставить его на место.

Гримбла, побряхтев, вытянул ноги, хрустнувшие в коленях, и вальяжно протянул:

— Да, мой старый друг стережет границы хорошо. Словно надежный замковый механизм, даже мышь не проскочет. Но о нашем наставнике не сказано ни единого слова. А кто, по-вашему, вытащил вас из глубочайшей задницы, а?

Шаабан включился в дискуссию:

— Меряться тем, кто внес большой вклад, недостойно сынов Илгериаса. Равны мы перед ним, посему наша сила духа, согласие и дружба помогли нам выиграть сражение со злом.

— Да ты что, святоша? А то, что эти Каратели бы присели на бутылку, если бы не наша поддержка, тебе хоть бы что?

Глоддрик сцепил руки в замок и с вызовом взглянул в глаза северянину:

— Вы помогли один раз, — с жесткой интонацией отчеканил он, — мы охраняли Союз веками. Позволишь себе такое снова — закончим разговор в чистом поле. Наедине.

— Секунду! Внимание, пожалуйста! — замахала руками Юкиара, отодвинувшись от Арстеля, — слушайте, не будем подпитывать неприязнь друг к другу. В мире пруд пруди ненависти, войны, разрухи. К чему нам плодить все это? Мы вполне можем найти точки соприкосновения, тем более, враг у нас один, а хотим мы всего-навсего мира и спокойствия.

— Правильно, — откликнулся Хельд, — не будем растить эту навозную кучу, в мире дерьма хоть лопатой греби, да на хлеб мажь! Ах, если бы мои испражнения можно было использовать вместо масла, можно было бы сэкономить на поставках...

— Заткнись, Хельд! — крикнула Юкиара, сдерживая улыбку, — как насчет того, чтобы мы наконец узнали друг друга как следует. Заодно и самих себя. К примеру, что вы, Каратели, можете знать о нашем наставнике? Кем он родился, откуда пришел и все такое. Скажу вам, я сама без понятия. Отчего бы не услышать? Это до чертиков интересно, да и ослабит недоверие между нами.

Архимаг Йоши-Року растянул морщинистый рот в добродушной ухмылке и заговорщически подмигнул своему бывшему ученику. Танриль отыскала Алагара за спинами сидящих на каштановом бревне. Она дернула подбородком, мол, давай, я вся внимание, хотя и знаю все, что ты можешь сказать, наперед. Наставник стоял сложа руки вдалеке, с высоты своего роста взирая на происходящее с видом удовлетворенного и сытого геккона. Он и внешне походил на хладнокровное и чешуйчатое создание — такой же тонкий, шустрый и сдержанный. Некоторые ящерицы к тому же бывают ядовитыми. А магия страшнее любого яда. Хотя, Скорпион бы с этим не согласился.

— Просим, мастер! — сказал Рeadхалл.

— Мне кажется, история будет и смелом и талантливым парне, обнаружившем магический дар, — поделился мыслями Шойрил.

— Или умершего и переродившегося человека, — сказал Кога.

— Как гусеница в махаона? — спросил Эрлинггай, — почему бы и нет.

Арстель весь обратился в слух, наблюдая за высокой фигурой Алагара. Действительно, он не знал об этом человеке ровным счетом ничего, кроме того, что он очень силен как маг, пользуется безграничным уважением в своей общине и отличается революционными и грандиозными замашками. Красноволосый чародей прытко перескочил через бревно и пружинистым шагом направился к костру.

— Братья и сестры, к чему вам это? То, что было в начале семнадцатого века — было давно и неправда. Тогдашнего меня уже нет. И сам я не важен. Важна лишь цель Братства Уравнителей. Наши идеалы. То, во что мы верим и ради чего готовы отдать жизнь. Я бы предложил по дискутировать на эту тему.

Йоши-Року встал и двинулся к Алагару:

— Друг мой, я понимаю, о чем ты говоришь. Но люди ждут другого. В идеалах, каких бы то ни было, нет места живому существу. Они оторваны от времени, места и людей. Они существовали, существуют и будут существовать, когда от нас не останется и воспоминаний. А гости возжелали увидеть тебя. Да что там — твоя паства этого хочет. Откройся же им, окажи честь. Не ты ли учишь любви к ближним, но как можно познать любовь к ближним, не узнав их, что это за люди?

— Хм, — протянул Алагар, сдвинув брови.

— Начинай, мой юный друг.

Наставник Уравнителей усмехнулся:

— Юный, что ж, благодарю тебя, учитель. Если вы этого хотите...

И он начал, твердым шагом наматывая круги вокруг костра:

Родился я в 1600 году в одной из Аргойских весей близ славного города Бёрнфилда. Матери своей не помню, кажется, она умерла, произведя меня на свет. Вот так оно и бывает, чтобы кто-то жил, другой должен умереть. Но это не так страшно. Гораздо хуже, когда должны расстаться с жизнью сотни, чтобы один мог жить припеваючи. Отец мой был сапожником. Человек он был надежный и трудолюбивый, довольствующийся своей прозаичной жизнью и дающий жить другим, таких людей немного, и счастье, что они встречаются в нашем невеликом обществе, — он кивнул в сторону Арстеля, словно тот с давних пор был его верным сподвижником, — мать моя, кажется, портнихой была, весьма сносной, если я хорошо упомянул стародавние рассказы о ней. В роду моем все коренные аргойцы, лишь дед мой из Клирии прибыл. Оттуда и мое старинное клирийское имя. Относительно благополучная обстановка, размеренная жизнь в селе, самое оно для сорванца, бегающего в лес, набивающего карманы шишками и сражающемуся на палках с соседскими детьми, не задумываясь о будущем. Вот только из меня простого паренька не получалось. Как говорили старики — все дети как дети, а этот бесноватый свалился на нашу голову, — он не жаловался, вспоминал Алагар это с ностальгической улыбкой, явно наслаждаясь тем, что с ранних лет он выделялся из толпы, которую, однако, считал своими братьями и сестрами, с его же слов, — пожары, взрывы, летающие сковороды да блюда — все это моих рук дело, хотя и несознательно совершенное. С детства я обладал странными способностями, с которыми не мог совладать, ни сельские ведуны, ни знахари — никто не мог усмирить эту силу. Однажды стоило мне лишь выйти в грозу и протянуть руки кверху,

как молния шарахнула в хижину лесничего, — сдавленно рассмеялся Алагар, — такой шум поднялся. Так и прошли мои детские годы — я помогал отцу, ухаживал за домом, штопал обувь, а от меня шарахалась вся деревня. Затем началась война с одним из кланов равшаров, как сейчас помню — Берсерки. Хотели они оторвать кусок Ганрайских земель под свои угодья. Когда мне исполнилось восемнадцать, за мной явились жандармы Бернфилдского наместника. В 1618 году меня, как полноправного рекрута, забрали в Союзные войска. Даже учебку пройти времени не дали — сразу в тыл, да поближе к границе в равшаровыми землями. Опускаться в детали не буду, скажу лишь, что то, что мне довелось повидать, дает лишний повод убедиться в том, насколько жизненно необходимы миру идеи всеобщего братства. Если вам вдруг доведется оказаться в землях равшаров, старайтесь быть при охране, во всеоружии, а еще лучше — кудесником класса Архимага. Лучше вообще туда ни ногой, поверьте, равшары — опаснейшие, хитроумные и жестокие враги. Глодрик не даст соврать, он нахлебался горечи противостояния с воинами пустоши побольше моего, — Алагар не глядел в сторону Карателя, но услышав, что этот кудесник пережил войну с равшарами, Глодрик стал вдруг смотреть на него по-другому, с пониманием и уважением, — в тот самый момент, когда ты не ждешь подвоха, расслабишься и будешь наслаждаться живописными видами, они подберутся сзади, всадят обтесанный грубо кол тебе в задницу по самое не хочу, а затем заживо сдерут скальп. В лучшем случае. Это я образно и не в обиду тебе, Кога, кому как не тебе знать дикие нравы этих кочевых народов, — при этих словах равшар оскалил зубы и утробно зарычал, но злился он не на слова Алагара, а на обезумевших от жажды крови сородичей, изгнавших его за благие мотивы, — среди сослуживцев я завел немало друзей, и почти все в тех полях встретили свою смерть. Я же продержался почти до самого конца. Как и один мой заклятый друг. Понятное дело, мистические способности повысили мои шансы на выживание — полезная штука, когда, оставшись без оружия, один, окруженный десятью равшарами, ты можешь в один миг их раскидать на все стороны. К слову, я ни сном ни духом не ведал, как я это делал, но как-то получалось! Вскоре стало понятно, что Союз одерживает верх в противостоянии. Мы убили их вождя, погнали равшаров на север, за стену Вархула. Мы загнали остатки их армии совсем близко к холмам в тех местах, где встречаются первые полески Лайнур-Арая. Мы думали, нас ждет неминуемая победа. Но меж холмов притаилась мастерски обставленная засада. Воины племени Костяных Драконов расставили капкан, и когда мы собирались нагнать и добить деморализованные силы Берсерков, они обрушились на нас со всех сторон. К тому же, наша армия разделилась, с половины парней отправилось домой в увольнение, нам же был дан приказ завершить дело. Когда эти исколотые костями варвары схватили нас за задницу, мы не были готовы к обороне. Рвали нас как пес тряпье. Наши разбежались куда глаза глядят, я понятия не имел, куда направляюсь, кровь бурлила, я лишь руководствовался позывами самосохранения. Благо, чаща была близко, где я и скрылся. Некоторые равшары потеряли ко мне интерес, но несколько самых настырных не прекратили погоню. Они преследовали меня, прорубая себе дорогу сквозь толщу ветвей, кустов и листвы, травы, выросшей по пояс. Вдруг, — Алагар замер, оглядев толпу, охваченную нетерпеливым интересом, — один из них таки нагнал меня, повалил, вцепился рукой в глотку, занес костяной меч, чтобы разделать меня, как дичь. Я только схватил его за руку. Не упомяну, о чем я в тот миг думал и думал ли вообще. Но вдруг его рука вспыхнула и обуглилась, а затем иссохла, как и все его тело. Он успел на секунду взвыть диким ревом, спустя несколько мгновений легкий ветер развеивал горсть пепла — все, что осталось от

моего врага. Что было дальше, я не помню, кажется, я провалился в сон, видимо, спонтанный всплеск магии отнял последние силы, оставшиеся после длительной пробежки. Очнулся я уже на носилках. В одной из древесных хижин, переплетенных бесчисленными лианами, правающих на мерно колышащихся водах топей. Так я впервые оказался в Хаглоре. Там же я повстречался со своим учителем — лучшим магом Ранкора на тот и на сегодняшний момент. О хаглорианцах я могу с уверенностью сказать, что жилось среди них мне привольно и безмятежно. Никто из них не боялся моей сверхъестественной силы, ибо они знали, что ее можно обуздать и направить на благие цели. Когда меня выходили, накормили, дали отдохнуть, мастер Йоши взялся обучать меня держать свою силу в узде. Не знаю, что, но какая-то причина побудила его взять меня в личные ученики. За что спасибо ему, судьбе и Илгериасу. Благодаря такому удивительному стечению обстоятельств ваш покорный слуга стал тем, кем он является и будет до конца всей своей жизни.

Йоши-Року бодро встал и дружески положил руку Алагару на плечо:

— Друзья мои, если бы вы знали, сколь непростым учеником был ваш наставник, — обратился он к Уравнителям, — талантливым, прилежным, но все делал по-своему, всю теорию пропускал мимо ушей, ему подавай сразу всю волшебку — испепелять полчища врагов силами всех первоэлементов, исцелять силой одного прикосновения, проникнуть в тайны мироздания одной лишь силой мысли. Так и должно было быть — девятнадцатилетний юноша, столь магически одаренный, ему сам Илгериас велел быть таким непоседливым мечтателем. Не в комплимент, а в целях сказать правду я могу утверждать, что он никогда не болтал попусту — Алагар всегда был человеком дела. Может, его было сложно учить по традиционной программе, с толком и с расстановкой, но в том и вся прелесть учительства — это лучшая школа нахождения подходов с непроглядным множеством совершенно непохожих друг на друга, а порой и диаметрально противоположных людей. К примеру, Алагара и Варзхела. Алагар ведь не единственный, кто во время войны нашел прибежище в наших лесах. Наши пограничные разведчики обнаружили одного офицера, за которым гналось несколько воителей пустоши, которых незамедлительно сняли наши лучники. Его же привели в сердце леса.

Алагар развел руками:

— Да, в те времена Арнлоуг Варзхел так же, как и я, служил в наступательных войсках. В отличие от меня, рядового, он был сыном Ганрайского вельможи, что обеспечило ему загодя офицерский чин. Пошел он воевать, как я помню, по патриотическим соображениям.

Из рядов слушателей поднялась тонкая девичья рука. Это была Кэлрен, сидящая у Клажира на коленях.

— Мастер! А расскажи, как вы познакомились с моей наставницею? Она о тебе никогда не говорила.

— Кэлрен! — смутилась Танриль, пригрозив пальцем своей воспитаннице, — уйми свою любознательность.

— С Танрилью? — переспросил Алагар, улыбочиво игнорируя стеснение своей старой подруги, — случайно! А Танриль уже была в Хаглоре на тот момент, как мы с Варзхелом туда вломились, потные, запятнанные кровью, в боевой амуниции, — он сипло рассмеялся и подмигнул Танрили, — она и выходила меня, перевязывала раны, давала слабительное. И разделила со мной грызение гранита науки под руководством хаглорианского мастера. В дальнейшем же мы странствовали по Союзным землям вчетвером — я, Танриль, Варзхел и мастер. Потом еще к нам присоединился Азилур, но позже, он был на десяток лет моложе

нас. Сколько же приключений выпало на нашу долю!

Йоши-Року усмехнулся, кивая:

— Это точно, друг мой!

Арстель с восхищением воззрился на старого хаглорианца. Казалось бы, старый колдун и мистик из далеких лесов, но сколько же он живет на земле? Получается, все сильнейшие маги Ранкора берут свое начало от его школы. Арстеля пробила дрожь от очередного осознания того, что ему выпадает неожиданная честь лицезреть эту великую личность, восседать рядом с этим мастером, говорить с ним, разделять с ним трапезу. Ему, хрустальному сапожнику!

— Я знаю эту силу, что питает тебя, — вдруг заговорил Глодрик, с каменным лицом глядя на Алагара, — Варзхел ею также обладает и служит этой силе. Ты также верен ей?

Ревриан Гувер все это время внимательно слушал историю, делая пометки на листе пергамента — новый материал манил творца, словно мед — осиный рой. Вдруг он отдернулся от своей писанины и сосредоточился. Писатель знал, что брат его, будучи Темным Стражем, знал, о чем говорил.

— С праведного пути легко сбиться, — уклончиво ответил Алагар, — надежная рука наставника не всегда поможет, свой разум другому не передашь, как бы ни хотелось. Когда Варзхела обуяла жажда силы и власти, он отправился в неизведанные земли на востоке. Он искренне верил, что оставаться с мастером дальше — напрасное растрачивание своего потенциала. Некоторое время спустя я присоединился к нему — мне стал любопытен путь темной магии, которую рождает всежиряющая сила подземелий, из пучины которой извергнулись орды демонов Азрога. Я верил, что смогу эту силу изучать, контролировать, держаться от нее на расстоянии. И я доверял чутью своего друга, думая, что он не отступится от путей, завещанных нашим учителем, только лишь следует им по-своему. А то, что мастер строго-настрога запретил нам прикасаться к этой дьявольской силе, лишь свидетельствует о его неуверенности, он боится, мы не готовы. Я хотел доказать обратное. Я учился темной магии не спеша, с расстановкой пропуская через себя эту силу. Мои волосы и глаза поалели, кожа стала бледной, как сверток бумаги. Я видел народ Азрога, они существуют, никаких сомнений. И молятся своему давно погибшему вождю. Когда я узнал о приверженности Варзхела этому культу, я не смог разделить эти взгляды. Когда один народ ставит себя выше других, пресмыкаясь перед одной большой шишкой, незаслуженно боготворя ее, — я не могу взирать на такое без отвращения. Я покинул Азрог. Не без, скажем так, разногласий со своим другом. Теперь уже врагом.

О том, что именно после той размолвки Варзхел, бывший в свои молодые годы прекрасным юношей, вокруг которого вились нескончаемые ряды любвеобильных поклонниц, стал выглядеть, точно иссохший и обожженный кусок плоти, что в нем настолько ослабела возможность функционировать надлежащим образом, что он вынужден носить заговоренную тяжелую броню, подпитывающую его жизненную силу, Алагар не распространялся. Как и об их раздоре, связанном с общим предметом обожания — Танрилью, бывшей тогда совсем юной девой.

— Друзья мои, — сказал Йоши-Року, простирая руки в стороны, — раз уж зашел такой разговор, почему бы не услышать историю моей ученицы, что сама отыскала дорогу к моему дому, тогда как Алагар и Варзхел оказались в нем волей случая?

— А мою историю кто-нибудь вообще слушать будет? — возопил Клажир, — как будто я здесь никому не интересен, хотя именно я внес неоценимый вклад в процветание целого

сегмента инфраструктуры Ганрая — села Козьи Загоны. Без меня, говорят, там было бы смертельно скучно, так почему бы...

— Я послушаю твою историю, договорились? — ласково сомкнула его губы пальцами Кэлрен, — а сейчас прояви уважение к моей наставнице, пока я не успела в тебе разочароваться.

Танриль нехотя делилась своими соображениями, приведшими ее, юную травницу в прошлом, в сердце Лайнур-Арая. Однако Глодрик не сводил глаз с Алагара, пытаясь проникнуть в глубину его сущности. Каратель слишком хорошо знал действие силы Азрога. Она оскверняет все, к чему прикасается. Его, к примеру, она сделала маньяком, одержимым человеком, не способным жить без сражений, убийств, который получает неопишное наслаждение, когда жизнь его висит на волоске. Глодрик не мог ничего поделать с этим. Он знал, что он проклят до конца жизни, обречен влачить позорное существование Ганрайского Демона — безумного убийцы и мясника, смея надеяться лишь на то, что и от такого человека может быть хоть какая-то польза Союзу и соотечественникам. Оставалось лишь понять, что не так с Алагаром. По мнению Глодрика, он слишком бескомпромиссен, властолюбив и ожесточен для человека, ратующего за всечеловеческую любовь и братство.

Тем временем все слушали историю Танрили, коротая время у теплого огня. Вскоре на небосводе промелькнуло несколько падающих звезд, заставив Кэлрен, Танриль и Юкиару закрыть глаза и одним шевелением губ загадать желание. Вскоре все начали расходиться по домам.

— Долго еще ты будешь продавливать землю, сидя тут, как истукан?

— Юки? А ты чего не уходишь?

Молодой сапожник так и сидел сиднем, пока не разошлись все готовиться ко сну. Костер уже час как угас, лишь раскаленные угли еще представляли собой редкие островки света в кромешной тьме. Если не считать сияние луны и звезд, осветившее милостливое лицо ганраянки, так запросто и так бойко нарушавшей покой своего друга.

— В отличие от некоторых я умею по достоинству оценить прекрасный вечер. Или ночь уже. Не суть! Пока ты тут пускаешь корни, утро наступит, и вся романтика уйдет. Ну же, Арстель, сходи со мной, прогуляемся! — скорчив притворно жалостливую мину, она продолжала, — ты ведь не отпустишь слабую, беззащитную девочку одну в такую непроглядную темень?

Пытаясь не выдать свою неловкость, Арстель хохотнул и так резко поднялся, что у него потемнело в глазах.

— Пошли.

— Ну же, погнались! — возвала к нему Юки и, ухватившись за руку Арстеля, потянула медлительного и растерянного сельского мужа за собой.

— Вот же егоза... — тихо произнес Арстель.

Арстель едва поспевал тащиться за прыткой приспешницей Алагара. Они так и шли по проселку, пока не наткнулись на обширный стог сена у амбара, недавно выстроенного алагаритами, видневшийся за околицей.

— Кто последний — с того угощение завтра! В Желудке Дракона! — воскликнула она и, перемахнув через забор, не боясь попортить с таким старанием сшитую ей же тунику, в два счета оказалась на снопе сена. Стараясь принять наиболее соблазнительную позу, Юкиара с нескрываемым возбуждением ждала, пока Арстель не прыгнет рядом с нею. Она без

экивоков облизнула губы и провела ладонью по своей груди, а затем у пояса, практически проехавшись пальцами возле своей промежности. Другой же рукой она подзывала Арстеля к себе, будто они были давнишними любовниками.

Когда Арстель лег рядом с нею, Юкиара повернулась боком в его сторону, ненавязчиво взяла ладонь сапожника в руки и, поглаживая ее, с любопытством стала рассматривать.

— Знаешь, а я немного знаю толк в хиромантии, — сказала она, водя пальцем по рисункам на внутренней стороне ладони своего собеседника, — пока я жила на улицах, еще совсем мелкая, нас с братиком часто подкармливала одна клирийская гадалка. Жила она в тесной лачуге, в тех же трущобах, что и мы. У нее-то я и поднахваталась. не против, если я тебе немного погадаю?

— Юки... — не успел Арстель и двух слов сказать, как его перебили.

— Тс-с! — шикнула она на него и протянула, — ну-ка, посмотрим, что тут у нас... — девушка с серьезным видом поджала губу и протяжно хмыкнула, критически осмотрев руку Арстеля, затем начала водить по его ладони указательным пальцем, — глубокая, непрерывная линия жизни, как она далека от большого пальца. Арстель! Да ты у нас жизнеустойчив, как оказалось. Самодостаточен, решителен и можешь быть хорошей опорой другим. А эти черточки, что идут вверх от нее — это говорит о твоём творческом потенциале. Как их много... Думаю, твоих задатков на десяток Реврианов Гуверов хватит, — усмехнулась она, — Такая же глубокая, непрерывная линия сердца, дуга оканчивается между большим и указательным пальцем. Это значит, что в глубине души ты представляешь собой глубоко чувствующего человека широкой души, но с ранимым сердцем. Слушай! Я вижу еще одну черту, идет она параллельно линии жизни! Тоненькая такая. Если память мне ни с кем не изменяет, можно сказать, что рядом с тобой на протяжении жизни всегда будут люди, готовые подставить плечо при любой трудности. Хм, так и есть, пожалуй. На меня, по крайней мере, ты всегда можешь рассчитывать, — она сказала это потому, что хотела, вовсе не рассчитывая услышать хотя бы симметричные слова в свой адрес, а то и более серьезные сентенции.

Юкиара говорила то, что было у нее на сердце и на полную наслаждалась свежим воздухом, мягкой подстилкой из сена, чистыми бездонным ночным небом, звездами, среди которых, как она с ранних лет любила представлять, есть такие же миры, как и Ранкор, на которых живут люди или другие, но не менее разумные существа, способные сопереживать и любить. Она наслаждалась прикосновением руки Арстеля, заливаясь румянцем, девушка смотрела в его глаза улыбаясь, чувствуя себя дурочкой, простачкой, но до упаду.

— Взаимно, Юки, — ответил Арстель, — я, конечно, не особо во все это верю. Лишь Богу ведомы наши судьбы, как и наше предназначение.

— Извини, Арстель, но, пожалуйста, не распространяйся о Боге, когда ты со мной. Не хочу я углубляться в тему веры, богословия и прочего. Не подумай, что я питаю антипатию к верующим, я проникнута искренним уважением к вашим чувствам, преданности убеждениям. Иногда вера и правда помогает. К примеру, людям вроде Шаабана, ты знал, что в молодости он был наемным убийцей? Ассасином. Но вера в Илгериаса сделала его тем, кто он есть. Замаливая грехи, он нашел возможность направить свои силы на то, чтобы сделать мир лучше. Или хотя бы не делать его хуже. Я бы, может, и хотела верить. Ходить в церковь, молиться. Но я не могу.

— Почему же?

— С верой живется легче. Обретаешь веру в то, что через все трудности ты прошел не

зря, что в конце темного тоннеля забрезжит свет, а во всем есть смысл, который ты не способен увидеть. Пути Господни неисповедимы, верно? Но я не могу поверить, что вся несправедливость, зло, людские страдания могут быть частью великого замысла. Думается мне, никакого смысла и нет. Зря мы его ищем. Смысл жизни, как по мне, в самой жизни, и возможность жить дается лишь единожды. Каждое мгновение бесценно, жизнь — сама по себе слишком хороша, чтобы позволять всякой мрази ее отравлять. И высшие силы нам не помогут в борьбе со злом. Пока не появятся такие люди, как Алагар или Глодрик, что отважатся бросить злу вызов, ничего не изменится. Прости, если эти слова заденут или оскорбят твою веру. Не обижайся, прошу. Мне так нравится быть с тобой такой, какая я есть.

Арстель помолчал немного, затем стиснул тонкие пальцы юной девушки и встретился с ней взглядом. Ее немного угрюмое лицо немного просветлело, когда они взглянули друг на друга. Подавленность как рукой сняло. Арстелю стало жаль эту счастливую после череды несчастий девушку. Он хотел было возразить ей, указать, что руководствуется она ложными ценностями, стоит на неверном и губительном для души пути. Неверие разъедает. Человек, осознавший в том, что в себе он несет частицу Бога, перестает бояться жизни, которая представляется лишь испытанием, одним из множества на пути развития души. А зло, как говорила матушка Арстелю, приносят с собой в мир люди, отошедшие от Божьих заповедей. Но говорить Юкиаре об этом он не собирался. Не ему, прожившему спокойную и сытую жизнь, выросшему в уважаемой и обеспеченной семье, а в более зрелые годы — обладающему всеми средствами к существованию, учить ее, девицу, которой еще совсем недавно перевалило за двадцать, но на голову которой свалилось лишений и невзгод в разы больше, чем на них с Хельдом вместе взятых. У этой девушки судьба всю жизнь выбивала почву из-под ног, но она сумела сохранить волю и любовь к жизни, отзывчивость к людям, благие намерения и даже некоторую романтичность. Сумел ли бы он остаться таким же? Не ожесточился бы, бросив брата и став отбросом, преступником в грязном районе навроде Сухих Колодцев? Или, может, сдался бы, запил и окочурился где-нибудь в сточной канаве. Или пошел бы, бросился со скалы. Да и потом, ему или ей изуродовали лицо страшным ожогом?

— И ты меня прости. Я не могу принять то, что ты говоришь, Юки. Не могу. Спасибо тебе, что поделилась своими мыслями.

Юкиара в примирительном жесте подняла руки. Она снова счастливо улыбалась.

— Тебе спасибо, что выслушал! Так наоборот, хорошо. Сколько людей — столько и мнений, верно?

— Ага, — Арстель не был согласен с тем, что веру в Бога можно определить как субъективное мнение, но не стал заострять на этом внимание, — так вот, Юки. Я ничего не смыслю в гаданиях. Но о твоих руках мне есть, что сказать. Они очень красивы, изящны, дамы так называемого Аргойского цвета могли бы позавидовать им.

Юкиара, немного покраснев, хихикнула и озорно отбросила руку Арстеля.

— Да ну тебя, льстец! С каких пор ты стал таким сердцеедом? Но мне очень приятно, Арстель. Мне вообще по душе быть рядом с тобой. И в награду за такие теплые и хорошие слова с меня угощенье!

Девушка соскочила с сеновала и кинулась к дверям амбара. Открыв один из сколоченных из шероховатых досок ящиков она достала бушель поджаристых пирожков, сочащихся изнутри медом. Под мышкой несла она кувшин, с горлышка которого по капле стекало красное вино.

— Я тут пироженок напекла, — положив Арстелю под локоть лакомство с выпивкой и опустила рядом с его плечом, — если не понравится — только скажи, пойдём в мой барак, откопаем чего-нибудь в кладовой.

Арстель преломил пропитанный медом хлеб:

— Да что ты такое говоришь? Объедение же!

— Как думаешь, из меня бы вышла хозяйюшка?

— Если ты этого сама захочешь, — ответил Арстель, игнорируя намек, крившийся в вопросе.

Они ели, говорили, смеялись. Вспоминали забавные случаи из детских и совсем юных лет. По мере того как они поглощали вино, беседа приобретала все более раскованный характер, оба все больше были склонны к балагурству. Или к решительным действиям.

— Ой, Арстель, у тебя мед на щеке, — Юкиара смочила слюной пальцы и аккуратно вытерла желтые разводы.

Арстель прикоснулся к ее ладони, запястью и обхватил его. В ожидании они смотрели друг другу в глаза, и в очах этих разглядели они большее, чем свое отражение. Будто они ощутили себя родственными душами, связанными некоей Сверхсущностью, по воле которой им довелось сойтись. Юкиара обхватила ладонями шею Арстеля, он же заключил ее в объятия. Так они впервые поцеловались.

— Арстель...

— Юки!

— Тс-с! Не надо слов, — девушка засияла улыбкой, по ее щеке прокатилась слеза, слеза счастья, — просто продолжай...

Их языки сцепились, переплетались, играли друг с другом, губы их долго не разъединялись, жаркие поцелуи, биение двух молодых сердец в унисон — все это продолжалось достаточно долго. Арстелем овладели порывы страсти. Он повалил Юкиару на спину, а она и не думала сопротивляться, с покорным наслаждением легла под него.

— Демонова застежка, — прошипел Арстель, — вечно с ней проблемы.

— Рукастый ты наш! — прыснула вспотевшая от возбуждения Юки, — и где бы вы, мужики, без нас оказались...

Она помогла ему сбросить рубаху и брюки, а ее импровизированную тунику содрать оказалось довольно просто. То, чем они занимались впоследствии, в описании не нуждается. Сладостные стоны Юкиары и натужное кряхтение Арстеля прорезали тишину в унисон со стрекотом сверчков и брачным песням лесных птиц. Они не произносили громкие слова клятв в любви до гроба, никто из них даже не заикнулся о высоких чувствах или о стремлении связать судьбы. Ясно было одно — этой простоватой, но по-своему благородной девушке и закрытому, но чистосердечному парню было хорошо, когда они оказывались вместе и в уединении. Никогда доселе Арстель не был так счастлив.

Уже почти рассвело, край солнца уже высунулся за очертаниями далеких Драконовых Гор. Юкиара проводила Арстеля до его лавки и, обняв друга, теперь, пожалуй, любовника, на прощание, пожелала ему приятных снов и направилась к баракам. Стоило ей поравняться с трактором «Желудок Дракона», до тонкого слуха девушки донеслось чье-то хныканье и всхлипы. Судя по всему, плакал мужчина, причем весьма зрелый. Стараясь не наделать шуму, она обогнула постройку и на заднем дворе заметила Хельда. Крылатый тракторщик, сгорбившись, сидел на наскоро сделанной бревенчатой скамье и заходил рыданиями.

Периодически он сморкался в траву, вытирая руки о штаны, а затем продолжал стенания и лил слезы.

— Хельд? — она медленно подошла к нему, в настороженном жесте выставив перед собой руку, точно хотела его погладить, — что случилось? Кто тебя обидел?

Обладатель таверны смерил униженным взглядом девушку и выдавил из себя:

— Жизнь! Она сделала меня настолько великолепным, — он рукавом вытер соплю и шмыгнул носом, — что это сияние ослепляет всех вокруг. Они так слепы, что не видят нужным оказывать почести и ублажать Хельда Великого. Где гарем из клирийских жриц богини любви? Где завистники, готовые удавиться от одного моего существования?

— Хельд Великий... Знаешь, иногда мне кажется, что ты это всерьез, — подбоченилась Юкиара с раздраженным видом.

— Да куда там! — флорскел немного подуспокоился, но так же поникши сидел, вперившись в землю красными от плача глазами, — вы ведь вместе с Арстелем? Я видел, как вы держались друг друга на пиру.

Этот вопрос застал алагаритку врасплох. Задумчиво склонив голову, она негромко проговорила:

— Я бы так не сказала. Скорее, мы наслаждаемся тем, что имеем, пока есть такая возможность.

— У вашего наставника, оказывается, есть пассия, хотя ему уже перевалило за сто! Интересно, у него хоть еще работает там?

— Не знаю, не проверяла и тебе не советую.

Хельд сдавленно усмехнулся, снова всхлипнув и вытерев слезы.

— Даже у Клажира есть кто-то! Ладно там, их дело, но из-за этого возникают проблемы! И твой брат тоже крутит шашни с этой, как ее, везде поспел твой пострел...

— Ну а что ты хотел? Моя кровь, — довольно кивнула Юкиара.

— Но эти Клажир и Кэлрен! Когда я собрался сходить в деревенский сортир, я застал там их — они шпилились, как кролики. Пришлось убираться восвояси. Хотя газы перед их лицом я все же не погнушился выпустить.

— Я горжусь тобой, Хельд, — снисходительно, но мягко улыбнулась она.

Хельд продолжал словно глухарь на току или дятел у ствола, свою песню:

— У Арстеля хоть годков в пятнадцать была интрижка с соседской девчонкой, дочкой мясника. А что у меня? Куча буханок хлеба в таверне, которые можно продырявить, использовать для самоудовлетворения, а затем подать гостям? Это, конечно, забавно, но...

— Хельд, — остановила его она, — я не знаю насчет любовницы, но друзья у тебя точно есть — Арстель, я, на худой конец. Любовь — это прекрасно, но дружба первичнее. Из нее и рождаются чувства, романтика. Будь здесь Шаабан, он бы читал нам проповеди о всеобщей любви, но я не стану этого делать. Я знаю, о чем ты.

— Я правильно понял, что ты предлагаешь нам встречаться втроем и предаваться любовным утехам? — округлил глаза Хельд, — Арстель, конечно, хороший парень, но до такого доходить я не собираюсь, у меня все нормально с...

— Дурак ты! — она отвесила ему оплеуху, — полагаю, есть лишь один способ решить твою проблему. Заодно и избавить всех от твоего нытья. И Клажир с Кэлрен спасибо скажут. Честно говоря, ни одной флорскелы в округе я не видала. А не хотел бы ты отправиться в Звездный Град, когда уляжется вся шумиха? С прихвостнями Заргула, терки с Карателями и королем. Если ты и там будешь распускать соплю — я лично подыщу тебе девушку, да

первую во всем вашем роду со времен Гартхаэла Громовержца!

Хельд воспрянул духом:

— А ты можешь гарантировать, что она будет стирать мое нижнее белье, готовить и, если потребуется, чистить выгребную яму после меня?

— Я могу гарантировать, что, если ты не изменишь свои привычки, как и чувство юмора, самая терпеливая флорскела сбежит от тебя в первый же день.

— Или улетит, — взгрустнул Хельд, — я-то за ней не устремлюсь, летательный аппарат бракован.

— Может быть, это поддается решению? Нужно спросить у Танрили, она вполне могла бы скорректировать...

— Юки! Хельд! — скорым шагом из-за угла трактира вышел Шаабан, облаченный в бурого цвета рясу и перевязь — желтого, — быстро, за мной.

Круто развернувшись на своих плетеных сандалиях, темнокожий монах двинулся в обратном направлении. Нагнав его, Юкиара недоуменно спросила:

— Может, ты потрудишься объяснить, в чем дело?

Священник развернулся и очищенным от эмоций тоном сказал:

— К нам гости от Его Величества.

Глава 16: «Правое дело»

За стенами Крестала собралось, казалось, все воинство Аргои. Не менее сотни тысяч солдат околачивались у древесных стен. В основном это были легко защищенные одной кирасой и стальной каской пехотинцы, за спинами которых выстроилась стрелковая часть, ощетилившаяся взведенными арбалетами. На передовых же позициях, гордо выпятив груди, восседали всадники, с ног до головы облаченные в непомерные по стоимости для простолюдина доспехи. Это была знать Аргои, мелкое дворянство, ему оставалось довольствоваться лишь мелкими поместьями да небольшим делом, оставшимся в наследство и позволявшим хоть как-то держаться на плаву. Не у каждого из этих герцогов и виконтов содержалась в имениях прислуга. Но это было несущественно, все они были в плотной защите и при оружии. Посреди кавалерии стоял немолодой человек, голову которого уже успела тронуть лысина, а к кустистым бакенбардам подобралась седина. Генерал Клаусвиль, держа под мышку шлем с вульгарным плюмажом, экипированный в латы, покрытые кричащими узорами позолоты, с собственническим видом взирал снизу вверх на Крестал, словно обладал на эту территорию законными правами. На селян, скапливавшихся на верхних этажах стены, он глядел как на своих рабов, убить которого — точно раздавить навозного жука. Подле него стоял куда более скромно одетый человек — в один кожаный панцирь и дорожные брюки с наколенниками. Этот мужчина был также немолод, облысел и поседел, лишь его усы еще сохранили цвет смолы. Керрис Галарт, в отличие от своего спутника, выбившись из самых приближенных к грязи, по мнению дворян, сословий, нашел в себе силы умудриться добиться всего самому и вырвать из цепких лап жизни высокий титул и почет. Генерал Клаусвиль и ему подобные питали необъяснимую здравым рассудком, природную ненависть к таким людям, которых привыкли считать выскочками.

— Пусть глашатай объявит условия, — махнул рукой Клаусвиль, — на размышления этим гадам будет дано минут с пять, а если по их истечению не сдадутся — можно начинать штурм.

— Генерал, — ответил ему Керрис, — дайте мне время, я поговорю с их главным. Вдруг мне удастся помочь нам всем избежать кровопролития? Если мы атакуем — бойню будет уже не остановить.

Клаусвиль лишь презрительно сплюнул на землю.

— По мне, маршал Галарт, мы лишь зря потратим драгоценное время. Либо они вновь верны королю, выдают нам идейного вдохновителя измены и снова исправно платят налоги в казну, либо мы покажем им, как следует уважать родину и ее солнцеликого правителя!

Рядом с ними стоял седобородый маг в алой мантии — Азилур.

— Я надеюсь, из уважения к заслугам маршала, генерал все же даст ему реализовать миротворческие инициативы?

Клаусвиль повел желваками, снова сплюнул и развернул белую лошадь — солдаты бросились врассыпную.

— Демон с тобой, Керрис! Делай, что хочешь. Тебе десяток минут — не более. Надеюсь, они пошлют тебя, так и чешутся руки преподать этим зарвавшимся холопам урок.

Эти два матерых, закаленных испытаниями огня и меча воеводы расходились во всем, кроме одного — взаимного презрения друг к другу.

Крестал был перевернут вверх дном — поначалу люди сновали кто куда горазд, некоторые стремились скрыться за стенами домов, другие же стремились на стену — поглядеть на ратников, а кто-то стоял как вкопанный, растерянно озираясь во всеобщем хаосе и не успев понять, как быть. Алагар скорой рукой внес упорядоченность в этом общем безумии. Как, например, Гувер, который рассчитывал собрать побольше захватывающих историй для будущих творений и повидаться с народом, но никак не оказаться в очаге битвы королевских солдат с отчаянными мятежниками. Оценив положение, он дал приказ Шойрилу, Марволу Черному Льву и Гримбле проследить, чтобы Уравнители раздали оружие крестальцам и вооружились сами. И вот на стене и за нею стоял практически весь Крестал. Лишь детей и стариков загнали в погреба, всех же, кто был способен держать в руках оружие, повели на укрепления. Юкиара пыталась всеми силами отправить шестнадцатилетнего брата в укрытие, но Сангельс был непробиваемо убежден в своей готовности к риску.

— Тогда не отходи от меня, — сокрушенно вздохнув, сказала Юкиара, — и не вздумай геройствовать. Лучше вообще поменьше что-либо делай.

Крестальцы уже стояли на стене с вилами, топорами и древесными пиками в руках.

— Кто-нибудь мог себе представить хоть раз в жизни, что мы будем во всеоружии стоять напротив королевской регулярной армии? — Карен все еще не могла поверить в реальность происходящего, — а уж тем более — биться с нею.

Мурвак перевалился сквозь колья изгороди и харкнул в сторону войск.

— А какая разница? Замочили тех уродов — завалим и этих. Их, правда, больше. Но Алагар-то этот для чего нужен? Он их сейчас разнесет в щепя.

— Думаю, — подхватил Клуатак, — можно рассчитывать и на поддержку Архимага Йоши в случае конфликта. Судя по преданиям и поверьям предков и ныне живущих, он всегда соперничал нам, простым смертным.

— Хаглорианцы сами по себе миролюбивый и сострадательный народ, — ответила травница Шая-Кишра, — конечно, они выступят на стороне честных людей.

Где-то в облаках кружил красный дракон — с высоты человеческого роста он казался размером с летучую мышь, но всем было понятно — приземлиться он может со скоростью метеорита.

— Знаете, мне кажется, самый умный среди нас — это Ортаун! — Хельд указал пальцем ввысь, — он же явно собирается насладиться зрелищем, а потом улететь. Может, мне так же сделать? Я, вроде как, упражнялся в самолевитации.

— Видать, ты при этом сильно ушибся башкой, — хмыкнул плотник Харал Глыба, — хотя у тебя и до этого там было пусто. Уверен, тебя бы выгнали из Крестала уже давно, если бы не твоя кормежка — только ты умеешь воротить такую стряпню!

— А что это за чертяка мчится через поле сломя голову? — спросил Хельд, — так могу бежать только я, когда в какой-нибудь плевательнице остается хоть немного пива на доньшке.

Царевич Слагер ухитрился найти в ограде лазейку и, трусцой двигаясь в направлении солдат, кричал:

— Генерал Клаусвиль! Эти изверги держали меня в плену! Меня, единственного сына Его Величества, в заложниках!

— Уверен, после смерти он отправится в Азрогово пекло, — сказал Хельд, — хотя нет, даже демоны тамошние от него взвоют. Думаю, он будет подкоряжным червем. Если вдруг

кто любит таких есть вместо лапши — не стоит, пусть подольше поживет как низшая форма жизни.

Все, как ни странно, рассмеялись этой не слишком мудреной шутке.

— И как ты, Хельд, не разогнал еще посетителей своего трактира своим сортирным юмором? — недоуменно всплеснула рукой Юкиара.

Арстель наклонился к уху девушки:

— Юки, как ты думаешь, будет ли бой?

— Не знаю. Зависит от того, собираются ли они нападать первыми.

С другого конца ограды шла бурная дискуссия между алагаритами и Эрлингаем.

— Вы вправду готовы стоять насмерть? — уточнил фехтовальщик.

Гримбла, разминая затекшие мышцы, повел плечами:

— А что нам еще остается, Львиный Рёв? Они хотят выбить нас из насиженного гнезда. Места, которое мы успели полюбить. Они пришли рушить то, что мы строили. Как еще нам поступать?

— Он прав, брат, — сказал Марвол Чёрный Лев, — выбора нет. Ты же с нами?

— Безусловно, я не против вас! — поднял руки Эрлингай, — но могут пострадать невинные жители селения. Как знать, может, они дадут вам уйти. А из-за упорства вашего наставника может пролиться кровь.

— Эти люди знали, на что шли, — отрезал Кога, — когда приняли наши постулаты.

— Да и к тому же, — подхватил Хьерген, — кто тебе сказал, что мы проиграем? Мы в надежном положении, идти на приступ им, а не нам. А за все это время я столько противоосадных орудий подготовил. Это сейчас они там стоят и орут, точно оголтелые кошки под окном. Когда им на головы польется кипящее масло и горящие валуны — запоют по-другому.

— Вы умалишенные! — воскликнул Эрлингай, — а как же ваша идея, что все мы братья? Эти солдаты вам зла не желают, их насильно вытащили из домов, разлучили с семьями и привели сюда. Они сами надеются, что до схватки дело не дойдет.

— Как говорит наставник, — почесывая подбородок, сказал Рeadхалл, — некоторым братьям и сестрам суждено лечь в землю, чтобы потомки могли жить, не зная гнета и несправедливости.

— Наставник, — обреченным тоном протянул Эрлингай, теребя рукоять фамильного меча, — наставник... Будем надеяться, я смогу убедить Керриса Галарта удержать Клаусвиля от атаки. Он, как я вижу, направляется к воротам.

Вдруг из ниоткуда прямо посреди стены материализовался Алагар. Прогулочным шагом он измерил линию обороны и воззвал к своим людям:

— Они привели с собой весьма внушительные силы. Даже катапульты вижу. Но, помните, наша сила в единстве! Эти люди сражаются лишь оттого, что им так приказано сверху. Мы же будем биться храбрее берсерков! Потому что, когда защищаешь то, во что веришь, ты можешь прыгнуть выше головы.

Арстель вспомнил самые первые дни знакомства с Братством Уравнителей. Тогда к стенам веси, еще совсем не укрепленной и привыкшей к мирной жизни, точно так же подошли вооруженные люди. С ними Алагар разобрался в одиночку. Но то были враги, в том числе и враги Союза. А сдюжит ли так называемый наставник противостояние с властями?

Тем временем воины Карательного Отряда спешили к забору. Клажир и Кэлрен уже стояли на возвышенности и следили за блокадой Крестала. Клажир что-то неразборчиво

кричал, его слова было трудно разобрать во всепоглощающем гаме, но до Глоддрика донеслось, что в Крестал направляется Керрис Галарт.

«Удачный парламентар подвернулся, — пришла на ум мысль Глоддрику, — он всегда был конструктивен.»

— Командор, кажется, принц Слагер уже за воротами. И он, похоже, спешит оклеветать жителей Крестала.

— Ясно. Когда Галарт явится, — сказал командор Карательного Отряда, — убедитесь, что и Ее Высочество в целости и в его сопровождении удаляется к войскам.

— Ну уж нет! При всем уважении, я должна остаться со своим народом и не могу спокойно смотреть, как Клаусвиль делает с вами все, что захочет. Меня-то он тронуть не посмеет, а значит — и вас тоже.

— Чушь собачья, — процедил сквозь зубы Глоддрик, забыв о правилах обращения к королевским особам, — если начнется суматоха, ты можешь пострадать, дурёха. Кандал! Ты отведешь ее.

Каратели до этого шли молча, но обстановка все более накалялась. Ворота уже отворили, чтобы впустить Керриса Галарта, несшего в руках наскоро сделанный белый флаг.

— Как нам быть, командор? — спросила Энмола, — не будем же мы вместе с солдатней резать здешних обывателей? Мы, если я ничего не попутала, клялись защищать их ценой своей жизни.

— Верно. Но мы клялись в верности Союзу, — Глоддрик скрипнул зубами, — но выход есть.

— И какой же? Всех повязать? — спросил Драконобой.

— Убедить этого Алагара сдать позиции.

— Не похоже, что он на это будет настроен, — сказал бывший головорез.

— Поверь, — лицо Глоддрика искажил полубезумный оскал, — я умею убеждать.

— Мы знаем. Но это не тот случай.

Керрис Галарт пришел без сопровождение. Следует отдать должное смелости маршала — при желании его вполне могли взять в заложники и шантажировать им или же сразу умертвить, а голову бросить к ногам Клаусвиля. В некоторых случаях для того, чтобы быть миротворцем, требуется куда больше смелости, чем для банального насилия.

Шойрил спустился со стены и поспешно обшарил карманы маршала на предмет оружия.

— К чему этот шмон? — проволчал старик, — вам недостаточно того, что я без охраны?

— Прости, отец, — ответил лучник-энросец, — мне так велели.

Алагар не преминул спуститься ко входу. Он спрыгнул с подмостьев и легкостью одолел высоту в десяток метров, приземлившись на обе ноги так, будто он встал с постели.

— Сам Керрис Галарт, — с некоторой издевкой протянул он, приветственно подняв посох, — на что могут рассчитывать неугодные рабы короля? Дай угадаю, если мы падем ниц, вы нас не убьете, а лишь закуете в кандалы?

Керрис Галарт досадливо наморщил лоб и покачал головой. Диалог не задался с самого начала.

— Не нужно видеть во мне врага. Я с миром к вам пришел.

— Да, конечно! И поэтому за нашими стенами орда парней, потрясающих оружием.

Керрис Галарт снова покачал головой, глядя Алагару в глаза. Ломающий волю взор Алагара с высоты его роста не действовал на старого воителя. Слишком много на своем веку он повидал. Грор Свободолюбец, северянин, ратующий за свободу для своего народа, глядел

почти так же. Самоуверенно, самодовольно и бескомпромиссно. И сколько людей из-за него полегло, в том числе и северян, истово веривших в благие устремления своего вождя? Сейчас перед ним такой же хищник в человеческом облике, готовый повести толпы народа на смерть.

— Как человек, служивший в свое время в армии, ты прекрасно знаешь, что я выполняю приказ. Алагар, так ведь тебя зовут? Не держи на меня зла.

— Керрис! — крикнул Эрлинггай, сбегая с лестницы, — я не смел надеяться, что удастся переговорить с тобой с глазу на глаз.

Лицо Керриса ожило, и он с радостью по-братски обнял своего старого друга и ученика.

— Рад тебя видеть, Эрлинггай! Хотя я и не так представлял себе нашу последующую встречу.

— Керрис, пожалуйста, выслушай меня, — начал Эрлинггай рассыпаться в объяснениях, — попробуй выиграть для нас время! Задержи Клаусвиля. Только не нападайте. Хотя бы до вечера. Думаю, мы сможем устроить собрание, может, я смогу убедить...

— Извини, парень, — расстроено цокнул языком старик, — такой роскоши генерал вам предоставить не намерен. Я у него и так с большим трудом выпросил время на переговоры.

Немного прихрамывающим, но уверенным шагом надвигался Глоддрик.

— Маршал Галарт. Ежу понятно, говорить не о чем — ты поставишь нас перед фактом. Каково твое послание?

Алагар, насмешливо ухмыльнувшись, сказал:

— Каково бы оно ни было, мы останемся при своем. И ваш король может хоть обделаться, Крестала ему не видать!

— Друг мой, — из-за спин Карателей показалась фигура старого хаглорианца, — помолчи, будь так добр. Дай человеку высказаться. Хотя бы из уважения к его отваге.

— Архимаг, — кивнул ему Керрис, — говорить особо не о чем. Претензии короны в том, что Крестал не платит налоги. Не реагирует на рекрутские поборы. Живет по своим правилам. Возводит укрепления непонятно, для чего. Деревня превратилась в некое подобие алькова, пристанища для всех, кому немил долг перед Союзом. Вот что возбудило внимание Эанрила Третьего. Высланы войска были еще с две недели тому назад.

— Интересно! — сказал Глоддрик, — когда на границе Ганрая рыскали враги, Аргоя молчала. Когда одно селения вышло из-под контроля, армия тут как тут.

— Мы и собирались отбивать Ганрай, — оправдывался Керрис, — и мы уважаем заслуги Алагара и его людей. При иных обстоятельствах их ждали бы почести и щедрая награда. Но они развращают людские сердца и умы. Призывают их к измене государству.

— Каковы условия? — прорычал Ганрайский Демон.

— Они просты — Алагар уводит своих людей. Его община навсегда покидает это селение и границы Союза вообще. Крестал вновь включен в состав королевства Аргои, продолжает пополнять ее казну и участвовать во всесоюзной торговле. Клаусвиль обещал никого не тронуть.

— Я очень уважаю тебя, Керрис, — ответил Эрлинггай, — но обещаниям этого человека верить никак нельзя. Так же он во времена Северной войны обещал подоспеть с подкреплением к моему брату. И что вышло?

— Понимаю тебя, — вздохнул Керрис, опустив глаза к ногам, — но это все, что у вас есть. Я должен идти, задачей моей было лишь уведомить вашу сторону. Учтите — у

Клаусвиля есть ордер на применение насилия. Если люди Алагара откажутся подчиняться, на вас нападут.

— Удачи! Не разочаруйте нас, — ответил Алагар.

Керрис Галарт ушел, уводя за собой королеву, здоровяк же Канда, которому даже Алагар при своем высоченном росте едва доставал до подбородка, проводил их.

— Братья и сестры! — вскричал Алагар, к нему сразу же повернулись все, стоящие у стены и на ней, — готовиться к обороне. Стрелков на передовую, Хьерген — готовь ловушки. Поджечь ров! Пехота, — окликнул он ряды пикинеров, одетых в мантии Братства Уравнителей и готовых скидывать осадные лестницы, а сумевших добраться насадить на острия орудий, — держать строй! Зададим им жару!

— Заткнись! — рявкнул Глодрик, — еще слово — и оно будет последним.

— Не слушайте его! — призывал одуматься крестальцев и Уравнителей Эрлинггай, — его упрямство вас всех заведет в могилу.

Гувер решил вклиниться в обсуждение:

— Я мало что понимаю в военном деле, но о дипломатии представление имею. Могу заверить — Керрис Галарт говорил без преувеличений. Представь, сколько народу сложит головы?

— Это неизбежно! И наша в этом вина ли тех собак, что веками относятся к достойному люду как к своим крепостным? — повысил голос Алагар, — те, кто падет сегодня, удобрит почву своими жизненными соками и сделает ее плодородной для следующих поколений. Имена этих героев будут помнить до скончания времен. Если кто не готов отдать жизнь за то, во что мы верим — пусть сейчас же эти земли. Я никого не заставляю приносить себя в жертву.

— Эти люди верят в тебя! — отчаянно воскликнул Эрлинггай, — они пойдут за тобой на край света, хоть в преисподнюю! Как ты можешь использовать их, как какой-то ресурс?

— Они и есть ресурс, мой наивный приятель. Все мы — ресурс, даже я. Мы — строительный материал, кирпичи, из которых будет выстроен мир вечного благосостояния и гармонии. Люди приходят и уходят. Они уходят каждый день. Но, уходя, что они оставят после себя потомкам? Быть может, падут сотни, тысячи. Но узурпаторы будут ввергнуты в мир мертвых. А когда мы, умерев сегодня, переродимся, скажем, через столетие-другое, мы будем жить долго и счастливо в мире, построенном самоотверженными предками, память о которых сохранится в веках. Готовы ли вы оставить свой след в этом мире?! Так вперед — стрелки, приготовиться к огню! Остальным — вскинуть оружие и сдерживать натиск.

Йоши-Року до этого молча стоял, с каменным спокойствием оперся он на посох и вглядывался движения и метущиеся взгляды своего ученика. Здесь же он все-таки не удержался:

— Друг мой, а знаешь ли ты, что лучший бой — тот, которого не было?

Люди на стене застыли в нерешительности. Каждый из них думал о родичах, своих привычных домах, в которых они провели почти всю сознательную жизнь. Уравнители же чувствовали неловкость за своего наставника, который вскружил голову безобидным людям красивым слогом и громкими речами, а теперь прикрывается ими, как щитами.

Все это видела и слышала Танриль. И поверить этому ей было весьма трудно.

— Как же мне стыдно, что я могла полюбить такого человека, — надрывным тоном выговорила она, едва сдерживая слезы, — как низко ты пал, Алагар. Хотя, о чем это я? Тот человек, которого я любила, давно мертв. Он умер, когда ты отправился в Азрог. Когда дал

этой треклятой скверне из катакомб помутить свой рассудок!

Алагар вскинул брови и растерянно взглянул на сломленную женщину. На миг его накрыла дрожь, вызванная чувством стыда, неловкости, затем она все же уступила праведному гневу.

— Я отдаю себе отчет в своих действиях, Танриль, — выдавил он со злобой эти слова, — как и те люди, что готовы сражаться с угнетателями.

— Ты говоришь, что ни к чему никого не принуждаешь! — распаялась Танриль, лицо ее покраснело от досады и волнения, — но сам понимаешь, что это не так. Ты заговорил этим людям зубы, манипулировал ими, играл на наболевшем. Да, они не жили совсем привольно, но они жили! Ты же забил им головы своим дерьмом, сделал чокнутыми фанатиками, идеолог херов! Борец за свободу, защитник слабых и угнетенных! Посмотри на их лица, разве не видишь — они не готовы умирать.

— Но они сделали свой выбор, Танриль. Имей к нему уважение.

— И снова ты манипулируешь, на этот раз играешь со мной. Думаешь, вокруг тебя одни веревочные куклы? Я прекрасно знаю, насколько убедительными могут быть речи, если использовать магию. Да еще и если делать это на постоянной основе. Конечно, они пойдут за тобой. Только эта борьба за свободу им не сдалась, им бы и в голову не пришло провоцировать короля, если бы не ты!

— То, как они жили ранее — существование, а не жизнь. Разве это было им нужно? Я хотел дать людям то, чего они хотят. А каждый человек стремится к свободе. Разве для того дана нам человеческая жизнь, чтобы угождать трусливой канарейке, задницу которой усадили на трон по праву рождения? Всяким виконтам, графам и прочим, чьи предки силой, мечом добыли себе имя, убивая людей. Своих братьев! Пресмыкаться перед этими тварями? В этом наше предназначение? Этому учит путь мага?!

— Но они жили! — давясь слезами, крикнула Танриль, — они жили, выронок! Из-за тебя же их деревня превратится в пепелища, от домов останутся обугленные остовы, а от добрых людей останутся холодные трупы. Ты ничем не лучше Варзхела.

Алагар с силой вонзил древко посоха в землю и глубоко втянул воздух сквозь зубы:

— Ты всегда была такой. Изнеженной и слабой. Тебе недостает духу сделать то, что должно. Стерпится, слюбится — так проще. Всегда легче зарыться головой в песок, делая вид, что не замечаешь злодеяний, творящихся вокруг тебя. Я разочарован, Танриль. Думал, путям нашим суждено слиться воедино, но, похоже, мы подошли к развилке. Уйди с дороги, и я тебя не трону.

В это мгновение Кэлрен одарила волшебника таким уничижительным и преисполненным презрения взглядом, что и камень бы залился краской. Оскорбили ее любимую наставницу. Танриль предпочла смолчать. Йоши-Року положил руку на хрупкое плечо Танрили и легонько отодвинул ее в сторону.

— Значит, ты намерен драться? — спокойно спросил Йоши, не показывая своего отношения к поступкам Алагара, он лишь задавал вопрос, — друг мой, ты уверен, что это необходимо?

— На все сто, — с вызовом ответил Алагар.

— Похоже, ты намерен развязать гражданскую войну. Знаешь, любая революция становится злом, если при этом страдают невинные жертвы. Разве я не учил тебя, что важна не столько сама цель, сколько путь к ней?

— Не нужно читать мне нотации, мастер! — взъярился Алагар, — либо уходи, либо иди

на сторону врага и бейся с честью. А вы чего ждете, братья Уравнители? — обратился он не только к своим сподвижникам, но и к селянам, обозначив и их своими последователями, — намерения врага ясны — так ударим первыми, пока они не ждут!

— Нет.

Это произнесла Юкиара — достаточно непреклонно. Девушка из Ганрая спустилась с возвышенности и двинулась в сторону Алагара.

За нею следом шел Арстель и остальные крестальцы. Уравнители же застыли в нерешительности, поглядывая на орудия боя в своих руках, задавая себе один и тот же вопрос — а там ли они, где нужно. И так ли необходимо драться насмерть с людьми, которые, по сути, не желали им зла.

— Нет? — переспросил Алагар, склонив голову набок, — ты не дашь им отпор?

Крестальцы молча спустились, и под толстыми сложенными из стволов вековых деревьев стенами образовалась толпа. Алагариты также начали стекаться к ней. Только Кога остался на стене, до боли в суставах сжимая искривленные клинки.

— Госпожа Танриль права, — заключила Юкиара, выходя из скопления людей навстречу своему наставнику, — эти достойные, добрые и так любезно принявшие нас в свое жилище люди не заслуживают быть принесенными на жертвенный алтарь наших планов по переделу мира.

Алагар опешил. Потерянным взглядом он осмотрел все население Крестала перед собой. Даже его соратники окончательно определились с позицией и вышли из-под управления. Глоддрик наблюдал происходящее с заметным облегчением. Йоши-Року же в очередной раз возгордился мудрости простых людей из народа. Эрлингай встал рядом с этими людьми.

— Пробыв с нами так много времени, ты так и не смогла понять философию Уравнителей? Их путь. Я ошибался в тебе.

Юкиара ни на миг не поддалась колебанию. Вздернув подбородок она, хоть и в уважительной, но не терпящей возражений манере продолжила:

— Как и мы — в тебе, наставник. Думаю, я как раз-таки поняла философию пути Уравнителя. Будь единым со всем, что окружает тебя. Воспринимай ближнего своего как часть себя и заботься о нем не меньше, а даже и побольше, чем о своей шкуре. Те люди за стенами — наши братья, как и их родичи, ждущие возвращения мужей, сынов и братьев домой. Не по-братски, в моем случае — не по-сестрински идти и валить всех без разбору ради эфемерного светлого будущего, о котором ты так много и часто толкуешь. Тебе не претит, что фундамент этого «чудесного» мира будет построен на крови и костях. Путь Уравнителя — это путь человеколюбия, путь мира, но не войны. Тот мир, который мы строим, он для людей, не для амбиций и целей, которые, по-твоему, оправдывают средства. Как можно сделать мир для ближних лучше, убивая их.

— Слушай-ка...

— Нет, ты слушай! — возвысила интонацию Юкиара, — наставник. Я понимаю, не твоя вина, что ты так извратил правила высокой морали, чтобы поднять волну бунта, пролить реки крови и оставить за собой горы трупов. Ты искренне верил в свои цели и делал это не ради власти, не ради себя, и мы это уважаем. Потому мы и поверили тебе, наставник. Люди — не дураки, они способны отличить искренность от фальши. Но злая сила, о которой ты рассказывал еще намедни, отравила твою душу. По натуре ты благодетельный человек, наставник, но сила подземелий Азрога сделала из тебя исчадие зла. Ты — живой пример

пословицы о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Алагару нечего было сказать. Приоткрыв рот, держась за посох одними пальцами, он смотрел в глаза Юкиаре и был не в силах ей ответить. Арстеля ошарашила смелость этой несгибаемой девушки — она нашла в себе смелость выразить то, что было на уме у всех. Она подняла те самые круги на воде, которые уже было не остановить. От одного взмаха крыльев бабочки где-то в полях может произойти ураган. Так же и сейчас цепная реакция стала необратимой. Наставник Братства Уравнителей — пресловутый Алагар стремительно терял свой авторитет. Статус наставника он уже потерял.

— Но спасибо тебе, Алагар, — впервые за долгое время Юкиара назвала его по имени, — не кто иной, как ты научил нас этому пути. Теперь мы знаем, как поступить по совести. В конце концов, чистота источника не всегда требуется для передачи истинного знания.

Йоши-Року негромко ей поаплодировал:

— Подруга, я, конечно, тебя плохо знаю, но уже горжусь тобой! Такое чувство, что учил тебя я, а не он.

— Спасибо, — посмеиваясь, Юкиара обернулась ко всем остальным и сделала обращение, — кто не одобряет ненужного насилия — пойдемте за стены. Сложим оружие. Покажем, что мы не намерены идти на конфронтацию.

— И правильно! — выкрикнул Хельд, — этот бледнорожий мне никогда не нравился! Он даже чаевые мне не оставлял, когда приходил харчиться.

И все, даже Кога, последовали за ней. Кандал в одиночку приналег на створки ворот, и проход открылся. Арбалетчики тут же вскинули самострелы, захватив цель, но спустя секунду в изумлении опустили свои стрелковые орудия. Еще недавно ошестившиеся пиками, клинками и топорищами, готовые, казалось, биться до последнего, эти люди предлагают вариант мирного исхода сами. И непохоже было, что они испугались — с Алагаром и другими магами-Уравнителями у них были все шансы отбиться.

— Больше не пуп земли, да? — Глодрик по-волчьи оскалился и вышел за стены.

Алагар чувствовал себя так, словно из него выжали все соки. Однако колени его не подкосились. Взяв себя в руки, он резко двинулся за пределы Крестала.

— Хорошо! — крикнул он, — битвы не будет. Но как насчет уговора?

Клаусвиль презрительно скривил губы. Керрис Галарт насупил брови, предчувствуя недоброе. Азилур выступил вперед:

— Алагар, дружан, — подал он голос, — я боюсь, ты не в том положении, чтобы ставить условия.

— Неужели? Думаешь, если я остался один, меня можно списывать со счетов? И так, вы, — он указал рукой в сторону Керриса Галарта и Клаусвиля, — должны прекрасно понимать, что живым я вам не дамся.

Клаусвиль протяжно фыркнул и пожал плечами:

— Ну так грохнем тебя — и нет проблем. Азилур разберется. Да и Архимаг, похоже, не совсем на твоей стороне.

— Верно, но, как ты думаешь, сколько ваших людей я успею отправить в Йорхэн прежде, чем до меня доберутся мой брат и учитель? Может, я и вас сумею зацепить, как знать.

— Что ты хочешь, отступник? Твое вероломство само по себе является достаточной причиной, чтобы мне пропустить мимо ушей любое твое слово.

Алагар, игнорируя эту реплику, продолжил:

— Я предлагаю состязание. Я бьюсь один на один с любимым, кого ваша сторона согласится выставить. Хоть с тобой, Керрис Галарт или с тобой, — он направил посох в грудь Клаусвилю, — с тобой — с особым удовольствием. Если я выиграю — вы отводите от Крестала свои войска и чтобы духу вашего здесь больше не было.

— А если продуешь?

— Тогда даю слово мага — я брошу посох и сдамся в плен. Можете казнить, можете запереть в казематах до конца моих дней. Поступайте в таком случае со мной, как вам угодно. При одном условии — этих людей, — он мотнул головой в сторону населения Крестала, — вы никоим образом не накажете. Идет?

Клаусвиль что-то невнятное промычал, затем почесал щетинистый подбородок. Ему не по душе была возможность проиграть и вернуться к королю ни с чем, с другой же стороны — кто запретит ему нарушить условия соглашения, даже если Алагару суждено выиграть спор? В обоих случаях он был в выигрыше. А так — еще и зрелище обеспечено после длительной и довольно унылой поездки.

— Идет! Азилур, как думаешь, осилишь этого хмыря?

Придворный маг немного замялся. Видел он в Алагаре все еще своего собрата, никак не врага.

— Не стесняйся, Азилур. Король отвалит щедрую награду. Если, конечно, на меня тебя хватит, — посмеиваясь, облизнул сухие губы Алагар.

— Что ж, тогда начнем наш...

— Друг мой! — раздался звучный голос Йоши-Року, быстрым шагом взбиравшегося по холму, — это ни к чему. Алагар, скажи мне одно — тебе это вправду нужно?

— Кажется, я уже сказал, что отдаю себе отчет в своих действиях.

— Тогда я принимаю твой вызов, Алагар. Мне очень жаль, что по-другому не вышло.

— Как бы тебе не пожалеть еще больше, — сделав паузу, Алагар саркастически добавил, — мастер.

Танриль хватилась руками за голову и осела на землю:

— Он собрался драться с учителем... Нет, его уже не спасти.

Арстелю в этот момент было искренне жаль Алагара. Даже сейчас, когда соратники от него отвернулись, женщина, небезразличная ему, отреклась от своих чувств, а наставник и старый друг выступил против него, он не утратил внутренней силы, а стержень его остался цел, как и вера в свою правоту.

— Тогда начнем, друг мой, — сказал Йоши-Року, когда они встали в чистом поле перед воротами Крестала на расстоянии двадцати шагов друг от друга.

Алагар воздел посох ввысь и проревел:

— Взреви, Ортаун!

С небосвода со скоростью ветра сбросился тот самый дракон, словно комета, он рыбкой устремился в сторону земной тверди и лишь в самый последний момент грациозно развернулся, описав дугу у самой земной поверхности, и снова взлетел ввысь. Алагар уже стоял на его спине, уверенно балансируя. Успел запрыгнуть и оседлать своего дракона.

— На драконах, значит, — горестно усмехнулся Йоши, — как будет угодно. Приди, Марандиул!

И тотчас же в недалекой дубовой роще ветви деревьев слегка зашевелились. Потом сильнее — стволы деревьев закачались из стороны в сторону, шелест листьев был слышен у

самого Крестала. Ветер взвился, подняв полы неброского одеяния хаглорианского мастера. Из-за деревьев стремглав вылетел дракон, но был он весьма необычен. Вместо чешуи его тело покрывала прочная древесная кора, а глаза его сверкали зеленым пламенем. Точно такого же цвета огонь он изрыгал в небеса.

— Это же... — опешил Ревриан Гувер, — легендарный дух леса! Страж хранилища свитков и манускриптов Хаглоры! Древоподобный Марандиул. Надо будет и о нем написать! Какое необычное создание...

— Тебя это волнует?! — изумился Эрлинггай, — ты шутишь?

— А ты хочешь, чтобы он обделался от страха? — спросил Гримбла.

— Да ладно, — бросил Хельд, — не относитесь к жизни слишком серьезно. Может, это тот самый дракон, который как-то от души посрал, и из его фекалий родился Йору-Клиа.

— Как ты смеешь оскорблять духов моего народа! — взвился хаглорианец.

Странное дело — вместо гребня на спине Марандиула была продолговатая поросль каких-то стеблистых растений, похожих на папоротники, крылья же его и вовсе состояли из переплетающихся корней, лиан и широких листьев.

— И снова ты призвал меня в час битвы, Йоши, — подлетая, подытожил дракон, — нет бы, чтобы просто поболтать.

— В другой раз, друг мой, — осклабился маг, — сейчас сделаем дело, и вдоволь наговоримся.

Ортаун уже выделял очередной вираж ввысоке и, завидев мистического дракона из древности, воскликнул:

— Я не подписывался на сражение с такими могущественными существами, — прорычала красночешуйчатая рептилия, — этому духу больше двух тысяч лет. Он бороздил просторы Ранкора еще до того, как первый саженец пророс в землях Лайнур-Арая. Он гораздо могущественнее меня.

— Не трусь! — отозвался Алагар, — я слишком хорошо знаю своего мастера. Он не задействует силы этой бестии. Сражаться будем только я и он.

И вот, драконы летели вровень, кружа и выписывая восьмерки. Алагар так же уверенно держал равновесие, стоя почти во весь рост, чуть раскинув руки в стороны. Йоши же, напротив, чуть пригнулся, а руки выставил перед собой, сжимая посох.

— Друг мой, все могло быть иначе! — крикнул Йоши-Року.

— Довольно слов! — проревел Алагар.

Из яйцевидного навершие Алагарового посоха вырвалась паутина молний, расходящихся в разные стороны, сталкивающихся друг с другом и описывающих причудливые сети. Искрящийся свет слепил глаза, а когда удар пришелся на хаглорианца, грохот молний заглушало даже рык драконов. Многовекторный разряд врезался в непроницаемый и неразличимый человеческим взором защитный экран Архимага. Молнии бились о преграду, высекали искры, но тщетно. Вдруг они, казалось, прошли защиту, слившись в один искрящийся клин, и влились в самый кертахол посоха лесного старца. Йоши крутанул посохом, и молнии взорвались, превратившись в электрическую и телекинетическую волну, не повредившую Марандиулу и его наезднику, но безжалостно шарахнувшую Алагара и его дракона. Красноволосый маг взмахнул посохом, и разряд словно развеялся в воздухе.

— Снова ты жалеешь меня, мастер, — ответил Алагар, — я ведь знаю, это отнюдь не все, на что ты способен!

— Зачем тебе это? — спросил Йоши-Року, ветер загрохал его голос, — вы могли бы

жить под покровительством Союза, ты бы продолжал учить этих людей верному пути.

— Ты прекрасно знаешь — это исключено! — крикнул Алагар, — подчинение — признак слабости. А слабость — не путь Братства Уравнителей.

— Друг мой, — печально увел в сторону глаза Йоши, — ты подвел своих братьев и сестер.

Алагар атаковал снова — он описал своим длинным жезлом крестообразный узор, и воздух, казалось, приобрел форму множества лезвий, посланных в сторону хаглорианца и дракона из чащоб, чтобы нашинковать их. Йоши-Року сделал глубокий вдох и взрезал посохом пространство перед собой по горизонтали. Кертахол его сиял зеленым светом ярче полярной звезды. Атмосфера перед лицом мастера магии, казалось, пришла в движение, а спустя секунду вокруг Йоши и Марандиула завертелся лютой смерч, поглотивший ветряные лезвия Алагара. Он простирался все дальше, грозя захватить Ортауна и его хозяина в свой смертоносный танец. Благо, Алагар послал в центр вихря луч всепрожигающей энергии синеватого цвета, которая разделила всежиряющую воздушную воронку на две части и пресекла ее движение. Бывший наставник Уравнителей, стиснув зубы, выбросил посох перед собой, и из кертахола вырвался рой горящих алым и неугасимым огнем черепов, готовых разорвать хорошо выдержанную со временем плоть старика, предварительно поджарив ее своим огнем. Йоши-Року решил, что клин полагается вышибать клином, он выставил посох наперевес, по горизонтали, и изверг мощнейшую струю зеленого огня, того самого, который сверкал в глазницах Марандиула. Этот огонь черпал силу в дремучем лесу Хаглоры. Только лесному народу была под силу такая магия. Этот огонь вскоре принял некое подобие гуманоидной формы, затем же руки превратились в лапища монстра, в голове же прорисовались рога, клыки — рожа походила на демона Азрога. На юге, в Клирии люди часто лепили из глины или гипса маски с такими страшлищами, раскрашивали и вешали их на стены своих изб, дабы те отпугивали злых духов. Йоши-Року же был мастером по части создания элементарей. Огненный элементаль издал утробный рык и своими загребущими руками, которые казались мускулистыми, если можно так сказать о существе, целиком состоящем из пламени, ловил огненные черепа и пожирал их, становясь еще и еще больше. Поглотив последний, он до безумия вырос в размерах и метнулся навстречу Алагару. Огненный монстр уже разверзнул пасть, дабы поглотить Алагара и дракона, превратив их в пепел, но противник хаглорианца вызвал ледяную струю такой мощности, что холодный ветер погасил элементаль в два счета. Затем же из этого ветра вылетели снопы ледяных игл, осыпавших защитный экран Йоши.

— Пора заканчивать эту возню! — вскрикнул Алагар и снова атаковал.

Йоши молча ударил в ответ. Их магические атрибуты выстрелили сгустками энергии той самой силы, которая питала их магию. Из посоха Алагара вылетел сгусток алой, как кровь, энергии. Йоши-Року же выпалил зеленой аурой. Эти две сферы столкнулись друг с другом, точно две звезды. Взрыв по ослепительности и оглушительности походил на сверхновую вспышку. Дракон Алагара взмыл ввысь, проделал мертвую петлю, и снова кинулся к Марандиулу. Алагар, яростно взыв, выбросил из своего посоха струю скверны — эта распыленная в воздухе жидкость должна была разесть кожу и плоть мастера Йоши как каррозия изничтожает добротный слиток металла. Хаглорианец плотно сжал губы, вздернул посох, и поток ветра развеял скверну, хотя неслась она на немыслимой скорости. Сразу же он ткнул посохом в сторону Алагара, кертахол еще раз взблеснул, и тут же жезл Алагара вылетел из его руки как вольная птица, вращаясь, он куда-то запропастился в свободном

падении. Тут же стопы Алагара оторвались от алой чешуи Ортауна, и он застыл в воздухе, как будто его к чему-то привязали незримой веревкой. Ортаун сделал еще один крутой разворот, попытался накинуться на Марандиула, но Йоши ударил его телекинетически, отчего оглушенный дракон низринулся к земле. Лишь последние несколько метров падения его скорость в десятки раз замедлилась, и Ортаун плавно и безболезненно осел на траву — Шая не ошиблась, когда назвала хаглорианцев сострадательными, Архимаг не был исключением. Алагара точно сковало, он не мог пошевелиться — даже повернуть голову был не в силах.

— Боюсь, друг мой, ты проиграл во всех отношениях, — удрученно заключил Йоши-Року, — не вини меня — в твоих бедах виноват лишь ты сам.

Недавно распавшееся Братство Уравнителей с грустью следило за схваткой, исход которой был предрешен еще до начала. Все, особенно Танриль, понимали, что против сильнейшего властителя мистических сил на Ранкоре у Алагара не было шансов невзирая на его высококлассное мастерство. Юкиара с волнением наблюдала, прижав руки к груди, она не молилась, но горячо надеялась на милосердие Йоши-Року. Хельд увидел новую возможность заработать легкие деньги и оббежал всю толпу, предлагая делать ставки, впрочем, никто этим предложением не заинтересовался. Арстель с отрешенным сожалением, но и с уважением к Алагару, бившемуся до конца, вглядывался в вышину, где маги старались поразить друг друга сверхчеловеческой силой. Уравнители окончательно отринули от своего сердца наставника, распрощавшись с ним.

Когда Йоши приземлился за версту от толпы, он спустя минуту телепортировался к войскам короля с Алагаром, руки которого были связаны за спиной.

— Он выполнил свою часть уговора, — констатировал Йоши, — избежать участи не пытался. Теперь, я полагаю, он предстанет перед справедливым судом Аргои?

Клаусвиль слегка кивнул и, растянув губы в усмешке человека, привыкшего видеть в других потенциальных жертв, протянул, получая явное удовольствие от момента:

— Не совсем, — сказал он, — в кутузку отправятся все, кто был с ним согласен.

Керрис Галарт округлил глаза:

— Как?! Но ты обещал...

— Обещать я мог все, что угодно. В ордере прописано право арестовать всех, противящихся и противившихся воле короны. Вы все всерьез допускали, что те, кто игнорировал налоги, поборы и не отчитывался перед блюстителями закона, уклонится от ответственности? Как будто можно вот так просто послать короля — и тебе за это ничего не будет!

Йоши поглядел на него, точно на бешеную скотину, которую следует лишь умертвить. Этот человек, дорвавшийся до власти, всюду злоупотреблял служебным положением, чтобы удовлетворять свою потребность к доминированию. Ему нравилось внушать страх и отчаяние в душу людей, которым не было до него дела и которые жили счастливой жизнью.

— Кто дал тебе право трогать население? — разъяренный Глоддрик дошагал до поста командования, хромым шагом забравшись на всхолмье, — повязать повстанцев — одно.

— Опять ты лезешь не в свое дело? — раздраженно бросил Клаусвиль, — лучше бы границы стерег. Судя по тому, как захватчики оккупировали Ганрай, ты с этим плохо справляешься.

Глоддрик плюнул в сторону всадника:

— А ты где был в тот день? Жалкий трус.

Клаусвиль побагровел от негодования:

— Ты назвал меня трусом?

— Оглох или отупел?! — рявкнул Глоддрик, — благодаря этим людям наступление остановлено. Ты в долгу перед ними, кусок дерьма. Хоть раз в жизни поступи порядочно.

— Я поступаю по закону, — отчеканил Клаусвиль, — ордер есть, подписанный всеми министрами и вельможами, да и самим королем. Там стоит королевская печать! И любой из тех, кто воспротивится исполнению написанного на сием документе, будет считаться таким же предателем, как и этот сброд. Кстати, а чего вы стоите? — гаркнул он своим солдатам, — связать их и растасовать по обезьянникам!

Никто не сопротивлялся. Алагаритов связали первыми. Эрлингая не хотели трогать из боязни запятнать этим репутацию королевской семьи, да и он никогда не выказывал своей симпатии к взглядам Алагара.

Арстеля же заковали в кандалы, как и Юкиару.

— Как-нибудь вывернемся, — сказал он ей.

Ганраянка кивнула, благодарная за поддержку, но отвечать ничего не решила.

— Не переживайте, — окликнул их Шаабан, которого уже затолкали в одну из решетчатых телег, — это всего лишь одно из испытаний, дарованных нам Илгериасом.

Ревриан Гувер подошел к решетчатым камерам и возбужденно обратился к жителям Крестала:

— Даю вам слово — я сделаю все возможное, чтобы вытащить вас.

— Как и я, — с тяжелым лицом кивнул Глоддрик, — слово Карателя.

Эрлингай по привычке держался за рукоять клинка, повернувшись вполоборота, он произнес:

— Я буду с вами мысленно. И, будьте уверены, мой сводный брат еще потрудится объясниться за этот беспредел.

Йоши-Року медленно подошел к стальным прутьям и крепко сжал их жилистой рукой:

— Удачи, — с улыбкой кивнул он бывшим союзникам Алагара, заглянул в глаза Юкиаре и Арстелю, снова кивнул, на этот раз — им, и отошел от клеток.

В сторону Алагара, скованного по рукам и ногам и заточенного в отдельной повозке, он силился не заглядывать. Вид же его ученика выражал полную отрешенность. Можно сказать, отключенность. Будто все эмоции сошли с его лица. Человек, обладавший некогда зажигательной харизмой, бросавшийся пылкими словами и совершавший решительные дела, носивший в своем уме радикальнейшие планы глобального масштаба, теперь, казалось, был ко всему безразличен. Ничего не выражающим взглядом он всматривался в разводы ржавчины на потолке стальной клетки, привалившись к прутьям. Алагар будто бы погиб в недавней схватке, а осталась от него одна лишь оболочка. Иногда он все же бросал взгляд в сторону своих недавних братьев по оружию, но не видел в них ничего, кроме отчуждения и неприязни. В произошедшем винили они в первую очередь его.

Клажира и Кэлрен тоже хотели увезти, но этому не дал свершиться Глоддрик, грубо оттолкнув от них гвардейцев. Когда те, глядя с опаской на великого воина, спросили, в чем дело, получили краткий ответ:

— Это мои подчиненные.

Вскоре повозки с плененными покатались по ухабистому тракту.

Йоши-Року, Эрлингай, Ревриан Гувер и Глоддрик Харлауд глядели им вслед. К сожалению, собратья бывших Стражей — Шибуи и Гуаррах ушли еще до рассвета, потому

им не довелось быть свидетелями этой грустной сцены. Йоши открыл было рот, закашлялся от поднявшейся после уехавшей вереницы повозок и уходящей толпы солдат пыли, затем проговорил:

— Я выдвигаюсь в Аргою. Кто со мной?

Молчание, в данном случае означавшее согласие, было ему ответом. Благородный воин Аргои, незаконорожденный сын предыдущего короля — Ганзарула Второго и один из талантливейших фехтовальщиков, Третий Архимаг и Хранитель Хаглоры, глава Карателей, прославившийся своей безжалостностью к врагам государства и боевым безумием сродни наркотическому опьянению и прославившийся в народе писатель. Команды из более непохожих друг на друга людей сыскать было бы тяжело. Но каждый из них обладал рычагом воздействия на решение, которое примет король Эанрил. А вереница людей, сохранивших в сердце надежду на по праву заслуженный ими исход и на благодарность короны, уходила все дальше от Крестала, который теперь взяли под свой контроль войска короля.

Глава 17: «Казнить-нельзя-помиловать»

Жители трущоб Силгорского пригорода словно белены объелись. Такой яркой нетерпимости к кому бы то ни было Арстель не встречал за всю свою жизнь. Если в его родном селе можно было привыкнуть к распространившемуся почти на всех принятию друг друга (даже люди вроде Мурвака, хоть и любили показать зубы и досадить другим своим характером, хотя бы на бессознательном уровне относились к соседям как к своим), то в этом городе, наводненном людьми знатных и не слишком кровей, подозрения, настороженность в ожидании того, что кто-то подберется сзади, огреет брусом со вколотыми гвоздями и обчистит карманы были привычным делом. В тех районах, где барских родов особы проезжали лишь редкими экипажами, боясь изгваздать лакированные туфли из импортной кожи в дорожной пыли, грязи и слякоти — гравии и песке, смешанном с выливающимися из окон нечистотами или проточной водой, люди до одури проклинали власть и правящие сословия, местные правительства, землевладельцев по всей округе. Это было не самое главное — жители Крестала, казалось, со всех сил искали предмет ненависти, неважно, кого именно, этим людям патологически требовалось хотя бы к кому-то исходить злобой, и малообеспеченные горожане отличались не большей человечностью, чем лишившиеся трезвости ума в своем снобизме и чувстве превосходства чистой крови дворян. И вот теперь они нашли мишень для своих издевательств и насмешек в лице схваченных королевскими солдатами обитателей окраинной деревни Крестал. Дорога не была достаточно долгой, как только они перебрались подальше от Крестала, захав в редковатый бор-ельник. Там же Азилур перенес колонну — пленников и остатки сотысячной армии, выделенной в качестве сопровождения, на границу Силгора. Сделал он это, открыв посреди древесных стволов широкий портал, в котором переливались все оттенки синих и голубых цветов. Когда их завезли — перед глазами словно повесили другую картину. Глаза Арстеля и остальных крестальцев привыкли к девственным просторам природы, холмистым равнинам, устанным высокой порослью осоки, борщевика, репея, часто встречавшихся кустов и редких березовых или хвойных рощиц. Здесь же, в округе столицы, были практически везде вспаханные и утрамбованные поля, которые бороздили плугами крестьяне, зарабатывая себе гроши на клочках земли, называемых наделами, чтобы помещики, хозяева имений на сотни акров, могли позволить себе собирать сливки, обирая живущих впроголодь подданных до нитки и выставляя на Силгорских рынках на продажу овощи, зерна, лён, который либо продавали ткацким мануфактурам, либо обменивали с купцами-южанами на шелковую нить. Хоть почва и была плодородной по большей части на Аргойских землях, леса в некотором радиусе от Силгора были давно уже изведены под корень, выкорчеваны до остатка — а тонны древесины ежедневно сплавлялись к северу по реке Быстроходной. Когда они приблизились к стенам города, Арстель искал взглядом привычные оконечности Драконовых Гор, но отсюда не было видно даже их далеких снежных вершин. Не было видно и пограничной стены Вархула. Зато перед их лицами высились древние стены Силгора — сложенные из белого камня длиной в пятьдесят единиц человеческого роста. Но проезжали они под убогой аркой, сколоченной на отвали из гнилых досок, лишь ржавые гвозди кое-как держали потрескавшееся и изъеденное плесенью дерево. Привратник был пьян в хлам, на плетеном табурете он развалился, а под ногами его валялись осколки недавно выроненного и разбитого кувшина с вином, теперь представлявшим собой высохшую темноватую лужу на

сухой и рыхлой земле. Хижины же везде были такими же покосившимися, как и та арка. Какие-то были вкопаны почти наполовину в землю и сколочены целиком из дешевых досок, другие же люди, побогаче, старались селиться поближе к городским стенам, эти люди могли себе позволить иметь небольшие пристанища из обожженной глины. Но даже они были в низших кругах столичного общества. Неслучайно бедняков селили за городскими стенами — в случае нападения врага они станут первыми жертвами, этакий живой щит. Меж домов были постоянно перетянуты веревки, на которых сушилось застиранное и рваное, часто неаккуратно зашитое белье. Балконы же, если они были, то и дело попадались дырявые, надломленные у креплений, грозившие того и гляди обвалиться вместе с хозяевами, выходящими на балкон, чтобы подышать дешевым куревом и, оценив весьма скромные виды, в очередной раз убедиться, что в столице великого королевства им ловить нечего. В округе города же через каждую версту попадались роскошные поместья, над анфасами которых работали не последние зодчие Клирии и Аргои. На одной из таких родовых усадеб Арстель заметил у входа мускулистых атлантов из мрамора вместо классических колоннад.

— Во, люди жируют! — прокомментировал Хельд, — наворовали их предки, однозначно. Я вот в детстве любил тырить пирожки у старого булочника. Как знать, а вдруг мои пра-правнуки будут такими же большими фигурами на Пятиконечной Скале?

Когда их везли по кочкообразной и извилистой дороге, на которой валялось мусора больше, чем на крестальской свалке, их телега постоянно подпрыгивала, отчего Клажира укачала так, что он едва не вывернулся наружу. Осколки давно выброшенных бутылей, утрамбованных ордами проезжавших много лет по этим дорожкам продовольственных обозов, экипажей или же просто втоптаных в грязь просившим каши башмачьем местного люда. Жители нищих кварталов собирались вокруг телег и, яростно вопя, плюясь, поливая дождем из брызг своих слюней, кидались гнилыми овощами, а то и чем покрепче в проезжавших крестальцев. Хельда, казалось, это ничуть не заботило, он заметил в общем позоре своих собратьев по несчастью возможность повысить внимание к «Желудку Дракона». Так он на всю улицу и выкрикивал его название, предлагал отправиться в Крестал силгорцам, уверял, что там найдется куда больше места и вольготности для отвергнутых забитым до отказа городом господ. Кричал он также, что те, кто не будет швыряться в него помоями, получат баснословные скидки, те же, кто попадет в Алагара, будут обедать у него бесплатно. Алагара ничуть не заботили летящие ему в лицо комья грязи, пыли и куски протухшей еды. Он равнодушным видом смотрел, как гнилая свекла разбрызнула сок, врезавшись в прутья ограждения, и теперь сползала книзу, обильно капая на землю. Магу не было дела ни до публичного унижения, ни до того, что будет с ним впоследствии. Он все никак не мог хотя бы в уме схоронить то дело, к которому стремился последние несколько десятилетий, еще вчера процветавшее, люди были готовы свернуть горы под его началом, обратить в крошево неприступные дворцы ручных крыс Эанрилы, теперь же прочный фундамент его Братства обрушился вместе с утерянным доверием Уравнителей. Юкиара была последняя, от кого он ожидал, что его непререкаемое положение лидера общины и наставника будет поставлено под сомнение.

Мурвак же подобрал один из обломков строительных кирпичей и со всей дури запустил им в щербатого пожилого мужчину, который осыпал отборными ругательствами матерей проезжавших пленников. Осколок кирпича попал тому аккурат в голову, отчего пролилась кровь, а голодранец грянулся оземь. Стража даже не обратила на это внимания — для них жизнь одного из наводняющих эту дыру бесполезных оборванцев была лишь облегчением

для Союза — меньше ртов придется кормить. О том же, чтобы дать рабочие места нуждающимся и превратить людей из обузы в потенциал королевства, знать старалась не думать — их устраивали подданные крепостные крестьяне, исправно платившие оброк, а промышленники старались держаться поближе к городским центрам, таким образом за бортом остались обделенные горожане, которые не смогли прижиться в весях, решив попытаться счастья в городе, где вдруг оказались никому не нужны. Юкиара и не думала ерепениться — с глубокой жалостью она рассматривала людей, которые со всем старанием пытались выпустить накопленную долгими годами лишений злобу.

— Если бы Глодрик не отвел нас с братом в Храм Мечей, — поделилась она внезапно нагрянувшей мыслью с Арстелем, — как знать, может, я была бы одной из них?

— Не была бы, Юки, — он наотрез покачал головой, — ты не такая.

— Приятно, что ты так думаешь! Значит, не даром с тобой я из кожи вон лезла, пытаюсь проявить лишь лучшие черты своего характера. Если они, конечно, на самом деле присутствуют.

Клажир и Кэлрен сидели в обнимку. Девушка, очевидно, не оправилась от потрясения, для ее юного сердца этот показательный позор был как удар обухом по голове, а затем — нырок в ледяную прорубь. Она лишь прижималась к широкой груди своего друга и редко хлюпала носом. Клажир что-то без конца говорил ей вполголоса, но девушка, казалось, не в состоянии была его слушать. Ему, впрочем, это было не так уж и важно, говорил он больше для себя — если некоторые люди уходят в себя при абсолютном молчании, паренек из Козьих Загонов являл собой их полную противоположность. Кога же скалил зубы и отвечал одичалым рыком, на который способен только урожденный равшаром, на хулу и рокот толпы. Марвола Черного Льва с ними не было — его, как и Эрлингая, не пустили в заключенным, так он остался присматривать за околodkaми Крестала, что теперь кишел солдатней, вполне могущей буйствовать, устраивая массу непотребств на беду селянам. Шаабан перебирал четки и читал мантры, восхваляющие имя Арая Илгериаса. По поверьям южных монахов повторения его имени дает возможность избавиться от бремени перерождений на брэнной земле и навеки воссоединиться с Создателем в трансцендентальном мире. Лишь один Шаабан об этом думал среди всех, находящихся на этой заляпанной грязи улице. Стены же всех домов были исцарапаны ругательными словами, оскорбительными лозунгами в адрес короны, которые гвардейцы упорно старались не замечать — всех не переловишь. А треснувшие глиняные стены более крепких домов были разукрашены замысловатыми узорами, которые, возможно, служили тайным языком местным преступным группировкам. Юкиара сразу такие распознала — в Ганрае можно было плюнуть с великим шансом попасть в настенное «художество» сего рода. Гримбла, скрипя зубами, старался сдерживаться, но под конец его терпения не хватило:

— Жаль, во времена Гророва мятежа мы не порезали ваш убогий род, как свиной!

После этих слов по лицу его растекся прогнивший до сердцевины баклажан.

Кога, как подобает достойному равшару, лишь едва слышно рычал, но ни разу не шелохнулся, даже чтобы стереть гнилой овощной сок или капли крови, текущие из разрыва кожи от ушиба запущенным каким-то пригородным мальчишкой камнем. У равшаров не в ходу было использовать слова в качестве оружия. Йору-Клиа тщетно издавал речитативы песнопенных обращений к существам из тонкого мира, призывая их обрушить кару на недостойных, но максимум, чего он добился — это окрика стража, приказавшего «завалить хлебальник» и звучного удара дубинкой о заградительные прутья. Хьерген же копался где-то

у двери клетки, тщетно пытаясь угадать модель замка и понять, каким образом его можно отворить. Определив изготовителя, он обводил глазами гравий в поисках подходящего материала для рабочей отмычки, но на глаза ему попадались только трухлявые щепы и хрупкие лучины, заботливо выброшенные обывателями застенного города.

— Помните — все мы едины в своем братстве, как дети Илгериаса! — поднял руку, призывая спутников к вниманию, Шаабан, — не держите зла на этих людей — не ведают, что творят.

Из передних рядов озверевшей толпы выскочил веснушчатый блондин и провопил:

— Не брат ты мне, черномазая скотина! Вертел я мать твою знаешь, на чем?

Шаабан выбросил хваткую руку за прутья и сцепил пальцы у горла оскорбителя, но крепкий удар палкой стража отбил у него желание устанавливать справедливость.

— Знаете, мне даже по нраву, — расслабленно вытянул ноги Хельд, — воспринимайте это как экскурсию. Арстель, ты же хотел побывать в Силгоре? Ну вот, смотри, как к тебе равнодушны аборигены. Особенно тот толстяк, бряцающий отбивным молотом.

Арстель выцепил зорким глазом мясника в заляпанном жировыми потеками фартуке — этот дородный мужчина с жиденькой бородой со всей мочи вдарил по прутьям молотом, надеясь искрошить кому-нибудь из пленников пальцы. Его неудовлетворенные от неудачи стенания склонили Арстеля к согласию со словами Хельда.

— Как говорил мне дед как-то — бойся своих желаний.

Быть может, желание вырваться в большой мир было излишним, если в Крестале всегда было так спокойно и уютно. Какой смысл скитаться по неведомым землям, если в мире так сильна межчеловеческая враждебность? Тем временем они переехали через обширный ров Силгорской ограды, в пучине которого даже резвилась промысловая рыба. Переехав через подъемный мост, плененные герои-освободители Ганрая продвигались вглубь столицы Аргои — всесвязывающего звена в самом сердце Союза. Точнее, подмявшей под свою пяту Союзные государства королевства Аргои.

Улочки центра Силгора разительно отличались от виденной ранее нелепой пародии на городскую жизнь. В планировке застройки виднелась не поддающаяся сомнению упорядоченность, дома были куда более ровными, свежо оштукатуренными, украшенными барельефами, мозаичными изразцами в виде гербов Союза или различных сцен из Книги Трех Миров. И по размеру эти двух или трехэтажные сооружения были куда больше лачуг уличных босяков, теснившихся за стенами Силгора — каждый дом мог вместить четыре-пять таких хижин. Население было куда более прилично одето — бархатистые камзолы, белые гетры, и вычищенные до блеска туфли — все это было не редкостью для разночинцев, а уж тем более для людей, занимавших видное положение в клановой иерархии Аргойской элиты. Когда повозки с пленниками проезжали рынок, на котором представители всех существующих на Ранкоре рас предлагали на строгий суд прихотливого потребителя свои товары, Арстель заметил площадку с виселицами на краю центра города.

— Вот, что нас ждет, значит, — заключил Мурвак, — подвесить бы этого Эанрила да за причиндалы.

— Что за чушь ты городишь! — чуть не надорвал живот с хохоту Хельд, — таких маленьких петель еще не изобрели.

— Все дурака валяешь, — с улыбкой ответил Мурвак, а затем и сам устал сдерживаться и зашелся раздающимся на три соседних квартала истерическим смехом.

Алагар, казалось, обрел полное принятие происходящего, словно и не его вполне могли

вздернуть в ближайшие дни на потеху публике, которая была бы очень горазда поднять на смех как его воззрения, так и людей, следовавших им. Они направлялись к главному зданию Аргойской крепости, серокаменные зубчатые башни которой виднелись еще за стенами. А на стенах городских домов то тут, то там свисали кричащие листовки, карикатурно изображавшие большеголового Варзхела, которому вместо шлема на голову будто бы дырявое ведро напялили, а за ним — храброго, атлетично сложенного солдата Аргои, насадившего зад ненавистного чернокнижника на алебарду. Люди смеялись этим бездарным рисункам, фокусам уличных факиров из Клирии, придирчиво оценивали безделушки, что на рынке им пытались втюхать торгаши. Арстель краем глаза заметил, как кудрявый мальчишка лет пяти-шести пригладил вихор рыжих волос и, с любопытством глядя на проезжающую телегу, помахал людям. Юкиара расплылась в умиленной улыбке и ответила ему тем же.

— Не смотри на этих людей! — подросла мать, держась за подол кружевного платья, — это же преступники, разве не понятно?

А многие продолжали искоса посматривать в сторону проезжающих.

В подземных застенках королевской крепости оказалась уйма свободного места. В связи с торжеством недавней победы над внешним агрессором многих неугодных королю или, точнее, генералу Клаусвилю и казначею Монсераду, заключенных выпустили на волю. Роскошь, на которую пленным из Крестала рассчитывать не приходилось. Алагара поместили в одиночную камеру, тогда как остальных рассовали по разным тюремным секторам. Арстель и Юкиара, к своему везению, оказались в соседних камерах, что позволяло им делиться друг с другом надеждой, соображениями насчет того, что может помочь им выкрутиться из положения, догадками о том, что сейчас делают те, кто остался в Крестале, к примеру, мельник Ропхиан — сколько хлебов придется выдать на пропитание бездонным желудкам солдат, осевших в гостеприимном селе, которое Уравнителя отстроили под стать мелкому городку. Девушка была счастлива, ведь она могла спать спокойно, зная, что с ее младшим братом все хорошо, и он остался в Крестале, да и не один, а с Няярой. Сердце Юкиары бы не выдержало, окажись он в одной из этих сырых камер, сквозь которую будут время от времени пробегать крысы в поисках кормежки. С час они с Юкиарой держались за руки сквозь жерди стальных решеток, на ум обоим пришло, что так, сцепив ладони друг друга, они могли бы просидеть в этой заблеванной каталажке до самой старости, даже пожизненное не казалось влюбленным таким уж несчастьем. Хельда поселили напротив, он высказывал свои опасения насчет того, что королю и невдомек, что под его полом сокрыты самые опасные враги отечества — его мирный народ. Также флорскел любил давать советы насчет обустройства удобств в камере:

— Арстель, Юки! Я вам отвечаю, крыльями об заклад бьюсь — если это сено в углу как следует разжевать, превратить его в кашеобразную субстанцию, а затем слепить из него табурет — получится вполне себе достойный агрегат для... полировки его краев вашими ленивыми задами.

Никто, конечно же, не обнаружил в себе стимула применить ценный совет трактирщика на практике, даже он сам. Арстеля в первую же ночь конвоиры вытащили из камеры и повели по коридору, игнорируя все попытки Юкиары и Хельда добиться от них ответа, куда и с какой целью им приказано доставить сапожника. Вернулся Арстель избитый, покрытый синяками и кровоподтеками. Хромая на левую ногу, он добрался до снопа сена и привалился к нему спиной.

— Кто это сделал? — ощерилась Юкиара, точно кошка, готовая к атаке своей жертвы.

— С лестницы упал, кажись, — ответил Хельд, пытаясь лишить разговор всякой серьезности, спасая друга от риска выглядеть слабым после жалоб, несознательно высказанных этой девушке, — зато весело прокатился.

— Клянусь всеми истуканами из зала Храма Мечей, я порешу этих гадов.

Арстель ничего не ответил. Едва он ввалился в камеру, он ушел в потайные глубины своего сознания, точнее, окунулся в бессознательное состояние как в омут. Да и если бы он оставался в прежнем состоянии, Арстель бы ни за что не признался, что отделали его стражники по приказу королевича, который затем вышел к ползающему по полу и харкающемуся кровью Арстелю со словами:

— А все-таки я поставил тебя на колени, собака! Почисть-ка мне своим языком туфли — и, может быть, я оставлю тебя в живых.

Арстель лишь молча глядел в глаза принцу. Лицо юноши перекошило от бессильной ярости, и он засадил подошвой Арстелю по щеке.

Разделившись, Йоши-Року, Глодрик, Эрлингай и Гувер решили добиваться освобождения новообретенных друзей различными методами. Эрлингай, всегда бывший завсегдатаем низкопробных кабаков, судачил как в забегаловках застенного городка, так и в более приличных пивнушках Силгора о том, с какой храбростью люди Алагара и уроженцы Крестала отразили нападение богомерзких чернокнижников, служащих врагу всего рода человеческого. О том, как Уравнители, вопреки воле своего наставника, который с самого начала хотел послать подальше братский народ Ганрая, нуждавшийся в помощи, оказали поддержку, явившуюся решающим фактором в борьбе за судьбу войны, которую удалось погасить в зародыше. Резонанс намерений Алагара и его людей был нужен, поскольку если в невиновность и благость целей взятых в плен подчиненных люди еще могли с треском поверить, то в непорочность того, кто заварил всю кашу с восстанием и противлением избранному небесами сыну династии Акрейлов, они проникнуться верой никак не могли. Мало-помалу это давало плоды — на следующий день уже толпы протестующих собирались под стенами дворца, требуя справедливого суда для заточенных. Клаусвиль с презрением взирал на простонародье с балкона своих апартаментов, приговаривая:

— Вот почему этой черни нельзя давать ни власти, ни знаний! Дашь власть — начнут миловать кого ни попадя — в основном, выблядков, а предоставишь им образование — так начнутся лишние вопросы, недоверие, а с ним и неподчинение.

Эанрил же ощущал, как его поджилки начинали трястись по мере того как раскатистые завывания недовольной толпы доходили до его опочивальни. Даже закрывшись в шелковое одеяло с головой, король видел перекошенные и кровожадные лица простолюдинов, пришедших рассчитаться за все ненастья, выпавшие на долю их, их предков и братьев, оказавшихся по невезению в застенках королевского замка. Эанрил подумывал и самому отпустить их на все четыре стороны, но казначей Монсерад упорно отговаривал его делать этот широкий жест доброй воли, поскольку такой поступок угрожал дискредитировать короля в кругах знати, мол, монарх не держит своего слова — выдал ордер на заточение в темницу своему генералу, а затем бросает свои слова на ветер. О том, что этот ордер он подписал лишь из-за того, что устал каждый день выслушивать надоевшие доводы Клаусвиля о необходимости вдолбить подданным чувство страха перед королевской властью, он говорить решительно не собирался. Потеряв лицо перед самим собой, держатель престола

силился удержать его в глазах общественности — если не всей, то хотя бы знатной.

Успехи Ревииана Гувера были не так заметны. Писатель пробовал, как мог, задействовать связи при дворе. Сначала он совершил попытку обговорить необходимость убедить короля проявить сочувствие к незаслуженно осужденным подданным Союза, работавшим и жившим во благо страны. Но одряхлевший и потерявший всякий интерес к работе Лукас Тирол, королевский советник, в молодые свои годы служивший Ганзарулу Второму, ответил лишь, что его не интересуют эти терки меж народом и правителями, а самому же ему недолго осталось куковать при дворе — Эанрил обещал подарить ему в награду за заслуги перед отечеством роскошную виллу в клирийском оазисе. И Лукас не собирался рисковать расположением короля, чтобы лишиться единственной возможности провести небольшой остаток жизни в удовольствии и наслаждениях, ни в чем не нуждаясь.

Пытался он и поговорить с верховным судьей, с которым в конце девяностых и самом начале нулевых годов имел обыкновение пропускать пивную кружку-другую в элитных питейных Аргои, где подавали отборные хмельные напитки, никак не те кислые сливные помои, которыми травились от безысходности мужики в низкопробных харчевнях.

Судья в первые же минуты разговора сказал:

— Гувер, я знаю, ты славный парень и топишь за мир во всем мире, но я не могу ничего сделать, по своду законов, изложенных в Аргойской Правде, я обязан осудить изменников на смертную казнь. Лучшее, на что эти люди могут рассчитывать — пожизненное заключение. Разумеется, духовный родоначальник этого сепаратистского движения на такие поблажки может не надеяться.

— Знаешь, в последнее время мои книги расходятся, как горячие пирожки, — сказал Гувер, понизив голос и придвинувшись поближе к уху мощного и полноватого судьи, что был его выше на полголовы, — и я мог бы отвалить щедрую сумму человеку, который, по моему разумению, сделает поступок, достойный восхищения со стороны любого миротворца, а уж тем более — простого народа, знающего цену людской жизни.

— Лучше бы тебе умолкнуть и не повторять эти слова нигде более, — шикнул на него судья, вытаращив в страхе глаза, — по старой дружбе я оставляю это между нами, но если ты снова попадешься на попытке дачи взятки, я не смогу помочь тебе вывернуться.

Гувер внутренне смеялся этим словам — такая неприязнь к коррупции, когда дело касалось людей низкого сорта, но когда чиновники запускали руку в казну или же выставляли на верхние позиции лишь своих кровных родственников, система государственного управления Союзом проявляла удивительную толерантность к коррупционерам.

Ревииан Гувер решил использовать последний из своих козырей. Но это требовало от него большого морального усилия и еще большего унижения. Предстояло поговорить с герцогиней Нэриллетт, о которой он бессонными ночами предавался мечтаниям, в каждом женском персонаже своих сочинений он улавливал грацию, улыбку, эстетику и характер истинной светской львицы этой зрелой, но ставшей с годами, подобно хорошему вину еще краше и изысканнее женщины. К герцогине, оставшейся без мужа, не имевшей отродясь братьев и других конкурентов на наследство, давно уже подбивал клинья граф Вильнур Монсерад. Ревииан Гувер, без сомнений, знал об этом.

— Нэриллетт, дорогая, — начал он издали, когда удостоился личной встречи с герцогиней на ее участке за городом, — ваш сад весьма роскошен. Стало быть, нанимать садовников из Клирии было не излишней тратой.

Они двинулись по выровненному недавно газону, оглядывая кусты, подстриженные под форму различных животных, клумбам, пестревшим рассадой васильков, гортензий, даже рядок ландышей по краешку огибал эту цветочную мешанину. Ревриану Гуверу казалось такое нагромождение цветов всех сортов безвкусицей, но заявлять об этом герцогине он, по видимому, не собирался.

— Благодарю покорно, — сделала она снова легкий и немного шутливый реверанс, поправив прозрачные рукава марлевидной ткани, — с вашего последнего визита в моем имени многое переменялось, господин Гувер. Нам надо чаще видеться, не находите?

— Для вас я просто Ревриан, — растеклась улыбка по лицу мужчины, — я с радостью поддерживаю эту инициативу. Но привело меня к вам, к сожалению, не одно лишь желание насладиться светской беседой.

Нэриллетт нахмурилась, заподозрив неладное. Обычно такое ей говорили, когда собирались воспользоваться финансовыми возможностями этой самостоятельной и состоявшейся в жизни леди или же ее связями.

— Чем могу — буду рада помочь, — холодно ответила герцогиня.

— Вы ведь знаете, что в Силгор прибыла еще давеча большая партия плененных жителей деревни на отшибе королевства?

— Слышала, — подтвердила Нэриллетт, — но я не понимаю, какое отношение это имеет ко мне.

Когда Ревриан изложил свою просьбу о том, как было бы хорошо для всех, если бы она лишь попробовала убедить явно равнодушного к ней графа Монсерада изменить свое мнение о необходимости наказывать недавно привезенных в столицу, дворянка переменялась в лице, и оно стало отчасти непроницаемо холодным, но все же в глазах ее мелькнул проблеск неуверенности.

— И вы, человек, ухаживавший за мной не первый год, просите меня оказать знаки внимания Монсерада, расположить его к себе, чтобы спасти осужденных?

— Мне самому очень неприятна такая перспектива — еще мучительнее просить вас об этом. Но, поймите, жизни людей несравнимы с моими или вашими чувствами и интересами. Вы же со мной согласны, Ваше Сиятельство?

— Для тебя, мой любезный Ревриан, Нэриллетт, — улыбнулась она, — я бы не хотела брать грех на душу, оставаясь в стороне и зная, что могла бы помешать незаслуженному злодеянию. Скажи мне только одно — ты хорошо знаешь этих людей? Они и правда порядочный народ?

Ревриан уверенно мотнул головой:

— Я был в Крестале и практически с каждым общался лично. Могу дать голову на отсечение — они ни на йоту так не виновны, какими их пытается выставить Клаусвиль, чтобы отвлечь внимание от своего промаха. Ведь не он, а люди Алагара спасли Ганрай.

— Верю, Ревриан, верю, — с улыбкой сказала Нэриллетт, теребя серебряное ожерелье на шее, — я предприиму меры.

— Я в неоплатном долгу перед вами, госпожа...

— Нэриллетт! — с шутливой сердитостью поправила она и добавила, — и, да, Ревриан, хочу, чтобы ты знал. Монсерад мне отвратителен.

— Да вы что? — удивился Гувер, — а мне казалось, вы с удовольствием проводили с ним время на дне рождения королевичей.

— Политес, что поделаешь, — досадливо поцокала языком герцогиня, — однако с вас

причитается моральная компенсация за то, что вы заставили даму наступить себе на горло. Что вы можете мне предложить взамен?

Гувер, на секунду замявшись, сжал кулаки и ровным голосом задал вопрос:

— Как насчет ужина в моем особняке? Он не так вычурен, как ваш, резьбы по мрамору нет, лишь одна выцветшая фреска, да и сад мой давно увял, но...

— Ревриан! Я согласна!

Из владений герцогини писатель вышел, чувствуя себя победителем вдвойне.

Когда Эрлинггай Акреил и Ревриан Гувер закончили со своими делами, Глоддрик Харлауд и Йоши-Року ждали их на главной площади в гуще скандирующей освободительные лозунги толпы под вечер того же дня.

— Эрлинггай неплохо сработал, — сказал Глоддрик и повернулся к брату, — а ты что скажешь?

Гувер неопределенно всплеснул руками:

— Я знал, что Монсерад будет настоящей занозой в заднице в нашем с вами деле. Я ввел в действие кое-какой противовес, весьма безотказный.

— Дал на лапу?

— Лучше. Что именно — неважно. Поверьте, это должно сработать.

— Посмотрим, — выразил сомнение Ганрайский Демон, проталкивая себе путь к воротам в замок сквозь толпу, — но мы их неплохо раскачали.

Йоши-Року усмехнулся, высунув набок желтоватый язык:

— Друзья мои, я условился кое с кем встретиться за воротами крепости. Наша общая знакомая поможет нам вырвать у Его Величества частную аудиенцию.

Когда часовые их пропустили, еле удержавшись от того, чтобы не подпрыгнуть от удивления — увидеть четверых столь известных в Союзе персон в одном месте. Во внутреннем дворе, в центре которого стоял фонтан в виде плюющего водой морского змия, гуляла принцесса Айрил. Одета она была во все то же светлое платье. Так же, как и на праздновании своего дня рождения, она едва не свалила старого хаглорианца, бросившись в его объятия.

— Дядя Йоши!

— Айрил! — Йоши коснулся ее макушки и провел пальцами до ее челки, — клянусь Анлариэлью, с нашей последней встречи ты прибавила в длину на пару дюймов.

— Возможно, — хохотнула девочка, теребя кружевные рукава, и тут же приветствовала Гувера, Эрлинггаю и осторожно пожала руку Глоддрику.

Гувер решил ее подбодрить:

— Да не волнуйся, он не кусается!

— Ты так уверен? — оскалился краем рта Глоддрик.

Айрил опередила вопрос старого мастера магии:

— Я смею догадываться, явились вы для установления справедливости? Сам мой отец ничего делать не хочет, а меня он даже всерьез не воспринимает! Что там, я даже не могу запретить Слагеру ходить в подвал и издеваться над тем сапожником...

— Арстель, бедняга... — понурил голову Эрлинггай.

— Арстель? Красивое имя, — приложила пальцы к нижней губе девушка, — да и сам он ничего, человек приятный. О чем это мы... Для чего вы пришли?

— Дорогая, ты верно все сообразила, — кивнул Йоши, — мы собираемся пообщаться с твоим отцом. Один разговор. Это не займет много драгоценного времени нашего

величайшего держателя бразд правления.

Айрил кивнула и велела следовать за ней. Наши герои миновали веранду, ковер, устилавший ступени которой был вышит золочеными нитями из далекой Клирии, резную дверь с ручкой из чистого перламутра, извилистые коридоры, увешанные портретами императоров, военачальников в парадной форме, магов прошлого или же картины, изображавшие хронику исторических событий. На некоторых Йоши-Року узнавал себя:

— Кстати, это неправда, — заметив одну композицию, он критически окинул ее взглядом и указал посохом на написанные масляными красками орды драконов, жаждущих отведать человеческой плоти, — трехголовых драконов не было, а огонь из их ладоней не вырывался. Может, они и были побольше, темная магия одного чудака, одного из искуснейших чернокнижников того времени, сделала их неестественно здоровыми и жизнестойкими, но никак не такими многоголовыми гидрами.

Глодрик раздраженно вздохнул с кряхтением и двинулся к картине, изображавшей одинокого зеленокожего мага в буром плаще, отводящего алые молнии от смуглых колдунов, размалеванных белилами.

— А еще среди темных окудников 15-го века не было клирийцев — то были аргойцы, мечтавшие о тотальной чистоте крови. Мы тоже знаем историю. А теперь идем дальше.

Наконец, они пересекли гостевой вестибюль, где, казалось, еще вчера было в самом разгаре праздничное веселье в честь взросления королевского сына и дочери, куда вдруг без приглашения заявились — не запыхались гончие псы давно позабытого всеми Заргула, и отправились в тронную залу.

— Спасибо, Ваше Высочество, дальше мы сами, — учтиво отвесил царевне поклон Эрлингай у самой двери.

— Но я могла бы поговорить с папой. Иногда он меня слушает!

Йоши понимающе кивнул.

— Я знаю, малышка. Но мы не будем тобой прикрываться. Ты уже оказала нам значимую помощь. Теперь же можешь со спокойной душой отдаться своим любимым делам.

Айрил взгрустнула и, со вздохом пожав плечами, направилась к винтовой лестнице:

— Ладно! Удачи вам, — перешагнув пару ступеней, девчушка развернулась, поправила золоченую диадему на макушке и на прощание сообщила, — в глубине души он хороший человек. Вы уж не сердчайте, будьте помягче с ним.

— Непременно, а теперь — иди! — сказал Йоши, — позже встретимся, отдельно с тобой поговорим.

Когда твердая рука Глодрика толкнула створку входа, мужчины поняли, что зашли они в самое нужное время. У окна, за которым находился балкон с балюстрадой, стояла герцогиня Нэрилетт. Платком, на котором были вышиты узоры, изображавшие охапку белых роз, женщина утирала кровь, текущую из носа. Под глазом у нее зиял жирный фингал. У Ревииана зачесались кулаки при одном виде ее, прижавшейся к балкону, и самодовольного Монсерада, делящегося с королем недавно изобретенной им стратегии по максимально прибыльному для казны повышению налогов. Если бы он не занимался казнокрадством, в таких мерах бы не было необходимости, а жители Союза не жаловались бы столь часто на прохудившиеся карманы. Гуверу стало понятно, чем закончилась попытка Нэрилетт исполнить его желание, писатель возненавидел всей душой самого себя больше, чем обидчика благородной дамы. Не следовало ее впутывать. Деревянный же трон со скупой позолотой был уставлен перьевыми подушками, что хорошо символизировало изнеженную

сущность Эанрила Третьего, которому не хватало терпения и мужества ни сидеть на жесткой поверхности, ни принять на себя риск политических решений и ответственность как за свои меры, так и за подданных. Он, развесив уши и разинув рот, внимал услаждающим слух речам Монсерада и кивал как заведенный. Генерал Клаусвиль стоял у подножия трона и с не меньшим интересом вслушивался в хитросплетения схем налоговой политики Монсерада.

— Ваше Величество! — позвал Йоши, это был из тех редких случаев, когда он не называл своего давнего знакомого другом, — просим прощения за вторжения и приносим глубочайшие извинения за то, что берем внимание благородного правителя великого Союза на себя.

Эанрил растерянно подскочил, но тут же плюхнулся на мягкие подушки, как только Клаусвиль командным жестом махнул правителю рукой — дескать, сиди-ка ты на месте, пока серьезные люди ведут беседу.

— С чем вы пришли и с какой стати осмеливаетесь явиться без разрешения на аудиенцию? — гневно выговорил Клаусвиль.

Глоддрик, не сбавляя шагу, надвигался на сюзерена своего императора.

— Вы знаете, с чем, — ответил Каратель, — а кто дал вам разрешение так поступать с людьми, ни в чем не провинившимися перед страной?

Монсерад схватил за руку Эанрила и потряс ее:

— Ваше Величество, лучше зовите охрану! Такую непочтительность не следует прощать.

— Думаешь, мой родич не в состоянии сам решить, что считает нужным делать? — сложил руки на груди Эрлинггай.

— Если ты не забыл, солдат, — виски казначея налились кровью, — я не только заведующий государственным бюджетом, но и личный советник Его Величества. Твоя претензия в том, что я выполняю свою работу?

Глоддрик опрокинул ближайший столик, на котором стояла фарфоровая ваза с выгравированными журавлями. Привезена она была из Клирии и стоила дороже, чем целый квартал из трущоб, выстроившихся близ Силгора. И она разбилась вдребезги.

— Я уже объяснил, в чем проблема, — в бешенстве скрежетнул зубами Глоддрик, — долго доходит?

Ревриан Гувер смерил казначея взглядом, источавшим глубочайшую ненависть к самому существу этого недостойного государственного служащего.

— Н-но... — заикнулся король, затем, откашлявшись, продолжил речь, больше похожую на бляение, — они же виноваты, нет? Налоги не платили... страна-то небогатая, без внутреннего финансирования правящего аппарата-то... не очень! — чем больше он испытывал на себя испепеляющий взгляд красного глаза Глоддрика, тем меньше уверенности в нем оставалось, — да и потом, они же хотели отхватить кусок от славного Союза, а потом разрушить его до основания. Разве мог я, как законный правитель всех людских народов допустить, чтобы такие люди пришли к успеху?

Эрлинггай устало передернул плечами и поправил выбившийся из-под кожанки край рубахи из зеленого сукна.

— Объективно, без предвзятости, — начал он, — кто защитил Ганрай от врага, усиление которого у границ ты до последнего игнорировал? Люди, которых ты держишь в плену.

Эанрил впал в замешательство, дрожащей рукой обшаривая карманы своих брюк, будто

рассчитывал найти там ответы на неудобные вопросы.

— Да, но...

— Эти люди, их силой обезоружили и связали или они сами сдались, отдав себя в твои руки? Они доверились тебе, брат.

Клаусвиль словно отошел от летаргического сна, поняв, что дальше молчать будет неприемлемо в его положении:

— А что насчет предательства этих людей и непризнания ими авторитета...

Глоддрик врезал кулаком по одной из колонн так, что сверху осыпался старый слой пыли:

— Молчать! Ты обещал дать им уйти. Но воспользовался обтекаемой формулировкой ордера. Они могли превратить вас всех в грудку мяса. Вы хуже змеи на груди.

Гувер включился в диалог:

— Как там говорится? Закон — что дышло, куда повернешь — оттуда вышло.

— Точняк, — сказал Глоддрик.

Клаусвиль смеялся им в лицо:

— Даже если и так, кто может подтвердить эти утверждения перед королем?

Пудовые двери открылись:

— Да хоть я, — крикнул с другого конца залы Керрис Галарт, — они не собирались сражаться. Хотя у них были все условия и возможности для обороны. Их лидер — маг, не уступающий Азилуру, я своими глазами видел, что он умеет. Самому мастеру Йоши пришлось с ним туго. С этим парнем у нас не было шансов.

Клаусвиль нервно дернул щекой и, уперев руки в бока, заявил:

— Вот, что случается, когда до высокого чина дослуживается простолюдин. Вечно они выбирают не ту сторону.

Монсерад собрался внести свои соображения в переговоры, но его остановил меткий удар в челюсть. Бил Ревриан Гувер.

— Да что ты себе возомнил, ты, писака недоделанный, я... — договорить ему снова не дал удар, на этот раз — в висок. Ревриан, нависая над ним, сжал кулаки и отошел.

— Только женщин бить может, слабак.

— Ну и зверюга мой брат, — присвистнул Глоддрик.

Тем временем Йоши-Року, отведя взор от произошедшего, продолжил.

— Друг мой, Эанрил, если слуга короля дал слово — оно приравнивается к слову самого короля. Если я правильно помню ход истории, большинство Акрейлов отличались тем, что сдерживали свои обещания. Неужто ты — исключение?

Бесхребетному властителю Аргой было невдогад, что ответить.

— Это ничего не меняет! — сказал Эанрил, — моим словом была подпись на ордере. То, что взбрело на ум Клаусвиллю — его личное дело, и только он несет за это ответственность.

— По конституции Союза, — оборвал его Глоддрик, глядевший в упор на короля, — вассал имеет право наложить вето на любое решение сюзерена о казни или заточении. К Вам гости, — «Ваше Величество» Ганрайский Демон добавлять не считал нужным.

После того, как он договорил, в дверном проеме появилась физиономия Камайраса — императора и гаранта соблюдения человеческих прав на территории Ганрая. Легкое брюхо, как всегда, едва сдерживали натянутые до предела пуговицы, на плечах россыпи перхоти, а прическа взлохмачена, словно у бродячего художника.

— Здравствуй, коллега, — заговорил он, — я зашел поговорить о людях из Крестала.

Алагар потерял счет времени еще прошлым днем. Сидя в карцере без окон, единственной щелочкой во внешний мир из которого было узенькое окошко в трехслойной двери из кедровых досок, он не мог даже определить, день или ночь стоял снаружи. Ему было на это глубоко плевать. За эти несколько дней Алагар, и до того бывший худощавым, осунулся совсем, еще больше побледнел, а волосы его, еще недавно стоявшие кверху будто наэлектризованные, находились в более беспорядочном состоянии. От еды он отказывался. И не проходило ни единого часа, чтобы он не вспоминал слова Танрили и Йоши-Року. Он и до того понимал, что собирается совершить греховные поступки, убирая на своем пути всех, кто препятствует построению идеального на взгляд Алагара мира. Бывший адепт секты Заргула и бывший же ученик Хранителя Хаглоры, бывший, опять же, наставник Братства Уравнителей доселе верил, что нужен кто-то, у кого хватит решимости взвалить себе на плечи тяжкий грех, оборвав тысячи жизней и разрушив — еще больше для того, чтобы в далеком будущем выросло поколение людей, которые не будут знать слова «горе». Вот только сами строители этого будущего привнесли в мир столько горя и страданий, отчего бы злу не торжествовать и в построенном ими будущем. Что посеешь — то и пожнешь, как бы он этого ни отрицал. Он осознал, что Танриль была права — им что-то управляло. Какая-то неведомая сила раньше убеждала Алагара в том, что его цели, без сомнения, праведны и мудры, и только трус или дурак посчитает, что нужно порушить в такой мере возвышенные планы. Оказалось, это была не его уверенность, а отложенный эффект той силы, что он зачерпнул из источника злой силы, когда работал с Варзхелом. Действие происходило гораздо глубже физических изменений — отравлено оказалось и тонкое тело Алагара. Сущность его была развращена, и из юного колдуна, в свое время грезившего о повсеместном торжестве любви и дружбы, вышел плюющийся на моральные ценности тип, едва не развязавший войну всех против всех в мировом масштабе. Человек, поведший преданных себе людей на бойню. Алагар мечтал стать созидателем, но сила Азрога сделала из него разрушителя. Послышался звон отодвигающейся щеколды, и без малейшего скрипа дверь распахнулась. Огненный свет чуть не ослепил алые очи Алагара, так привыкшего к темноте за последние два дня.

— Друг мой, ты еще жив? — шутливо задал вопрос старый человек в потрепанном балахоне.

Не человек, хаглорианец. В руке старец держал факел, осветивший морщины на его лице, глубокие, точно вырезанные на восковой фигуре.

— Мастер Йоши...

— Он самый, — сказал Хранитель Хаглоры, — еще не успел до конца скиснуть в этих казематах?

Алагар не отвечал. Его зрение уже привыкло к тому, чтобы смотреть на потрескавшуюся каменную кладку, на которую падала длинная тень невысокого выходца из чародейственных лесов.

— Зачем ты здесь?

Мастер с обыденно скучающим лицом развел руками:

— Да так, пришел сказать — тебя решили освободить. Эанрила, видать, пробило на великодушную ноту, и он решил дать тебе шанс реабилитироваться.

Алагар даже не шелохнулся:

— А мое Братство? Точнее, бывшее моим.

— Все до последнего освобождены, — посох Архимага на миг засиял, и кандалы на щиколотках и кистях его ученика оказались раскованы в долю секунды, — можешь, кстати говоря, сходить и принести им эту радостную весть.

Алагар, улыбнувшись, смиренно покачал головой:

— Боюсь, я не тот, от кого им бы хотелось это слышать.

— Вряд ли ваши отношения когда-нибудь станут прежними. Но никогда не поздно принести извинения, ведь так? Признать свою ошибку — первый шаг на пути к самосовершенствованию.

— Спасибо, мастер.

— За что?

— Не прикидывайся, что не понимаешь, — уголки рта Алагара едва поднялись, — я же в силах догадаться, что счастливый конец нам всем устроил ты.

Йоши облокотился локтем о дверной косяк и скрестил ноги. Задумчиво он произнес:

— Я лишь принял небольшое участие в этом. Свободой своей ты обязан не только мне. Глоддрик, кстати, тоже отбивал вас, не поверишь. Видать, не зря вы его приглашали да кушаньями потчевали.

Алагар усмехнулся, но ничего не ответил. Йоши-Року, уходя, бросил:

— Знаешь, а в целом ты был прав, — встретившись с непонимающим взглядом Алагара, он пояснил, — когда говорил о порочности современного общества и необходимости слияния социума в подобие единой семьи жителей Ранкора. Только ты кое-что не учел — того, что я тебе уже говорил в деревне. Далеко не все готовы поверить в эти смелые идеи. Пока можно встретить хотя бы одного человека, который отрицает то, что окружающие его — одной крови с ним, мира, которого ты хотел, нет и быть не может. Убить его? Можно, но кем эти люди станут после такого? И будут ли они иметь право называться людьми? Остается одно — ждать, пока наш мир созреет до тотального принятия этой философии. Никуда она не денется, не ты первый, не ты последний нес в массы эти нетривиальные изречения. Нет, молчи, — снова не дав возможности Алагару ответить, продолжил Йоши, — не нужно ничего доносить до моих старых ушей, избавь. Все нужное скажи себе сам. Как любил повторять мой наставник, лучшего учителя, чем твой разум, сыскать сложно.

— Кстати, чуть не забыл, — когда лишь зеленая голова мастера выглядывала из-за стены, вдруг добавил он, — твой посох.

Мастер швырнул длинный лакированный жердь с яйцевидным кертахолом на вершине и скрылся за дверным косяком. Алагар же, подхватив посох на лету, тупо уставился на него, словно не знал, что это такое. Может, уже не знал. Еще совсем недавно все было так просто и понятно, он знал, кто он и для чего живет. Теперь же прежний мир рассыпался на тысячи осколков, а кем ему быть в новой жизни — Алагар не имел малейшего понятия. Отряхнув колени, маг поднялся и медленно поплелся к выходу.

Счастьем вышедших на свободу крестальцев и расформированных Уравнителей не было предела. Когда в очередной раз спустилась стража, все ждали подвоха, нового вида наказаний и пытались угадать, кто после Арстеля станет очередной жертвой побоев. Когда же их петлявшими коридорами вывели к на солнечный свет, стояло ясное утро. Небо было безоблачным, а солнце едва начало всходить. Арстель и Хельд на радостях обнялись, но Юкиара тут же набросилась на них, больно стиснув ребят за плечи. Парни же, ухватив

неготовую девушку за бедра, подняли и водрузили ее себе на плечи. Юкиара пискнула, пытаясь держать равновесие, она безудержно хохотала, как и ее носильщики. Плотник Харал Глыба раскатисто взревел и ударил в грудь от переизбытка эмоций, а Карен Клуатаком и равшаром Гранашем встали в круг и ударились в безумный пляс, к которому присоединилась и Шая. Лишь Мурвак стоял в стороне, неодобрительно поглядывая на беснующихся односельчан и сквозь зубы ворча, что, мол, дальняя дорога предстоит, а вытащили их ни ради чего, уж лучше бы казнили сразу — не стоило бы тратиться на обратный путь. Клажир и Кэлрен целовались совсем по-взрослому. Мурвак возмущенно крикнул:

— Э, куда, вам тут не бордель! — но его слушать никто и не подумал.

Оторвавшись от губ юной целительницы, Клажир сжал ее плечи, глядя в глаза, он проговорил:

— Милая, прекрасная Кэлрен! согласишься ли ты выйти замуж за парня из Ганрая? Многие девицы в Козьих Загонах мечтали об этом. Одной из них была тридцатилетняя повариха, у которой усы росли лучше, чем у меня, а другая...

Кэлрен в который раз приложила ладонь к незакрывающемуся рту Клажира:

— Да, Клажир! Я стану твоей женой.

Хельд выскочил между ними, разрушив миг их уединения:

— Празднуйте в «Желудке Дракона»! Молодоженам — двадцати пяти процентная скидка на все заказы, если выберете самообслуживание, число составит процентов сорок. Щедрое предложение — принимайте, и о вашей свадьбе будут говорить в Крестале ближайшие три сотни лет. Если, конечно, на нашей земле кто-то останется после того, как я возьмусь за роль организатора. Я бы мог поднабрать шутих, но зачем, если я мастерски владею магией? Заодно повеселимся — вместо драки на свадьбе я всего лишь взорву поселок.

После того, как со свадьбой было решено и прозвучали поздравления и хлопки в адрес молодых и Хельда в частности, взявшего на себя роль повара и тамады в одном лице, Кога, Шойрил, Гримбла и Радхалл соединили руки друг друга в объятиях, вскоре остальные к ним присоединились. Встав в круг, Уравнители и крестальцы, расцепив руки и, воздев их ввысь, издали радостный клич. Все это наблюдал Алагар, перевесивший через плечо посох, к которому подвязал дорожный узел. И снова жизнь его удивила — на прогулочной тюремной площадке, где, казалось бы, лишь ровное песочное покрытие, голые стены вокруг с решетчатыми окнами и куцые скамьи по краям, но при виде этих простых людей, от экстаза радости едва не сошедших с ума, это место казалось раем на грешной земле. На миг ему захотелось подойти к ним, объяснить, просить прощения за ошибки. Он был готов отдать очень многое, чтобы стоять рядом с ними. Но, разбив один раз кружку, полной ее уже не сделаешь, разве только с помощью магии. Только в некоторых случаях, как, например, в отношениях между людьми, вопросах чести, доверия и самоотверженности бессильна всякая волшебство. Алагар с колющей болью в сердце отвернулся, его раздирало чувство, будто он отрывает от себя частицу души. Но и портить счастливый момент людям, что были для него дороги, он не хотел. Когда радостные и освобожденные покинули тюремный сектор Силгорской крепости, Алагар был уже далеко.

Глава 18: «Древнее зло»

Прошло полтора месяца. За это время мало что успело решительно измениться в жизненном укладе наших героев. Эрлингай остался в Силгоре подле своего старшего брата. Генерала Клаусвиля выдворили с королевского двора за ненадлежащее исполнение полномочий, позорящее благородный род военачальника и Союзную армию. Эрлингай же занял его место, управлял он регулярными войсками строго, но справедливо. Начальником же королевской гвардии стал Марвол Черный Лев, с удовольствием приняв роль обеспечивающего безопасность монаршей семьи. Йоши-Року отправился в странствие по Ранкору, Архимаг объяснил это нуждой в разведанных о действиях и планах адептов Заргула, которые в последнее время затаились, держась тише воды и ниже травы. Клажир и Кэлрен сыграли свадьбу, на которой вдоволь погулял весь Крестал. Шаабан обвенчал молодых перед ликом Арая Илгериаса. Из Хельда тамада получился, что надо — устроенное им соревнование — кто первым помочится петуху на голову, тот и съест каравай, снискало славу по всей округе. Победил же в нем, как бы ни было неожиданно, Ревриан Гувер, приглашенный на свадьбу в качестве почетного гостя. Остальным же по уговору причиталось зарезать несчастного пернатого и съесть. Больше всех, разумеется, такой расклад не по душе пришелся Мурваку, которому досталась как раз шея петуха, да и к тому же он подавился костью, едва не умерев самой бесславной и абсурдной смертью. Спас его Арстель. Кэлрен осела в Крестале, решив остепениться и растить в ближайшем будущем детей. Танриль с легкой досадой, обернутой в шутливую форму, сделала вывод о необходимости в поиске новой ученицы и вернулась в Гилеард. В знак уважения Кэлрен попросила свою наставницу, как только у них с Клажиром появятся дети, стать их крестной, тогда как Глоддрику была оказана честь в виде желания молодожен стать крестным отцом для их будущего первенца. Гувер, надо отдать ему должное, уверенно продвигался в работе над романом о Братстве Уравнителей, часто заезжая в Крестал, чтобы побольше о нем узнать. Глодрик, бесспорно, возвратился в Гилеард и продолжил наводить порядок в пределах своей родины и стеречь границы Союза. Алагар словно в воду канул — никто его не видел с тех самых дней, как почти все жители Крестала оказались заключены под стражу. Впрочем, в его присутствии никто более не нуждался, и Крестал зажил без него куда свободнее. Арстель по-прежнему работал в сапожной лавке, не желая менять прежнего жизненного уклада после всего увиденного — хватило по горло. Он каждый день заглядывал в бар Хельда, вечерами они, приложившись к бутылке хорошего сидра, вспоминали былые дни в хмельном весельи. С Юкиарой они продолжили встречаться, девушка не грузила его насаждением обязательств или рамок ограничений, и Арстель отвечал ей тем же, не претендуя на ее свободу. Редхалл Бескровный стал новым наставником Братства Уравнителей, предлагая общине на рассмотрение куда более миролюбивую философию, чем та, что излагал Алагар в своих изречениях. Так все и коротали эти весьма спокойные дни, похожие один на другой.

23 августа, 1707 год. Крестал. Полдень.

Арстель сидел на крыше амбара, того самого, возле которого случилась их первая с Юкиарой ночь. Сапожник умел ловить момент наслаждения жизнью и довольствоваться тем, что имел, с ранних лет. Однако его душу терзало чувство тревоги. Своими глазами он видел аколитов Заргула. Слышал о том, что Глодрик Харлауд хоть и пытался несколькими

месяцами ранее пресечь попытки слуг императора достать тело своего хозяина, а затем тщетно пытался перехватить останки, но всему этому суждено было окончиться провалом. Если Заргула и вправду можно воскресить, если он обладал хотя бы вполовину такой силой, какую описывали легенды, дошедшие до текущих дней из древнего мира, если Алагар говорил правду о том, что в неизученной земле на востоке горхолды скапливают силы и собирают устрашающих масштабов боевую машину — эта спокойная и беззаботная жизнь — не больше, чем затишье перед бурей. Невыносимее всего был не столько страх смерти, войны, потери близких или мира таковым, какой привык видеть перед глазами Арстель. Самым сложным было ожидание, когда тебе приходится пить пиво с мужиками, смеяться их бесшабашным шуткам, предаваться страсти с Юкиарой в укромных местах, дискутировать с Клуатаком и Гувером на тему философских трактатов клирийских ученых и все в таком роде притом, что совсем скоро Ранкор накроет волна скорби и отчаяния, а затем земли всех рас и народностей окрасятся в красный реками крови. С Юкиарой говорить об этом он не хотел, боясь действовать девушке на нервы, а с Хельдом обсудить такие вещи всерьез представлялось проблематичным. Он спустился с обрыва, сходящего от дороги возле амбара к узковатой тропе, протоптанной в зарослях травы и огибавшей болотистый пруд. Спустившись к тропе, Арстель минут с пять ходил из стороны в сторону и наматывал круги, предаваясь размышлениям о будущем и о своем опыте. Водоем бороздили утиные выводки, иногда выходя на берег и стараясь не подходить к людям.

— Друг мой, почему же ты стоишь здесь, на тропе? — несомненно, голос Йоши-Року, — спустись к пруду, отдохни, ты заслужил это.

Арстель не знал, что старый маг в Крестале, встреча стала для него приятным сюрпризом. Тем более, лично им практически не доводилось общаться. Но подкрадывалось ощущение, что маг знает о нем куда больше, чем говорит.

— Спасибо, мастер, как и вы. Вы полностью заслужили покой. Но мне не удастся привести мысли в порядок. Чувствую себя, как дичь, загнанная в нору. Казалось бы, нужно жить, смеяться, веселиться, общаться. Но, зная о том, что скоро нагрянет, не получается делать это с чистым сердцем. Не знаю, как остальные с этим справляются. Может, они лучше умеют скрывать свои эмоции.

Как и в разговорах с Алагаром, при встрече с хаглорианцем Арстель был загодя расположен к откровенности. У магов, как ему объясняла Юкиара, этот талант — вскрывать мысли и сущность обычных людей, которым сложно сопротивляться кудеснической воле, обусловлен потоками магических чакр, закрытых у людей «от сохи» навроде Арстеля.

— Я тебя понимаю. Позволь, друг-Арстель, я поделюсь с тобой тем, что понял бы и ты, если бы прожил больше восьми столетий, а не трех десятков, — смотри-ка, а в вашем пруду и лебеди завелись! А я и не знал.

Арстель пожал плечами:

— Это Карен их разводит. Видимо, для чего-то ей хочется. О чем вы хотели сказать, мастер?

— Да, о чем это я... сбился с мысли. Вот, что такое старость! Совет — пока не дожил до преклонных лет, тренируй память. Потом поздно будет. Ах, да, вспомнил! Вот оно. Понимаешь, мы никогда не знаем, что будет дальше. Не знаем, как будут развиваться события, поступи мы так или эдак. Мы можем и должны просто делать то, что положено, стараться действовать наилучшим образом так, как считаем нужным. Думать своей головой. И на этом пути мы совершим ошибки, возможно, не мало, а очень даже много. Но следует не

корить себя за ошибки прошлого, а извлекать из них уроки, а также размышлять над тем, как быть в настоящем, как сделать будущие перспективы лучше. Вот и все. Мы играем свою роль в этом мире какое-то время, Арстель. Жизнь — большой спектакль, а мы в нем актеры. Мне вот выпала роль мага, Хранителя Хаглоры. Тебе — сапожника, достойного человека и надежного друга. Вот и будем играть свои роли, пока наше участие в этой большой игре, которую запустили боги, не подойдет к концу.

Арстель молча обдумывал сказанное. Но философствовать у него не было настроения, слишком уж он был напуган перспективами будущего.

— И все же, мастер. Как нам быть, когда будет война?

— Держаться вместе и стараться выстоять. Какие еще могут быть варианты? — изумленно спросил Йоши-Року, словно Арстель задал до безумия глупый вопрос, — не переживай, мы не одни в этом мире. У нас с тобой много друзей, а пока есть дружба, есть и надежда.

Йоши-Року завидел ганраянку, которая вышла на другую сторону пруда. Она держала в руках свирель и что-то начала на ней наигрывать, прислонившись спиной к дереву.

— Давай, беги уже к ней! Хотя бы послушай, что за мелодию играет, а лучше и поговори по-человечески. Чего тебе с древними стариками вроде меня ошиваться? Лучше проведи время с прекрасной девушкой! Ты ведь еще так молод.

— Мастер, а вы не хотите повидаться с Юкиарой?

— В другой раз, друг мой, в другой раз. Сейчас я не буду вам мешать.

Арстель засмотрелся на ту сторону пруда, где была его подруга. Когда он обернулся, Йоши-Року уже не было.

Арстель скорым ходом огибал пруд. Его одновременно переполняло умиротворение от выслушанного и вида на ровную водную гладь и высокие деревья возле пруда, но при этом желание услышать игру Юкиары на духовом инструменте заставляло его прибавить скорости. При нем она ни разу не показывала своего искусства. Когда он добрался до нее, мелодия уже подходила к финалу. Когда утихли последние ноты, он заговорил:

— Превосходно играешь. Я не знал, что ты так умеешь.

— Правда, нравится? — озарила ее лицо радостная улыбка, — меня учил Рeadхалл. Как-нибудь уговорю его сыграть для тебя, у него получается несравненно лучше.

— Я бы лучше один раз услышал твою игру, чем сто раз — исполнение лучшего менестреля во всем Ранкоре, — он подошёл к ней ближе и оперся рукой о дерево, — Юки...

— Да-да? — она была вся внимание.

— Мне кажется, наши отношения слишком стабильны и серьезны, чтобы продолжать делать вид, будто мы всего лишь хорошие друзья или паче того хорошие знакомые. Как ты смотришь на то, чтобы пересмотреть наши положения в глазах друг друга?

Ее лицо осветилось радостью, ганраянка сократила дистанцию между ними:

— Я так понимаю, тебе хотелось бы закрепить наши отношения, да так, чтобы все в Крестале об этом узнали.

— Почему нет? Если ты, естественно, не собираешься покинуть этот край.

Юкиара пожала плечами:

— Зачем? Мне у вас нравится, даже очень. Так ты хотел узнать мое мнение насчет твоего предложения? Или ты все уже решил за нас обоих, — она лукаво прищурилась.

— Попробуй реши за тебя хоть самую малость! Я всего лишь хотел тебе предложить

перебраться жить ко мне — в лавку. Я думал, тебе уже опостытели бараки.

Девушка протяжно вздохнула, словно о чем-то задумалась.

— Да не то, что они мне. Скорее, я им. Я ведь с одними парнями живу. По бытовухе делать они ничего не хотят, сваливают все на меня, мол, женская работа. А Сангельс уже взрослый, сам о себе умеет заботиться. Ну и Наяра для этого есть! Так что я готова переехать к тебе с одним условием — обязанности по дому разделим равномерно.

Арстель разразился хохотом:

— И это все? Юки, за кого ты меня держишь? Я уже больше десяти лет живу один, и, как ты успела заметить, захламления и близко не наблюдается. Кто, как ты думаешь, мне по хозяйству помогал, Хельд? Расслабься, со мной проблем не будет.

— Тогда можешь считать меня своей сожительницей, — Юкиара ухватила за его руку и повела вверх, к проселку, ведущему к скоплениям домов.

Твердь Азарельда. Центральная точка Азроговых земель — средоточие всех подчиненных Хранителю Подземелий. Когда-то земля здесь плодоносила, на черноземе произрастали несчетные ряды вековых деревьев, а травяной ковер устилал без остатка всю поверхность. Теперь же земля осталась голой, даже самые неприхотливые растения не могли добыть питательных элементов в этой безжизненной многие столетия почве. Эти голые, потрескавшиеся поля периодически изрезали реки лавы, через которые единственным средством передвижения были мосты из стали и камня. Еще совсем недавно эти сооружения были тысячелетней давности, полуобвалившиеся и хлипкие крепления, если тронуть которые — посыпется струя пыли из расходящейся щели, образовавшейся по причине давнишней трещины.

Из флоры и фауны в этой местности находились только голые деревья, напрочь лишенные листьев, но они давно уже успели обуглиться или закаменеть. Там же, где земля образовывала шероховатости из гравиевых насыпей или россыпей золы, можно было обнаружить ходы под землю, из которых выскакивали хищного вида ящеры в полтора человеческих роста длиной и в полтора метра высотой. Твари эти мутировали из-за излучения, что исходило из недр Азроговых катакомб все сильнее ближайшие полторы тысячи лет. Эти вараны были плотоядны и давно бы уже позарились на одно из немногих средств пропитания — мясо местных обитателей, если бы те не сподобились приручить этих монстров, сделав их средством передвижения. На черной же скале возвышалась крепость, по сравнению с которой стена Вархула выглядела слепленной ребенком из мокрого песка на берегу, а дворец короля Аргои в Силгоре смотрелся убогой придорожной избой. Замок, сложенный из черного камня, вспарывал своими шпилями тучи, сгустившиеся из смога, выбрасываемого в атмосферу трубами непрекращавшегося производства оружия и машин производственного назначения. Азарельд являл собой ряд высоких башен, соединенных мостами, окруженных массивными стенами с высотой в скалы. Народ Азрога жил на территории, которую представлял собой неправильный шестиугольник, который описывали стены. В башнях, стенах и центральном отделении крепости Азарельда повсюду горел свет. Всюду — внутри стен и снаружи сновали краснокожие существа, некоторые участки кожи которых имели синие оттенки — около плеч, колен, шеи и пояса. Волосы у них заменяли щупальцевидные отростки, причем у мужчин они, как правило, были толще и короче, тогда как у женщин — с точностью да наоборот. Объединяло всех их одно — в большинстве своем носили они черную одежду, которую перечеркивала намалеванная красными чернилами

перечеркнутая буква «А». Символ царства Азрога и эмблема императора Заргула.

И толпы народа сгрудились у центрального корпуса крепости, вглядываясь в широкий балкон посреди верхнего этажа, вполне пригодный для сцены, на которой можно было бы разыграть театральное представление. Объявлено было народу Азрога, что явится впервые за тысячу лет им в этот день истинный повелитель. Для них это было нечто сродни сошествия богов с небес или доказательства существования инопланетных цивилизаций.

— Интересно, а как он хоть выглядит? — робко спросил тощий горхолд в фартуке для готовки, — если так же, как те статуи, что я видел в катакомбах, то, боюсь, мне придется постирать набедренную повязку.

Женщина-горхолд, пригладив копну тонких щупалец, ответила:

— Как ты, Тархолд, вообще бывал в катакомбах, если так всего боишься? — силилась она понять логику полевого повара.

— А он заливаает, как обычно, — сказал мускулистый мужчина с такими же толстыми щупальцами, как и его мясистые пальцы, — нашла, кому верить, Линдара.

Их оборвал резкий окрик:

— Кончать треп! Больше уважения к событию — сам Многорогой предстанет перед нами, — сказал из-за спины высокого роста горхолд, облаченный в боевые доспехи, на кирасе которых был отчеканен герб Заргула, а щит на спине был выделан с эмблемой головы одной из тех примитивно мыслящих плотоядных рептилий, которых народ подземелий сумел приручить.

Это говорил Рокузан — главнокомандующий, генералиссимус всех армий императора. Вести диалог любого формата с горхолдов такого полета было для каждого из этой толпы неслыханной честью. Все разговоры шли лишь шепотом. В горхолдах нынешних поколений возвращали с детства два качества — лишенное всякого разумного основания преклонение перед Заргулом и вдалбливали на подкорку строжайшее табу на покидание ограды Азрогианских земель и выхода в открытый океан. Делать это можно было лишь посвященным в таинства службы императору самим Хейларгом. Каждый представитель народа подземелий мечтал узнать, что за мир существует за пределами их владений и существует ли вообще. Остались лишь обрывочные сведения из открытых секций библиотек, в которых на старых наречиях были описаны эпосы иных народов Ранкора — горхолды отрицали это название, данное миру в честь человека, сорвавшего исполнение великого замысла Владыки Азрога. Горхолды, по правде говоря, не питали ненависти к непонятным для них инородцам, они лишь хотели понять, как так вышло, что их пути с остальными расами разошлись, отчего те даже не пытаются отыскать их, будто бы забыли. Приходили в основном чернокнижники типа Варзхела или тех, кого он с собой приводил в Азрог. Многие горхолды, в том числе старики и дети были вытащены из отреставрированных версий жилых домов тысячелетней давности, чтобы наблюдать восхождение своего властелина на престол. Мирные жители с опаской оценивающими взглядами изучали воителей Кровавого Легиона. Эти воины, по поверьям, были бессмертны и существовали с самого падения Заргула, еще больше полутора тысяч лет назад, когда еще народы Ранкора как следует не наладили свой быт, а «боги» еще ходили по земле со смертными. Среди воителей Кровавого Легиона, помимо Рокузана — массивного горхолда с двуручным мечом, находился Картаг Дробитель — этот горхолд превосходил ростом среднестатистическую особь в полтора раза, в два раза шире в плечах, а руки его были обмотаны цепями для кистеней. Лицо этого горхолда не выражало эмоций в принципе, челюсть сдвинута от нанесенного много эпох назад удара, но

с нижней губы по-прежнему стекали слюни. На голове его также красовались вмятины и вживленные стальные пластины в череп. Их ряды пополняла и женщина, казалось, красивая, но ее шевелюра вместо щупалец состояла из вечно шевелящихся змей, не желающих успокоиться и не перестававших шипеть в разные стороны — Ашгара Горгона. Другой же представлял собой не менее странную особь — Нангор Шестирукий или же, как его еще любили называть, Нангор Паук. Он отличался большим интересом к экспериментам над своим телом, повышению бойцовских характеристик. Отчего-то он решил, что увеличение количества конечностей даст ему некоторое преимущество в схватке. Теперь же руки его произрастали не только из плеч, но и из живот а и ближе к поясу, тогда как рост его был заметно увеличен. Вкупе со скоростью и маневренностью, сопровождаемой мастерским умением фехтования, этот боец умел превращать врагов в фарш мелькающим танцем искривленных ятаганов. Последний же из этого элитнейшего подразделения звался Валахейм Железноголовый. В отличие от остальных, он был закован в стальную броню почти с пят до ушей, при этом это ничуть не препятствовало его изворотливости и быстроте. Щупальца воина стояли дыбом, поговаривали, этот чудака всю жизнь мечтал познать силу молнии, однажды ему довелось попасться под удар, с того дня он овладел дикой силой электричества, пропустив его через свой топор на длинном древке и доспехи, пропитанность бесконечным электрическим зарядом которых служила надежной защитой и зачастую лишала необходимости расправляться с противниками вручную. Но не в этих войнах была основная сила Заргула. Говорят, один в поле не воин, как бы ни был хорош боец, на армию его не обменяешь. Если только речь не идет о магах.

По одному из мостов, ведущих из одной из башен, двигались к главному корпусу Арнлоуг Варзхел и Хейларг. За ними плелся одетый в одну набедренную повязку молодой горхолд-аколит, с радостной улыбкой и нетерпением ждущий начала обряда. Все его тело было исчерчено ритуальными татуировками, обозначающие протоки канала чакр как магических, так и жизненных. Этот юный горхолд полагал, что его феноменальные способности к магическим искусствам не были пропущены мимо учителем, и теперь, с его рекомендации, он попал под крылышко самому Хейларгу, с которым его будущая карьера придворного мага императора, которого скоро воскресят, засияет пестротой мириада оттенков света. Ему было невдомек, что нужен был отнюдь не он и даже не его выдающиеся способности, а только его тело в обмен на иссохшую плоть Заргула. Хейларга снова снедал стыд за то, что он явно не на той стороне, он понимал, что лицо этого горхолда, которого вели точно овцу на забой, будет являться ему в ночных кошмарах. Но отступить он сил в себе не находил.

Они шагнули в центральное помещение в здании, где в центре пола были рассыпаны угли, а вокруг них — начерчен идеально ровный круг, а в центре его — многоугольник, по острым углам которого были нарисованы древние руны позабытых наречий языка горхолдов. Мумифицированные и замотанные в бинты останки Заргула уже тлели на углях.

— Ну, что от меня требуется, — с воодушевлением потирал руки молодой горхолд, — начнем?

— Начнем, — ответил Хейларг, достав из-за пояса ритуальный нож и всадив его со спины в поясницу юноше, затем швырнул его истекающее кровью тело на раскаленные угли.

Горхолд с затравленным видом оглянулся на Хейларга в момент нападения, вскрикнул, упал на угли, снова закричал — от ожогов, но затем ему было уже не спастись. Сгусток алых испарений окутал его, послышался хруст костей, дикие вопли, наконец, завеса рассеялась, и

перед Варзхелом и Хейларгом предстал тот, кому они поклялись служить многие годы назад.

— Повелитель, — они преклонили колени, Хейларг — с легкостью, Варзхел — со скрипом, побряхтыванием и лязгом наколенников об пол.

В полном боевом наряде, точно сошедший с древних изображений стародавних битв, на них глядел живой Заргул.

Толпа взревела. На огромную лоджию вышел сам император. Одет он был скромно — броня из сшитых друг с другом клепаных пластин, надетая на кольчугу, тканевые брюки, заправленные в стальные сапоги, наколенники которых были сделаны в виде огненных шаров, языками пламени стремившимися вверх. Щупальца его были ороговевшими и стояли дыбом, точно стебли алоэ. Его узкое лицо украшала победная усмешка. Императору, наконец, удалось вернуться. А ждать потребовалось всего-навсего тысячу семьсот семь лет. Он прижал руку к груди и поднял кулак с двумя пальцами вверх в ритуальном жесте, и толпа зашлась неистовым ревом, приветствуя вождя тем же жестом.

— Мой народ! Наконец-то мы снова вместе! Клянусь всеми силами подземелий, я верну Азрогу былое могущество!

Таковы были первые слова, сказанные Заргулом, императором Азрога, Хранителем Подземелий и вождем народа горхолдов после его возрождения.

Глава 19: «Время выбора»

1655 год. Твердь Азрога. Подземелья Азарельда.

Два чародея спускались по крутой лестнице, которая за тысячи лет существования успела развалиться едва ли не на половину. Легенды древности рассказывали о демонах, обитавших в катакомбах Азрога — некоторые из этих существ были алчными до людской плоти, другие желали завладеть разумом человека, самые же опасные могли заполучить душу смертного. Маги не придавали суевериям значения. Они искали лишь силы. Друзья казались ничтожными на фоне колонн и стен высотой с горы, а изображения щупальцеголовых созданий, вырезанные в этих камнях в титанических размерах, казались могущественными существами из потустороннего мира. Пожалуй, ими они и были, может, камни, напитавшись темной силой этого места, обрели разум и жаждали чего-то, например, мести за судьбу своего народа. Лестница выводила на обширную площадку на дне катакомб. Там виднелась пентаграмма, по краям которой были вырезаны в черном камне руны давно забытых языков. Над этой картиной свисал громадный колосс из той же темной скалы — остролицый монстр в латной броне, отдаленно похожий на человека, но голову его, вместо волос, усеивала гуща рогов. Один из парней, высокий, темноволосый, в черном халате и подвязанных портянками брюках, оглядывал статую императора Азрога с сомнением, будто пытался понять, зачем посвящать это место, источник великой силы, смертному существу, которое полторы тысячи лет назад встретило свой конец. Другой же — бритый налысо, более приземистый и широкоплечий, взирал с плохо скрываемым почтением изваяние, он словно хотел, чтобы из камня восстал настоящий, живой император Заргул, от которого вряд ли осталось что-то, кроме гниющих костей в каком-то из заброшенных склепов. Его широкое лицо, напоминавшее наковальню, не выражало страха перед силами этого места.

Их наставник, Йоши-Року, Третий Архимаг и Хранитель Хаглоры, убил бы их обоих если бы узнал, что его воспитанники собираются совершить. Отступники приняли решение познать ту самую силу, что в древности сделала из мудрого правителя Азрога чудовище, из справедливого и могущественного народа — безжалостную боевую машину, которая развязала кровопролитную войну мирового масштаба и едва не превратила мир в пепелище. Все, к чему прикасается сила подземелий Азрога, как говорил Йоши-Року, становится злом. Ученики сходились во мнении, что мастер придерживается низкого мнения об их способностях, уме и самообладании. Они верили, что способны обуздать эту силу и направить в нужное русло — они-то, в отличие от Заргула, действовали исключительно из чистых побуждений. И вид этого места вселял в них уверенность. Знаки, начерченные на колоннах. Рогатые оскалившие зубы атланты в виде демонов, подпирающие потолок. Выбитые ритуальным ножом в стенах резные сюжеты, изображавшие бесчисленное воинство Азрога, несущееся на остальные народы мира. Была вырезана надменная фигура Заргула, который восседал на троне и, несколько развалясь, смотрел в лица пленных праведников, последователей истинного Бога, как на тараканов, которые заслуживают лишь того, чтобы быть раздавленными его стальной подошвой. Это место буквально кричало о том, что оно было колыбелью зла, жаждущего захлестнуть мир, ввергнуть его в пучину огня и крови. Но это была древняя сила, старше и могущественнее, чем их мастер, чем они сами, чем весь древний лес Лайнур-Арай, оплот чародейства и родина первых магов. Эта сила была старше, чем магия, чем весь мир.

— Алагар, — позвал своего друга коренастый мужчина, — ты готов? Учти, обратного пути не будет никогда.

Худой и высокий парень повернул в сторону друга свое вытянутое смуглое лицо, его черные глаза отражали блики огненной бездны.

— Он и не понадобится, Варзхел. Мы ведь давно все решили.

Спустившись, они подошли к обрыву, который вел к огненной реке. Но этот огонь был особенным — кроваво-красным, при этом маги чувствовали всем существом, что их эта лава не уничтожит. Этот огонь не жег. Он преобразовывал все, с чем вступал в контакт. Вот только эти изменения были необратимы, как рассказывал мастер Йоши. Но что он понимал в своей ограниченности? Хороший маг познает в совершенстве либо светлую, либо темную сторону. Но совершенный — не боится овладеть обеими, и, удержав равновесие, он становится неуязвимым.

«Что бы сказала Танриль?» — пронеслось в голове у Алагара.

Она бы точно этого не одобрила, чистая душой девушка всегда выбирала только свет и добро. Оттого и сделалась целительницей. Но откажется ли она от него, узнав, чем его делает энергия подземелий. Может, она уже отказалась, когда Алагар ее покинул, не сказав ни слова, отправившись вслед за своим другом в опасные и неизведанные земли.

— Тогда вперед, — начисто лишеным сомнений тоном изрек Варзхел.

Они спускались к берегу, осторожно ступая по неровной каменистой поверхности, где легко можно было сломать ногу, а то и шею. Опершись на посохи и балансируя, они добрались до водной глади. Или огненной? Сложно подобрать удачное название для этой бурлящей каши. Было ясно одно — море лавы несет в себе неопишущую силу, не принадлежащую этому миру. Это было что-то потустороннее.

— С этого момента и до конца, брат, мы следуем пути Многорогого, — сказал Варзхел, с блаженным почтением смотря на статую Заргула.

Алагар ненавидел саму идею следовать кому-то, с самого детства его вольный характер требовал ничем не ограниченной свободы. Эта самая вольность заставила его сбежать из армии, покинуть учителя, порвать с близкой ему женщиной. В том, чтобы подчиняться давно мертвому, пусть и в былом могущественному, существу с неумными завоевательскими амбициями, Алагар не видел для себя радости. Однако спорить с другом он не хотел.

Оба простерли руки к огненной реке и мысленно возвали к магической силе, что текла по их энергетическим каналам. В этот момент оба ощутили странный удар, будто их пронзила насквозь раскаленная стрела. Это произошло слияние. Их дотоле светлая сила, циркулирующая по всему телу, соприкоснулась с разрушительной и неуправляемой аурой подземелий Азрога. Этот огонь быстро проникал в их тела, вначале обжигая, но потом он словно пропитал само существо Алагара и Варзхела, сросся с ними. Алагару во время этого процесса пришло до боли ясное видение — словно тот самый многогогий демон обхватил руками его голову и, глядя в глаза, заливался злорадным хохотом, словно бы говоря: «Теперь ты вечно будешь служить мне!» Когда оба вытащили ладони из реки, прежними они уже не были. У обоих кожа стала бледной, точно у тела, которое выпотрошили, высушили и собираются превратить в мумию. Глаза их стали цвета рубина, они светились во тьме. Темные волосы Алагара, до этого ровно зачесанные назад, встали дыбом и окрасились в ярко-алый цвет.

— Словно переродился, — выдохнув, заключил Варзхел, — ну, а ты, брат мой? Что ощутил?

Что бы сказала Танриль? О чем бы подумала, увидев их? Впрочем, это уже неважно. Вряд ли она бы стала иметь что-то общее с ними, ставшими исчадиями зла подземелий.

— Это, действительно, мощный поток силы, — ответил Алагар, — но здесь оставаться опасно. Чем дальше мы пробудем в краях Азрога, тем сильнее будет власть духа Заргула над нашими умами.

Варзхел вскинул брови:

— Что ты несешь? Неужели ты не понял, что теперь мы накрепко связаны с народом горхолдов и его императором? Мы сильны, но нуждаемся в учителе, если хотим овладеть этой неподвластной многим силой.

— Если хочешь подчинить ее своему разуму, — твердо проговорил Алагар, — рассчитывать можешь лишь на себя. Заргул не способен помогать — он лишь поработает. Этого ты хочешь? Стать рабом?

— А хоть бы и так! Мы уже стали рабами этой силы, слив свои ауры с нею. Дух Заргула, его сущность могущественнее нас, так вполне разумна мысль, что до поры до времени нам придется признать его верховенство. Неужели ты не доверяешь мне больше, Алагар?

Алагар стиснул посох, магический кристалл которого теперь светился красным. Ему показалось смешным, что Варзхел, кажущийся муравьем в этих бездонных подземельях, рассуждает о своем могуществе и способности превзойти того, кто однажды едва не извел весь мир под корень.

— Нас обучил лучший мастер из всех, что живут на Ранкоре. Он делился своей мудростью, опытом, открыл перед нами Путь Мага. Учил бороться со злом внутри себя. Мы познали его ценности, затем покинули учителя и начали создавать собственные воззрения на мир.

— Заргул рано или поздно пробудится, Алагар. Ранкор Несокрушимый сразил его, но не умертвил. И дух императора сохранил всю былую мощь и ярость. Мир переживет большое потрясение, когда император напомнит о себе. Те, кто признает его как своего властелина, будут благосклонно оставлены в живых и будут жить под суровой дланью народа горхолдов. Но предателей Заргул не прощает. Ты хочешь оставить себя без шанса на спасение?

Алагар покачал головой и сделал шаг навстречу другу, сократив расстояние между ними до полутора метров.

— Преклоняться перед высшими силами естественно для опытного мага, мастер Йоши свято чтит веру в богиню Анлариэль. Эта вера — основа культуры его народа. Но что делаешь ты, Варзхел? Ты готов пасть ниц перед тем, кто просто-напросто сильнее? Это позиция уличной шлюхи, но никак не достойного владения магией человека.

— Любого другого я бы незамедлительно умертвил, — сдавленно усмехнулся Варзхел, — но тебе прощаю, как дорогому другу. Задумайся, Алагар! Я не хочу, чтобы тебя убили. Такие, как мы, всегда пригодятся в строительстве новой империи. Да и потом, кто сказал, что мы будем вечно служить его воле? Стоит только превзойти его, овладеть этой силой в совершенстве — и Ранкор у наших ног.

Алагар глядел на друга взором, лишенным надежд. Так смотрят на потерянного человека.

— Ты хочешь власти? Силы? Мастер был прав. Эта злая магия отравляет умы. Твой — уже отравила. Варзхел, ты думаешь, что служишь Заргулу по собственной воле, что используешь его, а тебя ждет большое будущее. Может, даже захочешь стать богом. Но что, если Заргул хочет, чтобы ты так думал? Он здесь, я уверен. И слышит каждое наше слово.

Потому здесь и нельзя оставаться. Очнись, Варзхел!

Бритоголовый презрительно сплюнул и, склонив голову набок, сказал, прищурившись:

— Вы с Танрилью отличная пара, дружище! Оба трусливы и жалки, судьба вам дала шанс обрести нечто большее, чем удел простого смертного, но вам не хватает духу принять этот дар! Тогда какого демона ты увязался за мной? Забились бы с ней в избенку в какой-нибудь захудалой деревне и плодили бы быдло, которым испокон веков помыкали.

Алагар стойчески держался. Энергия подземелий кипела в нем, взывала к темной стороне мага, требовала дать волю злобе и стереть Варзхела в порошок. Даже праха не оставить. На мгновение Алагар был готов позабыть их многолетнюю дружбу, приключения, лишения, страх смерти — все, что они вместе пережили с того момента, как убежали из армии в леса Хаглоры. Алагар взял в кулак не только свою, но и чужую волю, волю силы подземелий.

— Ты еще более жалок — ты не меньше моего хотел связать свою жизнь с ее. Вот только не вышло. А теперь пытаешься казаться выше нас, чтобы скрыть свою неудачу. Тебе не хватает силы даже чтобы быть честным перед собой. Как низко ты пал.

Договорить возможности не выпало — в грудь его полетела слепящая молния из Варзхелова посоха. Алагар, раскрутив свой, увел языки электричества в сторону. Атака должна была крушить горы, разбивать камни, но пять, а то и десять разрядов бессильно развеялись, врезавшись в выдолбленное в скале лицо дракона-демона. Эти стены защищали темные чары. Алагар вобрал силу тока в кертахол и разрядил всю атаку в сторону оппонента — безудержная в своей жестокости воля подземелий давала о себе знать. Все это произошло в мгновение ока, Варзхел не успел понять, что его атака была перенаправлена, а спустя мгновение его одежда была разорвана, грудь представляла собой огромный ожог, поджаренное мясо с вываливающимися наружу внутренностями. Лицо его было расплавлено едва не до черепа.

Алагар сделал пару шагов к телу бессильно кряхтящего друга, который водил по горячим камням рукой в поисках магического атрибута. С ужасом он осознал, что не испытывает жалости к печальной участи умирающего друга.

— Я уйду, Варзхел. Прости, если сможешь. Но лучше тебе умереть, чем пойти по пути, что ты избрал.

Глаза Варзхела были широко открыты, они чуть не выкатывались из глазниц. Бровей и ресниц у него уже не было, а пол-лица был оголенный череп, скула проступала сквозь мясо и разорванные жилы.

— Ты... — простонал Варзхел, — предал... нашу дружбу...

— Есть вещи куда важнее, чем наша дружба.

Яркая вспышка — и вот Варзхел распластан на плитах, нагретых от раскаленной реки, которая протекала в недрах Ранкора в самые незапамятные времена, еще до того, как не то, что первое живое существо ступило ногами на эту землю, но даже первый росток пробился сквозь толщу земной тверди. Они оба сделались слугами демонической силы, но пошли разными путями. Алагар выбрал путь управления тьмой, а Варзхел — служения ей. Вырезанные на скальных стенах молчаливые лица порождений зла безучастно смотрели на своего искалеченного раба.

Глава 20: «Мир в огне»

Весна 1708 года.

В гробовом молчании они ждали его. Каменный зал, своими размерами похожий на какой-нибудь из людских дворцов, был полон краснокожих и щупальцеголовых. Ближе к помосту, над которым развевался гобелен с эмблемой Азрога, толпились вооруженные красноголовые мужи, что с воодушевлением смотрели назад, в сторону входа, тогда как у колонн больше скопилось чиновников, ремесленников и лиц духовного сана. Ни одной женщины в зал не пустили. Колонны были исчерчены древними азрогианскими рунами, а на стенах изображены памятные события древности. Потолок украшала фреска императора Заргула, восседающего на переносном троне, что возвышался над копьями и шлемами преданных ему горхолдов, напротив же стояли крылатый воин и витязь людского рода, герои забытой эпохи — Гартхаэл Громовержец и Ранкор Несокрушимый. Но эти красноголовые сейчас мало предавались фантазиям об ушедших временах, потому что в их жизни произошла самая значимая перемена, которая, возможно, сломит линию судьбы всего Ранкора и определит согласно воле народа Азрога. То, что мир назвали в честь повстанца, что сразил их возлюбленного императора, вождя — веками питало ненависть горхолдов к внешнему миру. Теперь их властитель вернулся. Массивные ворота, створки которых были сделаны в виде змеиной головы, а арку над ними венчал бычий череп, раздвинулись, и вошел он. Впереди шагал тот, кого ждали более полутора тысяч лет. Такого же роста и телосложения, как остальные, одет неброско — клепаная кираса из скрепленных стальных пластин и простецкие шаровары, заправленные в стальные наголенники. Но императора было невозможно спутать с кем-либо — щупальца на его голове устремились ввысь и ороговели, глаза его искрились алым светом, больше того, они его излучали, светясь в темноте. Выражение лица Хранителя подземелий отчасти демоническое — его усмешка, граничащая с оскалом, несла в себе иронию и в то же время некоторую злобу за все века лишений и изоляции его народа. Ни магического атрибута, ни оружия при нем не имелось. Таков был Заргул. За ним шел горхолд, сжавший в красной руке жезл, навершие которого было сделано в виде змеиной головы, а по другое плечо тяжело вышагивал человек в длинном плаще, скрывающем стальные латы, лицо его полностью закрывала стальная маска, сквозь прорези которой смотрели алого цвета глаза абсолютно мертвым, лишенным эмоций взглядом, а за спиной на перевязи хранился магический посох, на одном конце которого виднелся магический кристалл алого цвета, из другого же выходило длинное зазубренное лезвие. Он был единственным, не принадлежавшим к расе горхолдов, кому было дозволено присутствовать при речи императора в главной зале. Толпа расходилась, открывая дорогу своему властелину к помосту, они, казалось, охотнее бы впечатались в стену, чем оставались на расстоянии меньше двух метров от Заргула. Заргул же глядел только вперед, не сводил император глаз от гобелена с вычерченным на алом фоне белыми чернилами знаком Азрога. Вскочив с одного прыжка на помост, Хранитель подземелий простер руки в стороны.

— Мои братья! — в ответ толпа взревела, лишь двое магов сохраняли спокойствие, кто-то попытался подойти к Заргулу ближе, но Кровавый Легион плотно оцепил возвышение.

Заргул продолжал, свысока взирая на своих подданных с таким вдохновенным видом, который бы подошел скульптору, набиравшемуся уверенности перед куском глины, прежде чем сделать из него то, что он находит нужным.

— Мой народ! — вскинул он кулак, — вы знаете, как долго мы ждали этого. И вот — время пришло. Мы готовы действовать!

От этого известия горхолды еще больше разошлись воодушевленными возгласами, в особенности военные, которые, потрясая оружием, восклицали:

— Да славится имя Многогорого!

Заргул одним взглядом заставил их присмиреть. Никому не пришло в голову, что одним своим присутствием это существо ломало всю их волю и способность управлять собой. Пронзающий взгляд его искрящихся глаз пробивал это, через недолгое время даже самые скептически настроенные жители Азарельда, увидев Заргула воочию, уже обнаруживали, что начинают заискивающе ловить его взор и искренне хотят посвятить свою жизнь служению Многогороду. Народ подземелий, отрицая весь пантеон Ранкорских богов, обожествил своего правителя. Многогородий не возражал, он принимал это как должное. В Заргуле кипела ненависть, которая выплеснулась в безумном оскале и реве его голоса. Когда он говорил, никто не смел издать и звука.

— Эти примитивные дикари равшары, чуждые всякой культуре, что постоянно нападают на соседей или друг на друга, хаглорианцы, отступники, укывшиеся в своей чаше, скиарлы, воздвигшие крепостные стены и флот и думающие, что это им поможет, флорскелы, эти жители высоких скал, надеющиеся, что потрясения сего мира их не коснутся, люди, властолюбивые и тщеславные ублюдки, поклоняющиеся тому, кто в нечестной схватке нанес мне подлый удар. Все они должны знать свое место! А место их — под железной пятой сынов Азрога, — черты его лица сгладились, Заргул опустил руки и зашагал взад-вперед, затихшие горхолды и Варзхел все так же неотрывно следили за его любым телодвижением и ловили каждое слово, словно это было откровение свыше, — тогда, во время древней войны, я надеялся, что нам удастся жить с ними в мире. Горхолды могущественнее их и мудрее, больше знают о магии и природе этого мира, так не значит ли то, что они должны нам подчиняться, как старшему брату? Мои соученики, внемля преступным заветам нашего наставника, безнадежно сбили с верного пути все народы, кроме нашего. Неудивительно, что эти отсталые существа выстроили им памятники и провозгласили божествами. О нас забыли, братья, многие сомневаются, что мы когда-то существовали. Скоро мы заявим о себе. За века пребывания в бесплотной форме я успел понять — между глупцом и мудрецом не может быть знака равенства, слабый вполне естественным образом должен следовать воле сильного. Ввиду своей ограниченности наши соседи неспособны выстроить лучший мир для потомков и идти вперед, что ж, мы им в этом поможем. Те, кто будет следовать воле горхолдов, — Заргул, разумеется, имел в виду собственную волю, — будут живы, и жить им суждено праведно, твердая рука наша направит их. Кто-то готов скорее бесславно умереть в кровопролитных битвах, чем поклониться знамени Азрога. Такие будут уничтожены. Под корень. Ведь власть нашего народа неоспорима, разве не так?!

— Да здравствует Многогородий!

— Вечной жизни императору!

— Да славится имя Заргула!

— Честь и слава горхолдам!

Заргул наклонился к ревушей толпе, опершись костлявыми руками о перила. Он наслаждался зрелищем, на сей раз предоставив возможность народу выразить свои чувства в полной мере. Вскоре смертные замолкли, и Заргул сказал снова:

— За Азрог!

Другие вторили ему и, ударив правой рукой о сердце, выбросили руку тремя пальцами вверх, к потолку, точнее, они как будто намеревались пронзить его и устремиться в полете к небосводу. Заргул обнаружил, что его охватил приятный экстаз. Такого чувства он не испытывал почти две тысячи лет. Хейларг же, наоборот, дивился, с какой легкостью те, кто еще недавно надеялся, что Заргул не сможет обрести плоть и воскреснуть, а они смогут продолжать свою мирную жизнь в стенах черных крепостей, теперь с такой готовностью салютуют этому диктатору и клянутся в верности. Хейларг не был лишен сомнений и порой жалел, что не покинул ряды адептов Многогорого до того, как он вернулся в полной мощи. В какой-то момент маг обнаружил, что император смотрит прямо на него. Хейларг был готов поклясться — Заргул знал, что маг не так уж тверд в своей преданности.

Ближе к вечеру, когда большие собрания обычно не проводились, а горхолды предавались упорному труду, по большей части связанному с военной подготовкой и наращиванию боевой мощи, император велел ближайшим сторонникам собраться в одной из самых высоких башен Азарельда. Среди черных облаков, образованных скорее от смога, валившего из горнов и выхлопных труб кузниц, высился шпиль. Похоже, что выбор такого отдаленного от земной тверди места для военного совета еще раз подчеркивал важность замыслов императора и их недоступность для понимания смертных. Внутри же, у круглого стола стоял Заргул, успевший развернуть на всю столовую поверхность потертую карту Ранкора. Со внимательным видом император ее изучал, то и дело заглядывая в свитки, разложенные на карте, если ему требовались сведения об истории того или иного города.

— Сколькое успело перемениться... — сквозь зубы произнес он, — но что-то не меняется никогда.

Когда прибыли его первые подчиненные, Заргул знал о современном Ранкоре практически все, что нужно. Первыми вошли горхолды, хоть оба принадлежали к одному народу, сколь непохожи они были. Один — в черного цвета мантии с магическим посохом, лицо же его выражало глубокую внутреннюю борьбу, словно все, что он делал, шло вразрез с велениями души мага, второй же, широкоплечий и ростом достигавший почти двух метров, облаченный в полный комплект боевой брони, разве что без шлема, несший за спиной двуручный меч, олицетворял полное единение тела и духа, лишенный всяких сомнений в истинности избранного им пути. Хейларг, Архимаг народа Азрога и Рокузан, главнокомандующий армией. Следом вошел Варзхел, за ним — не самого высокого роста и ширины, но жилистый и атлетично сложенный гуманоид с кожей почти белого цвета, исчерченной замысловатыми переплетениями линий и символами, многие из рог на его голове были отчасти обломлены, а свирепое лицо его отражало готовность броситься в атаку и сровнять врага с землей — лишь бы не сидеть без дела и точить ляды на переговорах, пусть и со своим повелителем. Однако слова против Заргула сказать не смел и он, Стакуга Убийца Магов, сильнейший из равшаров за всю историю Ранкора. Он не должен был принимать участие в обсуждении, но сильный энтузиазм и рвение к войне вызвали удовольствие повелителя Азрога, и Заргул дал согласие на его присутствие. Вновь прибывшие окружили стол, ожидая слова властителя.

— Итак, — сказал Заргул, — все готово?

— Да, владыка, — ответил Рокузан, склонив крепкую голову, — наши солдаты превосходно подготовлены, отстроен флот и созданы новые боевые механизмы, наши маги

проникли в тайны сил подземелий и способны обрушить их мощь на головы врагов, а извне все прибывают новые соратники.

Заргул, не перебивая, глядел на своего раба в упор.

— Ясно, — сказал он, — Рокузан, ты хорошо знаком с внешним миром?

— Не на личном опыте, но по древним книгам и рассказам Хейларга я имею некоторое представление о географии и истории других народов, а также об их нынешних правителях.

— Что ж. Полагаю, вы все обо всем осведомлены не менее моего. Варзхел, ты прожил большую часть жизни вне пределов земель Азрога. Скажи, есть ли согласие между их народами сейчас?

— Отсутствует, мой повелитель. Расы Ранкора разобщены и сохраняют связи лишь за счет торговых путей и редких странников, которые стремятся повидать мир. Даже среди людских королевств сильный разлад — при моей жизни произошла сначала война между Аргоей и Севером, а затем вспыхнули мятежи на юге, в Клирии. Они до сих пор ненавидят друг друга, а удерживается порядок силой армии и Карательного Отряда. Да и вряд ли они когда-либо могли или смогут договориться.

Заргул, стиснув зубы, покачал головой:

— Ошибаешься. Среди них есть разногласия, но они объединены общим интересом — стремлением к свободной жизни без подчинения силе, пробудившейся спустя полторы тысячи лет. Они готовы сражаться вместе — нужен лишь тот, кто соберет всех воедино под общим знаменем, лозунгом и поведет за собой. В мое время такими были мои собратья — ученики Калтахина, а Ранкор и Гартхаэл были первыми, кто осмелился за ними пойти. Пока они не осознали, что объединение — их единственная возможность спастись, нужно сломать им хребет, лишить силы духа и единства. Одно из лучших средств — найти союзников при их королевских дворах. В этом направлении работа ведется?

Варзхел кивнул:

— Да, владыка. Наша община заручилась поддержкой должностных лиц Аргои, Побережья Кесилора и верховного вождя равшарских племен.

— Затем наша задача, — продолжал Заргул, — обезглавить вражеские государства, лишить жизни их правителей. Насколько я знаю, среди прибывших из внешнего мира есть человек, которому под силу такое задание.

— Скорпион — лучший из Гильдии Ассасинов, — сказал Варзхел.

Стакуга хотел выразить свое презрение к деятельности наемных убийц, убийство исподтишка или в нечестном бою с помощью яда и прочих средств он считал трусостью, недостойной воина, но в присутствии ретивый равшар Заргула не смел и рта раскрыть.

— Тогда действуйте, братья, — сказал Заргул, — ясное дело — сначала мы должны предложить им покориться силе Азрога. Если же нет... Что ж, в любом случае прежнему миру скоро придет конец. В новом же должна господствовать империя горхолдов, лишь под ее руководством другие народы смогут обрести смысл и порядок. Ведь так, Хейларг?

И тут чародей, заглянув в смеющиеся алые глаза императора, ощутил поистине животный страх. На мгновение его прошиб пот, затем — охватила дикая боль, будто вся плоть охватил огонь, острое лицо Заргула казалось высеченным в камне смеющимся ликом демона.

— Так точно, император.

Заргул удовлетворенно кивнул и начал сворачивать карту.

— Можете расходиться. Вы знаете, что делать.

На лугу, между скоплений вековых деревьев, что своими кронами и переплетающимися ветвями загордели безоблачное звездное небо, сидел, скрестив под собой костлявые ноги, старик из лесного народа. На вершине холма, возле которого протекало ответвление реки Быстроходной, виднелась его щуплая фигура. Зеленокожий, все его худощавое и низкорослое тело было изрисовано ритуальными татуировками белых чернил, янтарного цвета выцветшие от времени глаза были полуприкрыты, точно старец пребывал в полусне. Его бурого цвета балахон был исчерчен древними магическими символами, намалеванными углем. У ног же его лежал древесный посох, который венчал кертахол зеленого цвета, магический кристалл, фокусирующий энергию. Третий Архимаг Йоши-Року, Хранитель Хаглоры, предавался глубокой медитации.

— Йоши, — услышал он женский голос и поднял веки.

После медитации часто приходилось сфокусировать зрение, да и глаза его были уже не те, но он отчетливо разглядел у подножия холма смуглую зеленоволосую женщину в рваном платье, открывающем виды на ее соблазнительные формы. Такие же соблазнительные, как полторы тысячи лет назад, когда она еще не была бесплотным духом.

— Великая Анлариэль... — он тяжело, преодолевая боль в суставах, поднялся и собрался упасть на одно колено, но дева остановила его жестом.

Старик остался стоять на траве.

— Что привело тебя, покровительница?

Глаза Анлариэли, все того же цвета осенних листьев, были полны горечи и отчаяния, однако лицо девушки оставалось твердым и решительным.

— У нас совсем не осталось времени. Скоро он начнет действовать.

— Я знаю, — чуть наклонив голову, сказал Йоши, — все к этому шло.

Деревья, что нависали над их фигурами, закрывая свет молодой луны, лишь добавляли мрачности разговору.

— Война неизбежна, — казалось, ее глаза заблестели от навернувшихся слез, но богиня природы не изменила своей стойкости, — и на сей раз он даже сильнее, чем был прежде. Готов ли мир столкнуться с таким потрясением? А я ничего не могу сделать... Если бы я могла снова принести себя в жертву!

Только при нем она позволяла себе поддаться эмоциям. Йоши сделал неуверенный шаг к женщине, намереваясь взять ее за руки и заглянуть в глаза, но вспомнил, что в форме призрака она навсегда неосязаема для мира живых, поэтому маг остановился.

— О, великая. Ты сделала гораздо больше, чем просто отдала свои силы Ранкору. Ты подарила всем, не только лесному народу, веру. Эта вера нам помогала справляться с врагами страшнее Заргула, к примеру, с нашими внутренними демонами. Если вера и на сей раз нас не оставит, горхолды не смогут забрать себе этот мир.

— Ты прав, — сказала Анлариэль, — жаль только, что эти беды свалились на ваши головы.

Йоши, усмехнувшись, спросил:

— Нам ли с тобой не знать, как коротка смертная жизнь? По сравнению с вечной жизнью души и мы с тобой точно ничтожные мотыльки. Победа будет стоить дорого, но мы должны быть готовы к таким жертвам, чтобы те, кто придут в этот мир после нас, имели роскошь, недоступную их предшественникам — уверенность в завтрашнем дне. Но мы должны поверить.

— Поверить в свои силы?

— Нет, — с улыбкой Йоши покачал головой, — верить в то, что, будучи столь разными, имея в себе множество пороков, мы все же можем вспомнить о том, что неотделимы друг от друга и можем сплотиться подобно большой семье.

— Если бы все это осознали, — улыбнулась и Анлариэль, — Заргул бы, может, сдался, не начав вторжение.

— Они понимают, — сказал Йоши, — ум хитросплетениями своих мысленных спекуляций подкидывает нам разные иллюзии, вводит в заблуждение, но душа всегда знает правду.

— Такое мог сказать только истинный хаглорианец, не только по крови, но и по духу. В таком случае ты знаешь, что делать.

— Конечно, знаю, великая. К нам скоро издалека пожалуют гости. Причем, довольно важные, сам император Азрога. Будет неучтиво не подготовиться к его визиту как следует.

Анлариэль рассмеялась, затем посерьезнела и, сжав губы, молвила:

— Подними на борьбу всех, кого можно, Йоши. Лишь на тебя я могу положиться без остатка.

Сердце старика забилося чаще, как у фанатика во время религиозного экстаза. Личность, которую его народ обожествлял веками, оказала ему столь великую честь.

— Даю слово Архимага — я сделаю все, что в моих силах.

Девушка кивнула, а Йоши повернулся и побрел в чащобу, предстояло вернуться в свою хижину и собрать вещи для путешествия. Когда он обернулся, на лугу кроме него уже никого не было.

Глава 21: «Явление Заргула»

Старого колдуна приняли во дворце с честью, но в то же время и с определенным равнодушием. Ему предложили спальную комнату размером с обширный шатер, сгодившийся бы объемом на всю странствующую общину, но старик предпочел весьма скромное помещение немногим больше чулана, где обретали ночлег самые близкие к простонародью гости королей. У короля Аргой не было ни вопросов к магу, ни нужды в его совете. Оставалась некоторая неловкость и натянутость в их взаимоотношениях после того, как честных людей, спасших Эанрила Третьего от сторонников Заргула, засадили в казематы и держали там, пока не потребовалось свидетельство императора Ганрая, чтобы их оправдать. Спустя год король во время встреч с Архимагом этой темы ни разу не коснулся, будто жертвы обстоятельств были слишком ничтожны, чтобы рассчитывать на королевское сожаление. Между тем приближалось пиршество в честь будущего сватовства дочери короля и сына крупного феодала из далекой Клирии. Землевладельцу, по слухам, было лет около сорока, тогда как принцессе Айрил было лишь неполных восемнадцать лет. Однако у Аргой с южанами в последние десятилетия были непростые отношения, королю было необходимо заручиться поддержкой влиятельного человека из тех земель, кто мог бы признать правителя Аргой своим сюзереном и склонить остальных темнокожих в сторону подчинения центру Союза. Дочь же короля, как и многие люди того темного времени, была принесена в жертву во имя высокой цели. Йоши-Року с ней увидеться не успел, поскольку прибыл за полночь, но ему, если рассудить, предстоящее торжество было интересно лишь как повод приблизиться к королю, известить его о приближающейся силе Азрога и призвать к действию. Пока не стало слишком поздно. Заснуть он не мог, не столько потому, что кровать была жесткой, а в драном матрасе то и дело ползали мелкие насекомые, а столько оттого, что разум его неустанно возвращался к тверди Азрога. Зеленокожий старец представлял себя, ничтожным, мелким и бессильным существом перед боевой машиной из черной стали, над которой возвышался красноголовый император, простирающий руки ко всему живому. Он вначале надеялся, что снова явится видение Анлариэли и придаст больше надежды, но тут же устыдился этой мысли — истинный хаглорианец не смеет обращаться к своей богине из желания идти на поводу у своей слабости духа. Слабости были и у могущественнейшего мага своего времени, Йоши-Року, несмотря на свою вековую мудрость и невообразимую мощь, оставался живым существом, не лишенным смертных пороков. Его размышления прервал стук в дверь. Он молча провел рукой, и дверь медленно отворилась.

— Мастер... — на пороге неуверенно переминалась с ноги на ногу Айрил, дочь короля, — простите, что потревожила в столь поздний час, но как только я узнала, что вы здесь, я...

— Присаживайся, Айрил, — указал он на хлипкий табурет у стены, — я бы предложил место на кровати, но матрас слишком неухожен для королевской особы.

Она молча проследовала к стулу и, опустившись, отсутствующим взглядом уставилась в пол.

— Я слышал, ты скоро выходишь замуж, — сказал Йоши, после чего Айрил закрыла лицо руками и судорожно всхлипнула.

— Не знаю, что мне делать... — сказала юная леди, — понимаю, что мой долг — подчиняться воле отца и пренебрегать собой во благо страны, но... смогу ли я... он

чужеземец, в два раза старше меня и к тому же, служанки рассказывали, он горький пьяница. Неужели Всевышний не мог послать кого-то более достойного. Может, я в чем-то согрешила и теперь расплачиваюсь?

Йоши чуть не засмеялся. Ему пришла в голову мысль о том, в чем может быть виновен мир и существа, живущие в нем, что ему готовятся столь великие потрясения.

— Мастер Йоши, скажи, как мне быть? Мне стыдно, что я краду твое время на решение сугубо личных проблем, но твоя мудрость — единственное, на что я стала бы надеяться.

— Айрил, — сказал Архимаг, — правда жизни в том, что не всегда нужно искать решение. На любом пути есть свои ямы или подводные камни. Ты родилась принцессой, тебе доступно то, чего лишен почти весь остальной народ — почести, роскошь, известность, уют и сытная еда, ради которой не приходится гнуть спину день ото дня. Но ты знаешь — где свет, там и тень. Ты дочь короля, значит, политика, хочешь ты того или нет, будет частью твоей жизни. У тебя высокое положение в обществе, для этого не нужно было ничего делать — достаточно просто родиться. Но чем выше твой статус — тем больше и ответственность, разве не так? Люди твоего круга могут позволить себе удобства, недоступные для лиц низких кровей, но роскошь жить лишь для себя вам недоступна. Для родины будет лучше, если ты выйдешь замуж за того человека. Поверь, я видел клирийские мятежи и не пожелаю впредь никому стать свидетелем подобных ужасов. Возможно, ты будешь несчастлива до конца жизни, но это может предотвратить повторение тех печальных событий в будущем. Конечно, у тебя есть выбор, ты можешь сбежать из дворца и поселиться в каком-нибудь селе, бродяжничать или работать в поте лица на городских мануфактурах. Будешь принадлежать сама себе без остатка, но за это придется дорого заплатить лишениями, о которых ты знаешь лишь понаслышке.

— При всем уважении, мастер, — тяжело вздохнув, ответила она, — тебе говорить легко. Ты не принадлежишь к знатному роду, ты не низкорожденный обыватель. Ты свободен в своей мудрости и силе, правители всего Ранкора ищут твоего прибежища в твоих наставлениях. Тебе не приходится изменять себе.

— Знала бы ты, — сказал Йоши, — стоит благодарить Анлариэль, что тебе не придется ощутить на своем опыте, каково это — когда тебя считают первым среди мудрецов. Другие ждут, что ты знаешь ответы на все вопросы, можешь разрешить любую проблему и указать верную дорогу посреди кромешной тьмы. А тебе лишь остается исполнять свой долг и поддерживать веру в то, что твое дело правое. Следовать куда проще, чем вести, Айрил.

— Значит, тебя тоже... терзают сомнения?

— С юных лет и по сей день.

Девушке на мгновение показалось, что Йоши-Року стал совсем другим. Вместо непогрешимого, твердого как скала и мудрого как сама природа существа ее глазам предстал старик, согбенный под тяжестью прожитых им веков и ответственности, навалившейся на его не такие уж крепкие плечи. Морщины на его сухопаром лице стали в нем глубже, а глаза — наполненными тяжестью и смиренным терпением, созвучным с болью. В этот момент ее юный разум наконец осознал, что величие существует лишь в умах других, тогда как любой, будь он король, Архимаг или последний крестьянин, неустанно ведет борьбу с самим собой и в этой борьбе следует развилка одна за другой. И вот, подойдя к первому распутию, Айрил сделала свой выбор. Быть достойной своего рода и отечества.

На следующий день в тронном зале массивные столы расставили полукругом и,

несмотря на свою крепость, они трещали от обилия угощений. Лучи солнца не могли пробиться сквозь скопления туч, отчего в этот утренний час зал больше освещался настенными огнями, чем светом, шедшим сквозь витражи, изображавшие события далекого прошлого. Пока народ устраивал гуляния за стенами крепости, предаваясь пьянству и распутству на ярмарочных площадях, весь цвет Союза усердно желал счастья будущим молодоженам и ратовал за столь смелый шаг короля в сближении с южанами. Лишь Эрлинггай, с тоской положив руку на плечо племяннице, тяжело кивнул ей и тихо сказал: «Ты заслуживаешь лучшего, чем это». Глоддрик, глава Карательного Отряда, проделал путь из Ганрая, оставив Гилеард на попечение своей правой руки — Норберта Гартахола. Сам же он взял на себя вопросы безопасности и порядка. Принцесса, наслышанная о жестоких деяниях этого побитого жизнью человека, старалась не глядеть в его сторону после того, как он ей отвесил короткий поклон и сухо поздравил с помолвкой. С Йоши-Року ей говорить также не хотелось после вчерашнего глубокого и столь же тяжкого разговора, от отца и своего будущего жениха, чернокожего бородача в шелковом камзоле, Айрил держалась подальше. Полная отчаяния, она ловила взгляд Ревииана Гувера, единственного из гостей, беседа с кем могла отвлечь ее от угнетающих размышлений, но собиратель историй был занят оживленной беседой с главнокомандующим Аргойской армией и Эрлингаем, нынешним смотрителем королевской стражи. К неудовольствию принцессы, рядом с ней сидел Монсерад, королевский казначей, который уже начал оплетать своей паутиной ее будущего мужа, рассказывая ему, какие связи он может ему открыть при достойном сотрудничестве, а его кредиты под щедрую ставку были внушительным аргументом для южного обладателя сталелитейных мануфактур, ищущего выходы на аргойские рынки. Слуги же сновали по всему дворцу, разнося скатерти, столовые приборы и блюда на любой вкус. Внимания на них старались не обращать. Брата принцессы, царевича Слагера, на празднестве не оказалось, он, не питая ни малейшего уважения к сестре, в этот момент наслаждался прелестями плотских наслаждений и бодрящей выпивкой в публичном доме. Генерала Клаусвиля на празднестве не оказалось, как невзначай бросил Монсерад, он быстро спустил все скопленные за годы службы жалование и недавно умер в трущобах на окраине столицы, куда его завел бездумный и разрушительный образ жизни.

— Мастер Йоши! — радостно окликнул его Керрис Галарт, главнокомандующий, — мы вас заждались.

— В Аргое вроде бы все спокойно, — сказал Эрлинггай, — но иногда кажется, что мы нечто упускаем из виду. Может, нам не хватает вашей цепкой руки и трезвого разума.

— Есть ли какие вести с дальних земель? — спросил, протягивая руку, Ревииан.

Маг остановился, собираясь с мыслями. Рукопожатие его было крепким, несмотря на беспощадные удары времени, разум его был еще тверже. Опершись на посох, он наклонился вперед и, приглушив тон, молвил:

— Вести есть, срочные вести, — сказал Йоши, — они никоим образом не должны быть озвучены во всеуслышание — это приведет к хаосу и панике. Мне жаль, что приходится нарушить ваше спокойствие и препятствовать веселью, но я должен переговорить с королем. Наедине или в присутствии лишь доверительных лиц. Друзья мои, готовы ли вы поклясться всем, что для вас свято, что не станете разглашать эти сведения?

С лица Эрлинггай мгновенно стерлась приветливая улыбка и он, сдвинув брови, сказал:

— Ты знаешь нас, мастер Йоши. Но если нужно, клянусь своим фамильным клинком Фарендиллом, что оправдаю твое доверие.

— А я — памятью своей матери, — положил руку на сердце Керрис Галарт.

— Клянусь своим именем, — сказал Ревриан, — что не обману.

Маг улыбнулся и, одернув балахон, сказал:

— Если бы на земле этой все были столь достойны. Друзья мои, случилось худшее из всего, что мы могли себе вообразить. Наши враги добились своей конечной цели. Заргул восстал из мертвых. Империя Азрога отстроена, ее боевая мощь вернулась, а горхолды готовятся к вторжению. Многогогий собирается взять реванш.

— Это моя вина, — донесся сзади отрывистый и хриплый голос Глоддрика, который приближался своей хромающей походкой и, скаля зубы, перебрасывал взгляд единственного красного глаза из стороны в сторону, словно выискивал затаившихся врагов, — я дал тем ублюдкам унести его гребанные кости.

Глоддрик предчувствовал, что за ту оплошность ему придется заплатить жизнью.

— Друг мой, — сказал Йоши, — нет смысла искать виноватых. Нужно искать союзников, объединяться. Лишь вместе, единым Ранкором мы имеем шансы дать Заргулу отпор. Но, господа, необходимо заручиться поддержкой всех правителей Ранкора. Вы сможете убедить Эанрила сотрудничать?

Эрлинггай сжал губы и, зажмурившись, протяжно выдохнул, будто он только что глубоко затянулся самокруткой из дурманящей травы и теперь пытался привести себя в чувство.

— Все мы знаем, — также понизив тон, сказал он, — мой брат вряд ли согласится готовиться к обороне. Самое мягкое, что можно сказать об Эанриле — то, что он нерешителен и несмел.

— Он занимает не свое место, — отрезал Глоддрик.

— Брат, каким бы он ни был, все же он монарх, я бы советовал проявлять больше уважения, — сказал Ревриан, — его имя будет вписано в страницы истории нашего времени.

— Не его заслуга, — отмел возражение Ганрайский Демон.

— Мужья благородные! — сказал Керрис Галарт, поднимая руки, — предлагаю оставить на время споры и вернуться к делу.

— Сворачиваем пирушку, — с презрением оглядев поглощенных обжорством, пьянством и пустословием гостей, сказал Глоддрик, — и проводим военный совет. Шлем письма чужеземным владыкам и открываем переговоры. Цель — создание всемирного альянса. Дальше — по ситуации.

— Погоди, Глодд, — осадил его Ревриан Гувер, — слова верные, но куда так рваться? Если мы разгоним гостей и отменим торжество, то поседем смуту в Союзе и настроим против себя клирийскую и северную знать. Если мы сидели без дела столько времени, то лишние полдня погоды не сделают.

— Пожалуй, стоит дождаться конца празднества, — заключил Эрлинггай.

Ревриан хлопнул в ладоши и, воодушевленно потирая руки, сказал:

— Что ж, боюсь, герцогиня Нэриллетт успела истосковаться по моему обществу. Тогда вернемся к этому разговору к вечеру, засим позвольте откланяться.

И писатель легким шагом направился к кидающей на него кокетливые и немного лукавые взгляды светской львице. После того, как они сблизились, небрежность в одежде покинула Ревриана и, стараясь выглядеть представительно хотя бы для своих пятидесяти лет, он надевал самые броские и стройнящие камзолы из своей коллекции, сшитые для него лично на заказ.

Керрис Галарт лишь усмехнулся:

— Вот ведь стальная выдержка у человека. Мир скоро накроет большая война, а он продолжает развлекаться.

— Главнокомандующий Галарт, вы ведь тоже не теряете бодрости, — заметил Эрлингай.

Керрис, проведя трясущейся рукой по коротким седым волосам вокруг своей лысины, изрек:

— Стар я уже, чтоб беспокоиться. Мне семьдесят шесть лет... Если война не унесет мою жизнь, как ветер — осенние листья, я сам скоро отправлюсь к праотцам. Но как жаль молодых — не передать. От того, что они не догадываются, что их ждет, лишь больнее.

Если до этого празднество еще создавало некое подобие гармонии, слова бывалого черноусого воина окончательно разрушило иллюзии. Молчаливое согласие мага и первого фехтовальщика Союза было красноречивее любых слов.

— Друг мой, Эрлингай, — решил сменить тему Йоши, — я до сих пор не повстречал твоего брата. Где носят его ветра судеб?

Эрлингай опустил глаза к затоптанному и вымазанному в дорожной грязи ковру и с досадой сказал:

— Марвол отбыл из Силгора с полмесяца назад. Он патрулирует границы с равшаровыми пустошами. Мы с ним, — Эрлингай, как показалось Архимагу, пытался найти наиболее удачное слово, чтобы описать взаимоотношения с Марволом Черным Львом, — редко работали вместе.

Глодрик ударил кулаком об ладонь:

— Везет собаке! А мне торчать здесь, как гребаной прислуге.

— Не тебе одному, — сказал Эрлингай, — не думай, что я разделяю восторг своего сводного братца.

— Ты при делах. Заправляешь охраной.

Хаглорианец похлопал костлявыми руками по плечам обоих ратников:

— Неспроста Анлариэль в этот час привела вас под крышу властителя Аргои. Нам предстоит непростой разговор с королем. И слово, сказанное в нужный момент любым из приближенных к трону, может спасти людские королевства и весь Ранкор от роковых ошибок самодержцев.

Застолье шло чрезвычайно размеренно и уныло. После принесения формальных поздравлений и пожеланий королевне гости занялись исключительно личными делами. Купцы искали видных покровителей среди дворян, точнее, среди их кошельков, знать сбивалась в группы, обсуждая вопросы наследования земли, браков по расчету или же совместные планы прибиться поближе к окружению Эанрила за счет связи с ее суженым. Эрлингай углубился в обсуждение вопросов боеготовности Союзной армии и единства воинств людских государств с Керрисом Галартом. Сидели они за несколько стульев от короля и, к своему разочарованию, не имели возможности завлечь его в разговор. Король же предавался пустым мечтаниям, ковыряясь куриной костью в похлебке, вполуха слушая увещевания казначея Монсерада, говорившем о необходимости переноса мануфактур в Клирию, богатую дешевой рабочей силы. Айрил молчала, робко поглядывая на своего жениха, словно пыталась найти в нем некие достоинства и убедить себя, что ее участь не так уж и плоха. Ревриан Гувер делился с герцогиней своими творческими планами, отдавшись свободе полета мысли и не слыша ее повторяющихся из раза в раз восторженных возгласов о том, как он талантлив, что было неприкрытым лицемерием, поскольку дворянке не было

искреннего интереса до того, что выходило из-под пера ее ухажера. Глоддрик в молчаливом одиночестве стоял у стены под рваным гобеленом с гербом Ганрая и смотрел вникуда. Или, что более вероятно, вглядывался в призраки своего темного и кровавого прошлого. Йоши-Року сидел на краю одного из дальних столов, что располагался у врат, не притрагиваясь к еде. Маг сидел с идеально прямой спиной и, полуприкрыв глаза, медленно и глубоко дышал, вполголоса напевая ритуальные песнопения, принятые в его родных краях. Он ждал, но еще не мог понять, чего. Но подсознание мага едва не кричало, предупреждая о скором явлении чего-то или кого-то. Никто из гостей, при том, что большинство из них не питали настоящего уважения к магическому поприщу, не посмел насмеяться над зеленокожим старцем.

— Ваше Величество, полагаю, брак Вашей дочери, с Вашего высокого позволения, откроет моему скромному кошелю пути вложений в строительство новых заводов тяжелой промышленности в Клирии, это будет очень хорошей...

И тут расписной витраж из стекол разных цветов, высившийся над флагом Союза и головами короля и его ближайших соседей по трапезе, будто взорвался.

— Что за... — с набитым ртом, из которого выпадали куски пищи, проговорил Эанрил Третий.

— Айрил! Назад! — вскричал Эрлингай, отпихивая за свою спину племянницу.

— Неужели это и в самом деле он... — в изумлении сказал Ревриан.

Глоддрик, на лице которого не дрогнул и мускул, с ледяным спокойствием повернул голову в сторону выбитого окна. Йоши-Року медленно открыл глаза, смотря в одну точку перед собой и не обращая внимания на шумиху. Он уже знал, кто пожаловал.

Осколки стекольной картины, изображавшей стаю летучих змиев, летящих на несущегося во весь опор на них аргойского рыцаря, опали в полуметре от трапезничающих. На оконной раме стоял, вытянувшись во весь рост, тот, кого тысячу с лишним лет ныне живущие помнили лишь из преданий старины. В той же стальной броне с шипованными наплечниками, шароварами, заправленными в медные наголенники, стояло краснокожее существо, голова которого была усеяна множеством рог вместо волос. Его узкое, вытянутое лицо выражало одновременно тщеславие и насмешку. Свысока он смотрел на собравшихся как на мух, копошащихся в куче дерьма.

— Я вам не помешал? — его властный голос отдавался эхом от сводчатого потолка и высоких стен.

Эанрил едва не обделался, когда пришелец заговорил. Кусая губы, он вжался в спину своего кресла, словно пытаясь слиться с ним, лишь бы скрыться от взора этого существа. Глоддрик выхватил свой клинок и стиснул зубы. Пропала даже его известная жажда опасности. Йоши-Року на миг показалось, что Многорогой глядит прямо на него, и старого мага охватил леденящий ужас, ступор, словно его тело было заточено в огромную ледяную глыбу, которая сдавливала его старое и немощное тело. Слабость духа длилась лишь секунду, затем разум старца вновь возобладал над чувствами. Посох уже был в его руках. Йоши-Року вышел к центру зала, огибая стол. Тем временем Заргул спрыгнул с окна и с легкостью опустился на обе ноги, словно он соскочил с крыльца, а не с двадцатиметровой высоты.

Присутствующие молчали. Каждый, даже могущественные маги — Йоши-Року и Азилур или brave воины чувствовали себя загнанной дичью в руках кровожадного хищника. Заргул наслаждался моментом. Настал час, который он ждал век за веком. Пришло время Многорогого.

— Вы, вероятно, слышали обо мне, — Заргул, прыгнув выше своей головы, перемахнул через столы в центр тронной залы, чтобы оказаться на всеобщем обозрении, — как и о народе Азрога. Дайте угадаю — вы до недавних пор были уверены, что горхолды остались в минувшей древности этого мира. Надеюсь, мое явление убедило всех, что Азрог рано списывать со счетов?

Неспешным шагом он наматывал круги вокруг столов. Вождь народа Азрога был донельзя расслаблен, что можно назвать оправданным, поскольку никто, даже Йоши-Року, не представлял для него существенной угрозы. Архимаг с первой секунды явственно ощутил — магическая сила Заргула на голову выше его способностей. Айрил, Нэрилетт и другие женщины замерли в ступоре, порожденном животным ужасом. Сжав полы своих платьев, они не сводили глаз с величавой фигуры Многорогого. Мужчины застыли в безмолвии и так же неотрывно следили за императором.

— Мое время дорого, — продолжал Заргул, упиваясь любованием собой и страхом большинства присутствующих, — обойдемся без долгих вступлений и обмена любезностями. Я Заргул, император горхолдов, Хранитель подземелий и владыка Азрога. Видите ли, дело в том, что с самого зарождения этого мира горхолды были созданы куда более мудрыми и сильными, нежели остальные расы этого мира, что вы с наивной радостью назвали именем жалкого смертного, осмелившегося воспротивиться неизбежному. Неизбежно то, что народ Азрога возьмет бразды правления. Наше оружие крепче и смертоноснее, крепости — выше и неприступнее, магия — сильнее, библиотеки — обширнее и древнее, а знания куда глубже. Пока ваши народы прозябали в нескончаемых войнах, междоусобицах и угнетении властолюбивыми коронованными самозванцами, горхолды действовали едино и решительно. Пока вы понапрасну теряли столетия, мы обрели мудрость, недоступную вашему пониманию, и силу, с которой не справиться ни одному народу. Враги моего народа, что возглавляли борьбу со мной тогда, мертвы, сохранились они лишь в виде безжизненных изваяний, которым вы молитесь. На сей раз помочь вам некому, а Азрог стал куда сильнее. Покоритесь моей власти, отрекитесь от своих мертвых богов и ничтожества, посаженного на трон, и получите жизнь в служении мне и моим сородичам. Отвергните мое предложение — и эта земля будь очищена от всех, кто стоит на пути у горхолдов.

Хищническая улыбка императора словно бы говорила: «Примите мой вызов, если посмеете.»

— Я... — неуверенно пропищал Эанрил, но его перебил казначей.

Монсерад встал и, поправив съехавший берет и нервно облизнув губы, заговорил:

— Быть может, мы могли бы прийти к компромиссному соглашению, превеликий император? Мы могли бы сожительствовать с вашим народом на правах вассала или... — Заргул провел рукой — и тут шея Монсерада ужасающе громко хрустнула, а сам он обмяк, как тряпичная кукла, падая на стол.

Женщины ахнули, кто-то упал в обморок, подавляющее же большинство мужчин вздрогнуло, но осталось на местах.

— Если вы этого еще не поняли, — оскалил острые зубы Заргул, — вы не в том положении, чтобы торговаться или ставить условия. Вы можете лишь подчиниться или умереть. Иного не дано.

Йоши-Року уже открыл рот, чтобы заговорить, как вдруг кто-то у стены хрипло и отрывисто крикнул:

— Ошибаешься, красноголовый!

Глоддрик, скривившись в яростном оскале, подошел ближе к Заргулу. Он был ниже императора на полголовы.

— Как смеешь ты оскорблять честь моей родины, предлагая ей сдаться в рабство? — с вызовом бросил Глоддрик, — хочешь войны — приводи войско, но не заявляйся без приглашения к королю Союза. Тебе здесь не рады.

Заргул поначалу опешил, затем рассмеялся.

— Вот это храбрость! Мне он нравится, — затем с интересом подался вперед и сказал, — в тебе есть сила Азрога, воин. И жажда крови, которую нельзя насытить. Но именно она тебя и убьет.

— Я умру, как и жил, — прорычал Глоддрик, — защищая свое отечество.

— Что ж, я предоставлю тебе эту возможность. А ты что скажешь, слуга Анлариэли? — повернулся Хранитель подземелий к Йоши-Року, — она часом не скучала по мне?

Архимаг вздохнул и, крепче сжав посох, молвил:

— Мой древний друг, я могу сказать тебе лишь одно. Я преклоню свои больные колени лишь пред зеленовласой девой и ни перед кем иным. Не буду предлагать тебе одуматься, я знаю, как разрушительно действует сила подземелий, как она извращает даже самые стойкие умы. Ты потерял, Заргул, ничто не очистит тебя от этой скверны, кроме смерти. Но знай ответ этого мира — покуда мы дышим, мы будем бороться с любым, кто придет с войной. И ты проиграешь эту борьбу, Заргул. Ты потерпел поражение еще до начала, ибо слишком много на себя берешь. Ты такое же смертное существо, как и остальные, пусть сила подземелий и продляет твою жизнь. Но, примеряя на себя роль божества, высшей силы, ты не осознаешь, что тяжесть этого груза сметет тебя как лавина — ветхие дома. Тебе кажется, что этот мир безлик и ему можно придать ту форму, какую будет угодно сильнейшему, но, поверь, ты даже не представляешь, насколько обречен на провал. Этот мир — такая же живая система, как и любое отдельно взятое существо, и он сотрет в порошок любого, возомнившего, что может возвыситься над мирозданием. В конце концов ты, как и мы все, был рожден здесь. Мы не покоримся, Многогогий. И если решишь исполнить свои угрозы — тебе известно, где нас искать. Весь Ранкор будет готов устроить тебе достойный прием.

Слова мудреца не смогли достичь ни сердца, ни, тем более, ума врага всех народов Ранкора. Заргул хрустнул длинными пальцами и ответил:

— Это ты слишком много на себя берешь, маг, думая, что можешь бросать вызов судьбе мира. Тогда скажу вам, что ждать пришествия народа Азрога осталось недолго. Ваше время подошло к концу. Настала эпоха горхолдов.

К потолку взвился столп ярко-алого пламени, которое, угасши через мгновение, прожгло в полу черную дыру. Единственный, помимо выбитого окна и осевшего трупа Монсерада, след явления незваного гостя.

Йоши-Року с каменным лицом вскинул посох, и массивные ворота открылись, будто в них ударили тараном снаружи.

— Прошу гостей на выход. Короля ждет военный совет.

Пока слуги разносили остатки харчи и еще больше — нетронутой пищи на улицы голодающим жителям беднейших кварталов Силгора, а гости спешно направлялись либо по своим комнатам или старались поскорее убраться из королевской крепости, Эанрил Третий, самодержец Аргои, удалился со своими приближенными в одно из подвальных помещений. Эта комната была идеальным местом для закрытых переговоров во внешний мир выходом

служил лишь плотно закрытый железный люк, ключи от которого имелись лишь у Лукаса Тирола — королевского советника. Тело Монсерада приказали запеленать и оставить в кладовой до прихода священника. Тем временем король и влиятельные лица собрались вокруг объемного каменного стола, больше напоминавшего плиту. Он выглядел не таким жестким лишь оттого, что покрыт был тонкой плетеной простыней из дешевой ткани, на которой углем была аккуратно начерчена карта Ранкора. У стен были деревянные стойки, увешанные всевозможными видами холодного оружия, а древесные щиты над ними изображали гербы самых родовитых семейств Аргои.

— Господа, — нервозно водя перед собой трясущейся рукой сказал срывающимся голосом Эанрил, — смеет ли честный народ Аргои и его недостойный властитель надеяться, что так называемый... Хранитель подземелий не представляет большой угрозы?

— Ваше Величество, — ответил Эрлингай, — если бы вы своими глазами видели, как один Варзхел с выделенными ему отрядами занял Гилеард, оплот Карательного Отряда, фактически прибрав к рукам весь Ганрай, вы бы не задавали таких вопросов. И это была лишь малая часть сил служителей Многорогого.

Ревриан Гувер оперся о холодный стол и добавил:

— Лишь легенды могут дать смутное представление о том, какие силы таит в себе твердь Азрога и его катакомбы. Страшно подумать, насколько силен император Заргул, если богам старого мира пришлось принести себя в жертву ради того, чтобы остановить его.

— Его не остановили, — отрезал Глодрик, — временно ослабили.

— Тем более, — продолжал Гувер, — но ведь у них как-то получилось ему противостоять. Мы должны хотя бы попытаться, сдаться будет предательством если не самих себя, то наших потомков. Они не заслужили будущего, которое принесет Заргул. Мы будем драться, чего бы это нам ни стоило.

Король прерывисто вздохнул, казалось, он сейчас расплачется, но монарх все же сумел взять себя в руки и обратился к придворному магу:

— Азилур, скажи, неужели нельзя как-то его остановить? До того, как начнется война.

Седобородый старец не сразу нашелся с ответом. С сожалением опустив голову, он негромко произнес:

— К своему стыду признаюсь, что не ведаю ни способа сокрушить Заргула, как и не знаю о его слабых местах. Боюсь, моего понимания недостаточно, чтобы указать, как спасти мир.

— Мастер Йоши! Господин Архимаг! — не терял надежды Эанрил, — вы могущественнее, мудрее и древнее нас всех вместе взятых. Неужели и вам не видно выхода? Всегда ведь есть выход!

— Эанрил, друг мой, — впервые за долгое время Йоши-Року не назвал короля Величеством, — разумеется, Заргул не небожитель, и его можно убить так же, как и любого из нас. Но для этого потребуется недюжинная магическая сила и, к сожалению, моей силы на это не хватит. Более того, его нельзя умертвить, пока действует его связь с подземельями Азрога. Видите ли, друзья, император горхолдов нашел способ построить энергетический канал, что полторы тысячи лет питает его и дарует столь долгую жизнь. Благодаря этому Заргул сумел сохраниться со дня своего поражения, вернуть былую силу и даже обрести телесную форму. Если найти способ разрушить источник его жизненной силы, а затем — собрать воедино всех чародеев Ранкора и в магической битве поразить его, Заргул умрет навсегда и более никогда не сможет возродиться.

Лицо короля осветилось надеждой, Глодрик же, наоборот, со злобой хлопнул по столу, скрипя зубами. Его выводила из себя мысль о том, что решающая роль в спасении мира и, конечно же, его родины, досталась магам, а не ему. Эрлингай с почтением воззрился на Йоши-Року, выражая преклонение мудрости лесного кудесника. Азилур, поразмыслив, медленно кивнул, его ум, натренированный чтением многих талмудов, раскрывающих потаенные глубины магических искусств, сумел дать нужную иллюстрацию словам его учителя.

— Но есть одна загвоздка, — сказал Йоши, — чтобы лишить Заргула подпитки силой подземелий, нужно забраться в самое сердце подземелий Азрога. Сейчас это сделать невозможно — Азарельд, я уверен, охраняется скопищами магов и демонов, Заргул готовится к войне.

— Но если развяжется война, — мгновенно оживился Глодрик от этой мысли, — его силы будут рассеяны. Как и внимание. Что упростит задачу.

— Верно, друг мой, — кивнул Йоши, — нам придется принять удар и встретить атаку горхолдов и их союзников в лоб, а затем — подкрасться со спины и перерезать глотку их императору. В фигуральном смысле, разумеется. Вот мы и подошли к предмету обсуждения. Я полагаю, никто не станет спорить с тем, что горхолды перебьют нас по одиночке, если народы Ранкора не достигнут согласия. Настало время забыть о минувших днях вражды и объединиться перед лицом общей угрозы.

— Может, подождем немного, — предложил Эанрил, — хотя бы обдумаем стратегию обороны, узнаем чего побольше, а потом уже...

— Нет, — покачал головой Йоши, — решается судьба мира. Любой день промедления может стать роковым.

Все понимали, что король по своей природе малодушен и его естественной реакцией при виде опасности — спрятать голову в песок подобно большим птицам, живущим на юге.

— Дипломатия — не мое, — сказал Глодрик, — вы знаете, что в вопросах ведения войны и охраны порядка можно на меня положиться. В остальном действуйте как считаете нужным.

— Я бы начал с писем чужеземным владыкам, — изложил ранее обдуманый план действий Эрлингай, — а также послал бы к ним переговорные делегации. До того, как всенародный военный совет будет проведен, стоило бы заняться вопросами возведения обороны, с чем справится главнокомандующий Керрис Галарт.

— Можете на меня рассчитывать, — сказал старый воин.

— Написание писем можете поручить мне, господа, — подал голос Ревриан, — в конце концов перо — единственное оружие, коим я владею в совершенстве.

Йоши-Року, сложа руки, заключил:

— Предлагаю немедленно выдвигаться с переговорными миссиями. Экспедицию в равшаровы земли, пожалуй, можно поручить Эрлингаю и командору Карательного Отряда. У него имеется опыт общения с этим буйным народом, — Глодрик до хруста сжал кулак при этих словах мага, — я отправлюсь на родину моих отцов и постараюсь убедить хаглорианцев оказать поддержку. Затем мне можно поручить поездку на Побережье Кесилора и переговоры с Рейгеном Саламандром. Царь покорителей водных просторов всегда отличался прагматичностью, уверен, он поймет необходимость сплочения. О том, как действовать в отношении Звездного Града, решим позднее.

— С этим народом, боюсь, будет непросто, — сказал Керрис Галарт, — их королева

молода и отличается вспыльчивым нравом, а также весьма ограниченным восприятием мира. Едва ли она поверит в необходимость создания альянса, скорее прикажет крылатым окопаться в своих скальных гнездах и вести оборону самостоятельно.

— Я не дипломат, — повторил Глодрик свои недавние слова, — но в исключительных случаях могу им стать. Если понадобится, я поговорю с непростыми партнерами. Менее чем за полчаса мы все решим.

— Погоди, брат! Свои карательские методы применишь лишь в порядке исключения, — сказал Гувер, — тем более мне случалось бывать в Звездном Граде, и могу сказать, что народ флорскелов не чужд здравого смысла.

— Решено! — стукнул в подтверждение своих слов посохом по каменному полу Йоши, — тогда будет уместным собирать пожитки главе Карательного Отряда и начальнику королевской гвардии. Я переправлю вас без труда в равшаровы пустоши.

— Чего мы ждем? — спросил Глодрик, переминаясь с ноги на ногу.

Йоши, направляясь к люку и отворив его одним мановением посоха, ответил:

— Сперва нам следует зайти в Кристал. Все же в путь отправляться куда спокойней, когда плечо прикрывает надежный человек. А там, как мы успели убедиться, проверенных собратьев на всю жизнь хватит. Лишь насчет одного меня одолевают сомнения, — речь шла об Алагаре, о котором мастер-маг не слышал ничего почти год, — полагаю, смиренные слуги этого мира и Союза смеют рассчитывать на королевское благословение?

Эрлингай рассмеялся и похлопал сводного брата по плечу, Глодрик презрительно скривил губы, а остальные, сдерживая насмешливые взгляды, отправились на выход, не дожидаясь ответа Эанрила.

Та же темная ночь, хотя на границе между небом и землей уже забрезжили первые лучи солнца. Йоши-Року последние два часа провел сидя, скрестив ноги на дешевой кровати и, вытянувшись до предела, предавался глубокому медитативному трансу. Спокойствие мага нарушил неровный стук в дверь. Когда маг открыл старые глаза, и картина перед его взором обрела четкость, он увидел принцессу. Айрил, судя по ее затравленному выражению лица, пришла искать утешения. Но к помолвке это не имело отношения.

— Дядя Йоши, простите, что нарушила ваш покой, но я больше не могу. Этот красноголовый... Он еще ужаснее, чем я себе представляла в детстве, когда зачитывалась романами о былых временах. Неужели угроза нашествия Азрога и кровопролитной войны с ним, как это описано в легендах, реальна?

Йоши снисходительно улыбнулся, словно слушал детский лепет едва научившегося ходить внука.

— Как видишь, Заргул более чем реален. Ты можешь в этом убедиться, если найдешь в погребке труп Монсерада, который так неудачно подвернулся ему под руку. Стало быть, и Азрог реален. Неужто ты полагала, что древние предания, божества, которому испокон веков поклоняются народы мира, названного в честь героя, поразившего Заргула в той забытой войне, — чья-то нелепая шутка?

— Я понимаю, о чем ты говоришь, мастер, — потупила взгляд Айрил, — просто... мне страшно...

— Всем нам страшно, девочка моя. В том числе и мне. Но храбр не тот, кто ничего не боится, а тот, кто в нужный час не позволяет страху взять над собой верх. Даже у Глодрика Харлауда есть свои опасения. Думаю, мало кто так же переживает за судьбу родины, как он.

Эти слова ударили в ее нежное и не успевшее огрубеть от тягот жизни, которых королевне посчастливилось не узнать, будто стальным кинжалом. Но несмотря на дрожь в коленях и бешено колотящееся сердце, жар она продолжала задавать вопросы, надеясь, что хотя бы один из ответов старца сможет унять ее муки.

— Неужели это существо поистине способно истреблять всех, кто не покорится его воле. Невозможно же быть настолько бессердечным...

— Понимаешь ли, подземелья Азрога — неиссякаемый источник зла. И эта злая сила полностью подчинила себе властолюбивый и жаждущий славы разум Заргула. Не вини его. В свое время он был достойным ученым, кудесником и лидером своего народа. Но нам придется столкнуться с последствиями воздействия этой демонической скверны, — старое сердце мага наполнилось жалостью к этому юному созданию, едва вступившему во взрослую жизнь, — ты не представляешь, как мне больно от того, что тебе и таким как ты не посчастливилось жить в такое страшное время.

Предательские слезы-таки уже бороздили румяные щеки девушки. Шмыгнув носом и утеревшись, она еле слышно произнесла:

— Не может быть, чтобы зло восторжествовало. За нами правда. А значит — мы должны победить, спастись. Не может ведь Заргул быть настолько силен, чтобы совладать со всеми нами. Ведь так, мастер? Скажите же!

Старый хаглорианец молчал, уставившись вникуда. Он словно не видел поникшее дитя, никак не желавшее уходить, пока не услышит того, что хочет услышать. Ему хотелось успокоить бедную дочь столь опостылевшего ему Эанрила, сказать, что все будет хорошо, но он слишком любил Айрил, чтобы быть с ней неискренним.

— Я верю в это, Айрил. Я верю...

Она снова всхлипнула, затем, не поддаваясь желанию разрыдаться, с большим усилием сохранила лицо, как подобает королевской особе, и медленно вышла за дверь. Йоши-Року, увидев поднимающееся солнце и рассветное марево, повесил на плечо дорожный мешок, взял посох и, спустя миг, комната оказалась пуста.

Глава 22: «Из грязи в князи»

Раскаленная палящим солнцем земля, изрезанная трещинами и совершенно бесплодная. Лишь редкие кактусы или усохшие кусты могли попасться на глаза. Многие путники, которым довелось пройти равшаровы пустоши, задавались вопросом, каким образом в столь безжизненном и забытом всеми высшими силами месте могли выживать змеи, одна из немногих форм жизни, встречающаяся среди песчаных барханов, что высились над иссушенными солнцем степными просторами ближе к сердцу пустоши. Эту суровую землю пересекало четверо не менее суровых мужей. Каждый из них был воином, снискавшим славу во всем Ранкоре. Старейший жилистый мужчина, белые волосы которого в беспорядке свисали во все стороны, точно дикобразовы иглы, единственным зрячим оком, что было краснее крови, всматривался в бескрайние, казалось, просторы этой мертвой местности. Одет он был в рабочие брюки, заправленные в портянки, а рубаха его была защищена изрубленной и помятой кирасой с отчеканенной эмблемой Союза на груди. За спиной его виднелась перебинтованная рукоять кривого клинка с лезвием, покрывшимся зазубринами в бесчисленных схватках, пережитых Глоддрикком Харлаудом, Ганрайским Демоном. Шедший позади него мужчина был моложе, несколько выше ростом и более прост на вид — аккуратно причесанные черные волосы и загорелая кожа, лицо довольно типичное для аргойской знати, но в его манере держаться отсутствовали все намеки на снобизм и чувство превосходства. Скорее это можно было назвать естественным ощущением собственного достоинства, смешанное с симметричным уважением к людям. Его зеленая рубаха была защищена легким кожаным панцирем, а на простецком поясе свисали ножны фамильного меча династии Акрейлов, что испокон веков правили Аргоей и всем Союзом. Несколько сбоку от него шагал темнокожий уроженец Клирии, бритый налысо и облаченный в желтую монашескую рясу. В руке его были четки, что монах неустанно перебирал, а губы его будто бы начитывали молитвы. Шаабан выражал полное умиротворение и любовь к окружающему миру, гармонию с самим собой и высшими силами, единственное, что мешало ему казаться безобидным — это перевязь на груди, на которой крепилось множество метательных ножей, а также пояс, к которому было привязано не меньше и два парных кинжала, которые в ближнем бою, в которой Шаабану не было равных, были опаснее любого клинка. Замыкал вереницу воин нечеловеческого происхождения, родными землями которого были эти самые пустоши. Равшар. Мускулист, одет в одну лишь набедренную повязку, голый торс его испещрен бесчисленными боевыми отметинами, а на лбу красовалось позорное клеймо изгнанника, что значило пожизненный запрет на возвращение в земли равшаровых племен. Единственный во всем отряде он был не при оружии. Столь разные эти бравые мужи были едины в одном — в их взгляде читалась готовность расстаться с жизнью в любой момент, а также следы той боли и страха, испытанного за годы лишений и чередующихся войн и битв, души их давно огрубели и навсегда утратили ту невинность и покой, которая свойственна людям, живущим мирной жизнью. Тем, кого они защищали.

В пустоши их переправил силой мысли Йоши-Року. Старый маг отлучился в Крестал, чтобы уведомить Шаабана и Когу о нужде в их помощи в непростом походе. Шаабан воспринял весть о возвращении Заргула как должное, не выказав ни малейшей эмоции. «Значит, на то воля Илгериаса» — молвил он. Взгляд Коги ожесточился, но было ли это вызвано ненавистью к захватчикам или же удовольствием от предвкушения будущих

кровопролитий — было сложно определить. Архмаг дал воинам наказ продвигаться вглубь равшаровых пустошей до тех пор, пока они не набредут на Священное Древо, где стояли шатры верховного вождя равшаровых племен. С ним и требовалось вести переговоры. Кога и Йоши-Року явно знали нечто, что побудило мага отправить столь неудачного делегата в земли, где народы равшаров считали его изгоем и попытались бы убить при первой же встрече. Дорога проходила в полном безмолвии — Кога и Глоддрик были по своей природе не склонны точить лясы, Шаабан был, как всегда, сосредоточен на общении с высшими силами и их воспевании, а Эрлингай ввиду отсутствия почвы для хорошей беседы был погружен в размышления о брате, который, возможно, находился недалеко и бдительно стерег границы земель Союза. Казалось, в такой местности нет и не может быть источников влаги, но Кога знал расположение каждого колодца и оазиса, так что усталые странники знали, когда им можно испить воды или умыться. Разумеется, жаловаться никто и не думал. Молчание нарушил клейменный равшар с обломленными рогами:

— Ну и каков он — этот Заргул?

Эрлингай собрался пуститься в описание вчерашнего происшествия на празднестве помолвки своей племянницы, но его опередил Глоддрик:

— Долбаный ублюдок, который напрашивается получить нож в печень.

Шаабан, не переставая перебирать четки, сказал:

— Нет смысла предаваться злобе сейчас. Это лишь отяготит бремя твоей души, брат мой. Достаточно делать, что должно, с незамутненным страстью разумом.

Глоддрик, несмотря на дерзость, свойственную всем, как и он, в преступной среде, промолчал из уважения к богослужителю.

— Куда путь держите? — окликнул их старческий голос.

У подножия бархана, который они почти прошли, стоял согбенный старый равшар. Горбатый, он опирался на костяной посох, обвешанный ритуальными амулетами и бусами. Ожерелье из костей украшало его дряблую шею с торчащим кадыком, а кожа его лица была несколько обвисшей. Но в выцветших от старости и нещадных солнечных лучей горела искра сверхъестественной силы. О том, как сумел подобраться к четверым мастерам боевого искусства на столь открытой и освещенной местности, не было никаких догадок, кроме одной — колдовство.

— Старейший, — Кога с первого взгляда узнал старца.

— Шаман! — оскалился Глоддрик, хватаясь за рукоять клинка.

Сделав три шатких и коротких шага, хромой колдун, опершись на посох, несколько болезненно прищуриваясь, уставился на Когу.

— С тобой, если мне не изменяет память, племена уже все решили, — проскрипел Старейший, — твое возвращение, изгой, наносит пятно оскорбления на все колена равшарового рода.

Кога не дрогнул и не отступил, хотя шаман, который силой мысли мог стереть его в прах, продолжал неуклонно надвигаться.

— Ты будешь казнен, — изрек шаман, — остальным я позволю уйти, и благодарите богов, что повстречали меня, а не молодцов из Берсерков, обосновавшихся неподалеку.

Воины не переглядывались, никто из них не шелохнулся. Тем не менее, духом и разумом они были едины. Решение уже было принято.

— Мы не хотим проявить неуважение к вашему народу, — сказал Шаабан, — и без позволения вождей ходить по этой земле, но...

Шаман, облизнув растрескавшиеся губы и половину оставшихся зубов, продолжал ковлять, взбираясь на бархан.

— Обстоятельства вынуждают, — закончил Шаабан и с быстротой кобры выбросил руку перед собой.

В воздухе беснула сталь и вот уже лезвие ножа остановилось на расстоянии в толщину пальца от горла Старейшего. Он и глазом не моргнул, магу не обязательно прибегать к телодвижением, чтобы остановить нож или стрелу в полете. Одновременно с броском метательного ножа вперед ринулся Глоддрик — и земля под его ногами уже вспенилась, превратившись в зыбучие пески, одно касание с которыми обрекло бы Ганрайского Демона на мучительную смерть, но этот его маневр был обманым. Глоддрик рывком перекатился влево и, вставая, в один прыжок набросился на шамана. Воин уже занес руку за спину, чтобы одним ударом вытащить клинок и рассечь шамана по пояс, но неумолимая ударная волна телекинеза отбросила сильнейшего из живущих на то время на Ранкоре воинов на десять шагов, точно безвольное бревно, что уносит течение. Вот уже нож летит обратно в Шаабана, и его грудь была бы пробита навывлет, если бы стремительным ударом одного из кинжалов монах бы не отразил атаку. Но ему не удалось и добежать — песок под его ногами вздыбился, опрокинув бывшего ассасина навзничь, а затем песочные реки, словно кандалы, прочно прижали руки и ноги Шаабана к земле. Кога и Эрлинггай уже неслись с боковых сторон на мага, Эрлинггай уже занес клинок над его угловатой головой, но кудесник просипел:

— Как бы вы хорошо ни бились, меч и топор бессильны перед магией, — когда он закончил фразу, равшар и незаконорожденный сын короля Союза были распластаны на песке без сознания, — впрочем, среди моих соплеменников найдутся те, кто оценят по достоинству ваши таланты.

Кряхтя, он заковылял в неизвестном чужакам направлении. Очнулись наши герои в лагере верховного вождя равшаров.

— Нет... Марвол... — это были первые слова Эрлинггай после того, как он открыл глаза.

Казалось, мало что могло быть хуже того, что его и его спутников закрыли в связанной из камня и бревен клетке. Конечно, богатырская сила Коги могла в щепы искрошить эти древесные решетки, если бы они не были изрисованы магическими рунами и заговорены Старейшим. Их не стали связывать за отсутствием необходимости, оружие, само собой, изъяли, пока те были в отключке. Но хуже всего была картина распятого у позорного столба Марвола Черного Льва. Одежды, кроме рваных штанов, на нем не оставили, а его крепкий, мускулистый торс был изрублен и покрыт уже высохшими кровавыми разводами. Марвол Акреил был мертв. Его людей, храбрых солдат Аргои, свалили в кучу, пока несколько равшаров выкапывали братскую могилу под деревом. Священным Древом равшаров. Оно высотой могло бы сойти за небольшую гору, а в стволе, который не смогли бы обнять и двадцать человек, были вырезаны имена и лица великих вождей прошлого. Эрлинггаю не было дела до неестественных размеров для дерева, как и до размышлений о том, как в столь обезвоженных и бесплодных землях дерево смогло так вымахать. Он не отрывал глаз от погибшего брата. Как оказалось, отряду Марвола не удалось отбить набег племени Берсерков. Эрлинггай вспомнил, как упорно советовал брату взять в поход больше людей, что гарнизона в тридцать человек может быть недостаточно для обороны от воинственных племен. Брат лишь недоверчиво хмыкнул и, как всегда, отмахнулся, дескать, набеги

случаются не так уж часто, а патрулирование — лишь служебная волокита, полная скуки и больше похожа на унылую прогулку, чем на военное мероприятие. И вот теперь родной брат Эрлингая заплатил жизнью за свою недальновидность и легкомыслие. А первый фехтовальщик Аргои и ветеран Северной войны впервые за многие годы проливал слезы горя. Плечи его тряслись.

— Соболезную, брат мой, — положил руку на плечо Эрлингая Шаабан, — да упокоит Арай Илгериас душу твоего брата. За то время, что он пробыл в Братстве Уравнителей, я успел неплохо узнать Марвола, и могу с уверенностью сказать, что человеком он был достойным.

— Спасибо, Шаабан, — утерся грязным рукавом Эрлингая и похлопал монаха по плечу в ответ.

Глодрик сдвинул прутья клетки и процедил сквозь зубы:

— Эти ублюдки заплатят.

Ублюдки между тем занимались своим обычным делом, не обращая внимания ни на пленных, ни на трупы. Равшары, исколотые и обвешанные костями мертвых соплеменников или животных, из племени Костяных Драконов, обмазанные кровью — из Алых Владык или же не отличающиеся этими чертами Берсерки дрались врукопашную, отрабатывали связки ударов с оружием или же занимались физическими упражнениями. Один из тех равшаров, что был недалеко от клетки, успел отжаться шестьдесят раз, как краем глаза сосчитал Глодрик. Эрлингай осел на пол и закрыл лицо руками.

— У меня тоже был брат, — сказал Шаабан, — росли мы в трущобах Джаганната, где людям приходилось жить хуже, чем собакам, да и относились к ним так же зажиточные южане. Каждый день приходилось драться за еду или воровать, чтобы выжить. Родителей наших унесла чума, мой старший брат был единственным, на кого можно было рассчитывать в этом аду, грабил и воровал чаще всего он, я же обычно стоял на стреме или же шатался по улицам, собирая подаяние, — Эрлингай не отрывал глаз от пола, но внимательно слушал, надеясь, что рассказ монаха сможет отвлечь его от воспоминаний о Марволе, — как-то мы перебивались. Но пришел день, который изменил все. Мне было восемь, брату — тринадцать. Однажды вечером я ошивался у борделя, надеясь, что какая-нибудь из девушек подаст хотя бы кусок хлеба. Обычно, когда им удавалось заработать или хотя бы похмелиться, в куртизанках просыпалась щедрость и сострадание. В тот раз подачи я не дождался, но вижу, как по лестнице спускается господин, одетый в черный балахон, подле него шла одна из тех жриц любви, которые считались элитными. И вот, когда они проходили мимо столба, у которого стоял я, тот человек оказался буквально в полуметре от меня. И вот я, — Шаабан остановился, вновь ощутив ту нерешительность, что испытал почти сорок лет назад, — врезался в него. Точнее, специально врезался, чтобы увести его кошелек. И у меня это получилось, когда они приняли мои извинения и прошли мимо, думалось, что ближайшую неделю мы с братом заживем как короли, а то и с другими детьми поделимся — весь квартал накормим и напоим. Но я ошибался. Спустя минуту тот человек настиг меня и выразил восхищение моими способностями, мол, он первый раз видит ребенка, который смог незаметно стянуть его вещь. Сказал, что может пристроить нас с братом в школу для таких одаренных детей, как я, и сдержал свое слово. Так мы попали в Гильдию Ассасинов.

Когда, Глодрик и Эрлингай слушали, не отрывая глаз от монаха. А Шаабан, казалось, перенесся с головой в прошлое и видел картины из своего детства, юности так же отчетливо, как сейчас — прутья клетки и снующих вокруг нее равшаров.

— Мы прожили там двадцать лет, отдавая без остатка изнурительным тренировкам. Из нас делали профессиональных наемных убийц, которыми так славится Клирия. Нас учили убивать — и мы убивали. Чаще всего приходилось выполнять частные заказы, типичной историей было необходимостью убить человека, который имел возможность перейти дорогу кому-то из знати — либо слишком много знал, либо имел связи в кругах серьезных людей и мог использовать их во вред заказчику. Клирия — рассадник преступности, коррупции и интриг, на наши услуги спрос был всегда. Когда начались девяностые годы, Аргоя была поглощена войной с северянами, клирийские эмиры вовремя вспомнили о желании отделиться, воспользовавшись слабостью сюзерена. Когда вспыхнули мятежи, ассасины, конечно же, были мощнейшим оружием. Мы с братом делали страшные вещи, за которые я каждый день неустанно прошу прощения у душ, жизни которых мы забрали. Которых допрашивали, пытали. Я верил, что то зло, которое мы творили, оправдано благом для родины, что в будущем все эти жертвы окупятся сторицей. Когда пришли войска Союза и подавили восстание, страна оказалась в разрухе. Многие ассасины попали в застенки Гилеарда, но нам с братом удалось скрыться. С тех пор наши пути разошлись. Он спутался с темными людьми, поклоняющимися злу в лице Заргула, тогда я понял, к чему может привести та дорога, на которую мы ступили в тот самый день, когда я стащил тот злосчастный кошель у стен борделя. Я отправился в церковь Илгериаса, принял монашество и по сей день замаливаю грехи. Свои и брата. Верю, что хоть он и идет дорогой зла, но душу его можно спасти.

Ответ на свою исповедь монах услышал не сразу. Мужчины сидели с минуту, осмысляя историю жизни убийцы, ставшего монахом.

— Я был в Клирии, — сказал Глоддрик.

— Знаю, — улыбнулся Шаабан.

— Во время одной из зачисток я наткнулся на парня, ловко орудовавшего ножами. Взять в плен не удалось — кто-то бросил дымовую шашку, и он скрылся. Так это был ты?

— Я, — ответил Шаабан, — мы встречались, Глоддрик Харлауд. Но то было в прошлой жизни. До моего духовного перерождения. Эрлинггай, — рыцарь Аргои в измождении обратил лицо кверху, монах продолжил, — порой мне думается, что лучше бы мой брат умер, чем был тем, в кого он превратился.

— Да, — устало сказал Эрлинггай, — он хотя бы умер на верном пути, достойным человеком, как бы равшары ни пытались его опорочить. Наши истории схожи. Мы с Марволом жили в пригороде Силгора, но нам повезло больше — о нас заботилась мать. Мы появились от незаконной связи Ганзарула Второго и его служанки, неудивительно, что отец позаботился о том, чтобы нас поскорее спровадить нас с глаз долой. Ну а затем мы подросли и юношами подались в королевскую гвардию. Там я и познал премудрости фехтования. Керрис Галарт — один из лучших учителей, тогда он был еще молодым. Ну а затем — Северная война, остальное вы знаете, — о былой размолвке с братом Эрлинггаю вспоминать не хотелось.

То, что происходило в эту минуту, часто случалось на войне. Солдаты, которые совсем мало друг друга знали, на баррикадах или в лазарете часто становились ближе названных братьев за один разговор, в котором умещался весь жизненный путь, проделанный защитниками родины, обретших во взаимной исповеди надежного друга.

— Больше всего повезло Глоддрику. Его брат живее всех живых, очень богат и даже приближен ко двору — в случае чего может обеспечить достойную старость, — попробовал

пошутить Эрлингай, никто не смеялся, но это все же скрасило обстановку, в которой пребывали пленные дикарей.

— Иногда я ему завидую, — сказал Глодрик, — проклятие Ганрайского Демона — жажда битвы, которая дает силы, но разрушает изнутри. Сила Азрога превратила храброго пацана, защищавшего родину, в безумного ублюдка. Служение Союзу — единственное, в чем я смог найти смысл своей жизни.

Шаабан сел, скрестив ноги и, перебирая четки, изрек:

— Такова стезя воина. Мы приносим себя в жертву, чтобы другие могли жить мирно и счастливо. Зачастую приходится терять себя. Душу греет одна надежда — что те, кто будет жить после нас, не столкнутся с тем злом, что видели мы.

— Исключение из правил лишь равшары, — Эрлингай махнул рукой в сторону Коги, — вы живете, чтобы воевать.

Могучий сын пустоши обнажил клыки, бугры его мускул всколыхнулись, затем он присмирел:

— Я хотел положить этому конец. Чтобы равшары были едины, отстраивали дома, орошали пустыни и строили сильное и независимое государство вместо того, чтобы убивать друг друга. Меня объявили отступником, трусом, и с позором изгнали. Так поступить с верховным вождем! — снова расвирепев, он ударил кулаком по древесным прутьям, не причинив им никакого вреда.

— Я верю, — сказал Шаабан, — что у каждого народа, что у этого мира, как и у отдельно взятого человека, своя судьба. Наши жизни слишком коротки и мимолетны, чтобы осознать это по-настоящему. Но все наши жертвы и лишения не были зря. Придет время мира и порядка, в котором не будет места ассасинам, Карателям и Заргулу.

Открыв друг другу свое прошлое, воины сидели молча с час. Теперь они ощутили до боли знакомое чувство братства по оружию. Когда начало вечереть, равшары не прекращали упражнения в боевом искусстве, лишь изредка отрываясь на беспорядочные приемы пищи. Казалось, вокруг ничего не менялось кроме того, что вокруг шатров зажгли факелы. Но, как поняли плененные воины, их судьба скоро прояснится. К клетке сквозь ряды тренирующихся дикарей пробирался Старейший. К вечеру его лицо не выглядело столь несчастным по причине отсутствия бьющего в глаза и забирающего последние силы солнца, но каждый шаг, казалось, причинял ему боль, заставляя морщить старое, изрезанное морщинами лицо.

— Пора, — подойдя к клетке, сказал шаман.

— На арену? — скрежетнул зубами Глодрик, вспоминая опыт юности, — убивать друг друга?

Старый маг покачал головой.

— У вождя была такая мысль, но я не позволил. Вы слишком опасны, чтобы с вами играть, — в этом колдун был прав, в клетке были заточены лучшие воины среди живущих на Ранкоре, и лишь магия Старейшего спасала его соплеменников от перспективы стать горой холодных трупов, — если не станете сопротивляться, все закончится быстро и даже почти безболезненно.

Глодрик надеялся, что клетку откроют — тогда он сможет, когда шаман отвлечется, вырубить его, а затем умертвить. Если снять мага, все пойдет как по маслу — они вчетвером, если добыть оружие, могли бы, пожалуй, вырезать весь лагерь верховного вождя равшаров. Вот только беда была в том, что шаман не собирался открывать клетку. Магия позволяла ему прикончить их, оставаясь в полной безопасности. Но тут подал голос Кога:

— Зерригу Ворону, великому вождю, не хватает духу свести со мной счеты в одиночку? — брызжа слюной, говорил он так, чтобы слышали все равшары, находящиеся поблизости, что было достигнуто — воины пустоши прервали боевые упражнения, услышав, как некто осмеливается пятнать честь избранного ими вождя.

Шаман презрительно ухмыльнулся:

— Верховный вождь не дерется с презренными изгоями вроде тебя.

Кога, видя, как равшары начинают сходиться к клетке и внимательно следить за их разговором, сжал кулаки и задействовал все умение управлять словом, которым обладал.

— Тебе ли не знать, Старейший, — имя мага прозвучало, как издевка, — что равшары не уклоняются от битвы. Я, Кога, никогда не отступал и не сдавался. Изгнали меня не за бегство, отказ сражаться, но за чуждые большинству соплеменников идеи, что были истолкованы как трусость. Но никто не может меня упрекнуть в избегании битвы. Так неужели Зерриг Ворон уклонится от вызова и нарушит священные обычаи равшаров? Может, стоило изгнать и заклеить его? Или тебя.

Старейший стиснул зубы и утробно зарычал. Кога поймал его в ловушку. Согласно обычаям равшаровых племен, титул вождя племени или всех племен можно добыть лишь убив в поединке своего предшественника или всех, кто также претендует на звание вождя, если старый лидер пал в бою или сложил свои полномочия. Отказ от битвы как между племенами, так и от поединка, считался несмываемым пятном позора для любого равшара. Потеря боевой чести была для представителей этого дикого народа хуже смерти. Причиной долгого правления многих вождей было то, что после того, как они жестоко расправлялись со всеми, кто осмеливался попытаться забрать их титулы, никто не осмеливался бросать им вызов. Но если Коге удастся победить и получить звание верховного вождя, незваные гости, зачем бы они ни пришли в пустоши, добьются своего.

— Будь по-твоему, — едва не выплюнул эти слова маг, — я передам твой вызов владыке племен. Если тебе суждено проиграть — что ж, друзья скоро встретятся с тобой в ином мире.

Старик медленно развернулся и заковылял в сторону шатра, стоявшего в центре лагеря, возле которого был разожжен большой костер. Равшары не сводили с них глаз,

— Ловко придумал, — сказал Глоддрик.

— Если бы ты с нами не отправился, — добавил Эрлингай, — мы были бы уже мертвы. Ведь только на вызов себе подобного равшар обязан ответить.

— Да направит твою руку Илгериас, — благословил Шаабан.

Кога стоял на арене. Вот они, скачущие вокруг площадки, эти ревущие и улюлюкающие ублюдки в костях или вымазанные в крови. Если с течением времени другие народы постоянно преобразовывались как внешне, так и внутренне, равшары остались теми же, что были в первые дни своего существования. Кровожадными и воинственными существами. Менялись лишь лица, что составляли эти племена.

— Идет, — сказал кто-то посреди толпы.

— Размозжи его голову о землю!

— Победу Зерригу Ворону!

— Поскорее бы помер этот изгой, какой позор...

На крики не обращал внимания высокорослый равшар, которому не приходилось расталкивать толпу, ему освобождали дорогу с безграничным уважением. Имя было весьма

уместно для его внешнего вида, как вороны тянутся к блестящему, так и верховный вождь равшаров не расставался с позолоченным шлемом, наплечниками и цепью на торсе, что, как ему думалось, подчеркивало его отличие от рядовых соплеменников и возвышало. На деле же эти украшения лишь выставляли его на посмешище.

— И это он? — с недоверием спросил Эрлингай, — такому обилию позолоты любая аргойская дама позавидует.

— Часто те, кто пуст внутри и не слышит голоса Бога, пытается скрыть свою ущербность под внешним убранством. Но это лишь снова подчеркивает их убогость, — сделал вывод Шаабан.

Их уже выпустили из клетки, стоя в толпе вопящих существ с бурой кожей, горящими глазами и ломаными рогами, мужчины ждали начала боя. Глодрик молча смотрел на равшара, носящего сверкающие доспехи и цепь и вспоминал свои дни в равшарском плену. У Кратара Рокового, вождя, поднявшего на уши Союз почти сорок лет назад, было куда меньше желания показать себя во всей красе. Зерриг Ворон медленно, даже торжественно шел к центру площадки, поднимая мускулистые руки, одетые в золоченые обручи, вверх, чем лишь усилил гул собравшихся дикарей. Он был выше, чем Кога, и шире в плечах, тем не менее казалось, что все же соперник его смотрел свысока.

— Ты, я вижу, так и не поумнел, — осклабился Зерриг Ворон, — я дал тебе уйти живым. Но ты вернулся. Старейший предложил легкую смерть, но ты вызвал меня поединок. Так хочешь помереть в муках? Так знай же, что мое лицо — это последнее, что ты увидишь.

Кога презрительно сплюнул на сухую землю и сквозь зубы произнес:

— Равшара ценят за хорошую драку, а не пустой треп. Быстрее закончим с этим, всех уже блевать тянет от твоего трепа.

— Раз ты этого так хочешь... — Зерриг Ворон бросился на него, намереваясь ударить лбом, точнее, стальным шлемом, в грудь.

Кога был наготове и, наклонясь вперед, он попытался захватить шею врага в замок, нависнув над ним, он одной рукой душил вождя, что когда-то изгнал его и забрал титул себе, а другой бил по ребрам. Зерриг Ворон взревел и, напрягшись до предела, выпрямился рывком, бросив Когу на землю вниз головой. Удар золоченой стальной перчатки Зеррига проломил бы Коге череп, если бы тот не успел вовремя перекатиться. К счастью, кулак угодил в землю, подняв столп пыли и оставив там новую трещину. Кога, вставая, заехал неприятелю по челюсти, отчего шлем слетел и покатился к ногам окруживших их равшаров.

Зерриг Ворон быстро опомнился, череп у него был крепкий. Вождь ответил мощным ударом локтем, который Кога хоть и успел заблокировать, но сила атаки все же заставила его пошатнуться. От удара коленом в живот Кога успел уйти, рванув вбок с линии атаки, а затем ударил навстречу, попав костяшками на всей скорости в кадык. Хрипя, Зерриг нескладно отошел, но пропустил очередной удар в висок. Восстановив дыхание, ему удалось сделать проход в ноги Коге, уверенность в превосходстве которого усыпила его бдительность. И вот уже Кога, оказался повален наземь, а сверху на него навалился Зерриг, осыпая ударами латных перчаток. Причем уронил он Когу головой вниз, и если бы тот не успел сгруппироваться и правильно упасть, шея его была бы сломана. Кога закрылся от ударов, но ему то и дело прилетало по корпусу, а руки ощущались как налитые железом. Оставалось ждать, что иссякнет раньше — крепость тела Коги или же запас сил Зеррига.

Глодрик в бессильной злобе сжал кулаки и едва не стонал от невозможности вмешаться и хоть бы бросить вызов всему лагерю равшаров. Присутствие мага вынуждало их

соблюдать странные обычаи дикого народа.

Зерриг, казалось, на мгновение сбил дыхание и, пока он делал вдох, рука Коги схватила золотую цепь и рванула ее на себя. Сам же Кога дернулся вверх — и вот лбы равшаров столкнулись в ударе, отчего бровь Зеррига была рассечена, а кровь залила его глаз. Кога снова дернул цепь на себя и мощным боковым ударом сбросил Зеррига, оседлал его и, перекрутив цепь, стал беспощадно душить. Противник хрипел, дергался в конвульсиях, пытался ослабить хватку, но тщетно. Когда руки его опустились, а глаза начали закатываться, Кога ухватился за его подбородок и темя, резкий поворот, хруст ломающейся шеи — и все было кончено. Могучее тело Зеррига безжизненно валялось, распластанное на столь же безжизненной земле. Кога встал и победно взревел.

Старейший двинулся в его сторону. Эрлингаю показалось, что маг собирается прикончить одержавшего победу, но тот лишь сделал широкий жест рукой в сторону Коги, воздел свой костяной посох к небесам и провозгласил:

— Воздадим честь новому вождю Берсерков и верховному владыке равшаровых племен! Да славится Кога Клейменный!

Так в один момент позор превратился в повод для гордости, изгнанник и трус стал героем, преодолевшим тяготы отверженности и непонимания, но сумевшим вырвать из цепких лап врагов то, что по чести причиталось ему. Равшары несли своего нового вождя на руках и воспевали его имя, воздавая честь его силе и отваге.

Когда пришел черед новоиспеченного вождя держать речь перед племенами, Кога вышел перед шатром, забор которого был усеян реберными костями и черепами, и воззвал к своему народу:

— Братья! Хозяева пустоши! Для меня честь вести вас за собой, но прибыл я с тревожными вестями для всех нас. Моих знаний недостаточно, чтобы передать вам их, поэтому правом вождя и именем Священного Древа позволяю говорить своим спутникам!

Равшары были обособленным народом, им редко был нужен кто-то из соседей, разве что как жертва для набегов, хотя чаще всего их устраивала бесконечная резня, что вожди устраивали между собой. Разрушение, убийства и вражда были единственным смыслом жизни детей пустоши. Их сердца не откликнулись бы на проповеди иноземного священника Шаабана, который говорил о чуждом им боге, неизвестный никому рыцарь Аргои не успел доказать свою силу и мастерство, да и его манеры вести высокие речи равшаров не могли заставить прислушаться. Оставался единственный человек, который был близок этим убийцам по духу, которого они знали и боялись, как огня. И уважали. Глоддрик подошел к костру возле центрального шатра, и хотя на фоне Коги он выглядел невысоким и тщедушным, равшары не сомневались в том, что в бою он стоит сотни таких, как они.

— Я помню его, — сказал своим ребятам вождь племени Костяных Драконов, Варгайл Броненосец, весь торс которого был закрыт реберными костями и хребтом буйвола, а голову закрывал череп этого же зверя, — я участвовал в битве с Союзными уродами, когда был еще совсем молод. Помню, как мы брали его в плен. Но если бы я оказался в том лагере, где держали этого урода и его сослуживцев, меня бы здесь не было.

Глоддрик, услышав вождя, всмотрелся в черты лица, которые можно было разглядеть под бычьей черепной коробкой, пытаюсь уловить в них нечто знакомое, но безрезультатно. В те далекие годы молодости Ганрайского Демона он был лишь одним из той безликой массы равшаров, которые захватили в плен его товарищей.

— Кромсатели, дробители черепов и просто больные ублюдки! — окликнул их Глоддрик, простирая руки к огню, — равшары! — он решил перейти к делу сразу, что было в духе главы Карательного Отряда, — Ранкор нуждается в вашей помощи. Знаю, вы срать хотели, — если вначале равшары недоверчиво переглянулись и с сомнением качали головами, то теперь снова прониклись живым интересом к речам Глоддрика, он был их братом по духу, пусть и не по крови, и знал, как с ними вести переговоры, — на проблемы внешнего мира. Но это касается вас. Лично. Заргул идет, помните такого? — при упоминании этого имени робкое перешептывание пронеслось сквозь нестройные ряды любителей жестоких схваток, — ваш предок, гребаный Кшатрион Кроволикий, ему прислуживал. Старый хер оклемался, и теперь надвигается на Ранкор. Если народы не объединятся, краснорожий нагнет сопротивление и поработит всех живущих, и будет иметь в зад, как дешевых сифилисных шлюх.

Ряды мазаных в крови равшаров растолкал тощий и высокий, как жердь, вождь племени Алых Владык, Краштар Жертвенный. Его руки были обмотаны ритуальными браслетами, как и шея — амулетами, лицо его горело фанатичным экстазом, которому бы позавидовали многие сектанты и религиозные фанатики. Он был особенно помешан на принесении в жертву своих соплеменников или же захваченных в плен воинов других племен.

— Мы свои! Пусть и не высшая раса, но близкая к горхолдам, мы воевали с горхолдами! Неужто Заргул станет трогать и нас?

Глоддрик сплюнул на землю и облизнулся в раздумьях, стоит ли удостаивать своим вниманием этого раболепного приверженца Многорогого.

— Если хотите стать безвольными рабами силы Азрога, как Кшатрион и его слуги — не станет. Но равшары следуют лишь пути войны и заветам предков. На Священном Древе написано, что надо служить Заргулу?

Ответить на это вождю было нечего.

— Вот Глоддрик дает, — сказал Эрлинггай, — ему бы оратором выступать, а не преступников по Ганраю ловить.

Глоддрик, подойдя ближе к лицам равшаров, заставил этих никем не покоренных бичей пустоши отступить на несколько шагов.

— Мы друг друга поняли. Или кто-то еще нуждается в объяснениях? — равшары молчали, а Глоддрик, повернувшись к Коге, заключил, — будет совет народов Ранкора. Не опаздывай.

Надолго в этих мрачных краях путники не задержались. Кога принялся осваиваться на месте верховного вождя, а Шаабан прочел молитву за спасение душ Марвола и погибших с ним солдат, а затем вместе с равшарами наши герои похоронили их со всеми почестями. С помощью Старейшего Эрлинггай, Глоддрик и Шаабан в мгновение ока оказались на следующем пункте назначения, где требовалось найти союзников. На Побережье Кесилора, родине обретших разум хладнокровных и вышедших из морской пучины гуманоидов.

Глава 23: «Мудрость лесного народа»

Далекие земли за стеной Вархула, что находились между древним лесом Лайнур-Араем, за которым начиналось подножие Драконовых Гор и земель Севера, и Ганрайским краем. Это были прекрасные места для земледелия, илистая почва возле берегов реки Быстроходной здесь могла похвастать величайшим плодородием на весь Союз. Это захолустье, плохо закрытое от равшаровых пустошей и практически незащищенное от набегов дикарей, тем не менее оставалось очень привлекательным для крестьян, осмелившихся перебраться в эти свободные уголья подальше от гнета и притеснений аргойских феодалов. Так оно и выглядело — просторы равнин, густо обросших мхом и травой, редкие деревья вдоль течения реки и хаотично разбросанные мельницы и хутора. Ближе к краю этой местности деревьев становилось больше, редкая поросль переходила в рощу, затем уже начинался древний лес. Одну из таких рощ, мягкий чернозем меж корнями деревьев которой пронизывала сеть ручьев, пересекало трое — двое мужчин и женщина. Все они были посвящены в таинства магических искусств. Впереди шел на удивление бодрым для своего почтенного возраста шагом Третий Архимаг и Хранитель Хаглоры — мастер Йоши-Року. Ростом он был невысок, фигурой обладал щуплой и худой, но силами и прытью мог дать фору своим ученикам, его сопровождавшим. Лицо чародея было изборождено вековыми морщинами, но его узкое, сухопарое и зеленокожее чело, исписанное ритуальными татуировками из белых чернил, непрестанно смотрело вперед и немного ввысь, выцветшие янтарные глаза словно светились надеждой на светлое будущее, коего старик не увидит, но в которое свято верит. Рядом шел седобородый старец, несмотря на то, что он был в восемь раз моложе своего учителя, выглядел он старше. Его лицо было точно у восковой фигуры, больше половины которого скрывала кустистая борода. В отличие от Йоши, одетого в драный, помятый и измазанный в грязи халат, на котором углем были начертаны древние руны, придворный маг короля Аргои Азилур облачался в шелковую мантию алого цвета, на которой были вышиты фигуры созвездий. Замыкала шествие женщина, которой перевалило за сто лет, хотя выглядела она на тридцать. Волосы цвета вороного крыла, бледное, точно у дворянки, лицо с величественным взглядом и гордо поднятым подбородком, но в ней не было высокомерия или самолюбования, лишь природная красота и достоинство. Одетая она была просто — в белый сарафан без кружев и вышивок. Целительница Танриль, заботливая лекарша Карательного Отряда и одна из любимых воспитанников мастера Йоши. Старый мастер чувствовал, как его сердце бьется все чаще от мыслей о скором возвращении на родину. Деревья становились все выше, и вскоре они уже были ростом с холмы, а переплетающиеся ветви их раскидистых крон оставляли немного возможности лучам солнца упасть на землю. Азилур и Танриль не бывали в Хаглоре больше полувека, но оба были уверены, что вряд ли многое успело поменяться в укладе жизни лесного народа. Они двигались дальше, ровная земля начала превращаться в топи, корни деревьев становились толще некоторых стволов, то и дело встречались змеи, но магов они не трогали, держась на почтительном расстоянии — даже ползучие гады чувствовали их сверхъестественную силу. Вскоре полился дождь, несмотря на плотный купол из ветвей и листвы на головы магов он лился нещадно. Танриль и Азилур не знали пути, которым их вел учитель. Многие деревья были отмечены ритуальными знаками и рисунками, окрашены охрой, но Йоши не нужны были эти указатели пути, дорогу ему

подсказывали затверженные сотнями повторений визиты на родину, воспоминания о которых смешались со смутными образами бесконечно далекого детства. Маги шли в полной тишине, стараясь не растрчивать слова впустую, ибо они знали силу слова. Задача была ясна, как и отсутствие сомнений в успехе — хаглорианцы издревле отличались миролюбием и старались держаться в стороне от событий во внешнем мире, но во времена забытой войны с Заргулом больше тысячи лет назад они показали достойную почтения готовность пожертвовать собой ради спасения мира. Танриль вспоминала об Алагаре и гадала, где он может быть сейчас. Целительнице пришлось смириться с тем, что ей до сих пор небезразлична его участь. Больше всего она боялась того, что после своего исчезновения ее бывший возлюбленный примкнул к Заргулу и полностью отдался служению злу. Ни подтверждений, ни опровержений ее опасениям не было — почти год об Алагаре никто ничего не слышал, он словно в воду канул. Молчание прервалось окриком из-за спины.

— В последние годы тебя здесь редко встретишь, мастер!

Из-за обширного ствола одного из деревьев вышел совершенно непохожий на других детей леса хаглорианец. Его кожа была ярко-красной, волосы — цвета пламени и так же стоящие дыбом иглами, точно языками огня. Его скулы пересекали ломаные синие линии, точно молнии, а оранжевые глаза искрились изнутри, будто были наэлектризованы. Ростом высок, широкоплеч, он был весьма атлетично сложен для мага. Вместо кертахола на навершии его посоха полыхал огонь, точно он в руке держал обычный факел, а не проводник и концентратор магической силы. Облачен он был в балахон буро-зеленого цвета, что смешивался с местностью и был неплохой маскировкой.

— Вас я ждал меньше всего, брат и сестра, — продолжил он, соскочив с изгибистых и толстых корней на неглубокие топи.

Вокруг магов начали показываться лица. Зеленокожие, волосы их были темно-синими и более толстыми, плотно собранными, чем у людей, а ритуальные татуировки белых чернил покрывали все тела. Они были повсюду — меж стволов, на ветвях, некоторые притаились в стоячей воде болот. В руках хаглорианцы держали древесные заговоренные и исписанные ритуальными знаками луки, которые были бы заряжены и наведены на гостей, если бы прибывшие не были знакомы лесному народу.

Краснокожий хаглорианец с горящим посохом прошествовал к Архимагу и его ученикам. Это был Кену-Рокшас, личный ученик Йоши, первый из магов Хаглоры после него и смотритель леса в отсутствие Архимага. В повелении огненной стихией и молнией равных ему не было, хотя характер его, в противовес стихии, покоренной магом, ни разу не был взрывным. С хладнокровным спокойствием Рокшас встретил гостей, хотя понимал, что их присутствие в лесу вряд ли сулит что-то хорошее его народу.

— Друг мой, Рокшас! — по-отечески потрепал ученика по плечу мастер, — в Хаглоре, я уверен, все тихо под твоим надзором.

— Делаю, что в моих силах, мастер. Поправьте, если я ошибаюсь, но что-то мне подсказывает, что вы пробудете здесь недолго.

Азилур кивнул:

— Интуиция тебя не обманывает, Рокшас. Мы принесли тревожные вести. Заргул вернулся.

Ни Рокшас, ни хаглорианцы, рассеянные по округе, ничем не выдали своего потрясения, но все отчетливо ощутили, что эти два слова для всех были подобно извержению вулкана или снежной лавине с камнепадом, что обрушились бы на этот мирный край. Дети леса

крепче сжали луки, а огонь на посохе Рокшаса всколыхнулся, словно в него плеснули горючим маслом.

— Верно, друг мой, — подтвердил Йоши, — нужно как можно скорее оповестить все народы и собрать силы Ранкора воедино. Время на исходе.

Рокшас сжал губы, взгляд его стал острее, он словно искал Многорогого среди деревьев, готовясь испепелить его на месте и избавить мир от нависшей над ним опасности.

— Что ж. Тогда созовем старейшин на совет, — твердо сказал он, — похоже, скоро придет время оставить лес и ринуться в бой.

Он двинулся вперед, мастер и остальные последовали за ним, но Рокшас обернулся, остановившись, закончил:

— Но лишь затем, чтобы не дать лесу сгореть в огне азрогианских печей.

Йоши одобрительно кивнул, а Танриль прижала тонкую руку к сердцу, борясь с ужасом от образов, возникших в ее чистом разуме, но слишком жестоких для ее мягкого сердца.

— Кстати, — на ходу сказал Рокшас, — не менее вашего нежданный и знакомый Хаглоре гость меньше года явился в наши края и до сих пор здесь обитает. Вот только не знаю, можно ли ему доверять.

— Друг мой, — ответил Йоши, — очень скоро мир захлестнут такие события, в которых будет предельно ясно, кто заслуживает доверия.

Хаглора была лучшим местом на Ранкоре, где можно было отвести душу. Время здесь будто застыло. Пока в Союзе возводили мануфактуры, были переделы земли, восстания, дети леса все так же погружались в глубины магических искусств и наслаждались единением с природой и гармонией со всем живым. Их дома, сплетенные из лиан и толстых ветвей с корнями, крытые глиной и травой, плавали на болотах, высились на деревьях и были глубоко врыты в землю. Но все они были соединены бесконечно переплетающейся паутиной сетью висящих мостов из тех же лиан и резных досок, по которым бесконечно сновали зеленокожие. Во многих местах светились магические кристаллы вместо факельных огней, а деревья были окружены винтовыми лестницами и веревочными подъемными устройствами. Каждый второй хаглорианец имел при себе посох с кертахолом, магия в этом краю процветала. Отчасти благодаря своей чуткости к природе жизни и желанию уединиться с материей и духом хаглорианцы были самым магически одаренным народом Ранкора.

Алагар, возвратившись в земли, откуда начался его путь мага, вспомнил о том, что есть настоящее братство и сестринство, о котором он так много вещал своим последователям. То, как жители Хаглоры вместе строили, сажали деревья и занимались собирательством, как старики рассказывали детям предания старины и раскрывали секреты овладения магией молодым, а те, сближаясь в ученичестве и совместных работах по поиску пищи и строительству, и починке домов обретали друзей и любимых на всю оставшуюся жизнь в лесной общине, показывало то, чего искала всю жизнь душа Алагара. Красноволосый чародей мечтал построить мир, где все жили бы подобным образом, сообща и работали над строительством лучшего мира для потомков. Он держал пламенные речи, готовил восстание, собирал бойцов, мечтал бросить вызов опостылевшему монархическому режиму и в кровопролитной войне опрокинуть старый мир, сломить ему хребет, и на костях прогнившей до основания старины, душившей веками поколение за поколением, построить новый, в котором будут жить все народы подобно дружной семье. Хаглорианцы не говорили громких слов, вообще они старались как можно меньше сотрясать воздух, в молчаливом согласии

каждое дитя леса поддерживало фундамент жития своего племени. Они избегали сражений и не ставили перед собой великих целей, лишь жили сами и давали жить другим. И в этом краю Алагар по-настоящему осознал, чему его пытался научить Йоши-Року. Если бы он это понял раньше, быть может, его паства не отвернулась бы от своего наставника.

Первое время Алагар жил в мелкой хижине на дереве, ни с кем не общаясь, не работая и лишь питался кореньями и лесными ягодами — здесь природа сама награждала своих сынов и дочерей пищей. Затем, работая с хаглорианцами, помогая молодым овладеть некоторыми ступенями постижения магии, он завоевал уважение. Старейшины помнили его еще совсем молодым и снисходительно отнеслись к его признанию в совершенных грехах, в которых чародей не раз раскаивался. Лишь Рокшас с неодобрением отнесся к идее приютить Алагара в лесной общине и так и не дал разрешения на посещение Алагаром хранилища свитков.

Велико было удивление Танрили и Азилура, когда они, спускаясь с извилистой тропы, загражденной нависшими ветвями и лианами, увидели Алагара, свесившего ноги с пирса у плавучей хибары.

— Блудный сын вернулся, — с улыбкой изрек Йоши.

Во внешнем виде Алагара тоже кое-что изменилось. Все такой же бледнокожий, красные волосы, точно пламя свечи, устремлены вверх клином, алые глаза, вот только вместо черного балахона он носил бурого цвета обноски, чем хотел показать смирение и принятие своей ничтожности в сравнении с масштабом задач, за которые он доселе брался.

— Мастер, Азилур! — воскликнул Алагар, схватив посох и выбежав к ним навстречу, — Танриль...

Его давняя подруга отвела взгляд к скользкой траве и молча прошла мимо. Ей хотелось дать Алагару шанс доказать, что он уже не тот, что прежде, что ему удалось встать на путь, достойный последователя Йоши-Року, достойный того, кого избрало ее сердце. Но как только она вспоминала горящий фанатичной решимостью взгляд алых глаз, безумный оскал человека, готового беспощадно сметать всех, кто встанет у него на пути, Танриль не могла найти в себе сил выйти к своему старому другу навстречу и протянуть ему руку в знак прощения.

— Танриль, постой, я... — он попытался остановить ее, схватить за плечо и развернуть к себе, но раздумал.

— Друг мой, я понимаю твое рвение, — сказал Йоши, — но, чтобы саженец пробился сквозь толщу земли, ему нужно дать время. Здесь точно так же.

Алагар опустил голову и, снова встретившись взглядом с учителем, с тлеющей надеждой спросил его:

— Мастер, а вы верите, что мне еще не поздно вернуться к праведной жизни?

— Друг мой, стать лучше никогда не поздно. Задача праведников — помогать заблудшим найти свою дорогу, ведь если они пытаются исправить свои ошибки — это уже большой шаг к спасению. В этом и есть мудрость лесного народа. Хаглора верит в тебя, верю и я, — Йоши дружески стукнул его посохом по плечу и пошел к главной ратуше у самого большого и раскидистого дерева, возле которого был вырезан тотем хаглорианцев в виде резной фигуры Анлариэли.

Рокшас остановился, глядя Алагару в глаза, сказал:

— Ты покинешь Хаглору вместе с ними. Достаточно с моего народа общества человека, предавшего заветы нашего учителя.

Алагар молчал, надеясь, что хотя бы Азилур выскажется в его поддержку, но

седобородый даже не глядел в его сторону. Так Алагар побрел к плавучей хижине. Тот, кто еще недавно считал себя окруженным братьями и сестрами по всему миру, чувствовал себя обреченным на участь одинокого изгоя.

Совет старейшин протекал открыто — у тотема. Зеленокожие с помощью левитации перетащили огромную плоскую глыбу, используемую вместо стола, а на пнях, расставленных возле нее, восседали почтенные сыны и дочери Хаглоры. Остальные дети леса расселись по округе у древесных хижин и подножий вековых стволов на травяном покрове. Танриль и Азилур с холма наблюдали, о чем-то переговариваясь, Рокшас расхаживал вокруг стола, будто опасался, что кто-то может напасть на стариков, а Алагар одиноко сидел возле исчерченного рунами булыжника и с отрешенным видом глядел в землю, будто старейшины собрались выносить ему приговор, а не обсуждать угрозу всему живому.

Йоши начал рассказ с описания недавнего события в королевском дворце. Когда он поведал о том, как Заргул внезапно материализовался в витражном проеме, умертвил одного из придворных, а затем истолковал свою волю присутствующим, хаглорианцы начали взволнованно переглядываться, будто боялись, что Многорогий решит заявиться и на их собрание.

— Твои слова как нож для моего слуха, Йоши, — проскрипела Оша-Эйри, сгорбленная старая хаглорианка, которая что-то плела все собрание, — больше двухсот лет я прожила в мире и покое, но, похоже, всему настает конец.

Седовласый хаглорианец, что в молитвенном жесте до этого прислонил резные четки ко лбу и шептал песнопения призыва духов, поднял взор на Йоши:

— Лесной народ поднимется на защиту своих угодий, а духи говорят, что направят руку сынов Анлариэли в этой борьбе.

Архимаг покачал головой:

— Кив-Шотар, друг мой, на сей раз так не получится. Занимать оборонительную позицию — проигрышный путь. Воинство Заргула сильно, с головы до пят вооружено и прекрасно обучено. Вскоре они всем скопом обрушатся на Ранкор. Объединиться с иными народами — единственная возможность построить достойную защиту.

— Грубо говоря побеждает тот, — сказал Рокшас, — кто бьет первым, но не ждет атаки в свою сторону.

Вышел из нестройных рядов сидящих на траве хаглорианцев тот, что водил патрули вдоль лесных границ и обучал молодых боевому искусству и основам магии:

— Простите, отцы и матери, что прерываю ваш разговор, но ответ народа вам уже известен. Ради спасения мира любой хаглорианец покинет лесные края и выйдет в чистое поле во всеоружии.

Рокшас хотел осадить юнца, осмелившегося вмешаться, но, возгордившись силой духа своего соплеменника, промолчал.

— Друг мой, — расплылся в улыбке Йоши, — я и не сомневался в вас. Пришел я не столь за тем, чтобы просить сородичей о помощи, ибо знаю, что Хаглора всегда была едина с соседями и этим миром. Своим долгом посчитал я уведомить вас о том, что в ближайшее время посету Хранилище Свитков. Вместе со своими учениками.

Долгое молчание. В тайное помещение под высочайшим из деревьев, в котором хранились анналы истории Ранкора еще с тех времен, когда боги ходили по земле среди смертных, не позволялось проникать никому, кроме Архимага, да и сам он не заглядывал в

Хранилище последние несколько сот лет. Опасение внушало другое. Если великому и мудрому Йоши-Року понадобилось воспользоваться древними знаниями, сохранившимися на скрижалях и манускриптах тысячелетней давности, это значило одно — он доподлинно не знал, как остановить Заргула.

Факел Рокшаса освещал им путь. Проникнуть в подземный ход оказалось несложно — Йоши лишь провел кертахолом по руническим знакам, вырезанным в толще коры огромного дерева — и тут же ствол словно бы треснул перед лицами магов, и кора расступилась, образуя огромное дупло, которое открывало дорогу в темный подземный ход с крутыми вырытыми в сырой земле ступенями.

Вначале лестница была прямой, но затем она превратилась в винтовую и, закручиваясь, уводила шествующих все глубже под землю. Алагар и остальные ученики, включая Рокшаса, впервые ступали в Хранилище. Алагару вспомнился его опыт знакомства с катакомбами Азрога, вот только не было гнетущего предчувствия, что подземелья кишат незримыми демонами, пожирающими изнутри душу у ничего не подозревающего гостя. На стенах были написанные углем руны, означавшие даты событий далекого прошлого, изречения и напутствия Первого и Второго Архимагов и воспоминания очевидцев о деяниях Анлариэли в лесном народе. Вскоре лестница оборвалась, и Архимаг со своими воспитанниками оказались в широком зале, в стене напротив лаза возвышалась фигура древесного дракона, размерами могшего поспорить с вековым дубом. Его глаза открылись, и свет зеленого пламени осветил темное место.

— Я ждал тебя, Йоши-Року, — его голос отдавался резонирующим эхом, так могло говорить существо, не принадлежащее смертному миру.

— Марандиул, — поклонился Архимаг, — смиренно прошу твоего соизволения пройти в хранилище знаний и опыта предков лесного народа.

Глаза дракона засветились ярче, стала видна кора вместо чешуи, украшенная порослью мха и листвы, отходившей от ветвяных отростков по всему его телу.

— Те, что пришли с тобой, — пророкотал дракон, — достойны ли они? Я ощущаю силу Азроговых подземелий в одном из твоих спутников.

Алагар при этих словах невозмутимо глядел на дракона в упор. Несмотря на то, что тот мог его превратить в горсть пепла в любой момент, бывший наставник Братства Уравнителей оставался в твердом намерении не отступить от попыток помочь этому миру в последней борьбе.

— Это мои ученики, друг мой, — спокойно ответил Йоши, — если они недостойны, значит, недостойн и я, ведь под моим началом делали они первые шаги на своем пути.

— Как всегда, великодушно берешь на себя чужую ответственность. Выдержат ли твои старые плечи? — изрек дракон, — проходите.

И тут же створки врат под свернувшимся над ними Марандиулом отворились, когда маги проследовали внутрь, их глазам предстали бесконечные ряды свитков в настенных полках.

— Мы здесь явно надолго, — усмехнулась Танриль.

— Если искать глазами, дорогая, — воздел палец кверху Йоши, — нужно лишь знать своих предшественников. Впрочем, это прерогатива Архимага.

Старый хаглорианец проследовал в центр зала, к древесным статуям Второго и Первого Хранителей Хаглоры, с которых так и не слезла краска. Второй Архимаг был изображен

худым и высоким мужчиной с коротким ежиком седых волос, посоха или жезла в руках он не держал, что было признаком особого магического дара — лишь единицы среди сотен тысяч могли фокусировать и направлять магическую силу одной волей и разумом. Внешне он был чем-то похож на Алагара, такое же острое лицо и властный взгляд, вот только вид его сквозил холодным спокойствием и блаженством человека, живущего в благости, тогда как у Алагара виднелась жестокая борьба с самим собой и стремление силовым приступом, тяжелым штурмом достичь желаемого.

— Мастер, — покорно склонил голову Йоши перед фигурой Второго Архимага, своего учителя и лучшего друга юности, губы его дрогнули, — как порой не хватает твоей мудрости и дружбы. Будь ты сейчас на моем месте, быть может, мир был бы уже спасен.

Первый же Архимаг выглядел более низкорослым и неприметным, но в его глазах горела фанатичная вера, сопряженная с отчаянием от потери духовной наставницы и названной матери его народа, он, казалось, был изображен в момент битвы с силами Заргула, когда Анлариэль пожертвовала собой во имя победы над злом.

Йоши-Року прошел меж статуями, выкинул руку вперед — и земля будто бы разорвалась меж пьедесталами, и оттуда выскочила тяжелая книга, с которой водопадом посыпалась пыль и труха. Ученики обступили мастера, с интересом разглядывая талмуд.

— Это летописи моего народа, — сказал Йоши, — начал их записывать ученик самой Анлариэли, Первый Архимаг, продолжил мой наставник, Гуру-Кшатра. Это заветы праотцов хаглорианского народа о том, как понимать древность и не повторить ошибок предков или же остановить древнее зло, коль оно восстанет.

Маг быстро перелистывал пожелтевшие от времени страницы, сосредоточенно пробегаясь глазами по написанному от руки тексту и почти стершимся угольным зарисовкам.

— Старость... — сказал Архимаг, — память уже не та, что прежде, никак не могу, ах, да, вот оно!

После тысячи пролистанных страниц он остановился на одном развороте. На левой странице была изображена сияющая алым огнем сфера, на другой — та же сфера, но уже в глубоко зарытом в земле зале, который окружали резные колонны в виде щупальцеголовых атлантов и лица демонов подземелий Азрога в стенах. Второй Архимаг, который все это зарисовал, был явно наделен даром художника.

— Мой учитель был в Азроге и своими глазами видел его подземелья, сражался с демонами и пытался проникнуть в источник силы подземелий, которая совратила целый народ горхолдов, в древние времена следовавший праведному пути согласия с высшими и земными существами. В то время Гуру-Кшатра был одним из немногих, кто сомневался, что Заргул уничтожен окончательно. И он не ошибался. Эта сфера, — костлявый палец мага указал на рисунок, — является проводником между неиссякаемым источником злой силы подземелий и телом Заргула. Она питает его плоть и душу, отравляет разум. Заргул думает, что действует согласно своей воле, но на деле он беспомощный раб зла.

Рокшас оперся на пьедестал статуи Первого Архимага и, взглядываясь в коряво написанные столетия назад слова, пытаясь найти в них решение проблемы, спросил:

— И как можно ее уничтожить?

— Неизвестно, друг мой, — сказал Йоши, — если бы мой учитель отыскал способ, угроза Заргула не нависала бы над нашими головами сегодня. Таким образом эта задача легла на наши плечи.

Танриль, подбоченившись, критически оглядела разворот и заключила:

— По крайней мере, мы имеем представление о том, в каком направлении двигаться.

— И знаем, что Заргул уязвим, — поддержал Азилур, — в конце концов, он не небожитель, а значит, его можно поразить.

Алагар вспомнил свою юность. Сейчас он отдал бы все — лишь бы вернуться в тот день, когда он вместе с Варзхелом ступил в эти древние катакомбы, но вместо того, чтобы искать в них источник силы, он бы даже ценой жизни проник в тайну слабых мест Заргула и навсегда отвратил бы от Ранкора угрозу кровавой войны.

— Хаглора с нами, — сказал Йоши, — осталось Побережье Кесилора и Звездный Град. Уверен, brave воины Союза уже решили вопрос с равшарами и сейчас говорят с царем скиарлов. Рейген Саламандр умен, он поймет необходимость в объединении. Алагар, — ученик мгновенно оживился и ловил каждое слово своего мастера, — ты отправишься на Побережье Кесилора и проследишь за тем, чтобы на переговорах не возникло непредвиденных обстоятельств.

— Да, мастер.

Йоши направился к выходу, Азилур и Рокшас следовали за ним.

— Спустя два дня мы встретимся на скалах Звездного Града, — заключил Архимаг, — это будет последним шагом в создании альянса.

Алагар так и остался меж статуй, чувствуя себя ничтожнее муравья. Он думал, что идет крутой, тернистой тропой к истинному величию и бессмертию, но все, чего он добился, это презрения и отверженности. Даже его магическое искусство осквернено злой силой. Не сразу до Алагара дошло осознание того, что Танриль тоже не спешила уходить.

— Знаю, я не заслуживаю того доверия, что оказывает мне мастер после всего, что я сделал, — начал Алагар, — но будь уверена, Танриль, я не подведу.

Подруга закусила губу и с усилием встретила взглядом с красными глазами человека, с которым они в далекой юности предавались порывам страсти.

— Ты способен на многое, Алагар, — скробным тоном сказала она, — это я знаю наверняка. Природа наделила тебя большой силой духа, именно она и зажгла сердца стольких людей и заставила их следовать за тобой, пусть ты их и вел на смерть. Но, я знаю, несмотря на все темные пути, которыми ты шел, тот человек, которому я поверила и с которым была готова отправиться хоть на край света еще есть в тебе. Пусть же он скорее вернется! Ты нужен Ранкору, Алагар, нужен такой, каким был всегда, до того, как скверна Азрога и честолюбивые помыслы не завели тебя на гибельный путь. Ты нужен мне.

Не дав ему и слова сказать, она развернулась и скорым шагом, едва не выбежала из зала. Ему уже за сотню, и только сейчас Алагар начал понимать, какое место судьба отвела ему в истории жизни народов Ранкора.

Глава 24: «Побережье Кесилора»

Скалгор, оплот рыбоголовых жителей Побережья Кесилора. Непрístupная крепость, сложенная из стали и камня, за зубьями и бойницами башен которой стояли бесчисленные катапульты и баллисты. Береговая линия, над которой возвышались стены форта в две сотни метров, была уставлена армадой бесчисленных военных фрегатов, обитых стальными пластинами, а носы их были без всяких прикрас вооружены острыми чугунными клиньями, предназначенными для того, чтобы на таран пробивать вражеские суда. Возле доков, разумеется, было множество рыбацких лодок, торговых лавок и жилых лачуг, в которых ютились те, для кого не нашлось места в стенах форта. Трое мужчин, кажущихся насекомыми на фоне крепостных стен, ждали, пока огромные звенья цепей не прокрутятся, а подъемный механизм не отворит стальные ворота, которые бы не смог высадить с лету и дракон. Из-за врат вышел скиарл, одетый в серого цвета балахон, в руке он держал посох, похожий чем-то на отросток кораллового рифа. Это был придворный маг и советник Рейгена Саламандра и его кровный брат — Рейдар.

— Если мои догадки верны, — произнес он, — вы прибыли в наши края в качестве послов из Союзных земель.

— Верно, — сказал Глоддрик.

Шаабан сделал перебирая четки, дополнил:

— А также несем слово Илгериаса и надеемся на равнодушие братьев в суровый час.

Эрлингай сделал шаг вперед и подвел итог:

— Нам нужна аудиенция с Саламандром.

Придворный маг их повел путанными коридорами Скалгорской крепости. Флагов было минимальное количество, лишь один — морской змей, вылезший из морской пучины, в каждом коридоре глядел на идущих со щитов. По большей части стены были увешаны самострелами, арбалетными болтами, а также всевозможными видами холодного оружия. Где-то попадались бочонки с горючим маслом или взрывной смесью, которые отлично подошли бы для того, чтобы кидать их на головы атакующих замок. Глоддрик и Эрлингай слышали, что искусственный огонь скиарлов горит даже на воде, но убедиться в этом случая им не представлялось, поскольку за время их жизни Союз с Побережьем Кесилора ни разу в войну не вступал. В тронную залу стража их пропустила, не сказав ни слова, присутствие Рейдара было безусловным пропуском к властителю покорителей морских просторов.

Рейген Саламандр был воплощением рода существ, называемых хладнокровными. С каменно-спокойным лицом он, сцепив руки в замок, неотрывно смотрел перед собой. Его трон был лишен роскоши — голый камень, устланный жесткой тростниковой циновкой. Стены ничем не были расписаны — голый камень да факелы и тот же герб народа побережцев.

Воины подошли к трону, но их не следовало просить оставаться на почтительном расстоянии в десять шагов. В Глоддрика, воспитанного на идеях защиты власти короны Союза, было напрочь вбито уважение к правящему классу.

— Саламандр, — сказал Глоддрик.

— Да направит Илгериас сынов народа твоего в трудный день, — сказал Шаабан.

Эрлингай отсалютовал ему, выхватив фамильный меч и, склонив голову, сказал:

— Мы прибыли, чтобы...

— Можете не продолжать, — медленно проговорил Саламандр, — я осведомлен о случившемся в Силгоре. Заргул несильно знаком с этикетом, если является на пиршество, на которое не получил приглашения.

Эрлинггай, рассмеявшись, ответил:

— Едва ли мой брат не смог бы окружить себя более подходящей компанией.

Саламандр, оставаясь все таким же бесстрастным, продолжал бездвижно говорить с сосредоточением, будто производил математические расчеты:

— Стало быть, история вскоре повторится, и Азрог вновь ударит по Ранкору. И вы прибыли, чтобы заручиться поддержкой моего народа.

— Каков твой ответ? — бросил Глоддрик в нетерпении, ему хотелось как можно скорее покончить с переговорами и приступить к возведению обороны.

Саламандр, учитывая свое положение, охрану брата и то, что он находился на своей территории, не стал потакать Глоддрику и ускоряться в угоду ему. Так же размеренно он продолжил:

— Когда я был молод, мне удалось обуздать морского змея. Он крушил наши корабли, скиарлы боялись выйти в открытый океан. Я же построил плот на скорую руку и, выплыв монстру навстречу, бросил ему вызов. Он разметал мой плот в щепки, волны кидали меня во все стороны и, казалось, я уже никогда не ступлю на сушу, но каким-то чудом мне удалось оседлать зверя, как он ни метался, я мертвой хваткой держался на зубья на его спине. Вскоре он признал мое упорство и покорился воле народа Кесилора. Заргул, пожалуй, думает, что он может так же сделать с подземельями Азрога. Смертный может подчинить себе подобное ему существо из плоти и крови, но ему неподвластны силы, пришедшие к нам из потусторонних миров. Если Заргула не остановить, в своем слепом заблуждении он сожжет Ранкор дотла и себя вместе с ним. Флот скиарлов, как и их воинство, готовы встать плечом к плечу с остальными.

Глоддрик молча кивнул, с трудом заставив себя разжать кулаки. Его воротило от степенных рассуждений, когда ответ в несколько слов без экскурсов в прошлое и демагогии о природе жизни был бы по содержанию не менее ценен. Однако была и другая сторона в Рейгене Саламандре — его не пришлось убеждать, как это было в случае с равшарами.

— Мудрое решение. На военном совете лидеров Ранкора тебя будут ждать, — сказал Глоддрик.

Глоддрик молча развернулся и двинулся к выходу, Эрлинггай снова отсалютовал и, поблагодарив Рейгена за благоразумие, последовал за Карателем, Шаабан же, задержавшись, напоследок сказал:

— Илгериас посылает миру испытания и тяготы, но пока в нас живо единство и вера в друг друга, миру ничто не угрожает, а опасности лишь закалят его подобно куску стали.

Так без особого труда наши герои включили в спасительную для мира коалицию весьма серьезного союзника, располагавшего самыми щедрыми запасами оружия и флотом, готовым поспорить с мощью армады Азрога. Если ладьи Заргула выйдут против фрегатов Саламандра, независимо от исхода боя, силам альянса на суше будет куда проще. Ведь если с ладей высадятся горхолды, численный перевес воинства императора будет слишком велик.

Ближе к вечеру того же дня на окраине доков в пустующем месте шел оружейник Саламандра и первый кузнец Побережья. Стало темно, с берега рыбаки давно уже вернулись в хижины, а патрули в этой части города не ходили. Навстречу оружейнику вышел сородич,

чешуя которого шелушилась и была нездорово бледной, глаза скиарла были налиты кровью и, казалось, готовы были вывалиться из орбит. Скрол Ядовитый, маг в руках держал склянку с неизвестным снадобьем, мутная жидкость была серо-голубого цвета, и лишь Скролу и демонам Азроза было известно ее назначение. Его балахон скрывал массивный шов, скреплявший всю поясную линию тела мага, которая была рассечена с год назад магией Йоши-Року. За спиной Скрола стоял мускулистый равшар с бычьим черепом вместо шлема — уже известный Кразлак Губитель. Сподвижники Заргула прибыли за новыми сведениями.

— Докладывай, — прохрипел Скрол.

Оружейник помялся, нервозно озираясь, будто бы искал пути отступления в случае, если сведения вызовут злобу темных магов, и они решат сорваться на гонце, как часто с доносчиками и происходило.

— Решение принято, — сказал оружейных дел мастер, — скиарлы присоединятся к союзу отступников от воли императора.

— Приходили послы? — спросил Кразлак.

Сглотнув, оружейник ответил:

— Всего трое — Ганрайский Демон, брат короля и какой-то южанин, кажется, священник.

— Ни одного мага? — с сомнением осведомился Губитель, — что ж, в таком случае можно приступать к задуманному. Давай, Скрол!

Скиарл швырнул склянку в ближайший из фрегатов, и тот тотчас же вспыхнул зеленым пламенем. Красное дерево, из досок которого был сбит корабль, трещало, превращаясь в груды углей, а медная обивка плавилась на глазах. Кразлак вскинул костяной посох, и в воздухе склубилось облако скверны, которое обволокло более массивный фрегат, и вот уже в его дне проелись дыры, вода хлынула внутрь, корма медленно начала опускаться, и вскоре корабль, изъеденный распылениями скверны, шел под воду. Скрол бросил банку с горючим в еще один фрегат. Скиарлы, что там были, восторженились и побросались за борт, лишь бы спастись от неугасимого огня, вызванного алхимической жидкостью. На их вопли стали сбегаться скиарлы, но всплеск жидкой скверны в их сторону и несколько иссохших заживо тел заставили остальных пуститься в бегство.

— Мы так не договаривались! — вскрикнул оружейник, беспокоился он исключительно за себя, — меня видели с вами, теперь лучшее, на что я могу рассчитывать — это легкая смерть!

Кразлак хищно улынулся, под голыми зубами костяных челюстей эта ухмылка казалась еще более жуткой.

— За твоё содействие и своевременную информацию я могу дать тебе такую награду.

И тут тело скиарла-ренегата будто бы задымилось, кровь вскипела, а затем из его рта и носа выплеснулись струи зеленоватой слизи, глазные яблоки его лопнули, оттуда с дымом и шипением хлестнула жидкая скверна. Скиарл повалился лицом к земле.

— На каком судне я остановился... — протянул Кразлак и вскинул было посох.

— Веселое, поди, занятие нашли! — окликнул их из-за угла знакомый голос.

Алагар уверенно надвигался на них, закинув посох на плечо. На этот раз он был в рваных обносках вместо черного плаща.

— Опять он, — сплюнул Кразлак.

— Почему Заргул, если он так могущественен, посылает своих прихвостней вместо того, чтобы самому разнести этот флот силой мысли?

— Даже сейчас, видя, что победа императора неизбежна, ты смеешь оскорблять его имя. Ты никогда не был одним из нас, предатель. Думаю, повелитель будет очень доволен, если твоя голова падет к его ногам вместе с головнями этих кораблей.

Стуток скверны устремился в грудь Алагара, но он разлетелся в брызги от невидимый удар телекинетической волны, которая сшибла бы равшара с ног, если бы тот не поставил вовремя защитный экран. Скрол Ядовитый бросил на землю другую склянку, жидкость из которой тотчас же растворилась, создавая плотную дымовую завесу. В Алагара устремился дождь скверны сверху, но он, воздев магический атрибут к небесам, крутанул его — и тут же воздух заколебался, спустя секунду вокруг Алагара закружился смерч, опрокинувший два корабля в нескольких шагах от сражавшихся и полностью рассеявший туман от снадобья Скрола. Когда вихрь начал стихать, Кразлак снова выплеснул струю скверны, намереваясь расплавить ею лицо Алагара, но в ответ получил огненный шар, который сжег на лету струю и взорвался с ударом о защитный экран равшара с такой силой, что тот упал навзничь. Скрол потянулся за очередным снадобьем, но не успел. Удар молнии быстрее, чем тот успел запустить руку за пазуху, пришелся по его груди. Молния прожгла тело скиарла насквозь, какие-то склянки, которые он прятал под одеждой, взорвались от силы удара и, смешавшись, породили такой страшной силы пламя зеленого цвета, которое охватило уже мертвое от удара молнии тело Скрола. Ударная волна отбросила его в воду, но даже несмотря на то, что он начал тонуть, погружаясь в воду, скиарл все еще пылал огнем, когда же пламя потухло, он уже представлял собой обугленный скелет, упокоившийся на морском дне.

— Мы еще встретимся, предатель! — выкрикнул Кразлак, — и ты за все ответишь перед Многогогим!

В место, где он лежал, ударила энергетическая сфера, но оставила лишь вмятину на пустом месте. Кразлак успел спасти свою шкуру, телепортировавшись. Кто-то со всех бежал к месту только что окончившегося сражения.

— Не успел, — с досадой сказал Рейдар, но встретив своего старого товарища и соученика даже его холодный взгляд рыбьих глаз выразил удивление, — Алагар? Тебя каким ветром сюда занесло?

Красноволосый ловко перебросил посох из руки в руку и ответил:

— Судя по тому, что ваши подданные сливают информацию слугам Заргула, а те, в свою очередь, проводят здесь свои диверсии, местный маг утратил контроль над ситуацией. Должен же кто-то обеспечить порядок?

Рейдар был готов сгореть от стыда. Он знал Кейлоана-оружейника с раннего детства и до сих пор не подозревал о его способности предать отечество. Даже сейчас, когда он глядел на его изуродованный скверной труп, было проще поверить, что он оказался несчастной жертвой обстоятельств, а не неудавшимся доносчиком, но рассказ Алагара развеял все сомнения.

Когда Рейген Саламандр узнал о случившемся, царь скиарлов выдал немедленное распоряжение выстроить новые суда вместо недостающих и приводить армаду в боеготовность. Сам же он с помощью брата в скором времени собирался телепортироваться на место переговоров правителей народов Ранкора. Глодрик же, узнав о разборках магов у доков, был вне себя от ярости, бессилие перед магами ставило его в тупик и выводило из себя. Особенно его злило то, что человек, которого он считал врагом своей родины и соотечественников, оказал в этой ситуации незаменимую помощь, не только предотвратил ущерб военной мощи скиарлов, но даже ликвидировал одного из ближайших приспешников

Варзхела, Скрола Ядовитого, который успел своими варевами доставить немало хлопот всем, ратующим за Союз и Ранкор. При встрече с бывшим наставником Эрлинггай сдержанно поблагодарил его за содействие, а Шаабан пожелал Алагару обрести Илгериаса внутри себя и не забывать молиться, чтобы не вернуться на кривую дорогу, которой он столько времени шел сам и вел других. Лишь Глоддрик сказал напрямую то, что считал нужным.

— Учти, — устремив взгляд своего одинокого красного глаза в очи Алагара того же цвета, он почувствовал в них желание дать отпор, что лишь сильнее его взъярило, — если думаешь, что заслужил доверие этой заварушкой — ошибаешься.

Алагар развел руками:

— Я и не стремлюсь завоевать чье-то доверие, Ганрайский Демон. В особенности твое. Достаточно того, что я делаю и буду делать, что должно.

Глоддрик молча продолжал смотреть в упор на Алагара, мысленно обкатывая его слова, пытаясь понять, отчего столь непохожий на него человек только что изложил принцип его, Глоддрика, жизни. Не проронив ни слова, Глоддрик обошел неприятеля и, на мгновение остановившись, обернулся и сказал:

— Ты отправишься в Звездный Град. С нами. Дела ждут.

Алагар облегченно улыбнулся и кивнул. Это распоряжение означало то, что ему, несмотря на все прегрешения, судьба дала шанс искупить вину.

Глава 25: «Поднять щиты!»

1693 год. Земли Севера. Драконовы Горы. Конец Северной войны.

Дождь беспощадно хлестал его по лицу. Воин, наводящий ужас на всех врагов Союза людских королевств, заставлявший стынуть кровь в жилах даже тех, кого он защищал, лежал ничком, зарывшись окровавленным лицом в кашу из размытой водой грязи. Вместо одного глаза зияла кровавая дыра, на боку был глубокий порез, а плечо пробил арбалетный болт, который он так и не смог вытащить. Ему должно было быть адски больно, но, проваливаясь в забытие, он не ощущал ничего, кроме легкости, словно он парил над облаками в невесомости или плыл на плоту, раскачиваясь на волнах. Глоддрик Харлауд, Ганрайский Демон, первый фехтовальщик Союза и едва ли не самый яростный, жестокий и неукротимый боец своего времени, был совершенно беспомощен.

Над телом обессиленного воина склонились трое статных мужей. Это были крестьяне, жившие в одной из предгорных весей. Они держали наготове оружие — вилы и два топора, боясь, что незваный гость в любой момент может подняться и наброситься на них.

— Это он, клянусь всеми богами, — сказал рыжебородый детина с вилами, — Ганрайский Демон!

— Похож, — согласился староватый селянин, прищуривая выцветшее око, — седой весь, хоть и не старый, да патлатый, как гребаный леший.

— И форма на нем вражеская, — добавил другой лесоруб, — либо это тот самый выродок, что наших перебил сотни, либо Союзный лазутчик. Убьем его, пока не очнулся, а, мужики?

— Погоди, — проскрипел старый, — может, связать его и выдать солдатам Грора Свободолюбца? Может, он сможет принести пользу стране.

— Пользу, — усмехнулся дюжий лесоруб, — война проиграна, батек. Короля грохнули, а Союзные собаки рыщут по всему Северу. От нас уже ничего не зависит.

— Но не оставим же мы в живых одного из этих ублюдков? — сказал старик, — не быть мне северянином, если я не раскрою башку этому нелюдю, который осмелился осквернить нашу священную землю своим присутствием!

— Мне без разницы, — повел плечами лесоруб, — убей его, если хочешь. Хотя, кажись, он и сам сдохнет скоро. Потрепали парня конкретно.

Кровавые разводы, размываемые дождем, были тому свидетельством.

— Да нет! — усмехнувшись, старик покачал головой, — если это и в самом деле Ганрайский Демон, то запросто выкарабкается, гад. Но ничего, он не жилец.

Дед занес вилы над шеей Глоддрика, все так же валявшегося без чувств, собрался уже оборвать нить жизни израненного воина.

— Оставь его! — раздался повелительный крик.

Неспешным шагом в их сторону направлялся деревенский друид. В темном плаще, седобородый, он опирался на исчерченную рунами клюку и крайне неодобрительно оглядывал односельчан.

— Чтобы добить лежачего, много смелости не надо.

Старик с вилами вскинулся, оскалив зубы, он двинулся на друида:

— Этот кусок дерьма убивал наш народ! Он пришел забрать нашу свободу. Какая смелость в том, чтобы пощадить этого...

Друид провел рукой снизу-вверх и вкрадчиво произнес.

— Ты не убьешь его. Мы не убиваем беззащитных.

Старик замялся, а затем отбросил вилы и сплюнул:

— Да и хер бы с ним! Все равно войну мы просрали. Делайте, что хотите.

Остальные молча ушли, оставляя Глоддрика на волю друида.

— Ну, Аста? Что прикажешь с ним делать? — опершись на посох, окликнул друид свою спутницу.

Щуплая русоволосая девушка, прикрываясь тряпьем от ливня, оглядела распластанного по сырой земле Глоддрика.

— Если оставим его, он умрет, — ответила Аста, робко наклонившись над телом и щупая пульс воина, — поможем ему, а, деда?

Друид уставился вдаль, словно не слыша просьбы внучки. Переведя взгляд на него, затем — на внучку, маг изрек:

— Ты ведь прекрасно осознаешь, что он может быть опасен, точно змея на груди. И тем не менее хочешь его спасти. Доброе у тебя сердце, Аста. Твоя мать была точно такой же.

Матери Аста, которую с детства воспитывал дед, не помнила. Как и отца, который пропал без вести еще до ее рождения. Было решено. Подхватив Глоддрика под руки, старик и девушка медленно потащили его в деревню.

Глоддрик открыл глаза. Точнее, глаз. Второго он не чувствовал, да и закрывала его плотная повязка, пропитавшаяся кровью.

— О, уже проснулся? — с заботливой улыбкой Аста подошла к нему и протянула руку, чтобы потрогать лоб.

Рывком Глоддрик схватил ее за запястье, вскочил с кровати, заломил руку девушки за спину и прижал ее лицом в стене. Девчушка от неожиданности вскричала благим матом, но пациент сразу же сдавил ей глотку, оборвав зов на помощь.

— Заткнись! — прошипел он, сдавив ей горло сильнее, — где я?

Аста дернулась, пытаясь лягнуть Глоддрика пяткой в голень, но он так скрутил ее кисть, что у девушки невольно брызнули слезы. Кричать она не могла от удушья.

— Без глупостей! Где я?

Он немного ослабил хватку, и Аста, задыхаясь, как рыба на берегу, еле проговорила:

— Ты в нашей деревне! Все хорошо, никто не тронет тебя, обещаю! Здесь безопасно. Только пусти, пожалуйста.

Глоддрик кинул взгляд на дверь, но никто не спешил на помощь. Он резко оттолкнул девушку, Аста же, болезненно сморщившись, растирала едва не вывихнутую кисть. Затравленно глядя на очнувшегося, она гадала, отпустил он ее потому, что не хочет убивать или же он так уверен в том, что, если Аста кинется бежать, он сумеет ее остановить.

— Мы нашли тебя в сосновой роще меж гор, — продолжала Аста, — ты был без сознания. Но и дня не прошло, как ты оклемался. Видимо, дедовские отвары на всех действуют безотказно.

— Ты травница?

— Я внучка друида. И его ученица, конечно же. Я кое-как зашила твои раны, но предупреждаю, если будешь делать резкие движения и дальше — швы разойдутся.

Лицо Глоддрика оставалось бесстрастным.

— Куда дела одежду? — одет Глоддрик был в заплатанную сорочку и изодранные

рабочие брюки.

— Зачем она тебе?

— Спасибо, что выходила, но мне пора идти.

— Нет! Прошу, останься. Окрестности обыскивают патрули Свободолюбца. Если ты им попадешься — легкая смерть будет лучшим, на что придется рассчитывать. После смерти короля они будут мстить каждому солдату Союза.

О том, что именно он собственноручно умертвил короля, Глоддрик предпочел смолчать.

— Тебе какая разница?

— Если бы не было разницы — мы бы с дедом бросили тебя подыхать в лесу! Если тебе плевать на свою жизнь — так останься хотя бы, чтобы помочь нам. Из-за вашего гребаного вторжения почти все мужчины ушли на войну, рук в хозяйстве почти не хватает. Не знаю, как в Аргое, но на Севере принято платить добром за спасение жизни.

— Я из Ганрая.

Первой мыслью Глоддрика было найти войска Союза и присоединиться к ним. Но что-то в виде этой простодушной целительницы, которая по своей доброте лечила врага своего народа, заставило его осечься. Скольких ее сородичей он убил на войне? Хватило бы на десяток таких деревень. Возможно, из чувства вины, а может, желая отдохнуть от войны, Глоддрик ответил:

— Останусь. На неделю.

— О большем я и не просила, — улыбнулась Аста, — звать-то тебя как? Меня — Аста, если что.

— Глоддрик.

Дрожь пробежала по спине девушки, хоть она и пыталась не подавать виду, глаза ее выдавали животный страх. Глоддрик Харлауд был опаснейшим человеком в Союзе.

Селяне боялись и ненавидели Глоддрика. Он, впрочем, и не рассчитывал на их расположение. Все знали, что он, будучи одним из полководцев армии Союза, одним из первых прорубал головы в рядах храбрых мужей Севера. Ходили слухи о его чудовищной ярости, ненасытной жажды крови, как он, заливаясь бешеным хохотом, кромсал на куски десятки солдат короля Севера. Говорили, в одиночку он ворвался во дворец Грора Свободолюбца, перебил всю стражу, а затем — добрался и до короля. В чем ему нельзя было отказать — так это в навыках боя. Виртуозное владение клинком и рукопашным боем вкупе с напрочь лишенным инстинкта самосохранения и здравого рассудка желанием пролить как можно больше крови, делало его страшнее самых кровожадных сынов Севера — берсерков. Северяне много раз успели пожалеть, что доверились Грору Свободолюбцу и его честолюбивому желанию отделить Север от Союза, поверили в мечты о независимости. Самопровозглашенный король повел толпы достойных людей на смерть, а теперь и сам будет предан земле. А людям остается расхлебывать кашу, которую заварил он.

Глоддрик ни с кем не общался кроме Асты. Старый друид редко выходил из своей хижины и разговаривал с кем-либо. А его внучка хоть и пыталась завязать с Глоддриком разговор, но все ее попытки были тщетны. Но в вопросах работы он был безупречен. Взяться за плуг, за топор, удило — за все, что угодно, лишь бы принести селянам больше еды, был готов Ганрайский Демон. Носить еду людям, которые его проклинали. Когда в реке он увидел свое отражение, Глоддрик с абсолютным безразличием убедился в том, что от глаза

не осталось ничего, кроме зияющей пустоты. И без того его внешность внушала другим опаску — алый, точно у демона преисподней, глаз, худое, вытянутое и бледное лицо, до основания поседевшие волосы, торчавшие в разные стороны иглами, точно у дикобраза. Самого его никогда не заботила внешность, ровно как и то, как на него смотрят другие. Глоддрику было плевать на свою судьбу. Однако несмотря на то, что ему недавно перевалило за сорок, боец Союза держался в почти той же форме, что в свои лучшие годы.

Вечерами он сидел на холме, с которого проглядывалась деревня. Наблюдая за играющими детьми, судачившими о пустяках бабами, мужиках, потягивавших брагу после работы, Глоддрик задумывался, как бы повернулась его жизнь, будь он таким же обывателем. Горечь заключалась в том, что он даже не знал, каково это. Аста всей душой желала показать своему подопечному мирную сторону жизни. Часто она просила Глоддрика замачивать компрессы для больных или же помогать в приготовлении снадобий. Девушку, казалось бы, перестало пугать как темное прошлое нового друга, так и его устрашающий вид. Глоддрик ходил, наклоняясь чуть вперед, взгляд его единственного демонического глаза метался во все стороны, точно он ждал засады. Веко его постоянно дергалось в нервном тике. К тому же он то и дело скалил зубы, озираясь, точь-в-точь окруженный воин на поле боя, готовый дорого продать свою жизнь. Или загнанный в угол хищник. Дети его боялись как огня. Неудивительно, выглядел этот человек так, будто собирался свернуть шею любому, кто попадется под руку. Люди ошибочно принимали его вид на жестокий нрав. Аста же разглядела в Глоддрике нечто более глубокое. Ей казалось, его зачерствелое сердце и ожесточившееся существо не значат, что он полностью лишен человечности. Когда они месили тесто, Аста часто повторяла:

— Аккуратнее, не так сильно нажимай! Чтобы выпечка вышла нежной, с ней нужно обращаться бережно. И с людьми так же. Если обделить человека заботой и любовью, он становится, — сделав паузу, она бросила взгляд в сторону Глоддрика, намекая, что речь шла о нем, — жестоким.

Ганрайский Демон молча слушал ее, пытаясь замешивать тесто своими покрытыми мозолями и рубцами руками настолько аккуратно, насколько было возможно. Ему казалось, девушка ожидала, что он после этих слов откроется ей, распахнет душу, расскажет о том, как жизнь с ним обходилась. Рассказать было что. Но стоило ли? Глоддрик не умел жаловаться. Однако именно здесь, хоть и кроме Асты его никто не хотел принимать за своего, он нашел пристанище души после того, как война подошла к концу. Впервые за многие годы в его жизни выдался период, когда не приходилось изо дня в день рисковать жизнью. Это заставляло героя Союза чувствовать себя одновременно умиротворенным и опустошенным. Только в моменты, когда он был на волосок от гибели, он ощущал наивысшее удовольствие, по сравнению с которым оргазм казался детской забавой. Осесть, остепениться для него было равно что лишиться себя жизни. Глоддрик понимал, что внутренняя борьба никогда не закончится, но как иногда она его изнуряла! Так и метался Ганрайский Демон меж двух огней. С одной стороны — стремление души к обретению мира, с другой — его неумная жажда битвы. Аста же осознала, что ей очень хотелось бы, чтобы Глоддрик остался в ее селении насовсем.

Однажды, во время годовщины объявления Грором Свободолюбцем независимости, разгульные мужики закатили бурное веселье, разумеется, не без выпивки. И вот, глубоким вечером Глоддрик с облезлой скамьи возле дома Асты взирал на звезды. Он сам не понимал, о чем думал — но в безграничном звездном полотне было что-то, что даже далекого от

высоких измышлений человека, живущего войной, заставляло в себя окупаться. Заниматься созерцанием ему не дали.

— Э-э, ты! — проорал крестьянин с бутылью самогона, едва удерживая равновесие, — че не пьешь... веселье ж!

Глодрик встретился с ним взглядом, но ничего не ответил. Пьяный же не мог удерживать зрительный контакт слишком долго.

— Слышь... у тя еще бухла нет? — подавляя икоту, он продолжил, — я уж выжрал все.

— Тебе хватит, — сказал Глодрик, — иди домой, проспись.

— Да че... елы-палы! — отрыгнув, селянин рухнул рядом с Глодриком и повис у него на шее, — это самое, я... — и тут он дернулся в сторону канавы, его тошнило.

Глодрик успел прожить с две недели и, естественно, знал, кто где живет. Подхватив под руку перебравшего лесоруба, он двинулся в сторону его хижины.

— Пойдем. Шагай, не вырубайся!

За плетнем стояла подвыпившая компания, очевидно, на время забывшая о накидавшемся в хлам друге.

— Че этому утырку надо? — протянул один заплетающимся языком.

— Э! С ним Бьёрн! Не трожь его! — вскинулся другой, кузнец.

На лице Глодрика не дрогнул ни один мускул, он твердо глядел в глаза недоброжелателям и, отворив калитку, довел попутчика до крыльца и усадил.

— А ну, отошел от него! — бросился один из лесорубов к Глодрику и грубо оттолкнул его, затем, схватив за грудки, проорал в лицо, брызжа слюнями, — кто те разрешил к нормальным людям приближаться хотя бы на шаг?

Рука Глодрика сдавила шею обидчика с такой же скоростью, с которой кобра кусает жертву. Мужики дернулись в их сторону.

— Сожму сильнее — шея будет сломана.

— Глодрик, что ты творишь?! — раздался крик молодой женщины.

— Аста? — отозвался Глодрик, не сводя глаз с лесоруба и не разжимая руки.

— Прекрати, не видишь, он задыхается? Ты убьешь его!

Глодрик, глубоко вздохнув, отбросив недруга к тынам.

— Что вообще происходит, кто-нибудь мне объяснит? — расспрашивала Аста.

Глодрик, направившись в ее хижину, на пути бросил.

— Ничего, Аста. Уже ничего.

— Смотри по сторонам, мразь! Мы тебя достанем! — кричали пьяные крестьяне, окончательно записав Глодрика себе во враги.

Ганраец не придавал их окрику значения. Его смерти желали куда более могущественные и серьезные люди. Большинство из них теперь кормило червей. Конфликт оказался разрешен, но Аста явно ждала объяснений. Возможно, настала пора уходить, подумалось Глодрику. Войдя в хижину внучки друида, он оставил дверь открытой.

— Ну, и что это было? — спросила девушка, когда они остались наедине, — вы там чуть не поубивать друг друга были готовы.

Глодрик молчал. Сев на подоконник, он даже не смотрел в сторону Асты. Девушка села за обеденный стол у окна подле собеседника.

— Неужели никак нельзя найти с ними общий язык? Они же в глубине души очень хорошие люди, Глодрик.

Ветеран Северной войны пожал плечами:

— Не мне судить.

— Да что ж такое! — хлопнула она по столу от досады, — с тобой очень сложно держать разговор, знаешь ли. Ты как будто нарочно пытаешься его оборвать. А я, может, хочу поговорить с тобой.

Глоддрик медленно повернул голову и, скрипнув зубами, молвил:

— О чем?

— Да хоть о тебе, в конце-то концов! Ты живешь у нас почти месяц, а я ровным счетом ничего о тебе не знаю. Не разговариваешь ни с кем, только работаешь или сидишь где-нибудь молча часами. Ты будто живешь в своем мире, в котором тебе никто не нужен. Пойми, люди не доверяют тебе только потому, что ты пришел из вражеских лагерей. Если бы ты хоть немного открылся, дал им увидеть себя настоящего, они бы приняли тебя. Но ты даже не пытаешься. Вот скажи, ты считаешь нас врагами?

Глоддрик молчал.

— А меня? Я тебе враг?

— Нет, Аста.

— Тогда откройся хотя бы мне. Все, что я о тебе слышала — это грязные слухи и сплетни.

— Что ты хочешь от меня узнать? — Глоддрика уже начинал выводить из себя этот разговор, но, помня, чем он обязан этой девушке, он старался быть учтив, как умел.

— Скажи, у тебя есть семья? — Аста, подперев кулачком подбородок, глядела на него с ожиданием, — родные, близкие?

— Брат. Младший.

— М-м-м... А где он сейчас?

Глоддрик с полминуты буравил взглядом потолок, точно пытался найти брата среди гнилых досок и паутины.

— В Силгоре. Столице Аргои.

— Он тоже служит в армии?

— Нет. Он писатель.

— Как зовут-то его?

— Ревриан. Он взял себе фамилию Гувер.

— Неужто? Да быть не может! — воскликнула Аста, — твой брат — тот самый Ревриан Гувер? Да даже здесь, на Севере, о нем многие знают. Я слышала, он собирается посетить Север и написать книгу о войне. Как он?

— Не знаю. Мы не виделись почти двадцать лет.

— А, — усиленно соображая, что сказать, Аста вдруг спросила, — ну, а тебя на родине-то ждет кто? Женщина есть?

— Была...

— Не дождалась?

— Умерла.

— Сочувствую, — Асте вконец стало неловко, — надеюсь, в Йорхэне она счастлива.

Глоддрик безмолвствовал. Аста приготовилась извиниться за свою навязчивость, как вдруг ганраец ее опередил неожиданным вопросом:

— Аста, к чему ты стремишься? Чем хочешь жить?

— Ну, — теребя подол сарафана, северянка рассудила, — как у большинства, полагаю.

Выйти замуж, растить детей, прожить безмятежную, однообразную, но счастливую жизнь на родине, — Глодрик одобрительно кивнул, хотя его лицо оставалось каменно-спокойным, — знаешь, я хотела бы посвятить жизнь помощи людям. Лечить их, роды принимать, не знаю... Помогать найти связь с высшими силами.

— Стать друидкой?

— Ну, должен же кто-то в деревне этим заняться, когда деда не станет.

— Ясно.

— А что насчет тебя, Глодрик? Что важнее всего для тебя?

— Союз, — без раздумий ответил тот, кого вся деревня почитала за богомерзкого человека, — и люди, живущие в нем.

— В том числе и мы, северяне?

— Я сказал, все его жители.

— И ради этого ты пришел сражаться с нами. Ради будущего Союза, — ее подмывало желание сказать, что северяне выбрали свое будущее сами, а заставлять их оставаться в Союзе — насилие чистой воды, но передумала — она хотела понять Глодрика, а не навязать ему свои мнения.

— Суть Союза в единстве, — ответил Глодрик, — по одиночке нас перебьют те же равшары. Если сами не перережем друг другу глотки.

— Подумаешь, равшары! Этих голодранцев даже самый хилый сын Севера положит с сотню.

Глодрик уставился на нее мигающим взглядом, что мгновенно протрезвило девушку от всплеска бурных фантазий.

— Надеюсь, тебе никогда не придется узнать этих голодранцев по-настоящему.

Аста потупила взгляд. Она оставила все надежды, что сумеет пробить брешь в толстой коже этого человека. Возможно, некоторым людям не дано пускать других в свою душу — пришла в голову ей мысль. Ее сердце обливалось кровью от одного взгляда на него.

Глодрика распирало желание рассказать ей все. Поведать о том, как он воевал с равшарами, как попал к ним в плен. О том, что ради своего спасения, ему пришлось связаться с темной силой подземелий Азрога, что сделало его раз и навсегда Ганрайским Демоном, красноглазым альбиносом, лишенным рассудка. Эта сила сделала из добродушного парня, защитника границ своей страны, безумца, которому невыносимо жить без битв. Рассказать о том, что это он убил свою возлюбленную, принес ее в жертву ради безопасности Союза. Что он бросил своего брата, превратившись в Ганрайского Демона, боясь, что навлечет на него несчастья, хотя обещал матери никогда не покидать его. Сказать ей, что он утратил всю веру в себя, отдавшись злему року судьбы — Ганрайскому Демону нет места в мирной жизни. О том, что он мечтает лишь о том, чтобы отдать все последние силы служению Союзу, а затем умереть славной смертью в кровопролитной схватке за будущее своей страны, чтобы потомкам никогда не приходилось брать в руки меч. Сказать о том, что он все бы отдал, чтобы стать таким же, как она и ее соседи, жить безмятежной жизнью.

Но он не решился сказать даже о том, что следующим днем навсегда покинет эти края.

— Отправляйся спать, Аста. Я растоплю печь.

Девушка поплелась стелить, оставив Глодрика предаваться размышлениям о том, насколько он никчемн во всем. Во всем, кроме сражений.

Следующим утром Глоддрик незаметно, пока Аста еще предавалась сну, собирал пожитки в дорожный узел. Воину было не по душе и дальше обременять селян, которые, в большинстве своем, были ему не рады, своим присутствием. Когда же он вскинул перевязь с мечом за спину, с улицы донеслись крики.

Тем временем у хижины старого друида происходил оживленный разговор.

— То есть как — нечем платить? По-твоему, мы все это время вас крышевали бесплатно?

— Да нет же, ребята, приходите хотя бы спустя неделю, и все...

— С нас достаточно пустых слов, старый кусок дерьма! Гони дань — или пожалеешь, что на свет родился.

Щуплая фигура старого северного шамана стояла напротив троих дородных мужей. Один из них, с густой рыжей бородой и в рогатом шлеме носил за спиной двуручный топор, другой же, ниже ростом, но более широкий в плечах, опирался на облезлое древко алебарды, третий же, веснушчатый рыжий молодец, крепко стиснул рукоять кинжала.

— Но из-за войны перекрыты все пути в города! — вскричал друид, — у нас не было ни малейшей возможности вести торговлю, смилуйтесь, господа! Не желаете ли, мы вам отплатим тем, что сумели вырастить?

Рыжебородый ткнул в грудь старика так, что тот едва не упал навзничь.

— Оставьте гребаную еду себе, землепашцы недоделанные. Атаман ясно сказал — он увидит либо кошель, набитый золотом, либо твою седую голову.

Друид поднял посох, но не для того, чтобы волшебной силой уничтожить воров и насильников, а лишь в инстинктивном жесте, пытаясь закрыть голову от возможного удара.

— Вы же тоже люди! Неужели вы так просто возьмете и убьете...

— Заткни пасть, отродье! — веснушчатый пнул ногой старика в грудь, а затем ногой же выбил у упавшего деда из рук посох, — придется-таки его немного укоротить. Хоть какое-то назидание будет этим трутням, в следующий раз...

Договорить он не успел. Из-за плетня показался альбинос с горящими неистовым огнем алыми очами. Спустя мгновение землю обагрила кровь, а мозги юноши растеклись по земле из расколотого надвое черепа. Рыжебородый встрепенулся и снял со спины топор, но увернуться от удара локтем в висок Глоддрику не успел.

— Это ж Ганрайский Демон, — обреченно сказал тот, что с алебардой.

— Вижу я, мать твою! Хоть отомстим ему за смерть короля...

Он с проворством занес топор и ударил по горизонтали, но Глоддрик в последний момент увернулся, перекатившись под топором, после чего, резко вскочив на ноги, насадил врага на свой зазубренный клинок.

— Ах ты ж... — бандит попытался придушить свободной рукой Глоддрику, но тот ударил лбом врага в лицо, расквасив ему нос, после чего развернулся вокруг своей оси и обезглавив бойца, избавил его от боли.

Сзади раздался старческий вскрик. Когда Глоддрик обернулся, он увидел друида, меж лопаток которого торчало острие алебарды. Последний противник хотел подкрасться с тыла — понял Глоддрик. Тот пинком отбросил друида, но вытащить из его тела оружие не успел — Глоддрик зарубил его туловище в мгновение ока.

— Зачем? — спросил Глоддрик, совершенно бесстрастно глядя на умирающего старика, пожертвовавшего собой ради него.

— А мне понравилось... — с угасающей улыбкой просипел старик, — как ты их... не

хотел... чтоб ублюдки снова... победили...

Свет померк в его глазах в присутствии зажавшей рот Асты. Она уже была здесь.

— Нет! — сдавленно вскрикнула она, подбежав к мертвому деду, — нет, нет, нет...

— Аста, — протянул ей руку Глоддрик, но она его оборвала.

— Зачем? — прошептала она, но тут же перешла на истошный вопль, — кто просил тебя вмешиваться?!

Глоддрик молчал. Его и вправду никто не просил.

— Из-за тебя... — Аста давилась всхлипами, — дедушка... Его больше нет!

— Они хотели убить его, Аста.

— Его и убили! Если бы ты не влез со своей жаждой крови, быть может, он был бы жив.

Правду про тебя говорят, Ганрайский Демон, — она впервые назвала Глоддрика так, — ты приносишь лишь смерть и боль. Ни на что другое ты не способен.

Глоддрик, не сводя глаз с ее зареванного и раскрасневшегося лица, кивнул.

— Ты права, Аста. Прими мои соболезнования.

— Засунь свои соболезнования себе в...

— Я понял. Прощай.

Первой мыслью Глоддрика было помочь с похоронами, но по настрою девушки и гулу селян, которые уже столпились вокруг погибшего друида и гневными окриками, проклятиями и оскорблениями провожали Глоддрика, он понял, что такой возможности ему здесь никто не предоставит. Асту в этот момент разрывали противоречивые чувства. Одна часть ее сокрушалась, не могла смириться с потерей единственного близкого человека и хотела обвинить во всем Глоддрика, другая же — страстно желала догнать воина, молить о прощении, броситься ему на шею и разрыдаться. Сделай она это — Глоддрик бы, возможно, захотел остаться в селении, жениться на ней. Защищать местных от головорезов. Но этого так и не случилось. Она по-прежнему заливалась слезами и то гневно, то с печалью глядела вслед удаляющемуся ганрайцу. Вместе со старым друидом вскоре были похоронены последние надежды Глоддрика Харлауда на мирную, спокойную и оседлую жизнь.

Если у Севера и было время благоденствия, оно прошло. Разрозненные кланы теснились в предгорьях, в куцах деревнях, которые окружали полуразвалившуюся крепость города Балнор. Почти все занимались разведением овец и коз, земледелие на Севере было не в почете, поскольку земля здесь была бесплодна, а почва встречалась в один квадратный метр на широкое поля сырой глины или сухого гравия у подножия скал. Провизию сюда завозили с земель Аргои, купцы по настоянию недавно погибшего казначея Монсерада заламывали неподъемные для бедных жителей Севера цены, однако те платили исправно вместе с налогами и поборами в казну Эанрила. Многие с ностальгией вспоминали девяностые годы прошлого столетия, когда сыны Драконовых Гор осмелились заявить о своем праве на независимость. Грор Свободолюбец умел складно и красиво говорить, его речи лились словно животворящие струи горного ключа, поившего веками голодающих северян. Они верили в его идеи о том, что суровый горный народ может силой выбить из рук аргойских угнетателей свободу. Вот только за это вольный народ жестоко поплатился. Грор Свободолюбец стараниями Глоддрика Ганрайского Демона уже давно кормил червей, а те, кто пережили войну, теперь влачили жалкое существование в обветшалых стенах крепостей своей родины. Старый король, что правил еще до Свободолюбца и был почти ровесник Ганзарулу Второму, великому правителю 17-го века, доживал последние дни в этом мире.

Монарху исполнилось девяносто пять в прошлом месяце, и он в последнее время даже не мог раскрыть рот, чтобы его покормили с ложки, не говоря уже о том, чтобы править страной и внушить надежду отчаявшимся и оголодавшим оборванцам — своим сынам и дочерям.

За старым и больным королем ухаживала друидка — Аста. Для ведуньи она была весьма молода, через несколько лет Асте должно было перевалить за сорок, однако она была столь же красива, как в юные годы. Благодушная улыбка на ее остром и белокожем лице и волнистые пряди волос, заплетенные в косы длиной до пояса, будоражили умы и сердца многих суровых бородачей в кольчугах, стоявших на страже ветхой крепости, в которой жил король. Аста делала старику травяные компрессы и чай, кормила его с ложки и даже убаюкивала его своим пением. Ради того, чтобы иметь возможность каждый вечер внимать пению ее мягкого голоса воины были готовы сражаться друг с другом до последней капли крови. Но у друидки жизнь состояла из одного дела — заботы о своем народе. Когда король забывался десятым сном или его можно было оставить на попечение сиделки — горничной четырнадцати лет от роду, Аста спускалась в деревни, где из-за разбушевавшейся холеры многие крестьяне ждали ее, не гася факелы с вечера до самого рассвета. Но умы людей были заняты куда более серьезными опасениями, чем мысли о холере, косившей людей поколение за поколением. Недолгое время спустя день, когда все прослышали о том, что Многогогий Заргул жив и во плоти предстал перед собравшимся двором короля Союза, многие стали точить оружие и готовиться к войне. Но лучшие воины, берсерки, давно покинули родные края, никто не знал, что они отправились служить врагу всех народов и покорились воле вождя народа красноголовых. Оставались хлипкие отроки, едва удерживавшие тяжелые копья и топоры в своих тонких руках, мужичье, которое не знало другого оружия, кроме плуга и косы, и старики, помнящие войну, но давно уже выбывшие из рядов яростных бичей Драконовых Гор. Недавно слуги Заргула дали о себе знать. Пришло с пятнадцать мускулистых и окрашенных в боевую роспись воинов-берсерков, которых вело умертвие, северянин со сгнившей плотью, сквозь которую проглядывали еще не лопнувшие сухожилия, высохшие кровеносные сосуды и потемневшие кости. Его глаза сверкали алым светом. Хриплый, еле слышный голос его приказал открыть ворота во внутренний городок крепости Балнора. Один из берсерков, чернобородый и ростом достигавший почти два метра, изложил требования Заргула к жителям столицы Севера сложить оружие и предоставить его слугам занять Балнор и сделать его протекторатом Азроговой империи. Беседа происходила у ворот в крепость, люди же попрятались по домам — лишь бы не видеть ожившего мертвеца. Дети долго не могли забыть его гнилое и рваное лицо, зубы, что выглядывали сквозь продырявленные и изорванные щеки, лицо зомби снилось некоторым из них в ночных кошмарах до конца жизни. Никто из королевского двора не решался им возразить, воцарилось длительное молчание, слуги короля, не имевшего понятия о том, кто он есть, Аста собралась с духом и решила сдаться, но умертвие, еле шевеля губами, молвило:

— Три дня... Мы придем... Откажетесь... Умрете...

Предатели своей родины ушли за мертвым предводителем, оставив беззащитных жителей крепости, в давние годы бывшей их домом, в мятежных и тревожных размышлениях. Прислуга старалась молчать, стражи же ратовали за бой, уверяя, что их сил хватит, чтобы одолеть приспешников зла, но советник короля, который по факту последнее время правил страной, Хагайорн, по совместительству начальник стражи, был иного мнения. Невысокий, тщедушный, он даже не был способен отрастить бороду, достойную воина, лишь

жиденская козлиная бородка еще отмечала его непринадлежность к прекрасному полу. Своим изворотливым и пытливым умом он добился расположения короля, когда тот еще мог что-то соображать, прибрал к рукам все торговые связи с остальным Союзом, теперь же он имел под собой весь Север.

— Разумнее всего будет предоставить сильному воспользоваться полагающимися ему правами, — рассудительно говорил он, расхаживая по коридору возле тронной залы, — берсерки — безжалостные убийцы, они выпотрошат всех, кто выйдет против них, к тому же, мы не знаем истинного их числа. Возможно, если мы будем покорными, то нас оставят при тех же правах. В конце концов, какая разница, будет здесь висеть флаг северян или Многорогого?

Воины поежились, храня молчание, им было крайне затруднительно выразить согласие с этими словами, признав себя трусами и изменив законам воинской чести, но братья за заведомо проигрышное сражение им теперь было боязно. Время храбриться прошло. Возле двери стоял молодой паж семнадцати лет, который держал горящую свечу. Не выдержав, он швырнул подсвечник о каменный пол и рванулся к Хагайорну:

— Когда ты променял свою родину на раболепие? — воскликнул юноша, — а вы, храбрые мужи, почему не восстали против его предательских речей? Да он готов демонам Азрога служить, лишь бы шкуру свою спасти!

Кто-то потянулся было за рукоятью меча, другой крепче сжал копье, но никто из воинов не сдвинулся с места. Парень, единственный, кто вел себя подобно настоящему мужчине и защитнику родины, собрался заговорить снова, но Аста положила ему на плечо руку и, глядя в глаза, помотала головой, мол, остынь, паренек, все равно этим ничего не сделаешь. Вдруг вбежала служанка, испуганно вытаращив глаза, она скороговоркой доложила:

— У врат крепости гости из дальних земель. Говорят, что они послы короля Аргои.

Аста, закусив губу и нервно теребя воротник, шепотом сказала:

— Многовато послов для сегодня...

Когда она подошла к окну, то среди косых хижин, из которых люди старались не выходить, возле кузницы, мастер которой единственный осмелился остаться на открытом воздухе, работая над креплениями шлема, стояло двое чужеземцев. Возрастной человек, одетый так же, как остальные жители Севера, в меховой куртке, мешковатых штанах, ржавой кирасе и двуручным топором за спиной, волос на его голове почти не осталось, но плешь компенсировала кустистая борода, достававшая ему до груди. Был с ним темнокожий и бритоголовый священнослужитель, перебиравший четки в руке, перепоясанный обвешанной метательными ножами веревкой, что так контрастировала с монашеским одеянием.

— Да ну, неужто это Краух Гримбла? А вот что за чернозадый с ним — без понятия. Отворяйте ворота, — сказал Хагайорн, — вот это задача...

— Что, Хагайорн? Трудно впустить гостей во дворец? — издевательски осклабилась Аста.

Регент проигнорировал ее непочтение.

— Трудно понять, на кого сделать ставку.

В это тяжелое время Север находился в руках человека, которому было глубоко плевать на будущее родины, как и всего остального мира, лишь бы в этом будущем для него самого нашлось сытное и безопасное место. Врата открыли стражи и пригласили гостей в замок.

Гримбла с болью в глазах оглядывал этот город, узнавая места, в которых он рос. Север

минувших времен представлялся ему сияющим градом на холме, освещенным солнцем со всех сторон, обросший сочной травой, усеянный уютными и крепкими домами. Теперь же развалившиеся хибары, голая земля, которая давно уже не в состоянии накормить местных, люди, потерявшие веру в жизнь и свою страну. Слезы наворачивались на глазах старого воина. Не за такой Север он воевал, проливал кровь и рискнул выйти супротив друга своей юности, Глоддрика Харлауда. Шаабан же был преисполнен невозмутимости, но в лице монаха читалось искреннее сочувствия людям другого цвета кожи и чуждой ему веры, но которых он считал своими братьями и сестрами. Шаабан и Гримбла проследовали в тронную залу, трон, сколоченный из грубо отесанных бревен сосны, пустовал. На одном из дубовых столов сидел регент, которого Гримбла сразу же узнал. Кроме него и Асты здесь никого не было, стража и прислуга сновали по коридорам.

— Хагайорн, — скривился Гримбла, желая сплюнуть, но не смея осквернять священное для него место, — скользкий же ты гад, раз тебя до сих пор не повесили на суку. Север таких, как ты, не любит.

Мужчина развел руками:

— Обратимся к фактам — я регент короля и правлю Севером от его имени, а ты, Краух Гримбла, кто? За пятнадцать лет твоего отсутствия о тебе позабыли. Пока ты шатался неизвестно где, я строил страну заново, разгребая ту кашу, которую вы со Свободолюбцем заварили. Ты причинил родине столько боли, бросил ее, а теперь смеешь судить, кого ей любить, а кого — нет? Как же ты жалок.

— Еще одно слово, щенок, и твое тощее тело полетит с бастиона, — оскалил неровные и гнилые зубы Гримбла, — я бил равшаров, когда ты еще не родился. А ты и меч-то небось не с того конца берешь.

Хагайорн презрительно усмехнулся:

— А ты горазд меряться яйцами, Гримбла. Старый, а ума не нажил.

— В отличие от тебя мне есть, чем меряться, сосунок.

Шаабан поднял руку, призывая своего спутника замолчать:

— Оставь это. Ни к чему ссориться с ближними, особенно в столь тяжелое время.

— Его ближние в овраге волка доедают! — рявкнул Гримбла.

— Так вы по делу пришли или оскорблять меня? — терял терпение Хагайорн, — если второе — я прикажу страже выпроводить вас.

— Спокойно, — сказал Шаабан, — на этой славной земле, родине храбрецов, мы представляем Союз и от его лица прибыли, чтобы убедиться в готовности народа Севера оказать незаменимую поддержку в борьбе с воинством Заргула.

Хагайорн кивнул, дескать, так я и думал.

— Каковы шансы на то, что вы можете обеспечить нам защиту?

— Обеспечить вам? — опешил Гримбла, — речь идет о войне за мир, дурак!

— Откуда у Заргула, даже если он и правда жив, такие возможности, чтобы воевать со всеми подряд?

— Если ты считаешь предания старины, то убедишься, что ему хватало сил воевать с объединившимися народами еще во времена, когда те, кого мы приняли за божеств, ходили по земле.

— У нас свои божества, монах, — ответил Хагайорн, — видите ли, господ, к нам уже приходил нехилый отряд берсерков, которые требовали покориться Заргулу. Я сильно сомневаюсь, что вы двое можете гарантировать безопасность от его слуг. Рисковать

жизнями стражи я не позволю.

Гримбла, брызжа слюнями, взревел, от его крика Аста болезненно сморщилась:

— Трусливый мудила! А ты в курсе, что когда сюда придут горхолды, из вас всех сделают рабов, вкалывающих на его шахтах, в его кузнях? Ты готов обречь Север на медленное вымирание, лишь бы сберечь свою гребаную шкуру!

— Думай, что хочешь, можешь и дальше меня оскорблять — ничего, я потерплю. Воинов моих ты не увидишь, пока я не буду убежден в безопасности себя и своего народа.

— Скользкий гад! — сказал Гримбла и уже был готов выхватить топор, но Шаабан одернул его.

— Стой! Если мы начнем убивать друг друга, то лишь упростим Заргулу задачу, — переведя взгляд на Хагайорна, он продолжил, — мы услышали твою позицию, регент. согласишься ли ты на определенное условие?

Хагайорн подобрался, встал и отряхнул меховой плащ:

— Кажется, с тобой можно вести конструктивный диалог, человек с юга. Что же ты хочешь нам предложить?

— Я и Гримбла готовы в одиночку выйти на защиту жителей крепости, — лицо Гримблы вытянулось при этих словах темнокожего монаха, — и если мы сумеем отстоять вашу свободу, то северяне прислушаются к зову Союза.

Аста с восхищением глядела на этих мужчин, втайне вопрошая судьбу, почему Севером заправляют не такие отважные люди, как Гримбла и этот клириец.

— А если вас убьют? — спросил Хагайорн.

— Тогда делайте, как считаете нужным. Нам будет уже все равно, — ответил Гримбла.

Хагайорн пожал плечами и направился к выходу:

— Что ж, глупо отказываться от предложение, которое может выгореть. Что ж, вы сами взяли на себя эту задачу, так что не вините меня.

Когда за ним затворились двери, Гримбла прошипел:

— Вот же кусок говна. Прости, я знаю, что при даме непозволительно так сквернословить, но меня коробит от одного вида этого человека.

— Не стоит переживать, — отмахнулась Аста, — женщина, выросшая на Севере, привыкла к брани так же, как к восходу и заходу солнца. Скажите, Заргул правда так опасен, как говорят?

Шаабан горестно кивнул:

— Мир лишь единожды сталкивался с таким потрясением.

— Но ведь у Ранкора есть шансы на победу! Горхолды не смогут побить весь мир, ведь так?

Шаабан, перебирая четки, ответил:

— Вопрос лишь в том, удастся ли народам объединиться. Архимаг Йоши-Року заручился поддержкой хаглорианцев, Глодрик Харлауд проводил переговоры со скиарлами и равшарами, даже варваров пустошей удалось...

— Глодрик? — взволнованно произнесла Аста знакомое имя.

— Знакома с ним, что ль? — с лету угадал Гримбла.

— Самую малость, — историю своей юности друидка вспоминать не хотела, хотя образ залитого кровью альбиноса с единственным красным глазом не выходил у нее из головы уже пятнадцать лет.

Шаабан продолжал:

— Остался Звездный Град. Глоддрик, Архимаг Йоши-Року и брат короля — Эрлинггай Львиный Рёв, скорее всего, уже там и рассказывают царице Хинарее о грозящей миру опасности. Нам же поручили Север.

— Ясно. Я бы рада вас обнадежить, но, боюсь, от моего голоса вряд ли многое зависит. Мой дед был друидом и обучил многому, но я не умею использовать магию в бою — лишь для того, чтобы исцелять других.

Шаабан тепло улыбнулся и похлопал женщину по плечу:

— Поверь, сестра, на таких, как ты, мир и держится. Война и разрушение противны человеческому естеству. Но иногда, в редких случаях, хорошие бойцы могут и пригодиться. Не переживай, мы окажем достойную встречу захватчикам. Северу ничто не будет угрожать.

— Почему ты так в этом уверен? Вас же всего двое...

— Твоя вера ничего не стоит, если в победе нет сомнений. Но в случае, когда ради веры ты готов выйти в неравный бой и сложить голову, проявляется твое истинное лицо.

Аста молча кивнула. Сжав кулаки, она поклялась, что если будет необходимость, она возьмет оружие и выйдет на бой, зная, что против орды берсерков не продержится и минуты. В отличие от Хагайорна, родину она любила.

Эти несколько дней прошли крайне напряженно. Шаабан предпочитал одиночество, медитируя в заброшенной хижине на окраине города, там же метая ножи в покосившиеся столбы. Гримбла же искал поддержки среди стражи, надеясь с их помощью сместить Хагайорна с поста регента, но безрезультатно — Краух Гримбла у воинов ассоциировался с позорным поражением от войск Аргои, а его исчезновение они воспринимали как проявление трусости, отчего избегали разговоров. Тот юный паж, что призывал взрослых мужей к борьбе, возрадовался прибытию послов и умолял их позволить ему сражаться с ними бок о бок в трудную минуту, но Гримбла отмахивался от него, как от назойливой мухи со словами:

— Толку-то от тебя чуть. Только мешаться будешь, да и помрешь ведь. Поживи еще и не действуй нам на нервы.

Другие же северяне по заведенному годами распорядку провели эти два дня в весьма унылой обстановке, поглощенные рутинной, они оставили право решать вопросы сдачи или сопротивления послам и регенту, того, что их сыновей и мужей не заставили драться с берсерками, людям было уже достаточно. Гримблу и Шаабана к королю не пускали, узнав о том, что Хагайорн воспользовался впадением в маразм короля и прибрал власть к рукам, Гримбла поклялся памятью Свободолюбца, что не позволит долго удерживать власть столь недостойному человеку. На четвертый день с момента прибытия послов из Союза, берсерки вернулись в том же количестве. Мертвое тело Шальерна, до сих пор поддерживаемое некромантией, пустым взглядом красных глаз смотрело, как открываются ворота и выходит плешивый и бородатый мужчина зрелого возраста. За плечом он нес двуручный топор. По сравнению с двухметровыми мускулистыми берсерками, Гримбла, не вышедший ростом, сильно сдавший и обрюзгший, казался слабаком.

— Сдаетесь... или смерть... ваш... выбор... — прошелестел он хриплым голосом, от которого продрог даже Гримбла, переживший войну с равшарами.

— Наверх только не смотрите, — ответил Гримбла.

Разумеется, после этих слов многие берсерки взглянули на парапет первого этажа, над которым возвышалась крепостная стена, усеянная зубьями. С парапета в воздух взмыло что-

то желтое, блеснула сталь, и это было последним, что продавшие души Заргулу сыны Севера увидели в своей жизни. Спустя мгновение у пятерых из пятнадцати в плотках и груди торчали метательные ножи, обливаясь кровью, гигантских размеров воины валились наземь. Их стальные мускулы вздувались, когда берсерки бились в предсмертных конвульсиях. Не давая врагу возможности опомниться, Гримбла, выхватил топор и со всего размаху заехал лезвием мертвецу по скуле. Метил он в шею, стремясь обезглавить врага, зомби собрался подсесть под удар, но с годами Гримбла не растерял сноровку, атака была слишком быстрой — и вот теперь голова врага была повернута на 180 градусов с тошнотворным хрустом, а Шальерна отбросило на два шага назад. С тем же хрустом он вправил голову на положенное место. Гримбла развил атаку и ударил снизу вверх восходящим ударом, целя в подбородок, но твердой рукой Шальерн перехватил древко, рванул топор на себя, но Гримбла держался крепко, вырвать оружие не удалось. Шальерн попытался боднуть лбом Гримблу, разбив ему лицо, но тот вовремя уклонился, дернувшись вперед, поставил зомби подножку и с разбегу врезался в грудь супостата плечом, отчего тот был опрокинут на спину. Следующим ударом он намеревался отсечь голову зомби, но тот выставил на защиту руку, которая приняла на себя силу удара и была отсечена начисто, ногой пнул Гримблу по щиколоткам, отчего тот потерял равновесие и рухнул набок. Кулаком Гримбла получил в лицо, отчего нос его оказался расквашен, затем зомби принялся душить старого северянина. Как тот ни бил Шальерна по рукам, ни лягался — хватка умертвия была стальной.

Шаабан тем временем в одиночку дрался против десятерых оставшихся берсерков. Вот один из них, мускулистый, но в то же время и оплывший жиром рыжебородый воин ударил палицей, шипы которой пролетели в двух сантиметрах от темени Шаабана.

— Черномазая собака! — выпалил он и приготовился занести булаву снова, но со смертоносной скоростью нанесенная серия ножевых уколов в брюхо его урезонили.

Трое бойцов обрушили свои мечи на монаха, но он ловко вспрыгнул в воздух, сделав сальто, он двоим из них перерезал горло своими кинжалами, а третий, едва успев обернуться к приземлившемуся монаху, заметил, что в его сердце вонзен кинжал. Схватка с чернобородым, высоким и жилистым воином, орудовавшим двумя топорами, оказалась куда более сложной, враг обладал сноровкой и не самой плохой техникой боя. Ножи Шаабана мелькали, как серебряные мотыльки, но тот не подпускал монаха ближе расстояния древка топора, однако и сам не мог попасть по южанину, как ни старался. Но северянин допустил ошибку, не рассчитав силу удара, он, рубанув по вертикали топором, немного подался вперед, но Шаабану этой осечки хватило, чтобы хлестким ударом перерубить сухожилия на его запястье. Топор рухнул на землю, а ударить другим у крепыша не оказалось возможности, Шаабан сократил дистанцию до расстояния, на котором от топора нет никакого толку, в отличие от ножей, что пришлось весьма кстати. В плотку чернобородого врезалось кривое лезвие, вызвав алый фонтан. Оставшиеся пятеро пытались окружить Шаабана, но они были слишком слабы, чтобы продержаться в бою с бывшим мастером Гильдии Ассасинов приличное время. И вот один получил метательный нож в грудь, другой был исколот, а трое вскинули копья, пытаясь насадить Шаабана на их острия, но монах взмыл в воздух, приземлился на наконечники копий, оттолкнулся от них и, обернувшись вокруг своей оси, рассек глотки своим врагам. Когда они, обливаясь потоками крови, опали на землю, монах ринулся на умертвие, что уже почти прикончило неудачливого Гримблу. Еще немного — и оно сломало бы Гримбле шею, если бы Шаабан с разбегу не врезался обеими ногами Шальерну в бок. С кувырком монах вскочил, Гримбла плевался кровью и

судорожно вздыхал, восстанавливая дыхание, зомби медленно вставал, но подняться ему не дали возможности. Шаабан отбросил ножи, ногой подбросил двуручный топор Гримблы, схватил его на лету и с разворота, круговым ударом снес голову мертвеца с плеч. Обезглавленный воскрешенный северянин с шипением начал осыпаться в прах, из крошащегося тела шли клубы едкого дыма.

— Слишком грубое и неповоротливое оружие для меня, — сделал вывод Шаабан, критически осматривая топор, — но в твердой руке обретает поистине разрушительную силу. Ты как, друг?

Гримбла, харкаясь и отряхиваясь, поднялся на ноги.

— Жить буду, наверное.

Краем глаза Шаабан увидел мальчика лет двенадцати, что нес в руках тяжелый мешочек, набитый чем-то звенящим. Стриженный под горшок, исхудавший ребенок протягивал монаху кошель с монетами.

— Оставь, сын мой, — опустил клириец на колено, легким жестом отклонив приношение, — не ради богатства мы сражались. Ради мира. Мне искренне жаль, что кроме вражеских трупов мне нечем порадовать тебя и твою семью.

— Вы дали нам то, чего мы не знали последние годы. Веру в то, что мы под защитой, — это сказала светловолосая девочка лет пятнадцати, одетая в рваный сарафан, она подошла и обняла за плечи своего младшего брата.

Она смотрела на монаха и воина с восхищением.

— Это меньше из того, что я хотел бы вам предложить, — ответил Шаабан.

На следующий день умер король. Аста, к своему стыду, обнаружила, что не ощутила при этом ничего, кроме облегчения. Но и старика жалеть, по ее мнению, не стоило, правитель Севера прожил долгую и достойную жизнь, теперь же он покинул старое и пришедшее в негодность тело, устремившись в неизведанные просторы иных измерений. Стража, измученная стыдом от осознания того, что два человека за них исполнили священный долг защищать родные края и стены, избрала своим лидером Гримблу. Шаабана же похвала обошла стороной, северяне были благодарны ему, но никогда не признали бы главенство южанина, поскольку для них он был навсегда чужой. Вскоре Гримблу по обычаю воины избрали новым королем, поскольку у почившего монарха наследников не осталось. Аста присутствовала на коронации и, как единственная священнослужительница и блюстительница веры и обычаев северян, благословила его на долгое и славное правление. Хагайорн противиться воле судьбы не думал — он был подобен флюгеру и легко вращался согласно дуновению ветра. Гримбла и Шаабан могли с уверенностью сказать, что задача их была выполнена, так или иначе Север теперь встанет на защиту Ранкора и никогда не падет ниц перед гобеленами Заргула.

Глава 26: «Укрощение строптивой»

Звездный Град по праву считался самой нетипичной областью обозримого Ранкора. Огромная скала о пяти концах возвышалась над морскими просторами, волны веками выбили в подножии гор гроты, возле которых ютились корабли крылатого народа. На самой же скале были разбросаны цитадели подобно гнездам, соединены они не были ничем, крылатому народу лестницы или мосты были без надобности. На путях от одной крепостной постройки к другой сновали летающие фигуры флорскелов. Строения не были оснащены противоосадными орудиями, да и ворота, как и стены, не отличались прочностью. Но чего было не занимать флорскелам — это стремлению к роскоши и изяществу. Все стены крепостей были украшены позолоченными рисунками, в которых были отчеканены величавые птицы и драконы, с которыми себя ассоциировали гордые жители Звездного Града. Обилие драгоценных камней, инкрустированных в стены, поражало глаза путников из других краев, привыкших к бедности и простоте в архитектуре. На вершине горы, во впадине, что находилась между двумя пиками скалы, находился крупнейший дворец, в котором жила царица Хинарея Бесстрашная. Сложенный из мрамора, изукрашенного позолотой и россыпями обработанных искуснейшими ювелирами камней, дворец покрывал купол, представлявший собой мозаику из скрепленных кусков стекла разного цвета, которые представляли собой изображение летящего с воодушевленным видом Гартхаэла Громовержца — первого царя крылатого народа, того, что осмелился бросить вызов этой неприступной скале и покорить ее, построив здесь первое жилище — хлипкую лачугу, на месте которой сейчас возвышался дворец, выстроенный в его честь.

Это великолепие произвело разное впечатление на странников, прибывших к расписанным самоцветными рисунками двух парящих орлов врат дворца Хинареи. Йоши-Року, родившийся столетия назад в сокрытой в дремучем лесу деревне — скоплении землянок, плетеных из веток, корней и лиан, относился к вычурности жилищ флорскелов со снисходительным безразличием. Взглянув на отражающую солнечные лучи в своем блеске золоченые и украшенные ониксовыми пластинами стены, видел хаглорианец лишь проходящую красоту, которую время неизбежно разрушит. Это было сравнимо, по мнению мага, с женской красотой, которая позволяет обладательницам в самые юные годы побуждать мужчин на безумства, но с такой же стремительной силой увядает с годами, с песчаными замками, что любила лепить на морском берегу ребячьи в Клирии, которые могли быть красивее многих произведений именитых скульпторов, но неумолимо омывались волнами, после чего рассыпались в обычную кучу намоченного песка. Думая о волнах, Йоши вспомнил о надвигающейся войне, которая может в один прилив смести все, в том числе эти художества флорскелов, и не оставить живого места. Эрлинггай видел в этом буйстве красот безвкусицу и одержимое желание крылатых показать свое могущество, выставив на всеобщее обозрение богатства. Глоддрика раздражал слепящий его единственный глаз блеск, отражаемый позолотой от солнечных лучей, морщась, он критическим взором оглядывал эти дворцы с презрением качал головой, видя, насколько слабы стены флорскелов. Глоддрику подумалось, что при большом желании Союзная армия могла бы взять эти стены на приступ, даже будучи измотанной многочасовым лазаньем в гору. Алагар же ощутил прилив того самого праведного гнева, который привел его к созданию Братства Уравнителей. Вспоминая обмазанные грязью трущобы аргойских и ганрайских бедняков, он с ненавистью взирал на

хоромы крылатого народа, погрязшего в мании величия. На миг ему подумалось после войны собрать вновь сторонников, чтобы реквизировать имущество крылатых, чахнувших над богатством подобно спящему дракону, и раздать его жителям Союза, которым порой не хватало денег даже на еду. Вот их впустили во дворец, изнутри стены, уставленные золочеными подсвечниками, были обиты перламутром, а мозаичный пол уставлен плитками всех цветов оникса, малахита, мрамора и остальных благородных пород камней. Встретил их крылатый церемониймейстер — стройный и седовласый флорскел пожилого вида, одетый в фиолетового цвета мантию, вышитую золотой нитью в виде рисунков переплетающихся ветвей цветущей яблони, на которой сидели сверкающие птицы, шитые нитью серебряного цвета. Лицо его было худо, вытянуто, обрамлено зачесанными назад длинными седыми волосами. Благородные черты его лица несколько отстраненно, как подобает склонным к высокомерию и снобизму, расплылось в фальшивой улыбке, однако в виде старого крылатого мага было зримо неподдельное уважение к мастеру и его спутникам.

— Мастер Йоши! — старик, продолжая парить в воздухе, отвесил церемониальный поклон, — что привело тебя и этих благородных людей в столь неожиданный час?

Эрлингай из почтения поклонился, Глоддрик коротко кивнул, Алагар же демонстративно воздержался от приветственных жестов. Йоши кивнул своему бывшему ученику и ответил:

— Урандалл, друг мой. Подозреваю, что ваш славный народ еще не омрачили своим прибытием послы из далеких земель Азрога.

Урандалл сдвинул брови и с напряжением в голосе, словно готовился отразить чье-то нападение, ответил:

— Последние годы покой моих родичей никем не был нарушен. Однако до нас дошли вести о возвращении давно забытого всеми врага.

— И вы предпочли отсидеться в своих дворцах, пока другие будут бороться, как я вижу, — сказал Алагар.

Глоддрик дернулся в его сторону и собрался одернуть, хотя понимал, что в своих обвинениях красноволосый был близок к правде.

— А ты так и не научился почтению, — с насмешкой сказал Урандалл, — я до сих пор не возьму в толк, почему мастер не вышвырнул тебя за порог за дерзость еще в первые дни ученичества.

Глоддрик с отвращением оскалился и процедил сквозь зубы:

— Как базарные бабы!

Ганрайский Демон шагнул вперед и обратился к послу, прищурился единственным глазом во взгляде вверх:

— Ты знаешь, зачем мы здесь. Веди к Хинарее.

— Если Ее Величество не слишком занята, разумеется, — учтиво добавил Йоши.

Урандалл кивнул и велел следовать за ним. Он взлетел вверх и дождался, пока все не поднимется по винтовой лестнице. Перед входом в тронную залу придворный маг предостерег:

— Боюсь, царица не сильно настроена на сотрудничество. Так что не ждите слишком многого от этих переговоров.

— А мы ее спрашивать не будем, — твердо ответил Глоддрик.

Тронная зала была обставлена не менее вычурно, чем холл на нижнем этаже. Вот только

эмблемы королевского рода, сцены, изображающие исторические события, к примеру, Гартхаэла Громовержца и Ранкора Несокрушимого, стоящих на земляном валу, держащих копье и меч и с вызовом смотрящих в лицам врагам, были изображены на стенах в виде рисунков из мелких самоцветов, идеально ограненных мастерами ювелирного дела. Йоши-Року прижал руку к сердцу и поклонился рисунку зеленоволосой девы в рваном платье на стене:

— Да поможет нам всем Анлариэль, — сказал он.

Хинарея восседала на троне. Массивное позолоченное кресло, усеянное рубинами, сапфирами и изумрудами, уставленное бархатными пуховыми подушками, было слишком велико для хрупкой крылатой девушки. Ее бледная кожа, острое лицо, выражавшее некоторую благородную отрешенность, как у мученицы, но вместе с тем и горделивость, присущую степному орлу, высматривающему добычу в поле, зеленые глаза с кошачьими зрачками, черные волосы, перевязанные широкой лентой из золотистого шелка, были зачесаны назад. Одея царца была очень просто — в противовес окружающей обстановке, в кожаную куртку с множеством карманов, обтягивающие брюки из сукна, окрашенного в коричневый цвет, берцы, более подходящие для рядового, чем для молодой царицы. Ни скипетра, ни короны на ней не было, казалось, будто это несущая караул стражница в отсутствие настоящего правителя осмелилась присесть на трон и почувствовать себя особой королевской крови. Украшали ее нежные на ощупь крылья, которые были цветом точь-в-точь как скорлупа жемчужной раковины. С достоинством глядя на приближавшихся к ее трону, она молвила:

— Гости из дальних земель? — перекинув ногу на ногу, она добавила, — что ж, флорскелы всегда готовы выслушать тех, кто в этом нуждается.

Даже эту фразу она произнесла с гордо поднятым хрупким подбородком, пытаясь доказать скорее самой себе, что она нужна этим людям больше, чем они — ей и ее народу. Алагар по настоянию своего учителя не двинулся в тронную, оставшись изучать окрестности дворца — скопления почти так же украшенных изразцами поместий именитых семей крылатого народа, что, в отличие от бедных, ютившихся у подножия, взгромоздились на вершину скалы. Мастер боялся, что Алагар, в душе которого горел огонь страсти к борьбе со всем, что ему казалось проявлениями зла, что бывший наставник Братства Уравнителей своими резкими и громкими речами с успешностью сделает Хинарею недругом как самим парламентарам, так и альянсу, который они представляли и в который хотели пригласить крылатый народ.

Йоши поклонился Хинарее и, пожелав ей счастливых лет правления, кратко изложил историю о том, как Заргул ворвался на пиршество в честь помолвки принцессы Аргои, убил казначея и потребовал от Союза покориться своей воле и предоставить свои земли и людей в полное распоряжение Азрога. Глодрик отчаянно желал, чтобы нудная, по его мнению, речь Архимага скорее кончилась и можно было бы задать правительнице крылатых конкретный вопрос о том, готова ли она присоединиться ко всеранкорскому альянсу. Эрлинггай же, наоборот, следил за мимикой царицы, ее реакцией, с сожалением он сделал вывод, что ее насмешливо-скептическое выражение лица будто говорило: «Вот и вся ваша суть, дорогие соседи — являетесь лишь тогда, когда вам что-то надобно от моего народа, но сами и палец о палец ради нас не ударили!». Когда Архимаг Йоши закончил и осведомился о готовности Хинареи вступить в альянс, она покачала головой и с недоверчивой ухмылкой сказала:

— А в чем смысл создания альянса? Я так поняла, что Союз хочет подтянуть к своим

землям побольше воинства за чужой счет, чтобы, прикрывшись остальными, спасти свои земли и богатства.

Йоши глядел на нее, как на пустоголовую и безнадежную дуру, которая совершенно незаслуженно занимает столь высокий пост и снисходительно разъяснил:

— Если Ваше Величество заметили, ваш покорный слуга родом из Хаглоры. Также Вашему Величеству должно быть известно, что родина хаглорианцев не является колонией Союза людских царств, следовательно, у меня нет никаких причин отстаивать интересы непосредственно Союза.

— Тогда почему вы, господин Архимаг, явились в сопровождении двоих выходцев из Союза? — ехидно усмехнулась Хинарея, — быть может, вас там неплохо прикормили? Конечно, хлеб надо отрабатывать, я понимаю.

И тут Глоддрик вскипел, с хрустом сжал кулаки и рванулся вперед, вбежал по лестнице к трону и навис над бедной крылатой девушкой, в исступлении вжавшейся в свой трон. Она на миг съежилась, как побитая собака, будто ждала удара, но тут же оправилась и с деланным достоинством взглянула Глоддрику в его горящий гневом алый глаз, искаженное гневом лицо, на котором прорезались года в виде морщин и, вытянув голову, с деланой улыбкой ждала, что он скажет:

— Если вы нас кинете, — едва ли не с рычанием оскалив зубы Глоддрик наклонился, ухватившись руками за подлокотники и смотрел на Хинарею в упор, — горхолды нанесут тебе, безмозглая курица, личный визит. Хочешь, чтобы из кожи с крыльев твоих сородичей делали сапоги для красноголовых? Или думаешь, что окопаетесь на скале — и все будет как надо? Не будет. Ученикам Калтахина Великого пришлось пожертвовать собой, чтобы остановить Заргула. Крутые утесы не спасут твои гребаные дворцы.

Глубоко дыша, она глядела ему в глаза, но не могла и слово молвить. Чувствовала себя Хинарея как дичь, схваченная мертвой хваткой пасти хищника. Парализованная страхом, в одном глазу этого воина ей показались всполыхи адского всежиряющего пламени, десятков битв и гор трупов, которые, подобно огню, привидевшемуся царице флорскелов, сожгли сотни противников и союзников Ганрайского Демона, как и медленно пожирали его человеческое существо.

— Друг мой, Глоддрик, — Архимаг в мгновение ока оказался возле них и похлопал по спине Глоддрика, — не стоит обращаться с правителями подобно с преступниками, коих допрашивают в Гилеарде.

Глава Карательного Отряда отряхнул кольчугу, под которой скрывалась мешковатая рубаха из грубого серого сукна и отошел от Хинареи на два шага:

— Я военный человек. С дипломатией разберетесь сами, — быстрым шагом он удалился из зала и захлопнул за собой дверь с такой силой, что косяк треснул.

Йоши медленно склонил голову, но в этом жесте не было покорности, лишь сожаление: — Приношу глубочайшие извинения за причиненные неудобства. Пойдем, Эрлинггай.

Так они оставили перепуганную и терзаемую сомнениями царицу наедине со своими мыслями. Когда Эрлинггай, уходя, повернулся в ее сторону, она отсутствующим взглядом смотрела себе под ноги и, тихо всхлипывая, утирала слезы.

К вечеру гости порешили, что кто-то из них должен будет снова попытаться убедить Хинарею сотрудничать. Йоши хотел применить магию убеждения и воздействовать на разум юной крылатой девы, но Эрлинггай настоял, чтобы ему дали возможность побеседовать с

царицей флорскелов. Архимаг куда-то телепортировался и не показывался до конца дня в окрестностях этих скал, Алагар же, устав бродить по округе дворца и замечать на себе косые взгляды парящих над головой местных жителей, что было ожидаемо — красноволосый, бледнолицый человек ростом почти в два метра, вооруженный магическим посохом и одетый как бродяга был здесь как темнокожий среди северян. Алагар нашел лаз в одну из пещер в скалах, где провел день до ночи в размышлениях.

Эрлинггай, проходя мимо дворца, заметил, что Хинарея слетела с балкона и, проплыв высоту в сто метров, опустилась в сердце дворцового сада аккуратно рядом с фонтаном, изображавшем расправившего крылья дракона, что выплевывал мощную струю воды вместо потоков пламени. Крылатая дева ходила возле рядов цветущих деревьев и изредка прикасалась своими тонкими пальцами к ветвям, будто хотела проверить, явь это все вокруг или ей снится. Эрлинггаю ничего не стоило зайти на территорию сада и изобразить, что он зашел сюда по позыву собственного интереса и не ожидал встретить молодую царицу.

— Ваше Величество, — сделал широкий круговой жест рукой Эрлинггай в поклоне, — позвольте заметить, что одна эта расцветшая акация возле вас стоит всех сверкающих позолотой дворцов этой земли. Этот сад прекрасен в своем естественном великолепии и мимолетности собственной красоты.

Хинарея слегка улыбнулась и, не глядя на Эрлинггаю, продолжала теребить в руке гибкую молодую ветвь яблоневого дерева.

— Его посадил еще мой дед, а отец на протяжении всей жизни ухаживал за деревьями и цветами, лично их поливая. Жаль, мне не хватает терпения и постоянства. А, может быть, я слишком черства для того, чтобы проникнуться желанием ухаживать за ними?

Рыцарь Аргои промолчал. Хинарея в своем словоизлиянии скорее обращалась к самой себе, чем к нему.

— Я даже о растениях позаботиться не могу, что говорить о подданных, которые каждый день кланяются мне, называют Величеством и готовы отдать жизнь за то, чтобы я продолжала полировать трон своей задницей.

Эрлинггай не собирался ее переубеждать и пытаться вселить веру. Пусть выговорится — думал он. Все равно от своего долга и судьбы ей не уйти. Как и от обязанности не бросить Ранкор в час нужды.

— Ваше Величество Хинарея, — молвил он после непродолжительной паузы, — мне очень жаль, что переговоры прошли столь нескладным образом. Не сердчайте на Глоддрика, он пережил слишком многое для смертного. К тому же, уверен, оскорбить вас на уме у него не было, наш друг слишком беспокоится о судьбе мира, — хотя по факту Глоддрика больше заботила участь Союза, — вот и проявляет такую... настойчивость на переговорах.

— Я заметила, — с горькой усмешкой сказала Хинарея.

Они продолжали наматывать круги вдоль клумб и рощ.

— Известно ли вам о том, что равшары часто нападали на Союзные земли? — не услышав ответа, он решил, что царица ждет продолжения, и развил мысль, — вот только их племена набегали поодиночке, отчего пограничным силам легко удавалось обратить в бегство орды буйных дикарей. Но был среди бесчисленного множества их вождей один, который нашел способ объединить бесконечно враждующие фракции и направить воедино, подобно увеличительному стеклу, что собирает луч солнца и прожигает им дерево, свой народ на земли Ганрая. Я был в те годы слишком мал, чтобы пойти на фронт, об этой войне куда лучше известно Глоддрику, но могу сказать одно. Стоило равшарам объединиться — и

Союз дрогнул. Наши великолепно обученные легионеры, вооруженные с головы до пят в отличие от практически голых варваров, разбежались под напором их ватаги. И только после того, как юный Глодрик убил вождя Кратара Рокового, их наступление пошло прахом, ведь именно он скреплял союз племен, которые сразу же передрались после убийства вождя. И как только они пошли друг на друга, армия Союза снова разогнала равшаров как стаю голубей. Понимаете, к чему я веду?

Хинарея провела рукой по колышущемуся водному зеркалу фонтанного резервуара и кивнула.

— Вы не имеете право отвергнуть нас. Хотя бы из долга перед своим народом.

— Пожалуй, что я и вправду вела себя глупо. Видишь ли, я была очень молода, когда отец умер и мне пришлось унаследовать престол. Никто не спросил, хотела ли я этого или готова ли была. То же самое и с этой войной.

— Вы знаете, я бы хотел с юности вести вольную жизнь странствующего рыцаря, быть ближе к народу, обойти весь Ранкор. Но грянула Северная война, затем я узнал, что являюсь внебрачным сыном покойного Ганзарула Второго, и долг позвал меня стать начальником королевской стражи. А теперь наш всеобщий долг — выиграть войну за будущее этого мира, чтобы те, кто придет в него после нас, не прозябали в рабстве и угнетении со стороны обезумевшего от темной силы подземелий народа Азрога. Сейчас темное время, Ваше Величество, в которое следует быть готовым ко всему. А следовать желаниям в такой век — непозволительная роскошь.

Хинарея молча кивнула, она смотрела, не отрываясь, на расплывающееся свое отражение в водной глади, словно хотела саму себя спросить, дескать, давай, чего же ты ждешь.

— Было честью наслаждаться вашим обществом и гостить в этом прекрасном краю, — Эрлинггай направился к обитой себерянскими узорами калитке, но не успел отворить ее, как Хинарея окликнула его:

— Благородный рыцарь, стойте!

— Да, Ваше Величество?

На сей раз она вновь приобрела то горделивое достоинство и расправила крылья, будто готовилась воспарить к небесам:

— Флорскелы явятся на подмогу.

Глава 27: «Да здравствует король!»

Переговоры с лидерами всех народов Ранкора были успешно завершены. Маги и воины, которые взяли на себя ответственность за их проведение, решили собраться в Силгоре, столице Аргои в целях согласования дальнейших планов друг с другом. Йоши решил собрать союзников на отшибе города в одной из полупустых харчевен, где можно было поживиться разве что сыроватым куском мяса и похлебкой, в которую набросали подгнивших овощей. Есть они, впрочем, не собирались. Рыбак и плотник, что стали свидетелями собрания столь необычных гостей, то и дело косились в их сторону, прихлебывая дешевую брагу, и вполголоса переговариваясь о том, что могли замыслить маг из Хаглоры, красноволосый чародей, одетый подобно уличному попрошайке, Ганрайский Демон и командор Карательного Отряда Глодрик Харлауд, первый меч Аргои и глава королевской стражи — Эрлингай Львиный Рев и темнокожий монах с уймой ножей на веревочном поясе, который, однако, не выпускал из руки молитвенные четки.

— Друзья мои, — начал Йоши, — можете не сомневаться, что хаглорианцы с легкостью откликнулись на зов остальных народов. Звездный Град также примкнет к альянсу благодаря дипломатическому таланту убеждения Эрлингая, честь ему и хвала, — при этих словах старого мага рыцарь смиренно опустил голову и поднял руки, показывая, что не считает свой поступок большим свершением, — Рейген Саламандр, как и следовало ожидать, внял голосу рассудка и пообещал содействовать нашей обороне. Непросто было, пожалуй, с равшарами, которым нет большого дела до остального мира, кроме их междоусобиц и братоубийств.

Глодрик, опершись локтем о стол, наклонился и напряженно провел языком по зубам прежде, чем заговорить:

— Теперь там заправляет Кога. Наш парень.

— Прекрасно, друг мой, — ответил Йоши, — вожди этого племени крутого нрава отличаются тем, что быстро сменяют друг друга, новый вождь у равшаров — как восход солнца после короткой ночи. Но я не вижу Крауха Гримблу, который, однако, состоял в делегации на Север.

Шаабан сложил руки в молитвенном жесте перед лицом и, прочитав слова обращения к высшим силам, ответил:

— Препрежний король, царствие ему небесное, покинул этот мир. Гримбла же, согласно обычаям Севера, занял его место как человек, пользующийся неоспоримым авторитетом в родном краю.

— Его короновали? — Глодрик сжал кулак и оскалился в напряжении, будто сделал ставку и ждет, как упадут кости.

— Я был свидетелем его коронации, местная целительница и ведунья Аста же дала ему благословение.

Говоря это, Шаабан наблюдал за Глодриком, ожидая его реакции, но лицо Карателя оставалось каменно-непроницаемым, а монах был слишком учтив, чтобы расспрашивать об истории их знакомства. Перед глазами пожилого воина проносились картины жизни в деревне послевоенного Севера и преисполненное радости жизни, смешанным с некоторой детской наивностью юное лицо внучки друида. Казалось, таверна, жители трущоб, хлебающие убогую харчу, воины, маги — все исчезло, а он перенесся в прошлое и стоит над

талами горных бандитов, вымогавших деньги у селян и убитым старым ведуном, внука которого полным ненависти голосом кричит Глоддрику о том, кто он есть и кем всегда будет. Голос Эрлингая выдернул его из потока воспоминаний.

— Что ж, можем быть уверены, что новой войне с Севером не бывать, — сказал мечник, — уж кому, как не Гримбле, понимать, что в случае чего Глоддрик доберется до любого северного короля.

Ганрайский Демон молчал. Мог ли он в самом деле убить друга своей юности и сослуживца, человека, с которым они бок о бок бились с равшарами? Убил бы, если бы они встретились тогда, в Северную войну? Однозначно. Первоочередной задачей Карателя было принести в жертву Союзу свое право на человеческие чувства.

— Прекрасно, — поставил точку в вопросе Алагар, — на Севере новый король. Как иронично. Под моим началом Гримбла должен был бороться за права простонародья и уничтожать правящие классы, теперь же он сам стал тем, с чем мы боролись. Впрочем, и Братства Уравнителей больше нет.

— Тем не менее, друг мой, — сказал Йоши, — Крестал остается надежным местом, защищенным обученными военному делу и боевым искусствам людьми, которые за короткое время успели отстроить на месте поселка город приличных масштабов. Что подводит нас к заключительной части беседы. Как вы понимаете, скоро будут проходить переговоры лидеров всех народов Ранкора о создании военного альянса. Разумеется, пройдут они на территории Союза, поскольку именно по нему в первую очередь, без сомнений, ударит Заргул, следовательно, необходимо возвести линию обороны. В Силгоре организовывать встречу — не самая лучшая идея. Принципом альянса будет равноправие между участниками, а такой шаг создаст видимость стремления людского народа занять главенствующую роль.

— А Гилеард? — спросил Глоддрик.

— Еще хуже, друг мой, — покачал головой Архимаг, — место, где стражи порядка Ганрая прячут преступников, будет оскорблением по отношению к владыкам, ведь это они могут трактовать так, будто Союз пытается их методом запугивания склонить к подчинению своей воле.

— Речь идет о безопасности, — с нажимом возразил Глоддрик.

— Друг мой, видишь ли, сомневаться в том, что правители не могут обеспечить свою сохранность сами, уже будет считаться оскорблением. Я почти семь столетий веду переговоры с властителями рас Ранкора и, можете мне поверить, даже за такое время в них не поменялось ничего, кроме них самих. Короли, цари, императоры сменяют друг друга, но премудрости дипломатического этикета остаются прежними.

Глоддрик махнул рукой, мол, я военный человек и к дипломатии отношения не имею.

— Лучшего места для переговоров, чем Крестал, я подобрать не в силах, — заключил Йоши-Року, — я благодарен Алагару за то, что он взрастил на этом месте столь достойное поселение, полное ученых и тренированных людей, преданных своей стране. Пусть и делал он это во имя иных целей.

При других обстоятельствах Глоддрик бы не принял такие условия, но возражать Третьему Архимагу и Хранителю Хаглоры не мог позволить себе даже он.

— Решено, — хлопнул Глоддрик по столу, — когда переговоры?

Йоши прищурился и с сомнением взглянул в жаровню, где последние угли начинали гаснуть, а с тела огромной свиньи еще капали остатки жира.

— Завтра, друг мой. К чему отлагательства? Будьте так любезны, оповестите об этом Эанрила. Мы же с Алагаром сегодняшней день посвятим переправке лидеров и их свит в Крестал.

Глодрик вернулся в Вархул, что для него было лучшим решением. Командующий Карательным Отрядом мог бы принести немного пользы в организации переговоров, а в приготовлениях к столкновению с силами горхолдов его участие было решающим. Ганрайский Демон издал указ о всеобщей мобилизации жителей Ганрая, а Карательный Отряд сделал костяком местного сопротивления, обучающим простолюдинов основам ведения боя с оружием. Эрлинггай же дал распоряжение армии Аргои стекаться к стене на границе Союза и до прихода Его Величества подчиняться указам местной власти, то есть Глодрика.

Шаабан тем временем шагал по коридорам Силгорского дворца. Оконные решетки здесь были произведением искусства — их вязь образовывала двуногих львов в профиле, держащих меч и державу, что было символом гордости нации Аргои. На одном из подоконников, сделанных из грубых каменных плит, сидела принцесса Айрил, обхватив руками колени и с апатичным видом наблюдая из окна бесконечное движение людей и телег на торговой площади.

— Осмелюсь заметить, Ваше Высочество, — окликнул ее монах, — Вам противопоказано сидеть на холодном камне. Что помешало Вам дать распоряжение принести подушку или хотя бы плед расстелить?

— Святой отец? — девушка одним прыжком соскочила с подоконника.

Шаабан, улыбаясь, сложив ладони, поклонился ей. В жесте монаха было лишь благородное смирение человека, ведущего жизнь в отречении.

— Ваше Высочество, должно быть, помнит меня. Мы встречались в Крестале, во время празднования победы над адептами Заргула.

— К чему эти церемонии, святой отец? Зовите меня по имени.

— Вы королевская особа, хотите того или нет, — сказал Шаабан, — принять свою роль значит следовать Божьему промыслу, а в этом заключается главная задача любого верующего.

Айрил протяжно вздохнула и хлопнула рукой по стене в надежде, что это сможет облегчить ее переживания.

— Если нам уже все уготовано. К чему возможность выбора?

Шаабан понимающе кивнул, давая понять, что его самого в прошлом мучил этот вопрос.

— Для того, чтобы испытать нашу преданность Создателю. Если человек считает, что принадлежит сам себе и на него не возложена ответственность свыше — это первый шаг на пути в ад.

Айрил кивнула и, снова вздохнув, молвила:

— Мастер Йоши говорил мне о долге, что отказаться от помолвки и переезда в Клирию я не имею морального права. Но как же это тяжело! Выйти за человека, который тебе годится в отцы и уехать в совершенно чужую страну.

— Понимаю, — сказал Шаабан, — но все же в Клирии неплохо. Конечно, смотря кому, я ведь в трущобах рос. Но южные вельможи живут сносно, даже более роскошно, чем ваши дворяне. Экзотические фрукты и изысканные лакомства, каждый день смотреть на танцовщиц и факиров, покуривая кальян в окружении наложниц — такой жизнью живет

малая часть моего народа, тогда как остальные едва перебиваются, и если удастся дожить до следующего дня — уже повод для радости. Но об этом Вам волноваться точно не стоит — все лучшее будет в Вашем распоряжении.

— Кроме настоящей любви, — опустила глаза Айрил.

— За все приходится платить, как за богатую и сытую жизнь, так и за любовь, — сложил на груди руки Шаабан, — вопрос в том, готовы ли Вы жить, точнее, выживать в нищете, пусть и с тем, с кем хотите провести жизнь. Боюсь, Вы не знаете ничего о той цене, которую платят бедняки за возможность любить.

Айрил молча кивнула. Если бы она была готова к этой жертве, изменить своему долгу ради собственного счастья, — давно бы сбежала из дворца в какую-нибудь глухомань.

Шаабан продолжил:

— Впрочем, раз уж я повстречал Вас, позвольте несколько сменить тему. Не будете ли так добры подсказать, где я могу найти Вашего отца?

— В опочивальне, полагаю, — ответила принцесса, — время утреннее, а он не из тех, кто привык рано вставать.

— Премного благодарен, — снова склонился Шаабан, — удачи Вам на юге. Надеюсь, Вы найдете хоть какие-то поводы для радости в жизни, что Вас ждет. Не забывайте, что быть счастливым — это выбор. Может, еще увидимся, если будет на то воля Арая Илгериаса.

Проходя мимо читального зала королевской библиотеки, которая насчитывала около пяти сотен книг, написанных на высшего сорта пергаменте, которых, в общем-то, почти никто не читал, так как выставлены они были скорее для того, чтобы продемонстрировать богатство королевской семьи, поскольку написанные от руки на столь дорогом материале книги могли себе позволить лишь самые зажиточные жители Союза, Шаабан заметил королевского советника — Лукаса Тирола, лысого старика с густой поседевшей бородой, и Ревiana Гувера, писателя из народа, худощавого и стриженного коротко мужчину в дорогом камзоле и простецких штанах, заправленных в портянки — эту смесь пренебрежительности к внешнему виду и простоватость одновременно с вычурностью и склонностью носить недешевую верхнюю одежду в нем мало кто понимал, но все привыкли списывать странности историографа на то, что у всех творческих людей немного не все дома. Советник и летописец оживленно спорили о том, достаточно ли сил у Архимага Йоши-Року одолеть Заргула. Лукас настаивал на том, что его мудрости и преисполненности магической силы достаточно, чтобы оказать должное сопротивление вождю горхолдов. Писатель же утверждал, что старый придворный не разбирается в магии, поскольку известно, что Заргул всегда обходился без посоха при творении колдовства, тогда как у Йоши-Року, как всем было видно, имелся магический атрибут в виде древесного посоха.

— Ваше Святейшество? — заметил Ревиан, махнув рукой монаху, — быть может, Вы сумеете разрешить недоразумение и образумить моего оппонента?

Шаабан усмехнулся:

— Истина рождается не в спорах, она приходит с принятием безграничности нашего невежества. А споры нескончаемы оттого, что спорящие ищут самоутверждение взамен истины, — писатель смиренно опустил голову, признавая свое заблуждение, но Шаабан жестом руки остановил его, — впрочем, полемика — отличное развлечение, как и упражнение для ума.

— Более правильные слова подобрать я бы не смог, — сказал Лукас.

Шаабан осведомился о том, где находятся покои короля, на что советник охотно объяснил, как добраться до того крыла дворца, в котором расположена опочивальня Эанрила. Советник же собрался уходить, сославшись на срочные дела по организации подвоза провизии к границе Союза, Шаабан собрался к королю, но его остановил Ревриан:

— Пойдите, святой отец! Если у вас есть немного времени, я бы хотел обсудить с Вами кое-что.

Шаабан провел рукой в сторону большого холла, выход которого вел к винтовой лестнице, ведущей к королевским покоям.

Ревриан последовал за монахом и, одернув отвороты камзола, заговорил:

— Не кажется ли тебе, преподобный, что причиной того, что Заргул окреп и снова несет угрозу всем нам, является то, что мы попросту забыли об ужасах той древней войны, а в живых не осталось никого, кто мог бы о ней поведать?

Шаабан, ровным темпом шагая, продолжал с холодным спокойствием перебирать четки.

— Многие сведения о тех событиях безвозвратно утеряны, — сказал Шаабан, — а люди испокон веков были склонны придавать значение собственным проблемам, чем погружаться в историю минувших времен.

— И все же, если я не ошибаюсь, наша задача — не только остановить Заргула и спасти будущие поколения от смерти или жизни в рабстве, что еще хуже смерти, но и запечатлеть на века все те ужасы, что пришлось пережить Ранкору. Чтобы потомки не повторяли наших ошибок.

— Что ты хочешь сказать, Ревриан?

— Раз уж мне выпала участь свидетеля мировой войны, то, как собиратель историй и летописец, я обязан изложить историю противостояния Заргулу на пергаменте. Чтобы даже через тысячу лет, когда никого из нас уже не будет, люди помнили о том, через что пришлось пройти всем народам, чтобы жизнь продолжалась.

— Отчего нет, брат мой? — развел руками Шаабан, — если тебе нужно мое благословение, то ты его получил. Каждый должен быть на своем месте и заниматься своим делом. Я монах и возношу молитвы Всевышнему, ты же голос поколения, который на долгие времена останется в рукописях.

Ревриан остановился у выхода на лестничную клетку, пошел дальше и оперся на лакированные перила.

— Вот только, я боюсь, могу не дожить до того момента, как история будет дописана. Ты же знаешь, коли понадобится выйти на стену с оружием в руках — я выйду. Иначе какое право я, мужчина, буду иметь писать о войне, от которой трусливо прятался в каком-нибудь подвале?

Шаабан улыбнулся и похлопал писателя по плечу:

— В твоей храбрости сомнений я не испытывал. Возможно, на случай было бы хорошей идеей подыскать преемника? Человека, который поставит точку в истории, если ты уже не сумеешь.

— Да, — кивнул Гувер, глядя вниз, до первого этажа оставалось метров пятьдесят как минимум, — ты прав, Шаабан. Вот только кого...

— Точно не меня, — рассмеялся Шаабан, — писать — не мое лучшее умение, к тому же кроме Священных Писаний я дал клятву ничего не читать.

— Как ты сам сказал, — ответил Гувер, — каждый должен заниматься своим делом.

Шаабан молча склонил голову и, взглянув Гуверу в глаза, сказал:

— Переговоры владык Ранкора пройдут в Крестале, Ревриан. Было бы хорошо, если бы ты оказался там. Как раз будет материал для творчества. Историческое событие, все же.

Лицо Гувера оживилось, шагнув к Шаабану, он воодушевленно воскликнул:

— Это прекрасно! Давно я не заглядывал в этот край, хоть повидею хороший народ. Что ж, тогда будет уместно с моей стороны найти Азилура и просить переправить меня туда. Не буду отнимать твое время, Шаабан. Да пребудут с тобой высшие силы.

— Как и с тобой, — в благословенном жесте поднял руку Шаабан и, развернувшись, начал подниматься по лестнице.

Когда до конца лестницы оставалось два пролета, Шаабан увидел руку, свисающую с конца лестницы, до него донесся сиплый стон. Монах вспорхнул на лестничную площадку и обнаружил распластанного по ней лицом вверх царевича Слагера. Бросился в глаза торчащий из шеи принца дротик длиной в палец. Судя по посиневшему лицу юноши и тому, что он кровью захаркал всю ночную рубашку, сомнений в том, что оружие было отравлено, не оставалось.

— Кто это был? — воззвал к нему Шаабан, тряся за плечи умирающего принца.

Гаснущий взгляд юноши на мгновение ожил, он еле сфокусировал его на лице монаха, попытался что-то произнести, но зашелся новым приступом кашля, снова харкнул мощным сгустком крови. Глаза Слагера закатились, и он обмяк. Монах, осознавая свое бессилие, отпустил его тело и, произнеся короткую молитву об упокоении души, помчался дальше.

Стража, что стояла у дверей в королевскую опочивальню, была убита. Двое караульных упали ничком на пол, рука одного тянулась к ножу, торчащему из глотки, другой хватился за грудь, откуда торчал метательный дротик длиной в локоть. Лужа крови растеклась по кафелю. Шаабан выбил ногой дверь и, выхватив парные кинжалы, рванул в опочивальню. Эанрил болтался на огромной люстре, повешенный на собственном шелковом поясе. Глаза его готовы были выкатиться из орбит, а из перекошенного рта короля стекала слюна, смешанная с кровью. Эанрил Третий был Мертв. На огромной двуспальной кровати, на пуховой перине которой так недавно он в одиночку расположился, виднелись следы борьбы, подушки были раскиданы, а одеяло — сорвано, сам же каркас кровати из красного дерева, украшенный искусной резьбой в виде скачущей кавалерии аргойских ратников, был неоднократно задет чем-то острым судя по царапинам. В тот миг, когда Шаабан вошел в комнату, у подоконника стоял человек в темном плаще. Волосы этого человека были убраны во множество косичек, а когда он обернулся, показалась полумаска из черного сукна, на которой белыми чернилами были нарисованы острые клыки точно у змеи. На глазах его вздулись жилы и были видны кровоподтеки, точно этот человек страдал глазным недугом. Убийца был темнокожим. Шаабан ринулся в его сторону, но ассасин сиганул в окно и, плечом выбив толстое стекло, вырвался наружу. Шаабан с одного прыжка перемахнул через подоконник и рванул в погоню. Он уже знал, кого преследует. Цареубийца приземлился на черепицу крыш нижнего яруса, перекатился по ней и ринулся дальше, спустя миг там оказался Шаабан, который еще в полете метнул в него с пять ножей. Впрочем, ассасин успел достать цепь, усеянную шипами и, раскрутив ее, с искрами, высекаемые от удара стали об сталь, отразил атаку, но дальше уйти не успел. Шаабан с напором бешеного носорога, но со скоростью и грацией гепарда врезался в него плечом, сбив с крыши. Но вторженец оказался не так прост и в падении захватил Шаабана за предплечье, по инерции падения ногой

подсек и швырнул через себя. Оба они приземлились в одной из королевских оранжерей, проломив дощатый потолок. Никого, кроме них, внутри не было, разве что экзотические пальмы и папоротники с южных земель, что обоим напоминали о родном крае.

— Вот мы и встретились, брат, — сказал Шаабан после того, как одним резким рывком ног поднялся.

Скорпион зашипел и ухватился за свою цепь, начав ее раскручивать над головой.

— Нравится быть убийцей? — монах запустил руку за пазуху, готовясь швырнуть ножи.

Скорпион глухо хмыкнул:

— Мне хватает честности не скрывать, кто я есть. А ты жалкий лицемер, косящий под святошу. Но мы ведь оба знаем, что у тебя руки по локоть в крови.

Они наматывали круги по центру оранжереи, не сводя глаз друг с друга. Шаабан перехватил нож левой рукой обратным хватом и выставил перед собой, другой же рукой с кинжалом он закрывал печень.

— Но тебе не хватает смелости обрести Бога в душе и замаливать грехи. Но отвечать за поступки придется даже Заргулу, что говорить о нас, смертных людях. Различие между нами заключается в том, что я готов понести наказание и вернуться на праведный путь, ты же предпочитаешь множить грехи далее и забыть о спасении души.

Скорпион, раскрутив цепь до предельной скорости, крикнул, перекрывая хриплым голосом свист вращения оружия:

— Спасение души! Когда же ты поймешь? Я живу здесь и сейчас. И путь мой будет таким, как решу я, а не твой Арай Илгериас. Лучше я попаду навечно в самую глубокую преисподнюю, но буду свободен сейчас, чем буду жить как богобоязненный раб.

Шаабан скорбно покачал головой:

— По сравнению с вечностью наши жизни подобны секундной вспышке, пусть и яркой. И твой огонь быстро угаснет, брат.

— Твой — еще раньше, — и цепь устремилась со скоростью арбалетного болта чуть выше груди Шаабана.

Скорпион целился так, чтобы отравленные шипы обмотали шею монаха, но Шаабан был проворен, он в мгновение ока сделал кувырок и, перекатившись под цепью, прыгнул на Скорпиона, стремясь всадить ему нож в печень. Резкий удар бы пропорол ассасину бок, если бы Скорпион не перекрутил отрезок цепи меж своими шипастыми перчатками. Он собирался намотать цепь вокруг руки своего брата, но не успел — Шаабан со скоростью броска кобры отдернул руку. Скорпион другим концом цепи хлестнул Шаабана по ногам, но монах вспорхнул в воздух и с разворота нанес обратный удар другим кинжалом по горизонтали. Скорпион увернулся, подсев под удар и рубанул цепью наискось. Шаабан отскочил назад и приготовился атаковать, но Скорпион продолжил развивать атаку, выписывая цепью восьмерки. Это происходило с такой скоростью, что ножи Шаабана замелькали в воздухе как два мотылька, с искрами отбивая атаки. Скорпион обмотал цепь вокруг руки, сделал шаг вперед, развернувшись вполоборота, и выбросил цепь Шаабану в грудь. Наконечник прошел бы сквозь монаха навывлет, но Шаабан ушел с линии атаки, двинулся в сторону своего брата, нанося нисходящий укол в шею. Тот заблокировал удар предплечьем, но другая рука держала цепь, от которой на такой ближней дистанции было мало толку, что позволило Шаабану правой рукой перехватить кинжал и вонзить в прореху между стальными пластинами на груди. Нож угодил в место под мышкой и вошел неглубоко, поскольку Скорпион отбросил его другую руку и боднул лбом, сломав брату нос и после

этого сразу же припал к земле, сделав подсечку. Шаабан не был сбит с толку от крови, хлынувшей из носа и взмыл в воздух, избежав падения, но шипастая цепь тут же полетела в его сторону и обмоталась бы вокруг туловища Шаабана, но тот резким движением швырнул метательный нож, не выпуская боевой кинжал из руки, в цепь, чем сменил ее траекторию на более безопасную для себя. Они продолжали биться, словно танцуя, цепь Скорпиона вращалась перед ним, образуя размытый круг наподобие щита, и в самые неожиданные моменты била по Шаабану, точно змея, тот же ловко прыгал и кувыркался, уворачиваясь от ее ударов, успешно контратакуя, но на слишком близкую дистанцию Скорпион ему подобраться больше не давал, так что все удары кинжалов приходились по той же цепи. По крайней мере на счету Шаабана был один укол, хоть и небольшой, а себя задеть он не дал ни разу. Если Скорпион хотя бы поцарапает его — монаха ничто не спасет. Яды, которым было обмазано оружие ассасина, были приготовлены из крови и внутренностей самых ядовитых змей и амфибий из Клирии, смешанным с экстрактами опаснейших растений, родиной которых могли быть только тропические леса, в которых встретил свою погибель не один странник. Против этой отравы противоядия не существовало в природе. Именно так и погиб Брок, лихой парень из Ганрая, вооруженный ятаганами, о котором Шаабан мог сказать только хорошее. Вот только мастерства боя у монаха было куда больше.

Шаабан бросил последний метательный нож, но его Скорпион поймал на лету и с остервенением отбросил.

— Все могло быть иначе, — обратился к нему Шаабан, будучи внутренне лишен надежд на то, что удастся пробудить светлую сторону брата, — наше мастерство могло бы спасти многих клирийцев от чисток Карателей, которые убили вместе с негодьями многих достойных. Могли бы бороться с адептами Заргула! Благие поступки не оправдывают злодеяния, но путь к спасению души никогда не закрыт, брат.

Скорпион жалел, что через маску нельзя было сплюнуть. Слова о Боге и душе для него были пустым звуком, раздражающим слух.

— Мы росли в нищете. Прошли школу ассасинов. Были на войне. Но твоих мозгов не хватило усвоить простое правило — держись победителей, и тебя не будут судить. Правда у каждого своя, а вес имеет правда сильного. Заргул сильнее всех вас. И я докажу, что достоин принадлежности к его культуре.

— Ты называешь меня рабом и трусом. Но сам пресмыкаешься перед тщеславным безумцем. Я же служу настоящему Богу.

— Скоро ты с ним встретишься, — Скорпион взмахнул цепью, ударив по горизонтали.

Шаабан снова перекатился под ней, шипы пронеслись в полусантиметре от его лица, вертикальным ударом Скорпион хлестнул по тому месту, где на корточках завершил кувырок Шаабан, но не попал. Монах ринулся в его сторону. Дуговой удар кинжалом, который отбила цепь, но другой — обратный по горизонтали, все же со скрежетом полоснул по груди ассасина, которого защитила легкая стальная пластина. Снова укол — в шею, который, Скорпион заблокировал, но за ним последовал град рубящих и колющих ударов. Дистанция была близкой, так что Скорпиону приходилось больше уклоняться и приседать, иногда блокируя удары цепью, но вот Шаабан вложил в стремительный восходящий удар всю силу, которую мог, и кинжал рассек цепь надвое. Шаабан по инерции развернулся и пнул ногой Скорпиона в грудь, отчего тот отлетел на несколько шагов, но сгруппировался и с кувырком поднялся на одно колено. Шаабан бросился в атаку, но Скорпион запустил руку за пояс и метнул в брата пять отравленных стальных игл. Шаабан вскинул ножи и молниеносными

движениями отбил все, кроме одного. На плече монаха его желтая ряса обагрилась маленьким пятнышком крови под торчащим шипом. Клирийский монах Шаабан был обречен. Все же его сноровки не хватило. Но осознание того, что жить ему осталось считанные часы, не остановило Шаабана на бегу, и он прыгнул на Скорпиона сверху, попытавшись двойным ударом ножей пригвоздить его к полу, но не вышло. Ассасин бросил дымовую бомбу, которая заполнила воздух едкими испарениями, от которых некоторые растения в оранжерее сразу же увяли. Шаабан завершил атаку, но его ножи лишь скрежетнули по каменной плитке.

— Не болит плечо? — издевательски спросил Скорпион неизвестно откуда, — передавай от меня привет своему Всевышнему! — донесся голос Скорпиона сквозь дымовую завесу, потом Шаабан смутно, сквозь боль от слезоточивого дыма, увидел смутное движение, будто кто-то перепрыгнул через окно.

Шаабан кинулся на звук, но никого не обнаружил. Когда дым рассеялся, в оранжерее не было никого. Шаабан с безмятежной покорностью року судьбы вытащил из плеча шип и аккуратно положил его на табуретку рядом с горшком, из которого рос какой-то фикус и направился к выходу. Вскоре дворец узнает о том, что король и принц умерли и начнется суматоха, а затем — коронация единственного подходящего на эту роль человека, которому Шаабан безоговорочно доверял и на церемонии воздвижения на престол которого присутствовать считал своим долгом. Это будет последним событием истории Ранкора, в котором он примет участие, о чем Шаабан, если признаться, жалел. Если бы только ему хватило ловкости...

Как хорошо было то, что Айрил и ее новоизбранному уже снарядили кабитку и повезли из города на юг до того, как произошло цареубийство. Лицезреть страдания еще только вступившей во взрослую жизнь девочки, которой пришлось узнать о смерти отца и брата, было бы худшим венцом для произошедшей трагедии. Когда Шаабан рассказал о том, кто и каким образом убил сынов королевского рода, Эрлингай скорбно опустил взор и тихо произнес без злобы, с одним осознанием собственного бессилия:

— Это моя вина. Если бы я не отправил большую часть королевской гвардии наводить порядки в Сухих Колодцах, возможно, с лучшей охраной его могли бы защитить.

— Ты выполнял свой долг, — утешил воина Шаабан, — к тому же, это к лучшему. Скорпион бы их попросту перебил. И ты бы погиб, едва ли твоей сноровистости бы хватило, чтобы ни разу не быть задетым его отравленным оружием.

Монах корил себя за то, что ему не хватило сил утащить на тот свет своего брата за собой. Задерживать такого воина было бы слишком опасно, профессионального ассасина удержат разве что застенки оплота Карательного Отряда.

Шаабан и Эрлингай стояли у парапета балкона, пока в опочивальне покойного короля прибиралась прислуга, пеленали тело Эанрила и готовили его к погребению в королевской усыпальнице.

— Ты ведь понимаешь, что все эти события означают для тебя?

Эрлингай молчал, опершись о каменные перила, он с отрешенностью глядел на склоны холма, возле которых виднелись ряды поместий зажиточных бюргеров и дельцов, отхвативших куски на главной торговой площади Союза.

— Ты станешь королем, — закончил мысль Шаабан.

Коронация прошла в тихой и траурной обстановке. Одетые в черные одежды люди собрались в тронной зале. Шаабан также надел рясу темного цвета, понимая, что в привычную одежду он не облачится уже никогда. Ножи он с заботой и трепетным чувством прощания сложил в углу комнаты для гостей, что ему отвели во дворце. При себе монах оставил одни лишь древесные четки.

Эрлинггай стоял на одном колене, в зале же собралась прислуга и придворные, включая Азилура, генерала Керриса Галарта, Ревiana Гувера и его спутницы-герцогини, советника Лукаса Тирола и Шаабана. Эрлинггай пожелал, чтобы именно монах проводил его коронацию и дал благословление на счастливое правление. Отчего-то именно в этом добродушном темнокожем человеке первому мечу Аргои виделось прибежище, где можно было обрести спокойствие и уверенность в том, что у них всех еще есть надежда. Монах был словно нитью, связывавшей их, смертных людей, с Богом. А это изгоняло страх даже после того, как выяснилось, что агенты Заргула могут с легкостью пробраться в самый защищенный в Союзе дворец и умертвить короля и принца.

Эрлинггай стоял на одном колене, двумя руками держа меч лезвием к полу. Шаабан стоял перед ним, держа в руках позолоченную корону. Символ королевской власти выглядел простецки — на нем не было даже гравировки, лишь ряд заклепок, скреплявших две части головного убора. Эту корону носил Ганзарул Второй, приказавший изготовить ее именно таким образом, чтобы подчеркнуть свою близость к народу. В отличие от этой, корона Эанрилы пестрила изящной гравировкой и инкрустированными в нее драгоценными камнями.

— Клянешься ли ты быть опорой и защитой для народа, служа ему верой и правдой? — провозгласил Шаабан.

— Клянусь, — осевшим, но твердым голосом ответил Эрлинггай.

Яд уже начинал брать свое. Глаза Шаабана были налиты кровью. Его плечо нестерпимо болело, пульсировало, то и дело стреляло. Место ранения было влажным, когда Шаабан отлучился в уборную и взглянул на очаг поражения, рана так и сочилась гноем и кровью, смешанной со сгустками плазмы. Забравшись в кладовую, монах каким-то чудом отыскал там нужные травяные смеси и повязку, после чего наложил на рану компресс. Шаабан понимал, что облегчит боль, но только на время. Большого бывшему ассасину было и не нужно. Он надеялся, что его сил хватит, чтобы с достоинством проводить своего друга на престол и пожелать ему, как и всему миру, удачи в борьбе со злом.

— Клянешься ли ты отдать жизнь за вверивших тебе свои судьбы людей, будь на то воля Илгериаса?

— Клянусь.

Шаабан глубоко вздохнул, Эрлинггай взора не поднимал, с покорностью ожидая заключительных слов монаха.

— Клянешься ли ты не допускать распрей меж членами Союза, скрепляя их братские узы на протяжении всего правления?

— Клянусь!

— Тогда я, Шаабан из Джаганната, служитель Арая Илгериаса, нарекаю тебя королем Союза. Встань, Эрлинггай Четвертый! — несмотря на бессилие, голос монаха не дрожал и силы своей не утратил.

Монах водрузил корону на голову престолонаследника, перекрестил его и ровным шагом удалился. Его шатало, клириец еле держался на ногах. В глазах двоилось, а слышал он

все вокруг приглушенно, будто через трубу. Он понимал, что жить ему осталось не больше двух-трех часов.

Все присутствующие опустились на одно колено. Керрис Галарт сделал это с улыбкой умудренного опытом человека, который знает, что на сей раз может довериться толковому парню, Гувер сделал это с благоговением и некоторым наслаждением того, что он является свидетелем столь важного события, которое непременно отразит в своих писаниях, Азилур же сохранял невозмутимость, достойную мага, а Лукас Тирол выражал покорность судьбе и воле своего новоиспеченного хозяина. Каждый пожелал королю долгих и славных лет правления, после чего все начали расходиться. Трапезы, как это подобало каждой коронации, не устраивали из почтения памяти Эанрила. Каким бы трусливым и недалеким человеком он ни был, все же он держал в своих руках власть над Союзом.

Эрлинггай остался сидеть на троне, погруженный в воспоминания о своих братьях. Вначале Марвол, с которым они прошли огонь и воду, воевали на Севере и выживали в Силгорских тущобах, а теперь Эанрил, которого он не слишком уважал, но все же любил как родича. Шаабан тоже стоял подле трона, либо ожидая, пока ему разрешат уйти, либо дожидаясь, пока останется с королем наедине.

— Эрлинггай, — с большим усилием Шаабан сделал несколько шагов в сторону трона, но на ступени подниматься не стал, — знаю, тебе, вам всем будет непросто. Но прежде, чем я уйду, пообещай мне одну вещь.

Король с изможденностью в лице кивнул монаху, приглашая его договорить.

— Не допусти, чтобы альянс распался, — Шаабан, преодолевая боль и прилагая нечеловеческие усилия, чтобы оставаться в сознании, выдавливал из себя нужные слова, — лишь вместе мы сильны. Лишь отбросив вражду, мы можем остановить Многорукого.

Эрлинггай вобрал в легкие воздух, словно собирался взвалить на плечи груз наподобие огромной каменной плиты, и изрек:

— Я приложу все усилия. Обещаю тебе.

— Хорошо... — со слабой улыбкой Шаабан кивнул, говорить ему удавалось с большим трудом, — очень хорошо. И не забывайте о Боге. Зло приходит в этот мир тогда... когда люди теряют связь со Всевышним. Ты будешь великим правителем, Эрлинггай. Я не сомневаюсь.

Шаабан, не дожидаясь ответа, поплелся к арке выхода и начал спускаться по лестнице. Эрлинггаю хотелось догнать его, спросить еще о чем-то, лишь бы услышать голос монаха снова. Коронованного фехтовальщика охватило предчувствие, что он в последний раз видит Шаабана. Монах будто прощался с ним. Предчувствия его не обманули. Но об этом Эрлинггай узнал лишь на следующий день.

Шаабан же добрал до маленькой комнаты, в которой уже был расстелен дешевый спальный матрас. Монах с кряхтением опустился на колени и прочел последнюю молитву. Отложив четки, он лег на матрас, вытянулся во весь рост и закрыл глаза. Боль уходила, как и его мысли, разум стал кристально чистым, Шаабан погрузился в блаженное спокойствие, забылся сном и уже никогда не просыпался.

Глава 28: «Затишье перед бурей»

Пока Глодрик окапывался и укреплялся вместе с ганрайцами и прибывавшей аргойской армией у стены Вархула, в Крестале проходили переговоры правителей Ранкора. Владыки были согласны в главном — в необходимости объединяться, в остальном же между ними решались сугубо стратегические вопросы выстроения противоосадных укреплений и тактические методы битвы, нюансами которых не будем утомлять читателя. Главным их решением было одобрить предложение Йоши-Року и сконцентрировать сопротивление у стены Вархула, поскольку лазутчики всех народов единогласно доложили, что он движется по направлению к Союзу и собирается атаковать именно стену. Рейген Саламандр пообещал выполнить свою задачу на другом поле боя — морском, и схлестнуться с флотилией Заргула. На том и порешили, после чего постепенно владыки начали налаживать пути подходов к Вархулу.

Арстеля, как и других крестальцев, повергло в изумление неожиданное становление Гримблы королем Севера, но вскоре предавались они и скорби, поскольку Эрлингай принес с собой урну с прахом, сказав, что на Эанрила Третьего было совершено нападение ассасина Скорпиона, Шаабан пытался его преследовать и задержать, но получил ранение отравленным оружием, вследствие чего погиб. Был найден мертвым поутру в своей гостевой комнате, после чего, по южным обычаям, кремирован. Прах же развеивать было задачей его соратников из Братства Уравнителей, а лучшим местом для этого послужит Крестал, ведь именно здесь в последние годы жизни Шаабан обрел малую родину.

Юкиара пролила слезы, Кэлрен тоже не удержалась. Мужчины же с суровой скорбью смотрели, как Алагар разносит с холма прах Шаабана по ветру, который тут же разнес то, что осталось от монаха, в разные стороны. К вечеру все собрались в Желудке Дракона поминать этого славного человека. Каждому бывшему члену Братства Уравнителей было, что сказать о покойном, да и многие крестальцы тоже поминали его добрым словом. Начал Мурвак, который, опрокинув очередную стопку водки, стал более словоохотливым, чем обычно:

— Подумать только. Из всех вас, сектантов, первым я заговорил именно с ним. Сказал, что вашей кодле хорошо бы убраться отсюда, — он горько усмехнулся и налил еще порцию водки, — мне казалось, что он один из тех чокнутых фанатиков или хитрожопых ублюдков, которые прикрываются верой, чтобы потворствовать своим амбициям и приумножать зло, но он был и правда достоин монашеского сана. Да и сам по себе человек был хороший. Но что ж он так лопухнулся и позволил себя отравить? Пьяный был, что ли?

Трактир был практически весь забит. Хельд уже устал разносить выпивку. На этот раз он молчал, не позволяя себе из почтения к памяти Шаабана травить привычные ему и надоевшие всем остальным шутки на идиотский манер.

— А я никогда не забуду, — сказала Юки, — как спорила с ним о Боге. Я приводила всяческие доводы о том, что есть лишь человек и мир пред ним, высшие же силы — лишь сказка, чтобы заставить людей бояться и сделать их послушными, но он ответил лишь: «Всякий рано или поздно приходит к Илгериасу, и ты придешь. Когда поймешь, что пришел час биться насмерть за то, что тебе дороже всего.»

— А как он спас всех нас тогда, в Гилеарде, — робко сказала Кэлрен, которую не

выпускал из объятий Клажир, словно игрушку, — когда появился тот равшар с двойным мечом.

— Ба, да он много раз нас спасал! Даже когда мы пришли на Север, и нам пришлось сражаться с толпой предателей-северян, примкнувших к Многороговому, меня чуть не завалили, Шаабан же, царствие ему небесное, подоспел вовремя и снес начисто голову мертвому ублюдку, что хотел меня кончить, моим же топором.

Арстель по большей части молчал, как привык. Ему пришла в голову мысль о том, что Шаабан далеко не последний, о ком придется горевать. Алагар же, казалось, на почве общей памяти и уважения к погибшему монаху, обрел, наконец, доступ снова к обществу своих бывших последователей, что в один момент от него отвернулись. Молчание красноволосого мага прервала Юкиара:

— Алагар, а расскажи, как вы с ним познакомились? Шаабан, вроде как, был одним из первых в Братстве.

— Он был третьим после меня и Гримблы, — сказал Рeadхалл.

— О, да! Помню, как впервые увидел этого малого, — криво усмехнулся Гримбла, обнажив неровный ряд сгнивших зубов, треть которых отсутствовала, — думал, его устроят кем-то вроде миссионера до тех пор, пока он не достал ножи.

— Да будет вам! — прервала их Юкиара, — ну же, расскажи. Ты единственный, кто знает, чем он занимался до того, как пришел в наши ряды. О себе же Шаабан не любил говорить много.

Крестальцы и бывшие Уравнители умолкли, ожидая слов Алагара. Маг, сидящий у соседнего стола, одетый в рваный и покрытый дорожной пылью бурый плащ, сжал свой лакированный черный посох, начал:

— Повстречался впервые с ним я в Бёрнфилде. Как и другие крупные аргойские города, он кишел иммигрантами с юга, с Севера, Ганрая и, впрочем, инородцами, представителями иных рас. Шаабан мало отличался от других священников, он так же ходил по домам и просил пожертвований ради Илгериаса, вот только к конкретному храму монах причислен не был, отчего его гнали, принимая за попрошайку, одевшегося монахом и надеявшегося срубить легких денег за счет веры честного народа. Все же некоторые ему подавали. Я отдал ему целый кошель, благодарности Шаабана не было предела, помню, как сейчас, как светились радостью его глаза. В разговоре с ним я выяснил, что он живет в развалившейся лачуге вместе с беспризорными детьми рядом с рыночной площадью. Когда же он пригласил меня в свое убежище, моим глазам предстала та самая картина, с которой я поклялся бороться, для чего и создал наше Братство. Увечные, исхудавшие от голода пятнадцать ребятишек, самому старшему из которых было четырнадцать, кормились лишь за счет подаяний, которые собирали вместе с Шаабаном. Беда была лишь в том, что попрошайничество жестко контролировалось местными группировками, и если не скидывать на общак, с тобой, разумеется, поговорят. У местных банд были свои сети детей-попрошак, конкуренты им были ни к чему. Когда на следующий день я уже собрался уходить после ночлега в обществе сирых детей и благородного монаха, явилось с четверо крепких парней с дрынами, усеянными гвоздями, ножами и тесаками, что они держали уже обнаженными. Претензии их были вполне объяснимы тем жестоким временем, в которое нам довелось жить, они передавали, что тот авторитетный человек, который заправлял делами преступного клана, был готов простить ослушание детей и вновь принять под свое крыло, если они принесут ему голову Шаабана. Я уже приготовился задействовать свою

силу, но завязавшаяся схватка продлилась не более минуты с того момента, как Шаабан выхватил кинжалы. Я понял, что он — из тех, кто был мне нужен, храбрый, умелый боец, верящий в справедливость. Мы помогли детям устроиться в одну из мануфактур подмастерьями, после чего их ждало хоть какое-то будущее в виде обещанного куска хлеба, а Шаабан же, когда узнал, кто я и чем занимаюсь, стал одним из первых и почетных членов Братства Уравнителей. Впрочем, это уже неважно. Братства больше нет, Шаабан уже не с нами, а я не ваш наставник. Много переменялось и еще переменится после войны. И сейчас мы все, каждый житель Ранкора, должен стать Уравнителем, весь альянс должен стать Братством, вот только наставник, особенно такой, как я, им уже не будет нужен. Достаточно лишь вера в то, что человеку, который в строевой фаланге прикрывает щитом твое плечо, можно доверить жизнь.

С Шаабаном будто бы ушло то, за что еще держались жители Крестала — привычный мир. На следующий день селение опустело, даже малолетнего брата Юкиары взяли с собой, ведь понадобятся все, кто мог держать оружие. Все стекались к стене Вархула.

Последнюю неделю вооружение народа Союза шло полным ходом. Почти все боееспособное население Ганрая сконцентрировалось в крепостях на стене, а женщины и дети редко выходили из подземных укрытий, которых в любой момент через тоннель могли переправить в безопасное место — на Север, в Драконовы Горы. Пока что здесь были только ганрайцы и аргойцы, остальные же, включая северян, клирийцев и иные народы Ранкора, только обещали подоспеть до наступления Заргула. Разведчики утверждали, что через какие-то пять дней горхолды уже будут стоять у границы Союза. Алагар слетал на своем красном драконе Ортауне на разведку и лишь подтвердил эту информацию.

Каждый был занят своим делом. Крестальские мужчины, уже имевшие некоторый опыт в обращении оружием, усиленно тренировались под руководством Керриса Галарта, что обучал их фехтованию, бою в строю с копьем и щитом и иным основам сражения в армии. Арстель не прекращал работать, то он до мозолей и изнеможения в руках бился на тренировочной площадке с длинной палкой вместо копья или деревянным макетом меча в парах, либо помогал восстанавливать разрушенные части бастиона, либо штопал новые партии сапог для солдат — в этом деле он особенно ощущал себя полезным, поскольку нашлись задачи, в которых ему действительно равных не было. Хельд перетащил в главную крепость в центре стены свою провизию из Желудка Дракона и открыл там импровизированную забегаловку, сколоченную из ветхих шестов и навеса из грязного тряпья. Тем не менее, его стряпню с удовольствием ели как солдаты, так и те беззащитные люди, которых эти солдаты защищали. Не присоединился он к тренировкам и работе оттого, что все свободное время практиковался в магии по старым книгам, что отыскал в библиотеке Карателей, куда без разрешения Глоддрика умудрился пробраться с помощью заклятия незримости. Мурвак то и дело показывал крутой характер, критикуя технику своих соучеников, методы обучения Галарта, а в свободное время ходил по стене, прикрикивая на строителей, что им следовало бы оторвать руки за такую неровную кладку камня или неумение правильно пользоваться раствором для крепления кирпичей. Доходило до того, что он материл архитектора, который соорудил столь ненадежное укрепление для границы Союза из-за того, что на стене было слишком мало мест для баллист и катапульт, а только бойницы для арбалетчиков.

— Жлобы, проедают налоги, которые мы платим, — то и дело плюя на землю, говорил

Мурвак, — и ведь даже не ремонтировал никто эту треклятую стену.

Глоддрик за день успевал оббежать полстены в длину, взяв под свой контроль строительство укреплений, и если вдруг кого-то из строителей он заставал с кружкой пива и самокруткой в руках вместо молота или лопаты, Ганрайский Демон брал нетрудолюбивого работника за грудки и перекидывал через стену, но не отпускал, давая возможность насладиться пейзажем равнин и гор вдалеке, обдумывая необходимость работать более усердно на благо спасения мира. Под руководством Глоддрика было выстроено с пятьдесят катапульт, поставлено более ста чанов с маслом, которое воспламенялось от одной искры и было готово вылиться на красноголовых, а арбалетные болты, что привозили оружейники из Побережья Кесилора, были в изобилии. Некоторые партии оружия глава Карательного Отряда проверял лично.

Эрлинггай редко выходил из кабинета в центральной башне крепости, выстроенной посреди стены, откуда он прочитывал за день по сотне распоряжений о раздаче партий оружия, его заказах, на исписанных листах пергамента, оставляя на них свою подпись до того, пока на его пальцах не остались мозоли от пера. Совместно с Глоддриком они обсуждали методы подготовки противоосадной обороны и вместе разработали инструктаж для защитников стены о том, что вначале следовало дожидаться подхода горхолдов к стене на расстояние выстрела, затем дать несколько арбалетных залпов, потом использовать кипящее масло и камнепад, а уже лишь потом тех, кто выживет и сумеет вскарабкаться на стену, встретить с оружием наготове.

Клажир и Кэлрен не отходили друг от друга, подозревая, что это их последние дни вместе, отчего женатая пара каждый день пыталась прожить как последний. О том, что их страстная любовь мешала крепкому сну защитников крепости, знали все, но отнеслись с пониманием, кроме Мурвака, который пообещал, что отымеет их обоих одновременно, если эти стоны и шебуршание не прекратятся. Юкиара тренировалась вместе с Арстелем, шифруя его технику боя на мечах и копьях, тем самым пытаясь дать понять, что обязательно прикроет его, когда дойдет дело до битвы. В то же время она говорила с Глоддриком, который очень неохотно ее выслушал, поскольку она тратила его драгоценное время, но девушка была непреклонна и пыталась добиться, чтобы ее семнадцатилетнего младшего брата Сангельса определили в подвал присматривать за женщинами, детьми и стариками. Глоддрик ответил лишь:

— Я в его возрасте каждый день дрался с уличной шпаной, чтобы прокормить себя и брата. Довольно подтирать ему сопли. Малому пора стать мужчиной.

Юкиара же исходила гневом на старого ганрайца, но смутно понимала его правоту, так как Сангельс вполне мог держать оружие и выйти на защиту стены. Она поклялась себе, что скорее умрет сама, чем позволит красноголовым хотя бы ранить своего брата. Все же день спустя руководивший передовой ганраец сам подошел к девушке, сообщив, что дал распоряжение ее брату ретироваться в подземья и присматривать за теми, кто нуждается в уходе и эвакуации на случай, если красные возьмут город. Когда Юкиара спросила, чем вызвана столь резкая перемена в решении, воин ответил:

— В прошлом мне не удалось присмотреть за своим младшим братом. В этом ты преуспела стократ больше, но я знаю, что ты испытываешь, Юкиара. Даже во имя победы я не могу пренебречь этим.

В недоумении Юкиара снова спросила:

— Но как же долг перед Союзом, Ранкором. Разве патриотизм не выше личных чувств

кого бы то ни было?

Глодрик кивнул, плотно сжав зубы, будто пытался оторвать следующие слова от себя, как часть тела, и сказал:

— Есть другой патриотизм. Человеческий.

Йоши-Року все не появлялся, Алагар передал, что его наставник, Танриль и остальные маги руководят планированием участия подкрепления в предстоящей битве, но потом маг позвал и его, отчего в замке не осталось ни одного чародея, кроме недоучек вроде Хельда.

Ревриан Гувер пренебрегал помощью в строительстве, не тренировался, поскольку в юности он проходил школу Стражей, стало быть, какие-то боевые навыки еще не растерял. Целыми днями он сидел на одной из бойниц меж зубьев на вершине стены и без перестачи что-то строчил на мятых листах пергамента. Вначале он пытался писать роман на основе того, что видел вокруг себя, но времени хватило лишь на две главы. Однако Мурвак взял исписанные листы и использовал вместо подорожника в уборной. Когда же писатель узнал об этом и потребовал объяснений такого оскорбления, Мурвак сказал:

— Да кому, мать твою налево, есть дело до твоей долбаной графомании? Толку от тебя как от козла молока, только сидишь на заднице и пищешь свою херь. Лучше бы радовался, хоть какую-то пользу принесла твоя писанина, было чем жопу подтереть. Не трать мое время попусту, я лучше пойду наконечники копий точить.

В итоге в последние два дня Ревриан махнул рукой на писанину — все равно в обстановке подступавшей бойни поймать музу было проблематично, и начал так же тесать колья для частокола и ремонтировать стену с оружием, как остальные.

Эрлингай в последние дни был обнаружен на тренировочном поле — его клинок мелькал во вращении, снося головы набитым сеном тряпичным пугалам. Вот только они не двигались и сдачи дать не могли.

На следующий день на горизонте показались вооруженные с головы до пят солдаты, среди леса копий которых колыхались знамена на высоченных жердях. Когда они подошли ближе, все поняли — враг уже у порога.

Красноголовых было не счесть, по прикидкам Глодрика их было не меньше девятист тысяч. В крепости людей было раз в пять меньше. Впереди, само собой, шагал Кровавый Легион, знамя которого изображало забрызганный кровью бараний череп, который был перечеркнут кривой эмблемой Заргула, на остальных же знаменах красовался его знак, написанный алой краской на черной ткани. Оркестр горхолдов бил в барабаны, а духовая его часть не выпускала из рук горны, солдаты подземелий на старом наречии тянули хоровую песню, в которой в каждом куплете проскакивало имя Заргула, что могло означать лишь одно — песнопения восхваляли их императора.

Арстель, Хельд и Юкиара со всеми остальными крестальцами стояли посреди стены в окружении уймы мужчин и редких женщин, отважившихся надеть доспехи и взять оружие.

— Хоть бы знамена нормальные намалевали, — сплюнул через стену Мурвак, — никакой фантазии.

— А ты у нас прямо художник, Мурвак, — сказал плотник Глыба.

— Может, и не художник, зато не стал бы в жизни так позориться, как этот Заргул. Бараний череп на переднем знамени, кажется, его и изображает.

— Ладно тебе, — сказала Юкиара, — я бы еще поняла, если б такое сказал Хельд. Что-то ты совсем стал серьезен, крылатый братец мой. Не подменили ль тебя?

Хельд поднял лицо и взгляделся вдаль, смотря на восходящее солнце. Под его глазами виднелись круги, флорскел спал не больше четырех часов последнюю неделю.

— Беззаботное время шуток ушло. Настала пора прикусить язык и на деле показать, чего мы стоим.

— Ну, серьезный Хельд — это уже все, — рассмеялась Юкиара, — стало быть, мир и правда меняется на глазах.

Арстель улыбнулся, но на душе ему стало больно. Война уже начинала ломать их. Даже если он и его друзья переживут все это, прежние они навсегда останутся в прошлом, вместе со счастливыми воспоминаниями о детстве и ранней юности.

— Ничего, — тряхнул по плечу друга Арстель, — мы еще отпразднуем победу в Желудке Дракона, а полбутыли самогона вернут старого-доброго весельчака Хельда.

Тем временем Клажир стоял в обнимку с Кэлрен, которая тихо роняла слезы:

— Клажир, дорогой, — всхлипывая, говорила она, — я должна буду покинуть тебя и отправиться в лазарет, как одна из немногих целителей. Приказ Глоддрика. Обещай мне, что не погибнешь! Я не смогу без тебя жить...

— Я-то? Погибнуть? Да не смей! — отмахнулся Клажир, плотнее прижимая к себе заплаканное лицо светловолосой девушки, — мы отгоним этих чудил, как я в свое время разогнал орды тараканов в матушкином сарае. Вот это время было! Никто так и не догадался, как можно было справиться с той напастью, а я так просто — взял и спалил сарай. Потом, правда, вся деревня его заново строила, а матушка меня выпорола так, что неделю сидеть не мог, зато тараканов всех извел! А когда на поля пришла саранча, я вытащил из костра пылающую головню и...

Так он продолжил свой нескончаемый словесный поток, а Кэлрен, прижимаясь щекой к его груди, пыталась уверить себя, что ей еще доведется услышать его болтовню.

Горхолды подошли к крепости вплотную. Латы их были выкрашены в черно-алые узоры, имитирующие дым и пламя подземелий, впереди шли легионеры-копейщики, сзади — стрелки, а с флангов подходили наездники на ящерах. Кровавый Легион, уже известный читателю, стоял посреди переднего ряда. Знамя его нес Стакуга Убийца Магов, татуированный равшар, когда шествие остановилось в пятидесяти шагах от стены, вонзил древко флага в мягкую землю, будто это была уже их территория. Вокруг него столпилось с пять сотен покрытых латами равшаров, а за ними — северян, возглавляемых чернобородым Вагарном, брата которого, обращенного в ходячее умертвие, недавно порешили Шаабан и Гримбла.

Арстель, что для него было непривычно, решил прервать молчание. Обычно это делал Хельд, но он словно онемел и неподвижным взором глядел на поступающих горхолдов, бряцающих оружием.

— Друзья, спасибо вам за все. Хельд — тебе, за дружбу и счастливейшие часы, проведенные в Желудке Дракона в хмельном веселье, Юки — за то, что ты есть и что ты со мной, Глыба, Карен, Гранаш, Клуатак и даже ты, Мурвак, — Арстель усмехнулся, хлопнул лесоруба по плечу и продолжил, — и все остальные, кто жил со мной в Крестале. Знайте, что я был счастлив быть среди вас то время, которое было отведено судьбой. Спасибо за все Илгериасу и вам.

— Мы тебя любим, Арстель! — сказал Глыба и двинул сапожника по спине с такой силой, что тот чуть не перевалился через стену.

— Только не вздумай погибать, — сказала ему Юки, больно сдавив локоть, — иначе на

том свете тебя найду я и замучаю так, что имя свое забудешь!

Арстель приобнял девушку и дружески погладил по спине:

— Да нельзя мне, Юки. Кто же вам подошвы мастерить будет? У Хельда кривовато выйдет.

Когда Арстель спускался по лестнице, чтобы достать арбалет с оружейной стены, его остановил Гувер. Писатель схватил за плечи Арстеля и воскликнул:

— Арстель, послушай, всего минуту! — глаза писателя горели фанатичным огнем, — там, в кладовой, за бочонками спиртного лежат все мои рукописи. Пообещай мне одну вещь — если я погибну, ты закончишь мое дело. Память о войне не должна быть утрачена. Иначе история повторится!

— Бросьте, господин Гувер, какой из меня может быть...

— Прощу, Арстель! — воскликнул писатель, тряхнув Арстеля за плечи, — ты единственный, кому я могу это поручить.

— Я постараюсь, — сказал Арстель, — но, надеюсь, не понадобится, к тому же, я уверен, вы еще переживете всех нас и напишете тысячи историй.

Гувер улыбнулся и, крепко пожав руку Арстелю, с огромной благодарностью кивнул и сказал:

— Если бы ты знал, как я тебе признателен, Арстель. Ты настоящий герой. Жаль, что этого не все замечают. Когда все это закончится, — продолжил он, придвинувшись к Арстелю, — женись на той девчонке. Я же вижу, как она глядит на тебя, а? Не упусти свое счастье, ты достоин любви как никто другой.

— Но с чего вы взяли, что я выживу?

— Я верю в это, — рассмеявшись, Ревриан добавил, — по крайней мере, если бы мне было дана возможность написать о том, что будет дальше, ты бы точно выжил.

Арбалеты были взведены и нацелены на горхолдов, но команды стрелять еще не дали. Глоддрик поднял руку, призывая опустить самострелы. Ганрайский Демон стоял на центральном бастионе рядом с Керрисом Галартом и Гримблей.

— Подмога, похоже, запаздывает, — протянул Галарт, приглаживая усы, — придется, видать, нам в одиночку гостей принимать.

Эрлингай, не убирая руки с рукояти Фарендила, ответил:

— Стена Вархула — идеальное место для защиты. Здесь один солдат стоит десятерых осаждающих. Мы продержимся долго.

Глоддрик молчал, устремив взгляд единственного глаза книзу. От рядов солдат Заргула отделился Стакуга. Разрисованный черными татуировками бледнокожий равшар, крутя в руке длинный клиной с лезвиями по обоим концам рукояти, подошел ближе и крикнул:

— Армия императора Заргула Многорогого предлагает вам, отступникам, сделку. Я, Стакуга Убийца Магов, вызываю на поединок любого воина с вашей стороны. Бой до смерти! Если ваша возьмет — мы следующие три дня не сдвинемся ни на шаг, у вас будет время сдаться или хотя бы увести подальше отсюда тех, кто не может биться. Даем час на выбор бойца. Учтите, — прорычал Стакуга, отводя меч за спину и обнажая клыки, — второго шанса не будет. Если вы откажетесь или ваш боец проиграет — мы тотчас же сравняем эту жалкую стену с землей.

Под одобрительный вой равшаров и ровные удары пик горхолдов о землю равшар развернулся и встал рядом с членами Кровавого Легиона. Горхолды уже разбирали оружие,

выносили лестницы и заряжали катапульти. Шла подготовка к штурму.

— Мы примем вызов, — обратился Глоддрик к Эрлингаю и Керрису Галарту.

Эрлингай вскинул брови и на одном выдохе сказал:

— Чтобы Глоддрик следовал чьим-то правилам? Ты же отлично знаешь, что это может быть ловушка!

— Не ловушка. Я знаю равшаров.

— Глоддрик прав, — кивал Керрис, — воинская честь у равшаров в большом почете. Ложный вызов на бой считается у них несмываемым пятном позора.

Эрлингай, тем не менее, пытался протестовать:

— Но если он убьет тебя. Ты отличный военный стратег, ты нам нужен, Глоддрик. На поле боя ты стоишь сотни рядовых.

— Битвы выигрывают войска, парень, — Глоддрик был один из немногих, кому было позволено общаться с Эрлингаем Четвертым без соблюдения этикета, — один я много не навоюю. Нам нужно время до прибытия союзников. Одни мы не справимся. И, — с бастиона он, щурясь, взглядывался в самоуверенное лицо равшара, наслаждавшегося предвкушением кровопролития и мыслями о том, что ему удалось запугать врага, — я хочу преподать самодовольному ублюдку урок.

Спорить дальше не стали. Предложение в их условиях действительно было выгодным. А кроме Глоддрика вряд ли Стакуге нашелся бы достойный соперник. Керрис Галарт был слишком стар, а Эрлингай хоть и был хорошим фехтовальщиком, он никогда не был настоящим убийцей, как старый Каратель или прислуживающий Заргулу равшар. Клины вышибают клином.

Подъемный мост опустился. Одинокая фигура под аркой меж искрящихся огнем факелов вошла на мощные бревна моста. Прихрамывая, Глоддрик быстрым и твердым шагом направился к вытоптанной площадке за рвом, за которой полукругом выстроились горхолды. Щупальцеголовые легионеры держали щиты овальной формы перед собой. Стакуга разминал шею, переминаясь с ноги на ногу, как гепард, готовящийся к броску. Глоддрик дошел до края поляны, на которой не росла трава. Вслед за ним спустя минуту вышли латники в черных рубашках, на которые были наброшены кольчуги, это были Каратели, личная гвардия Глоддрика, которой он был готов доверить свою жизнь. Среди них стоял Драконой, Энмола, крепыш Канда и Норберт Гартахол, готовые отдать жизнь, если вдруг начнется переделка и враг захочет убить Глоддрика — единственный вариант, поскольку живым в плен он не сдастся. Солнце било Глоддрику в глаз, заставляя его щуриться до боли в лицевых мышцах. На стене стояли почти все крестальцы и солдаты, тем, кому не хватило места, наблюдали из окон. Хоть с высоты в сотню метров можно было рассмотреть лишь небольшую фигуру, бой никто пропускать не собирался. Глоддрик не обернулся ни разу. После того, как он сошел с моста, взгляда со Стакуги он не сводил. Так коршун смотрит на грызуна, на которого вот-вот спикирует и захватит. Вот только Стакуга скорее походил на гремучую змею.

— Ты знаешь, — осклабился Стакуга, облизнув кончиком языка заостренные зубы, — что с того момента, как сомкнулся круг, выйдет из него лишь один. Либо не выйдет никто.

Глоддрик, круговыми движениями разминая плечо, выхватил из-за спины меч, сделал несколько пробных взмахов и, устремив лезвие в сторону равшара, прохрипел:

— Тогда кончай трепаться. Не в моих планах застрять здесь надолго.

Стакуга сипло хмыкнул и, с хрустом сжав кулак, крикнул:

— Что ж, надоело жить — воля твоя! Я провожу тебя в последний путь с особым удовольствием, Ганрайский Демон!

Воины не были защищены доспехами. На Глоддрике были коричневые рабочие заплатанные брюки, портянки и простецкая белая рубашка. На его противнике — черная одежда с кожаным жилетом, на котором красовался вышитый золотой нитью символ Азрога. Стакуга подбросил кверху клинок, оба лезвия вращались подобно мельничным лопастям, бросился вперед, на бегу ловко подхватил лезвие и с прыжком наскочил на Глоддрика. Ганраец не шевелился. Лишь тень улыбки тронула его лицо, но затем его перекосило от оскала одержимости, алый глаз загорелся безумным экстазом, подобным тому, который люди испытывают во время оргазма. В последний момент Глоддрик дернулся вбок и хлестким ударом отвел, точнее, отбил выпад Стакуги. Сила удара Карателя превратила приземление равшара в падение. От следующего рубящего нисходящего удара Глоддрика равшар ушел перекатом, вскочил на корточки и вполуприсяде попытался подсесть горизонтальным ударом лезвий ноги врага, но Глоддрику хватило быстроты реакции на то, чтобы отшибить удар первого удара, второй же он подцепил мечом и дернул в сторону, намереваясь обезоружить противника. От трения мечей посыпались искры. Стакугу отбросило, но на ноги он поднялся, удерживая оружие в руках.

— Ты опасен, Ганрайский Демон, — сказал Стакуга и ринулся в атаку, но Глоддрик его опередил.

Хрипло выдохнув и все с той же одержимой улыбкой, Глоддрик рубанул мечом по вертикали, но когда Стакуга крутанул одно из лезвий на отражение, вдруг изменил траекторию атаки и обратил ее в точный выпад с уколом. Если бы Стакуга не отбил удар предплечьем, его легкое было бы пробито сталью, но задета была лишь щека, да и то слегка. На татуированном лице протекла струйка первой крови. Стакуга рассвирепел, зарычал, но на него посыпался град ударов, Глоддрик превратился в боевую машину, которая рубила прямо, горизонтально, крест-накрест, без перебоя. Стакуга отвечать не успевал, лишь защищался. Клинки порхали, мелькали, блики стали слепили глаза сражающихся, а звон глушил их слух.

— Командор теснит рогатого, — с восхищением сказал Кандал.

— Погоди, — крепко держа тяжелый щит, с натугой сказала Энмола, — это еще ничего не значит.

— Глоддрик победит, — лишенным сомнений тоном утверждал Драконобой, — иначе и быть не может.

Стакуга шел назад, но и у Карателя запас сил был не бесконечен, к тому же, возраст давал о себе знать. Когда Глоддрик начал выдыхаться, он понял, что Стакуга тут же пойдет в контрнаступление и с высокой вероятностью сможет его серьезно задеть, поэтому в последний удар вложил всю силу своей жилистой и крепкой руки. Стакуга этот удар встретил ответным выпадом меча с полного разворота, клинки сшиблись, а обоих воинов сила удара отбросила на несколько шагов. На мече Глоддрика среди уймы других образовалась новая зазубрина.

Равшары вопили без устали, как и северене. Горхолды под ровный гул стучали по земле древками копий, Каратели молчали, с едва заметным оцепенелым ужасом глядя на развернувшийся поединок. Стакуга снова оскалил зубы и зарычал, наклонился вперед, хватаясь за длинную рукоять обеими широкими лапами, напряг мышцы ног. Глоддрик

расплылся в широкой улыбке нечеловеческого вида — так улыбались лица демонов, вырезанных на стенах в катакомбах Азрога.

— Нападай! — выкрикнул Глоддрик, прокрутив в руке меч и заводя держащую его руку за спину.

Стакуга разъярился от снова брошенного ему вызова и метнулся в лобовую атаку. Во всех, с кем он доселе сражался, Стакуга отчетливо видел страх, даже в Шаабане он промелькнул на несколько мгновений во время их былой схватки. Его напористая жестокость, остервенелое желание измельчить врага в мясной фарш ломала боевой дух и волю противника. С Глоддриком было не так — этот человек не умел бояться. Глава Карательного Отряда наслаждался боем, как любимой игрой — по сути для него это и была игра.

Косой удар меча не задел Глоддрика — тот в последний момент уклонился рывком в сторону, одновременно с этим делая шаг в сторону Стакуги и ударом свободной руки в челюсть едва не сбив его с ног. Кровавая слюна брызнула вместе с выпавшим зубом, но Стакуга быстро вернул равновесие и с диким ревом бросился на матерого Карателя. Восходящим ударом снизу-вверх он нацелился вскрыть ничем не защищенную брюшную область Глоддрика, тот ударил навстречу вертикальным ударом вниз, стремясь перерубить ведущую руку равшара в движении, но в последний момент равшар сделал кувырок влево, уходя от встречного удара и полоснул мечом снизу по ногам вражеского воина. Глоддрик отбил первый удар, но второй с быстротой молнии рассек бедро его здоровой ноги. Хлынула кровь.

— Он его достал, — ахнула Юкиара, которой со стены удалось разглядеть неудачу Глоддрика.

— Ходить, вроде, сможет, — сказал Керрис Галарт.

— Глоддрик, старый хрен! — выпалил Эрлинггай, — что же ты так сдаешь. Лучше б я пошел биться.

— Вы плохо знаете моего брата, — ответил им Ревриан, — даже без ног и рук он возьмет клинок в зубы и будет сражаться им.

Ганрайского Демона боль лишь раззадорила, он рванулся на самую ближнюю дистанцию и двинул коленом равшара под ребра, тот со свистом выпустил воздух, от следующего удара ушел лишь оттолкнувшись обеими ногами от земли, но избежать ранения не смог — иззубренное лезвие Глоддрикового меча рассекло ему лицо наискось. Глаза равшара остались целы, но от скулы до подбородка на его лице зиял глубокий разрез, сочившийся кровью, что не переставала капать на землю. Глоддрик не обращал внимания на боль, по-прежнему опираясь на раненую ногу. На его разрезанной штанине уже образовалось темное кровавое пятно, к щиколотке стекались несколько красных струек. Стоял Глоддрик по-прежнему твердо.

Стакуга поднялся, утер кровь с лица и, обнажая окровавленные зубы, сказал:

— А ты быстрый, зараза!

— Не во всем, — скривил рот в полуулыбке Глоддрик.

Они бросились друг на друга и снова схлестнулись. Кто кого перебьет? В их бою не было такого, что один бьет, другой — уходит в оборону. Они без усталости молотили друг друга клинками, но пока не задевали. Когда Стакуга рубил с разворота, наискось, по горизонтали, Глоддрик отшибал его меч со всей дури так, что у равшара на короткое время немели кисти, затем приходилось уклоняться от стремительных ударов поверху, которыми Глоддрик бы

отделил голову равшара от тела, если бы тот не подсел секундой раньше. Вот таким ударом Глоддрик снес один из рогов на голове равшара, хотя стремился развалить ему череп. Обратным ударом он двинул рукоятью врага по скуле, затем собрался насадить его на свой клинок, как кусок мяса на вертел, но Стакуга дернулся и ушел с линии атаки, на полном ходу он боковым ударом полоснул Глоддрика по боку. Каратель отразил мечом удар, взлетели в воздух искры, но бок его все-таки был задет, хотя внутренние органы не были повреждены, так как Глоддрик насколько-то все же меч отвел от себя. Стакуге хватило скорости отбить ответный удар — Глоддрик жестко рубанул вертикально, и Стакуга был бы разрублен от макушки до пояса, если бы не выставил на защиту клинок, который, впрочем, был разрублен надвое в районе рукояти. Равшару оставалось сражаться обоими клинками. Глоддрик, погруженный в боевой раж, со смехом тронувшегося умом человека с ноги ударил его в живот, но равшара отшибло лишь на полшага, после чего он снова атаковал. Воины одновременно двинулись друг на друга. Стакуга задел левое плечо Глоддрика, а одноглазый альбинос — грудь врага, но лишь поцарапал, равшар уклонился. Они продолжили фехтовать, точнее, с безумной жадной крови рубиться. Парные клинки восьмерками били и, описывая петли, отражали жалящие удары Глоддрика. Стакуга с утробным кряхтением сжимал зубы, задействуя всю силу ярости, ненависти. Глоддрик был словно непроницаем для нее, он с хриплым хохотом продолжал рубиться, равшар так и не смог стереть эту улыбку человека, начисто лишённого склонности к самосохранению. Стакуга, отбивая очередной удар обоими мечами сразу, попытался захватить ими вражеский клинок и вырвать из рук круговым рывком, но Глоддрик использовал инерцию вращения и силу врага против него же, рванул свой клинок в сторону так, что Стакуга пошатнулся, а затем, со свистом рассекая воздух, отрубил Убийце Магов полруки, оставив лишь часть от локтя до плеча. Омертвевшая часть левой руки упала вместе с половиной двойного меча, а из обрубка хлестала кровь. Боевые кличи равшаров и северян стихли, горхолды перестали отбивать копьями по земле свой угнетающий слух ритм. Стакуга сжал оставшейся рукой клинок, глядя Глоддрику в единственный глаз. Сипло усмехнувшись, Глоддрик оскалился, провел языком по зубам и в предвкушении воскликнул:

— Вперед! Последняя атака! — и это была последняя честь, оказанная противнику за храбрость.

Болевой шок мог бы привести к смерти рядового человека или хотя бы заставить его лишиться чувств, но Стакуга лишь глубоко дышал, не опуская головы, сторбившись, он подобно бойцовому псу так и стоял, чуть наклонясь вперед, сжимая оставшейся рукой половину меча и даже не пытаясь остановить кровоизлияние.

— Я... не сдамся... тебе... человеческое отродье! — взревел Стакуга.

Глоддрик разразился диким хохотом, которому мог бы позавидовать темный дух, что пугал неудачливых странников, решивших укрыться в заброшенном поместье, кишевшем привидениями.

— Так вперед! Чего яйца мнешь? — зрачок в его алом глазу расширился до предела, Глоддрик взялся за меч обеими руками и отвел ногу назад.

— Может, и я умру, — осевшим голосом сказал Стакуга, пригибаясь к земле в подготовке к броску, — но тебя утащу за собой!

Все произошло крайне быстро. Стакуга несся на Глоддрика, он же, приоткрыв рот в безумном оскале, наслаждаясь ожиданием завершения боя, продолжая тихо смеяться, точно умалишенный, стремглав бросился в последний момент, когда Стакуге уже оставалось не

больше шага. В последний удар равшар вложил всю свою злобу, ненависть к врагу, который даже ему оказался не по зубам. Однако эти вспышки ярости разбивались о скалу Глоддрикового безумия, его одержимой жажды кровопролитного боя, смертельного риска и противостояния, точно морские волны в пять метров высотой разбиваются о прибрежные скалы. Эти волны, конечно же, точат толщи гранита, как и запас сил Глоддрика с возрастом и каждой схваткой все иссякал, но его огонь еще не погас. А Стакуга секундой позже потух окончательно.

За полмига до того, как Стакуга обрушил дуговой удар меча, собираясь раскроить череп Глоддрика, Ганрайский Демон так быстро, что никто из наблюдавших за действием не успел толком и разглядеть его движение, ударил навстречу круговым ударом, отведя меч Стакуги влево, равшар неловко приземлился, сила удара Глоддрика повела его в сторону, но вскоре он уже был мертв. Глоддрик с победным оскалом занес меч, рассмеялся, выпучив единственный глаз в безумном экстазе, и нанес косой удар, рассекший туловище Стакуги от плеча до груди. И в тот момент, пока равшар, ставший рабом Хранителя Подземелий, еще сохранял сознание, он ощутил неподдельный ужас, парализовавший его волю. Движением в противоположную сторону Глоддрик развернулся вокруг своей оси и горизонтальным ударом практически в полный круг отделил голову Убийцы Магов от тела. Из шеи фонтанировала темная кровь, а голова павшего воителя со стуком упала на землю раньше, чем его колени подкосились и все тело повалилось набок в образовавшейся луже крови. Глоддрик небрежным пинком отправил голову под ноги бойцов Кровавого Легиона. Округлившиеся глаза равшара смотрели пустым взглядом в лицо генерала Рокузана, приоткрытый рот делал лицо равшара еще более безжизненным. Впрочем, жизнь навсегда покинула тело этого могучего воина. Передние ряды горхолдов отступили на шаг, когда одержавший неоспоримую победу Каратель двинулся в их сторону, в этот момент они были уверены, что даже если он один нападет на все их воинство — их ждет участь, подобная равшару, предавшему заветы своего рода. Каратели же, уже опустившие щиты, взирали в сторону своего командира так, будто он вдруг разорвал свою одежду, превратившись в огромного белоснежного волка. Ужас всех заключался в том, что Глоддрик Харлауд был куда опаснее любого оборотня. На стене уже все заулюлюкали, побросали шапки, у кого были, ввысь и победно вскрикивали, будто они уже разогнали орду вражьих войск, а не стали свидетелями того, как один хороший боец завалил другого.

— Объявляю перемирие, — с вызовом глядя в лица членов Кровавого Легиона поочередно, бросил Глоддрик, — есть возражения?

Ответом было безмолвие, которое могло означать только согласие. Свой первый бой сторона Заргула проиграла.

— Часовых со стены не снимать! — как только вошел в город, Глоддрик начал раздавать приказы, — они кинут нас с затишьем, бля буду.

Оваций в свой адрес со стороны горожан, не дававших ему проходу во внешнем кольце города-крепости, уставленном складами оружия, бараками, катапультами и кишевшем вооруженными мужами, Глоддрик не приветствовал.

— С хрена ли вы не в укрытии? — указав пальцем на женщину с ребенком в руках, крикнул он, тут же бросился на двух дюжих парней с закатанными рукавами и молотом с лопатой в руках, — а вы какого демона прохлаждаетесь? За стену — копать ров!

Когда Харлауд поднялся, его встретили на вершине центральной башни Эрлинггай,

Керрис Галарт и недавно прибывший Краух Гримбла.

— Вот же всыпал ты ему, — с цепким рукопожатием воскликнул Эрлинггай, хлопнув Глоддрика по плечу, чем заставил его поморщиться, — я бы не справился лучше.

— Что верно, то верно! — одобрительно кивнул с улыбкой Галарт, — хватки не подрастерял.

Не обращая внимания на похвалы и лавры, Глоддрик без приветственных жестов сразу же обратился к Гримбле:

— Северяне уже здесь?

Король Севера широко улыбнулся, показав весь нестройный и пустующий во многих местах ряд больших зубов, и добродушно молвил:

— Сразу к делу? Узнаю тебя, засранца! А как иначе? Горцы своих не бросают.

Два матерых воина стояли друг против друга, одного возраста, одного роста, прошли через одни и те же войны и битвы с равшарами — по одну сторону и Северную — по разные. Вот только теперь они забыли о бывшей вражде, хлопнув рука об руку, они крепко сжали ладони друг друга. Хватка Глоддрика была сильнее, но гримасу Гримблы скрыла кустистая патлатая борода.

— Мы должны быть готовы к обороне сегодня же, — сказал Глоддрик, — они могут вломить в любой момент.

— На такой случай мы уже подготовили выход для беженцев, — сказал Керрис Галарт, — но, прежде чем отпустим их, стоило бы сказать им напутственное, воодушевляющее слово. Эрлинггай, Ваше Величество, не соизволите ли поддержать боевой дух своего народа в трудный час?

Эрлинггай смущенно усмехнулся, помотал головой и ответил:

— Смею полагать, куда воодушевляющее для них было бы услышать слова человека, который уже успел рискнуть собой ради всех нас. Глоддрик, тебя не затруднит спуститься в погреб на несколько минут?

— Я? — указав большим пальцем в сторону своего нагрудника, изумился Глоддрик, — толкать речь? Утешать? Это худшее из того, что я умею.

Керрис Галарт по-отечески приобнял Глоддрика и сказал наставление, которое следовало бы взять на заметку многим любителям громких речей:

— Иногда несколько простых слов, сказанных нужным человеком в нужный момент, могут быть куда действеннее живописующе красивого слога, с выражением сказанного краснобаем вроде твоего брата.

Глоддрик кивнул, слова о брате заставили его сердце сжаться, что происходило крайне редко. Он посмотрел за плечо, на военизированный городок, среди леса факелов, похожих с высоты на светлячков, ходили непрекращающимся потоком солдаты, носившие орудия боя, беженцы, собиравшие провизию и ценные для себя вещи, оружейники в мастерских, старавшихся в кратчайшие сроки приготовить к баталии как можно больше оружия, детей, державшихся взрослых и с ошалелым видом озиравшихся, словно не веря, что все происходит не в страшном сне. Он словно пытался отыскать среди них Ревяна, но не удалось. Видимо, младший брат уже стоял на стене во всеоружии. Глоддрик так и не смог заставить себя попросить брата спуститься к беженцам в подвалы и отправиться в горы. Может, из Ревяна и не вышел путный боец, но он был мужчиной, преданным миру и отечеству и готовым защищать его не только пером, но и мечом. Такая просьба оскорбила бы его достоинство.

— Тогда я пошел. К чему терять время...

Глоддрик, не дожидаясь прощальных слов, начал спускаться по ступеням.

У лаза в подземный тоннель его встретила Кэлрен. Девушка была одета в измазанный грязью серый плащ и держала в руках факел. Ее соломенного цвета волосы были собраны в куцый хвост. Глоддрик был в мешковатых бежевых штанах, обвязанных портянками в голени, белой рубашке, покрытой исцарапанной и покрытой вмятинами кирасой с эмблемой Карательного Отряда, с которой девушку уже ничего не связывало.

— Веди, — это все, что он ей сказал, точнее, приказал.

Кэлрен открыла люк, приподняв дощатую круглую дверь, и повела своего бывшего начальника по вырытому подземному ходу, в котором обожженная глина подпиралась массивной сетью балок.

— Они совсем потеряли надежду, командор, дети непрестанно плачут, а у матерей не всегда находится молоко, чтобы покормить грудничков, даже у молодых, — говорила Кэлрен, хоть Глоддрик и был не самым словоохотливым и приятным собеседником, даже в таком спутнике девушка видела облегчение, чувствуя за спиной защиту в этом молчаливом пожилом человеке, — некоторые старики не могут сами ходить, отчего подросткам приходится их нести. Брат Юки, Сангельс — такой молодец, вы бы знали! Помог перетащить в погреба съестных припасов больше, чем смогла бы рабочая бригада, да и мне помогает в лечении больных, ни разу не ошибся, когда я его просила поднести те или иные настойки, травы, бинты. Вот только Клажира не хватает. Без него словно... гнетущая тишина. Пусть я и в шуме от постоянных криков и плача детей, приглушенных разговоров напуганных женщин о том, как ужасен Заргул и что скрывают подземелья Азрога, но я как будто одна среди всей этой толпы. А разговоры о том, что горхолды чуть ли не едят людей заживо могут свести с ума.

— Даже равшары их не едят, — с горькой усмешкой сказал Глоддрик, — и никто вас не тронет. Обещаю.

Они продолжали петлять по этому изгибистому ходу, Кэлрен продолжала рассказывать о том, кто какой вклад внес в общее дело по благоустройству беженцев и сборам в спасительный путь. Говоря, она словно на короткое время сбрасывала тяжкий груз со своих хрупких девичьих плеч, хотя Глоддрик по большей части молчал, да и не факт, что сильно вслушивался в ее речи, она испытывала блаженство большее, чем если бы он пытался ее успокоить. Иногда хороший слушатель куда нужнее советчика и утешителя.

— Вот мы и пришли, — после того, как они вышли на ступени вырытой в земле лестницы, Кэлрен отворила низкую дверь, под которой даже Глоддрик, никогда не выдававшийся ростом, вынужден был пригнуться.

Помещение и вправду было большим — по объему могло бы поспорить и с тронной залой короля Аргои в Силгоре. И оно было до отказа набито беженцами. У голых стен, сложенных из грубо отесанного кирпича, ютились женщины, баюкающие на руках младенцев и, жавшись друг о друга и о чувствительных к холоду стариков, пытались согреться друг о друга. Подросшие дети разносили еду, лекарства, укладывали самых немощных стариков или малых детей без присмотра спать. Заметив Сангельса, Глоддрик поднял вверх кулак, дескать, ты стал настоящим мужчиной и заслужил мое уважение. Вдруг он обнаружил, что из-за керамических бочонок с водой и мучных мешков выглядывает девочка лет восьми. Черноглазая, с темными волосами до плеч она, держа в руке куклу, одетая в рваное платье, подошла к Глоддрику малейшего страха.

— Эрика, снова ты здесь! — воскликнула Кэлрен, сев на корточки возле ребенка, — я же велела тебе оставаться с остальными.

Брезгливо скривив рот, Эрика покачала головой, выражая крайний протест:

— Не могу больше! Эти дети постоянно ноют, даже мальчики. Все вспоминают, как хорошо было дома, где кто маму потерял, — снова скорчившись, она продолжила, — не могу слушать их стенания. Малышня, чтоб ее...

— Ну ты-то у нас самая взрослая! — подбоченившись, съязвила Кэлрен, — вот и подала бы им всем пример, зачем убежать-то? Сама ведешь себя, как маленькая.

— А вот и нет!

— А вот и да! — рассмеялась Кэлрен, отвесив ей шутливый подзатыльник, словно младшей сестре.

Потеряв интерес к молодой целительнице, Эрика воззрилась на Глоддрика:

— А ты Ганрайский Демон, да?

Глоддрик ненавидел это прозвище, как и ненавидел того себя, каким его видели люди — жестоким, потерявшим рассудок от звона мечей и вида крови больным на голову ублюдком, но нашел в себе силы криво улыбнуться, пусть и вышло это довольно пугающе, присел на одно колено и ответил:

— Он самый.

Восторженно захлопав ресницами, Эрика шепотом спросила:

— А это правда, что ты так силен, что один можешь сражаться с целой армией?

Усмехнувшись, Глоддрик покачал головой:

— Если бы это было так, не было бы нужды собирать ополчение и созывать военный альянс. Но мы вас защитим, даю слово Карателя.

Доверительно кивнув, Эрика вдруг с грустью опустила голову и тихо сказала:

— Наверное, хорошо, когда есть, о ком заботиться. Солдаты заботятся о нас. Среди нас взрослые смотрят за детьми. А за кем последить мне?

— Хотя бы за этим куском тряпья, — махнул рукой Глоддрик в сторону связанной из разноцветных кусков ткани куклы, — а лучше присмотри за собой. Ведь вы, дети и молодые — будущее Союза. Будущее мира. Когда-нибудь ты вырастешь, выйдешь замуж и родишь детей. Тебе и твоим ровесникам предстоит строить новый мир, мир будущего, за который мы сражаемся. Кэлрен рассказывала, как вы здесь друг другу помогаете. Не теряйте этого согласия — и будущее, в котором вам предстоит жить, станет поистине светлым.

Эрика слушала его, робко прижимая куклу к груди. Она не хотела думать об этом, но война уже заставила ее и остальных детей повзрослеть раньше срока, выбила из них наивную невинность. Она понимала, о чем говорил Глоддрик.

— Мне хотелось бы верить, что после того, как мы победим — а мы победим, люди не утратят братскую сплоченность. Хотелось бы верить... Вряд ли я сам смогу в этом убедиться. Ну все, беги к своим, вам скоро выдвигаться, — Глоддрик аккуратно потрепал девочку по плечу и поднялся.

Кэлрен закончила сортировать стопки одежды на одном из тележных обозов у дверей, подошла к Глоддрику и спросила:

— Так что, командор Харлауд, вы пришли дать распоряжение?

— Убедиться, что все в порядке, — сухо ответил Глоддрик, пряча огромную боль от лицемерия лишений, с которыми столкнулись слабые телом, но сильные духом люди Союза, — скажи им, чтобы выдвигались сейчас. Закругляйтесь со сборами.

Без слов Кэлрен поняла, что это значит — скоро горхолды пойдут на штурм. Благо, ей хватило ума не спрашивать об этом напрямую, чтобы не сеять панику среди обделенных надеждой соотечественников.

— Не скажете что-нибудь людям на прощание? — с надеждой спросила Кэлрен, уставшая без конца утешать других и ждущая, что кто-нибудь вселит веру и надежду в нее.

Вот только Глоддрик не был в этом силен.

— О чем говорить? — сипло вздохнув, Глоддрик запустил руки в карманы, — вы и так все знаете. Я на стену, Кэлрен. Помни — я на тебя рассчитываю.

Не дав девушке и слово вымолвить, он рывком двинулся к выходу и тихо, но быстро затворил за собой дверь.

Солнце уже клонилось к закату, хотя еще не успело коснуться пика высочайшей скалы среди Драконовых Гор. На равнине скопища красноголовых и иже с ними казались муравьями на фоне скал в отдалении и стеной Вархула вблизи, которую они были готовы покорять.

Спереди стояли пехотинцы с веревочными крюками и одноручными мечами в руках со щитами, перекинутыми за спину, позади них — арбалетчики, с флангов наездники на ящерах, тыл же прикрывала пехота, состоявшая по большей части из горхолдов. На передовой стояли равшары, на плечах и груди которых виднелось клеймо Азрога, берсерки-северяне, спереди которых стоял чернобородый прислужник зла, на щите которого красовалось кое-как намалеванное лицо Заргула, а скорее — его контур. Вперед Кровавого Легиона вышел высокорослый горхолд, бронированный в латные доспехи и закинувший двуручный меч за плечо.

— Готовимся к атаке, — отдал он приказ, который тут же стал передаваться от отряда к отряду, — мы не можем больше ждать.

— Наконец-то, — прошипел Скорпион, перехватив обеими руками шипованную цепь, — уже представляю, как это отребье будет корчиться в предсмертных муках и биться в конвульсиях.

Не обращая внимания на кровожадного выродка, один из равшаров, дородный и мускулистый, осмелился возразить генералу:

— Но Стакуга дал слово, что мы гарантируем перемирие в случае проигрыша. Если мы обманем людей, то это будет оскорблением памяти нашего воина.

— Мы следуем воле Заргула, а не зарвавшегося равшара, возомнившего, что может решать, когда великая армия Азрога решит дать сигнал атаки. Своим проигрышем он лишь подтвердил то, что недостойн идти с нами в строю в тот момент, когда мы будем выбивать этот сброд из их жалких укрытий.

— Слово равшара не может быть нарушено, — повысил голос воин племени Берсерков, бугры его мышц налились, а сам он сжал кулаки, — плюя на боевую честь и славу Стакуги, ты оскорбляешь равшарский род. Да я за такое...

Договорить у равшара не вышло, так как молнеиносный удар двуручного меча разрубил его тело аккуратно по линии пояса. Рассеченный надвое труп повалился на землю, обливаясь кровью. Туловище отделилось не сразу, лишь после того, как равшар упал на колени с потерянным видом, словно до него так и не дошло, что его только что прикончили.

— Был дан приказ готовиться к атаке. Приказы не подлежат обсуждению. Или кто-то еще воспротивится воле Многорогого?

Равшары поежились, скаля зубы в презрении к горхолду, поправшему честь их народа, но промолчали. Остальные продолжали готовить оружие, выносить осадные лестницы и заряжать катапульты тяжелыми валунами. Спустя полчаса по всей стене Вархула били в колокола, а на башнях были зажжены сигнальные костры. Оглушительные удары камней о стены раздавались по всей округе. Красноголовые пошли на штурм стены Вархула.

Глава 29: «Битва за Ранкор»

Солдаты стояли на каменной кладке за массивными зубьями в половину человеческого роста, наблюдая, как полчища горхолдов подползают к подножию стены Вархула бесперебойным потоком моря красных рук и голов, ошетинившегося пиками и остриями зубчатых клинков, точно морская пучина, кишашая змеями. Штандарты Союза и Ганрая гордо реяли над центральным фортом в стене и рядом сигнальных башен.

— Стелки — к бойницам! — оглушительно ревел Глодрик своим сиплым голосом, быстрым хромым шагом огибая стену по всей длине, — пехота — копья наперевес и щиты перед собой, готовиться к отражению атаки! Катапульти — сколько вас еще ждать?!

Один из рядовых, державший в руке гаснущий факел, потянулся к бочонку масла, но получил по стальной каске такую затрещину от Глодрика, что чуть не свалился за стену на наконечники вражеских пик.

— Болван! — рявкнул Глодрик, — они даже не подошли!

Эрлингай удостоверился, что створки ворот надежно забаррикадированы балочными подпорками и громадными валунами, после чего махом взбежал по лестнице на стену, обнажил Фарендил и окликнул своих подданных:

— Именем рода Акреилов, честью Союза и жизнями людей, вверенных в мои руки Илгериасом клянусь, что скорее потеряю последнюю каплю крови, чем отступлю хоть на шаг от стены!

— Да здравствует король! — кричали Каратели и солдаты.

— За Союз! — ударил кулаком по нагруднику старый Керрис Галарт.

— За будущее! — щербато осклабился Гримбла, поднимая двуручный топор.

— Отправим этих тварей в ад, — сказал Глодрик сам себе, в общем гаме и шуме его никто не услышал.

Тем временем в кипе копошащихся солдат крестальцы проявляли не меньшее рвение в подготовке к отражению атаки. Арстель мысленно благодарил судьбу за то, что ему уже довелось побывать в переделках, пусть и не такого масштаба, как разворачивающаяся битва, но держать оружие и рисковать жизнью для него было не впервой, а присутствие родных сердцу односельчан, близкого друга и дорогой его душе девушки придавало веру в то, что для него это не может кончиться плохо. Сапожник ощутил, как его руку мягко стиснули тонкие женские пальцы. Юкиара светилась неколебимой решимостью, смешанной с благородным чувством любви и готовностью прикрыть Арстеля своим телом от шальной стрелы или копья при необходимости.

— Я с тобой, Арстель, — сказала девушка, — хочешь ты этого или нет.

Он крепче сжал ее руку и, встретившись с ее полным блаженной преданности взглядом, ответил:

— А я — с тобой, Юки, — в этот момент он мог бы заключить ее в объятия и поцеловать, Юкиара была бы только за, но Арстель никогда не был безнадежным романтиком, зато в дружбе едва ли нашлось бы много людей лучше него.

— А я да пребуду со всеми вами! — воскликнул Хельд, серьезность которого будто улетучилась, уступив место бесшабашному фатализму — единственному пути преодоления страха, который знал крылатый трактирщик, — не переживайте, в Йорхэне вы от меня никуда не денетесь. Надо будет там филиал Желудка Дракона открыть, надеюсь, там нет

конкурентов.

Всех женщин, кроме целительниц, включая крестальских — Карен, священнослужительницу Канарию, незрелую Наяру — эвакуировали по подземному ходу вместе с остальными беженцами. Шаю-Кишру не было видно, как и любая хаглорианка она была хорошей травницей, почему и могла принести неоценимую пользу во врачевании и спасении жизни раненных в бою солдат.

— Подкрепление, видать, не подойдет, — процедил сквозь зубы Мурвак и, опираясь двумя руками на копьё с ржавым наконечником, сплюнул за стену, — напились, походу, или остались в каком-нибудь публичном доме, чтоб их всех!

Клирийский библиотекарь Клуатак неодобрительно сощурил глаза и сказал:

— Слово короля стоит дороже его жизни, Мурвак. Они придут на подмогу, я уверен.

— А может, это у них тактика такая? — предположил плотник Харал Глыба, взводя огромную баллисту, уже заряженную гарпуном, — нас на передовую для боя на измор, а потом накинутся на уставших красножопых и поставят их раком.

— А мы, значит, пушечное мясо? — негодовал Мурвак, — я на такое не подписывался.

— Тебя никто и не спрашивал, — рассмеялся Хельд, — я даже никогда не спрашивал тебя, что ты будешь заказывать, а приносил какие-то третьесортные отбросы из кладовой.

Тем временем Ревриан Гувер уже стоял на одном колене и приводил в боевую готовность арбалет. Высунув его, заряженный крепким болтом, меж зубий стены, он прицелился в горхолда, что верховодил процессией, несущей таран с вырезанной головой Заргула на конце, к воротам. Затем сменил цель и метким выстрелом пробил грудь одному из несших таран посередине — его упавший под ноги несущим хвост пробивного орудия создал горхолдам сильные неудобства, отчего ведущему процессию горхолду пришлось бросить свое копьё, оттащить труп и занять место бесславно павшего товарища.

Клажир стоял подле Ревриана и трещал без умолку. Так он боролся со своим страхом.

— Как вы его славно подбили, господин Гувер! Вот бы с каждым так — поскорее вернусь к своей Кэлрен, утру ей слезы и отведу в Козьи Загоны, эх, заживем счастливо — и так до самой старости. Хозяйство в деревне-то без меня, поди, совсем запущено, заросло все, как мои яйца, хоть Кэлрен и просила меня без конца там побрить. Сколько ж этих уродов-то, они, вон, отсюда на всю равнину, по склону холма и чуть ли не до первых деревьев у гор топчутся сюда. Как мы их...

— Подай болт, Клажир! — скомандовал Гувер.

Клажир, спохватившись, дернулся, подбежал к стойке со стрелковыми орудиями, достал новый заряд и, не прекращая балаболить, направился с ним к Ревриану.

— Между прочим, я тоже не самый плохой стрелок! Один раз я кинул камень нашему сторожу в окно — так угодил ему прямо в глаз. Хотя он, правда, спал, лежал себе на раскладушке недвижно, но все же. Хотя было это в мои десять лет, в свои нынешние двадцать я, может, растерял свою твердость руки, но мог бы...

Пока он говорил, ряды Азрогианских стрелков присели на колени со взведенными арбалетами и под команду Рокузана дали залп. На мгновение небо закрыла темная туча, напоминавшая осиный рой, вот только осы эти несли смерть в отличие от простой боли.

— Щиты! — заорал Глодрик, укрывшись щитом за зубьем бойницы — может, он и любил испытывать себя на прочность и чувствовать, что его жизнь висит на волоске, но было это в тяжелых и неравных боях, но ганраец не был умалишенным и тем более

самоубийцей.

Юкиара дернула Арстеля и Хельда к земле, все трое укрылись за зубьями. Солдаты же ровно прикрылись щитами. На защиту Эрлингая рядом с ним стоящие Каратели, которым Глодрик дал приказ защищать жизнь короля любой ценой, образовали обитыми сталью щитами строй черепахи с непробиваемым панцирем. Чернодревковые болты горхолдов по большей части отскакивали от камня стены, высекая искры и выбивая крошево из нее, вонзались в щиты солдат, правда, несколько десятков воинов, которым не хватило расторопности, все же выкосило. Среди них был Клажир.

Ревриан Гувер с падающим сердцем лицезрел, голова юноши дернулась назад с гулким стуком и хрустом кости, болт оказался аккурат между глаз болтливого парня. Стрела пробила череп Клажира и вошла прямо в его мозг. Спустя миг он накренился, перевалился через зубья и неуклюжим кувырком обрушился вниз. Раздался всплеск мутной воды во рву, в котором упокоилось его тело. Несколько секунд назад рот его по-прежнему не закрывался, но теперь Клажир замолк навсегда. Гувер представил себе несчастное лицо Кэлрен, как она зайдет прерывистыми рыданиями, будет рвать на себе светлые волосы и всю оставшуюся жизнь прокручивать в голове бесконечные монологи своего возлюбленного. Это может быть неплохой идеей для нового романа — пришла мысль Гуверу, но он тут же осудил себя за это. На сочувствие тоже не было времени. Он взял болт, который выпал из руки Клажира, зарядил арбалет и выстрелил снова, выбив еще одного из несших таран горхолдов.

На стену были заброшены крюки, одна за другой ставились лестницы. Хотя в целом армия Заргула была прекрасно обучена, не теряла строй и давала залпы или шла в атаку четко согласно приказаниям, но у стены естественным образом их орда образовала бесформенную мешанину. Закованные в латы щупальцеголовые толкались, рвались к лестницам, закидывали веревочные крюки кто куда горазд и как умели карабкались на стену.

— Поджарим их! — проорал Глодрик, вырвал факел из рук стоящего рядом молодого бойца, швырнул в чан с горячим маслом и пинком ноги опрокинул его.

Огненный водопад вылился на головы воинов Заргула, столпившихся у стены, вой подоженных красноголовых заглушил боевые кличи лезших на стену и готовящихся к обороне, некоторые лестницы были подожены, другие откидывали солдаты. Воины Союза лили огонь на горхолдов по примеру Глодрика, валуны с катапулт стены врезались в красную толпу, оставляя там кровавые борозды с треском костей прислужников Многорогого. Горхолды продолжали штурм. Те, кто бил тараном в ворота, сдались, поскольку их одного за одним отстреливал Гувер и иже с ним, а ворота никак не поддавались, бросили таран и с остальными полезли на стену. За стеной стояли энросцы во главе с молодым Шойрилом, лучники под его равномерно раздававшиеся команды синхронно выстреливали, рой стрел сыпался за стену, кося горхолдов, но их будто даже не становилось меньше.

Первый краснокожий взобрался на стену у ног Арстеля, алые глаза слуги Заргула смотрели с ненавистью, Арстель же собрался с духом, занес копьё, но в висок врага прилетел хлесткий удар шипастого грузила на цепи Юкиары, череп его был проломлен, а сам горхолд покатился кубарем по лестнице, рассыпая товарищей в стороны.

— Говорила же, что прикрою! — подмигнула Арстелю Юки.

Хельд ловко перекрутил в руке жезл, попытался заклятием телекинетической ударной волны отбросить лестницу от стены, но не вышло, тогда он взялся за копьё и, используя его

как рычаг, опрокинул лестницу, которая с вопящими горхолдами обрушилась на стоявших на земле. Но все больше и больше красноголовых оказывалось на стене и вступало в бой с защитниками Вархула.

Керрис Галарт фехтовал безупречно. Стоя на передовой с мечом в руках бок о бок с Эрлингаем старый вояка в несколько секунд перефехтовал горхолда с алебардой, рывком увернувшись от укола и пронзив мечом его брюхо. Следующий с двумя мечами попытался ударить восьмеркой, но Керрис Галарт, несмотря на боль в коленях, крученым резким движением отбросил один меч врага, другой заблокировал восходящим защитным приемом, после чего рубанул врага наискось. С разрубленным туловищем горхолд упал под ноги сражающимся, об его труп споткнулся следующий из залезших на стену красноголовых, падая, неуклюже он оттолкнул лестницу, что заставило остальных из тех, кто лез или почти залез рухнуть под стену или в ров вместе с ним.

Крестальцы сражались ровным строем, прикрывая бока друг друга. Цепь Юкиарь мелькала, обезоруживая горхолдов, шипы резали им глотки, а наболдашник цепи ломал кости и крошил черепа. Девушка была грациозна и ловка точно пантера. Арстелю она даже и сражаться толком не давала, сапожник лишь закрывал щитом от ударов Хельда и равшара-Гранаша, изредка тыча копьем в горхолдов, но по большей части его удары скользили по их латам, а рука крестальца быстро уставала. Тем не менее, одному дюжему верзиле, который уже занес над головой булаву, удар которой разбил бы щит Арстеля в щепки, его копье угодило прямо в лицо, прошло через рот и вышло из затылка. Сапожник аж раскрыл рот от произошедшего, бил он чисто машинально. На Мурвака бросился горхолд, уравнивший с лестницы меч, с одним ножом в руках, но лесоруб не дал к себе подойти, мощным взмахом топора расколов череп красноголового. Следующий с топором со стальной рукоятью взревел:

— Собаки, как вы смеете бросать вызов армии императора?

Мурвак сцепился с ним, отвел стальное древко топора своим, древесным, заехав при этом концом древка тому по подбородку, обратным же движением на ближней дистанции он угодил топорищем в висок горхолда, мгновенно убив его. Топор, правда, вошел так глубоко, что пришлось ставить ногу на спину павшего врага, чтобы выдернуть оружие.

— Краснозадые ублюдки... — истекая потом и брызжа слюной Мурвак давал выход своей ярости и искренней ненависти к врагу и этой войне.

Едва он выдернул топор из черепа и растекшихся в луже крови мозгов убитого им воина, как средний из троих, влезших на стену, копыеносец со щитом в свободной руке, сделал выпад в его сторону. Мурвак отбил удар древком, реакция у лесоруба была неплохой, пнул его ногой в колено, силы хватило, чтобы выбить коленную чашечку. С утробным рычанием горхолд упал и закрылся щитом. Уверенный в своем превосходстве Мурвак продолжил атаку.

— Твою мать, — ругался Мурвак, молотя топором по закрывшемуся стальным щитом копыеносцу, — мрази! Выродки! Как вы меня достали... попортили жизнь всем нам... Да чтоб вашему рогатому недоебку провалиться в...

Куда провалится Заргул, он сказать не смог, потому что легкое Мурвака было пробито копьем. Пусть и на одной ноге, но горхолд сумел подняться и нанести смертельный удар, воспользовавшись секундной паузой, пока Мурвак переводил дух и снова заносил топор. Латы лесоруба были дешевые, старые, в боку была широкая прореха, через которую и всадил копье враг.

— Мурвак! — Харал Глыба ударом молота размолотил голову победно улыбающегося

горхолда, но было поздно, Мурвак осел на землю, харкаясь и плюясь кровью.

Он прерывисто дышал, с тяжелым скрипом выпуская воздух с новыми струйками крови. Держась за копьё, лесоруб пытался его вытащить, но силы уже не хватало. Односельчане не могли помочь ему, через полулежавшего у зубьев бастиона Мурвака перемахивало все больше красноголовых, не обращая внимания на него.

Лицо его исказила гримаса боли и отчаянной злобы, Мурвак сжал руку в кулаке и обреченно ударил о каменную плитку.

— Будь же проклята эта долбаная, — он снова зашелся кровавым кашлем, харкнул кровью, после чего добавил, — война.

Глаза Мурвака закатились, и он обрел вечный покой. Когда лесоруб уже был мертв, его лицо выражало блаженное спокойствие, умиротворение, будто он обрел просветление. Та злоба и тяжесть на душе, что всю жизнь одолевала его, покинула тело вместе с мятежной, но благородной душой. Крестальцы продолжали обороняться, их теснили к лестницам. Гранаша подбила стрела залезшего на стену арбалетчика, Хельду тут удалось применить огненное заклятие, флорскел направил жезл на врага, отчего тот вопил, охваченным магическим пламенем, которое не мог бы сбить ни один не искушенный в сверхъестественных знаниях воин.

— Отходим! — крикнула Юкиара, продолжая вращать цепь, держа горхолдов на дистанции, — одним нам не выстоять.

Армия Заргула уже промяла центр, крестальцы спустились по лестнице, а горхолды продолжали давить сверху, но тут же на три четверти были выбиты меткими выстрелами энросских лучников. Юкиара оступилась, упала набок и, ловко перекатившись, встала на одно колено, но нависший над ней горхолд уже заносил клинок над девичьей головой, от этого удара уйти Юки бы не успела. Просвистела в воздухе стрела, вонзившись врагу в грудь и спасая жизнь девушке. Когда она обернулась, увидела заговорщически подмигнувшего ей Шойрила и благодарно ему кивнула.

Харал Зверюга за время отхода с лестницы раскидывал своим молотом наступающую вражину, но он, к сожалению, пренебрег защитой, надев на себя лишь шлем и легкий кожаный панцирь. Богатырское телосложение не спасло плотника от стрел, его ноги, бицепсы и грудь были усеяны черными древками, здоровяк истекал кровью, растянувшись на ступенях. Пока он в беспомощности от потери крови испускал дух, крестальцы сносили его тело со ступень, а битва продолжала бушевать. Арстель даже не чувствовал горечи от потери еще одного близкого друга. Погибли Гранаш, Мурвак, Клуатак еще бился на стене с щитом и клирийским ятаганом в руках, но вот уже и его трое горхолдов насадили на свои копьё, подняли в воздух и перекинули через стену.

Эрлингай показывал высококлассное мастерство владения мечом, ему удавалось рубиться одновременно с пятью горхолдами, его клинок мелькал на невообразимой скорости. Отбив копьё одного из них он круговым шагом зашел противнику за спину с одновременным ударом меча отсекая ему голову, затем толкнул тело в сторону двоих с топорами, чем отвлек их, вступил в бой с двумя стоящими на другой стороне — вооруженным парными кривыми мечами и глефой. Глефоносец бил ударом косаря на средней высоте, намереваясь достать подбрюшье Эрлингая, не прикрытое латным панцирем, но рыцарь ловко отскочил от удара и тут же дернулся вперед, с прыжка вонзив острие Фарендила врагу прямо в сердце. Меченосец налетел на Эрлингая, рубя со всех сторон, но это скорее напоминало вертящиеся на ветру рукава рубахи, накинутой на огородное пугало, в

движениях его клинков не было и намек на синхронность и слаженность. Отбив очередной размашистый удар верхним блоком, Эрлинггай раскрутил свой меч и обезоружил врага, отсекая его кисть, после чего с разворота снес голову. На тех же, кто держал в руках топоры, накинулся Глоддрик как мангуст на кобру. Первый не успел среагировать, и половина его головы уже была срублена — Каратель пронесся как ураган, второй попытался ударить, но Глоддрик с безумным оскалом сдавленно зарычал, уклонился от вертикального рубящего удара вбок и тут же пронзил грудь врага насквозь. Керрис Галарт с Эрлинггаем стали бок о бок, продолжая истреблять врагов десятками.

— Мне делает честь, — отдышавшись после очередного пораженного метким уколом горхолда сказал Керрис Галарт, — что мне суждено биться с Вашим Величеством спиной к спине. А больше... — он схлестнулся с другим, но спустя обмен несколькими ударами и предсмертный крик горхолда с разрубленным по горизонтали туловищем и вываливающимися кишками, закончил, — льстит то, что вас так хорошо обучил я.

Эрлинггай, отбиваясь от шквала уколов нескольких копий и ответными выпадами поражая их обладателей одного за другим, ответил:

— Ты был хорошим учителем, генерал Галарт. Если я погибну сегодня с тобой вместе, это будет великой честью для меня.

Гувер, прислонившийся к стене за два десятка шагов от короля и за три — от остервенело рубящегося с десятком залезших на стену своего брата, точнее, быстро убивающего их Глоддрика, уже не имел времени, чтобы стрелять. Когда он выпустил последнюю стрелу, он бил в гущу подступавших к стене красноголовых, надеясь достать случайного врага, но тут же по веревке с крюком влез бронированный горхолд, в зубах державший клинок. Не успел он хватиться за меч, одной рукой держась за вершину стены, как получил по скуле размашистый удар арбалетом от Гувера, отчего полетел, наворачивая в воздухе круги, вниз. Гувер взял копьё и щит, занял боевую позицию и приготовился биться, но тут начались серьезные проблемы у защитников стены, стоявших рядом с ним. Канда, молтивший по головам лезших на стену горхолдов, своей тяжеловесной кувалдой, которую мог поднять только двухметровый силач-северянин, вдруг сдавленно захрипел, со свистом вверх ударила шипастая цепь и обмоталась вокруг его шеи. Цепь рванула вниз, могучая шея Канда хрустнула, он рухнул лицом вниз, заставив еще нерасхвачанные мечи, ножи, топоры и копьё со стрелами посыпаться солдатам под ноги. На стену одновременно с этим взлетел Скорпион, лицо которого по-прежнему было скрыто полумаской, на голову надвинут капюшон, а красные глаза с выступившими прожилками светились в наступающей темноте. Тут же приземлившись, он сделал сальто, раскручивая цепь над головой, этим ударом он вскрыл глотки и рассек лица, глаза стоявших вокруг солдат, Гувера не задело лишь потому, что он был слишком далеко. Приземлившись, Скорпион припал к земле и круговым ударом подсек ноги защитников крепости, отчего смертельно раненные его ядом повалились многие солдаты. Лучшие бойцы Карательного Отряда — Энмола и Драконобой уже бежали в его сторону, но, как понял Гувер, Скорпиону хватит времени, чтобы расчистить горхолдам путь в этой части стены. Ассасин, развернувшись вокруг своей оси, осыпал собравшихся кинуться на него аргойских и ганрайских солдат дождем отравленных шипов, отчего и выжившие похватались за глотки и глаза. Один этот клириец успел вынести больше двадцати бойцов. Гувер сжал копьё, ему везло, Скорпион даже боковым зрением не замечал притаившегося писателя. И вот он, настал момент сделать нечто подобное тому, что Гувер воображал и о чем писал большую часть своей сознательной и самостоятельной жизни. Подвиг

самопожертвования был одним из любимых сюжетных ходов Ревiana, практически каждый из его главных героев в конце повествования приносил себя в жертву во имя родины, любви, высокой цели — всего, что могло бы зажечь огонь благородных и возвышенных устремлений в сердцах читателей. Но писать о таких людях и быть таким самому, разумеется, вещи совершенно разные. Однако Ревianу удалось совместить это в себе. Он набежал на Скорпиона, которого не подвела отточенная многолетними тренировками и заданиями наемного убийцы реакция. В последний момент он развернулся рваным движением, с быстротой ветра предплечьем переломил древко копья, встречной атакой достал из-за голенища отравленный метательный кинжал и всадил его Ревianу Гуверу в глотку, после чего схватил писателя за затылок и с силой размозжил его голову о бойницу. Теперь уже роман о войне за будущее Ранкора если и будет дописан, то точно не рукой этого прославленного в народе мастера слова.

— Сдохни, ошибка природы! — кричал Драконобой.

От кругового удара булавы Скорпион с презрительным смешком ушел, присел под второй и развернулся влоборота, подсекши татуированного мафиози под ноги цепью, после чего добил его, резким ударом перерезав тем же метательным ножом глотку. Энмола раскрутила свои цепи, метнула их одновременно, пытаясь обмотать ими тело ассасина, но Скорпион перекатился вперед, те лишь высекли искры на камне, резко встал и метнул нож в клирийку. Та его отбила, вскинув цепи, но Скорпион воспользовался тем, что отвлек на это ее внимание, что ему позволило заарканить молодую южанку своей цепью и резким рывком опрокинуть на землю. Кровавая слюна стекала с уголка рта темнокожей девушки, шея ее была сломана.

— Брат... — прошептал Глоддрик, заведев тело Ревiana в луже крови возле убитых тем же ассасином своих ближайших подчиненных.

Он не издал ни звука, казалось, это вовсе не он только что потерял брата. Единственный способ облегчить тяжесть на сердце от такой утраты — полностью отдаться боевому безумству. Глоддрик растянул губы в улыбке до ушей, оскалил зубы, до боли их стиснув, разразился диким хохотом, заставив в ужасе отпрянуть и своих, и горхолдов с равшарами. Он ринулся в атаку, прорубая себе дорогу через отряд равшаров-берсерков, влезших на стену, те даже и не слишком пытались защищаться, Глоддрик был слишком быстр и силен. Сквозь кровавый коридор потеков крови и отсеченных конечностей Ганрайский Демон налетел вихрем на Скорпиона. Стремительный удар меча в голову почти достиг цели, но Скорпион вскинул цепь и отбросил зазубренный искривленный клинок. Глоддрик зашелся тихим смехом безумца, который вдруг перешел в хрипкое рычание, не сбавляя скорости обрушил серию рубящих ударов крест-накрест, по горизонтали, с разворота ударил по дуге, но обезглавить Скорпиона не удалось, тот либо уворачивался, либо отбивал удары цепью, но поймать Глоддрика не удавалось — несмотря на возраст ганраец был молнеиносен.

— Что, братика жалко? — с издевкой бросил Скорпион, — но для такого слабака он уж больно смел, надо отдать ему должное.

— Заткнись! — выплюнул это слово Глоддрик.

Ассасин снова запустил цепь как лассо, подкрутив ее в воздухе, но Глоддрик рванул по диагонали, увернувшись от цепи на бегу так, что в движении почти припал к земле, кувырнулся и в прыжке на дистанции, на которой цепь бесполезна, отрубил начисто убийце-отравителю с юга руку, державшую цепное орудие пыток и убийств. Черная кровь забила ключом. Глоддрик на миг задумался, а могла ли эта кровь тоже быть ядовитой, но не

остановился ни на полсекунды, зная, что даже однорукий этот убийца был опаснее гадюки. Скорпион уже запустил руку за пазуху, шаря там на предмет отравленного шила, но Глоддрик ударом кулака свободной руки смазал его по скуле так, что ассасин отлетел к зубьям.

— За Ревiana! А это за Карателей! — Глоддрик пнул Скорпиона ногой в грудь, и тот полетел со стены.

Глоддрик бегло взглянул, куда упал ассасин, поскольку даже при падении с такой высоты выучка могла его спасти, но зацепиться ни за что Скорпиону не удалось. Он приземлился спиной аккурат на обтесанный кол у рва, который пробил ему грудную клетку насквозь. Шаабан, Ревian Гувер, храбрые Каратели, Брок и многие другие, кто пал жертвой подлой руки этого бесчестного убийцы, были отмщены.

И тут на панораме суетящихся пеших воинов и топчущихся наездников на ящерах, от которых при штурме никакого толку, Глоддрик заметил, как по вытоптанной тропинке Норберт Гартахол торопливо шагает к крепостной стене с вражеской половины. Слуги Заргула его не трогали. Когда Гартахол надавил на один из кирпичей, после чего мегалит стены развернулся, открывая проход на первые этажи стены-крепости, Глоддрику все стало понятно.

— Вероломный мудила, — выдавил он из себя с презрением эти слова, разбежался по краю стены, не обращая внимания на свистящие над ухом копья, мечи и топоры, пронсящие мимо головы стрелы, спрыгнул на черепицу одного из балкого нижних этажей, скатился по ней и с прыжком, завершаемым сальто, опустился на землю аккурат перед лицом остолбеневшего Гартахола, не ожидавшего, что встретится со своим бывшим начальником лицом к лицу. Колени Глоддрика, как и его ступни, жутко болели, в почти шестидесятилетнем возрасте совершать такие кульбиты и трюки было противопоказано. Поморщившись, Глоддрик резко поднялся и, хоть в его глазу потемнело, он бросился на Гартахола. Тот, выхватив меч наполовину, успел отразить удар, вытащив же до конца, контратаковал колющим выпадом, но Глоддрик, вышиб меч из его руки встречным ударом, рванув навстречу, рассек кирасу бывшего соратника косым ударом. Гартахол повалился на спину, тяжело дыша.

— Зачем? — с презрением спросил Глоддрик.

— Глупцы... — с огромным усилием проговорил умирающий Гартахол, — у вас нет... шансов... лучше... сдайтесь...

Глоддрик саданул подошвой по бледному лицу бывшей правой руки, но это было бессмысленно — Гартахол был мертв.

Красноголовые бойцы, казалось, не обращали внимания на этот ход, хотя никто кроме Глоддрика его не защищал, они продолжали лезть на стену. Но тут в их рядах раздалось змеиное шипение, которое заглушил женский смех, и из отряда бойцов, мерно подступавших к стене, вышла краснокожая женщина, на вид молодая, хотя было ей лет больше тысячи, она была свидетельницей первой войны за Ранкор, когда были еще живы ученики Калтахина Великого. Вместо шупалец на ее голове вилось скопище шипящих змей, сама она тоже то и дело хищно облизывалась и шипела подобно им, будто и сама принадлежала к гадам.

— Ну и гадюшник у тебя на бошке, — с напряжением оскалился Глоддрик.

— Тебе не нравится? — издевательски выгнула она бровь, склонив голову набок, — ну и ладно, мы с тобой все равно поиграем.

Глоддрик выставил меч перед собой и завел левую ногу назад, подогнул колени,

готовясь бить первым, но женщину обступила тройка других воинов Кровавого Легиона. Здесь были все, кроме генерала Рокузана. Картаг Дробитель, горхолд высотой в два с половиной метра, челюсть его была сдвинута на бок, а со свисшего языка и кривых неровных зубов все стекали струи слюней, взгляд же его посаженных близко, как у гориллы, глаз был пустым и отсутствующим, что говорило о его умственной отсталости. В руках, вздувшиеся мышцы которых толщиной могли бы поспорить с диаметром ствола среднего дерева, держали два огромных шипастых кистеня на цепях. Другой горхолд был высоким, помимо стальной шипастой кирасы и щитков на предплечьях и бедрах он носил плащ с капюшоном, почти полностью скрывавший его длинное, вытянутое лицо, из которого был виден лишь острый подбородок. Его шесть рук держали по искривленному мечу. Нангор Шестирукий или же Нангор Паук. Другой же воин среднего роста и коренастый, широкоплечий, был с головы до пят закован в тяжеленную броню, даже его щупальца, стоявшие дыбом, были обиты железом, точно его голова была наверху моргенштерна. Через его доспехи и двуручный стальной топор сверкали молнии, он сам по себе был постоянным проводником электричества. Легион, который в глубокой древности наводил ужас на весь род разумных существ смертной природы, косил толпами силы сопротивления, множа победы воинства Многорогого. Отряду, прославленному в мифах древности, бросал вызов человек нового времени. И это лишь еще больше вгоняло его в раж.

— Мы с тобой вволю поиграемся, — сказал Железноголовый, голос которого звучал глухо из-под пластинчатого забрала, усеянного мелкими дырами для вентиляции.

Глодрик без лишних слов стремглав кинулся на них. Когда он прыгнул на Ашгару Горгону, занеся меч в ударе, его гогочущий вопль был слышен даже на стене.

Таран в ворота уже не бил — толпы красноголовых ломались в них, то наваливаясь толпой, то прорубали лазы топорами. Северяне под предводительством Гримблы стояли с оружием наготове, Энросцы за ними продолжали косить врагов за стеной равномерными залпами.

— Ждем, — протянул Гримбла, перехватывая топор поудобнее, — ждем...

Лица таких же северян, как и его молодчики, высывались из прорубленных в воротах дыр, размалеванные боевыми красками они издавали те же кличи, вопили, требуя крови братьев. На широких же их волосатых грудях красовались сделанные каленым железом клейма Азрога.

Тут, наконец, под их следующим навалом ворота поддались, с громким хрустом переломились, и по груде обломков балок, камней и разбитых бревенчатых досок во внутренний двор ломанулись варвары с Севера, присягнувшие Заргулу. Люди Гримблы ответно взревели, после чего завязалась настоящая мясорубка. Когда бьются сыны Севера, то кровопролитие не уступает равшаровым побоищам. Выбитые зубы, животные вопли, раскроенные топорами черепа, рукопашное месилово — все это нашло свое место и здесь. Краух Гримбла, несмотря на подступающую старость, уложил пятерых. Первый — юнец, у которого даже еще борода не начала расти, но до ужаса высокий и мускулистый, несмотря на свою физическую силу, отличался откровенным неумением сражаться, он размашисто занес свои топоры, по скоростной восходящий размах орудия Гримблы врезал ему по подбородку, топорище рассекло челюсть и расколело череп надвое. С двумя другими — татуированными молодцами — один в медвежьей шкуре, другой в одной набедренной повязке, он расправился без особого труда, первый при атаке не рассчитал силу, лихо

размахнувшись мечом, Гримбла ушел в сторону от удара, а когда тот, что в шкуре, повалился вперед, ударом топора об затылок вышиб врагу мозги. Тот же, что с голым торсом, попробовал достать Гримблу кинжалом, но король Севера захватил руку в движении, выкрутил ее, ломая кисть, и, перехватив топор, вскрыл его лезвием брюхо врага. Ему удалось уложить еще двоих. В такой неразберихе, братоубийственном замесе, где северяне бьют северян же, было сложно разобрать, где свои и чужие, но Гримбле долго думать не пришлось — на него напрыгнул чернобородый Вагарн, ловко перемахнув через сваленные на землю трупы. Он был вооружен двумя палашами, одет же был в грубую заляпанную грязью серую тунику, на которую были наброшены ржавые стальные пластины, его мешковатые штаны были подвязаны веревочными портянками.

Гримбла ушел от дугового удара палашом в голову, уклонился от горизонтального в область пояса и ударил в ответ, его топориче понеслось в голову Вагарна, но тот успел отдернуться, инстинктивно вскинув палаш, который со звоном столкнулся с лезвием топора, едва не переломившись.

— Вы с этим черножопым ублюдком порешили моего брата, — с ненавистью сквозь зубы сказал Вагарн, сквозь его сгнившие от налета зубы стекала слюна на спутанную черную бороду.

— Он уже был мертв, придурок, — ощерился Гримбла.

Вагарн снова занес палаши кверху и обрушил двойной удар в шею Гримблы, собираясь отрубить ее ударом, напомиравшем ножницы, но Гримбла присел, дернулся вперед и ударил древком топора врага под дых, после чего заехал им же по подбородку, собрался уже вогнать топориче в темя, но Вагарн поймал жилистой рукой древко на лету, отдернул его в сторону и боднул Гримблу лбом в лицо. С плевком на землю упала кровь с несколькими зубами, но они все равно были гнилые, поэтому Гримбла на этот счет сожалений не испытывал. Вокруг них северяне продолжали жестоким образом убивать друг друга, но король Севера и прислужник Заргула были заняты лишь своим противоборством. Вагарн собрался ударить головой снова, но Гримбла на этот раз дернул свою голову в сторону, прижался к противнику и заключил его голову в крепкий замок, собираясь сломать. Но Вагарн вцепился руками в его локти, разжимая хватку, одновременно с этим отдавив Гримбле вначале ногу, а затем — ударив подошвой в колено. Шестидесятилетнему Гримбле было сложно меряться силами с сорокалетним Вагарном, но когда его колено было выбито, он припал к земле, не разжимая хвата. Однако хватка короля ослабела, Вагарн мгновенно разорвал замок, пинком опрокинул Гримблу на спину и, подобрав один из упавших палашей, занес его над лежащим.

— Ты победил меня, — сказал Гримбла, — но все же в проигрыше, душа твоя потеряна, а ты навсегда останешься предателем. Север такое не прощает.

Вагарн сокрушительным ударом меча отсек Гримбле голову, но после этого рухнул наземь аки подкошенное под корень дерево. Его грудь насквозь пробил стрела Шойрила. Тем временем северяне Гримблы все же одержали верх, а солдаты Эрлингая помогли им окончательно разогнать приверженцев Заргула, боевая ярость которых со смертью вожака заметно угасла. Однако горхолды продолжали давить числом, лезть на стены, и уже заняли практически всю длину стены Вархула, заставляя солдат постепенно отходить.

Тем временем Керрис Галарт и Эрлингай бились впереди всех, задерживая отступление, они разили налево и направо, но равшаров и горхолдов было не счесть. Сквозь толпы копейщиков протиснулся Рокузан, закованный в золоченые по краям латы.

— Долго возитесь с этим мусором, — схватившись за длиннющую рукоять меча обеими руками, он занял боевую стойку и двинулся на двоих спереди, — не лезьте под руку, если жизнь дорога. Я разберусь.

По флангам бой продолжался с неизменной ожесточенностью, плотные ряды бронированных горхолдов проминали позиции людей, все дальше отгоняя их к спуску со стены, все чаще стальные пилумы рабов Заргула пробивали кольчуги и щиты храбрых солдат Союза, стальные подошвы сынов Азрога с презрительным небрежением переступали через трупы как своих, коим не нужно было большей чести, чем погибнуть во имя общего дела своего народа, так и чрез растянувшиеся на холодном и залитом горячей кровью камне вражеских ополченцев. Но центр, где сам генерал армии подземелий соблаговолил подняться, горхолды будто обтекали.

— Действуем синхронно, Ваше Величество, — сжал губы Керрис, разминая кисти покручиванием рукояти клинка, понизив голос, старый полководец добавил, — заходим с обеих сторон. Сделаем гаду коробку!

Эрлинггай Четвертый мотнул головой в знак готовности, шагнул, чуть наклонив корпус вперед, Керрис ухватился за меч обеими руками и передовые фехтовальщики Аргои устремились в бой. Вот только их опередили, Рокузан был не меньше ихнего искушен в науке боя на мечах. Едва они разбежались в разные стороны, собираясь с обоих боков зажать Рокузана, горхолд сам оторвался от полчищ сородичей, напиравших с лестниц на стену, и едва различимым невооруженным глазом рубящим движением отбил колющий выпад Эрлинггай. Затем он круто развернул корпус и его крепкий двуручник столкнулся с лезвием меча Керриса. В воздух взлетел сноп искр, звон стали резал слух, от столкновения старого воина отбросило на полшага, высокий горхолд же крепко стоял на ногах, словно они были утесами, глубоко вросшими в земную кору. Рокузан вскинул клинок над головой и уже собрался осыпать Галарта градом ударов, от которого старику едва хватило бы силы защищаться, как Эрлинггай, слишком благородный для того, чтобы атаковать со спины, выскочил из-за плеча горхолда. Едва Рокузан заметил врага боковым зрением, как ему ударил в глаза блеск солнца, отраженного от клинка Эрлинггай, а затем ему пришлось выставить свой двуручный меч в вертикальный блок. Напирая своим весом, генерал Рокузан, которому Эрлинггай ростом доставал до уха, попытался смести короля Союза, но Эрлинггай использовал силу врага против него же, развернулся на одних пятках от толчка и по инерции движения резанул Фарендиллом вражеского военачальника по лицу. Разрубить голову как сочный клирийский арбуз не вышло, поскольку Рокузан снова поставил блок, рванул мечи, скрежещущие друг о друга, в сторону и восходящим движением свободной руки заехал локтем, сокрытым стальной пластиной, Эрлинггаю в висок. Благо, череп короля не пострадал, но от такого потрясения он беззвучно упал на одно колено, и шедшие сзади горхолды бы его прикончили, если бы дело не собрался закончить сам Рокузан.

— Неверный! — взревел верховодитель армии красноголовых, — за непокорность владыке подземелий именем Заргула приговариваю тебя к обезглавливанию!

Рывком занес меч над головой Рокузан и уже обрушил на не успевшего ни встать, ни откатиться слегка оглушенного Эрлинггай, как рядом оказался Керрис Галарт и ударом снизу-вверх отбросил двуручник вверх так, что его острие указало на небеса, а Рокузан пошатнулся, хоть ему и удалось сохранить равновесие. Тяжело дыша, так как для спасения своего бывшего подопечного и теперешнего государя пришлось как следует рвануть во весь опор, Керрис тем не менее принял боевую позицию.

— Держитесь за мной, Ваше Величество! — окликнул он Эрлингя.

Его боевой товарищ уже поднялся на ноги, но на него накинuloсь трое копейщиков-щитоносцев, влезших на стену, посему Галарт остался с генералом один на один.

— Отчего вы не покоритесь? — с искренним недоумением вопрошал Рокузан, глядя на отчаянно сражающихся людей, которых его армия успешно теснила, как на умалишенных, — вы умираете, пока остальные народы отсиживаются в своих домах, как жалкие трусы. За этот мир вы боретесь? За мир, который на вас плевать хотел?

— Мы сражаемся за родину, — ответил Керрис, — и за мир, в котором у Союза есть будущее, другой Ранкор нам не нужен. Так и передай своему императору — Союз не покорился ни при Ранкоре Несокрушимом, не преклонит колени и сейчас.

Рокузан стиснул зубы и глубоко вздохнул, давая понять, что в благородных словах человека, преданного отчизне, он не видит ничего большего, чем глупость существа с ограниченным видением мира.

— Тогда мы возьмем свое силой! — повысил голос Рокузан и рубанул наискось.

От первого удара Керрис ушел, быстро контратаковал коротким выпадом в шею, который Рокузан успел отразить в последний момент. Мечи снова схлестнулись, Рокузан ударил по горизонтали с разворота, Галарт ловко отпрянул и, ничем не задетый, наскочил на противника. Старик провел обманный трюк — дернул клинок сверху-вниз по косой, Рокузан уже приготовился блокировать, но вдруг траектория удара сменилась, и сталь прорубила алую кожу ненавистного захватчика в районе предплечья. Не обращая внимания на боль Рокузан заскрипел зубами и, не сдерживая гнев, вызванный тем, что его мастерство боя не так лишено изъянов, как об этом говорили его солдаты, славя заслуги своего командира, генерал армии подземелий ударил снова, вложив всю силу в вертикальную атаку. Старый вояка уклонился с отшагом вбок, но клинок Рокузана был быстр подобно ветру и настиг старое тело аргойского воина, прошелся по его дешевому наскоро сделанному нагруднику и зацепил бок в месте, где брюшная и спинная части кирасы расходились. Галарт, не обращая внимания на кровь, капающую с его пробитой кольчуги, бил в ответ крест-накрест, но снова обманул Рокузана, не доведя до финала последней атаки, а тут же взрезал воздух прямой атакой снизу-вверх. Рокузан чудом успел уклониться, но оступился, наткнувшись ногой на протянутую руку убитого горхолда-арбалетчика, упал на ограждение стены. Лишь железный характер и дисциплинированность военного до мозга костей человека позволяла усачу в столь почтенном возрасте оставаться в боевой готовности, хоть и его ежедневные тренировки с каждым годом давались тяжелее, а суставы все сильнее ныли, когда он брался за меч. Галарт обрушил шквалистый поток ударов сверху, Рокузан, облокотившийся на зубья стены, отбил первый, защитился от второго неуклюжим блоком, не рассчитав место удара меча врага он едва не дал оттяпать пол-левой руки. Острие клинка его было отброшено разошедшимся в порыве своего наступления Керрисом к ногам, генерал Аргои уже занес оружие над незащищенной головой вражеского полководца, но вдруг его бедро пронзило копьё пронесшегося мимо солдата Азрога. С тяжелым оханьем Керрис опустил на колено, несмотря на то, что конец копья, вонзившегося в ногу, раздробил коленную чашечку, генерал выбросил меч в колющей атаке, стоя на одном колене, но было поздно. Воспользовавшийся слабостью врага, чтобы занять устойчивое положение, Рокузан отвел перекручивающим движением меч старого главнокомандующего противостоящей ему армии в сторону и с неумолимой быстротой и точностью расколочил череп Галарта нисходящей вертикальной атакой тяжеловесного клинка. Бывалый воин тут же обмяк и свалился на грудь

разбросанного оружия, вымазанного в крови, лицом вниз. Тем временем Эрлинггай отшвырнул копьё последнего оставшегося из тех, что на него напали, разрубил пехотинца в районе пояса надвое, после чего они с Рокузаном вновь нашли друг друга на поле боя. Керрис был уже не помощник, у Эрлинггай сдавило горло при виде давнего друга убитого столь жестоким образом, но он не позволил эмоциям взять над собой верх.

— Уложил его, — с вызовом сказал Эрлинггай, шагая к стене, у которой стоял Рокузан, не обращая внимания на своих подчиненных, что продолжали переваливать через стену, — теперь попробуй меня.

Рокузан рассмеялся, вздернул массивный подбородок и, всеми силами стараясь глядеть свысока, бросил:

— Вам обоим не место в мире, что строит император. И то, что вас убьет его генерал лично — уже неоправданная почесть.

Они столкнулись как двое львов в клирийских землях, что борются за прекраснейшую самку прайда. Началась схватка с короткого обмена ударами, чаще всего это является прелюдией к настоящему бою, когда противоборцы лишь примериваются друг к другу, — Эрлинггай попытался провести укол, который, однако, не достиг цели, после чего со свистом рассек воздух, целя в незащищенную голову Рокузана, но тот лишь подсел под удар, однако фамильный клинок королевской династии в своем стремительном полете успел срезать двое щупалец с головы прислужника сил Азроговых подземелий. От приступа ярости резкие черты лица Рокузана, которое чаще всего походило на лик каменного изваяния одного из духов в катакомбах родины народа горхолдов, обрели форму разъяренности, которая больше подошла бы внеземным существам из темных миров, чем смертным. Двуручник был взброшен, Рокузан обернулся вполкруга, и вот уже Эрлинггаю пришлось уйти перекатом в сторону — блокировать было бессмысленно, от удара такой силы Фарендил бы не рассыпался, но Эрлинггай бы равновесие утратил. Перекатившись, Эрлинггай одним мышечным и волевым импульсом выпрямил ноги, вскочив вверх и, в шаге от Рокузана, секанул его по диагонали с такого широкого размаху, как если бы собирался валить дерево под основание. Керрис при жизни его учил, что замах меча выдает твою атаку еще до ее начала и позволяет противнику защититься и ударить навстречу, но в исключительных случаях размашистые атаки были успешны — если видимость удара компенсировалась его скоростью. Эрлинггай был быстр как тайфун и не менее смертоносен. При этом он находился в полуслепой зоне от Рокузана — с левого боку, посему врагу требовалось время развернуться, чтобы отразить удар — время, которого у него не оказалось. С тяжелым выдохом дородный горхолд отклонился назад, но не ушел от атаки полностью — Эрлинггай разрезал ему лицо от глаза до подбородка, наполовину лишив зрения. Не обращая внимания на адскую боль и кровь, хлынувшую из разрубленного глазного яблока, Рокузан ударил рукоятью своего меча — Эрлинггай заблокировал нападение предплечьем, после чего попытался ударить сверху, как если бы колот топором дрова, но Эрлинггай подцепил своим клинком неподъемное для человеческой руки орудие Рокузана, провернул в полный круг клинки и рывковым образом дернул их в сторону — Рокузан был обезоружен, длинная рукоять выскользнула из его рук так легко, как если бы она была щедро вымочена в масле. Не успел первый глашатай Заргула и носитель его знамени опомниться, как его тело скрутила судорога, сопровождающаяся всплеском боли, близкой к пороговому значению терпимости Рокузана, в его животе смотрелась изящно гравированная рукоять Эрлинггаева меча. Король навалился всем весом и нажимом погнался пронзенного насквозь вражеского

генерала к стене.

— Вас все равно перебьют! — кровавая слюна стекла с подбородка Рокузана, — моя смерть ничего не изменит, Заргулу суждено...

Договорить он не успел, так как Эрлингай выдернул меч из его накаченного корпуса и, обернувшись в полный круг, отрубил голову врагу подчистую. Керрис Галарт был отомщен, а обезглавленный Рокузан, из шеи которого хлестала ключом кровь, грянулся наземь рядом с убитым им ветераном, посвятившим жизнь и отдавшим ее за будущее Союза. Секундой позже о плитку глухо ударилась и голова краснокожего воина. Горхолды, как ни странно, не растерялись при гибели своего предводителя — они ее даже не заметили, продолжали переть всем скопом, преступая чрез его облившееся кровавыми потоками тело. Эрлингай продолжал отбиваться от их копий, филигранно точными ударами меча, выверенными с ювелирной безупречностью благодаря его многолетней выучке, он рядил их фалангу, однако с мечом на дальности копий сражаться было непросто. Во многих частях стены горхолды уже отогнали людей во внутренний дворик, а с верхней позиции на лестницах теснить их было еще легче. Солдаты уже подустали, бились вяло, тогда как горхолдов все прибывало и они, более свежие, только влезшие на стену, продолжали давить числом. Внешнее кольцо крепости было забито неровно толпящимися защитниками стены Вархула и наступавшими красноголовыми. Эрлингай поблагодарил Илгериаса за то, что удалось вовремя вывести женщин, детей и стариков, страшно представить, что было бы, окажись они в котле этой мясорубки. Арстель невидящим взором оглядывал происходящее, горхолды ломились внутрь, опрокидывали оружейные стойки, что уже были пусты, раскидывали палатки и вламывались в бараки, в которых обосновались стрелки, косившие наступавших из окошек. Энросцы уже не могли давать залпы и отправлять на тот свет гущи горхолдов, стоявших за стеной — добрались и до них. Шойрил двинул одному в кадык острым концом лука, другому воткнул глубоко в глаз наконечник стрелы, достал мачете и уложил еще одного мощным ударом в темя, но его окружило четверо копейщиков и разом насадили на пилумы. Энросцы пытались отстреливаться, но решитить стрелами в столь хаотичной обстановке уже было сложно, горхолды их мочили с непреклонным отсутствием надежды на перелом в раскладе сил. Юкиара продолжала прикрывать Арстеля и Хельда, но и она уже начала уставать, ее цепь летала не так далеко, хотя горхолды в испуге отскакивали от вспотевшей и взлохмаченной девушки, что успевала обезоружить их и ранить шипастым кистенем цепи в незащищенных местах благодаря своей природной меткости и натренированной твердости руки. Арстель скорее поддерживал строй, чем сражался, его копье поразило еще двоих горхолдов, но скорее из-за того что в общей сумятице они слишком открылись для удара, чем оттого, что он стал хорошим бойцом сам по себе. Когда вперед их вышел какой-то маг в плаще, вокруг которого с почтением расступились, точнее рассыпались в сторону горхолды, началось бы жестокое истребление защитников стены Вархула, если бы Хельд в свое время не решил изучать магию.

Горхолд-колдун и крестальский трактирщик встретились взглядами — маг всегда узнает собрата по цеху среди огромной толпы.

— Он достаточно молод для чародея, — прокомментировал Хельд, собирая энергию для соткания заклятия, — хотя кто знает, может, у этих краснорогих там под землей растут какие-то травы, что позволяют сохранять молодость и потенцию? Я бы спросил у него, как выглядеть как такой же молокосос на старости лет, если б не заварушка.

Юкиара снова выкинула цепь, угодив горхолду-копейщику в лоб, снова раскручивая ее,

бросила:

— Можешь спросить у Заргула! Для своих полутора тысяч лет он неплохо так сохранился.

— Точно! — воскликнул Хельд, — сто пудов знает секрет. Интересно, а у него еще стоит?

— Горите азрогианским пламенем, сопротивленцы воли императорской! — пророкотал зычный голос мага, и из его жезла из черного дерева вылетела струя синего пламени.

Хельд, правда, своим посохом поглотил эту струю, огонь словно всасывался в его неровно ограненный кертахол, после чего выстрелил куда более мощный огненный поток, что не повредил магу благодаря его защитному полю, но спалил два десятка горхолдов по бокам от него. Их визгливые вопли отогнали красноголовых дальше, что придало бодрости людям, и они отбили хотя бы небольшое расстояние до стены.

Горхолд атаковал снова, на этот раз молнией, вот только она устремилась к небосводу, а не в толпу солдат, Хельд опередил его и образовал дыру в камне, которая засосала вражеского мага по пояс.

— Я называю это заклинание орехоколом! — горделиво окликнул врага Хельд, жестом руки предлагая оценить по достоинству свое изобретение, — авторский прием.

И тут земляная яма, каменные плиты со всех сторон сдавили нижнюю часть тела краснокожего мага, его хребет в области таза переломился, а сам он, парализованный и уже мертвый повалился лицом к земле. Но Хельд слишком увлекся расправой над магом и не заметил арбалетчиков, что нацелили свои орудия в его сторону. И вот из груди владельца Желудка Дракона торчало с три арбалетных болта, а он глядел на кровавые разводы на своем темно-синем плаще в стиле чародея, словно не мог поверить глазам — вот он противостоял настоящей волшебке секунду назад, а от простецкого оружия уберечь себя не смог.

— Хельд! Нет! — крикнула Юкиара, но он не обратил на нее и малейшего внимания.

Арстель оторопело глядел, как погибает его лучший друг.

— Одного выстрела было бы достаточно! — срывающимся голосом крикнул крылатый и грохнулся набок.

Никогда больше не соберутся крестальцы в Желудке Дракона как в былые времена, не будут предаваться судачеству и сплетням под фирменную брагу Хельда в хмельном угаре. Впрочем, почти всех мужчин из Крестала, к которым успел притереться Арстель и даже сродниться с ними, выкосила война, даже парня, который стал ему почти как кровный брат. Оплакаться друга не представилось возможности, горхолды пошли с удвоенным рвением. Защитники Союза выбились из сил. Их гнали все дальше.

Глодрик взревел и с прыжка со всего размаху врезал иссеченным лезвием по голове Картага Дробителя, на которой щупальцы были несоразмерно коротки по сравнению с основной массой его единоплеменников. Пока глава Карателей летел навстречу врагам, в его сторону отправился с бешеной скоростью шипастый моргенштерн на цепи, который Дробитель успел раскрутить и швырнуть, но ганраец ловко ускользнул от атаки, и летающая булава лишь врезалась в стену, оставив в ней пробоину и грудку осколков на сырой земле, поросшей редкой осокой. Медлительный Картаг не успел бы защититься и, с выражением лица слабоумного продолжая пускать слюну, даже не успел среагировать, как клинок Глодрика сверкнул над ним, неумолимо опускаясь на голову. И без того деформированный череп Картага спасли змеи, которые с шипением ринулись в сторону Глодрика в надежде

опутать его тело, переломать кости или хотя бы отравить ядом своего укуса, что мгновенно парализует тело. Глоддрик среагировал мгновенно — он несколькими крестообразными взмахами заставил семь змеиных голов упокоиться на земле, чем заставил болезненно застонать Ашгару Горгону, однако ему пришлось ретироваться отскоком — Картаг Дробитель другой рукой опустил кистень на то место, где только что стоял беловолосый воин, но лишь выбил столп пыли и всплеск комьев земли. Но на этот раз его уже ничто не спасло, следующей атакой Глоддрик хлестким ударом рассек его сонную артерию и рубанул в обратном направлении, срезав половину головы от макушки со стальными пластинами, скрывающими вмятины и дыры в черепной коробке, до сдвинутого набекрень подбородка, с которого стекали слюнные потоки. С жутким хрустом на землю полились мозги не обремененного интеллектом, зато щедро одаренного физической силой воина, а затем с грохотом ухнулось его грузное тело. Грубая сила без умения — ничто против истинного мастерства.

— Следующий! — рявкнул Глоддрик, азартно оскалив зубы и, медленно втянув ротом воздух, снова кряхтящим образом издал некое подобие боевого рева.

В его сторону полетело наэлектризованное копьё Валахейма Железноголового, однако Глоддрик лишь отбил его на бегу ногой, отправив его вращаться в свободном полете неведомо куда. Об угрозе пропустить сквозь себя электрический разряд можно было не беспокоиться — плетеные подошвы Глоддрика ток не проводили, как и обвязанная бинтами рукоять из кости равшара, которой Глоддрик засадил по забралу ринувшегося ему навстречу Валахейма, угодив заостренным концом рукояти прямо в глазное отверстие. Оглушенный и ослепленный наполовину воин упал от сильного удара навзничь и хватился за глаз, кровь из которого струилась сквозь шлемовы прорехи. А Глоддрик уже набежал на Нангора Шестирукого, приготовившегося к обороне.

— Силен, гад! — с обессиленной злобой скрежетнула зубами Горгона.

Действительно — силен. Один из четверых уже валялся без признаков жизни с разрубленной головой, другой остался без глаза и пытался отойти от оглушения и как-то подняться на ноги. А Глоддрик уже щедро накидывал Шестирукому связки рубящих и колющих атак. Рубанул в голову, но Шестирукий вскинул мечи кверху и попытался захватить всеми шестью клинками оружие Глоддрика с целью выдернуть его, но ганраец оказался сильнее и рванул меч на себя, отчего Нангора повело в сторону Карателя, чем тот воспользовался и ударил навстречу кулаком свободной руки, чем отбросил назад противника, но с ног его не сбил. Облизнув губы с кряхтением он снова пустился в бег на врага, но перед глазами снова возник ненавистный образ змеиной пасти и алых глаз с вертикальными зрачками. На этот раз Харлауду хватило ловкости не рубить головы всем змеям, а оставить одну, поймать ее за шею рукой на лету аккуратно у головы, чтобы не дать ей возможности развернуться и укусить, и рванул змею на себя. Ашгара Горгона оступилась, кубарем покатила по земле, сделав неудачный кувырок, но когда она снова увидела небо, ее глазам предстало последнее зрелище в жизни, ибо Глоддрик ее обезглавил до того, как остальные змеи сделали свой бросок. После того, как голова змеевласой мегеры была отрублена, скользкие гады тут же осели наземь, словно им дали команду отключиться, их глаза навсегда угасли, свет пламени Азрога померк и в глазах самой Ашгары Горгоны. Когда Нангор Шестирукий снова бежал в сторону Глоддрика, Каратель ударил на опережение. Шестирукий попытался уколоть всеми клинками разом, сделав из Глоддрика игольную подушку или дуршлаг, но старый воин оказался более скор на руку, и вот одна из нижних

кистей противника отсечена, а жесткий рубящий удар на скорости ветра по горизонтали заставил горхолда-мутанта превратить нападение в защиту. Следующий — вертикальный удар Карателя едва не сбил с ног воина в плаще и капюшоне, продолжавшего держать оборону, Глодрик снова замахнулся, но на этот раз пришлось защищаться ему — в него полетело два синхронных удара сверху, что грозили отрубить обе его руки, но Глодрик бросился вперед на дистанцию, на которой такая атака оказалась бесполезной, при этом отбил атаку нижней руки, готовой всадить клинок в печень, начисто отрубив и ее. Он ударил с разбегу плечом в теперь четырехрукого горхолда и, пока тот восстанавливал равновесие, попытался восходящим ударом вскрыть тому туловище от паха до горла, но Нангор одновременным выбросом мечей вверх отбросил меч Глодрика. Каратель, однако, не пошатнулся, а с оскалом боевого задора использовал силу блока для вращения и по инерции нанес боковой удар, который Нангор, однако, заблокировал и уже начал осыпать ударами Глодрика, проделывая восьмерки и другие вензеля верхними руками, тогда как среднего уровня конечностями пытался либо пронзить бок Карателя, либо бить по ногам. Глодрик отражал град ударов с непревзойденной скоростью и все больше предавался гневу, поскольку скорость Нангора, отдавшемуся фатальному наступлению, не позволяла бить в ответ, однако хранилище сил многорукого тоже не было неиссякаемым. Вот он замахнулся несколько медленнее верхней рукой, что позволило Глодрику расцезь пространство над головой Нангора, отрубив ее и сделав воина Кровавого Легиона, элитного батальона Азрогианской армии, трехруким, а затем и двуруким, когда обратным движением отсек и среднюю руку, что в устремилась в сторону его ног в надежде достать голень. Глодрику эта возня надоела вусмерть.

— Сдохни уже! — вскричал он и косым рубящим ударом расцез туловище Нангора от плеча до ребер.

Обливавшийся кровью боец в плаще остался стоять, но Глодрик уже бросился вперед, пронзил его глотку острием клинка, затем подставил подножку и, не вынимая клинка из его шеи, толкнул рукой с мечом вперед и рывком выдернул меч из падающего тела Нангора, оторвав ему этим самым голову.

Вдруг он обнаружил боковым зрением, как Валахейм Железноголовый несется во всю прыть с копьем в руках, молнии от его блестящей брони били во все стороны, он жаждал отомстить за павших товарищей.

— За императора! — верещал Железноголовый, его резонирующий голос глухо раздавался из-под дырчатого забрала, — за Азрог!

— За Храм Мечей! — прокрипел голос глубокого старца.

И тут с высоты в сто метров стены, наворачивая сальто, приземлился мастер Агриппа прямо перед носом бронированного горхолда, своею тростью подбил его ноги и тут же выхватил из трости тонкий меч, прокрутив его в руке с невообразимой для такого старика ловкостью пальцев, он вонзил стальной стержень в шею упавшему горхолду, который несколько секунд бился в конвульсиях, а затем обмяк, как утопающий, которому хлынула вода в легкие.

— Мастер? — с некоторым недовольством сказал Глодрик, которому не дали завершить бой, но все же он был рад видеть своего старого учителя, ставшего за годы юности духовным наставником и в некотором роде отцом.

— Без нас вы, кажется, не справляетесь! — Агриппа подмигнул ему, отчего морщин вокруг его глаз прибавилось, что казалось в принципе невозможным.

Тут же со стены поспрыгивали Шибуй и Гуаррах и бросились в самую гущу горхолдов. Шибуй расшвыривал их боевым шестом, заставляя трещать доспехи и кости, посох вращался со скоростью крыльев стрекозы, превращаясь то в непробиваемый щит, то в смертоносное оружие. Гуаррах же месил их голыми руками и ногами, горхолды, которым не посчастливилось встретить его удар локтем в голову или коленом меж ног валились как подрубленные, а забинтованные кулаки мастера школы Стражей мяли их доспехи как бумагу.

— Братья! — воскликнул Глодрик, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения пробиться сквозь толщу врагов к ним и набить больше горхолдов, чем оба его бывшие соученики вместе взяты.

— Не отставай, Глодд! — окликнул его Шибуй, только завидев.

Мастер Агриппа снисходительно усмехнулся, будто увидел внуков, играющих в песочнице, и, взглянув выцветшими от годов, десятилетий глазами, моргнув, сказал:

— Ты слышал, что говорят тебе братья, не отставай!

Мастер с неестественной для своего возраста прыткой легкостью и гибкой сноровкой разбежался и вклинился в ряды горхолдов, поражая их молнеиносными взмахами рапиры и то защищаясь древесными ножнами, то ударяя ими кому в незащищенные места вроде паха, реберных прорех в латах, глаз или паховой области.

Глодрик с удвоенным рвением бросился в атаку на трепещущих горхолдов и остатки равшаров, которые еще не влезли на стену и не нашли там свою смерть от рук воспитанников Храма Мечей или же приободрившихся защитников Вархула, которые теперь погнались покоривших стену налетчиков обратно. Ганрайский Демон рубил направо и налево пушечное мясо, рядовых солдат, которые и не защищались как следует либо оттого, что им не хватало мастерства, либо от страха, а может, и то и другое вместе. Двое пехотинцев с копьями вскинули свои орудия, но одну пику Глодрик отвел предплечьем, вонзив одновременно с этим клинок копьеносцу меж лат и рывком выдернул, вызвав бурные потоки крови из глубокого разреза, тут же швырнул тело его на второго, тот лишь неуклюже попытался отбросить тело сослуживца и возобновить прервавшуюся атаку, но клинок Глодрика развалил его череп с треском. Ганрайского Демона окружило четверо мечников, но верхнюю атаку одного он отразил блоком, перекрутил их мечи, после чего на ближней дистанции взрезал тому горло, затем пришлось рубиться одновременно с тремя, но сильные удары Глодрика заставляли немочь руки тех, а его мощные рубящие атаки оставляли врагов без конечностей или голов. Вот он выпустил последнему кишки косым восходящим ударом, но краем единственного глаза заметив, что на него нацеливают арбалеты, прикрылся поверженным солдатом как щитом и кинулся на них. Ворвавшись в гущу стрелков, он покромсал и их, обратив в бегство, хорошо прицелиться и выпустить болт сложно, когда в двух шагах от тебя находится человек, что несет смерть всем вокруг.

Свысока раздался драконий рев, в лучах заходящего солнца завиднелась алая чешуя расправленных крыльев Ортауна, он спланировал резкой дугой к земле и, летя над толкавшимися в суматохе на поле боя горхолдами, мощным огненным потоком выжег с пять когорт. Под заглушающий крики сражающихся, удары камней из катапульта и звон железа вопли умирающих мучительной смертью обгоревших до кости красноголовых, которые теперь, скорее, представляли собой шматы горелого мяса, в дракона полетели арбалетные болты, но лишь отскакивали от чешуи, что крепче любой стали, поэтому так и ценилась на черном рынке.

— Это Ортаун! — ахнул Арстель, — подмога пришла!

Юкиара с посветлевшим от надежды лицом взглянула ввысь и помахала знакомому огнедышащему созданию, после чего снова бросилась вперед, раскручивая над головой цепь.

— Мы выкинем их отсюда, Арстель! — окликнула она его, забрасывая цепь в толпу горхолдов хлестким горизонтальным ударом, после чего один из них свалился с пробитой головой.

Стражи громили оставшихся на стене горхолдов, Эрлингай разил всех краснокожих на своем пути, расправившись с последними тремя латниками за раз на вершине лестницы круговым двойным ударом меча и метким выпадом он открыл путь наверх солдатам. Где-то Стражи добивали оставшихся горхолдов, но в основном сгруппировавшиеся в шеренги копейщиков солдаты гнали горхолдов к стене, оставляя не самый завидный выбор — пасть смертью храбрых на стене, будучи истыканным вражескими пиками, либо бросаться со стены и разбиваться насмерть о голую землю, либо о тела павших братьев по оружию. Оставшиеся энросцы отстреливали отступавших, вот только Шойрила, которого достал шальной арбалетный болт, среди них уже не было.

На земле же произошла резкая перемена в ходе сражения, горхолды больше на стену не взбирались. Со стороны Драконовых Гор открылся широкий магический портал голубоватого цвета по краям, из которого обозревался вид на песчаные барханы, усеянные костями оставшихся там навсегда животных, людей и равшаров, а с этого жаркого покрытого песком ландшафта валили всей гурьбой равшары, которых вел за собой Кога. Все они были мускулисты и оголены до набедренных повязок. Кога был раскрашен охровыми полосками, пересекавшими ребра, грудь угловыми узорами, а лицо его было усеяно полосками, сзади него бежал сломя голову Варгайл Броненосец, все так же обвешанный костяными доспехами, под тяжестью которых неся на удивление быстро, а с другого боку пробегал Краштар Жертвенный. Боевые кличи равшаров, напоминавшие вой поднявшихся злых духов, вырвавшихся из адовых просторов, заставил горхолдов в недоумении обернуться. Кога бежал впереди всех прямо на ряды горхолдов, чьи доспехи сверкали бликами уходящего солнца. Надвигались бичи пустошей клином, голытьба равшаров набросилась на горхолдов с тыла. Неподготовленные слуги Заргула кое-как построились и выставили копья и щиты наперевес, но этого уже хватило, чтобы усложнить равшарам задачу. Передовые варвары напарывались на копья повсеместно, сталь рвала и крошила их плоть и кости, но они продолжали бесстрашно напирать всем скопом. Те же, что бежали сзади, наскакивали на спины своих товарищей, отталкивались от них и напрыгивали на еле успевавших неловко прикрыться щитами рядовых красноголовых, которые уже находились за передовой линией. Равшары вскрывали защиту фаланги. Кога на скаку уклонился от копий, врезался с разбегу ногой в щит первого попавшегося рядового, с утробным рыком ухватился рукой за край щита и рванул на себя, предоставив братьям добить бедолагу, сам же ворвался в самое пекло сражения и парными костяными клинками пошел рубить врага в мясной фарш. Его сородичи и их вожди не отставали. Пусть через несколько минут из боков Коги торчало три пилума, что горхолды бросали в наступающих, а грудь его была пробита арбалетным болтом, а сам верховный вождь равшаров валялся без чувств на земле, истоптанный своими и чужими, равшары заставили врага отступать к стене в животном ужасе. Для варваров пустыни смерть их лидера была ничем — всегда можно оказать ему почести и избрать нового, вожди их племен менялись быстро, как мода перчатки аргойских дворян. Для равшаров жизнь в принципе не стоила и горсти песка в их родных краях. Проблемой была конница, точнее,

ящерница. Наездники на огромных варанах протапывали бреши в нестройной гуще равшаров, ящеры раскидывали их мощными ударами когтистых лап и хвостов, рвали передними лапами их на мясо, зубами разгрызали на части и сжирали заживо, пока наездник сверху раздавал удары клинком. Но если равшарам удавалось забороть ящера или хотя бы стащить с него всадника, то горхолда ждала участь быть выпотрошенным в течение следующих нескольких секунд, после чего его затопчут толпы равшаров.

Вскоре в небе открылся следующий портал, откуда повывлетали крылатые флорскелы, которых вела молодая царица. Иссиня-черные волосы Хинареи, все так же подвязанные лентой и зачесанные назад, развевались в полете, а бледное лицо ее выражало отрешенность мученицы, принесшую в жертву себя и свой народ во имя спасения мира. Глаза ее цвета только распутившейся листвы были прищурены и не сводили глаз с цели — ближайшего из наездников на ящерах. В руках ее было изящно изрезанное рунами и узорами медное копье, которым она его и пронзила, на лету поймав копье с противоположной стороны и вытащив из уже падающего тела. Эти копия пробивали кирасы из темной стали горхолдов с той же легкостью, как нож мясника проходит сквозь внутреннюю вырезку свиньи. Вскоре кавалерия красноголовых была истреблена, равшары продолжали отгонять их от стены к приганрайским рощам вдалеке от Драконовых Гор, пока крылатые поражали их копьями и дротиками слету. С другого, правого фланга из портала показались хаглорианцы, которые из заговоренных лесными колдунами луков, исчерченных ритуальными знаками, щедро одаривали отступавших горхолдов стрелами, которым пролететь мимо цели не позволяло кудесничество. Не было лишь скиарлов, великую армаду которых сейчас Рейген Саламандр вел в морское побоище с флотилией горхолдов. Кровавый Легион был перебит, генерал Рокузан повержен, армия горхолдов сравнялась по численности с подкреплением и защитниками стены в совокупности, но стремительно убывала, выучка и организованность красноголовых словно испарились, они давили и затапывали друг друга в попытке поскорее спастись, некоторые бросали оружие и опрометью кидались в бегство, если не попадались под руку буйствовавшим вовсю равшарам, пролетающим над головой флорскелам или хаглорианцу, избравшему жертвой своей непромахивающейся стрелы того или иного горхолда. Хинарея снова низринулась книзу, намереваясь разогнать арбалетчиков, но спусковые механизмы самострелов и арбалетные болты были быстрее юной воительницы. Двое арбалетных болтов пронзили ее груди, подбитая царица оказалась под ногами горхолдов, хаотично стекавших дорогой от Вархула, пытающихся скорее убраться от мнущих им бока равшаров, косящих стрелами и магическими заклятиями хаглорианцев или же флорскелов, налетающих с неба. В этот день правители Ранкора были честны и погибали за судьбы своих народов.

Стена Вархула была окончательно очищена от захватчиков, под ликующие возгласы собратьев, собравшихся на вершине стены и наблюдавших, как союзники разносят остатки воинства Заргула, не в первый раз ощутил то, о чем говорил Алагар — единстве всего живого. Нашествие горхолдов сделало то, чего, по мнению Архимага Йоши-Року следовало ждать столетиями с ходом изменения сознания мирового социума — сплотившись против общей угрозы, народы забыли о вражде и стали единым целым друг с другом. Это не было войной ни Союза, ни равшаров, ни кого еще. То была схватка Ранкора против Азрога.

Глодрик продолжал убивать горхолдов десятками, но вот он поскользнулся и упал на одно колено, в падении свалив с ног сокрушительным ударом меча последнего для него в этой битве вражеского рядового, да и то делающего ноги, оттого удар и пришелся по спине.

Запахавшийся, он без сил глядел, как удирают сломя ноги враги. Гнаться дальше Глоддрик не собирался, Ганрайский Демон, быть может, и вправду был помешанным на кровопролитии и ожесточенных схватках ублюдком, но ему никогда не представляло интереса убийство беззащитных, заведомо проигравших врагов, дух которых был сломлен. Шибуйи и Гуаррах остановились, все залитые чужой кровью и тяжело дыша. Горхолды продолжали отступать под натиском бесчисленного множества равшаров, хаглорианцев, что потоком стрел и вспышками магических заклятий наводили на них ужас и роями флорскелов, парящих над их головами и с непредсказуемой вероятностью поражающих врагов мира одного за другим. Для слуг Заргула не было ни одной безопасной стороны, даже из замка были открыты ворота, ганрайцы и аргойцы повалили наружу, чтобы поучаствовать в разгроме вражеских орд. Даже преданность Многороговому, которую в них воспитывали с рождения, не могла побороть инстинкт самосохранения — и не зря. Заргул был самопровозглашенным владыкой, культ личности которого достиг такого масштаба, что вождь красноголовых был чуть ли не обожествлен, но все это преходяще, тогда как заложенное природой оставалось в живых независимо от времени.

Эрлинггай уже гарцевал на белом жеребце, натянул поводья, и красавец встал на дыбы, одновременно с чем Эрлинггай воздел Фарендил над головой с кличем:

— Победа, братья и сестры!

Разбитая армия горхолдов продолжала отступать, ее уже даже не преследовали. Гуаррах и Шибуйи направлялись к замку в стене, первый хрустел пальцами и разминал шею, будто бойни ему не хватило, чтобы размяться, а Шибуйи шел медленно и с полуприкрытыми глазами, словно пытался медитировать и абстрагироваться от картины произошедшего ужаса — утекающей разрозненной армии красноголовых, что уже спустились по склону холмов и пересекали равнины с редкими рощицами хвойных в сторону снежных вершин Драконовых Гор. Мастер Агриппа продолжал безмолвно стоять, опираясь на свою трость со спрятанным внутри клинком, вглядываясь вдаль, на закат. Было сложно вообразить, что у него вертелось на языке относительно происходящего, пока он не произнес тихо:

— Упаси тебя Илгерияс жить в эпоху перемен...

Вся бестравная земляная поляна, как и поросшие осокой и редкими сорными растениями изгибистые просторы вокруг нее, были завалены окровавленными трупами горхолдов, равшаров, крылатых — в меньшей степени, в еще меньшей — хаглорианцев, их несчитавлось не больше десятка среди павших на поле брани. Люди же в основном погибали на стене, редко кто встретил свою гибель уже выйдя за нее в преследовании под предводительством конницы, возглавляемой Эрлинггаем, что как рыцарь из древних поэм несся на белоснежном коне и рубил головы удирающим вражеским воинам. Возвращаясь к замку, он увидел Глоддрика, что уселся на широкую и грудь мускулистого горхолда и вытирал меч от крови о свою же рубашку. Кольчугу он уже снял и небрежно бросил на землю.

— Славная победа, — с гордостью сказал Эрлинггай, утирая пот со лба, — благодаря всем нам, в особенности тебе.

Глоддрик скептически усмехнулся, скривил рот и, коротко покачав головой, изрек:

— Мы их разогнали. Но мы не победим, пока жив Заргул. Не убьем его — они вернуться.

— Но что мы можем сделать сейчас? — спросил король.

— Раздолбать Заргула — задача магов, мы бессильны, — с сожалением опустил голову с седыми космами Глоддрик, — но мы должны гнать их к границе, к морским берегам. Чтоб

духу их здесь не было!

Последнее было произнесено сквозь зубы с такой яркой ненавистью, что Эрлинггай малость поежился. Взяв коня под уздцы, он их слегка дернул и, поворачивая к стене, добавил:

— Во всяком случае, на сегодня мы справились неплохо.

Глоддрик молчал. Он зарубил почти весь Кровавый Легион, на стене прикончил с десяток красноголовых, за стеной же из них завалил за тридцать. Однако что значат эти числа, когда Заргул с легкостью сможет воссоздать боевую мощь Азрога, пока все силы и власть, что дарует ему источник сил подземелий, при нем.

На стене же люди выстроились и с наслаждением наблюдали за мельчавшей на горизонте бесформенной массой, бывшей еще недавно войском Азрога.

— Мы победили, Арстель! — сказала Юкиара, глядя вперед, на бегущие в сторону гор скопления черных точек, точнее, красноголовых, — мы победили... — девушка произносила это слово, будто пыталась понять, что оно значит, или убедить себя в том, что обозреваемая картина в действительности возможна, и горхолдам можно надрать зад.

— Да, Юки, победили, — Арстель приобнял ее, и подруга тут же прижалась к нему всем телом, уткнувшись лицом в его плечо.

— Но какой ценой... — прошептала она, втягивая носом сопли и всхлипывая, — наши друзья мертвы, Арстель!

— Не думай об этом, — сказал Арстель, похлопывая ее по спине, — все уже позади.

Солдаты уже начали оттаскивать с поля раненых и нести их в лазарет, собирать оружие, как вдруг на одной из крайних башен раздался раскатистый громовой грохот, затем сверкнула молния.

В то время, когда схватка еще была в самом разгаре, горхолды напирали на стену, а подкрепление еще не подоспело, с тыловой стороны стены, в одном из ганрайских редких лесов шагало несколько приближенных к Заргулу слуг. Вел их небольшой отряд высокий горхолд в мантии черного цвета, украшенной рисунками пересекавших ткань и переплетавшихся друг с другом языков пламени, в руке же его был жезл с навершием в виде змеиной головы, в нутро которой был всажен кертахол красного цвета, цветом его сияния смотрели глаза этой змеи. Среди деревьев, папоротников и редких ручьев магов было не заметить, они были вдаль от Вархула, столицы Ганрая, поскольку подбирались с восточной окраины к стене, даже веси Ганрая вроде Козьих Загонов были от них достаточно далеко, лишь редкие хутора и мельницы еще попадались за этой малой чашей. За Хейларгом, Архимагом красноголовых, следовала остриженная коротко ведьма из Клирии, помешавшаяся на темной магии жертвоприношений, с отвратительной перевязью, увешанной черепами, через туловище, до неприличия открытой туникой, воротник которой был настолько широк и низок, что позволял оценить верхнюю половину бюста ведуньи, а жертвенный волнистый нож на поясе, которым она резала заживо тех, кому не посчастливилось стать ресурсом для ее чар, болтался на кожаном ремне. Ее хищная улыбка напоминала оскал морского змея, завидевшего корабль вдаль, она уже визуализировала, как будет заживо освежевывать людей, оборонявшихся на стене и тех, кого они защищали. Рядом неуловимой для человеческого слуха поступью продвигался Джаяр, клирийский некромант, сам ставший умертвием, на этот раз его бинты были изношеннее и грязнее обычного, под их спадающими и порвавшимися лоскутами были видны следы бледной кожи

и кусков костей, вылезавших из-под сгнившей плоти. Его наполовину забинтованное лицо на обозрении выглядело самым устрашающим — половина сгнила и была изорвана до кости, черные зубы попеременно с золотыми выглядывали во всю половину рта, неприкрытого порванной щекой, что придавало лицу выражение безумия, единственный глаз его светился алым, на месте другого зияла дыра. Ниарот — молодой длинноволосый маг в соломенной шляпе, выходец из древнего аргойского дворянского рода, мускулистый равшар в бычьем черепе с костяным посохом, навершие которого было украшено на сей раз черепной коробкой человека, из темноты глазниц которой светился алый свет кертахола, Кразлак Губитель.

Хейларг, ведший колонну наиболее жестоких и опасных приближенных Многогорого, многократно обкатывал в своем мятежном разуме то, каким подлым был маневр — использовать магическую силы для атаки с тыла, пока засевшие в крепости отражают нападение в лоб. Если магам удастся проломить стену, а им удастся, ежели не будет противовеса в лице Йоши-Року и его учеников, то горхолды повалят за стену подобно снежной лавине, накрывавшей северные деревни, а Заргул простерет свои цепкие лапы на весь отчаявшийся Союз. Удар в спину — удар негодяя, а может ли маг, тот, кто призван быть мостом между миром смертных и сверхъестественной плоскостью мироздания, обладать мудростью, недоступной пониманию народа и защищать слабых от зла, поступать подобным образом, как уличный грабитель, что всадит нож в горло жертве, прежде чем стянуть кошелек золотых? Стал ли бы Йоши-Року преступать идеалы чести пусть даже ради спасения мира? Молчаливые ели и сосны нависали над злоумышленниками, а переклики птиц над головой лишь побуждали его терзать душу сомнениями. Будь здесь Заргул лично — первейший из его магов мгновенно бы преисполнился патриотизмом и желаньем принести месть за лишения своего народа и восславить предков в войне против всего мира и принести потомкам великое будущее жизни в правящей расе. Его сподвижники были кровожадными подонками, потерявшие голову от мысли о суленом им Многогорим неизмеримом могуществе и власти, страхе, который они будут внушать поверженным народам Ранкора, множеству невинных жертв, которым можно будет поставить ногу на грудь. Размышления о предназначении, приверженности к пути к высоким целям, строительстве нового мира для них были пустотой, магия интересовала Кразлака Губителя, Кару из Клирии и им подобных лишь как средство возвыситься над другими, а Заргул вызывал желание преклониться лишь из невольного уважения к его несоизмеримо большей силе, чем у них всех вместе взятых.

— Далече собрались? — из-за необхватной лиственницы показался седобородый старец — придворный маг аргойских королей — Азилур.

Из-за спины его вышло трое спутников — известный пламенным характером и виртуозным обращением с огненной стихией Рокшас, смотритель леса Лайнур-Арая и наместник Хранителя Хаглоры, такой же краснокожий, как и горхолды, вот только глаза его сияли цветом чистого пламени, которым заклинатель огня поклялся истреблять врагов своего народа как каленое железо выжигает заразу из загноившейся раны. Следом летел Урандалл — худосочный длинноволосый флорскел преклонных лет. Не было среди них Старейшего, поскольку единственный в пустошах равшар, владеющий магией, остался следить за сохранностью Священного Древа в отсутствие сородичей, для хозяев пустыни это занятие было не менее почетным, чем бойня, что развернулась у границ Союза.

— Вы же не думаете, что мы настолько глупы, что оставили тыл незащищенными? Надеялись застать нас врасплох, — усмехнулся Урандалл.

Рокшас ждал горящий посох так, что костяшки пальцев побелели, а огонь загорелся, осветив синие молнии, пересекавшие скулы на его алом лице, выдвинув крупную челюсть вперед, молвил с презрением и вызовом одновременно:

— Надеюсь, вам понравилась прогулка по лесу, господа ублюдки. Это ваш последний поход.

Кара из Клирии с притворным удивлением вытянула лицо и, издевательски ухмыляясь, облокотилась на ветвь раскидистого клена, парировала:

— Мы пройдемся и по вашим чащобам, хорошенько подпалим их, а на деревьях, где твои сородичи — зеленые обезьяны, строят убогие шалаши, мы распнем лесных дикарей одного за другим. А затем я лично опрокину ваш гребаный тотем в Быстроходную!

Огненные языки на посохе Рокшаса взвились выше его головы, рот его перекосило в гнев:

— Скоро твоя кожа станет по-настоящему черной, южанка. От моего огня.

Кразлак Губитель с хрустом размял шею, наклонил голову вперед, рога бычьего черепа, выставленные в сторону врага, делали картину похожей на явление воскресенного из мертвых быка, готового броситься в бой.

— Только и можете, что хуями кидаться, — пренебрежительная ненависть сочилась из его уст, — баба и долбаный травоядный. Мне, как родившемуся в равшаровых пустошах среди настоящих мужей, полных боевого духа, противно сие лицезреть.

— Так сражайся! — перехватил посох Рокшас огнем в голую грудь варвара-колдуна.

— Сдайтесь — и мы вас не тронем, — сказал Хейларг.

— Одно-то в жертву, пожалуй, принести можно, — загорелись глаза Кары, положившей руку на нож.

Азилур вышел вперед и, устало опершись на посох, сощурил глаза, чем лишь прибавил морщины на старом, изможденном лице.

— Когда же вы поймете — это наш мир, и мы не позволим Многорогову прибрать его к рукам. Уходите, либо будем биться. Мы скорее поляжем здесь, чем примем жизнь под началом вашего вождя.

Кара посмеивалась, точно охрипшая гиена, вытянула нож и ритуальную куклу в форме человеческого тела. Занеся хладное орудие над макетом жертвы, она с полным наслаждением от предвкушения мук новых жертв крикнула:

— Тогда готовься, старый, твои мучения будут страшнее, чем ты можешь себе... — и тут она завизжала подобно резаной свинье.

Алый огонь охватил ее тело, словно ее облили горючим маслом и попали по неудачливой жертвоприносительнице горячей лучиной. Вот только пламя сбить было невозможно, как бы она ни каталась в безудержных воплях по травянистому покрову плодоносящей земли. Вскоре она ослабела и лишь вяло подергивалась, затем обездвиженно осталась лежать на земле, скрюченной, скукожившейся до предела. Плоть сгорела практически до кости, лишь сажа и горелые ошметки мяса еще липли к скелету клирийской ведьмы, кукла и ее одежда были спалены до пепла, лишь нож ее рука, сторевшая до тонких кистевых костей, сжимала все еще крепко. На лице же прочесть страдания было невозможно, так как оно утратило всякие очертания, превратившись лишь в обгоревший овал, в котором где-то проступал голый череп.

Заклятие хаглорианца-огневика было слишком стремительным и непредсказуемым, чтобы его отразить, к тому же он не направил огнешар или струю пламени в сторону

помешавшейся на садизме клирийке подобно новичку, что было бы донельзя тривиально и элементарно отражимо, а заставил ее воспламениться изнутри.

— Кто на очереди? — вызывающе крикнул Рокшас.

Далее все произошло до предела быстро. Урандалл распростер крылья и воздел жезл кверху, наворачивая им петли, после чего вихревым образом закрученные лезвия ветра устремились в сторону врагов, однако Хейларг раздвоил поток режущего ветродуя, смертоносные завихрения валили и срезали стволы вековых и молодых деревьев, обстригали под корень кусты, но слуги Заргула остались нетронуты. Крылатый сделал новую попытку их поразить, он шарахнул серией молневидных ударов, сопровождаемых шквалистым ветром, ломающим ветви и стволы вокруг, но Хейларг словил одну из его молний своим посохом и перенаправил, при этом она стала раз в пять ярче и мощнее — и вот подбитый флорскел был разделен молнией на две части по линии по линии пояса, точнее, распаян, даже не успев ощутить боли, в чем ему повезло больше, чем Каре. Однако одно из ветряных лезвий все же срезало голову Ниароту, не успевшему и показать себя в схватке, лишь шляпа его, подброшенная ветром к вершинам деревьев, одиноко планировала на землю возле обезглавленного трупа бывшего обладателя.

И тут сражение разделилось на две отдельных схватки — Хейларг и Азилур схлестнулись в поединке, тогда как Кразлак Губитель заодно с Джаяром находились в противоборстве с Рокшасом. Повелитель огненной стихии отправил в Кразлака бесперебойный поток огня, однако он врезался в жидкую скверну, волна которой всколыхнулась перед лицом облаченного в бизоний череп и реберный панцирь равшара и, выжигая траву и заросли бурьяна, покатила в сторону Рокшаса. Хаглорианец проделал резкий пасс факелом, огонь которого лишь ярче вспыхнул на ветру, а всполох пламени врезался в наплыв скверны, которая тут же пропиталась огнем, сконцентрировалась в воздухе и стала шаром шипящей магмы, тут же бросившись в сторону Кразлака с одного мысленного импульса краснокожего сына леса. Резкий взмах костяным шестом, Кразлак с остервенелым хрипением вызвал дождь игл из той же жидкой скверны, вокруг которой шел едкий дым, что разлагал траву по траектории их полета, иглы разбили шаг лавы на куски, которые, опадая на землю, тут же погасли, обратившись в груды черного камня вулканической породы. Дождь игл скверны был направлен в сторону Рокшаса, уклониться от такой атаки было невозможно, лишь поставить щит или сбить выстрел представляло возможность спастись. Вспышка молнии ослепила глаза магов, прошла иглы насквозь, обратив их в ядовитое облако, что сразу же растворилось, а электрический разряд, фокусируя силу разрушительной магии в сферу, бьющую во все стороны молнеобразными хвостами, выстрелил в равшара. Рокшас победно оскалился, когда разряд врезался в наскоро сделанный щит из нового всплеска жидкой скверны, выевшей в земле неглубокую яму, но сила удара повалила Кразлака на спину, он в падении перекатился, через все тело равшара переходили слабые молнии, а сам он конвульсивно подергивался, удар достиг цели. На груди же, ребра панциря, защищавшего корпус были сломлены, красовался страшного вида ожог, горелое мясо с запекшейся кровью открывали вид на серьезное ранение, после которого темный маг из пустоши вряд ли долго протянет. Тем временем вокруг краснокожего равшара уже из-под земли восстали мертвецы, то были обитатели давно забытых поселений, от хижин которых не осталось и кирпича или балки, заложенной в основание, имена их канули в лету, и только сейчас они были непочтительным образом подняты в качестве расходного материала.

— Какой примитив, — усмехнулся Рокшас, оглядывая с полсотни зомби, — жалкое

зрелище.

Хаглорианец вскинул посох над головой, пламя на вершине его сверкнуло, и во все стороны грянул дождь лавы, мелкие куски ее летели со скоростью полета стрелы, прожигая мертвый насквозь, разрывая их на куски, обстрел продолжался, пока от поднятых останков канувших в забвение людей не осталось ничего, кроме бесформенной груды опаленных тел. Джаяр раскинул широко руки, напевая заклятие призыва мертвых снова, но под его ногами взлетел вверх столб огня, мгновенно принявшегося пожирать новую жертву. Ходячая мумия не кричала, лишь безмолвно опала на колени, сожженная почти наполовину, все так же простирая руки в стороны. Огонь мгновенно, со взмахом руки Рокшаса, исчез, а после того разряд молнии свалил некроманта на спину, ударив ему прямо в голову и расплавив его сгнившие мозги.

Рокшас уже обернулся и собрался помочь Азилуру, что обменивался очередями из разрушительных энергетических сфер и разрушительных лучей магической ауры с Хейларгом, как вдруг перед лицом его возник Кразлак, растянувший губы в странной гримасе — что-то между одержимой улыбкой до ушей и полным ярости оскалом. Он схватил Рокшаса за плечи, и тут хаглорианец ощутил страшную боль. Скверна пожирала его изнутри. На алой коже его начали появляться пятна цвета плесени, его кожа трескалась и лопалась, из дымящихся ран стекали струи скверны. Кразлак Губитель стоял из последних сил без посоха в руках, он знал, что умрет, но во что бы то ни стало вознамерился утащить Рокшаса с собой на тот свет. Вот лопнули глаза равшара, из них потекла жидкая скверна. Рокшас не вопил от боли, хотя она разрывала все его существо. Ученик Третьего Архимага понимал, что умирает.

— За Ранкор! — прокричал он, после чего из его рта хлынула кровь, смешанная со скверной.

Рокшас всадил горящий конец посоха Кразлаку под ребра, пустил всю магическую силу, которую только могло вобрать в себя его тело, после чего равшар в страшных муках завопил. Он полыхал зеленым огнем — пламенем, напоенным силой леса Лайнур-Арая, которая секунд за десять оставила от Губителя лишь голый скелет, что упал на землю одновременно с Рокшасом, вены которого вздулись, став почти черно-зелеными от того, что кровь в них пропиталась скверной.

Азилур кинул взгляд на побоище двух магов, этим минутным отвлечением воспользовался Хейларг, ударив телекинетической волной и отбросив тем самым Азилура на двадцать шагов. Старый маг врезался затылком о толстый сук, грохнувшись без чувств на корни дуба. Можно было убить его без затруднений, однако что-то заставило руку Хейларга дрогнуть. Увидев, как один из них, погибая мучительной смертью, нашел в себе силы отплатить врагу той же монетой, а другой рискнул отвлечься от смертельной схватки, в которой, признаться, уступал, из печали об участии старого товарища, красноголовый решил не множить свои грехи перед Всевышним. Пусть того и требовал Многогородий, а Хейларгу было крайне затруднительно противостоять его воле, маг из Азарельда ясно видел, что морали и благочестия куда больше на противоположной стороне, тогда как в своем народе, пропитанном ядом из катакомб и сведенным с истинного пути свихнувшимся диктатором, не было теперь ничего, кроме до одержимого фанатизма категоричного служения злу.

— Сколько же крови мы вам попортили... — устало вздохнул Хейларг, обращаясь к молчаливым деревьям и птицам, что уже давно разлетелись.

Когда Азилур пришел в сознание, кроме него и трупов среди поваленных и уцелевших

деревьев никого не было. Молчаливой свидетельницей сражения колдунов была лишь стена Вархула, возвышавшаяся вдали.

Едва часовой увидел его, шею ему скрутила незримая сила, а сам солдат свалился под знамя Союза. Вархел, что появился из самого воздуха посреди башни в начале восточного крыла стены, подошел к зубчатому каменному ограждению и вперился взглядом алых глаз, светящихся в прорезях стальной маски, в толпу, где люди, равшары, флорскелы и хаглорианцы смешались воедино. Все они расступались перед ехавшим трусцой белым жеребцом Эрлингая, который, размахивая мечом, держал победную речь под их одобрительные возгласы, перечислял подвиги павших и выживших, воззывал к славной памяти героев из предков всех народов, которые бы гордились ныне живущими продолжателями своего дела. Среди толпы темный маг узнал Глоддрика Харлауда, что стоял сложа руки и хмуро глядел в сторону группы молодых парней, что на связанных из тонких стволов молодого дуба носилках из грубой серой простыни перетаскивали раненых в лазарет, где тяжелораненым и умирающим оказывали врачевательную помощь и говорили слова утешений Танриль и ее ученица Кэлрен, которым помогала хаглорианка-травница Шая. Ганрайский Демон, измазанный в крови и хромающий, казалось, еще больше после ранения Стакуги, получил новый порез поперек щеки, который если бы прошел чуть выше — ганраец лишился бы и второго глаза. Глядя на тела раненых, что либо стонали, либо несли бессвязный бред, свесив руки к земле и трясясь на носилках в руках бегущих юношей, он пытался посчитать, сколько мертвецов перевидел за свою жизнь и скольких из них убил сам. Одно он знал наверняка — нельзя было счесть, сколько за время существования жизни самый страшный косильщик жизней смертных — война, унес молодых и не очень людей. Арстель и Юкиара стояли вместе, сапожник сдержанно аплодировал речам Эрлингая, Юкиара же вопила вовсю, ища во всеобщем ликовании выход и возможность забыться и перестать перебирать без конца воспоминания об ушедших в этот день практически всех близких ей людях. Но Арнлоугу Вархелу был нужен лишь Эрлингай — гибель вождя посреди народа сильно бы деморализовала сопротивленцев, остудила бы их боевой пыл, после чего горхолды, вернувшись с новой силой, могли бы промять их оборону. Верховодство мог бы взять на себя Глоддрик, и он был прекрасным стратегом и бойцом, вот только вдохновлять других, ведя их за собой, и вселять в сердца веру он умел куда хуже Эрлингая Червертого. Когда король принялся случайным образом поименно перечислять героев сегодняшнего дня среди рядовых солдат, подвигам которых он по воле случая стал свидетелем, Вархел вытащил из-за спины посох-меч и нацелил в сторону королевской особы, как вдруг сзади раздался голос:

— Мастер Йоши готовил магов, а не бесчестных убийц.

Не успел Вархел со скрипом повернуть закрытую шлемом, маской и капюшоном голову, как его опрокинула ударная волна, а незримая сила обездвигила, пригвоздила его руки и ноги к камню. Магический атрибут же его укатился к краю башни во время падения Вархела.

— Как низко ты пал, Вархел. Хотя, ты же лишь раб Многорогого императора и делаешь, что он прикажет. Если бы он дал распоряжение караулить короля Аргои в выгребной яме, ты был бы вынужден последовать воле хозяина.

Над его головой во весь недюжинный рост стояла субтильная фигура друга далеких лет юности. Широкие штаны, подвязанные портянками, драный заплатанный бурый халат,

забрызганный слякотью и дорожной грязью, острое бледное лицо, алые волосы, стоящие дыбом, точно огонь свечи, алые глаза. В лице красноволосого мага не было прежнего высокомерия, лишь скорбь и сожаление отражались в его очах. Алагар оперся телом на черный посох, оглядел распластанного под своими ногами Варзхела и горестно покачал головой. Его давний собрат лежал совершенно обездвиженный.

— Вы, свободные люди, — с иронией ответил Варзхел, глядя в темнеющее небо, обогрешенное красками заката, — только играете в дружбу и любовь, а сами друг другу плетки перегрызаете, как только представится возможность. Вы слишком ограничены, чтобы жить своим скудным умом, а зло, что множит ваша алчность и стремление к жалкой выгоде, не прекратится, покуда не придет тот, кто завяжет вам руки за спиной и не даст пинка под зад, дабы направить на верный путь. Все, что вы называете дружбой — ложь, скрывающая совместное преследование личных целей. Вам нет дела друг до друга.

— Ты видел, сколько иноземцев собралось в этом замке? Не находишь, что в их интересах было бы вести войну на своей территории? Взять Лайнур-Арай или Звездный Град осадой не проще, чем стену Вархула. Но они явились к границе Союза и на открытой местности, не защищенные ни с какой стороны, храбро влетели в строй ваших солдат. Не знаю, как в Азроге, но у нас не принято бросать своих в беде. Если бы мы были так эгоистичны, как судишь ты, вам было бы легко одолеть нас по очереди. Но мы выстояли и стяжали славу на века.

— Так прикончи меня! Или ты решил прочесть проповедь напоследок?

— Нет, — качая головой, Алагар отошел к краю стены и облокотился на перила, всматриваясь в неестественно быстро сгущающиеся тучи у закатного марева, — нет, достаточно смертей с меня. Возвращайся к своему рабовладельцу и скажи, что Ранкор всегда готов принять его вызов.

И тут черные тучи начали обретать форму человеческого лица.

— Что за... — пробормотал Алагар, но тут же был свален молнией, угодившей ему меж лопаток.

Как только незримые пути ослабли, стоило Алагару отвлечься на странную фигуру в небесной мгле, Варзхел оборвал парализующее заклятие, вытянул руку, притянув к себе клинкообразный посох, и нанес подлый удар в спину своему старому другу. Когда увечный Варзхел с лязгом стальных доспех и стоном поднялся, по так называемой погоде он все понял — скоро владыка подземелий Заргул Многогородий явится лично, хранитель подземелий изначально не собирался вступать в бой, уверенный в превосходстве своего войска, но теперь расклад изменился, армия разбежалась, и требовалось его вмешательство. В такие моменты лучше не мешать повелителю, лишь под руку можно попасться.

— Варзхел! — окликнул его со спины знакомый голос, принадлежавший старому другу и учителю.

Бронированный чародей, служивший Азрогу, повернулся и, увидев знакомые лица, отвечивал:

— Готовьтесь встречать Заргула! — и исчез за вспышкой синего свечения.

Варзхел мгновенно ретировался в Азарельд телепортацией, сделай он это секундой позже — и ему бы не поздоровилось. К растяннушемуся на вершине башни телу Алагара уже со всех ног бежала Танриль и Третий Архимаг Йоши-Року мчался ей вдогонку.

— Алагар! — вскричала Танриль, подбегая к телу, лежащему лицом книзу, бережно перевернула и ахнула, лицо его было бездвижно, свет в глазах померк, признаков жизни не

наблюдалось, — нет! Это моя вина, подоспей я раньше, вдвоем мы бы справились с Варзхелом... Будь он проклят! — вскричала она.

— Идет война, Танриль, — покровительственно положил ей руку на плечо Йоши-Року, — если кто и виноват, то только Заргул.

Когда она ощупала пульс Алагара, приложив руку над его шеей, биения не почувствовала. Тело было бездыханно и мертво.

— Нет, Алагар, нет... как же так, — из глаз ее полились слезы, — ты не можешь... Прошу, дыши, дыши! — она была мертвеца по щекам, трясла за плечи, но безуспешно.

— Уже поздно, Танриль, — смиряясь с судьбой, склонил голову Йоши, — он ушел.

Она понимала, что должна спасти жизни раненых, осознавала, что теряет драгоценное время подле уже покойного человека, каждая секунда промедления может стать роковой для покоящихся защитников Ранкора. Но уйти и исполнить свой долг целительница не могла.

— Тогда я верну его, — решила Танриль.

О некромантии речи не шло, вернуть недавно погибшего человека можно было древней целительской техникой, которая задействовала всю магическую и жизненную силу врача.

— Понимаешь ли ты, какая расплата за это тебя ждет?

Танриль молчала, концентрируя в себе все ресурсы, что поддерживали в ней жизнь, обращая их в магическую силу.

— Ты не имеешь права умирать ради него, — стоял на своем Архимаг, — умирающие воители зовут тебя, ты нужна им. Их семьи проклянут тебя, узнав, что ради того, чтобы получить желаемое ты так легко приносишь в жертву тех, кто не пожалел себя ради будущего мира.

— Кэлрен справится, я ее хорошо обучила, — тихо сказала Танриль.

Впервые Йоши-Року повысил голос на свою любимую воспитанницу:

— Ты должна быть в лазарете! Это твой долг! Алагар не единственный, кто умер этим днем, но остальных же ты не спешишь спасать. Чем тот же Керрис Галарт или болтливый деревенский парниша хуже?

Ответ был очевиден и лежал на поверхности, честный ответ, вынужденная откровенность — Танриль не умела лгать, а обманывать своего любимого и уважаемого учителя позволить себе не могла, пусть и противилась его воле.

— Я не смогу жить без него, мастер.

Йоши медленно кивнул несколько раз, словно вкусил старое вино и оценивал его на вкус, затем ответил:

— Но ведь и он испытывает к тебе сильные чувства, думаешь, Алагар будет счастлив, зная, что его возлюбленная нарушила свои священные обязанности, взяла на душу тяжкий грех и отдала жизнь, чтобы вернуть его, что он никогда больше тебя не увидит, не насладится твоим присутствием?

Танриль утерла слезы, плечи ее содрогнулись, срывающимся и падающим голосом она тихо ответила:

— Это эгоистично, я понимаю, но иначе я не могу. Я люблю его, учитель.

Йоши с досадой слабо хлопнул костлявой рукой по массивному зубу башни и, взглядываясь в небосвод, напоследок сказал:

— Любовь коварна и толкает на безумства. Я не буду тебе мешать, делай так, как считаешь правильным. Каждый должен пройти свой путь так, как у него выходит.

Темная пелена туч накрыла собой все небо, в сгущающейся мгле лицо заострилось, просвечивалось каким-то странным огнем, внутри которого сверкали молнии и грохотали раскаты грома, над острой головой расходились ветвистые рога, коих было несметное число. Призрачное существо шириной в сотню метров, высившееся над держателями оружия на стене Вархула, смеялось над ними, бросало вызов защитникам мира.

— Прощай, Танриль! — кертахол на посохе Йоши заискрился зеленым.

— Куда вы, мастер? — подняла заплаканное, но преисполненное твердой решимости лицо Танриль.

Йоши улыбнулся ей и сказал:

— Делать то, что считаю верным.

Архимаг исчез в синем сиянии, оставив целительницу, изменившую своему долгу, и ее любимого человека, жизнь которого покинула, одних. Танриль села на колени рядом с его телом и положила руки Алагару над грудь. Тело мага окутало зеленоватое свечение, исходившее во все стороны туманящимся сиянием. Когда он резко вдохнул воздух и открыл глаза, лицо Танрили озарила улыбка, ее снова пробило на слезу, на этот раз это были слезы счастья.

— Танриль? Я, кажется, сплю...

Тепло улыбаясь, Танриль склонила голову набок:

— И этот сон счастливый?

Закашлявшись, Алагар харкнул кровью. Его спину жгла невыносимая боль, казалось, в нее вонзили сотню раскаленных стальных жердей, однако с каждым мигом боль уходила, тело его наливалось жизненными соками и силами по мере того, как из Танрили жизнь уходила, она слабела, но держалась стойко, всеми силами стремясь насладиться каждой секундой единения с дорогим ее сердцу человека. Эти секунды были последними для нее. Алагар не понимал, что прощается с любовью юности, маг верил, что перед его глазами мелькают предсмертные видения, миражи. До боли в сердце прекрасные миражи.

— Танриль, прости... — слабо произнес Алагар, его алые глаза слезились, — прости, что подводил тебя...

Врачевательница провела тонкой рукой по его алым волосам и, продолжая гладить, молвила:

— Не стоит! Спасибо тебе за то, что был со мной, что подарил счастье. Любить — действительно, счастье. Даже если вместе быть вам не суждено.

— Вернись я сейчас в прошлое... — говорил Алагар то, что хотел сказать Танрили с того момента, как перестал быть наставником Братства Уравнителей и отказался от революционных замыслов, — я бы ни за что не пошел за Вархелом. И никогда бы не покидал тебя.

— Я тебе верю, — сказала она, чувствуя, как последние силы покидают ее тело, свечение лечащей ауры начинало слабеть и рассеиваться.

— Но мы можем быть вместе, Танриль, — продолжал Алагар, — когда все это кончится, я обещаю не повторять ошибок прошлого и, клянусь, ты не пожалеешь, что не отказалась от меня. Мы будем вместе, — повторил он.

— Конечно, будем. Что бы ни случилось, я буду с тобой. Любимые живут в наших сердцах. Ты всегда сможешь найти меня в своем сердце.

— Танриль... Тан... риль... — Алагара уносило в сон, его глаза закрылись, свинцовой тяжестью налилось все его тело и онемело, боль ушла, и он провалился в сладостную тьму

забытья, сна без сновидений.

Танриль вытерла слезы рукавом серого сарафана, легла рядом с ним, взяла его руки в свои и, крепко сжав, произнесла свои последние слова:

— Я всегда буду с тобой.

Алагар ее уже не слышал.

— Не к добру это, — сказал Эрлинггай, прищуриваясь и прикрывая ладонью лоб как козырьком, вглядываясь в формирующееся в тучах злорадно смеющееся лицо Заргула.

Глоддрик сорвался и кинулся отдавать распоряжения уже расслабившимся после победы солдатам, резкими выкриками приказывал заряжать катапульты и баллисты, найти хотя бы кого-нибудь в замке, владеющего магией, и послать его за подмогой в лице Ранкорских чародеев, каких только можно было собрать. Но Радхалл Бескровный, как выяснилось, был занят лечением потрепанных в бою солдат, подменив запропастившуюся неведомо куда Танриль, и не мог терять ни минуты. Выносить раненых в подвальные укывища времени не было, Заргул скоро явится, Глоддрик просек это сразу, когда еще тучи заполонили небесный купол, погрузив их всех во мрак, единственным светом которого были огненные просветы в прозрачном и огромном лице Многорогого. Толку от боевых команд приготовить противоосадные орудия и стрелкам — сгруппироваться и готовиться выдавать залп за залпом не было никакого против могущественнейшего чародея на всем Ранкоре, но стоять без дела Глоддрик позволить себе не мог. Это означало бы признать поражение, а такой шаг военачальника мгновенно деморализует измотанное в жестоком бою войско, вера которого и так держалась на соплях.

— Если нам суждено погибнуть, — повернулась Юкиара к Арстелю, — то не посраим хотя бы себя приступом малодушия.

— Разумеется. В смерти будут и плюсы — увидим в Йорхэне многих близких, — согласился Арстель.

Глоддрик вышел на стену, оперся на зубья и злобно рыкнул:

— Хочет нас запугать. Думает, обоссымся, увидев одну его рожу.

— Ранкор Несокрушимый не отступил, — ответил Эрлинггай, расправив плечи и грудь, защищенную кирасой с позолоченной каймой и волнообразной гравировкой, пусть и помятой в бою, кладя руку на малахитовую рукоять Фарендила, — не спасую и я.

Равшарам было без разницы, что за враг стоит у ворот, они нетерпеливо топтались на месте, периодически задирали друг друга и сетовали на то, что за стену их не пускают, хотя никому было не понятно, каким образом они бы собирались противостоять Заргулу — даже им самим. Хаглорианцы обращали молитвы к Анлариэли и наперебой повторяли, что зеленоволосая богиня не оставит их народ и на этот раз, а крылатые флорскелы сохраняли достоинство и горделивый вид с трудом, хотя их подмывало улететь как можно дальше.

Тут перед лицами утративших остатки надежды людей и иных существ возник Хранитель Хаглоры. Йоши-Року материализовался аккуратно на главной башне, самой высокой, между Эрлинггаем и Глоддриком. Глава Карателей резко развернулся и хватился за меч, но спустя миг медленно опустил руку, а Эрлинггай отпрянул от неожиданности.

— Ваша битва окончена, братья и сестры, — воззвал Йоши-Року, обратившись лицом к объединившимся народам Ранкора, — здесь никакие мечи не помогут, мага может одолеть лишь другой маг. Я выполню свой долг.

Лицо Заргула тем временем стало ярче, алое пятно посреди облачного мрака

разрасталось от него на десятки метров, что было весьма символично, ведь Заргул был сердцем и всего зла, что навалилось на Ранкор, а алое марево отображало злую силу подземелий Азрога, что служили этому злу первоосновой.

— Я горжусь всеми вами, — продолжал Архимаг, — пусть у нас не получалось долгое время найти гармонию в сосуществовании, но перед ликом мировой угрозы у мира хватило мудрости встать единым строем и дать достойный отпор. Точнее, вломить захватчику по самое оно! — таких слов от Архимага никто не ожидал, но это лишь больше сроднило его с простонародьем и солдатней, так называемыми маленькими людьми, на плечах которых держался мир, а на деяниях которых зиждилась история.

Равшары взревели, крылатые и люди вскинули кулаки вверх, хлопали до потери чувствительности в ладонях, хаглорианцы спокойными, но полными благоговения глазами взирали на своего почтеннейшего старейшину.

— Вы заслужили отдых, братья и сестры, — улыбнулся Йоши-Року, — остальное предоставьте мне. Впредь не утрачивайте согласия между собой, иначе сегодняшние жертвы окажутся напрасными.

Юкиара со слезами в глазах держала сложенные руки у подбородка, она словно молилась. Арстелю же отчего-то стало так грустно, что не хотелось и хлопать. Ему отчего-то казалось, что великий учитель всех магов собирается идти на заклятие.

И тут лицо Заргула перестало улыбаться, пасть грозовой маски разверзлась, и из огненного хода спланировал император. Медленно он сбрасывал высоту, простирая руки в стороны, будто приветствовал слуг и оценивал новые угоды, завладеть которыми ему удалось при помощи своей несравненной силы и неотвратимости его судьбы править миром. Одет владыка горхолдов был в клепаную пластинчатую броню из стали с шипастыми наплечниками, наручи с лезвиями вдоль них и простоватые черные мешковатые штаны, заправленные в медные наголенники с навершием в виде расходящихся языков пламени. Заргул, самодовольно ухмыляясь, окинул взглядом подернувшихся от волнения солдат на стене, сбившихся в кучу людей за оградой, ощерившимися равшарами, Йоши-Року, что с готовностью дать достойный отпор смотрел ему в лицо. Их взгляды со старым Архимагом встретились. Согласно старой клирийской пословице, два тигра на одной горе не уживутся. Единые в своей силе и разные в противоположности своей природы, двое древних магов, хранителей традиций своих народов и заветов предков, понимали, что их столкновение неизбежно. Заргул заговорил:

— Столько смертей и напрасных усилий лишь для того, чтобы вы узрели меня, возвысившегося над вашими головами.

Молчали все, даже Глоддрика его давящая сила заставила окаменеть. Если вспомнить подавляющее воздействие Алагара, когда он еще был наставником Братства Уравнителей, то у Заргула эффект был раз в десять мощнее. Многие испытывали непреодолимое желание отдаться его воле, лишь бы не вызвать гнев всемогущего воплощения зла из глубокой древности. Возможно, они бы склонились, если бы не Йоши-Року, который одним своим присутствием возвышал их духовные вибрации и напоминал о том, как в свое время смертный при помощи Анлариэли поразил Заргула, лишив его силы на полторы тысячи лет.

— Но мы не склонимся перед тобой вовек, Многорогий император, — возразил Йоши-Року, — выбей силой то, что тебе нужно, или возвращайся, откуда пришел.

Заргул громко и хрипло рассмеялся, запрокинув голову к небу и, снова вперившись полным злобы красных глаз в лицо Йоши, изрек:

— Как же вы, смертные, любите напрасно пропадать. Ваштрас, ко мне!

Из небесной мглы в мгновение ока вылетел огромный дракон длиной вдвое больше Ортауна. Его ало-золотистая кожа была от широченной и мускулистой спины до длинного и мясистого хвоста закована в усеянную лезвиями броню из темной стали. Рев дракона, синтезированного магическим путем в недрах катакомб Азрога, огласил все окрестности стены. Заргул с легкостью вскочил на него, когда дракон проделал вираж у самой стены, заставив отшатнуться всех, кроме Глоддрика. Йоши-Року с хрустом размял плечи, схватился за посох обеими руками и произнес:

— Да будет так. Приди, Марандиул!

В команде призыва Заргула слышалось лишь властолюбие, в зове Архимага сквозилось непомерное почтение к старейшему духу леса Лайнур-Арай. Над головами защитников крепости из портала возник древесный дракон, слетел под стену, одновременно с этим Йоши ловко соскочил ему на спину, приземлившись, болезненно сморщился — боль в коленях не обошла его стороной. Заргул на своем драконе был уже далеко в небесах, Марандиул с Архимагом воспарили ввысь в его сторону.

— Ты ведь понимаешь, Йоши, что мы не выстоим против такого сильного врага? — подал голос Марандиул, набиравший высоту.

Йоши, волосы и балахон которого развевались во все стороны, крикнул, надеясь быть услышанным при свисте ветра, заглушавшего его старческий голос:

— Друг мой, но кто же тогда, если не мы?

Через полминуты драконы уже поравнялись, Заргул снова окинул взглядом Йоши, прочно стоявшего на спине своего дракона, державшего обеими руками посох. Не падал маг благодаря магическому креплению ног к спине, простейшее заклятие, позволявшее удерживать равновесие при любых выкрутасах летающей рептилии. Стена казалась плавной изгибистой насыпью с такой высоты, в которой копошились орды муравьев, слившихся в перетекающую из одного места в другое единообразную массу. А люди с затаившимся дыханием следили за схваткой.

— Когда я сокрушу тебя, — восклицал Заргул, протягивая руку в сторону Йоши, сжимая пальцы в кулак, — хребет вашего сопротивления будет сломлен.

— Ошибаешься, — отрезал Йоши, готовясь к атаке, — моя жизнь ничего не стоит в сравнении с силой их единства.

Две ветвистые молнии сшиблись в стремительном ударе друг о друга. Йоши сконцентрировал электрический импульс в посохе, направив разряд в Заргула, император же без видимого усилия вытянул руки перед собой и собрал меж ними бьющий во все стороны разрядами шар, из которого выстрелила молния толщиной со старинное древо. Ударившись друг о друга, разряды ослепительно сверкнули в непроглядной мгле туч, под которыми кружили драконы. Посох Йоши-Року дрожал от перенапряжения, казалось, жилы древесного жезла вздулись от такого столкновения, а атрибут вот-вот треснет в щепья.

— А ты неслаб, — с одобрением крикнул Заргул, — другого этот удар бы расщепил.

— Так атакуй снова, друг мой, глядишь — повезет.

Заргул проделал круговые взмахи обеими руками, и из них вылетели две драконьи костяные головы, лязгающие в полете челюстями, за линией их полета оставался широкий след дымовой полосы, а черепа раздвоились, затем расчленились, крупной стаей устремившись в Йоши-Року. Старый хаглорианец перекрутил посох и дал очередь сфер зеленого пламени, напитанного силой его родного леса, сферы врезались в костяные головы

и расшибали их на мелкие осколки, полет их был быстрее стрел, но последняя голова дракона все расширялась, раскрывая пасть, и Архимаг услышал окрик Марандиула:

— Сейчас эта штука рванет!

Удар телекинеза отбросил ее в сторону Заргула, однако взрыв даже не обжег императора и его ручного зверя, слишком силен был его защитный экран. Йоши направил поток того же зеленого пламени в Заргула, но император взмахом руки вызвал удар ветряной волны, которая в миг загасила огненный поток и откинула древесного дракона, заставив его прокрутиться вокруг своей оси. Йоши-Року крепко стоял на ногах, еще не успел Марандиул повернуться в своем вираже, как он скомандовал:

— Марандиул, вперед!

Дракон выбросил хвост, и из него полетел сноп лиан, растущих как деревенское тесто на дрожжах, они множились и утолщались, листва вокруг них обрастала плотоядными растениями, что грозились опутать Вашграса и пожрать со всех сторон. Золотисто-красный дракон сокрушительным ударом хвоста в повороте сбил, точнее, срезал охапку лиан темными лезвиями на щитках, в которые был закован, затем двойным ударом лап разорвал следующие, но лианы росли быстро, а приближались еще скорее, и вот они уже опутали лапы Вашграса, сильно сдавив их. Йоши выбросил посох вперед, кертахол его искрился зеленым светом, лианы оторвались от хвоста Марандиула и вспыхнули пламенем леса, которое пожирало их и превращало в углевидный прах, устремляясь к телу дракона Заргула. Когда оно подобралось к императорскому чудищу, Заргул провел рукой по горизонтали, и энергетическое лезвие синего цвета разрезало пути у конечностей Вашграса, и освободило его от древесных колец на кистях, но Архимаг сумел преподнести сюрприз — древесина взорвалась перед лицом дракона. Пусть взрывная волна лишь пошатнула Заргула, не причинив ему вреда, дракон его серьезно пострадал. Вашграс взревел, налетел на Марандиула, но могущественный дух отбил нападение ударом хвоста в челюсть. В тот же миг Заргул ударил потоком чистой силы подземелий, алой ауры, напоминавшей языки адского пламени, при соприкосновении с живой материей эта скверна ее изничтожала, распыляла. Йоши же ответил не менее страшным по силе напором зеленой энергии, силу на генерацию которой давал ему родной лес, который он поклялся хранить несколько веков назад. Лес питал Йоши-Року могуществом, которое позволяло ему противостоять мощи Заргула, непрерывно получавшего силу подземелий Азрога, кормившегося ею.

— Все живое покорится воле горхолдов! — орал Заргул, усиливая атаку, струя азрогианской энергии расширилась и ток ее стал вдвое интенсивнее.

Архимаг пошел на уловку — он сделал коридор в зеленой ауре леса, позволив азрогианской силе устремиться в него и Марандиула, и спустя полсекунды перехватил посох кертахолом вперед, и из кристалла вылетел спиралеобразный луч, похожий на вьющуюся лиану, но он светился изнутри — то была самая страшная по силе форма магии Лайнур-Арая. Луч пронизал азрогианскую скверну, разогнал ее в стороны и, когда дошел до Заргула и обвился вокруг него, терпение императора кончилось, он сделал режущий взмах рукой перед собой вверх, пламя Азрога выжгло лиану до основания, испепелило ее. Йоши собрался атаковать снова, но алая шаровая молния, источником для возникновения которой стала демоническая сила катакомб Азарельда, ударила его в грудь правее сердца.

Хаглорианец свалился на спину, но с дракона не слетел, ему хватило стойкости удержаться, хватанувшись за один из сучьев вместо зубцов на спине.

Последовал разряд тройной молнии, предназначенной дракону Марандиулу, Йоши

выставил перед собой посох, образуя защитный экран, но под непрерывными ударами алых разрядов понимал, что защиты хватит ненадолго. Грудь жгла нестерпимая боль, но выносил старик муки стоически. Сила Лайнур-Арая была конечно, тогда как зло, порожденное Азроговыми безднами, похоже, не имело конца и края. В щите начали появляться трещины, затем прозрачный экран треснул вместе с посохом Хранителя Хаглоры, переломившегося пополам, и кертахолом, что разлетелся на россыпи кристального песка.

— Простите, братья и сестры, я не справился... — пробормотал Йоши-Року сквозь зубы, на последнем издыхании удерживая защиту.

Щит Архимага разлетелся на исчезающие со скоростью света обломки, предоставив Заргулу возможность настигнуть молниями древнего дракона, разрывая древесную кору и мякоть на части. Предсмертный рев Марандиула был слышен на всю округу, заставив стражей крепости Вархула содрогнуться, а Заргула лишь победно расхохотаться. Марандиула разнесло в мясо, если можно было так выразиться о его древоподобном теле, а Йоши-Року без сил летел в пропасть. Последнее, что он узрел перед падением — то, как перед его глазами в воздухе возникла зеленоволосая дева в рваной тунике, перед которой он всю жизнь преклонялся. Призрачная, но вполне осязаемая Анлариэль рванулась к Заргулу, снесла его с дракона, обхватила руками голову Многорогого, и от нее пошло ослепительное зеленое сияние с белой сердцевиной, заставившее Заргула вскричать благим матом, после чего он успел вовремя телепортироваться, прежде чем его тело было бы разбросано на мельчайшие частицы. Ваштрас же издал утробный рык и улетел в неизвестном направлении, скрывшись за горными вершинами. Анлариэль исчезла, проявившись в обозримом пространстве меньше, чем на десять секунд, она успела отвадить Заргула. Тело великого чародея, воспитавшего не одно поколение магов, хранивших традиции священного искусства повсеместно, приближалась к земле со все возрастающей скоростью. Пусть небо и было закрыто темной завесой, Йоши слабеющим взором окинул холмистые равнины, лесные уголья Союза за стеной, стену — извечного стража людских царств, огоньки редких сел за нею и реку Быстроходную, проходившую под людскими укреплениями, текшую меж массивов Драконовых Гор и впадавшую в великий океан. Тучи, однако, рассеялись, когда он пролетел половину пути и, в последний раз подняв старые глаза к заходящему за горизонт солнцу, Йоши закрыл веки и прошептал последние слова.

— Забери меня, Анлариэль...

И богиня забрала, довольно со старого мага бедствий этого мира. Скоро Йоши-Року перестанет принадлежать ему. Его тело окутал зеленоватый туман, все существо Йоши испытывало ощущение небывалой легкости, чистоты ума, вся боль ушла и казалось, что уже не он пролетает высоту в две сотни метров над землей. Старое тело хаглорианца, подобно светящейся комете, несло к земле, но не долетев до земли и десятка метров, развеялось в прах после того, как зеленое сияние угасло. Прах подхватил ветер и унес ввысь, к небесам, далеким от невзгод еще живущих, которым предстояло отстаивать право этого мира на свободное будущее.

За его сгоранием безмолвно наблюдала вся стена, хотя сердца воинов были готовы исходить криком от отчаяния. Каждый хаглорианец словно потерял отца, а остальные — доброго друга и учителя, который был живым мостом со старинными эпохами и в настоящем всегда знал и указывал нужный путь. Теперь им предстояло прокладывать дорогу самим.

— Даже не верится, что его больше нет, — тихо сказал Эрлингай, — я был уверен, Архимаг всех нас переживет.

— Все когда-то уходит, — скорбно проговорил Глоддрик, — ничто не вечно.

— Кроме родства наших душ, — ответил король Союза, глядя, как солнце окончательно скрылось за горизонтом.

Так с уходом Йоши-Року, Хранителя Хаглоры и Третьего Архимага, завершилась битва за судьбу Ранкора.

Глава 30: «Низвержение Хранителя»

Словно воспоминания из далекой юности Алагара окутали видения густого леса. Темные кроны деревьев, точно призраки прошлого, нависли над его головой. Сквозь листву проглядывало чистое звездное небо, растущий месяц освещал журчащие сквозь травяной покров ручьи. Ветра не было, животные не кричали, все застыло, будто лесные просторы были восковыми декорациями. Посмотрев на свое отражение в ручье, Алагар обнаружил себя из прошлого — юное острое лицо с чертами дворянской породы, к которой он пусть и не принадлежал, живой и горящий взгляд, выражавший гордость и жажду знаний и могущества, черные волосы, ниспадающие на широкие и костлявые плечи. Однако течение воды преобразовало его отражение точно муссон — рисунки на песке, и он встретился взглядом с преисполнившимся смирения человеком, осознавшим в полной мере свои заблуждения и пороки, черты лица его стали заметно старше, кожа — бледнее, волосы теперь стояли дыбом и светились алым светом, вот только глаза его уже не излучали столь неистовое пламя Азрога. Невдалеке от фигуры мага стояла древесная скульптура Анлариэли, окрашенная ритуальными узорами и исчерченная рунами, что скрывали таинства заветов зеленовласой девы народу, что принял ее как названную мать. Под кроной самого обширного и рослого дерева она возвышалась над Алагаром, которому до двух метров оставалось всего ничего, но все же он казался на их фоне ничтожно малым. Из-за сгрудившихся в роще стволов сосен вышел его старый друг и наставник, Третий Архимаг Хаглоры, мастер Йоши-Року. Хоть и было темно, слабый свет луны едва пробивался сквозь толщу ветвей и листвы, Йоши окружал ореол света, он словно сиял изнутри. Хаглорианец и при жизни был весьма крепок и бодр, сейчас же он выглядел совсем молодо, морщины на все так же излучавшем добродушие лице исчезли, а голос его полился словно загустевший мед из рога изобилия без намека на старческое скрежетание. Алагар с первого мига понял, что все это сон. Вот только дух наставника был более чем реален.

— Друг мой, — обратился к ученику Йоши, простирая руки к нему, посоха на сей раз при мастере не было, в духовном мире такие инструменты уже ни к чему, — как же я рад тебя видеть!

— Мастер... — Алагар сделал шаг к зеленокожему, но Йоши жестом руки велел ему оставаться на месте.

— Я пришел попрощаться, Алагар, — с отзвуками скорби молвил Йоши, — вскоре моя душа окончательно оборвет все связи с миром живых. Пришел мой черед уходить.

— То есть вы погибли, мастер Йоши.

— Да, — опустил голову дух, — я потерпел поражение в битве с Заргулом Многорогим.

Алагар изо всех сил сдерживался, чтобы не спросить о судьбе своей родственной души, любимой женщине, но он не мог себе позволить этого, дабы не проявить поневоле оскорбительного безразличия к благородному учителю, принесшему себя в жертву ради спасения мира. Призрак Йоши с легкостью догадался, какие думы могут тревожить разум того, кому он собирался передать свое дело.

— Многих унес вчерашний день, побоище было самым кровавым за всю историю Ранкора с того момента, как этот мир был назван именем павшего героя. Я горжусь тобой, друг мой, ты искупил свои прегрешения, оставшись верным своему долгу, встав в единый строй с защитниками нашего мира. Уже вашего, точнее.

— Едва ли искупил, мастер, — ждал кулаки Алагар, сцепив зубы в злобе, — я был поражен слишком быстро, чтобы сделать что-то стоящее.

— Да, — кивнул Йоши, — Варзхел подло ранил тебя. Когда я впервые встретил вас, вы казались такими схожими, юны, горячи, полны рвения и страсти, способны в магии и чисты сердцем. Вот только я ошибся, сколь разны ваши сущности и пути, предначертанные судьбой. Однако мои ошибки уже не имеют значения. Друг мой, — их взгляды снова встретились, хаглорианец глядел твердо и неотрывно, его слова резали слух Алагара, точно столкновение осколков кремня, ибо тяжело было бремя, что учитель передавал своему преемнику, — пообещай мне, что не оставишь Ранкор и сделаешь все возможное, чтобы отвратить беды, грозящие ему.

— Обещаю, — это будут их последние слова, сказанные друг другу, Алагар это четко осознавал.

— Поклянись, что будешь использовать магию лишь во имя благих целей, отдашь все свои силы ради борьбы со злом и, если на то будет воля высших сил, пожертвуешь собой ради вверенных тебе судеб.

— Клянусь, мастер.

— Тогда я, Йоши-Року, Хранитель Хаглоры, нарекаю тебя Четвертым Архимагом, — лицо Йоши-Року посветлело, в его глазах читалась благодарность и плясали искры неугасающего огня надежды, — я бы мог просить тебя следовать заветам Анлариэли, но это мы оставим, ведь ты не из сынов Хаглоры. Прощай, Алагар. Я горжусь тем, что мне довелось быть твоим учителем.

Глаза Алагара наполнились предательскими слезами, он глубоко и медленно вдохнул и выдохнул, не сводя глаз с улыбающегося Йоши-Року, когда он заговорил, голос его не дрогнул:

— Прощайте, мастер Йоши. Я постараюсь не обмануть ваших надежд.

Йоши подошел ближе и хлопнул Алагара по плечу. Они обнялись в последний раз, и Алагар закрыл глаза, чтоб сдержать слезы. Когда же он их открыл, взору его предстали заплесневелые стены лазарета. Лишь голый камень и тлеющие факелы на стенах, все флаги и гобелены были разорваны на жгуты и повязки для сотен раненых, лежавших в этой зале и многих других. Вокруг же на расстеленном тряпье лежали окровавленные люди, кто-то был бездвижен — либо без сознания, либо ушел в мир иной, некоторые стенали, звали целителей или бредили, чаще всего обращаясь к людям, которые остались где-то вдалеке от стены Вархула. Слушать стенания и крики умирающих, мучавшихся от боли солдат, многие из которых потеряли глаза, конечности, пролили столько крови, что оставалось загадкой, как они были до сих пор живы, было невыносимо. Алагар и сам пострадал — весь корпус мага был перебинтован, однако боль в спине уже не беспокоила. Красноволосый маг тяжело поднялся на ноги, надел драный плащ цвета дорожной грязи, подобрал посох, что лежал на полу у его матраца, и побрел к выходу.

Послебитвенная картина жизни на стене-крепости выглядела весьма однотипно и безотраднo. Люди, что прятались в подвалах, повыходили наружу и взялись за поиски уцелевших или павших геройской смертью родичей. Женщины с детьми и стариками так и ходили вдоль и поперек стены, вглядываясь в лица трупов или солдат, занятых работой. Те же, кто мог — помогал. Дело кипело повсюду, бывшие бойцы с теми, кого они охраняли, собирали брошенное на поле минувшей битвы оружие, сортировали его, орудия горхолдов

отправляли в кузны на переплавку, снова ремонтировали стену и так далее и тому подобное. Самой монотонной и объемной работой было захоронение трупов. Десять рот аргойских и ганрайских солдат вырыли яму глубиной метров в десять, в ширину — в четыре человеческих роста и длину — в половину рва крепости. Ранкорцы не гнушались хоронить горхолдов в одной братской могиле со своими боевыми товарищами, ведь красноголовые не выбирали вождя, как и приказы, что он отдавал, и они так же как и остальные были частью этого мира. Перетаскивание трупов к могиле длилось весь следующий день после битвы. За стеной все, люди, равшары, флорскелы только и делали, что разносили тела и собирали оружие. Хаглорианцы же в основной своей массе находились в лазарете, так как их познания в знахарстве и исцеляющих чарах пришлись весьма кстати для потрепанного воинства Ранкора. Стоит ли говорить, что почти все комнаты Вархула, как и кабинеты командующих, в том числе и Глоддрика, были забиты ранеными? Во внутренних же кольцах города в стене происходил ремонт оружия, отстройка стены и нескончаемые скитания утративших или обретших родных нонкомбатантов.

Скиарлы же послали ястреба с радостной вестью с морских просторов — армада горхолдов была с треском разгромлена, хоть и погибли в этом жестоком бою как царь покорителей водной глади, Рейген Саламандр, так и его брат и придворный маг — Рейдар. Фрегаты жаброносцев сталкивались с ладьями Заргула, круша друг друга бронированными торцами, в абордажных боях пролилось крови столько, что вода вокруг кораблей налилась алыми потеками, но исход боя решил призванный Саламандром морской змей, что отправил на дно морское половину азрогианского флота до того, как его умертвили их гарпуны. Флотилия Заргула была уничтожена, подкрепление к наголову разбитой армии на суше не прибывает, скиарлы заплатили за это своей гордостью — своей хваленой эскадрой и наводящим страх на пиратов и контрабандистов ужасом дна морского, змеем, которого мог подчинить своей воле лишь мудрый властитель Побережья Кесилора.

Сносить трупы к братской могиле мешала скорбь близких покойных воинов. Когда Кэлрен заметила, как двое рядовых в стальных касках несли тело Клажира, что утром достали из рва вместе со многими другими погибшими, к выходу из внешнего кольца стены, возле которого стоял разломанный требушет, она их задержала на полчаса, заходясь прерывистыми рыданиями, захлебываясь с истеричной скорби возле трупа возлюбленного. Когда же солдаты ее оттащили и продолжили нести труп к братской могиле, Сангельс, заметивший это действие, порывался утешить бедную девушку, но его остановил Арстель, дернув парня за плечо, он покачал головой:

— Не стоит, дружище. Она должна сама пройти через все это. Ведь никакие слова Клажира не вернут. Впрочем, как и всех остальных...

В братской могиле захоронили правителей Ранкора, магов, чьи тела за стеной нашли по наводке выжившего Азилура, военачальников. Никто при жизни не изъявлял желания упокоиться в почетной усыпальнице, даже Хинарея, чей народ более всех стремился к изяществу и роскоши. Сжигать же трупы было невозможно, так как для того, чтобы собрать на них всех растопку, нужно было вырубить все леса в приграничье Ганрая.

Кроме скорби присутствовала и неловкость, когда на имя Ревiana Гувера, зарытого в землю вместе с грудями союзников и врагов, приходили письма из Силгора от герцогини Нэрилетт, Эрлингай и не думал распечатывать их из уважения к памяти писателя и его личной жизни. Королю оставалось лишь отправить письма в камин, чтобы лишь огонь имел возможность проникнуть в секреты их весьма интимной переписки. И вот к концу дня,

прошедшего после битвы за Ранкор, за стеной, когда уже оттащивали последние трупы к могиле, все еще стоял Алагар. Он там прождал весь день, надеясь увидеть тело Анлариэли. Маг уже догадался, что в живых она не осталась, в замке нигде ее не было видно, а если сопоставить смертельное ранение и то, что он отчетливо видел, как добрая колдунья врачевала подле его пробитого молнией тела, все встало на свои места. Когда же он узрел, как тело черноволосой женщины в белом саяне уложили возле земляной кучи с дерном, он припал на колени возле Танрили, плечи Алагара содрогнулись, когда он в последний раз взял ее охладевшую руку в свои. Лицо Танрили утратило жизнерадостность, смешанную с отзывчивостью и сопереживанием ко всему существу, это было теперь бледное чело красивой женщины с чертами идеальной пропорции, гладкой кожи, точно она и в самом деле была молодой, но лицо, ее закрытые глаза и сомкнутая линия тонких губ не выражали ровным счетом ничего. Словно это была восковая фигура. Алагар утер слезы, но продолжал неотрывно вглядываться в ее лицо, все еще надеясь, что сейчас Танриль очнется, встанет и улыбнется как ни в чем не бывало, что магия истинного воскрешения не столь жестока в расплате за прибегание к ней.

— Ну все, хватит, — услышал он голос старого человека из-за спины, бывшего ему надежным сотоварищем, — пойдём в город, не будем мешать парням работать.

— Азилур, — Алагар поднялся и слабым, отчасти лишенным надежды жестом тряхнул друга за плечо, — ты жив.

Седобородый белозубо улыбнулся:

— Мы с тобой живы, Алагар. Остались лишь ты, я и Старейший из рода равшаров. Мы последние ученики великого Йоши-Року.

Двое магов вошли в город. Алагар хоть и выглядел сильно моложе Азилура, по его скробно-обреченному взгляду человека, познавшего глубины страданий бытия, угадывался столетний старик, прошедший все пути. Он был лишь тенью прежнего себя, целеустремленного и уверенного в своей непогрешимости человека, готового ради своей мечты на любые средства, поднявшего на борьбу орду людей, создав из них Братство Уравнителей, вселившего в них веру во всеобщее братство и себя в роли наставника, что проложит путь в мир светящегося всеми цветами радуги будущего. Теперь он больше походил на искателя истины, желающего принять стезю мученика и аскета, чтобы в конце пути страданий в брэнном и слабом теле увидеть не врата в Божье царство и райские кущи, а лик Создателя. Они сновали среди улиц, наполненных женщинами и детьми с потерянным видом, солдатами с пустым взглядом, в чьих глазах еще вчера кипел огонь преданности всему, ради чего стоило биться, разломанных противоосадных орудий, катапульт, требушетов и баллист, сваленных стрел, оружия ближнего боя и арбалетов у стен, разорванных палаток. Два мага были осколком порядка среди моря хаоса. Время клонилось к вечеру, закатное марево лишь добавляло кровавых оттенков в мрачную картину обозреваемого пространства.

Азилур рассказал Алагару о том, как он вместе с собратьями противостояли коdle поборников Заргула, которые бы устроили гибельную диверсию в тылу защитников крепости и проломали бы их оборону исподтишка, если бы не благородная жертва магов. История о судьбе Рокшаса и остальных еще сильнее углубила Алагара в осознание своей никчемности. В прошедшей битве он не внес никакого вклада, лишь заставил женщину, что отдала ему свое сердце, отдать и жизнь ради своего спасения от столь глупой и бесславной гибели.

Рассказал Азилур и то, что слышал о бое их мастера с Заргулом.

— Все говорят, ввыси, когда мастер уже окончательно проиграл, показалась Анларизель. На этот раз ей не удалось лишить Заргула силы, но она его изгнала. Все же силы Лайнур-Арая не хватило Третьему Архимагу, чтобы остановить Заргула. Но как ему хватило смелости на то, чтобы в одиночку бросить вызов сильнейшему врагу Ранкора за всю его историю...

Алагар не стал говорить о причине неудачи Йоши-Року. Мастер, всю жизнь молившийся на Анларизель, безусловно, знал, что именно сила леса дала покровительнице народа Хаглоры на полторы тысячи лет отправить Заргула на длительный процесс восстановления сил. Однако мастер не был так магически одарен, как та, кого он и его сородичи боготворили, чтобы серьезно ранить Заргула. Но Алагар знал, что у мастера был бы шанс нанести Многороговому существенный урон, если бы император Азрога не находился в непрерывном контакте с источником своей силы и бессмертия.

— Танриль как-то говорила мне, — после непродолжительной паузы ответил Алагар, пока они шли мимо лестницы на стену, к которой вереница солдат несли камни и чаны с раствором, — что ей часто приходится лгать своим подопечным, что она все может вылечить, что утешит их родных, что, например, покоцанный в бою солдат сможет так же ходить или видеть, как в прежде. И я не понимал, зачем она лгала, зачем было давать людям ложные надежды. Затем я стал наставником целой общины, повел массу людей по ложному пути, но они шли за мной, потому что верили. И я понял одно, Азилур, всем нужно во что-то верить. Мастер верил в Анларизель. Горхолды верят в Заргула. А те, кто защищал крепость, верят в друг друга, в товарища, который прикроет тебя своей грудью. И они верят в нас. Мы маги, Азилур, нам доступно то, что неподвластно простонародью, но... — всматриваясь в горизонт, в темнеющее над закатным полотном небо, вырисовывающийся месяц, Алагар закончил мысль, — мы не всемогущи и не всезнающи. Однако, чтобы те, кого нам приходится вести за собой, не утратили веру, мы должны примерять на себя роль всемогущих и всеведущих. Теперь я понимаю, о чем говорила Танриль. И знаю, почему мастер решился на такой фаталистичный шаг. Он вселял во всех нас веру в то, что это наш мир, и мы не отдадим его красноголовым.

Алагар уже принял решение. Он знал, как сполна компенсировать свою неудачу во вчерашнем бою и как искупить грехи. Вот только поведая он Азилуру о своих намерениях — верный друг пойдет за ним следом и погибнет.

— Твои слова мудры, — опустил глаза к пыльной земле придворный маг Аргойских королей, — не зря мастер Йоши передал звание Архимага тебе. Ты все же сумел перенять его учение о том, что значит быть истинным магом.

— Надеюсь, что так, — вздохнул Алагар и положил руку на плечо Азилуру, — друг мой, — обратился он так, как в течение всей своей жизни обращался к другим его учителям, — обещаю тебе, что если со мной что-то случится, ты примешь титул Пятого Архимага и передашь огонь владения магией и мудрости наших наставников идущим на смену нам поколениям.

— Алагар, мне кажется, и так было слишком много смертей, чтобы думать еще и о том, что уйдешь ты.

— Азилур! Лишь на тебя я могу рассчитывать. Как по мне, ты идеально подходишь на роль преемника мастера.

Седовласый кудесник закусил губу, покивал и, расправив плечи, молвил:

— Что ж, если на то твоя воля, я окажу тебе и такую поддержку. В любом случае, Алагар, ты можешь на меня рассчитывать.

— Если бы ты знал, как я тебе благодарен. Бывай, Азилур. У меня есть одно неоконченное дело.

И Алагар зашагал прочь. С его плеч будто упал тяжелый груз. Груз ответственности. Теперь он знал, что должен делать.

Он увидел Юкиару у основания одной из западных башен. Девушка вглядывалась в пейзаж Драконовых Гор, вершины которых озарялись заходящим солнцем, и курила, облокотившись о каменное ограждение. Солдаты здесь реже появлялись, так как этот кусок стены не пострадал, ремонтировать было нечего. Укромное место для встречи наставника и последовательницы, разочаровавшихся друг в друге, но обретших надежду на зарождение дружбы.

— Юкиара... — произнес Алагар, и девушка мгновенно обернулась, выпустив струю сизого дыма, — ты как?

Ганраянка усмехнулась, сделала затяжку снова и, выбросив самокрутку за стену, ответила:

— Я бы насладились видом, если бы последние деньки выдались попроще.

Алагар кивнул, его одолевало чувство неловкости, вины перед нею, словно лишь из-за него на голову Юкиары сыпались лавиной страдания и лишения.

— С братом виделась?

— Да, — сказала Юки, — поутру. Никак не могли нарадоваться оба, что живы. Кто знает, которая наша встреча с дорогими сердцу людьми станет последней?

— Я понимаю, — опершись на длинный посох, Алагар прислонился к башенной стене.

— Мне жаль мастера Йоши, — тихо проговорила она, — я знаю, как он был для тебя важен, даже когда ваши пути шли порознь, ты старался держаться ближе к нему. Он был в самом деле достоин своего звания.

Алагар глядел в мрачнющее небо, в котором уже вырисовывались звезды, думая о том, что где-то там в бескрайних просторах вселенной или же и вовсе за пределами материального плана существования находится дух его учителя. Быть может, он уже принял совершенно другую форму. Но того Йоши-Року, которого все знали, любили и уважали, уже никогда не будет.

— Он был лучшим магом из всех, кого я знал. Но мастер Йоши уже не с нами, он отошел в прошлое, как и многие наши друзья. Теперь нам предстоит поступать по собственному разумению, как бы нам ни недоставало его мудрого слова и опытной руки.

Меж ними воцарилось молчание, каждый думал о своем, о тех вещах, что выразить в словесной форме попросту невозможно.

— Юки, я хочу, чтобы ты знала. Я горжусь тобой.

— А? — осеклась Юкиара, — с чего это ты вдруг?

Покровительственно улыбаясь, Алагар пояснил:

— Когда я, внемля голосу помутившегося разума, приказывал вам схлестнуться с королевскими солдатами, ты была первой, кто поступил по совести. Ты первая нашла в себе силы воспротивиться моей неоспоримой, как тогда казалось, воле. Я думал, что плохо тебя учил, но оказалось, что мне было суждено многому у тебя научиться. Спасибо тебе, Юки.

Тепло улыбнувшись, она потупила взор и ответила:

— Ты не так плох, как думаешь о себе. Иначе мы не шли бы за тобой. Иначе Танриль Целительница не выбрала бы тебя. Все мы заблуждаемся, но вопрос лишь в том, хватит ли у нас силы выбрать нужную сторону.

— Выбрать сторону недостаточно, нужно еще знать, на что тебя хватит. Я, кажется, знаю, — в этом не было никакой необходимости, но ему было очень нужно поделиться с кем-то своим самоубийственным планом, чтобы облегчить душу, — я отправляюсь в Азрог, дорогая Юкиара.

— Что? Но как...

— Я там ведь уже бывал, переместиться труда не составит. Горхолдов мы разбили, но зализать раны и скопить новые силы у них выйдет легко, если Заргул будет в лучшей форме. Но если мне удастся сразить его, обезглавить их боевую машину, то опасений станет куда меньше. Впоследствии, скорее всего, его удастся умертвить окончательно.

— Ты один из самых продвинутых магов на Ранкоре, но даже Йоши-Року с этой задачей не справился. Останься с нами, прошу. Не хочу, чтобы и ты уходил, еще и так напрасно.

Алагар, смеясь, перебрал из руки в руку посох и, направив его к небесам, воззрился на кертахол, словно уже видел где-то Заргула и готовился к атаке.

— Не напрасно. Мне кажется, я обрел Илгериаса внутри себя. А вера творит чудеса. Думается, именно благодаря той же вере Анлариэль смогла так насолить Заргулу дважды. В любом случае, решение я уже принял. Пусть даже связь с источником силы император сохранит, но потрепать его я сумею основательно. Юки... Я вскоре отправлюсь, вряд ли мы еще увидимся, но я хочу сказать, что счастлив, что знал тебя. Прости меня за все.

Девушка не успела ответить, так как он уже исчез в мгновенной световой вспышке. Алагар не хотел слышать ее прощальных слов, но он не просчитал одного. Юкиара была такой же фаталисткой, как и он сам, а горячность, свойственная молодым, добавляла масла в огонь. Она тоже приняла решение. Решение, которое определит судьбу всего Ранкора.

На следующее утро, после рассвета, Арстеля Юкиара нашла случайно отдыхающим после работы над латанием пролома в стене. Сапожник с полной самоотдачей помогал солдатам закладывать пробоину каменной кладкой, а затем чуть не надорвал спину, перенося с ними громадные сосновые стволы, обрубки которых использовались в качестве балочных подпорок хрупкого участка стены, раствор в котором еще не скрепил камень как следует. Рабочие разошлись, Арстель же сидел под стеной в одиночестве, ничем не занимаясь, в молчаливом бездельи он предавался размышлениям или же глядел в пустоту. Юкиара попыталась ускользнуть, остаться незамеченной, но сапожник ее засек. Разумеется, в первую очередь Арстель задал вопрос, куда она направляется, было очевидно, что девушка собиралась уходить за стену. Юки попыталась оправдаться, дескать, она собиралась присоединиться к патрулям, обзревавшим окрестные территории, но Арстель не повелся на эту уловку, он знал, что в патрули брали только членов Карательного Отряда, что под руководством Глоддрика весь вчерашний день прочесывали местность за стеной Вархула в поиски недобитого врага или лазутчиков, либо Стражи, коими предводительствовали мастера Шибуйи и Гуаррах. Сапожник был достаточно сметлив, чтобы понять, что его подруга лжет.

— Я слишком хорошо тебя успел узнать, Юки, чтобы поверить в эти легенды. Ты ведь явно задумала что-то такое, чего не одобрили бы ни твои товарищи, ни командиры. Колись или я расскажу Глоддрику, что ты без разрешения собиралась в самоволку, — разумеется,

это было сказано с улыбкой и не всерьез.

И Юкиара расколосась, она хотела продолжать плести паутину лжи, но при виде Арстеля язык ее не поворачивался на обманные речи.

— Алагар сегодня отправится в Азрог и сойдется с Заргулом один на один. Но его поражение неизбежно, покуда Многорогой черпает силы из недр катакомб. Я должна обрезать этот канал связи, тогда, возможно, у него появится шанс.

Вот только у Юкиары шансов не будет, и она это прекрасно понимала. Источник силы Азрога разрушит любого, кто посмеет как-то вмешаться в его внутренние процессы, сотрет в порошок с той же вероятностью, с которой наделяет силой тех, кто с готовностью отдается злой воле подземелий.

— Ясно, — протянул Арстель вполголоса, выдвинув нижнюю челюсть вперед в раздумьях, — отговаривать тебя нет смысла, это так же очевидно. Тогда скажу одно, Юки. Я с тобой, куда бы ты ни отправилась, хоть в Азрогово пекло.

Она в ужасе вскинула руки, качая головой:

— Даже не думай об этом! Я не допущу, чтобы погиб и ты. Все мои друзья из Братства почти весь Кристалл мы потеряли. Если с тобой из-за меня что-то случится...

— Юки, — с железной убежденностью сказал Арстель, — есть твоя воля, но она кончается там, где имеет начало моя. Ты не вправе мне запретить. И потом, мы должны пройти этот путь до конца. Если бы Хельд был жив, он бы не раздумывая отправился с нами. И что-нибудь отмочил бы вдобавок в своей идиотской, но в то же время полюбившейся нам манере.

Юкиара слабо улыбнулась, но проблеск веселья быстро покинул ее облик.

— Арстель, но я не хочу, чтобы ты рисковал из-за моих безрассудных побуждений.

— Юки, скажи мне лучше вот что, — игнорируя ее, решился Арстель задать тот самый вопрос, с которым уже долгое время собирался обратиться к ней, — если бы при иных обстоятельствах я бы решил на тебе жениться и провести с тобой весь остаток жизни, ты бы согласилась ответить взаимностью?

Ответила она не сразу, не с первой секунды нашла в себе силы даже посмотреть в глаза человеку, признавшемуся в своих чувствах так явно в первый раз. Но и сказать то, чего Арстель хотел от нее услышать, она была не в силах. Громкие слова лишь усиливали трагичность ситуации, скорбь от безысходности. Юкиара собиралась пожертвовать собой, и она не хотела давать Арстелю ложные надежды и представлять в счастливых фантазиях ту жизнь вместе с ним, которой не суждено стать реальностью.

— Зачем говорить о том, что могло бы быть? При иных обстоятельствах мы могли бы и не встретиться вовсе. Лучше сосредоточиться на насущных делах.

— Наверное, ты права, — сдавленно сказал Арстель, — прости мне эту нелепость.

Под стеной шли король Союза и глава Карательного Отряда. Эрлинггай шагал размеренно и неспешно, что выводило из себя хромящего Глоддрика, который был старше своего спутника на десять с лишним лет. Они обсуждали итоги патрулирования, точнее, Глоддрик докладывал Эрлинггаю о том, что они не наткнулись ни на кого похожего на врага, со всей очевидностью горхолды удалились самое меньшее миль на семь от стены. Хотя Каратели видели кострища от их лагерей и брошенные впопыхах припасы и палатки. Зоркий глаз Глоддрика заметил движение к одному из черных ходов за стену, затем он разглядел подбирающихся к арке девушку со шрамом от ожога на лице и молодого мужчину в рабочей

одежде. Он тут же смолк, прервав свой доклад, и окликнул уходящих:

— Стоять, ни шагу!

Когда же Юкиара и Арстель подошли к двум великим воинам Союза, Глодрик начал с подозрения в обвинении:

— За дезертирство полагается тюремное заключение. При военном положении — казнь. Жить надоело?

И Юкиаре пришлось выложить все как на духу. Обманывать Глодрика было бессмысленно, каратель, съевший собаку на дознаниях, допросах и выбивании нужных слов из пленных в застенках Гилеарда различал ложь с первых слов. Когда Юкиара закончила, опешивший Эрлинггай наложил вето на их предприятие:

— Это безумие! Я запрещаю вам отправляться в столь безумную экспедицию, вы защитники Ранкора и Союза и бессмысленной смертью сделаете лишь хуже всем нам. Возвращайтесь к работе, не видите, что Вархул нуждается в вас? А ты, Глодрик, почему молчишь?

Ганрайский Демон приложил к острому подбородку руку и, неразборчиво хмыкнув, вернул ладонь на перебинтованную рукоять клинка.

— Я пойду с вами.

— Что? — изумились одновременно Эрлинггай и Юкиара.

Глодрик продолжал:

— Я с ними, король. Маг — эта девчонка, не мы. Она знает, что делать. Но одних их там убьют. Со мной будет шанс пробиться.

Эрлинггай возвысил тон, двинулся вплотную к Глодрику. Львиный Рев был выше ростом, но суровый и матерый Каратель все равно смотрелся с ним внушительней. Темная повязка, закрывавшая незрячий глаз, черная рубаша под стальной истрепанной в боях кирасой, простецкие заплатанные штаны, подвязанные портянками, иглообразная прическа дикобраза, белые волосы, торчащие в разные стороны, острое лицо, изрезанное шрамами и следами возраста. Глодрику шел пятьдесят девятый год, и он хоть и выглядел все так же пугающе и красноречиво, как прежде, но хватка все же со временем слабела. Никто не выносит ударов времени.

— Как ты можешь бросить нас, когда горхолды могут вернуться в любой день? Командор Харлауд, ты последний, от кого я ожидал подобной глупости. Они молоды и ветрены, им простительно, но твой солидный возраст никак не вяжется с такими поступками.

Глодрик не отступал:

— Стена не выдержит новой атаки. Если есть шанс раздолбать Заргула — я пойду с ними. Девочка дело говорит. Без нас Алагар проиграет.

Эрлинггай бессильно всплеснул руками:

— Как же так... Почему всегда все идет наперекосяк?

Эти слова лишь подтвердил грохот свалившейся со стены балки, которую неуклюжие деревенские пацаны, затесавшиеся в ряды солдат, свалили на обоз с продовольствием.

— Ваше Величество, — сказал Глодрик, сверля физиономию Эрлинггай единственным глазом, — следите за обороной. Горхолды вправду могут вернуться. Клянусь Союзом — я сделаю все, чтобы Многорогой ублюдок за все заплатил. Было честью служить тебе и твоему отцу, Эрлинггай.

Каратель поравнялся с удивленными Юкиарой и Арстелем. Он был последним

человеком, от кого они оба ожидали поддержки. Втроем они скрылись за скрипящей бревенчатой дверью, окованной железными скобами. Прежде чем уйти, Юкиара обратилась к королю с последней просьбой:

— Я понимаю, как вы загружены работой, Ваше Величество, но, если вас не затруднит, при случае передайте моему брату, Сангельсу, что я люблю его. Очень вас прошу.

Король кивнул и помахал им, благодарная ганраянка ответила прощальным жестом и, отвесив поклон, затворила дверной проем.

— Удачи вам... — пробормотал Эрлингай и двинулся обратно, в главный корпус Вархула, раздавать указания верноподданным.

Когда они вышли за стену, Глоддрик задал резонный вопрос:

— Как добираться будем?

Юкиара в Азроге не была сроду, поэтому телепортировать их туда она не могла, дело решила фигура дракона, спланировавшего молнией на землю. Ортаун, алая с золотым чешуя которого переливалась в свете взошедшего солнца.

— Вас подвезти? — пророкотал огнедышащий дракон.

И вот они втроем забрались на могучего зверя, бугры мышц со вздутыми жилами которого внушительно перекачивались при взлете, он спокойно мог выдержать вес до пяти человек. Ортаун набрал высоту и, привлекая взгляды занятых работой солдат и горожан, которые, измученные непростым трудом и успевшие изрядно напугаться и умяться тоской за прошедшие несколько дней, глядели со стены на взлетающего дракона как замороженные. Ортаун направился в сторону Драконовых Гор, спустя полчаса они уже пролетали над вершинами деревьев Лайнур-Арая, казавшегося бескрайним. Поля же Союзных земель и поселки превратились в неровные многоугольники или овалы с редкими кругами в виде озер, в которых впадала серебристая линия реки Быстроходной. Дома же казались игрушечными с такой высоты, как и неприступная стена Вархула. Вскоре Лайнур-Арай кончился, показались северные земли, среди Драконовых Гор расположилось множество домишек, сгрудившихся на скалистых подъемах, иногда в округе мелькали братья по крови Ортауна, но другие драконы не испытывали желания подлетать ближе. Вот они пролетели над Балнором, столицей Севера, разломанная крепость казалась жалкой и ничтожно малой, высотой крепость северян была почти вдвое ниже пограничной стены. Люди же были столь неразличимы и медлительны, что казались роем насекомых, ползущих среди тоннелей, вырытых в куче навоза. Север кончился, и вот они парили над просторами океана. Арстель и Юкиара впервые в жизни видели подобное. Когда берег начал скрываться за туманом вдали, между сероватым небом и водным зеркалом летел одинокий дракон с тремя путниками. Глоддрик всю дорогу молча всматривался вдаль, ганрайцу не было дела до пейзажей, как всегда, Каратель не сводил глаз с цели, перед его мысленным взором уже маячили темные стены Азарельда. Юкиара же с раскрытым ртом любовалась открывшимся глазам ландшафтом, впечатлительная от природы девушка была ослеплена красотой мира, прежде видевшегося огромным, а теперь, казалось, мог уместиться у нее на ладони. Арстель немного снисходительно, но все же благодушно улыбался, глядя, как наслаждается увиденным Юкиара, и сам со спокойным сердцем оглядывал проносящиеся где-то далеко внизу картины. Дракон доставит их в Азроговы земли, откуда они, по всей вероятности, уже никогда не вернуться. Прежняя жизнь осталась вдали, затерялась среди тумана и горных массивов, их души словно уже летели в другой мир, по сути Азрог и был иным измерением

для жителей Ранкора, привыкших слышать об этом крае лишь в преданиях старины. Арстель первым нарушил молчание.

— Спасибо вам, командор Харлауд, за понимание в нужный момент. Мы были до последнего уверены, что вы не позволите нам проявить подобную самодеятельность, и уж, тем более что сами захотите в ней участвовать.

Глоддрик, обхвативший колени руками, со спокойствием удава оторвал взгляд от неизведанной дали и ответил:

— Если есть малейший шанс на успех диверсии и предотвращение нового побоища, нужно попробовать. Мы не имеем права прятаться за их спинами. Каждый исполняет свой долг перед отечеством и миром по мере своих возможностей.

— Тебе легко говорить, Глоддрик, — сказала Юкиара с восхищением, — ты один из сильнейших бойцов этого мира. В одиночку убил Кратара Рокового и с ним порезал орду равшаров, пробрался в крепость Грора Свободолюбца и остановил Северную войну, теперь и весь Кровавый Легион Заргула практически сам покосил, как я давеча слыхивала. Это горхолдам следует бояться, а не нам с вами. Жаль, что мы тебе не ровня.

Глоддрик криво осклабился, затем его лицо снова стало каменным. После минутного молчания он заговорил непривычно спокойным для себя тоном:

— Когда я был молод, как ты, — он махнул рукой в сторону собеседницы, — я получил имя Ганрайского Демона в равшаровых пустынях. Во время сражения с ними мне открылась Азрогова сила. Это значит, что с того дня я стал темным Стражем. После этого по сей день меня обуревают неутолимая жажда битвы. Я теряю рассудок, когда моя жизнь висит на волоске, а предо мной стоит серьезный противник. Меня боялись и ненавидели, как и сейчас. Я покинул Храм Мечей и мастера Агриппу, поступил на службу в Карательный Отряд. Годам к тридцати дослужился до правой руки тогдашнего командора. Но я продолжал поиски средства, что поможет мне избавиться от наваждения, похожего на хроническую склонность к припадкам бешенства. Мастер Агриппа посоветовал мне отыскать таких же, как я. Темных Стражей. В этом мне повезло. На одном из заданий Карательного Отряда мне поручили добыть сведения о странной банде, которая выжигала села, охотилась за дворянами и выкашивала на имперские легионы. Темные Стражи сами меня нашли, окружили и привели в свою общину. Скрывались они в гротах, омываемых рекой.

Арстель и Юкиара слушали, боясь пошевелиться. Такого приступа откровенности от Глоддрика, пожалуй, практически никто не видел. Каратель продолжал свою историю:

— Их наставник пообещал научить меня контролировать состояние боевого ража, если я присоединюсь к ним и буду жить по правилам общины. Многие из них каждый день уходили в разведку, как это называл их мастер. Я пробыл у них с месяц, научился черпать силу в темных потоках энергии Азрога, но раж так и не уходил. Одна девушка, — ехидно улыбающееся лицо Рикке ясно встало перед его единственным глазом, — из общины сказала мне, что ярость лишь на пользу и послужит мощным оружием, против врагов общины. Но что за враги — мне говорить отказывались все темные Стражи. Пока на очередной из разведок я не пошел за ними. Мастер завел их в очередной, как позже выяснилось, поселок. Он о чем-то спорил со старостой села. Когда староста перешел на крик, размахивая руками, он отрубил ему голову. Вышли крестьяне с топорами и вилами, но община их быстро перебила. Я не успел даже добежать. Когда же меня засекли, наставник поведал, что их община занимается освобождением народа от гнета правительства, — презрительно

скривился Глоддрик, — убивая всех, кто встает на пути. Недостойных жить в свободном мире, как он таких называл. Мой выбор был прост — примкнуть к общине или умереть с непокорными селянами. Я вступил с ними в бой, убил нескольких, мастер, поняв, что силы неравны, дал приказ отступить. Я переоценивал их боевые способности. Борцы за свободу скрылись, бросив дымовую бомбу. И в тот момент я осознал свой долг — защищать родную страну от врагов. Внешних и внутренних. И что я до конца жизни останусь большим ублюдком, помешавшимся на сражениях.

— А что случилось с темными Стражами? — спросила Юки, опасаясь разозлить Глоддрика этим вопросом.

Каратель остался невозмутимо спокоен:

— Я выследил их новое укрытие и привел туда Карательный Отряд, — он вспомнил предсмертные крики их наставника, брюхо которого было вскрыто его собственным мечом, хрипение Рикке, которая проклинала его в бою, пока Глоддрик не выбил из ее руки оружие и не придушил стальным хватом, после чего сломал ее тонкую шею, провернув голову девушки вполкруга, — община была ликвидирована. Полностью.

Арстель и Юкиара молчали, Глоддрик тоже затих на короткое время, затем заговорил снова. Он чувствовал необходимость открыть душу хотя бы кому-то, кто готов выслушать и понять, исповедаться. Ведь из Азрога он, с наибольшей вероятностью, не вернется никогда.

— Но вы совершили истинный подвиг, — попытался оказать почтение ветерану войн Союза Арстель, — предотвратили массу злодеяний, прикрытых благородными побуждениями. Да и вообще лучшего защитника Союза, чем вы, не сыскать.

— И воителя тоже, — поддакнула Юкиара, — во всем Союзе.

— Ребята, — растянул губы Глоддрик в иронической улыбке, — это единственное, что дает мне право не считать себя никчемным. Вера в то, что я приношу отчизне хоть какую-то пользу. Но я хотел бы иного. Сбросить жуткую маску Ганрайского Демона, излечиться от бесноватой одержимости боями, повесить клинок на стену и зажить мирской жизнью в глухомани. Стать рыбаком или лесничим. Ради небольших радостей жизни сельского человека я бы отдал эту треклятую славу, как и свое мастерство. Для вас обыденная вещь — то, что никогда не было доступно мне — иметь крышу над головой, любить, быть любимым и провести жизнь со своей семьей, — на этих словах он вспомнил Ревяна, младшего брата, которого он и не успел толком узнать, — но это все неважно, — продолжил Глоддрик, оглядывая приближающийся берег, — каждый должен пройти свой путь так, как у него выходит. И найти себе место в жизни или хотя бы посвятить жизнь его поиску.

За береговой линией, усыпанной галькой темного цвета, показалась земля, точнее, голые скалы, на которых не росло ничего, даже самые неприхотливые кустарники. Вдалеке сгущались тучи над островерхими шпилями по краям шестиугольной фигуры, сложенной из кирпичных стен черного цвета. Темную же землю избороздили огненные реки, среди дымящихся горных вершин периодически случались извержения, порождавшие новые потоки лавы. Над черепичными крышами башен гордо реяли флаги с символикой Азрога — перечеркнутой ломаной линией и лицом Многорогого. Ортаун подлетал к центральной башне. За прошедшее время вокруг главной цитадели Азарельда во внутреннем городе успели вырыть ров длиной в две реки и глубиной в несколько землянок, заполненный лавой до краев. До земли же дорога пролегла по недавно отстроенному мосту, по которому могли бы пройти максимум — пять человек ровным строем. Остальные же башни внутреннего города были соединены паутинообразной сетью мостовых или лестничных переходов.

Центральный корпус, в котором обретался Заргул, огородили сетью дозорных пунктов, сложенных из того же материала в виде невысоких пирамид, иглообразный забор меж ними служил еще более красноречивым доказательством того, что обитателей города Заргул предпочитал не допускать к себе слишком близко. Внутрь, непосредственно к повелителю могли получить доступ солдаты, либо маги, которых, кроме Варзхела и Хейларга вкупе с самим императором Заргулом и некоторых недобитков среди сбежавших от стены Вархула, в Азроге не осталось. В Ортауна уже летели арбалетные болты, гарпуны, запущенные с баллистических установок на дозорных пирамидах, валуны с требушетов, но от дракона все снаряды благополучно отскакивали. Силовое поле защитного назначения, поставленное Алагаром до битвы, еще действовало. Ортаун со скоростью коршуна, узревшего в чистом поле добычу, спикировал к мосту, на лету сжегши марширующие по нему гарнизоны, а последних, стоявших непосредственно у врат в крепость, смахнул ударом хвоста аккурат в сгустившуюся во рву магму. Навалившись на створки ворот, на которых был отчеканен тот же Заргул, распростерший руки перед собой, будто обращавшийся к пастве и принимавший вверенные ему души рабов, дракон надломил засов с внутренней стороны крепости, и заставил врата поддаться его мощи. То был один из проходов в Азрогову подземелья, допуск в которые предоставлялся лишь избранным — магам и Кровавому Легиону. Разумеется, их уже засекли, с дозорных точек горхолды-смотрящие трубили во все горны, а к пирамидам устремились потоки щупальцеголовых.

— Дальше справитесь сами, — сказал Ортаун, — в конце концов, я обещал довести вас в Азрог, но никак не сражаться с горхолдами.

— Спасибо, Ортаун! — сказал Арстель.

— Лети уже, орясина долбаная! — крикнул дракону Глоддрик.

Ортаун взлетел и, все так же недосыгаемый для направленных в него стрел и камней, скрылся за покрывалом черной мглы, неотрывно нависавшей над Азарельдом. Люди у ворот остались одни. А многие горхолдские легионеры уже вышли через двери пирамид дозорных во внутренний двор крепости и бегом направлялись к мосту. Красноголовые заполнили пространство между рвом и пиковой оградой.

— Чего встали? — рявкнул Глоддрик на девушку и парня, в нерешительности лицезревших стекавшихся к мосту горхолдов, — быстро внутрь!

— А как же ты? — удивленно вскинула брови Юкиара.

— Я их задержу.

— Нет! Должен быть иной способ! — протестовала девушка.

— Другого нет. Они нас быстро нагонят. И в подземельях от меня толку мало.

Арстель подобрал с земли копьё одного из горхолдов, которого Ортаун сбил хвостом, а Юкиара спустила из рукава суконной куртки цепь с шипованным грузилом и медленно принялась ее раскручивать.

— В Крестале своих не бросают, — перечил Арстель.

— А я вообще жизнью тебе обязана! — распалаясь Юкиара, — и мой брат тоже. Я не позволю тебе вот так собой пожертвовать.

— Вашу мать! — взревел Глоддрик, залепив затрещину Арстелю и встряхнув за плечи Юкиару, — я ваш командир, мои приказы не обсуждаются! В крепость шагом марш! Если останемся здесь — погибнем все трое.

— Но ведь... — робко начала Юкиара, подняв свободную руку, но Глоддрик ее прервал.

— Помнишь, я сказал, что каждый должен найти себе место? Так вот — я нашел свое. Я

стою в нужном месте в нужное время. Теперь и вы займите позиции, бойцы. Вперед!

Арстель дернул колеблющуюся девушку за рукав, ведя к воротам:

— Пойдем, Юки! Мы и правда ничем не поможем.

Девушка засеменила за ним, глядела она в сторону Ганрайского Демона с потеряннным видом едва осознавшего себя ребенка, которого навсегда разлучают с матерью.

— Эй! — обернулся к ним Глодрик, в прощании оскаля зубы в отчасти устрашающей улыбке, — не вздумайте облажаться.

— Так точно, командор Харлауд! — поднял вверх кулак Арстель, после чего они с Юкиарой скрылись в темной щели между створками.

Горхолды уже неслись по мосту, выставив перед собой щиты и вскинув копья и мечи остриями в сторону стоявшего у входа в катакомбы одинокого воина. Глодрик размял шею, выхватил из-за пояса меч и сделал несколько взмахов для разогрева, после чего направил острие перед собой, сфокусировав на кончике взгляд единственного глаза. Расставил ноги на ширине плеч и ухватился обеими руками за бинтованную рукоять. На фоне двух львов по краям ворот, высеченных из все той же черной скалы, Глодрик выглядел грозно, будто одной его команды достаточно, чтобы чудища бросились в атаку и порвали на куски вражеские легионы. На фоне надвигающихся горхолдов стояла Рикке, его первая и последняя любовь, ставшая кошмаром. К счастью, это его явление было последним.

— А я ведь говорила, что неумная жажда битвы тебя когда-нибудь убьет. И вот ты забрался в самую безвыходную ситуацию, какую только можно представить. Ты уже не выберешься отсюда. Разве что вперед ногами.

Глодрик молчал, стиснув зубы. Он пытался смотреть сквозь мираж, но не выходило. Рикке смеялась ему в лицо и продолжала издеваться:

— Что ж, увидим, насколько тебя хватит.

«Увидим, так увидим. Довольно слов» — подумал Глодрик про себя. Ганраец молча сорвался и, пронесшись сквозь растаявшее в мгновение ока видение, ринулся навстречу нахлынувшему на мост слугам Многорогого.

Завихрения темных тоннелей кончились, Юкиара и Арстель набрали на забрезживший невдалеке свет факелов, выставлявший на обозрение грубо выдолбленную в скале лестницу и стены, исписанные древними рунами Азрога и изрисованы лицами ящероподобных существ или же усеянные рогами головы Азроговых демонических существ. Гравировка была исполнена зубилом в глубокой древности, еще до рождения Заргула. Но друзья не обращали внимания на рисунки, они спустились по пологому лестничному проходу, огибавшему дугу, прорытую в недрах здешней твердой и безжизненной земли. Крики горхолдов снаружи затихли быстро, обоим оставалось лишь гадать, жив ли еще Глодрик или уже отправился в лучший мир. Лаз вывел их в огромную залу, в которой и таился источник неиссякаемой силы зла Ранкора, бездна силы Азрога, в которой обитали незримые демоны, подзуживавшие умы забредших в это помещение покориться воле их коллективного разума, питаемого подземными чарами. В центре зала была округлая площадка из темного камня, на которой была выбита киркой и обрамлена меловыми линиями пентаграмма в виде многоугольника, очерченного древними руническими символами по краям. Те же колонны в виде атлантов-монстров с головами ящеров, птиц, змей и волков. Меж ними стояла статуя-колосс, изображавшая императора Заргула, одну руку в картинном жесте прижавшего к груди, а другую, сжатую в кулаке, торжественно воздетую к потолку, будто император,

выдолбленный в стократно превышающем оригинал габарите, давал команду атаки своим неисчислимым полчищам рабов. Площадку же огибала огневидная река алого цвета, непрестанно искрящаяся. Вид на камни над рекой дрожал, размазывался, а энергия вокруг реки пульсировала. Источник силы Азрога словно бы предлагал либо насытиться своей силой, либо сгинуть в этих подземельях быстрым, но мучительным образом. Юкиара же воззрилась в сторону властно стоящей статуи императора Азрога. Она поняла с самого начала — эта статуя у стены и служила проводником его силы, черпая энергию из самой реки, она незримым лучом доставляла ауру подземелий непосредственно в тело Заргула.

— Командуй, Юки, — обратился к ней Арстель, когда оба сошли с перешейка на площадку, — что я должен сделать?

С того места, где они только что вышли, где кончался коридор, раздался глуховатый голос:

— И как вам удалось сюда добраться? Вас провел кто-то из наших?

Варзхел неуклюжей, хромой походкой медленно спускался с последних ступеней и дошел до середины перешейка, служившего мостиком. Их дело пошло прахом. Против Варзхела уже ничто не поможет, хоть Юкиара и была сведуща в магических искусствах, мастеру она была не ровня.

— Ваши укрепления не столь непролазны, как вам нравится полагать, — дерзко ответила Юкиара, хватаясь за цепь и магический жезл за поясом одновременно — если и умирать, так с оружием в руках.

— Сколько самомнения, — сказал Варзхел, — это даже похвально. Но света солнца вы уже никогда не узрите.

Возле него неожиданно материализовался горхолдский Архимаг — мастер Хейларг.

— Так и знал, что ты их засечешь позже меня, — с издевкой бросил Варзхел, — можешь расслабиться и наслаждаться зрелищем. На мучения сопротивленцев воли Многорогого смотреть — всегда отрада.

Хейларг сжал губы, зажмурил глаза, точно собирался причинить себе боль, вырывая дротик из раны. И все же он решился на доблестный шаг. Арнлоуг Варзхел был наглядным и ходячим примером того, до чего может довести жизнь под эгидой Заргула Многорогого. Вот он стоит рядом — искалеченный, убогий человек, потерявший любовь и дружбу, предавший своего учителя и воспитателя, утративший человечность и связь с высшим началом как таковым и его искрой внутри себя, не слышащий голоса своей души. И держался он Азрога поначалу лишь из бездумных амбиций и стремления к могуществу и власти, теперь же он надеялся доказать самому себе, что не столь ущербен, раз имеет отношение и принадлежность к существу, поставившему Ранкор на колени. Но никакая магическая сила или расположение Заргула не смогут сделать его снова человеком. Варзхел давно уже был мертв. Хейларг понимал, что все, к чему прикасается Заргул, как и невидимая рука подземелий и их демонов, гниет изнутри, гибнет, и окончательно понял, что с его стороны допустить, чтобы весь мир стал подобием Варзхела, будет страшным преступлением против самой природы.

— Варзхел, разве тебя не учили, — бронированный чародей не успел вытащить из-за спины посох-клинок, на слова Хейларга он лишь успел неповоротливо обернуться с шагом, но и то не до конца, — что никому, кроме себя, нельзя полностью доверять. И уж тем более, — горхолд взялся за посох обеими руками, — поворачиваться спиной к тем, кто представляет опасность.

— Что ты собираешься... — Варзхел неловко дернулся, успев наполовину обнажить оружие, но змеевидная вершина Хейларгова посоха сверкнула, ударная волна телекинеза сшибла черного мага с ног, и он слетел с перешейка как лист, подброшенный потоком ветра, очутившись уже в огненной пучине подземной реки.

Не раздалось ни предсмертных воплей, ни проклятий. Варзхел даже не успел понять, что его предали. Когда он рухнул в потоки огненной жидкости, его не стало меньше, чем за секунду, сила подземелий сожрала его без остатка, не оставив ничего, словно темного чародея никогда не существовало.

— Быстро и безболезненно, — перекрутив в руке посох, прокомментировал Хейларг, — как я люблю.

Растерянные Юкиара и Арстель стояли как вкопанные, не зная, представляет ли опасность горхолд-маг.

— Исполняйте свой долг, — кивнул он им, — мешать не буду. Я долгое время прозябал в заблуждении, думая, что народ горхолдов имеет шанс на счастливое будущее при Заргуле у руля. Но жизнь ясно дает понять — лучше для себя сделать можем только мы сами.

Наши герои, которые в последние две минуты побывали на обоих краях эмоционального диапазона — от разрывающего отчаяния до блаженного облегчения, позволили себе ослабить бдительность. Юкиара убрала руки с оружия, Арстель же бросил копье убитого горхолда в огненную реку.

— Мастер, — обратилась Юкиара к Хейларгу, — если вам не составит труда, переправьте Арстеля наружу. И сами уходите. Дальше я сама.

Арстель округлил глаза, он уже догадывался, чем закончится их предприятие, но все же противился неизбежному, иначе он физически не мог:

— Почему мы не можем дождаться тебя?

Юкиара прерывисто выдохнула, обернулась к Арстелю и призналась:

— Потому что все начнет рушиться, когда я примусь за дело. От этого замка камня на камне не останется.

— Но вдруг мы можем успеть переправиться с тобой, когда дело будет сделано? Неужели тебе придется пропадать здесь?

— Если я прервусь, — поникла Юкиара, — все будет напрасно.

С одного взгляда магического взора на энергетические каналы, протекающие по незримым жилам замка, поняла, что вся главная крепость Азарельда имеет точку опоры, стержень, фундамент, если угодно, в питательном и живительном канале, поддерживавшем веками жизнь в Заргуле. Если вынуть основу — выстроенная над источником демонической силы твердь обрушится. Арстель с неверием поглядел на эту хрупкую девушку, которая, несмотря на непрерывную полосу преград, выставленных жизнью, сумела сохранить открытость души к миру и веру в добро. И вот она готова быть заживо похороненной под тысячами тонн обломков этих чертогов ради исполнения священного долга.

— Юки, да что за... — Арстель сжал кулаки, опустил лицо, до боли зажмурившись, всхлипнул, он не мог сдерживать слез.

Дрожащим голосом сапожник прошептал:

— За что нам все это... За какие грехи! Почему достойные люди гибнут из-за промахов древности, ошибок далеких предков?

Юкиара обняла его, поглаживая по спине, тихо произнесла:

— Тише, оставим это. Слезы ничего не изменят. Видимо, такова моя судьба, —

отстранившись, она рукой утерла слезы Арстеля, помолчала немного и позволила, наконец, чувствам взять над собой верх, — Арстель, ты помнишь, о чем спросил меня перед тем, как мы вышли за стену?

Арстель болезненно усмехнулся, моргнул, сдерживаясь, чтобы снова не всплакнуть, ответил:

— Помню, Юки.

— Я была бы счастлива, если бы нам выпала возможность быть вместе, пока смерть не разлучит нас. До глубокой старости. Но, знаешь, я уже обрела счастье. И я благодарна высшим силам за то, что свели нас и позволили идти рука об руку. Пусть это и длилось очень недолго.

Они продолжали стоять друг напротив друга, держась за руки.

— Я буду помнить о тебе до последнего вдоха, — сказал Арстель, чувствуя боль в бешено колотящемся сердце, голова его шла кругом.

— Лучше забудь меня, отпусти, — теперь слезы навернулись на глазах Юкиары, — живи дальше, иди вперед. У тебя получится, я знаю это. Не терзай душу. Ради меня.

Арстель снова произнес ее имя, после чего они заключили друг друга в объятия и отдались страстному поцелую. Хейларг молча стоял у края платформы, разглядывая на скальные изображения. Портить влюбленным миг расставания он не мог себе позволить.

— Ну все, идите, — Юкиара убрала со своей талии руки Арстеля и направилась к пентаграмме.

Когда Хейларг подошел к Арстелю и спросил, готов ли тот телепортироваться, Юкиара окликнула их, обращая к Арстелю последние слова.

— Арстель, единственная просьба! Мое последнее желание, — знала бы она, какая душевная боль разрывала мягкое сердце сапожника, — присмотри за моим братом.

— Я позабочусь о нем. Обещаю, Юки.

Девушка с благодарной улыбкой кивнула, вышла в центр пентаграммы и опустилась на колени.

— Пора, Арстель, — сказал Хейларг.

Арстель кивнул, горхолд положил ему руку на плечо, после чего они исчезли в потоке света. Маг и сапожник оказались у одной из башен внешней стены Азарельда, что огибала город от бескрайних просторов выжженной лавой и всплесками силы подземелий земли. Вокруг было такое столпотворение, что мага и его спутника не заметили даже несмотря на световой взблеск. Гражданское население империи Азрога повалило на улицы, неотрывно глядя на вершину крепостной стены, пока бронированные солдаты беспорядочно бежали в сторону огороженной центральной цитадели. Но и среди служивых многие останавливались, заглядываясь на то, что происходило на стене.

— С ума сойти... — пробормотал Хейларг.

Арстель увидел примерно то, что ожидал. Ввыси, над каменными джунглями военно-промышленной города-машины Азарельда происходила ожесточенная магическая дуэль императора Заргула и красноволосого мага, одетого в истершийся плащ, больше походивший на лохмотья вольного бродяги, чем на одеяние чародея.

Юкиара тем временем выставила руки перед собой, приблизив ладони друг к другу. Сделала вдох, затем — выдох. Девушка, которая отрицала Бога как первопричину бытия, пришла к нему в последние минуты. Она обратилась к недостижимой сфере Илгериаса, ее сила наполнила ее юное тело. Вокруг Юкиары скапливалось синевато-белое свечение, а

затем из ее рук вырвался луч, ударивший в грудь статуе Заргула, которая разлетелась на куски. И тут из статуи и пентаграммы одновременно ввысь ударил столп напоминающей всполохи пламени энергии Азрога, он прошел насквозь крепость по вертикали. Юкиару разрывала дикая боль, она стремительно теряла силы, но аура от сферы Илгериаса позволяла ей держаться, сохранять силу заклятия и рвать связь Заргула с подземельями. Луч огня становился все тоньше, после чего исчез совсем. Когда же он начал таять, по стенам расплзлись трещины, с потолка начали опадать первые осколки. Затем платформа задрожала, раздался оглушительный грохот, заставивший девушку упасть набок. А спустя полминуты Юкиара была заживо погребена вместе с сотнями слуг Заргула.

Непроницаемая колонна горхолдов, больше напоминающая субстанцию из железных пластин и красных голов мчалась с неумолимой скоростью. Глоддрик несся еще быстрее. И вот, когда расстояние меж бесстрашным защитником прохода и ордой щупальцеголовых оставалось не более трех шагов, Ганрайский Демон взмыл в воздух и, используя силу разбега, в прыжке ударил ногой по щиту одного из стоявших впереди. Горхолд рухнул на спину, навалившись на бегущих сзади и почти притершихся к нему сослуживцев. Встать на ноги он не сумел — соратники рьяными ударами щитов отбросили его и, не дав и секунды чтобы подняться, задавили стальными подошвами. По центру передняя часть колонны замешкалась, но с боков уже двинулись копейщики с безупречной синхронностью, метя остриями копий Глоддрику в прорехи нагрудника под ребрами по бокам. Альбинос перехватил свободной рукой одно из копий и рванул на себя, одновременно с этим снес рубящим горизонтальным ударом пошатнувшегося горхолду голову с такой неотвратимостью, как нож мясника забивает курей. Другой не успел опомниться, как обезглавленный труп товарища был брошен в его сторону, отведя выпад копья вбок, после чего Глоддрик, не сбавляя темпа, пронзил клинком с неровным лезвием врага снизу, под латами так, что меч пошел чуть ниже пупка, а вышел изо рта, пробив нижнюю челюсть. Горхолды спотыкались о трупы, но продолжали наступать, тесня Глоддрика к стене. Но отступал он недолго. Ганраец рассвирепел, затем зашелся безумным хохотом — наконец-то пришло то самое раздолье, о котором давно мечтал его больной ум. Он лихо отбивал удары стальных копий, а контратаками отсекал конечности, протыкал насквозь горхолдов в лица или глотки, срезал головы хлесткими ударами. Тех, кто был изворотливее и прикрывался щитом, он ловил в момент атаки, перехватывал руку, ведущую меч, или древко копья, подсекал опорную ногу и молнеиносным разрезом меча разваливал незащищенные черепа горхолдов, чьи шлемы слетали при ударе о каменную поверхность моста в падении. Когда Глоддрик безжалостно забил первую десятку, горхолды больше не могли так нажимать, оттесняя Карателя дальше — к воротам. Трое горхолдов решили напасть одновременно — двое с топорами и воин посреди с парными мечами выписывал двойной восходящий удар, взрезавший воздух и стремившийся отделить голову Глоддрика от тела. Но ганраец отскочил от этой атаки так, что лишь кончики мечей слабо проскребли новые царапины на его нагруднике, затерявшиеся среди бесчисленного количества старых, поистершихся от времени, затем встречным ударом перерубил древко нападающего с топором по косой, следующей атакой, дорисовывавшей крестообразный двойной удар, он прорезал его кольчугу под коротким нагрудником, выпустив кишки, а затем врезал кулаком другому горхолду, который не сумел попасть с первого раза в быстро метущегося из стороны в сторону Карателя, отбивавшегося от забитой передовой линии, на которой умещались по пять горхолдов за раз.

Во второй попытке наступить горхолд слишком сильно замахнулся топором, отчего получил удар латного покрытия костяшек, напоминавшего по своей сути кастет, в кадык, но ошеломление продлилось не больше пяти секунд. Следующий удар разрубил его голову аки тыкву, что было возможно после так неудачно слетевшей каски.

Так Глоддрик в одиночку продолжал остервенело рубиться с напиравшими без устали рабами Заргула, которых, казалось, не становилось меньше, хотя участок моста, с которого Глоддрика никак не удавалось сдвинуть, уже был завален трупами и залит кровавыми ручьями. После очередного — пятого десятка убитых у Глоддрика открылось второе дыхание. Он обернулся вокруг своей оси, кривой клинок с рукоятью из равшаровой кости плясал на ветру в вихреобразном танце, выписывая смертоносные и едва различимые глазу удары — меч размывался в атаке Ганрайского Демона. Теперь наступал Глоддрик — смерч его сыплющихся во все стороны круговых и крестовых ударов, атак с разворота крошил плоть краснокожих, косил и валил их, сыны Азрога в исступлении пытались неумело защищаться, но им не хватало скорости. Их конечности и головы залетали за край моста, кровавые фонтаны били во все стороны, вся одежда и щитки Глоддрика были забрызганы вражеской кровью. Так было убито еще с двадцать неприятелей. Его безумный смех, лишенная рассудка улыбка и вертящийся со скоростью торнадо Глоддрик сеял смерть в передних рядах. Горхолды даже не успевали защищаться, многие из них лишь закрывались щитами, пока те не были прорублены или же их ноги не были подрезаны метким попаданием, после чего уже упавших солдат с безжалостной неотвратимостью пронзал в глаз или горло, а то и разрубал надвое туловище, если удар был совсем страшной силы, что мог пробить латы, меч Глоддрика. Когда же немолодое тело Карателя перестало выносить непрерывную нагрузку, он использовал последний импульс своего порыва, чтобы вспрыгнуть и с разворота снести головы двум самым ближним мечникам, а когда копейщики ударили ввысь, надеясь насадить его на пять наконечников, Глоддрик припал к земле и, перекатившись через плечо, подсек мечом их ноги в районе колен, свалив пятерых без остатка, болезненные вскрики которых заглохли, когда их затоптали товарищи. Вот снова напали мечники, Глоддрик своим знаменитым встречным ударом обезоружил врага, отрубивши ему кисть, следующий меч, летящий ему в голову, он перекрутил с хриплым выдохом и последовавшим за этим ревом вломил рукоятью в висок утратившему равновесие горхолду, которого, на его беду, повело вперед. Следующих троих он зарезал двумя косыми ударами и горизонтальным с разворота, которым перерубил предпоследнего мечника в районе пояса. Последний воин наскочил на главу Карательного Отряда, пинком отбросив падающего на колени товарища, туловище которого уже начало отделяться от линии пояса, а кишки полезли к земле. Но ударом колена в солнечное сплетение, пусть и по кольчуге, Глоддрик сбил дыхание врагу, после чего заломил шею в простецкий захват, прижав рукой голову врага к своему боку, и, дернув душащую противника руку вверх, с хрустом переломил шею красноголового солдата, который тут же обмяк и упал лицом вниз на грудь разделенного на две половины товарища. Следующая партия троих мечников и воина с топором и гарпуном с загнутым копьём напали вчетвером. Глоддрик перехватил свободной рукой кисть ближайшего воина, занесшую меч, выкрутил ее, рванул врага на себя, поставив подножку, и лицо того еще не успело повстречаться с залитым кровью камнем, как кольчуга была пробита уколом, Глоддрик всадил меч аккурат в сердце падающего врага. Другой рукой рывком его выдернув, он пошел на опережение, осыпая градом ударов мечников, которые поочередно при попытке контратаковать пострадали из-за слишком неумелых и размашистых ударов — руки их были

отсечены еще в полете, а первый оказался с перерезанной свистящим верхнедуговым ударом глоткой, а другой — с разрубленной головой от нижней челюсти до мозга. Последний попытался подцепить Глоддрика гарпуном в пах, но Ганраец резанул так быстро, что воину можно было лишь почувствовать — его нога в районе бедра была отсечена, сам он повалился назад, но не успел упасть, как обратный удар разлучил голову валящегося легионера с туловищем.

Мясорубка продолжалась, Глоддрик взмок, его сердце начинало покалывать, а дыхание — сбиваться. Когда количество убитых горхолдов перевалило за девяносто, он стал двигаться в разы медленнее, каждое движение причиняло все большую мышечную и суставную боль, но Глоддрик до конца работал на пределе своих возможностей, его стиснутые зубы и растянутые в яростном оскале губы внушали панический ужас наступавшим на мост воинам Азрога. Но вот Глоддрик не успел защититься — он снова отвел мечом вражеское копье в сторону, ребром ладони перебил трахею врага и, перехватив меч лезвием вниз, отрубил голову, другой копейщик пошел на него щитом, стремясь отогнать хоть на шаг, но Глоддрик уперся в ответ, рывком отвел щит и боднул врага головой в лицо, расквасив ему нос. И вот тут-то его настигла беда. Слишком шустрый враг с двуручным мечом зашел сбоку, когда Глоддрик бил другого головой, и хирургически точным движением подрезал сухожилие на левой ноге. Глава Карательного Отряда захрипел, но лицо его не скорчилось от боли, лишь шире стала безумная улыбка несмотря на то, что здоровая нога его подогнулась, не выдерживая веса. В падении на колено он ухитрился использовать инерцию падения набок угодить лезвием врагу в голову. Точный удар разбил шлем в сочленении, крепление лопнуло, и пластины каски разлетелись в разные стороны, а удар вышиб мозги из черепной коробки врага. Когда Глоддрик упал на колено, этим воспользовался один из горхолдов, чтобы всадить наконечник алебарды ему под ключицу. Глоддрик рукой, несмотря на пульсирующую боль, ухватился за вражеское оружие, дернул алебарду вбок, подрубил врагу ногу и, когда он упал, разрубил голову, но следующий пилум вонзился в боковину меж ребер. Затем было брошено другое копье и, прошив кирасу в районе правой части груди, неглубоко вошло, едва не задев легкое. Глоддрик зарычал, раж охватил его до предела. Он истекал кровью, его хромающая нога отозвалась адской болью, когда он оперся на нее, а когда оттолкнулся от той, сухожилие которой было подрезано, боль заставила до онемения челюсти сжать зубы, но он смог рывком подняться на ноги, отбить нисходящий удар меча врага и разрезать его шею. Пилум вонзился ему в бедро хромой ноги, Глоддрик в ответ пронзил грудь пикинера вверху, под шеей, на участке, не защищенном кирасой. Он снова упал на колено, онемевшая нога с резанным сухожилием и изувеченная, из которой вытекло порядочно крови, обе уже не выдерживали его вес. Глоддрик попробовал подняться, но на него посыпался град мечевых ударов, он отбивался и задел лицо одного из меченосцев, ослепив его, но мощным ударом топора его зазубренный меч с искрением был разломлен, а когда еще два клинка вонзились Глоддрику в брюхо, он харкнул кровью, однако обломок меча не выпустил. Другой рукой он нашарил валяющийся под ногами врагов топор и размашистой атакой расколосил одному голову, а другому — отсек ступню, после чего добил уже падающего горхолда, обезглавив. И тут он, не выпуская топора и рукояти с оставшейся частью меча, издал протяжный вопль, походивший более на крик раненого хищника, чем человека. Этот вопль перешел в одержимый хохот, Глоддрик захлебывался в безумном смехе, захлебывался и кровью, которая заставила его зыгнуться болезненным кашлем, а затем харкнуть обильным кровавым сгустком. Когда же он поднял взгляд на горхолдов и ощерился

своей известным на весь Союз оскалом буйного человека, одержимого нечистой силой, горхолды в страхе отпрянули. Сейчас они боялись его больше, чем Заргула.

Однако один из офицеров растолкал солдат и всадил пилум с разбегу Ганрайскому Демону, в бессилии стоявшему на одном колене, под сердце, не задев его по оплошности. Не сбавляя натиска, он рванул пилум кверху, подняв Глоддрика на ноги, и погнал к краю моста, намереваясь скинуть. Глоддрика хватило на последнее усилие — когда вражеский офицер уже толчком выбрасывал его вместе с пилумом, Ганрайский Демон вцепился обеими руками врагу в глотку, обхватил его ноги своими и, задействовав силу толчка и падения за ограду, перебросил через себя врага, после чего сам полетел в реку лавы.

Вот он с бешеной скоростью летит в пропасть, ров, наполненный кипящей лавой. Жизнь не проносилась перед глазами, как это рассказывали на войне многие солдаты, ведь жил он совсем не так, как хотел бы. Единственное, в чем нашел смысл своего существования Глоддрик, была защита Союза. В падении он отвел взгляд от стен черного дворца, уменьшающихся на глазах и скалы, на которой он был сложен, чьи рельефы проносились подобно каменному водопаду. Он обратил глаза в небо и где-то далеко, там, где пелена иссиня-черных туч еще не закрыла небо, увидел просвет солнечных лучей.

— Союз... — протянул он обессилевшую руку к свету, где-то там солнце освещало его родные края, края, которых он никогда не увидит, — моя родина... моя... родина...

Он расслабил руку и закрыл единственный глаз. Впервые в жизни Глоддрик испытал безграничное блаженство, его разум находился в абсолютной безмятежности, ничто больше не беспокоило старого воина. Лишь теплый образ дорогой сердцу страны грел его душу.

«А все-таки я жил не зря» — подумалось Глоддрику за секунду до того, как его умирающее от ран тело окунулось в огненный ров. А через еще несколько мгновений замок обрушился, его осколки посыпались кучей камней, образовавших гору вместе с обломками моста, похоронившими горхолдов, которым не посчастливилось преследовать вторженцев. Ров, в котором сгорел человек, принесший себя в жертву ради успеха замысла Юкиары и Арстеля, вскорости был завален камнями. От Ганрайского Демона не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Он выломал ворота мощным взрывом огненного шара, взрывная волна отбросила стражу на десять шагов, те же кинулись со всех ног сообщить своему повелителю о непрошенном госте. Однако этого не требовалось. Заргул заметил взрывы, стоя на балконе тронной залы, а затем перенесся на стену. Стоя в нескольких шагах от пролома в стене, на месте которого только что находились ворота, император сложил на груди руки и с пренебрежением оглядел Алагара точно насекомое, раздумывая, стоит ли оно того, чтобы быть раздавленным его стопой.

— Зачем ты вернулся? — обратился к нему Хранитель подземелий Азрога, — что хочешь доказать? Чего бы ты ни добивался, Алагар, единственное, что ты отыщешь здесь — это смерть, пусть и благородную. Преклонись передо мной, присягни Азроговому трону на верность, и я дам тебе шанс заслужить прощение.

Заключение перемещения сработало, и вот уже Алагар оказался на стене. По одну сторону был город с крепостью поражающих размеров и сетью переплетенных бесчисленными каналами мостов и дорог однотипных и весьма убогих домов, где жили горожане, казарм и оружейных мастерских возле них, по другую — бескрайние просторы голой черной земли, которую без конца подогревала магма как из-под земли, так и снаружи. Два чародея, в свое

время одолжившие силу подземелий в обмен на свободу воли своего разума, стояли друг против друга.

— Этого не произойдет никогда, и ты знаешь об этом. Деспотия Многорогого обречена на неудачу. А сородичи идут за тобой лишь из-за безволия, что порождает сила подземелий. Но она лишила воли и тебя.

Заргул расхохотался, уперев руки в бока:

— Как же вы все малодушны. Подземелья Азрога открывают глубинную силу в каждом, кто отважится принять их дар. Но люди, как и остальные народы Ранкора, слишком ограничены, чтобы оценить по достоинству возможности, предложенные судьбой моему народу. Из этого следует одно — вы созданы, чтобы жить под нашим началом. Лишь мудрость народа подземелий и железная рука его вождя смогут навести порядок среди вас.

— Твои слова очередной раз доказывают, что Азрогова скверна помутила рассудок славного народа, — сказал Алагар, — народы Ранкора готовы принять в свою семью и твой народ, забыв причиненные тобой страдания, мы могли бы сосуществовать в мире, но это невозможно, пока ими правит император-деспот. Взывать к голосу разума в тебе бессмысленно — слишком глубоко отравлен твой разум силами подземелий и их демонами. Но я помогу тебе очиститься, — разумеется, процесс очищения предполагал собой смерть носителя подземной скверны.

Заргул скривился в насмешливом оскале, вздернув точеный подбородок:

— Ты мне нравишься, Алагар, из тебя бы выше толковый фаворит. В тебе есть сила духа, бескомпромиссность и идейность, только выбрал ты не ту сторону. Лучше сдайся и покорись — против меня у тебя нет шансов.

Маг взялся за черный посох обеими руками, выставив яйцевидный кристалл перед собой:

— Победа или поражение не имеет значения. На моей стороне правда. Этого уже достаточно, чтобы не отступать.

— Да будет так, — изрек Заргул, разведя руки в стороны, — если ты хочешь повторить судьбу своего учителя, я не возражаю.

Кристалл на посохе Алагара заискрился алым светом, одетый в обноски чародей шагнул по узкому настенному проходу. Из его магического проводника вырвалась шаровая молния, размерами с валуны, которыми заряжали катапульти. Искрящийся шар электричества бил молниями во все стороны и со скоростью света летел в сторону Заргула. Император слабо смеялся, он принял атаку на руки, поймав молнию, словно мяч, после чего из его алых ладоней сорвались два электрических разряда, точно бросившиеся кобры, они бы порвали Алагара на части, но лишь врезались в глыбу, которую Алагар силой телекинеза и резким взмахом посоха отломал от части стены за проломом и запустил перед собой. Молнии врезались в обломок, разнеся его в каменное крошево, но атака была заблокирована. Йоши-Року когда-то учил, что в бою, если силы неравны, сильное преимущество дает перехват инициативы. Алагар последовал совету покойного мастера, он дернул посох вперед, перед наверхом закрутился воздух, превратившись в ветряной порыв, в котором закрутился вихрь. Ветряные лезвия смерча, созданного колдовством Алагара, секли каменное покрытие настенной дороги, устремившись в сторону императора подземелий, рассекающие пространство вихревые клинки его превратили бы его в тонко нарезанное мясо, но Заргулу оказалось достаточно выбросить руку над головой, чтобы создать незримую защитную стену, которая тут же взорвалась от столкновения с вихрем. Сила взрыва заставила Алагара

покачнуться и отступить на шаг.

— Сколько бы ты ни атаковал, все потуги бессмысленны, — говорил Заргул, — я бессмертен, в отличие от тебя.

Император выпустил длинную очередь из разрывающих материальное пространство энергетических сфер алого цвета, созданных из магического источника в недрах подземелий Азрога. Магический щит Алагара трещал под ударами взрывающихся при столкновении искрящихся сфер, сыпался на исчезающие осколки. Сжав зубы, Алагар влил в щит больше энергии, но безрезультатно — он треснул, мгновенно растворившись, но все же героя Ранкора спасла быстрота реакции — его кристалл впитал в себя последнюю сферу, сконцентрировал ее на вершине яйца, после чего алый луч, сотканный из темной магической чакры, был направлен в грудь Заргула. Император ответил таким же импульсом темной силы, при столкновении лучи скопили посередине сгусток алого света, который образовал мощный взрыв.

— Какой примитив, — ядовито усмехнулся Заргул, — и это все, что ты можешь?

Не проронив ни слова, Алагар воздел посох к небосводу, после чего перед ним образовалось порождение огненной стихии — демон-ифрит, ног у которого не было, вместо них были одни всполохи пламени, алый же торс, пронизанный огненными жилами, источал горящий ореол, а вокруг головы исходили языки пламени, точно от свечного фитиля. Ифрит взревел и бросился в стремительный полет в сторону Заргула. Император усмехнулся — игра с созданием существ стихийного происхождения его забавляла.

— Петушинные бои решил устроить, значит, — прокомментировал Многорогой.

Заргул простер руки в стороны, из его ладоней вырвались порывы ледяного ветра, в несколько секунд из ветрила, точно из строительного материала, был слеплен двуногий ледяной голем, иглы из головы которого, похожие на сталагмиты, были устремлены вверх. Элементали встретились в жестокой схватке, молотили друг друга, пытались бороться, скинуть врага со стены, вода гасила огонь, а жар ифрита плавил лед. Все же ифрит одержал победу, жестким ударом в корпус он раздробил его на осколки льда, рванул к Заргулу, но тот одной молнией оставил от огненного демона не больше горсти пепла.

— Я ждал чего-то большего после стольких лет, — с презрением проговорил Заргул.

Император Азрога, утративший к бою интерес, решил не тянуть и прикончить врага. Нескончаемый поток молний врезался в наскоро сотканный защитный экран Алагара, молнии рвали незримую защиту, когда же экран не выдержал, отступник подземной империи перенаправил одну из молний, многократно усилив ее, но Заргул лишь пропустил ее через себя, разряды проходили по всему телу императора, но быстро угасли. Многорогой дал залп сгустков скверны, накаленных огненной силой, они не только разъедали плоть, но и жгли ее, защитный экран Алагара не выдержал, красноволосому магу пришлось вырвать из стены перед собой кусок, обратив его в щит, но очередь плевков скверны быстро обратила его в пыль, один из сгустков все же угодил Алагару в плечо. Болезненно скривившись, он остался на ногах, хотя обожженная и пораженная ядом плоть пузырилась и пульсировала нестерпимой болью. Алагар попытался ответить нестройным залпом взрывных энергетических шаров, которые по круговой траектории летели в императора, но Заргул создал защитный экран и выбросил его, заставив мгновенно расшириться, сферы лишь разбились от него, безнадежно угасая. Заргул выпустил молнию с двух рук, которая разбила щит Алагара и заставила его свалиться на спину. Красноволосый маг, преодолевая боль, поднялся. Заргул от души наслаждался происходящим.

— А с Йоши-Року было не так просто, — глумился Заргул, — он явно не всему тебя обучил.

Двое магов, черпающих силу в подземельях Азрога, вот только один был в разы могущественнее другого. Под стеной на относительно безопасном расстоянии давно уже собралась толпа горхолдов, с боязливым интересом наблюдавшая за поединком своего вождя и неизвестного им пришельца. Кто-то стоял молча, во все глаза следя за магической битвой, некоторые прославляли имя Многорогого и его заслуги. Регалии Заргула были неоспоримы для военных, которых в толпе стояло прилично.

Алагар осознал, что для победы стоит перестать сражаться на поле, которое полностью контролировал противник. Силы подземелий были хорошо известны Заргулу, хоть они и извратили его, превратив в жестокого диктатора и врага всего мира, он по праву считался сильнейшим из адептов магии подземелий. Алагару для победы нужно было иное. Он вспомнил, как сказал Юкиаре, что обрел Илгериаса внутри себя. В этом и был ответ. Мысленно он обратился к Создателю. Алагар взялся обеими руками за посох, оперся на него и закрыл глаза. В его воображении сияла ярким светом сфера Арая Илегиаса. Он нашел ответ.

— Решил помолиться перед смертью? — рассмеялся Заргул, — только не слишком долго — у меня полно забот поважнее, чем убивать тебя.

Алагар чувствовал, как светлая, чистая сила наполняет его. Вера была мостом между ним и высшим началом, просящий да получит, как помнил Алагар из Священного Писания, как было описано в Книге Трех Миров. Светлая сила переполняла его, Алагару казалось будто он обрел невесомость и воспарил, и сейчас пролетает где-то высоко, над облаками. Но смертное тело не способно выдержать такой прилив магической силы. Его скрутила сильнейшая боль, хоть муки и не отразились на каменно-спокойном лице Алагара, слепящее сияние вокруг Алагара жгло его кожу, плоть, но он твердо стоял на ногах. Чародей попробовал сфокусировать силу в посохе, но атрибут разлетелся на куски — разумеется, столь примитивный инструмент не был рассчитан на такую мощь. Оставалось одно — сделать проводником самого себя. Пусть и хватит его только на одну атаку, одного удара должно быть достаточно, чтобы сразить Заргула и покончить с войной.

Он направил руки одну против другой, собирая силу в сфере белого света меж ними. Тело Алагара окутало не только сияние, но и языки пламени — он заживо горел. Оглушительный крик боли и ярости, выстрел потока чистой магии, идущей от Создателя. Заргул попытался ответить сфокусированной в луче энергией подземелий, но сила Илгериаса ее развеивала, неумолимо приближаясь к цели. И в этот момент начала рушиться крепость Азарельда, в ту самую секунду Юкиара разрушила источник силы и бессмертия Многорогого. Император ощутил это, понял, что теперь плоть его смертна, а приближающееся воздаяние за грехи было неотвратимо. Ропот среди горхолдов, глядевших то на обваливающийся форт и летящих с рушащегося моста солдат в пропасть на проигрывающего правителя, был заглушаем грохотом камней, криками умирающих солдат и предсмертными возгласами их вождя.

— Я хотел блага для своего народа! Для мира! Я строил будущее! Я — император Азрога! Я...

Луч света пробил Заргулу грудь, прожег в ней зияющую дыру, после чего мгновенно погас, а сияние вокруг Алагара развеялось, оставив только огонь, доедающий остатки плоти на его скелете. Сгоревший труп Алагара, на котором не осталось ни волос, ни одежды, лишь

горелое мясо на просвечивающих костях, упал на колени, а затем Алагар распластался на стене. От Заргула ничего не осталось — сила Илгериаса его испепелила. Так в одно время погибли Юкиара, Глодрик и Алагар — храбрая и чистосердечная девушка, верный долгу перед родиной старый воин и нашедший искупление прегрешениям маг, достойных людей, отдавших жизни ради спасения Ранкора. А народ Азрога в один день утратил вождя и обрел свободу.

Эпилог: «Белый флаг»

В Азроге Арстель пробыл недолго. Горхолды быстро отошли от потрясения, вызванного гибелью непобедимого, как им казалось, вождя, безусловное властвование которого было условием, что само по себе разумеющееся. Однако Хейларг беспорядка не допустил, маг быстро взял командование над солдатами, которые построили толпу, а затем объявил о праве народа горхолдов избрать нового вождя. Разумеется, выбор пал на Архимага, поскольку никого могущественнее и более преисполненного мудрости в царстве над подземным городом не осталось. Архимаг, а теперь и вождь красноголовых, распорядился снарядить делегацию к стене Вархула — выбрал для этого с сотню легионеров, но заставил их разоружиться, отбросить доспехи, оставив лишь черные плащи с эмблемой Азрога на груди. Было задумано так, что поведет колонну вместе с Хейларгом Арстель. Сапожник, повидавший слишком много смертей за последнее время, увидевший долгожданную гибель главного врага, повидав город, был мучим давящей скорбью от осознания, в какой иллюзии жили горхолды все это время. В каменных домах формы параллелепипеда с плоскими кирпичными крышами, в которых жили горхолды, а самые нищие ютились в каменных округлых строениях, напоминавших юрты, не было ничего, кроме одежды, еды и обязательного атрибута — гобелена с изображением Заргула, сидящего на троне, точнее, небрежно развалившегося в нем, или гравировки на стене с Многорогом, возвышавшимся над рядом щупальцеголовых копейщиков. Поклонение вождю, едва ли не молитвы на его образ были практически единственным видом времяпрепровождения народа Азрога помимо тяжелой работы на благо империи, за которую наградой была лишь скудная кормежка и пустые увещевания, что Хранитель подземелий видит и ценит по достоинству старания каждого. Теперь же с этим было покончено. Горхолды с облегчением восприняли весть о смерти узурпатора, все флаги и полотна с картинами вождя были сожжены в ближайшие часы. Правда, центральная крепость была разрушена, погибли многие сыны этого несчастного рода, но такова была цена победы. Азрог сделал первый шаг к новой жизни, в которой ему придется слиться с внешним миром.

Делегация вышла из Драконовых Гор и, делая короткие остановки, продвигалась к границе Союза. По пути к ним присоединялись отколовшиеся от разбитого войска Заргула воины, которые с ликованием воспринимали весть о кончине вождя, приносившего лишь одни бедствия. Солдаты радостно бросали оружие и доспехи и шли за колонной, возглавляемой новоизбранным лидером своего народа и человеком. Когда они подошли к стене спустя два дня похода, в течение которого Арстель описывал им мир, который проигравшей нации предстояло познать, часовые поначалу заняли бойницы и взвели арбалеты, но, разглядев Арстеля среди них, стрелки в растерянности переглядывались. Азилур, придворный чародей короля и теперь уже Пятый Архимаг, заподозрил вражескую уловку. Арстель во главе колонны шел с белым флагом в руках, белоснежная ткань трепетала на ветру подобно сердцам горхолдов, боявшихся, что их ждет судьба изгоев в новом мире.

— Отворите ворота! — поднял выше флаг Арстель, — Заргула больше нет! Он мертв!

— Многогогий повержен! — прокричал Хейларг.

Горхолды вторили им, разнося весть о смерти императора Азрога, Заргула Многорогого, защитники крепости не верили своим глазам — многие узнали Арстеля среди подошедшей к

крепости группе, но весть о том, что война окончилась, повергла большинство в иступление.

— Опустите подъемный мост! — скомандовал Эрлинггай Четвертый, великий самодержец Союза, — войне пришел конец! Наша взяла!

И ворота опустили, после чего на равнинные просторы у пограничной стены повалили люди, хаглорианцы, дети древнего леса, равшары, выросшие в пустынных краях, где их сородичи без устали резали друг друга, скиарлы, выходцы с побережья, покорители морских просторов, флорскелы, зодчие Звездного Града, красивейшего города, расположенного на вершинах Пятиконечной Скалы. Все народы Ранкора с полными радости криками высypпали на голую равнину, поросшую редкой травой, еще так недавно щедро политую кровью сражавшихся и краснокожие смешались со всеми остальными жителями этого мира. А затем Арстель оказался над толпой — его несли на руках внутрь стены, куда все народы заходили вместе с недавними врагами, ставшими теперь полноправными членами альянса народов. Братского Союза, который образовался благодаря вторжению Заргула и его захватнической кампании.

Арстеля же вносили во внутренний город не за его заслуги, хотя он честно исполнял свой долг, в меру своих возможностей работая на общую победу. Он стал символом победы как обычный ремесленник, солдат, житель Союза, столь близкий всем тем, которых унесла тысячами война. Это был собирательный образ человека, защищавшего мир. Арстель же хоть и присоединился к радостному гомону и вскинул руки над головой, все же с нетерпением ждал, когда его опустят на землю.

Эрлинггай и Азилур, король и придворный маг стояли на башне возле арочного проема, в котором располагался мост, взирая на то, как смешавшиеся, слившиеся воедино представители всех родов Ранкора вносят сапожника в город.

— И сколько отдали жизни за то, чтобы мы это видели, Ваше Величество, — сказал Азилур, — всех и не перечислишь.

Эрлинггай облокотился на парапет и с облегченной улыбкой смотрел в счастливые лица заполнившей город толпы.

— Главное, что оно того стоило, — ответил король.

А когда кончилось победное торжество, в истории Ранкора началась новая эпоха.

Больше книг на сайте - Knigoed.net